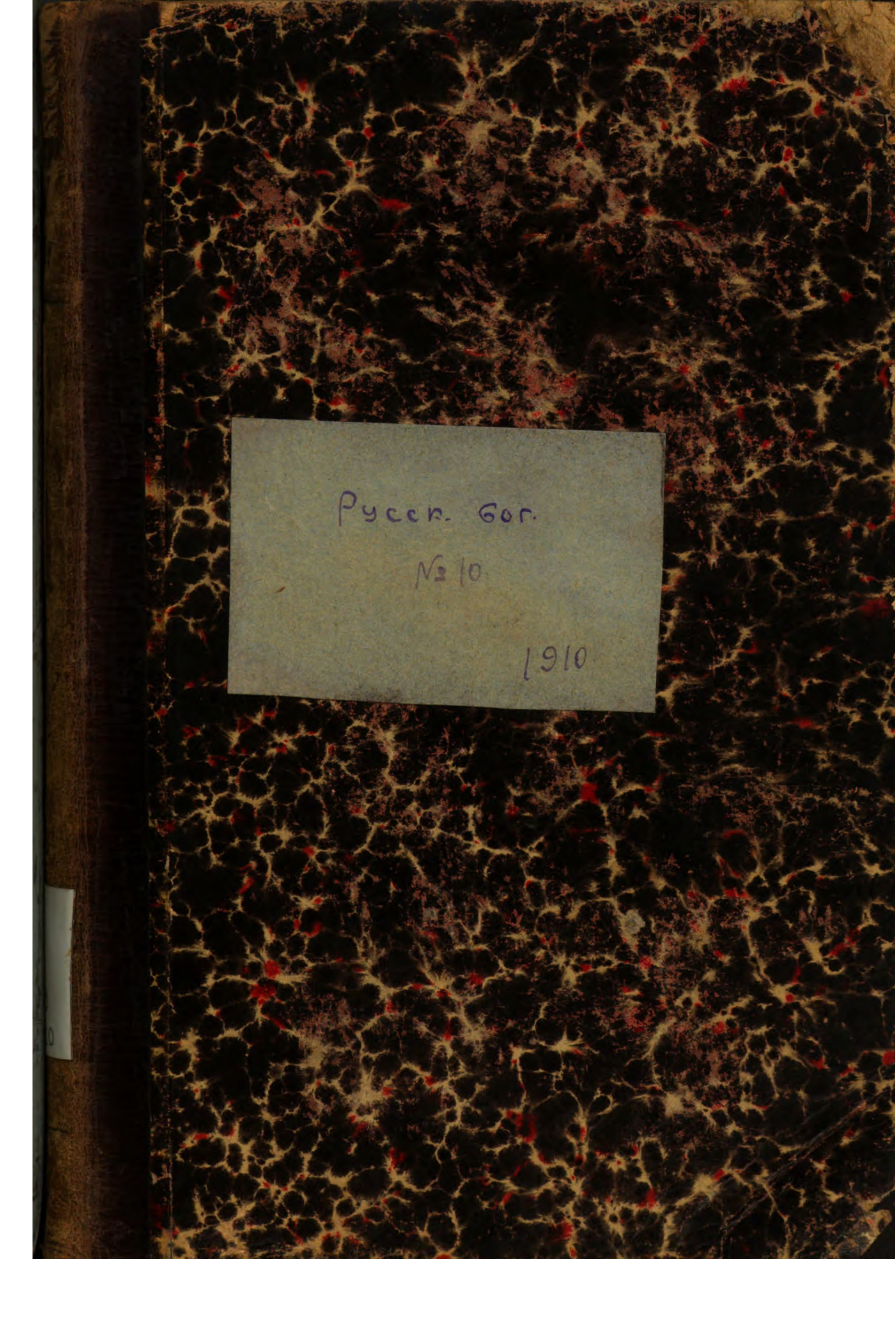
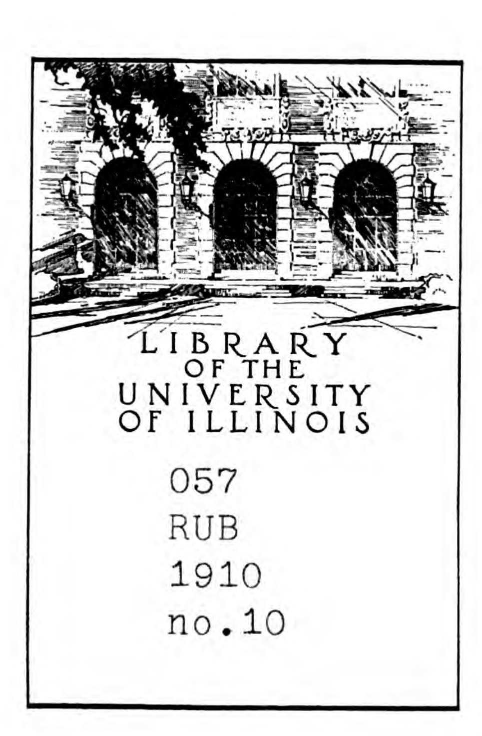
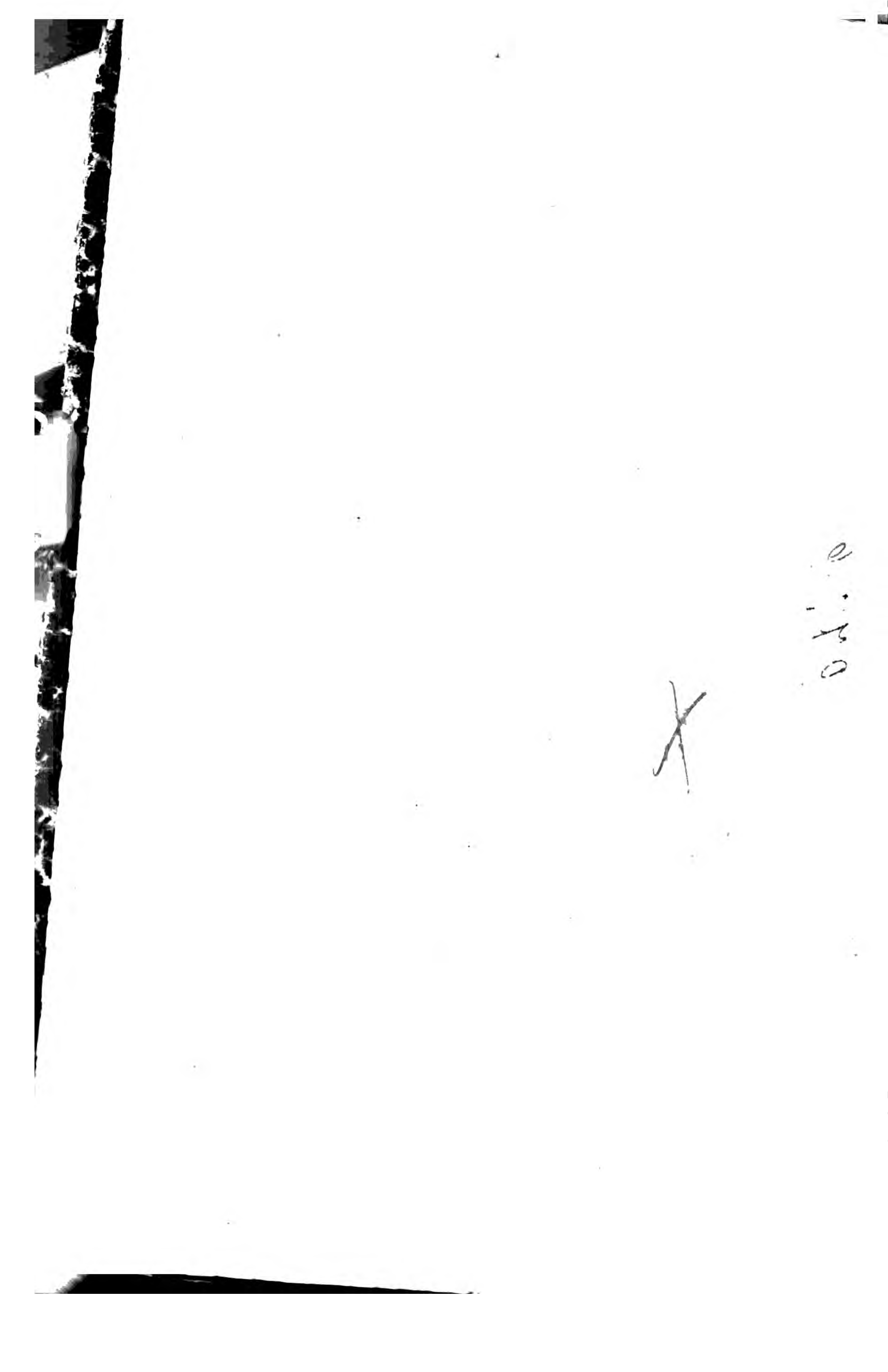


Русск. бог.
№ 10
1910





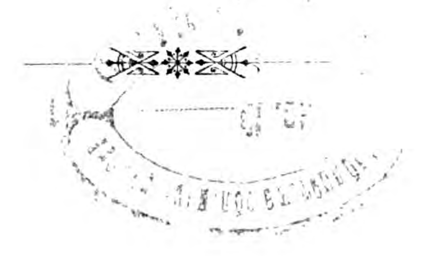
ОКТЯБРЬ. 1910.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 10.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34
1910.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*)

СЕМЕЙНОЕ ТОРЖЕСТВО.

I.

Агапъ свернулъ съ дороги и, впотьмахъ не попавъ на тропинку, полѣзъ прямо по снѣгу, „цѣликомъ“, къ своей избѣ.

Изба стояла съ краю деревни, правой стороной въ поле, откуда дуло и мело снѣгомъ, нагоняя его и къ избѣ, и къ плетню, и къ шалашкѣ съ дровами.

Въ окнахъ не было свѣта.

Деревня спала... Въ темнотѣ смутно, уродливо чернѣли избы, и все было тихо, печально, мертво...

— Спятъ,—сказалъ Агапъ, добравшись до крылечка,—и собака, сволочь, спитъ... забралась, чай, куды-нибудь на дворъ, по-о-длая!.. Погоди, я вотъ тебѣ ужо хвостъ отмахну топоромъ, небось злѣе будешь... Эй! — сердито крикнулъ онъ и застучалъ въ дверь кольцомъ.—Заснули?.. Отворяйте. Мерзни здѣсь на улицѣ изъ-за васъ...

— Кто тутатко?—раздался по ту сторону двери съ мосту бабій голосъ.—Ты, что-ль, Агапъ?..

— Я!.. не узнала со сна-то... Спите—царь денежекъ пришлетъ!

Дверь открылась. Агапъ вошелъ въ темныя сѣнцы на мостъ и сталъ околачивать объ стѣну съ валенковъ снѣгъ.

— Ты потише,—сказала баба,—сейчасъ, вотъ только тебѣ придти, угомонила молодая Ваньку... Оралъ, оралъ—смерть, всю душу вымоталъ... Спокою отъ него нѣту ни днемъ, ни ночью...

— Что-жъ мнѣ теперича не дышать изъ-за него?—сказалъ Агапъ.—Дерьмо!.. подыхалъ-бы скорѣй!.. Корми васъ!.. Отецъ-то, вонъ, ни фига не далъ...

Отворивъ дверь, онъ пропустилъ сперва бабу, потомъ вошелъ въ избу, плотно и шибко прихлопнувъ за собой тяжелую, покрытую слизью, мокрую изнутри, дверь...

II.

Въ избѣ было темно и душно. Баба зажгла лампочку. Агапъ прошелъ къ столу отъ порога, какъ былъ въ полушубкѣ и въ валенкахъ, и сѣлъ на скамью.

Дарья, жена его, высокая, беременная, съ огромнымъ животомъ и съ огромными глазами на худомъ темномъ лицѣ, въ одной грязной короткой рубахѣ, босая, съ повойникомъ на головѣ, стала около стола и, вопросительно глядя на мужа, ждала, что онъ скажетъ.

Онъ молчалъ и, сердито хмуря густыя черныя брови, вертѣлъ папироску изъ лоскутка газетной бумаги толстыми и еще не совсѣмъ отошедшими отъ холода пальцами.

— Попусту, знать, а?—тихо спросила жена.

— Небось, видишь, —нехотя и съ сердцемъ отвѣтилъ мужъ.—Чего ужъ!..

— Такъ какъ-же теперича, а?

— Какъ хошь!

— Ахъ ты, Господи, батюшка! — тихонько, помолчавъ, воскликнула баба: — вотъ наказанье-то Господне!.. Николи мы, сколько я вотъ себя помню, такъ и не живали... Куска нѣту, а? Чѣмъ же мы станемъ этихъ-то вонъ кормить?.. Вонъ ихъ сколько... какъ чурки... шагнуть некуда...

Дѣйствительно, на полу, начиная отъ входной двери, вплоть до передняго угла, гдѣ стоялъ столъ, все было занято спящими.

Ближе къ переднему углу, на соломѣ и на какихъ-то дерюжинахъ, валялись дѣти самого Агапа, а налѣво, около самой двери, лежала, закутавшись съ головой, „молодая", жена его старшаго сына съ груднымъ, только передъ его приходомъ угомонившимся ребенкомъ. Она не спала. На печи тоже не спалъ лѣтъ подъ 90 „дѣдушка", — отецъ Агапа, весь бѣлый, высохшій, но еще сохранившій зубы и слухъ.

Изба была старая, большая, съ низкимъ потолкомъ, почернѣвшимъ и закоптѣлымъ; огромная печка, кладенная не съ земли, а съ опечка, осѣла впередъ челомъ и стояла, словно старуха, наклонившаяся къ попу подъ благословеніе... Тамъ, гдѣ лазили на печку, сбоку была устроена для спанья узенькая, на колышкахъ, „казенка", и на ней валялась сбитая въ кучу грязная рвань, служившая подстилкой...

Воздухъ въ избѣ стоялъ удушливый... Лампочка съ матовымъ нечищеннымъ „пузыремъ" свѣтила тускло, и свѣтъ

ея не веселилъ, а придавалъ избѣ печальный, какъ-бы, испуганный видъ...

— Такъ какъ-же,—снова повторила Дарья,—аль по міру идти?.. суму надѣвать?

— Надѣнешь,—отвѣтилъ угрюмо Агапъ,—невелика барыня-то... почище насъ ходятъ... захочешь папы—протянешь лапы...

— Что-жъ онъ, по крайности, говоритъ-то?—опять спросила баба.

— Чего говоритъ?.. Нѣту, да и все... Шутъ его знаетъ—вретъ ли, взаправду ли... Говоритъ: работы у хозяина нѣту.

— Такъ и гостинцевъ никакихъ не далъ?

— Стало быть!.. Чего пристала?

— Ловко!—усмѣхнулась баба, кривя посинѣвшія тонкія губы.—Ай да сынокъ! тятя дѣтямъ!.. Молодай, а молодай!—крикнула она, обернувшись къ двери, туда, гдѣ лежала молодая.

— Н-ну?—раздалось изъ-подъ дерюжины.

— Слышишь?..

— Слышу... не глухая... Стало быть, взаправду нѣту, а то бы все сколько-нибудь далъ...

— А что жрать-то, а?

Молодая промолчала. Агапъ поднялся и началъ стаскивать съ себя полушубокъ. На печкѣ завозился дѣдъ и вдругъ, высунувъ оттуда бѣлую всклокоченную голову, громко, почти крича, сказалъ:

— Сколько годовъ на свѣтѣ живу, а такого хлѣбушка, какъ теперича, не ѣдалъ... бѣлый, вкусный... гоже, голова!..

Онъ засмѣялся и, наклонивъ голову на бокъ, глядѣлъ на Агапа.

— А помнишь, Агапъ,—заговорилъ онъ,—аль позабылъ, какъ мы допрежь ѣли, а?.. Чернѣй грязи, да за то онъ у насъ, батюшка, не переводился... завси былъ... по семи цѣлковыхъ за мѣшокъ не плачивали... нѣ-ѣ-тъ, шалишь! „Земля, ишь, не родитъ“... А допрежь почему родила, а?.. Сволочи вы, вотъ что!.. Бога вы забыли, сволочи... тьфу, черти, не къ ночи будь сказано!.. Сукины дѣти!..

Агапъ молчалъ и, сердито хмурясь, дѣлалъ дрожащими пальцами новую папироску.

— Куды ужъ вамъ,—продолжалъ старикъ,—хозяйствомъ править?.. Куды вы годны?.. Чаи, самовары, табачекъ, водочка... на это вы мастера!.. Удавить бы васъ, гляжу я, всѣхъ-то, сукиныхъ сыновъ, перестрѣлять мошенниковъ!..

— Будетъ тебѣ, тятька,—сказалъ, махнувъ рукой, Агапъ,— меня и безъ тебя нонѣ двадцать собакъ облаяли...

— Не трожь его,—вступилась Дарья,—кобель вѣдь это у

насъ борзой на цѣпи сидитъ, день и ночь тявкаетъ... пустолай!.. Подыхать пора, а онъ—ни стыда въ немъ, ни совѣсти... живетъ, хлѣбъ жретъ... Молодые, вонъ, мрутъ, послушаешь, а этотъ, песъ его знаетъ, какъ желѣзный, и ничѣмъ ты его не проймешь... лежитъ да лается... надоѣлъ пуще горькой рѣдьки!

— Дура!—выслушавъ её, произнесъ нисколько, повидимому, не обидѣвшійся старикъ.—Кукушка.. зачиркала языкомъ-то... заплевала... Умру, кто меня таматко чаемъ-то поить станетъ, а? хы, хы, хы? Таматко чаю-то нѣту...

— Гаси, Дарья, свѣтъ,—не слушая его, сердито сказалъ Агапъ,—спать... неча языками-то трепать, день на то придетъ... Гаси!

Онъ раздѣлся, снялъ валенки, подалъ ихъ женѣ, сказавъ: „брось въ печку просохнуть“, помолился, торопливо и часто крестясь въ темный уголъ, гдѣ висѣли „бога“, и, подойдя къ печи, легъ на казенку.

Дарья сунула валенки въ печку и, притушивъ лампочку, легла на полъ къ дѣтямъ.

— О, Господи, батюшка!—сказала она еще.—Что-жъ теперича, а?

Никто не отвѣтилъ. Всѣ не спали, и всѣ какъ будто чего то ждали, напряженно и боязно...

III.

Поутру поднялись „чѣмъ свѣтъ“ съ огнемъ... Дарья затопила печку и стала что-то „готовить“ къ завтраку. На печи то и дѣло кашлялъ дѣдъ и, откашлянувъ мокроту, харкалъ тамъ же въ уголъ.

Агапъ лежалъ на казенкѣ навзничь, глядѣлъ въ черный потолокъ и вспоминалъ о томъ, какъ онъ вчера ходилъ въ городъ къ сыну просить деньжонокъ... Какъ сидѣли они съ нимъ въ трактирѣ, пили чай, и какъ обоимъ было тяжело, неловко, совѣстно и совсѣмъ не о чемъ говорить другъ съ другомъ...

— Вотъ тебѣ и деньги,—прошепталъ про себя Агапъ слушая надъ головой кашель дѣда.—Бѣда, хлѣба нѣту... ничего нѣту, а тутъ вонъ скоро крестины... то, се... расходъ лишній...

Въ углу у порога, гдѣ лежала молодая, закричалъ вдругъ пронзительно, громко и жалобно ребенокъ.

Молодая откинула дерюжину, сѣла на скамью, взяла на руки ребенка и, вываливъ одну грудь, начала тыкать ему соскомъ въ ротъ... Ребенокъ не бралъ и, закатившись, весь

красный, дрыгая ножонками, кричалъ пронзительно и жалобно, такъ, что звенѣло въ ушахъ.

— На, на, притка тебя задави!—злобно скашивая въ сторону тонкія губы и ощеривая зубы, говорила она, тыча соскомъ.—А что-бъ тебя черти взяли! Вотъ наказанье-то Господнее... ни дня-то, ни ночи спокою нѣту... съ рукъ не идетъ, му-у-у-читель!

— Грыжа у него, знать,—сказалъ Агапъ,—вотъ онъ и верещитъ къ погодѣ.. Ты бы въ Капустино сходила съ нимъ къ баушкѣ...

— Такой ужъ горлопанъ зародился, — отозвалась отъ печки Дарья,—весь въ мать: така же, знать, глотка-то, ширше воротъ...

— Погоди, увидимъ скоро, какой у тебя будетъ, — поднявъ глаза отъ ребенка и метнувъ ими къ печи, гдѣ копошилась Дарья, сказала молодая,—посмотримъ...

— Что ты меня коришь то,—закричала Дарья, выглянувъ изъ-за угла печки.—Нешто я причинна?.. У меня, чай, мужъ есть... Чего ты окрысилась-то? Я не въ укоръ тебѣ, а такъ спросту.

— Ну, и я спросту...

— Больно ужъ вы нонѣ стали благородны,—продолжала Дарья,—слова не смѣй сказать, сейчасъ на дыбашки. А мы-то какъ же жили, а? Бывало, свекровь-то ѣстъ, ѣстъ тебя, жуетъ, жуетъ съ утра до ночи, а ты молчишь, слова насупротивъ сказать не смѣешь...

— Мало что бывало... мы не видали... было да ѣхало...

— То-то ѣхало... А ты свой языкъ сокращать должна... Шустра больно...

— Полно вамъ... запѣли панафиду ни свѣтъ, ни заря,— сказалъ, перевернувшись на бокъ въ ихъ сторону, Агапъ,— разводите самоваръ... ребята сейчасъ встанутъ... чаемъ ихъ поить, въ училища сряжаться.

— А ты что не встаешь?.. Вставай,—сказала Дарья,— пошелъ бы, далъ скотинѣ...

— Да рано... успѣю...

— Какъ ни какъ, а жеребенка продавать не миновать,— сказала Дарья,—жрать-то что-нибудь надыть... Камень глодать не станешь... въ лѣвую не возьмешь...

Агапъ промолчалъ.

— Батюшка, ну, какъ мужъ-то таматко... ай безъ дѣловъ треплется?—спросила у него молодая, потихоньку укачивая затихшаго ребенка.—Неужли никакого гостинца не прислалъ?

— Рожна онъ тебѣ прислалъ,—сказалъ Агапъ, сплевывая на полъ,—гдѣ ему взять-то? Самъ ходитъ, день не ѣмши да два такъ... Дѣловъ у хозяина нѣту, фабрика вонъ встала,

баютъ, на три мѣсяца... бѣда, истинный Господы!.. Сказывалъ: „домой приду“.

— Что дома-то... у чего дома-то жить? — вступилась въ разговоръ Дарья.—Печку гладить?..

— Въ рощу, можетъ, станетъ ходить,—отвѣтилъ Агапъ.

— А гдѣ онѣ, рощи-то?.. Каки теперича тебѣ рощи? Снѣгу по уши, а онъ рощи!—Да что ужъ,—воскликнула она, помолчавъ,—не минуешь скотину со двора тащить! Вотъ весна подойдетъ... сѣяться надо, а сѣмянъ нѣту... у Савки въ лавкѣ... Обносились всѣ... рубашонки, скажи, лишней нѣту... смѣниться не во что... поглядикась, на мнѣ рубашка-то... огню присѣчь... одни узлы...

— Ну, гдѣ-жъ я тебѣ возьму?—выслушавъ ее, сказалъ Агапъ.—На вотъ меня, зарѣжь!.. На...

Онъ замолчалъ и сѣлъ, свѣсивъ ноги.

На печи закашлялъ дѣдъ, захаркалъ, завозился и вдругъ, нарушая неожиданно странно царившую въ избѣ тишину, почти закричалъ опять, какъ и давеча, съ печи:

— Агапъ, а Агапъ!.. Въ трактирѣ-то, небось, вѣдомости читали... Какъ таматко, не слыхать, Дума-то?

— А ну тебя съ Думой-то!—махнувъ рукой, точно отгоняя комара, произнесъ Агапъ.

— Хы, хы, хы! — свѣсивъ голову, весело и ехидно засмѣялся старикъ. — Что?.. что, сукины дѣти! Говорилъ я: Думы захотѣли, слободы... вотъ вамъ на, ѣшь!.. хы, хы, хы! Ахъ вы, дуроломы, и уши то у васъ холодныя. Да нешто они свою жисть смѣняютъ на васъ... су-у-у-кины вы дѣти! Жили-бы, какъ мы жили... сыты были... Да погоди, мошенники,—громко воскликнулъ онъ,—погоди, не то будетъ! Помяни мое слово... вотъ какъ они васъ сожмутъ—какъ творогъ: сыворотка потечетъ... Такъ вамъ и надыть!.. Такъ вамъ, сукинымъ сынамъ, и надыть!

— Чего ты лаешься-то, волкъ старый!—крикнула отъ печи Дарья.—Чего ты каркаешь-то?.. И что живетъ и зачѣмъ живетъ,—разводя руками и точно обращаясь къ кому-то, продолжала она,—и черти-то его, прости ты меня, Господи, не возьмутъ!

— Будетъ тебѣ!—махнувъ въ ея сторону рукой, сказалъ Агапъ.

— Да, будетъ... будетъ!—закричала вдругъ Дарья пронзительно, со слезами въ голосѣ.—Хорошо тебѣ говорить-то... кабы тебя на мое мѣсто... Что я—ай каторжная далась вамъ... мочалка я вамъ, помыкать-то мной, а?—Она вдругъ заплакала и швырнула въ уголъ ухватъ. — Стыды головушки! у дѣтей дѣти... противу молодой вонъ стыдно... коритъ то и дѣло... Тебѣ что, къ тебѣ не пристанетъ... Жрать нечего,

суму надѣвай, по міру иди, а его, кобеля, жиръ точитъ... Дьяволъ гладкій; притка тебя расшиби... зачѣмъ мою жисть загрызъ? Кабы я въ дѣвкахъ-то жила теперича, а? цвѣла-бы, какъ макъ алый... Кабы знала—въ дѣвкахъ бы семерыхъ родила, чѣмъ на эту муку идти... Поглядѣть вонъ, люди то живутъ, радуются... Праздничекъ ли Христовъ придетъ, гости ли, все у нихъ есть... обуться, одѣться... въ храмъ ли выйдти—любо посмотрѣть! А мы что, живемъ не люди и умремъ не родители... въ храмъ Господній и то не въ чемъ выйти... Вонъ, надысь, къ празднику Лизаветинъ Петька изъ Москвы пришелъ... любо-дорого... сапоги новые, пальто новое, брюки новыя, калоши новыя, часы, при сорочкѣ, денегъ принесъ, фунтъ чаю, сахару... А у насъ что живетъ? Куда годенъ? Вотъ только и гораздъ, только ему и заботушки вѣдомости читать: уткнетъ рыло-то, оглохнетъ... хоть ты въ тѣ поры изъ пушекъ пали надъ нимъ, ему всё одно... Тьфу, притка васъ расшиби! Народила мама, да не приняла яма...

— Ну, пошла—поѣхала... та, та, та! та, та, та... шарманка!—воскликнулъ Агапъ, соскакивая съ казенки.—Гдѣ сапоги-то?.. сапоги-то гдѣ, говорю?.. Чортъ не нашего царя, дамъ вотъ въ рыло—будешь знать!..

— Дай! ну, дай! ну, дай! дай, дай!—завизжала Дарья.—Разбойникъ... Иродъ-царь... дай...

Агапъ поспѣшно обулся, надѣлъ полушубокъ и, выругавшись, вышелъ, хлопнувъ дверью.

IV.

На дворѣ было темно и пахло навозомъ... Въ темнотѣ слышно было, какъ фыркала лошадь и шумно вздыхала корова... Наверху, гдѣ-то подъ самой крышей, потихоньку „шепоткомъ" переговаривались перезябшія куры... Небольшая собаченка выскочила откуда-то и, повизгивая, начала тереться Агапу объ ноги... Онъ злобно крикнулъ на нее, ударилъ ногой и вышелъ, отворивъ дверь, на крыльцо...

Начинало разсвѣтать... Гдѣ-то уже топилась печка и пахло горькимъ дымомъ отъ осиновыхъ дровъ.

Ночью, подъ утро, шла погода. Теперь перестала. Сдѣлалось мягко и тепло... На востокѣ по небу протянулась узенькая блѣдно-розовая полоса зари, и на эту полосу надвигалась съ запада сѣрая туча, точно растопырившая туманные пальцы кикимора...

На другомъ концѣ деревни, въ крайнемъ дворѣ, закричалъ пѣтухъ.

Подождавъ немного и не слыша отвѣтнаго крику, закричалъ еще шибче, точно выговаривая: „Эй вы, спите!"... На этотъ разъ ему сейчасъ же откликнулся другой съ сосѣдняго двора, за нимъ третій и такъ далѣе, по порядку вплоть до крайней Агаповой избы, гдѣ крикъ этотъ прекратился, и на улицѣ снова стало тоскливо и мертвенно-тихо...

Агапъ пошелъ на дворъ, нащупалъ въ потемкахъ кошель и, полуотворивъ одну половинку воротъ, отправился съ этимъ кошелемъ по тропинкѣ за сѣномъ въ сарай, стоявшій на усадьбѣ.

Около сарая сильно надуло, и Агапъ долго копался у воротъ, отчищая и обтаптывая валенками снѣгъ.

Сѣна въ сараѣ было немного, и Агапъ зналъ, что ему не хватитъ; весной, какъ ни какъ, а придется покупать...

— Эхъ!—произнесъ онъ съ тоской,—ломаешь, ломаешь, какъ чортъ, прости, Господи, какой, а всё ничего нѣту.... Тьфу, провались ты и съ жизнью-то съ этой!

Онъ плотно набилъ кошель, взвалилъ его на спину и потащилъ ко двору.

Скотина уже поджидала хозяина, и когда онъ вошелъ во дворъ, корова тихо и жалобно замычала, точно выговаривала, прося: да-а-ай, да-а-ай!.

— Рожна тебѣ!—сказалъ Агапъ.—Сѣна захотѣла... ахъ ты, шкура! доить тебя нѣту... жрать только... Съ коихъ поръ запустили... „Причинаетъ... скоро отелиться должна"—перемѣнивъ голосъ и передразнивая кого-то, ехидно произнесъ онъ.—Чорта она причинаетъ... второй мѣсяцъ пошелъ—не доитъ... жретъ да валитъ... корми чорта... корова на дворѣ, а вода на столѣ... Продать дьявола, жеребину, на зарѣзъ—болѣ никакихъ!

Говоря это, онъ бросилъ кошель у воротъ и, пройдя къ кормушкѣ, изъ которой ѣла лошадь, выгребъ всѣ оставшіеся тамъ объѣдки, ошурки и бросилъ ихъ черезъ прясла туда, гдѣ стояла корова...

— На, вотъ, жри!—сказалъ онъ.—Соломы еще дамъ... ладно, сойдетъ... не велика барыня-то.

— Ну, а ты что?—совсѣмъ другимъ голосомъ заговорилъ онъ, обращаясь къ лошади.—А, сукинъ ты сынъ, а? жрать захотѣлъ, шельма, а? жрать? на, на... да ужъ на, на!.. Ахъ ты, сукинъ ты сынъ.. ма-а-шенникъ...

Онъ набралъ изъ кошеля сѣна и положилъ въ кормушку. лошадь принялась ѣсть, а Агапъ стоялъ около, гладилъ ее по шеѣ и слушалъ, какъ она жуетъ мягкое, зеленое, душистое сѣно...

Бросивъ небольшую охапку этого же сѣна овцамъ въ омшанникъ, онъ пошелъ опять въ сарай. Набравъ тамъ изъ омета беремя яровой соломы, снесъ его коровѣ и, затворивъ ворота, отправился въ избу.

V.

Здѣсь всѣ уже встали...

Ребята, два сына-подростка, одинъ, кончившій сельскую школу, а другой кончающій, сидѣли за столомъ съ краю подъ лампочкой, и старшій показывалъ младшему,—„дѣлалъ за него“,—на грифельной доскѣ какую то ариѳметическую задачу.

Черноголовая, лѣтъ шести, дѣвочка сидѣла за столомъ насупротивъ ихъ и, облокотившись, зажавъ щеки ладонями рукъ, пристально, не моргая, глядѣла на нихъ большими, удивленными, покрытыми влагой, красивыми глазами...

Молодая сидѣла въ своемъ углу и возилась съ ребенкомъ. Она уже измучилась съ нимъ и, сидя, плакала отъ злости... Ея тонкія, съ опущенными углами, губы пересохли, посинѣли, и она то и дѣло облизывала ихъ языкомъ... Большими и злобными глазами исподлобья глядѣла она на свекровь, копошившуюся около печки.

На печкѣ, свѣсивъ ноги внизъ къ казенкѣ, сидѣлъ дѣдъ и, запустивъ руку за пазуху грязной рубахи, скоблилъ ногтями грудь такъ усердно, какъ иногда кучеръ скребетъ скребницей лошадь.

Сидѣвшіе за столомъ ребята вдругъ заспорили и принялись ругаться.

— Я дѣлать, коли такъ, не стану,—сказалъ старшій.

— Не дѣлай... наплевать!—отвѣтилъ младшій,—и безъ тебя сдѣлаю...

— Чортъ паршивый, молчи ужъ... гляди тутъ, чай, я знаю, надо превратить въ лоты... гляди... помножь... Не знаешь, а тоже суешься...

— Ты много знаешь!

— Побольше твоего.

— Побольше, а самъ двѣ зимы въ первомъ сидѣлъ...

— Молчи, сволочь!

— Самъ сволочь!

— А вотъ тебѣ за это... на, съѣшь!

— А-а-а! а-а-а!—заоралъ младшій, перекосивъ ротъ.— Мамка! мамка! дерется онъ... а-а-а! а-а-а!..

Мальчики готовы были сцѣпиться, но въ это время вошелъ Агапъ, и они сразу притихли...

Агапъ искоса, снимая у порога полушубокъ, посмотрѣлъ на ребятъ и, перекосивъ ротъ, негромко произнесъ:

— Придушу, сво-о-о-лочь!..

Онъ бросилъ полушубокъ на казенку и, подойдя къ столу, сѣлъ на скамейку.

— Что же, самоваръ-то скоро?—спросилъ онъ.

— Поспѣлъ.

— Чего-жъ вы... Молодая, ты бы собрала...

— Да какъ мнѣ собирать-то?—отвѣтила молодая.—Чортъ-то вотъ этотъ, прости ты меня, Господи, съ рукъ не идетъ. У-у-у, дьяволъ тебя накачалъ на мою шею!—злобно, со слезами въ голосѣ, крикнула она и „шваркнула" ребенка въ люльку.—Ори, шутъ съ тобой! Ни дня, ни ночи, ни дня, ни ночи спокою нѣтъ... Тьфу, издохнулъ бы ты!

— Не онъ тебя нашелъ, ты его,—сказалъ Агапъ,—неча лаяться-то!.. Больной онъ у тебя... вотъ и блажитъ... грыжа у него, говорю.

Агапъ замолчалъ. Молодая стала „собирать" на столъ разноцвѣтныя и разнокалиберныя чайныя чашки, вынимая ихъ изъ узенькаго съ дверкой шкафчика, устроеннаго въ углу, около „боговъ"...

— А сахаръ-то опять весь,—сказала она, ставя на столъ жестянку, служившую вмѣсто сахарницы,—останный вотъ здѣся...

— Жорма жрутъ,—сказалъ Агапъ,—не успѣваю покупать...

— Насъ, чай, семь человѣкъ,—крикнула отъ печки Дарья,—по кусочку—семь кусочковъ, а фунтикъ-то возьмешь,—великъ ли онъ, много-ль въ немъ дыханья... два раза попилъ—и нѣтъ его... Да и сахаръ-то какой? До рту не донесъ, а ужъ онъ готовъ, растаялъ, какъ снѣгъ... Бывало, сахаръ-то купишь, какъ кремень, не откусишь, а нонче на обманъ все... Бери иди самоваръ-то...

Агапъ поднялъ съ полу кипѣвшій на всѣхъ парахъ самоваръ и, поставя его на край стола, сказалъ:

— Чаю-то поменьше клади... соды побольше, крѣпче будетъ... Вонъ въ городѣ въ трактирѣ пьешь, пьешь—не сопьешь... все цвѣтъ не теряетъ... а все отъ соды...

— На, заваривай самъ,—сказала молодая, швыряя ему жестяночку съ чаемъ.

— Ну, ну, а ты не лягай пятами-то... ба-а-рыня!.. Что я тебя укусилъ, что ли?

— Да и я ничего... заваривай, молъ, самъ... мнѣ наплевать... чаю вашего не видала?.. Пейте, не подавитесь!..

И, отойдя отъ стола къ люлькѣ, она выхватила изъ нея ребенка и со злостью, прикусивъ нижнюю губу бѣлыми и

острыми, точно у бѣлки, зубами, начала совать ребенку грудь, покраснѣвъ и ругаясь...

— Вотъ сволочь-то!—сказалъ Агапъ, глядя на нее съ удивленіемъ.—Вотъ такъ чортушка, а?

— Съ вами ангелъ чортомъ станетъ, — огрызнулась молодая.

— Агапъ, а Агапъ!—закричалъ опять съ печки дѣдъ.— А помнишь, чай, какъ я твою дуру-то допрежь унималъ, а?.. забылъ? Нука, ты теперь уйми, попробуй... хы, хы, хы! Онъ слово, а она ему десять... Возьми, дуракъ, полѣно да по хребту ее ошарашь... Ихъ ты, дурачина, съ бабами не совладаешь... Куда-жъ ты опосля этого годенъ? Трубу, вонъ, тобой затыкать.. тьфу, сукинъ ты сынъ, ма-а-шенникъ!..

— Молчи, тятька, и безъ тебя тошно.. хоть въ удавку полѣзай...

— Лѣзъ бы,—негромко, но все-таки слышно для всѣхъ, пробурчала молодая и, наклонившись къ ребенку, закричала:—Да когда-жъ ты подохнешь-то, а? Мучитель ты! чего ты орешь-то? чего глотку-то дерешь?..

Она завыла и начала причитать, точно на погостѣ по покойнику, пронзительно, громко, противно и жалобно...

— Тьфу!—плюнулъ со злостью Агапъ и началъ „цыркать" изъ чайника чай по чайнымъ чашкамъ.—Дай хоть хлѣбца-то!—крикнулъ онъ, обращаясь къ женѣ,—какого въ самомъ дѣлѣ чорта! Вчера, почитай, цѣльный день не жравши былъ, спать легъ съ пустымъ брюхомъ, да и нонче тоже.. Лошадь я для васъ, что ли?.. меринъ чалый?..

— А кто-жъ тебѣ не велитъ,—сказала съ ироніей въ голосѣ баба,—ѣлъ бы... колбаски бы принесъ изъ городу-то... Не знаешь, что ли,—добавила она сердито,—гдѣ хлѣбъ лежитъ... Ба-а-ринъ съ Хитрова рынка!

Агапъ, хмурясь, открылъ столъ, вынулъ небольшую краюшку хлѣба и, разрѣзавъ ее на нѣсколько ломтей, положилъ на столъ.

— Жрите!—сказалъ онъ и самъ сталъ ѣсть.

VI.

Съ печки, кряхтя и цѣпляясь босыми ногами о приступки, спустился дѣдъ и, почесавшись какъ-то по-чудному плечами, подошелъ къ столу, какъ былъ—грязный, косматый, и сѣлъ на скамью съ краю.

— Агапъ, — сказалъ онъ,—плесни и мнѣ, малый... Ишь ты,—добавилъ онъ, усмѣхаясь,—не успѣли глазъ продрать—

сейчасъ за чай... а говорите—плохо жить... Плохо ли!.. Любота, истинный Господь!..

— Ты бы хоть рыло-то перекрестилъ,—сказала Дарья,—ста-а-ричокъ! Постыдился бы... али стыдъ не дымъ, глаза не съѣстъ...

— Молись, коли тебѣ охота, а ужъ мы такъ... Такъ, ребята, а? — обратился онъ къ мальчишкамъ-внучатамъ. — Сколько Богу, говорятъ, ни молишься—во святые не попадешь... Помрешь да сгніешь, вотъ те и вся недолга...

— Языкъ-то бы у тебя вывернулся, у стараго пса!.. Чему дѣтей учитъ, а?

— Чего мнѣ ихъ учить... они меня научатъ... Ловки они ноньче пошли... учены, толчены... Гдѣ ужъ намъ!

Старикъ принялся за налитый Агапомъ чай. Въ это время за дверью на мосту кто-то застучалъ, и залаяла на дворѣ собака...

— Кого это чортъ несетъ ни свѣтъ, ни заря? — сказала Дарья.—Кому мы, прости Господи, нужны?..

Дверь, хлюпнувъ, отворилась, и въ избу вошелъ мужикъ. Перешагнувъ черезъ высокій порогъ, онъ остановился, перекрестился въ уголъ, потóмъ уже сказалъ:

— Здорово живете! Чай да сахаръ!

— Здравствуй, Иванъ Василичъ,—отвѣтилъ на его привѣтствіе Агапъ.—Спасибо... садись съ нами чай пить...

— Было дѣло,—отвѣтилъ мужикъ, усаживаясь на казенку,— сейчасъ, только вотъ къ вамъ идти, отлокали... А ты никакъ вечоръ въ городѣ былъ?..

— Былъ. Къ сыну ходилъ.

— Н-ну?..

Агапъ ничего не отвѣтилъ, а только выразительно махнулъ рукой.

— Та-а къ,—протянулъ мужикъ — фабрика-то, говорятъ, встала?..

— На три, вишь, мѣсяца.

— Ловко!.. Ну, а въ вѣдомостяхъ что?.. Не слыхалъ?.. Въ трактирѣ не читали? Какъ на счетъ нашего брата распредѣленіе пойдетъ?.. Куда, тысь, насъ теперича приткнутъ окончательно?.. А?

— Куда насъ притыкать-то осталось?—сказалъ Агапъ.—Некýда притыкать-то... Приткнуты ужъ, слава те Господи, достаточно.

— А я, Агапъ, что хочу отпалить,—началъ, помолчавъ, мужикъ,—выселяться хочу на хуторъ... пра, ей-Богу. Баютъ: полтораста чистыми деньгами на подъемъ даютъ... У меня двѣ души... отводи, значитъ, мнѣ восемьдесятъ... Ну, хоть, скажемъ, отведете вы мнѣ у черныхъ бочаговъ... мѣсто хо-

о-рошее... Сейчасъ это я хату свою спихну коломъ на бокъ... куплю ведерко—всю'стройку заразъ на мѣсто и предоставлю... а тамъ ужъ мое дѣло... какъ хочу... хозяинъ... Хочу — продамъ, хочу нѣтъ, вся власть моя. Сынъ у меня непутевый, возьму да продамъ, а денежки въ кармашекъ... На кой она мнѣ земля-то?.. Ломаешь, ломаешь, ходишь, ходишь около нея, а жрать всё нечего... ей-Богу... Вонъ въ Пѣтушковѣ трое заразъ выселяются... бумаги ужъ заданы...

— Кто такіе, не слыхалъ?..

— Какъ не слыхать—слышалъ. Народъ все подобрался одинъ къ одному... Васька Шкуринъ, Блоха Дмитрій, да Царекъ Гришка... Только у нихъ заковырка выходитъ изъ-за бабъ... бабы не желаютъ... Ну, а они, — продолжалъ съ улыбкой мужикъ,—говорятъ: „а мы, молъ, прошенье подадимъ въ святѣйшій синадъ, чтобы намъ на хутора-то новыхъ женъ предоставили, а васъ -- къ чортовой матери... не заплачемъ!..“

Агапъ засмѣялся. Дарья высунула голову изъ-за печки и сказала:

— Ты что, трепло, треплешь языкомъ-то не дѣло... Знамо, доведись до меня хоть, да нешто я пойду... издохну, а съ этого мѣста не двинусь... На міру жить, аль одному? Какъ же это опять—захотѣлъ, землю продалъ?... Это, стало быть, ежели, скажемъ, вонъ Агапъ мой не захочетъ старшему сыну доли дать, стало быть, такъ и надо а?

— Ну, ты ничего не смыслишь, нечего тебѣ и законы уставлять...—сказалъ Агапъ.—А вѣдь это гоже! Стало быть, полный хозяинъ... хочу продамъ, хочу нѣтъ... Вотъ возьму,— продолжалъ онъ, взглянувъ на молодую,—да и не дамъ твоему мужу ничего... Живите, какъ хотите... Хошь получать, подавай въ домъ, а не хошь—съ Богомъ къ кобылѣ подъ хвостъ... Возьму вонъ все, да Ванюшкѣ и отдамъ... я хозяинъ... Не забалуешь... хы, хы, хы! сейчасъ провалиться, гоже это... узда на сволочей...

— О-о-о!—воскликнула молодая.—Ишь ты склизкій какой... „отдамъ“, а міръ то?

— Міръ тутъ, дамочка, не при чемъ,—сказалъ съ казенки мужикъ,—былъ міръ да ѣхалъ... теперича отцовская власть укрѣплёна вó-какъ, крѣпче каменнаго фундамента!

— Ловко!—опять повторилъ Агапъ и, вставъ изъ-за стола, досталъ съ полки измятый номеръ газеты.

— На,—сказалъ онъ,—Иванъ Василичъ, посмотри, что тутъ.. ребята вечоръ дали.

Мужикъ соскочилъ съ казенки, подошелъ къ столу, взялъ газету и сѣлъ на скамью къ столу.

— Старая,—сказалъ онъ.

— Ванькъ, а Ванькъ,—заговорилъ всё время молчавшій и занятый чаемъ дѣдъ,—неужто же и ты, сукинъ сынъ, по этому смыслишь,—онъ указалъ на газету, — неужто же и тебя учили?

— Какъ насъ учили,—отвѣтилъ мужикъ,—плохо... Вотъ ихъ,—онъ кивнулъ на ребятъ,—совсѣмъ по-другому теперича учатъ...

Онъ махнулъ рукой и, повернувъ газету на ту сторону, гдѣ печатаются объявленія, сказалъ опять:—Старая...

— А ты почитай, почитай, наплевать, что старая,—заговорилъ дѣдъ съ ироніей,—что тутатко?.. гы!..`ученые! Насъ вонъ и вовсе не учили... Бывало, какъ учили... Былъ у насъ,—продолжалъ онъ съ какимъ-то особеннымъ азартнымъ воодушевленіемъ, — приказчикъ на барскомъ дворѣ, царство небесное... Ефимъ Микитычъ, звать бывало. Э-э-н-на гдѣ его увидишь—шапку долой!.. Ни за что, ни про что, подойдетъ—хварысь тебя, не слова ни говоря, по уху... „вотъ тебѣ, разà, а десять за тобой", а ужъ бабенокъ этихъ шилохвостокъ, дѣвокъ во-какъ трепалъ, и-и-и, Господи, Царица Небесная Матушка!.. Чисто вотъ, голова, бѣлье полоскалъ...

— А, да ну тебя,—перебила его Дарья,—трепло!.. Били тебя да до смерти не убили... Эва до какихъ поръ живешь...

— А тебя завидки берутъ?

— Какія завидки!.. Не дай Богъ злому татарину... „Завидки"... хы...

— Ладно, ладно... толкуй кто откуль... а я вотъ онъ—живу. Рвись твое сердце, а я вотъ онъ—живъ. Можетъ, тебя переживу...

— Тьфу ты, лѣшманъ болотный!.. Пра, ей-Богу... во-о-о-ть домовой то навязался!..

— Будетъ! — крикнулъ Агапъ.—Пристала, какъ банный листъ... Читай, что-ли.

— „Зубы по-ку-паю,—началъ мужикъ читать объявленіе какимъ то замогильнымъ голосомъ, растягивая слова, спотыкаясь, плохо видя и разбирая мелкую печать,—искус-ственные, ста-ры-е... по вы-сокой цѣнѣ. Плачу за... челюсти отъ 5-ти до 100 рублей. Плачу даже и за по-ломанныя челюсти"... Вотъ штука то,—вскричалъ онъ,—а?..

— Эта какіе же такіе зубы, не пойму я,—сказалъ Агапъ,—на кой они ему?..

— Зубы... человѣчьи зубы... вставляютъ, понимаешь, богатые люди... У кого повывалются — ну, и вставляютъ другіе...

— Ну да?!.

— Вотъ те „ну да". Не „ну дà", а вѣрно... Вишь покупаетъ... по сту рублей даетъ за челюсть...

— По-о сту?..

— Да слышалъ, читалъ я... вотъ: „плачу за челюсти отъ 5-ти до 100 рублей“,—повторилъ мужикъ, заглянувъ въ газету.

— Ахъ въ ротъ-те!—воскликнулъ Агапъ.—Вотъ бы, а? Да я, кажись, сейчасъ провалиться, весь ротъ отдалъ бы за сто-то цѣлковыхъ, ей-Богу. Жевать-то все одно неча скоро придетъ... издохнешь и съ зубами-то... На сто-то рублей я бы все кашу ѣлъ... ей-Богу!.. Вышибить нешто, да послать по почтѣ?..

— Ты, вонъ, у дѣдушки вышиби,—сказалъ, улыбаясь, мужикъ,—на что они ему?.. А зубы у него важные...

— Неужли и съ упокойниковъ въ дѣло идутъ?—спросилъ Агапъ и съ какимъ-то страхомъ сбоку, исподлобья, поглядѣлъ на отца...

— Не знаю,—отвѣтилъ мужикъ,—небось... А что?..

— Такъ я...

Всѣ замолчали. Дарья подошла къ столу и притушила въ лампочкѣ огонь. Въ избѣ стало полутемно... Въ замерзшія оконца проникалъ свѣтъ, холодный и тоскливый... У молодой опять завопилъ ребенокъ...

— Ну, что-жъ теперича,—сказалъ Агапъ,—за какія дѣла приниматься? Хлѣбъ-то давно доѣлъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ мужику.

Тотъ махнулъ рукой.

— Что ты, аль не знаешь?.. Чу-у-дакъ! На хуторъ, одно средство,—сказалъ мужикъ, промолчавъ:—продать, да и въ дамки... Завязывай глаза да бѣги... Хлѣба нѣту... дѣла нѣту... Въ Москву идти — тысячи тамъ безъ насъ ходятъ... Воровать—повѣсятъ... Просить—не даютъ... Какъ тутъ быть?..

— Да-да-а,—подтвердилъ Агапъ.

— Дожили до моту, нѣту ни хлѣба, ни табаку...—сказалъ мужикъ, надѣвая шапку.—Прощайте... прощай, Агапъ... заходи ужо табакъ курить...

Онъ ушелъ.

Дѣдъ полѣзъ на печь.

Въ окнахъ все больше и больше свѣтлѣло, но въ избѣ отъ этого, точно мертваго, свѣта дѣлалось еще грязнѣе, убоже и тоскливѣе...

VII.

— Скотину, чай, поить время,—сказала Дарья, управясь съ печкой.—Ты бы бросила свое сокровище-то,—обратилась она къ молодой.—Занялась бы... Аль мнѣ все одной чугуны-то ворочать... Не подъ силу мнѣ... Мнѣ скоро время... Смерть моя около меня ходитъ...

Молодая промолчала... Агапъ нахмурился... Дарья надѣла рваный полушубокъ и вышла, захвативъ съ собой пустое ведерко. Агапъ пошелъ за ней. Дарья стояла около коровы и ощупывала у ней бокъ.

— Ну, что,—спросилъ Агапъ,—какъ по-твоему, скоро?

— Причинаетъ шибко... должно быть, на этихъ дняхъ...

Агапъ помолчалъ, посмотрѣлъ на жену и спросилъ потихоньку:

— Ну, а ты какъ... когда растрясешься?

Не дожидаясь ея отвѣта, онъ оглянулся на избу и заговорилъ еще тише:

— А я вотъ что, Дашухъ, придумалъ. Хочу я барина Владиміра Михайлыча въ кумовья позвать, а?.. Папашей крёстнымъ, а?.. Онъ для меня хорошъ... потрафилъ я ему... Глядишь, намъ бы тогда поперло... Кумъ, какъ никакъ, теченіе бы, а?

— Пойдетъ ли?..

— Надо просить... Кланяться стану... Ты только, смотри, не трепли языкомъ-то до время. Ей-то,—онъ кивнулъ на дверь въ избу,—смотри, не сказывай... Ну ихъ... У нихъ я вижу, съ мужемъ одни шашни... задумали что-то... не на мѣсто ли гляжу, уйти хотятъ... Ну что-же, съ Богомъ, ступай... Только ужъ опосля домой не придешь... Не тѣ теперича порядки...

— А нешто онъ тебѣ сказывалъ?

— Прямо не говорилъ, а все какими-то наметками... Да ужъ я вижу, что онъ къ крясьянскому дѣлу не способенъ... не способенъ... не туда гнетъ.. ему бы все полегше... послаще съѣсть... Кто-ста мы... къ какимъ то, вишь, тамъ, — хозяйка сказывала,—къ акушеркамъ въ больницу повадился ходить... Шутъ его знаетъ, чего ему надо... Вотъ придетъ на этихъ дняхъ...

— Совсѣмъ, что ли?..

— А песъ его знаетъ... Баитъ: дѣловъ нѣту... Ну, и правда, хозяинъ самъ сказывалъ: „противъ прежняго, говоритъ, десятой доли не стало"...

— Охъ, ужъ не знаю: тутъ-то что ему дѣлать?—въ раздумьи произнесла Дарья.—Самимъ ѣсть нечего... Искалъ бы ужъ помимо мастерства какое-нибудь мѣсто... все бы хоть глухое-то время какъ-нибудь проболтался... Ты бы къ барину то въ самомъ дѣлѣ сходилъ,—продолжала она, помолчавъ,—попросилъ бы, нѣтъ-ли, молъ, какой работенки... Сходилъ бы...

— И то думаю: надо сходить...

— Пойдешь,—продолжала она, присѣвъ подъ корову и ощупывая у ней вымя, — зайди тамъ къ приказчику аль еще къ кому... скажи: „не возьмете ли, молъ, овцу"... На что

она намъ яловая-то... Крестины вотъ... ежели пойдетъ баринъ въ кумовья, — все, какъ ни говори, лишнее надо... за пустой столъ не посадишь... Винца надо сладкаго... закусить... колбаски тамъ аль что... не мужикъ сиволапый придетъ...

— Это точно.

— Ноги у меня пухнуть стали,—опять заговорила она,—тяжело хожу... боюсь... думаю: ну, какъ да двойни...

— Что ты,—воскликнулъ Агапъ,—очумѣла!..

— А-а-а, испугался?.. Не любишь?.. Какъ пьешь—хорошо: „налей еще“, а какъ съ похмелья—„охъ, батюшки, голову больно“... Мошенники вы всѣ-то... кобели! — добавила она сердито. Перекрестивъ корову и сказавъ: „Ну, Христосъ съ тобой, матушка, лягъ теперича“,—она пошла въ избу..

Агапъ постоялъ еще немного на дворѣ, что-то думая, и пошелъ за нею.

VIII.

Молодая, пока они были на дворѣ, закачала ребенка и, уложивъ его въ люльку, сѣла къ окну шить мужу рубашку, которую шила давно „урывками“ и никакъ не могла кончить... Лицо у нея было злое, глаза опухли отъ слезъ... Мальчикъ-подростокъ, не ушедшій въ школу, сѣлъ читать растрепанную старую книжку, а дѣвочка, которая пила съ большими чай, снова легла и уже крѣпко спала вмѣстѣ съ другими ребятишками на полу. На печкѣ чесался и „дыхалъ“, харкая, дѣдъ...

Дарья вошла въ избу и, сердито покосившись на молодую, сказала:

— Разсѣлась, барыня... Такъ словно и надо... Поспѣетъ твое шитье-то... убирай скотину... пои...

Молодая ничего не отвѣтила, поджала губы, отчего онѣ стали еще тоньше, и молча продолжала шить...

— Тебѣ я говорю-то, а?—остановившись противъ нея, сказала Дарья.—Аль оглохла?..

— Успѣетъ твоя скотина-то, не издохнетъ... Чего ты... Кольнуть не дадутъ... Что за жисть моя за такая за каторжная!..

— Обидѣла, матушка?!

— Ѣстъ и ѣстъ, ѣстъ и ѣстъ!.. Присѣсть нельзя... ни пивши, ни ѣвши... куска не даютъ проглотить, все съ оговоркой... Чашки чаю не дали глотнуть..

— Да пей хоть въ три горла... Вонъ онъ... Кто тебѣ не даетъ...

— Пей сама его... помои то... локай... Я, чай, не собака...

— А вотъ мы для тебя сейчасъ еще самоваръ разведемъ,— сказалъ вошедшій Агапъ,—пожалуйте, барыня-сударыня!

— Я мужу скажу, — продолжала молодая, не слушая его,—жрать не даютъ... Сами чаи пьютъ, а меня къ порогу... Зачѣмъ бралъ меня измываться-то надо мной... Меня бы не такой взялъ... Десять цѣлковыхъ за мной чистыми деньгами взяли... Пришла—а у васъ вши однѣ... Прогребу нѣтъ... Платчишка, скажи, какого въ гривенникъ за два-то года не купили... Запрягли, какъ кобылу гнѣдую... ворочай для васъ. Я виновата, что ли, что ты на старости лѣтъ съ пузомъ ходишь... Была мнѣ нужда за тебя ворочать-то... Сынъ женатый, у сына дѣти, а она съ пузомъ... Совѣстно изъ-за тебя въ люди показаться, смѣются: „вы бы, говорятъ, со снохой то бы, говорятъ, вмѣстѣ потрафляли... Одни бы, говорятъ, крестины, за одинъ за столъ бы"... Молчала бы ужъ, лучше себя не страмила бы...

— Да что ты, сволочь ты эдакая, корить меня вздумала?—закричала Дарья, сразу вся побѣлѣвъ и необыкновенно широко раскрывая огромный „до ушей" ротъ съ пѣной по угламъ.—Агапъ,—еще шибче закричала она, обернувшись къ мужу:—ай не слышишь, ай оглохъ... распорядись! уйми!.. Ахъ ты, псовка ты эдакая, а? Чѣмъ корить вздумала, а? Да нешто я виновна?—кричала она, наступая на невѣстку и махая руками.—Съ пастухомъ пригуляла, а? У меня мужъ есть, а? Нешто я перестарокъ какой?.. Жизнь меня съѣла, состарила... Поживи съ мое, чертовка, нарожай столько щенятъ, какъ я-то, что изъ тебя станетъ... Ты вонъ и сейчасъ драная, какъ кошка дохлая... Кто тебя, опричь моего дурака-сынка, взялъ-то бы?.. Кто? На себя-то оглянись...

— Чего мнѣ оглядываться-то? А вотъ дай мужу придти, я спрошу у него, какъ я ему досталась, пущай скажетъ... Какъ ты можешь меня порочить, а?.. Я тебя засудить могу за такія слова...

Она вдругъ вскочила съ мѣста, бросивъ шитье, и, вся трясясь и сверкая глазами, сдѣлавшимися сразу какъ будто больше, начала наскакивать на свекровь, поднося ей почти къ лицу кулаки и пронзительно крича.

— Гулящая я, стало быть, вамъ досталась, а? Сказывай: гулящая? съ бульвару? съ Хитрова? Засужу!.. За-су-у-у-жу! Старая чертовка! Что-бъ тебѣ не разродиться, дай Господи! Чтобъ у тебя утроба-то лопнула на четыре части!..

— Агапъ,—закричала, въ свою очередь, Дарья,—да что-же это такое?.. Что-же ты молчишь-то?.. Чего ты, чортъ ты проклятенный, не уймешь ее, а? Батюшки мои ро-о-димые, до чего я дожила то, а?

— Что же мнѣ, драться, что ли?—сказалъ Агапъ.—Дери

васъ деромъ... орите... служите молебенъ, благо глотки широки...

— Ванька,—крикнулъ съ печи дѣдъ мальчишкѣ, читавшему книгу и, повидимому, не обращавшему никакого вниманія на ссору,—готовь таматко воды ведерку... Сейчасъ сцѣпятся суки... Разливать станемъ... хы, хы, хы!.. Агапъ, а? Ты что же бабъ не уймешь? Куда ужъ вамъ, сукинымъ сынамъ, на свѣтѣ жить... Куда ты годенъ-то... гдѣ ужъ тутъ хлѣбу родиться... эхъ-ма!..

— Уйти, знать, захотѣла,—кричала между тѣмъ Дарья, махая руками,—вижу я твои штуки-то... мужа сманивать... на фабрику опять захотѣла... Фабричная мышь!.. привыкла тамъ въ дѣвкахъ-то подоломъ-то вертѣть... Тошно тебѣ здѣся то... нѣтъ, матушка, врешь, не уйдешь... вре-е-е-шь!..

— А что-жъ я, привязана у тебя на цѣпи, что ли?.. „Не уйдешь"... какъ страшно! Кто меня можетъ удержать? Знамо, уйдемъ... плюнемъ да и уйдемъ—дери васъ чортъ!..

— Ступай, матушка, ступай, — заговорила Дарья, притворно-ласково,—ступай... не держимъ... ступай, треплись... Только ужъ не взыщи, къ намъ больше носу не кажи... Ничего вамъ нѣту, ничего не будетъ...

— Когда надо, придемъ... Наша доля земли неумершая... не уйдетъ...

— Эва чего не хошь-ли,—воскликнулъ Агапъ,—на-ка вотъ, гляди, а не земли... Клока не дамъ... все мое... я хозяинъ!..

Молодая засмѣялась.

— Молчи ужъ, лапоть,—сказала она,—дураку сказали, а онъ и повѣрилъ...

— Смотри, баба!..

— Чего смотрѣть-то... не ударишь!

— Очень просто... дождешься...

— Эвося чего не хошь ли... на, выкуси!..

— Ахъ ты, сволочь!—закричалъ обозлившійся на сдѣланную бабой непристойность Агапъ и бросился на нее съ кулаками.—Ахъ ты, шлюха проклятая!.. да я те... да я!....

Молодая, какъ будто, только этого и ждала...

— Ка-а-а-раулъ!.. Батюшки, убилъ... Караулъ! караулъ!—завопила она и бросилась къ двери,—ка-а-раулъ!—визжала она, выскочивъ за дверь на дворъ, со двора на улицу.—Убилъ... а-а-а! караулъ, караулъ!

— Вотъ чортъ-то,—сказалъ Агапъ, — вотъ срамница-то!..

Дарья, обезсилѣвъ, сѣла на скамью, бросила руки на колѣни и заплакала...

IX.

Часу въ первомъ, послѣ обѣда, Агапъ сталъ „сряжаться“ къ барину... Только что вернувшаяся отъ сосѣдей, молодая сидѣла въ углу около люльки и исподлобья злыми глазами слѣдила за нимъ... Дарья съ опухшимъ и жалкимъ лицомъ сидѣла у окна, опустивъ голову, и чинила какую-то рубашенку. Дѣти забрались къ дѣду на печь и тихо сидѣли тамъ, боясь пикнуть, забитыя, худенькія, жалкія... Какая-то тоска, невидимая, но живая, казалось, присутствовала въ избѣ, злобствовала и радовалась...

Въ люлькѣ заворочался и запищалъ ребенокъ. Молодая стала качать и запѣла потихоньку тонкимъ, тягучимъ голосомъ, вливавшимъ въ избу еще больше тоски:

«Встану, встану я раненько,
Я умоюся бѣленько,
Приберусь я чепурненько...
Возьму гребень, возьму донце,
Сама сяду край оконца
Противъ яснаго солнца»...

— Ну, я пошелъ,—сказалъ Агапъ, одѣвшись,—вы тутъ, смотрите, поменѣе лайтесь-то... Ты языкъ-то свой сокращай,—обратился онъ къ молодой.—Чего ты по людямъ то бѣгашь... Ты думаешь насъ осрамить? Насъ не осрамишь, а сама себѣ на хвостъ навяжешь...

— Ладно ужъ... иди, куда идешь-то...

— То-то ладно... ладно да не играетъ...

— У насъ заиграетъ...

— Ахъ ты, шкура ты, шкура барабанная, чего тебѣ не достаетъ-то?.. анафема ты... смутьянка!.. Чортъ навязался!—добавилъ онъ, выходя изъ избы, и сильно, обозлясь, хлопнулъ дверью...

До барскаго двора было недалеко—версты три... Шелъ онъ, не торопясь, и всю дорогу до самой усадьбы обдумывалъ про себя „рѣчь“, которую скажетъ барину.

— Ваше превосходительство, батюшка,—шепталъ онъ, идя и махая руками,—не оставьте... на васъ все упованіе... будьте папашей крестнымъ...

— Въ ноги ему паду,—продолжалъ онъ,—поклонюсь... шутъ съ нимъ... меня отъ поклону - то не убудетъ... А кого же въ кумы, то позвать, а?—задалъ онъ себѣ вопросъ и даже остановился на минуту.—Гм... кого-же всамдѣли? Надо какую помоложе, покрасивѣе... старую-то вродѣ какъ мускоротно

для него... Какъ бы это такую сукину дочь найти, которая бы поскладнѣе?..

— Стой! — воскликнулъ онъ, обрадовавшись, и усмѣхнулся.—Позову-ка я Ѳеньку Журку... бабочка-огурчикъ! И не ломлива... Въ случаѣ чего—готово, пожалуйте!

Пройдя мимо церкви, онъ свернулъ въ ворота съ каменными столбами и направился по расчищенной дорогѣ къ барскому дому, окруженному старыми липами, тополями, березами и пихтами..... У большого крыльца съ колоннами лежали два каменныхъ сфинкса, поставленныхъ здѣсь когда-то давнымъ-давно, въ дни процвѣтанія барства... Дверь, съ террасы въ „хоромы“, была наглухо заколочена. Зимой ходъ былъ съ другой стороны, съ галлереи.

Въ этой галлереѣ Агапъ столкнулся носъ къ носу съ управляющимъ, выходившимъ изъ дома...

Управляющій, небольшого роста человѣкъ, одѣтый въ полушубокъ, съ очками на носу, съ черной папахой на головѣ, посмотрѣлъ на него и, улыбаясь, спросилъ:

— Куда это, лиса, идешь?

Агапъ сдернулъ съ головы шапку и, держа ее обѣими руками, поклонился въ поясъ.

— Къ барину, батюшка Антонъ Антонычъ.

— Клянчить, небось? Ахъ ты—мыло!

Агапъ промолчалъ.

— Сволочь братъ ты,—сказалъ управляющій,—пролаза, сплетникъ.

— Помилуйте-съ...

— Чего миловать то... знаю... Сволочь, братъ, ты,—повторилъ онъ и пошелъ своей дорогой...

— Отъ сволочи слышу,—прошепталъ Агапъ и, отворивъ тяжелую дверь съ блокомъ, вошелъ въ небольшую переднюю или, какъ ее называли здѣсь, „буфетъ“.

Въ „буфетѣ“ было тепло, чисто и сильно пахло кофеемъ. Двѣ дѣвушки, опрятно одѣтыя, красивыя и ловкія, торопливо перемывали посуду, гремя тарелками въ большой лоханкѣ, и ставили ихъ на столъ одна на другую.

Агапъ помолился въ уголъ, поздоровался и освѣдомился о баринѣ.

— Дома,—отвѣтила на его вопросъ одна изъ дѣвушекъ,—а тебѣ зачѣмъ?

— Да такъ,—сказалъ Агапъ,—дѣльце есть небольшое.

Одна изъ дѣвушекъ, скосивъ глаза, подозрительно посмотрѣла на Агаповы валки, на которыхъ остался снѣгъ.

— Натопчешь ты тутъ,—сказала она,—мой за вами за всѣми...

Агапъ подвинулся къ самому порогу и шапкой тщательно обчистилъ снѣгъ.

Въ это время въ „буфетъ“ вошелъ высокій лакей съ черными бакенбардами и бритымъ подбородкомъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ. Увидя Агапа, онъ прищурился и произнесъ презрительно сквозь зубы:

— Тебѣ что? На бѣдность, что ли?.. Не подаемъ... отчаливай!..

— Барина мнѣ надо, — сказалъ Агапъ, отвѣсивъ поклонъ,—сдѣлайте милость доложите: Агапъ, молъ, Мартыновъ пришелъ... Они меня знаютъ...

— Можно,—сказалъ, улыбаясь, лакей,—Агапъ Мартыновъ говоришь, а?.. Хорошо-съ... слушаемъ-съ... сейчасъ доложимъ-съ...

Онъ ушелъ и, немного погодя, возвратился.

— Доложилъ-съ,—сказалъ онъ.—Просятъ обождать... извиняются... дѣла-съ!.. Принесите кто нибудь Агапъ Мартынычу кресло... присядутъ они...

— Будетъ вамъ чудить то,—засмѣялась одна изъ дѣвушекъ и, обернувшись къ Агапу, сказала.—Возьми, дѣдушка, вонъ ту табуретку... присядь...

Агапъ взялъ табуретку и, поставивъ ее къ порогу у двери, сѣлъ.

Лакей постоялъ немного около дѣвушекъ, молча закурилъ и ушелъ...

— Чортъ голенастый, — негромко произнесла дѣвушка, предложившая Агапу табуретку,—тоже надъ людьми смѣется, а самъ-то... на всѣхъ звѣрей похожъ. Надоѣлъ губошлепый песъ, проходу не даетъ...

X.

Сидѣть Агапу пришлось больше часу, и это время онъ посвятилъ размышленіямъ.

— Вотъ,—разсуждалъ онъ,—за что, подумаешь, счастье такое человѣку Господь послалъ?.. Сытъ, обутъ, одѣтъ, пьетъ, ѣстъ, чего душа проситъ... Денегъ какъ грязи, по деньгамъ ходитъ... прислуга... цѣльный Божій день тсуда со стола не сходитъ... во что только лѣзетъ. Да, же Господь!.. Родители заслужили, а самъ куда-жъ годенъ, у хлѣба съ голоду умретъ... отрѣзать самъ не смѣетъ... Н-да, а мы-то, голова, а мы-то?!

Размышленія Агапа были неожиданно прерваны вбѣжавшей въ буфетъ огромной, откормленой собакой...

— Баринъ идетъ, — сказала дѣвушка и еще усерднѣе принялась за дѣло.

Въ буфетъ, дѣйствительно, вошелъ баринъ... Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ толстую сигару, а въ правой какую-то тоненькую бѣлую палочку, которой ковырялъ въ зубахъ.

Одѣтъ онъ былъ въ коротенькій нараспашку „чудной“ пиджачишко и въ широкія брюки, заправленныя въ короткія голенища лакированныхъ сапогъ.

Кожа на его кругломъ лицѣ лоснилась отъ жира. Голову онъ держалъ кверху, какъ коренникъ въ тройкѣ, грудь выпячивалъ впередъ и увѣренно глядѣлъ большими на выкатѣ глазами.

Агапъ быстро согнулся въ три погибели и произнесъ какимъ-то не своимъ голосомъ:

— Вашъ превосходительство!..

— А-а-а,—воскликнулъ, улыбнувшись, баринъ,—Агапъ! Ну, что ты, а?..

— Къ вамъ-съ... къ вашему превосходительству...

— Зачѣмъ? Да ты не робѣй!.. Говори прямо, что надо!

— На счетъ работенки... работенки попросить... Осмѣлюсь доложить—дошелъ до точки... соли и той нѣтъ-съ... Къ кому же намъ прибѣгнуть-съ, окромя какъ къ царю небесному да къ вашей милости... Испоконъ, можно сказать, вѣковъ слуги ваши..,

— Гм!—поморщился баринъ...—Какую-жъ тебѣ работу, я не знаю... Да ты бы, братецъ мой, обратился въ контору къ управляющему...

— Слушаю-съ!—уныло произнесъ Агапъ.

— Еще что-нибудь хочешь сказать? Говори... не бойся...

— Господи благослови, — прошепталъ про себя Агапъ и вдругъ какъ-то сразу осѣлъ, сгорбился и повалился барину въ ноги, упершись ладонями объ полъ точно такъ, какъ продѣлывалъ въ церкви, ставя свѣчку „празднику“.

Неожидавшій этого баринъ отскочилъ, а стоявшая возлѣ собака зарычала.

— Ваше превосходительство,—стоя на четверенькахъ, съ дрожью въ голосѣ забормоталъ Агапъ,—осмѣлюсь просить... будьте папашей крестнымъ... не откажите, ваше превосходительство... мы...

— Да что ты?.. Что такое?—закричалъ баринъ,—встань! да встань же, чего тебѣ?

— Осмѣлюсь... ваше превосходительство... воспріемникомъ, значитъ, младенца моего,—бормоталъ Агапъ, не вставая.

— Да встань ты, чортъ! Ничего не понимаю!—крикнулъ баринъ, начиная сердиться.

Агапъ быстро поднялся и началъ объяснять, торопливо и робко.

— Супруга у меня... ждемъ съ часу на часъ... Осмѣлюсь просить, ваше превосходительство... Какъ родители наши вамъ служили по гробъ жизни, такъ, стало быть, и намъ наказывали... Не поимѣйте... будьте столь добры... для отрады души... т. е. воспріемникомъ отъ святыя купели... папашей креснымъ...

— Постой. У тебя, значитъ, жена родила, что ли?—улыбаясь, спросилъ баринъ.

Видя, что баринъ „отошелъ" и улыбается, Агапъ ободрился и заговорилъ:

— Родить она покуда еще не родила... ну, а ждемъ съ часу на часъ... Вотъ мы и надумали, заблаговременно, просить ваше превосходительство... сдѣлайте Божескую милость... будьте воспріемникомъ...

Баринъ совсѣмъ подобрѣлъ.

— Ахъ ты, чудакъ этакой,—сказалъ онъ добродушно.— Ну, что-жъ, я не прочь... скажи только, чтобы мальчишку родила... ха, ха, ха! Ну, а куму подыскалъ уже, а?

— Намѣтилъ-съ!..

— Старая?

— Помилуйте-съ!.. Зачѣмъ старая... розанчикъ... огурчикъ-съ...

— Ну, ну... ладно, ладно! Какъ родитъ, зови.. пойду... А пока прощай. Впрочемъ, стой... на-ка вотъ тебѣ.

Онъ пошарилъ рукой въ карманѣ и, не найдя того, что искалъ, крикнулъ:

— Эй!

Точно изъ-подъ земли, выросъ и всталъ на вытяжку тотъ самый лакей, который недавно смѣялся надъ Агапомъ.

— Игнатій, дай ему три рубля!—сказалъ баринъ.

— Слушаю-съ!

Услыша это, Агапъ, переполненный счастьемъ, съ рабскимъ сладострастіемъ повалился опять барину въ ноги и завопилъ:

— Отецъ!... По гробъ жизни... покуда живъ!..

— Ладно, ладно!—посмѣиваясь, сказалъ баринъ.—Встань, встань!..

Онъ повернулся и, посвистывая, вышелъ.

— А ты, братъ, я вижу себѣ на умѣ съ походцемъ,— сказалъ лакей, отдавая Агапу деньги,—химикъ!

Агапъ молчалъ и улыбался.

XII.

Идя домой, на радостяхъ онъ завернулъ во дворикъ, гдѣ жили какіе-то старые, отставные „холуи“, придерживавшіе водку, и „тяпнулъ“ половинку.

Разсыропленная водой, водка подѣйствовала на него, давно не пившаго, такъ что, выйдя изъ двориковъ, онъ шелъ, покачиваясь и тыкаясь, какъ будто-бы ловя кого-то руками.

На душѣ у него было необыкновенно весело... Все вокругъ,—и тощіе кусты вереска, и голый осинникъ, и низкое небо, и мертвое поле, и вѣтеръ, бьющій въ лицо—все это казалось ему теперь какимъ-то новымъ и точно вмѣстѣ съ нимъ радовалось его счастью.

Въ умиленіи онъ остановился и заплакалъ, то и дѣло утирая носъ двумя пальцами правой руки...

— Господи! Батюшка!—топчась на одномъ мѣстѣ и балансируя ногами, разсуждалъ онъ, плача,—дай, говоритъ, три рубля, а?.. За что?.. Ничего не видя... Кто я, а кто онъ, и вдругъ!.. Какъ обо мнѣ теперича въ деревнѣ понимать должны а?.. Воспріемникъ... кумъ! Кто такой!.. О, господи, царица небесная!..

— Пущай, говоритъ, родитъ мальчишку... Ну, Дарья, какъ никакъ, а ужъ по-о-о-старайся, хоть плохонькаго, да парнишку... Эхъ, и потечетъ мнѣ тогда, не зѣвай только, Агапъ!

До дому онъ добрался только къ вечеру въ сумерки. Жена, дѣлавшая что-то на дворѣ около скотины, сообщила ему новость: неожиданно отелилась корова...

— Кого Богъ далъ?—спросилъ Агапъ, стараясь говорить какъ можно серьезнѣе и тверже, чтобы не показать, что онъ выпилъ, зная по опыту, какъ его за это „прохватываютъ“...

— Быка принесла... Такой то, Господь съ нимъ, хо-о-орошій... сѣ-ѣ-дой весь! Ступай въ избу, погляди... Тамъ увидишь, у насъ еще быкъ сидитъ...

— Кто такой?..

— Васька пришелъ!

— Ну, да!? Ахъ ты наказаніе Господне.

— Да, вотъ! Что жрать-то станемъ? Ну, а ты что долго?.. видѣлъ барина?.. Да отъ тебя, никакъ, винищемъ разитъ?

— Молчи!—заговорилъ шепотомъ Агапъ.—Помалкивай!.. Дѣло наше—слава Богу... Выпилъ я съ радости маленько—наплевать... Тройку далъ...

— Кто... какую тройку?.. Налилъ бѣльмы-то?..

— Кто, кто?.. баринъ... вотъ кто! „дай, говоритъ, ему три рубля"... Что было-то, Дарья, истинный Господь, изъ дивъ то диво... Крестить, почитай, самъ набился... Не успѣлъ я заикнуться, рта разинуть, а ужъ онъ согласенъ... „Скажи, говоритъ, что бы, говоритъ, мальчишку родила"... Потечетъ намъ... обожди, люди будемъ... За тобой только теперича дѣло... Не подгадь, смотри.

— Ишь, вы съ нимъ ловки больно... загадали!..—сказала Дарья,—кого Богъ дастъ, тотъ и будетъ. Гдѣ деньги-то?.. Давай сюда. Да только молчи про деньги, а то стерва-то начнетъ тявкать... Пѣла, пѣла тутъ безъ тебя... завязывай глаза, да и бѣги изъ дому... Хоть бы ты укротилъ ее... какой ты есть хозяинъ... бабенку унять не можешь...

— Эхъ-ма,—произнесъ Агапъ,—я думалъ, свѣжи, а это все тѣ же!—И, отворивъ дверь, вошелъ въ избу.

XIII.

— Вы, что-же, въ потемкахъ-то сидите?—сказалъ онъ, войдя въ избу.—Засвѣтили-бы... лобъ расшибешь...

Никто не отвѣтилъ.

Онъ раздѣлся и зажегъ лампочку. Лампочка закачалась. Отъ этого по стѣнамъ, по потолку, по печи заколебались и задвигались какія-то странныя, точно живыя, только что проснувшіяся, угрюмыя тѣни.

На скамьѣ, около люльки, ткнувшись лицомъ въ тряпье, лежала ничкомъ молодая, а рядомъ, у ней въ ногахъ, сидѣлъ, согнувшись, опустивъ голову, уставясь глазами въ полъ, мужъ ея Василій, только что пришедшій изъ города.

Это былъ молодой мужикъ, худощавый, съ небольшой бородкой. Онъ сидѣлъ и своей позой безъ словъ говорилъ, что ему и тяжело, и горько, и совѣстно, и обидно.

Агапъ покосился на него и скривилъ ротъ въ усмѣшку.

— Пришелъ?

Со двора, сильно хлопнувъ дверью, вошла Дарья, неся подъ мышкой лѣвой руки снопъ соломы...

— Агапъ,—сказала она, бросивъ солому на полъ,—старшина, сказываютъ, на-дняхъ пріѣдетъ, опись скотинѣ будетъ...

— Ну-у?!.

— Сказывали за навѣрное... Какъ быть-то, а? Бычекъ-то этотъ, смотри, не улетѣлъ бы...

Агапъ промолчалъ и, присѣвъ на скамью, досталъ кисетъ и сталъ дѣлать папиросу...

— Потащишь,—начала снова Дарья,—какъ лѣтось поосени въ городъ... Стоитъ животъ пять цѣлковыхъ—отдавай за полтора... Тамъ этому живодеры рады... Издохнуть-бы уже мнѣ, что-ли... не разродиться-бы... лопнула-бы моя утроба... не видали-бы мои глаза... Да ужъ скоро, скоро конецъ мой... Слышу... слышу я, смерть моя около меня ходитъ... не нонѣ—завтра...

Она заплакала и продолжала, всхлипывая и захлебываясь слезами:

— Вонъ помощничекъ-то пришелъ... кормилецъ... возьми вонъ его... ишь разсѣлся, какъ и путный...

Сынъ еще больше нагнулся и, болѣзненно-сердито сдвинувъ брови, началъ нервно стучать подошвой сапога по полу.

— Какъ это,—продолжала Дарья,—мѣстовъ нѣту?.. Хорошему человѣку завсе мѣсто... Ну, что ты вотъ теперича будешь дѣлать здѣсь? — обратилась она къ сыну. — Хлѣбъ жрать?.. Нѣту его! У жениной юбки сидѣть, караулить ее? Не уйдетъ, небось, батюшка, не бойся...

Молодая поднялась и сѣла. Заправляя пальцами обѣихъ рукъ подъ повойникъ растрепанные волосы, она заголосила:

— Что мы вамъ дались, измываться-то надъ нами?.. Чего, въ самомъ дѣлѣ, нешто это жизнь... Кипишь, какъ въ чугунѣ картошка!.. Тѣснота, срамота... тьфу!..

— Ахъ ты, барыня наша,—съ ироніей заговорила Дарья,—тѣсно ей, а? Ну, какъ быть-то, выстройте каменныя палаты, да живите въ нихъ... лежите на точеныхъ кроватяхъ, на лебяжьемъ пуху...

— Отдѣлилъ бы ты меня, тятя,—сказалъ все время молчавшій сынъ и, поднявъ голову, посмотрѣлъ на отца,—право... Ну, что это... такъ нельзя...

— А-а-а, — еще съ большимъ ехидствомъ затрещала Дарья, — дѣлиться захотѣлъ!.. Ужъ успѣла, шкуреха, накласть дерьма-то ему въ уши... У-у-у, окаянная сила!..

— Василій,—въ свою очередь, завопила молодая, обращаясь къ мужу, — скажи ты мнѣ, доколѣ она меня ѣсть будетъ?.. За коимъ, прости ты меня Господи,—не при ребенкѣ вотъ, не при ангельской душенькѣ будь сказано,—чортомъ привелъ-то сюда... Ай я вамъ каковская досталась?.. Какого чорта ты дурака-то строишь... баба рязанская!.. Смотри, Васька, я молчу, молчу, да мое терпѣнье лопнетъ... мнѣ наплевать... доведетъ она меня... Я, я... Я при крестѣ убью, не побоюсь!..

— Да ужъ разбойница, разбойница и есть... ужъ это

мы, матушка, узнали... Ты ужъ, родная, и не говори... знаемъ мы... ра-а-а-збойница!..

Молодая заплакала... Ея злобный дѣланный вой понесся по избѣ, и въ ней стало сразу еще печальнѣе и страшнѣе...

— Будетъ орать-то! — закричалъ Агапъ.—Распустила глотку-то... ори, не ори—ни фига не получишь... все мое.. я хозяинъ! Не нравится у меня — не держу, съ Богомъ на всѣ на четыре стороны!.. Вы чего наживали-то, а? Много-ль вы въ домъ-то подавали, а? Нѣ-ѣ-тъ, братъ, ша-а-лишь! Теперича порядки не тѣ... укротили вашего брата... родительская власть возвеличена... Хочу—дамъ, хочу—нѣтъ,—все мое!..

— Анъ врешь,—закричалъ съ печи старикъ,—анъ врешь... мое все... Покеда, значитъ, я живъ—все мое!.. хы, хы, хы! Что взялъ! Захочу вотъ, коли такъ, продамъ все да и въ купцы, а вы куда хотите... Ловко устроили, умныя головы... хы, хы, хы!..

— Молчи ужъ ты тамъ, сычъ... Тараканъ запечный!— сказала Дарья...

— Васька!—закричалъ снова дѣдъ.—Ничего, не робѣй, я хозяинъ... Погоди вотъ, схожу какъ-нибудь, додвигаю къ земскому, объясню ему все... Не порядки это... нѣтъ, нельзя такъ!..

— Ничего мнѣ не надо,—сказалъ Василій,—берите все... проживу какъ-нибудь...

Онъ поднялся, надѣлъ полушубокъ, шапку и, ни слова не говоря, вышелъ изъ избы...

С. Подъячевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Изъ записокъ невольнаго туриста.

Послѣдніе дни на берегу. Альма.

Вечеръ закончился довольно шумнымъ собраніемъ въ «Эдуардѣ Седьмомъ». Пришло еще нѣсколько человѣкъ съ «Князя Голицына». Кромѣ Угрюмова и Лаптева, еще двое не желали возвращаться въ Россію и умудрились уже устроиться на какой-то крошечной двухмачтовой шхункѣ, которую звали «Свексъ» и которая такъ же, какъ и наша Альма, собиралась въ Гетеборгъ на Каттегатѣ.

— Въ Швейцарію! — пояснилъ одинъ изъ нанявшихся на «Свексъ», находившійся по случаю счастливаго найма въ нѣкоторомъ подпитіи.

— Въ Швецію, другъ Четыркинъ, а не въ Швейцарію,—поправилъ молодой малый съ симпатичнымъ и совершенно интеллигентнымъ лицомъ.

— Не все равно?—обидѣлся Четыркинъ.—Однимъ словомъ, въ дальнее плаваніе—вотъ и все...

Вся остальная команда «Голицына» отправлялась на родину и среди нея, по оживленнымъ разсказамъ пришедшихъ, шелъ великій «тарарамъ».

— Бунтуетъ команда,—объяснилъ намъ симпатичный матросъ.— Въ самомъ дѣлѣ, хозяева выкинули большое свинство. По контракту насъ обязаны, во-первыхъ, доставить туда, откуда взяли на бортъ, во-вторыхъ, доставить должны при тѣхъ же условіяхъ, какъ во время службы, то есть на такихъ же харчахъ и въ такомъ же помѣщеніи. По ночамъ теперь еще холодно, особенно въ Черномъ морѣ, а насъ хотятъ больше семи сутокъ вялить на палубѣ.

— А почему собственно «Князь Голицынъ» остается здѣсь?— спросилъ я.

— А потому собственно, что новый пароходъ. Не безъ умишка ребята эти: шарикъ хорошо варитъ. Объявись сейчасъ этотъ пароходъ въ Россіи—моментально его въ транспортъ и на войну. Вотъ его и попридержали здѣсь.

— Но вѣдь его же все равно могутъ вытребовать отсюда?

— Эхъ вы, дитятко!..—засмѣялся матросъ.—На сей прискорбный случай и устроена вся махинація. Здѣшнимъ пріемщикамъ дается въ зубы нѣкоторая взятка. Получивъ нѣкоторую взятку, пріемщики дѣлаютъ видъ, якобы пароходъ не выполнилъ своихъ условій. Посему пароходъ арестуется. Раскусили? Это, знаете ли, въ высокой степени хитро. А насъ вотъ, видите, предполагается отправить домой довольно скотскимъ манеромъ, на какомъ-то итальянскомъ грузовикѣ, на палубѣ.

— Ну, а вы что же?

— А мы что? Мы оремъ, кто во что гораздъ, и больше ничего. Зайдите завтра къ намъ, увидите, что тамъ дѣлается.

— Но вы пробовали, по крайности, напомнить начальству о контрактѣ?

— Начальства нашего на пароходѣ съ огнемъ не сыщешь. Есть одинъ младшій помощникъ—вѣчно еле можаху и вѣчно у него въ рубкѣ баба. Толкуй съ нимъ!..

— Братикъ мой! — вмѣшался вдругъ въ нашу бесѣду маленькій, пучеглазый и необычайно восторженный матросикъ.—Слушайка, братикъ, ей Богу, что сейчасъ было. Старшій помощникъ пришелъ, рыжій, полѣзъ по трапу, да—бацъ, ей-Богу-ну, бацъ въ воду—и съ волосами!.. Выскочитъ, выскочитъ, руками хопъ-хопъ,— и опять внизъ!.. Ну мы, слава Богу, съ юнгой его захватили, — вонъ, спроси юнгу!.. Вылѣзъ, только фыркаетъ, нахлебался... Послѣ вышелъ и далъ намъ, спасибо ему, двѣ франаки. Ей-Богу!.. Вотъ мы ихъ пропиваемъ.

— Больше не стоитъ,—флегматически замѣтилъ дюжій дѣтина, сидѣвшій молча на диванѣ и прихлебывавшій пиво съ равнодушнымъ и соннымъ видомъ.

— Ей-Богу, братцы, далъ двѣ франаки, спасибо ему... Вотъ мы ихъ пропиваемъ...

Малый былъ, видимо, до крайности польщенъ неожиданной лаской начальства. Расплачиваясь за «обстѣнку», онъ пытался даже объяснить m-lle Жозефинѣ, за что онъ получилъ свою франаку. Послѣднее слово онъ повторялъ такъ часто, что черезъ полчаса всѣ стали звать его Франакой.

Въ кабачекъ тѣмъ временемъ явились обычные завсегдатаи. Славный отставной сержантъ былъ, очевидно, немножко смущенъ, какъ непривычнымъ въ этотъ ранній часъ многолюдствомъ, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что вся компанія шумѣла и гомонила на совершенно незнакомомъ языкѣ. Онъ очень обрадовался, замѣтивъ меня, и сѣлъ рядомъ со мною, забившись въ уголокъ, откуда сталъ внимательно разглядывать собравшееся общество.

Этимъ вечеромъ заканчивалась наша служба, и Викторъ на прощанье развернулъ весь свой богатый репертуаръ, сопроводивъ его нѣсколькими приличными случаю импровизаціями. Пьяница

Лаптевъ оказался страстнымъ любителемъ пѣнія. Подъ аккомпаниментъ Виктора онъ спѣлъ «Лучинушку» и еще нѣсколько заунывныхъ русскихъ пѣсенъ. Пѣлъ онъ, закрывъ глаза и держа руку около горла, нѣсколько сиповатымъ, но задушевнымъ голосомъ, и лицо его при этомъ принимало выраженіе такой безысходной тоски, что алжирскій сержантъ, не сводившій съ него глазъ, наклонился ко мнѣ и спросилъ съ испуганнымъ видомъ:

— Что онъ поетъ, этотъ человѣкъ?

— Русскую народную пѣсню,—сказалъ я.

— Это замѣчательно!..—сказалъ сержантъ съ очень неопредѣленной интонаціей. Когда Лаптевъ кончилъ пѣть, добрый африканскій служака угостилъ его стаканомъ мадеры, при чемъ участливо и дружелюбно потрепалъ по плечу.

M-lle Жозефина, въ началѣ вечера сохранявшая на своей физіономіи нѣкоторый отпечатокъ томной сердечной меланхоліи, пришла скоро въ счастливѣйшее настроеніе духа. Вѣроятно, «Эдуарду Седьмому» рѣдко приходилось торговать такъ бойко. Часамъ къ одиннадцати гульба шла въ развалъ, а часамъ къ двѣнадцати лѣвый глазъ Угрюмова былъ украшенъ великолѣпнымъ темно-сизымъ фонаремъ, подставленнымъ ему однимъ изъ пріятелей по случаю какого-то пьянаго недоразумѣнія. Мы съ Викторомъ ушли, получивъ свой послѣдній таперскій франкъ.

Съ нами вмѣстѣ ушелъ изъ кабачка и тотъ симпатичный матросъ, съ которымъ мы бесѣдовали о хитроумной штукѣ хозяевъ. Синяя мягкая мгла лезла на городъ; далеко во мракѣ, черезъ правильные промежутки времени, яркою звѣздою вспыхивалъ огонь вращающагося маячнаго фонаря, и тогда на мгновенье узкая полоска бѣглаго свѣта озаряла черныя волны, колышащіяся во мглѣ. Край неба слабо золотился: вставала луна. Мы взялись проводить нашего спутника до «Князя Голицына», бывшаго довольно далеко, въ Новомъ портѣ.

— Знаете,—сказалъ матросъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.—По моему, вамъ бы слѣдовало подумать, пускаясь въ это плаваніе. Не то, что трудна наша работа; это, можетъ, вамъ и не лишнее, а что вотъ дикіе нравы у судовой братіи—это вѣрно. Я рабочій человѣкъ, но и то иной разъ бываетъ противно... Это мое послѣднее плаваніе.

— А куда же потомъ?

— На фабрику куда-нибудь... А вамъ, знаете, если ужъ взбрело на умъ или дѣваться некуда, я вотъ что посовѣтую: держитесь елико возможно по собачьему, иначе васъ заѣдятъ. Товарищества на торговыхъ судахъ не бываетъ никакого: народъ все сборный, сбродный, чуть не каждый рейсъ команда мѣняется и, кромѣ того, народъ все по большей части спившійся съ кругу и безпутный.

— Ну, не всѣ же вѣдь?—сказалъ я.

— Я говорю, по большей части. Да вотъ увидите.

Предупрежденіе симпатичнаго матроса, въ сущности, только подтверждало наши собственныя наблюденія. Дѣйствительно, изъ всѣхъ корпорацій корпорапія матросская отличается почти полнымъ отсутствіемъ того чувства естественной солидарности, какое свойственно въ большей или меньшей степени любому фабричному. Быть можетъ, это объясняется совершенно особенными условіями, въ которыхъ протекаетъ жизнь матроса, чередующая тяжелый и безпорядочный трудъ съ затягивающей оргіей портовыхъ стоянокъ, оканчивающихся въ большинствѣ случаевъ бордингъ-гаузомъ. Матросъ «дальняго плаванія» вѣчно въ чужой и незнакомой компаніи, часто разноплеменной и разноязычной; это пріучаетъ его держаться всегда въ сторонѣ и на сторожѣ и развиваетъ своеобразныя индивидуалистическія наклонности.

— Смотрите, запасайтесь всѣмъ, — совѣтовалъ нашъ новый знакомый.—Если въ пути не хватитъ у васъ табаку или чего другого или на вашу смѣну придется дождь, а окажется у васъ дырявая винцерада, не разсчитывайте на товарищей. Матросъ ничего своего не дастъ, зарѣжется скорѣе.

Скептическія замѣчанія нашего пріятеля нисколько, однако, не омрачили того свѣтлаго и бодраго состоянія духа, въ какомъ мы находились съ момента поступленія на Альму. Что бы насъ ни ожидало—это все же лучше празднаго шатанія по городу или разыгрыванія вальсовъ въ кабакѣ. Во всякомъ случаѣ, мы очень внимательно выслушивали все, что, по мнѣнію опытнаго малаго, намъ слѣдовало «зарубить на носу» про всякій случай... Этотъ матросъ, фамилію котораго я позабылъ и съ которымъ, къ сожалѣнію, мы не успѣли достаточно познакомиться, остался въ моемъ воспоминаніи довольно неопредѣленнымъ, но, несомнѣнно, однимъ изъ лучшихъ образовъ, связанныхъ съ этимъ періодомъ моей жизни. Это былъ хорошій типъ вполнѣ «сознательнаго» русскаго рабочаго, прошедшаго суровую житейскую школу, много думавшаго надъ жизнью и умудрившагося сочетать со значительной долей умственной озлобленности совершенно своеобразную, твердую и сдержанную ласковость. Какой-то нѣсколько сумрачной, чисто славянской задушевностью вѣяло отъ него, когда онъ говорилъ о дикихъ нравахъ матросской среды и о томъ, что онъ намѣренъ теперь «производить цѣнности» на фабрикѣ, и о томъ, что «по всей очевидности» народъ въ Россіи теперь умнѣетъ, хотя еще глупъ порядочно...

Вмѣсто того, чтобы провожать матроса на «Князя Голицына», мы побродили по городу часа два, и всѣ трое отправились ночевать къ намъ. Гость нашъ скоро уснулъ; мы съ Викторомъ подвергли все наше имущество тщательному осмотру и привели его въ возможный порядокъ; потомъ написали нѣсколько писемъ, извѣщая родныхъ и друзей, что мы уходимъ въ море, и вѣстей отъ насъ, вѣроятно, долго не будетъ...

Явившись на слѣдующій день на «Голицына», мы, дѣйствительно, застали тамъ великій «тарарамъ». За отсутствіемъ высшаго начальства команда насѣла на боцмана: боцманъ, маленькій сутуловатый человѣчекъ, съ бѣгающими прищуренными глазами, давалъ уклончивые отвѣты, вслѣдствіе чего было рѣшено, что онъ, въ качествѣ «шкуры» и «кожи», передался на сторону начальства и не желаетъ доводить до его свѣдѣнія матросскихъ претензій. Стоялъ невообразимый гамъ.

— Ему ладно, онъ остается тутъ. А намъ на палубѣ!..

— А дождь если?...

— Что тамъ дождь? Какое у нихъ право? На то есть контрактъ!..

— Хоть и контрактъ, ребята, а ни хѣра не сдѣлаешь.

— Не сойдемъ съ парохода!.. Не хотимъ плыть—и конецъ. Съ ними надо разговоръ короткій.

— Съ полиціей стащутъ!

— Здѣсь полиція не можетъ. Тутъ русскій флагъ, все одно, что русское владѣнье!..

— Забастовку сдѣлаемъ! Машинная команда, не чисть котловъ! Пусть французовъ нанимаютъ!..

Настроеніе бурно повышалось, но толку никакого не выходило. Были даже предложенія отыскать пароходное начальство и спустить его по трапу, но вопросъ о палубѣ на итальянскомъ грузовикѣ разрѣшался при такомъ способѣ очень проблематично. Мы съ Викторомъ рѣшили вмѣшаться въ дѣло. Выбравъ удобный моментъ, мы посовѣтовали командѣ отправиться въ полномъ составѣ въ русское консульство, указать на явное нарушеніе контракта и потребовать возстановленія справедливости. Предложеніе было принято; какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, намъ, въ качествѣ авторовъ предпріятія, была настойчиво предложена честь представительства. Я указалъ, что это не совсѣмъ удобно, потому что люди мы сторонніе.

— Наплевать!—отвѣтили мнѣ.—Вы только растолкуете, а мы зашумимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вся команда, гремя, свалилась по трапу, и мы отправились въ консульство безпорядочной и шумной толпой, привлекая къ себѣ изумленные взоры встрѣчныхъ. У дверей консульства толпа, однако, притихла. Думая, что вваливаться всѣмъ не стоитъ, я посовѣтовалъ матросамъ остаться на улицѣ и, пригласивъ человѣка четыре, вошелъ въ консульство.

Консула и его помощника не было. Насъ встрѣтилъ какой-то маленькій чиновникъ. Я объяснилъ ему сущность дѣла, прибавивъ, что команда очень волнуется и что едва-ли можно будетъ отправить ее безъ большихъ непріятностей. Чиновникъ, повидимому, призналъ мои доводы убѣдительными.

— Самъ я ничего не могу рѣшить,—сказалъ онъ.—Консулъ

будетъ здѣсь въ 5 часовъ. Мы разсмотримъ это дѣло, и если въ контрактѣ есть соотвѣтствующія оговорки, мы, конечно, сдѣлаемъ командиру указаніе.

Выйдя на улицу, я объяснилъ командѣ, живописно расположившейся на тумбахъ и на тротуарѣ, какого образа дѣйствій ей слѣдуетъ держаться, и мы съ Викторомъ ушли. Уходя, мы съ удивленіемъ замѣтили среди матросовъ боцмана, котораго вначалѣ не было съ нами.

Служба на Альмѣ начиналась собственно со слѣдующаго утра, но намъ хотѣлось предварительно хотя бы бѣгло осмотрѣть судно, чтобы получить какое-нибудь конкретное представленіе о характерѣ предстоящихъ намъ занятій, знакомыхъ намъ донынѣ только по разнымъ «Путешествіямъ съ приключеніями». Съ трудомъ отыскали мы наше скромное суденышко, оказавшееся на-половину скрытымъ огромными кучами какихъ-то грязновато-сѣрыхъ, ломкихъ и неимовѣрно пыльныхъ плитокъ, наваленныхъ на берегу и загромоздившихъ узкій проходъ на добрыхъ девять десятыхъ. Плитки оказались при ближайшемъ изслѣдованіи подсолнечными жмыхами, которыми предстояло намъ угостить шведскую скотину, пасущуюся на скалистыхъ берегахъ Каттегата. Пробравшись кое-какъ между кучами, мы подошли, наконецъ, къ борту Альмы, ставшему вмѣсто чернаго сѣрымъ отъ подсолнечной пыли, тучею висѣвшей въ неподвижномъ воздухѣ... Первое впечатлѣніе, ожидавшее насъ здѣсь, явилось въ видѣ жестоко подбитаго глаза Угрюмова, красовавшагося надъ высокимъ бортомъ.

— Эге!..—сказалъ дворянинъ Угрюмовъ.—Господа ученые... Ну, полѣзай, да не расшибись, а то маменька огорчится!..

Судно на этотъ разъ было нѣсколько болѣе оживлено, чѣмъ въ первое наше посѣщеніе. Изъ маленькой желѣзной трубы надъ «камбузомъ» вился дымокъ, и въ открытую настежь дверцу выглядывала широкая добродушно-нѣмецкая физіономія «кока», привѣтствовавшаго насъ цѣлой серіей веселыхъ подмигиваній и жестовъ. На бакѣ возился съ якорною цѣпью коренастый, флегматическій парень въ тяжелыхъ сапогахъ и матросской фуражкѣ, комфортабельно сдвинутой на самые глаза. Парень этотъ, по объясненію Угрюмова, оказался боцманомъ.

— Вотъ, боцманъ, два новыхъ матроса,—отрекомендовалъ насъ Угрюмовъ.—Two sailors!

Боцманъ посмотрѣлъ на насъ изъ-подъ козырька.

— All right! Ну, карашо!—сказалъ онъ и немедленно углубился въ свою работу, заключавшуюся въ околачиваніи молоткомъ заржавѣвшихъ колецъ цѣпи.

— Айда, ребята, койки занимать!—сказалъ Угрюмовъ.

Мы вошли въ «кубрикъ», матросское помѣщеніе, въ которомъ предстояло намъ пробыть, быть можетъ, долгіе мѣсяцы. Крошечный шалашъ, сбитый изъ досокъ, пронизывался какъ разъ по-

срединѣ толстой передней мачтой. Онъ имѣлъ не болѣе четырехъ шаговъ въ длину и 2—3 въ ширину. Направо, у входной дверцы, составленной изъ двухъ самостоятельныхъ створокъ, одна надъ другой, была прилажена къ стѣнкѣ небольшая доска, призванная служить столомъ; нѣсколько ниже ея торчала другая, уже совсѣмъ крошечная, составлявшая единственное сидѣніе во всей каютѣ. Остальная часть правой стѣнки была занята двумя койками въ видѣ ящиковъ, поставленныхъ одинъ на другой. Точно такими же четырьмя койками была занята вся противоположная стѣна. Маленькое круглое оконце наверху довершало благоустройство нашего морского жилища.

Каждая изъ коекъ представляла собою подлинный глухой ящикъ, внутренность котораго сообщалась съ внѣшнимъ міромъ посредствомъ узкаго отверстія, вырѣзаннаго въ одной изъ боковыхъ стѣнокъ и едва достаточнаго для того, чтобы протиснуться внутрь. Впрочемъ, легко было сообразить, какія выгоды представляло это остроумное устройство на случай хорошей качки. Заглянувъ въ одну изъ верхнихъ коекъ, я съ изумленіемъ открылъ въ ней Лаптева, свернувшагося въ три погибели и спавшаго тѣмъ оцѣпенѣлымъ мертвымъ сномъ, какимъ спятъ только тяжело больные и тяжко пьяные люди.

— Назюзился, простакъ,—сообщилъ Угрюмовъ, въ здоровомъ глазу котораго просіяло выраженіе свѣжаго сладостнаго воспоминанія, отразившееся въ подбитомъ глазу очень оригинальнымъ цвѣтовымъ эффектомъ.—Всю ночь по дѣвкамъ шлялись... Отсыпается вшивая шкура.

Другая верхняя койка была уже занята Угрюмовымъ; на одной изъ нижнихъ расположилъ свои пожитки кокъ. Три койки были свободны.

— Бери верхнюю!—посовѣтовалъ мнѣ Угрюмовъ.

— Не все ли равно?—сказалъ я.

— Ого, братъ, все равно. Вкатитъ тебѣ воды подъ... тогда увидишь, какъ все равно.

— Неужели вода бываетъ здѣсь?—изумился я.

Угрюмовъ не нашелся даже, что отвѣтить, выразивъ неопредѣленно-ругательнымъ междометіемъ свое презрѣніе къ моей наивности. Двустворчатое строеніе двери могло бы послужить мнѣ косвеннымъ намекомъ на неудобство нижнихъ коекъ, но вполнѣ я оцѣнилъ его только впослѣдствіи; пока же я предпочелъ устроиться внизу, предоставивъ верхнюю койку въ распоряженіе Виктора.

Ознакомившись съ нашимъ новымъ жилищемъ, мы вышли на палубу и, пользуясь отсутствіемъ капитана и штурмана, очень внимательно и на первый разъ довольно безтолково изслѣдовали судно. Угрюмовъ слѣдовалъ за нами съ видомъ величественнаго снисхожденія, приличествующаго старому матросу, видимо, на-

слаждаясь нашей полной безпомощностью среди этого дьявольскаго хитросплетенія безчисленныхъ веревокъ. Иногда, впрочемъ, онъ удостоивалъ насъ нѣсколькихъ указаній, чуждыхъ, къ несчастью, какой бы то ни было систематичности и разсчитанныхъ не столько на наше образованіе, сколько на наше удивленіе передъ многосторонней образованностью самого дворянина Угрюмова.

— Гротъ-трисель-фалъ!—изрекалъ онъ иногда, подергивая какой-нибудь толстенный канатъ.—Бизань-топсель-шкотъ!

— А на кой же чортъ собственно эта штука?—спрашиваетъ Викторъ.

— Узнаешь, братъ, въ свое время... Это что! Это судно косого вооруженія, тутъ всякая баба сообразитъ. А вотъ я, какъ первый разъ попалъ на бригъ, съ прямымъ вооруженіемъ, четырехмачтовый!.. И били же меня, мать честная! Корабль англійскій, ни хѣра не понимаю, да закачало еще, блевать сталъ, а меня линькомъ по всякому мѣсту!.. Тебя травитъ, кишки выворачиваются, а тутъ тебя, сукина сына, линькомъ!.. Это, братъ, тебѣ не университетъ...

Правда, это совсѣмъ не было похоже на университетъ. Однако изъ безтолковыхъ и отрывочныхъ указаній Угрюмова намъ удалось на первый же разъ извлечь несомнѣнную пользу. Во-первыхъ, мы сдѣлали открытіе, что всѣ три мачты оснащены совершенно аналогично и что соотвѣтствующія части на всѣхъ трехъ имѣютъ одинаковыя имена, которымъ слѣдуетъ только всякій разъ предпосылать названіе мачты: фокъ-трисель, гротъ-трисель, бизань-трисель. Оба мы были въ восторгѣ отъ своего открытія и зазнались въ концѣ концовъ до того, что стали потѣшаться надъ надутой важностью дворянина Угрюмова.

— Не понимаю, что ты могъ найти въ этомъ мудренаго?—говорилъ Викторъ преувеличенно резонерскимъ тономъ.—Ничего нѣтъ удивительнаго, если тебя били. Ты просто отъ природы глупъ, хотя и дворянинъ.

— Ладно, увидимъ. Тутъ, братъ, тебѣ не море. Видали мы этакихъ!..

Разумѣется, Угрюмовъ очень опредѣленно объяснилъ, какихъ именно «этакихъ» онъ видалъ, но ни одинъ уважающій себя типографскій станокъ не рѣшился бы буквально передать его мнѣніе, равно какъ и всѣ характерныя особенности его рѣчи. Поучительное собесѣдованіе наше было въ самомъ разгарѣ, когда надъ бортомъ, обращеннымъ къ берегу, появилась глуповатая физіономія матроса, прозваннаго наканунѣ Франакой.

— Здорово, красавецъ! Только тебя здѣсь и не хватало!—привѣтствовалъ его Угрюмовъ.

Франака неуклюже перебрался черезъ бортъ и подошелъ къ намъ съ таинственнымъ видомъ.

— Слышь, ребятки!..—шепотомъ сказалъ онъ, дѣлая страшные глаза и озираясь кругомъ.—Васъ помощникъ консула искать хочетъ! Вотъ те святой крестъ!

— Зачѣмъ же мы ему?.. Ты что, изъ консульства, что ли?—спросилъ я.

— Ну да, ну да,—скороговоркой сказалъ Франака.—Нашихъ обѣщали отправить третьимъ классомъ, въ помѣщеніи... Шумѣли какъ—Боже мой!.. А про васъ, братикъ ты мой, боцманъ, сволочь такая, разсказалъ!

— Кому разсказалъ?

— Да помощнику! Ничего бы, говоритъ, не было, а пришли къ намъ, говоритъ, два неизвѣстно кто, должно быть, говоритъ, студенты, всю команду забунтовали; ей-Богу ну, такъ и сказалъ. А помощникъ: ага, говоритъ, я ихъ знаю, кто это такіе! Знаю, знаю,—говоритъ, знаю. Давно, говоритъ, знаю.

— А ну его...—энергически выразился Угрюмовъ.—Чорта ли онъ сдѣлаетъ?..

Мы были, конечно, очень удивлены: откуда помощникъ консула могъ знать насъ, при этомъ «давно знать?» Въ баръ «Эдуарда Седьмого» онъ, вѣроятно, не заходилъ; ни m-r Коганъ, ни m-r Грюнбергъ, навѣрное, не имѣли никакого отношенія къ русскому консульству, и еще меньшее отношеніе могъ имѣть къ нему славный Ріегге, позабывшій среди лѣсистыхъ холмовъ счастливой campagne Vesinet не только россійскихъ чиновниковъ, но даже русскую рѣчь... Перебравъ безъ всякаго результата всѣ возможныя гипотезы и предположенія, мы съ Викторомъ по-просту рѣшили предать забвенію всѣхъ консуловъ, населяющихъ города Западной Европы.

Потомъ мы испросили у боцмана разрѣшеніе перебраться на Альму нынче вечеромъ и отправились въ городъ поѣсть, потому что съ утра у насъ не было во рту ни маковой росинки. Это былъ нашъ послѣдній «сухопутный» обѣдъ или ужинъ, такъ какъ день уже склонялся къ вечеру, и стекла безчисленныхъ кабаковъ Стараго порта ярко блестѣли подъ косвенными лучами солнца.

Простились мы съ m-r Грюнбергомъ очень задушевно, поблагодаривъ его отъ сердца за сковородку и кастрюлю и пожелавъ ему успѣха въ его мистическихъ занятіяхъ. Тронутый хозяинъ произнесъ намъ въ видѣ напутствія краткую рѣчь, внутренній смыслъ которой, однако, остался для насъ въ значительной степени теменъ. Кажется, онъ предлагалъ намъ воспользоваться вновь его гостепріимствомъ по возращеніи изъ плаванья. Связавъ свои походные мѣшки, мы бросили послѣдній прощальный взглядъ на наше жалкое убѣжище, бывшее свидѣтелемъ минувшихъ злополучій, на пыльную постель, гдѣ столько разъ засыпали мы съ пустымъ желудкомъ и грустной безнадежностью въ душѣ, на разрушенную печь, гдѣ никогда не бывало огня, на кривой столикъ,

на которомъ мы писали письма и стихи и ѣли картошку... Затѣмъ пожелали спокойной ночи бѣлому попугаю и отправились спать на Альму, чувствуя себя такъ, какъ будто мы въ жизнь свою не знали никакого другого ремесла, кромѣ ремесла стараго морского волка.

На палубѣ, тускло озаренной свѣтомъ небольшого фонаря, намъ повстрѣчалась маленькая ушастая фигурка, спросившая, кто мы такіе. Мы объяснили. Ушастая фигурка оказалась штурманомъ.

— All right!—по неизмѣнному морскому обычаю сказалъ штурманъ.—Завтра будемъ работать. Теперь спать.

Въ кубрикѣ неистово храпѣли кокъ и Угрюмовъ. Лаптева не было. Забираясь въ свой ящикъ, я вдругъ услышалъ у противоположной стѣны знакомый глуповатый смѣхъ.

— Кто это?—спросилъ я.—Это ты, Франака?

— А ты думалъ кто?

— Чего же ты затесался сюда?

— А я, братикъ мой, съ вами ѣду. Нанялся нынче вечеромъ. Вмѣстѣ, значитъ, поѣдемъ. Вотъ тебѣ и Франака!

— Ну, молодецъ, Франака! Давай спать...

Въ открытую верхнюю створку двери тянуло съ моря вкуснымъ соленымъ вѣтеркомъ, и я сладко уснулъ въ эту первую ночь на суднѣ, свернувшись калачемъ въ своемъ крошечномъ ящичкѣ, гдѣ нельзя было вытянуться во всю длину. Съ непривычки я нѣсколько разъ просыпался и не могъ сразу сообразить, гдѣ я. Снасти чуть слышно поскрипывали подъ ночнымъ вѣтеркомъ, сквозь дверь мигали какіе-то дальніе фонари, гдѣ-то далеко лязгала, должно быть, якорная цѣпь. Сообразивши все это, я снова закутывался въ свое рваное пальтишко и снова сладко засыпалъ со страннымъ грѣющимъ чувствомъ твердой опредѣленности своего положенія.

Когда утромъ Угрюмовъ довольно невѣжливо растолкалъ меня, мнѣ показалось въ первую минуту, что я нахожусь на мельницѣ. Облака бѣлой муки наполняли тѣсную каморку, пронизанныя снопомъ косыхъ солнечныхъ лучей, врывавшихся въ открытую дверь. Викторъ, возившійся у дверей, былъ, очевидно, главнымъ засыпщикомъ: я ни разу въ жизни не видалъ ни одного студента, вываленнаго до такого совершенства въ мукѣ. Выскочивъ на палубу, я увидѣлъ, въ чемъ дѣло. Около полудюжины рабочихъ разгребали подсолнечныя кучи, сложенныя на берегу, складывая ломкія плиты жмыхъ въ огромный ящикъ довольно примитивнаго подъемнаго крана. Начиналась нагрузка корабля.

Пока рабочіе налаживали кранъ, мы успѣли позавтракать. Веселый кокъ, не понимавшій ни одного слова ни по русски, ни по англійски, ни по французски и нисколько не смущавшійся этимъ, притащилъ въ кубрикъ огромный жестяной кувшинъ съ

горячей темно-бурой жидкостью, оказавшейся кофе. Боцманъ принесъ цѣлую груду гигантскихъ квадратныхъ лепешекъ, нѣсколько уступавшихъ по величинѣ жмыховымъ плитамъ, но неизмѣримо превосходившихъ ихъ совершенно каменною твердостью, разсчитанною на львиныя челюсти. Я попробовалъ сначала разломать лепешку руками, но вызвалъ этимъ только презрительную усмѣшку Угрюмова. Старый матросъ завтракалъ съ выдержанной методичностью. Раздробивъ лепешку о колѣно на четыре части, онъ вымачивалъ ее въ кофе и намазывалъ маргариномъ, огромная банка котораго была предоставлена въ наше полное обладаніе. Не прибѣгая къ унизительнымъ словеснымъ совѣтамъ, мы съ Викторомъ просто подражали всѣмъ манипуляціямъ Угрюмова, и завтракъ удался, какъ нельзя лучше.. Правда, мы испытывали легкое смущеніе отъ мысли, что наша служба начинается съ ѣды, и, сдѣлавъ нѣсколько глотковъ кофе, устремились на палубу.

Подъемный кранъ тяжело скрипѣлъ, итальянцы рабочіе весело болтали, разгребая кучи, облака легкой пыли заволакивали весь каналъ и клубились до половины мачтъ. Боцманъ, забравшійся въ глубокій трюмъ, вываливалъ съ однимъ изъ рабочихъ содержимое ящика, крича и гикая на всѣ голоса съ очевиднымъ наслажденіемъ. Маленькій штурманъ, нахлобучивъ огромный картузъ на самыя уши и запустивъ руки въ карманы штановъ до самыхъ локтей, стоялъ возлѣ главнаго люка также съ видомъ величайшаго благодушія. На насъ никто не обращалъ вниманія, и это было глубоко обидно: было нѣчто до такой степени захватывающее во всемъ этомъ гвалтѣ и движеніи, что оставаться простымъ зрителемъ было совершенно невозможно. Мы привязались къ штурману съ вопросомъ, что намъ дѣлать.

— All right, all right,—благодушно сказалъ онъ.—Время есть, времени много.

Викторъ въ концѣ концовъ присталъ къ итальянцамъ на берегу, а я залѣзъ въ трюмъ и сталъ помогать боцману укладывать грузъ въ надлежащемъ порядкѣ. Тѣмъ временемъ къ носовому люку приладили другой кранъ и работа пошла полнымъ ходомъ. Къ полудню добрая часть трюма была наполнена грузомъ, и уже можно было замѣтить, что борта судна нѣсколько опустились надъ плитами пристани.

Небольшой колоколъ на бакѣ прозвучалъ подъ рядъ четыре раза. Это означало, что пробило четыре склянки, и кокъ немедленно притащилъ въ кубрикъ довольно объемистый бакъ съ такимъ чудеснымъ супомъ, какого мы ни разу не ѣдали на своей площади. Ѣли, какъ водится, всѣ вмѣстѣ; Викторъ, Франака и я стояли; единственное сидѣнье было занято Угрюмовымъ по безспорному праву перваго захвата. Лаптевъ пропадалъ на берегу.

— Ѣшь, ѣшь, молодчики, говядинку,—говорилъ Угрюмовъ, рас-

пластывая на грязномъ столѣ свою порцію:—въ морѣ этимъ не балуются!.. Солонинка съ галетами!..

Угрюмовъ вообще взялъ за правило пугать насъ моремъ.

— Надорвете пупокъ, ученые. Бросьте, пока есть время.

Викторъ сердился:

— Напрасно безпокоитесь, дворянинъ Угрюмовъ. Видите, работаемъ не хуже васъ.

— Это что! Тутъ, братъ, тебѣ не море. Тутъ всякая баба можетъ работать.

Нѣсколько дней подъ рядъ мы возились въ облакахъ подсолнечной пыли. Судно быстро заполнялось. Несмотря на зловѣщія предсказанія Угрюмова, мы нетерпѣливо ждали выхода въ море. Работа нисколько не пугала насъ. Напротивъ, мы истосковались по работѣ и испытывали теперь самое подлинное наслажденіе, вознаграждавшее насъ за долгіе мѣсяцы унизительно-безпомощной и тоскливой праздности. Блужданія по средиземноморскому прибрежью, m-r Коганъ съ его широкими коммерческими планами, скучные дни и ночная тоска, непривѣтливый русскій профессоръ и увеселительное заведеніе желтоволосой Жозефины — все это разомъ отодвинулось въ неизмѣримую даль, залилось волною ясныхъ, радостныхъ и здоровыхъ ощущеній. Трудъ не только укрѣпляетъ тѣло; онъ организуетъ душу... А тамъ впереди улыбалось таинственное прекрасное море, чистое дыханіе котораго уже теперь каждую ночь навѣвало намъ крѣпкій, освѣжающій сонъ. Было радостно и жутко думать, что скоро весь видимый міръ для насъ будетъ только море. Съ каждымъ днемъ это становилось ближе.

Однажды утромъ мы съ Франакой складывали на бакѣ буксирный канатъ. Уже наканунѣ окончена была нагрузка корабля и всѣ три люка были плотно затянуты толстымъ брезентомъ поверхъ плотно наложенныхъ крышекъ. На разсвѣтѣ мы тщательно вымыли судно, окатили его разъ десять соленой водой, и теперь мокрая палуба его весело блестѣла на солнцѣ. Шлюпки были выволочены изъ-за борта, опрокинуты и крѣпко прикручены къ кольцамъ, ввинченнымъ въ палубу. На восходѣ солнца капитанъ вылѣзъ изъ своей каюты и долго нюхалъ воздухъ и глядѣлъ на небо; потомъ снова спустился въ каюту, досталъ какія-то бумаги, спрыгнулъ съ опустившагося борта на берегъ и ушелъ въ городъ. Викторъ и Угрюмовъ, подвязавъ къ поясу маленькія ведерки съ масломъ, мазали мачты, ползая высоко между снастями, какъ два паука на паутинѣ. Лаптевъ, слѣдуя весьма распространенному и освященному морскими традиціями обычаю, все время добросовѣстно пьянствовалъ, не желая знать судна до выхода въ море, и теперь мирно спалъ въ кубрикѣ. Кокъ сидѣлъ противъ своей кухонки прямо на палубѣ, прислонившись спиной къ борту, и, раскинувъ ноги, чистилъ большой кухонный котелъ, весело распѣвая

какую-то нѣмецкую ерунду и иногда постукивая по днищу котла въ цѣляхъ вящшаго музыкальнаго эффекта. Мы съ Франакой, какъ сказано, складывали тяжелый, ссохшійся буксирный канатъ, стараясь сообщить ему форму, удобную для быстраго развертыванія.

На берегу шла обычная портовая суматоха, давно успѣвшая примелькаться намъ. Къ тому же, за недѣлю службы на суднѣ я успѣлъ въ значительной степени проникнуться тѣмъ уничтожающимъ презрѣніемъ ко всему сухопутному, которое исповѣдуется каждымъ истиннымъ парусным матросомъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если я не обратилъ особеннаго вниманія на три фигуры, бродившія взадъ и впередъ по набережной мимо Альмы. Въ фигурахъ этихъ, однако, было нѣчто, не совсѣмъ гармонировавшее съ общимъ колоритомъ того счастливаго закоулка Стараго порта, гостепріимствомъ котораго пользовалось наше невзыскательное суденышко. Всѣ три субъекта были одѣты совершенно по джентльмэнски и могли бы сойти за самыхъ настоящихъ menssieurs, если бъ этому отчасти не противорѣчили ихъ нѣсколько вороватыя и безпокойныя манеры. Они нѣсколько разъ прошли мимо судна, потомъ двое изъ нихъ стали поодаль, а третій подошелъ къ самому борту и остановился, поглядывая то на русскій флагъ, развивавшійся на бизани, то на носовую часть судна, гдѣ красовалось полустертое названіе шхуны.

— Братикъ!—сказалъ Франака, хватая меня за руку:—смотри, ей-Богу, помощникъ консула!

— Ну, и молчи!—быстро сказалъ я.—Дѣлай свое дѣло!

Существо, разглядывавшее судно, ни въ коемъ случаѣ не могло бы почесться слишкомъ симпатичнымъ. Потасканное, блѣдное лицо, жидкая бородка, маленькіе рысьи глаза и какая-то особенная блудливая, воровская повадка—все это не очень располагало въ его пользу. Постоявъ нѣсколько минутъ, незнакомецъ сдѣлалъ мистическій знакъ своимъ спутникамъ и сталъ взбираться на Альму. Спустя мгновеніе, онъ былъ на палубѣ возлѣ грота. Черезъ крышу кубрика намъ была видна только его голова.

Незнакомецъ стоялъ на палубѣ, нерѣшительно поглядывая то по сторонамъ, то на верхъ грота, гдѣ между снастей живописно вырисовывались ноги Виктора, повидимому, всецѣло углубленнаго въ свое отвѣтственное занятіе.

— Ей-Богу, онъ самый, лопни мои глаза!..—прошепталъ Франака, дѣлая страшные глаза.—Какъ есть онъ. Это онъ за вами пришелъ, вотъ-те крестъ! Онъ меня спрашивалъ вѣдь...

— Отвернись!—приказалъ я Франакѣ такимъ энергическимъ шепотомъ, что онъ немедленно повиновался. Я продолжалъ свертывать канатъ съ невозмутимымъ видомъ стараго, просоленнаго моремъ матроса.

Въ это время изъ кормовой каюты, гдѣ помѣщалось начальство, показался боцманъ.

О боцманѣ будетъ еще рѣчь впереди. Я неизмѣнно испытываю умиленное чувство всякій разъ, какъ вспоминаю этого славнаго малаго, покоющагося теперь на днѣ Атлантическаго океана. Это было чистокровное морское чудище, прямое исчадіе вѣтра и волнъ, ненавидѣвшее берегъ и тосковавшее на берегу, любившее море, какъ мать, и Альму, какъ возлюбленную. Онъ былъ эстонецъ, родился на какомъ-то крошечномъ балтійскомъ островкѣ, весь былъ пропитанъ запахомъ моря, какъ водоросль, и, вѣроятно, когда онъ задумывался, въ головѣ его, какъ въ раковинѣ, не было ничего, кромѣ смутнаго шума волнъ. Смышленный, находчивый и проворный во всемъ, что замыкалось въ тѣсныхъ предѣлахъ корабельнаго борта, онъ былъ упрямо и злобно безтолковъ во всемъ остальномъ... Теперь онъ съ самымъ непривѣтливымъ видомъ приблизился къ помощнику консула, мрачно оглядывая его невзрачную фигуру, казавшуюся особенно нелѣпой среди характерной обстановки паруснаго судна.

До насъ донеслись только обрывки краткаго разговора. Было слышно, что посѣтитель пробормоталъ что-то невнятное о студентахъ.

— Какой Student? Student? Kein Student! — грубо отрѣзалъ боцманъ.—Nur Matrosen! Sailors! Здѣсь корабль, ship! Какой Student, goddam! Kein Student!..

Въ тонѣ боцмана было столько негодующаго презрѣнія, что посѣтителю оставалось только уйти. Пожавъ плечами, онъ окинулъ смущеннымъ взглядомъ все судно, взглянулъ еще разъ на вершину грота, гдѣ между снастей болтались ноги Виктора, и торопливо перебрался черезъ бортъ. Когда таинственные спутники присоединились къ нему, онъ еще разъ пожалъ плечами, и затѣмъ всѣ трое скрылись за поворотомъ улицы, ведущей въ городъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Викторъ спустился съ мачты.

— Видѣлъ?—спросилъ я его.—Предпріимчивый народъ наши чиновные соотечественники!

— А знаешь, кто это былъ?—спросилъ въ свою очередь Викторъ.

— Ну, конечно, знаю. Помощникъ консула.

— Помощникъ консула—это во-первыхъ. А во-вторыхъ, это не кто иной, какъ нашъ давнишній знакомецъ Р., professeur russe!

Смыслъ этого посѣщенія навсегда остался для насъ загадочнымъ. Хотѣлъ ли «русскій профессоръ» арестовать насъ на палубѣ судна, осѣненной россійскимъ флагомъ, или мечталъ онъ, познакомившись съ нами ближе, написать профессіональное донесеніе о студенческой крамолѣ въ департаментѣ Устьевъ Роны и продвинуться такимъ образомъ въ своей профессорской карьерѣ— все это осталось погребеннымъ въ пинкертоновскихъ тайникахъ души de monsieur Pomorsky, professeur russe...

Пламенное южное солнце уже склонялось къ западу, когда вернулся съ бумагами капитанъ. Вскорѣ послѣ этого, бойко попыхивая маленькой трубой, къ Альмѣ подошелъ миніатюрный пароходикъ и съ дѣловитымъ видомъ остановился подъ самымъ бушпритомъ.

Изъ кормовой каюты, какъ пушечное ядро, вырвался боцманъ. На лицѣ его изображался послѣдній предѣлъ человѣческаго восторга.

— Якорь!—неистово заоралъ онъ, стремглавъ кидаясь чрезъ все судно къ носовой части.—Якорь, goddam, sacrament!

Всѣ, даже кокъ, чистившій на ужинъ картошку, такъ же бѣшено кинулись на бакъ, къ тяжелому якорному коромыслу. Лаптевъ, казавшійся безнадежнымъ полчаса назадъ, выскочилъ изъ кубрика и ухватился за коромысло, не успѣвъ даже хорошенько прокашляться тѣмъ особеннымъ похмельнымъ кашлемъ, который знакомъ только выдержаннымъ и убѣжденнымъ пьяницамъ. Моментъ поднятія якоря—моментъ высокій, торжественный, почти священный: съ этого момента судно порываетъ связь съ землею и переходитъ въ подданство къ другой стихіи, могучей, своенравной и грозной.

Черезъ нѣсколько минутъ якорь былъ поднятъ и укрѣпленъ, береговые канаты «отданы», и маленькій буксиръ медленно потянулъ насъ по каналу. Поплыли мимо склады, кабаки, суда; коекто провожалъ насъ равнодушнымъ взглядомъ, и это равнодушіе казалось страннымъ: вѣдь мы выходимъ въ море... Вонъ оно синѣетъ уже за поворотомъ, мощное, безпредѣльное, сіяющее!..

«Привѣтъ тебѣ, вѣчное море, мать красоты, родившейся въ пѣнѣ»!.. На душѣ жуткое и сладкое чувство, что-то невѣдомое поднимается и растетъ тамъ; эта необъятная, незнакомая даль, теряющаяся въ блескѣ и въ искрометной лазури, властно подчиняетъ себѣ зрѣніе, мысль и душу: не хочется оглядываться на городъ, маленькій, копошащійся муравейникъ... И я не могу оторвать глаза отъ этой лучезарно-льющейся шири. Вѣдь это оно, море Нептуна, море Одиссея, море звонкоголосыхъ сиренъ и бѣлоногихъ дочерей Океана, море, носившее аргонавтовъ, родившее золотую Афродиту, овѣянное чистѣйшимъ ароматомъ юной поэзіи человѣчества, Средиземное море!

— Прощайся, Гансъ,—говоритъ рядомъ Угрюмовъ. Гансъ— это сокращеніе моего имени, изобрѣтенное боцманомъ и разомъ вошедшее въ обиходъ.

Я оглядываюсь. Городъ уже весь виденъ, какъ на ладони. Солнце скользитъ по крышамъ, радужно пламенѣетъ въ стеклахъ домовъ. Золотая фигура на куполѣ Notre Dame сіяетъ, какъ звѣзда. Матросы снимаютъ шапки и машутъ по направленію къ берегу. Боцманъ оретъ что-то неистовое. Викторъ забрался на ванты и тоже машетъ шапкой, и глаза у него сіяютъ отъ сердеч-

ной полноты. Я тоже снимаю шапку, машу, потомъ снова оборачиваюсь къ морю. Уже волны плавно покачиваютъ Альму; маленькій пароходикъ ныряетъ впереди съ сосредоточеннымъ и добросовѣстнымъ усердіемъ; отъ винта его, наперекоръ волнамъ, вытягивается вплоть до Альмы круглый, пузырчато-малахитовый валъ, унизанный живымъ кружевомъ пѣны.

Вдругъ снѣжно-малахитовый валъ, клубящійся впереди насъ, разомъ осѣдаетъ и пароходикъ останавливается.

— Бери конецъ!—оретъ боцманъ.

Съ кормы пароходика съ плескомъ грузно шлепается въ воду отпущенный буксиръ. Мы впятеромъ на бакѣ, въ десять рукъ живо подбираемъ мокрый тяжелый канатъ, который боцманъ тутъ же складываетъ въ толстую тумбу. Пароходикъ тѣмъ временемъ описываетъ красивый полукругъ, оставляя за собой пѣнистую, сіяющую дугу, и быстро удаляется по направленію къ берегу.

— Къ парусамъ!—раздается команда.

Наступаетъ самый важный моментъ. У рулевого колеса, еще безсильнаго и безпомощнаго, самъ капитанъ; сейчасъ руль вступитъ въ свои права.

— Фокъ!

Тяжко поскрипывая, ползетъ кверху огромное бревно-гафель, увлекая за собою передній большой парусъ, фокъ-трисель. Изо всей силы, напрягаясь всѣмъ тѣломъ, мы тянемъ, перехватывая руками, толстый, закорузлый фалъ, на которомъ виситъ гафель.

— Разъ! Разъ!—командуетъ кто-то. Кокъ вертится тутъ-же, забывъ о своей картошкѣ, и тоже подхватываетъ понравившееся ему русское слово: разъ! разъ!.. Уже до половины поднятъ парусъ, и вѣтеръ успѣлъ уже обратить его въ длиный уродливый мѣшокъ; мало-по-малу онъ растягивается, выпрямляется, еще нѣсколько усилій—и вотъ онъ всталъ во всю вышину, бѣлый, напряженный, полный вѣтромъ. Въ безтолковое колыханіе судна вошла какая-то правильность: трудно сообразить, но что-то сразу измѣнилось. Капитанъ на кормѣ отчаянно вертитъ колесо.

Теперь гротъ. То-же самое, только еще труднѣе, потому что парусъ больше и гафель тяжелѣй. Поставленъ и гротъ-трисель, огромная тѣнь, какъ темное крыло, легла на палубу... Бизань,—послѣдній большой парусъ. Руки въ суставахъ уже поднываютъ, но во всемъ тѣлѣ такая радость, и свѣжесть, и жадная потребность двигаться, работать...

Готово. Теперь верхніе паруса—топсели. Я взбираюсь тутъ же, на бизань, распутываю веревку, которой обмотанъ свернутый въ куклу и привязанный къ мачтѣ парусъ, пытаюсь расправить его и чуть не срываюсь внизъ, потому что парусъ не желаетъ ждать и мгновенно развертывается самъ, очень невѣжливо хлопая меня по лицу.

— Лови шкотъ!—кричу я Франакѣ, который стоитъ внизу, не спуская съ меня глазъ.

— Есть!—кричитъ онъ, подхватывая веревку. Ужасно смѣшнымъ кажется сверху Франака. Я оглядываюсь на другія мачты: гдѣ Викторъ? Вотъ онъ, спускается съ фока, не торопясь, озирается кругомъ на море, потомъ замѣчаетъ меня, машетъ рукой и что-то кричитъ. Я не слышу, такъ какъ вѣтеръ свиститъ въ ушахъ и парусъ трепещетъ и пласкается. Вся палуба какъ на ладони и все судно отсюда кажется аккуратнымъ, хорошенькимъ. Волны ослѣпительно блестятъ, смотрѣть больно.

— Слѣзай, Гансъ!—кричитъ Угрюмовъ.—Падай по штангу!

Это своего рода матроссій форсъ. Я схватываюсь руками за толстый проволочный канатъ, соединяющій вершину мачты съ бортомъ корабля, оплетаюсь вокругъ него ногами и мигомъ соскальзываю на бортъ, спрыгиваю на палубу.

Теперь послѣдній актъ торжества отплытія. У рулевого колеса все еще капитанъ. Всѣ мы выстраиваемся на палубѣ возлѣ грота. Съ кормы показывается штурманъ съ бутылкой и небольшимъ стаканомъ въ смѣшно растопыренныхъ рукахъ. Физіономія у него сіяетъ, уши, кажется, смотрятъ еще болѣе врозь, красные глаза таращатся отъ удовольствія и весь видъ уморительно торжественный.

— Ну, пошли въ море,—говоритъ онъ, подходя:—дай Богъ хорошій вѣтеръ...

Онъ наливаетъ каждому изъ насъ коньяку и, прежде, чѣмъ подать, высоко поднимаетъ стаканъ, и заходящее солнце играетъ въ топазовой жидкости. Не пить нельзя—это не пустое дѣло, а часть торжества, ритуалъ, свято чтимый на парусномъ суднѣ.

По порядку выпиваемъ. Франака давится и фыркаетъ. Лаптевъ вздыхаетъ облегченно.

— All right,—говоритъ штурманъ.—Рулевой—маршъ на мѣсто. Süd-West-Süd!

Въ морѣ.

Когда теперь, нѣсколько лѣтъ спустя, я оглядываюсь назадъ и пробѣгаю мысленно свою недолгую матросскую службу, вся она представляется мнѣ страннымъ, необычнымъ сномъ, полнымъ быстрыхъ, смѣняющихся картинъ, яркихъ красокъ, звѣзднаго блеска и вѣчнаго, сладкаго морского шума. Мозоли на моихъ рукахъ исчезли давно, и мнѣ уже трудно представить себѣ то ощущеніе неимовѣрной усталости, съ какимъ, бывало, влѣзалъ я послѣ вахты въ свой крошечный гробикъ-койку, чтобы заснуть мгновенно мертвымъ сномъ. Но до сихъ поръ, засыпая, я явственно слышу иногда ритмическое поскрипываніе распатанной фокъ-мачты и мелодичный рокотъ, серебряно-звонкое пѣніе невидимыхъ струй гдѣ-то внизу, подъ килемъ.

Работать на первыхъ порахъ было страшно трудно. Когда былъ противный вѣтеръ, бедвиндъ, и судно маневрировало, мы должны были то и дѣло ползать по вантамъ, перебрасывать верхніе паруса на другой «галсъ», тянуть изо всѣхъ силъ безчисленные «концы», спускать и свертывать одни паруса, поднимать другіе и снова тянуть канаты. Отъ этого ладони быстро стирались, и на нихъ образовывались глубокія трещины и ссадины; морская вода, ежеминутно закидываемая на палубу неугомонными валами, разъѣдала эти раны, и ладони на нѣкоторое время утрачивали способность разгибаться; мало по малу раны заживали, уступая мѣсто великолѣпнымъ твердымъ мозолямъ, которыми заканчивалось приспособленіе рукъ. Получалась настоящая матросская рука, необходимая для того, чтобы собрать въ комокъ и закрутить веревкой надутый вѣтромъ, мокрый, рвущійся и злобно хлещущій человѣка парусъ.

Искусство держаться безъ помощи рукъ на реяхъ при операціяхъ надъ парусами мы постигли довольно быстро: въ сущности, это не труднѣе, чѣмъ научиться ѣздить на велосипедѣ, и достигается это такъ же неожиданно и безотчетно. Первое время, забравшись на вершину неистово качающейся мачты, вы безпомощно («какъ макака»—по выраженію матросовъ) цѣпляетесь за окружающую васъ сѣть снастей и больше держитесь, чѣмъ работаете. Вѣтеръ свиститъ въ снастяхъ, треплетъ на васъ неуклюжую гутаперчевую куртку, перехватываетъ вамъ дыханіе, рѣжетъ глаза, вообще изводитъ всѣми средствами; подъ собой, то справа, то слѣва судна вы видите клокочущую бездну растрепанныхъ остервенѣлыхъ волнъ; на палубѣ у подножія мачты неистово и сипло ругается штурманъ: нужно работать. Вы пытаетесь сначала захватить упругій тяжелый парусъ одной рукой, зажимаете въ складку твердую, закорузлую холстину, стискивая пальцы до боли подъ ногтями; парусъ вырывается, штурманъ хрипло спрашиваетъ, не издохли ли вы. Тогда съ отчаянной рѣшимостью вы наваливаетесь животомъ на рею, схватываетесь за парусъ обѣими руками и, частью борясь съ нимъ, частью держась за него, подбираете его подъ себя и мало по малу побѣждаете его. На слѣдующій разъ вы уже начинаете съ того, что ложитесь на рею, и на десятый разъ дѣло у васъ идетъ отлично. Викторъ достигъ особеннаго искусства въ парусномъ дѣлѣ. Онъ былъ въ одной вахтѣ съ боцманомъ, преданнымъ матросскому искусству со страстностью фанатика.

— Викторъ будетъ хорошій матросъ... Надо немножко учиться — хорошій матросъ будетъ...—говорилъ онъ, бывало.

Пріемы морского воспитанія, какъ извѣстно, довольно просты. Въ первую же «свѣжую», т. е. отвратительную, погоду, намъ съ Викторомъ приказано было убрать бомъ-кливеръ—послѣдній изъ четырехъ треугольныхъ переднихъ парусовъ, на самомъ концѣ бушприта. Шли «бедвиндомъ», то есть противъ вѣтра, была от-

чаянная качка вдоль судна, и осѣвшій, обвисшій бушпритъ иногда обмакивался концомъ въ верхушки могучихъ встрѣчныхъ валовъ. На этотъ конецъ намъ предстояло забраться.

— Гансъ, Викторъ... живо, убрать бомъ-кливеръ!.. Разъ-два, гопъ!..

Штурманъ отдалъ команду съ совершенно равнодушнымъ, даже благодушнымъ видомъ; затѣмъ остановился возлѣ бака, засунувъ руки глубоко въ карманы и устремивъ глаза на небо, по которому неслись стремглавъ какія то грязныя лохмотья. Какъ будто ему до насъ не было никакого дѣла, хитрой красноглазой обезьянѣ; однако я прекрасно понималъ, что, глядя въ небо, онъ въ сущности наблюдаетъ насъ и наслаждается... Мы полѣзли, перебирая ногами по толстой, мотающейся веревкѣ, протянутой подъ бушпритомъ. Вѣтеръ словно ждалъ насъ; не успѣли мы долѣзть до половины, какъ онъ успѣлъ обдать насъ съ ногъ до головы тучей мелкихъ брызгъ, засвисталъ въ ушахъ, сдѣлалъ попытку сбросить сначала насъ, потомъ рѣшилъ довольствоваться нашими картузами; потерпѣвъ здѣсь неудачу, онъ устроилъ у Виктора на спинѣ нѣчто вродѣ воздушнаго шара изъ куртки, а мнѣ залѣпилъ глаза соленой водой и закинулъ съ полъ-литра ея за воротникъ. Съ грѣхомъ пополамъ, цѣпляясь за все, что попало, за паруса, за штанги, за скользкое бревно бушприта, другъ за друга, мы добрались, наконецъ, до передняго паруса, который штурманъ уже успѣлъ спустить, освободивши поддерживающую его веревку (фалъ), привязанную на палубѣ.

Мы качались, какъ муха, сѣвшая на тонкій стебель, не зная, съ чего начать и что дѣлать съ этой мокрой грудой толстаго полотна, неуклюже громоздившейся на концѣ мачты; казалось невозможнымъ даже подойти къ ней вплотную, такъ какъ держаться было уже не за что. Подъ нашими ногами яростно кипѣли, пѣнились и метались совершенно сумасшедшія волны, казавшіяся отвратительно холодными и неумолимо злыми.

— Ну, что жъ, эй вы тамъ? Разъ-два... гопъ!..—слышится голосъ штурмана. Стоитъ животное по прежнему, устремивъ красные глаза къ небу и засунувъ руки до локтей въ карманы.

Насъ поднимаетъ въ невѣдомую высь; потомъ мы бухаемся внизъ и какой то злобно-озорной гребень облизываетъ намъ ноги до колѣнъ. Проклятіе... Нужно же что-нибудь предпринять. Оба мы съ двухъ сторонъ ухватываемся за парусъ и безтолково тянемъ его въ разныя стороны; тѣмъ временемъ насъ опять поднимаетъ на радость вѣтру, и опять мы ухаемъ внизъ, и тогда намъ кажется, что мы уже оборвались и сейчасъ насъ захлестнутъ эти явно ненавидящія насъ холодныя и злыя волны.

— Постой, Гансъ, я нашелъ какую-то веревку...—говоритъ Викторъ голосомъ, прерывающимся отъ вѣтра.

— Сезень...—кричу я радостно.—Тащи его!

Общими усиліями, держась непостижимо какимъ образомъ, мы выволакиваемъ изъ-подъ паруснаго комка длинный, свободный канатъ. Викторъ перекидываетъ его мнѣ; я ложусь съ отчаянными усиліями на парусъ и подсовываю веревку внизъ, подъ бушпритъ; Викторъ выдѣлываетъ какой-то головоломный акробатическій номеръ, захватываетъ канатъ изъ-подъ низа и снова передаетъ мнѣ поверхъ паруса: первое кольцо крѣпи готово, теперь дѣло пойдетъ. Ноги у насъ обмакиваются опять, за воротникъ мнѣ попало въ общей сложности не менѣе ведра, у Виктора клеенчатая куртка сбилась гармоникой и помѣщается на плечахъ около самой шеи, но намъ не до мелочей; опять я лежу на животѣ, опять Викторъ выдѣлываетъ фантастическіе фокусы подъ бушпритомъ, и безформенный полотняный комъ мало-по-малу обращается въ крѣпко затянутую длинную куклу. Готово... Лѣземъ назадъ, мокрые, озябшіе, но торжествующіе. Штурманъ и ухомъ не ведетъ.

— Надо дѣлать скоро...—говоритъ онъ.—Что возиться два часа, какъ баба!..

Этотъ штурманъ въ высокой степени обладалъ талантомъ, присущимъ всѣмъ штурманамъ: безпрерывно изобрѣтать работу, чтобы матросъ ни одной минуты не былъ безъ дѣла. Въ бурную погоду или при встрѣчномъ вѣтрѣ изобрѣтать было нечего, потому что возня съ парусами поглощала все вниманіе, всѣ силы и все время. Его талантъ проявлялся въ ясные дни при хорошемъ устойчиво-попутномъ вѣтрѣ: тутъ мы скоблили палубу («декъ») или борта, сдирали съ нихъ вспузырившуюся краску, протирали по двадцати разъ ночные фонари, обивали молоткомъ ржавчину съ цѣпей. Если всего этого было недостаточно, подтягивали ослабѣвшія ванты и связывали (или плѣсневали) ихъ, если онѣ отъ многократнаго подтягиванія лопались; развязывали и завязывали вновь выбленки— однимъ словомъ, не бездѣйствовали. Штурманъ, какъ и подобаетъ начальству, самъ дѣлалъ очень мало. Нахлобучивъ широкій картузъ на оттопыренныя огромныя уши, отчего они оттопыривались еще больше, и запустивъ руки въ карманы до локтей, онъ цѣлый день слонялся по судну, насвистывая популярныя матросскія мелодіи. Капитана мы видѣли рѣдко: большую часть сутокъ онъ проводилъ у себя въ каютѣ, доступъ куда возбраненъ матросу. Изрѣдка показывалась на высокомъ ютѣ, возлѣ бизани, его мощная фигура; облокотившись на мачту, онъ иногда подолгу безмолвно смотрѣлъ черезъ все судно впередъ на дальній горизонтъ своими небольшими умными глазами съ яснымъ и твердымъ взглядомъ. Потомъ снова скрывался внизъ.

Боцманъ цѣлый день работалъ неустанно и съ очевиднымъ наслажденіемъ. Если оказывалось, что дѣлать въ сущности уже рѣшительно нечего (хотя случалось это исключительно рѣдко), онъ вытаскивалъ изъ паруснаго ящика какое-то старое тряпье, разстилалъ его на палубѣ возлѣ грота и съ изумительной ловкостью

штопалъ безчисленныя дыры и прорѣхи. Тутъ мы иногда вступали съ нимъ въ долгія бесѣды на истинно вавилонскомъ нарѣчіи, гдѣ русскія, нѣмецкія и англійскія слова неистово перепутывались на зло всѣмъ грамматикамъ, какія есть на свѣтѣ.

— Теперь хорошо, — говоритъ боцманъ. — Теперь работа— nicht schwer, Winter das ist schwer. Goddam! Гансъ! Ты ничего не понимаешь. Winter—вотъ работа на ship! Холодъ, вѣтеръ—ухъ. Eis, überall: шкотъ, фалъ, нагель, — Eis, Eis! парусъ — вотъ такой...

Онъ постукивалъ себя по подошвѣ сапога.

— Вотъ, какъ его взять? Холодъ, замерзъ, вву-у!.. Хватилъ парусъ, eins, zwei,—тутъ, на Finger—кровь, Goddam!.. Хорошо...

— Что же хорошаго?—удивляюсь я.

— Хорошо, Гансъ...—увѣренно говоритъ боцманъ.—Ты ничего не понимаешь. Викторъ—тоже; но Викторъ будетъ хорошій матросъ. Въ Gotenburg шесть бутылокъ пива.

— А скоро Готенбургъ?—спрашиваю я.

— Скоро, скоро...—говоритъ боцманъ.—Здѣсь море, плохой Wind. Оцеанъ—хорошій Wind; тамъ скоро пойдемъ.

Должно быть, вѣтеръ, дѣйствительно, былъ плохъ, хотя дулъ постоянно. Приблизительно черезъ недѣлю послѣ отплытія изъ Марселя влѣво отъ судна обрисовался смутный, синеватый силуэтъ какой-то земли. Такъ какъ мы все время держались направленія приблизительно на югъ, я вообразилъ, что это Африка, сердце у меня дрогнуло.

— Смотри, Африка!..—сказалъ я Угрюмову, съ которымъ мы вмѣстѣ стояли на бакѣ.

— Эхъ ты, голова...—отвѣтилъ онъ презрительно,—пріѣхалъ въ Африку простакъ. Это—Балеарскіе острова.

— Однако полземъ мы не больно скоро,—сказалъ я, разочарованный этимъ сообщеніемъ.

— А, что братъ? Десять дней поплавалъ—и гайка отдалась, земли захотѣлось? Бери-ка скребокъ, давай обдеремъ вотъ тутъ.

Мы занялись скобленіемъ. Было досадно. Мнѣ хотѣлось скорѣе увидѣть океанъ.

— Еще поболтаемся до Гибралтара,—продолжалъ Угрюмовъ.— Это, братъ, тебѣ не пароходъ. Хорошо еще—штиля не было, а то другой разъ, какъ застопоритъ дней на двѣнадцать,—вотъ когда шкиперъ остервенѣетъ. Жрать-то вѣдь ты жрешь, жалованіе тебѣ идетъ, а судно болтается на одномъ мѣстѣ. Намъ, понятно, это на руку. Что картошка да лукъ выйдутъ,—намъ на это плевать, жалованья за то больше сгребемъ...

Нѣкоторое время мы скоблимъ молча. Потомъ Угрюмовъ начинаетъ самодовольно усмѣхаться.

— Чего ты?—спрашиваю я.

— Плавалъ я однажды вотъ на такомъ же корытѣ. Шкиперъ

любилъ дрыхнуть: всю ночь и весь день захрапываетъ; проснется, хватитъ водки и опять дрыхнетъ. Такъ что мы дѣлали: ночью—трое насъ было на вахтѣ съ боцманомъ—повернемъ судно, да назадъ часа три съ половиной лупимъ. Съ недѣлю такъ катались. Потомъ догадался, должно быть, сукинъ сынъ, или водку всю ухлопалъ: меньше дрыхнуть сталъ.

— Это, дядя, довольно безсовѣстно!—говорю я.

— Хе-хе... Это у васъ совѣсть, а нашему брату лишь бы въ кишкѣ не свербѣло.

Тутъ дворянинъ Угрюмовъ обыкновенно пускался въ длинныя розсказни о различныхъ продѣлкахъ болѣе или менѣе мошенническаго характера—съ видимой цѣлью вызвать съ моей стороны возмущеніе. Я уже успѣлъ, однако, привыкнуть къ дворянину Угрюмову.

Мы были съ нимъ въ одной вахтѣ, вмѣстѣ работали по ночамъ и между нами установилось нѣчто вродѣ дружбы своего рода. Несомнѣнно, Угрюмовъ мнѣ симпатизировалъ и любилъ вести со мною бесѣды, особенно по ночамъ, когда третій вахтенный нашей смѣны—Франака—стоялъ на рулѣ, а мы съ Угрюмовымъ слѣдили на бакѣ встрѣчные огни. Удивительна была смѣсь различныхъ свойствъ въ характерѣ Угрюмова. Бывали минуты, когда въ немъ что-то пробуждалось: тогда языкъ его, являвшійся типичнымъ образцомъ матросскаго жаргона, пересыпаннаго, какъ перцемъ, ѣдкой и причудливо-похабной руганью,—пріобрѣталъ вдругъ всѣ качества хорошей интеллигентной рѣчи. Являлись какія-то совершенно новыя настроенія, и предо мной былъ очень неглупый, о многомъ думавшій человѣкъ, имѣющій свои основанія быть недовольнымъ жизнью. Что-то неладное, повидимому, было въ его семьѣ, какая-то тяжелая уродливость, сказавшаяся на всемъ его дѣтствѣ. Были какія-то тяжкія ссоры между отцомъ и матерью, была атмосфера постоянной озлобленности, вспышки ненависти, во время которыхъ ребенокъ являлся, быть можетъ, орудіемъ борьбы, былъ какой-то глупый, злой, и, къ несчастью, столь обычный семейственный кошмаръ, поселившій въ душѣ маленькаго дворянина Угрюмова рѣшительное отвращеніе къ домашнему очагу и первыя зерна скептическаго цинизма. Обыкновенно, дойдя въ своихъ разсказахъ до воспоминаній давняго дѣтства, Угрюмовъ вдругъ и разомъ стряхивалъ съ себя то необычное, грустно-просвѣтленное настроеніе, которое рождалось въ немъ въ тихія ночи, полныя звѣзднаго сіянія и гармоническаго рокота моря. Стопудовое ругательство, какъ печать, прихлопывало отвернувшуюся страницу былого, и дворянинъ Угрюмовъ вновь преображался въ темнаго, непутеваго бродягу, для котораго весь міръ представлялся въ видѣ пьянаго публичнаго дома, человѣчество—въ видѣ ватаги прохвостовъ, женщина... Но дать опредѣленіе тому, чѣмъ въ глазахъ Угрюмова являлась женщина, положительно свыше моихъ силъ.

Онъ натерпѣлся во всякомъ случаѣ многаго, этотъ геральдическій бродяга, считавшій своихъ предковъ, кажется, отъ временъ какого-то изъ Іоанновъ. Плавать по морямъ онъ началъ двѣнадцати лѣтъ; били его, какъ собаку, и, судя по его рукамъ, онъ зналъ, что такое работа. Это располагало меня къ нему. Матросъ онъ былъ великолѣпный: нѣкоторымъ изъ его узловъ я такъ и не могъ выучиться. Онъ былъ ревнивымъ хранителемъ старыхъ матросскихъ традицій: если ударъ склянокъ, возвѣщавшій смѣну или обѣдъ, заставалъ его за гвоздемъ, вбитымъ наполовину, онъ бросалъ молотокъ, и никакая сила не заставила бы его вколотить гвоздь до конца.

— Подвахтенный матросъ—священная личность... Пробили склянки, бросай все къ дьяволу, больше не имѣешь права работать.

Бывало, Лаптевъ доканчиваетъ что-то послѣ склянокъ. Нужно было видѣть непритворное негодованіе Угрюмова.

— Передъ кѣмъ тянешься, собачья душа? Штурмана подмасливаешь?

— Да нельзя бросить, рыло... Послѣ опять начинать для тебя снова—здорово?

— Все равно бросай!.. Пробили склянки—крышка! Если матросъ послѣ склянокъ работаетъ, значитъ, онъ шлюха и халуй! На то есть вахта.

Убѣжденность Угрюмова бывала въ этихъ случаяхъ такъ непоколебима и авторитетна, что Лаптевъ обыкновенно уступалъ, несмотря на то, что въ искусствѣ ругаться оставлялъ онъ Угрюмова далеко за собою. Но онъ никогда не ругался зря, въ воздухъ: его брань, ѣдкая и тяжело-оскорбительная, всегда носила характеръ страстныхъ вдохновенныхъ импровизацій. Въ своемъ родѣ Лаптевъ тоже былъ личностью любопытной.

Онъ не былъ лишенъ нѣкотораго образованія. Сынъ мелкаго саратовскаго купца, онъ окончилъ какіе-то морскіе курсы—кажется, въ Николаевѣ,—и имѣлъ дипломъ штурмана берегового плаванія. Нѣкоторое время онъ плавалъ помощникомъ капитана на волжскихъ пароходахъ, былъ франтомъ и велъ разсѣянный образъ жизни. Временами навѣщали его приступы міровой скорби, разрѣшавшіеся гомерическимъ запоемъ «по первое число», что, впрочемъ, не мѣшало его служебной карьерѣ, такъ какъ малый онъ былъ неглупый, знающій и дѣльный. Несчастьемъ его жизни былъ романъ съ женщиной изъ категоріи «роковыхъ». Судя по отрывочнымъ и изобиловавшимъ философическими отступленіями разсказамъ Лаптева, женщина эта, дѣйствительно, была существо мудреное, и романъ былъ въ высшей степени современный, углубленно-безсмысленный, стильно-запутанный и фантастически-несуразный. Съ одной стороны, казалось, что и Лаптевъ ее любилъ, и она Лаптева любила, но съ другой точки зрѣнія выходило, что и

Лаптевъ ее терпѣть не могъ, и она его терпѣть не могла; языкъ Лаптева оказывался безсиленъ передать всю сложность тяжкихъ душевныхъ коллизій, и въ этихъ случаяхъ ему оставалось только ругаться. Романъ его кончился тѣмъ, что возлюбленная прострѣлила его изъ пистолета, и онъ едва не умеръ. Оправившись, онъ, по его словамъ, почувствовалъ непреодолимое желаніе «удрать». Тутъ случился запой; изъ пароходства выгнали. Лаптевъ «ушелъ въ море» и попалъ въ тотъ заколдованный круговоротъ, выбраться изъ котораго довольно трудно человѣку, выпивающему, потому что въ каждомъ порту такой человѣкъ непремѣнно пропьется «до бордингъ-гауза», т. е. до новаго путешествія.

На берегу подъ вліяніемъ «обстѣнки» Лаптевъ бывалъ иногда общителенъ; въ морѣ онъ былъ замкнутъ и молчаливъ. Работая на палубѣ, онъ иногда часами пѣлъ какія-то душу надрывавшія пѣсни, вѣроятно, собственнаго сочиненія, въ которыхъ либо высказывалась жалоба на горечь одиночества «безъ родителей, безъ друга и безъ милой», или повѣствовалось о высокой могилѣ, заросшей травой, на которую склоняется «милая». «Увы! она не любила, но я ее любилъ»... Слова были тривіальны или забавно-комичны, но была въ нихъ настоящая, жгучая, сосредоточенная печаль и всегда, смотря въ эти минуты на блѣдное, худое лицо Лаптева съ горячими воспаленными глазами, я думалъ, что парень этотъ кончитъ ужасно скверно... Въ концѣ концовъ я оказался правъ,—но объ этомъ послѣ.

Чтобы закончить бѣглую характеристику нашихъ сотоварищей, скажу еще, что Франака былъ добродушный, глуповатый и чудаковатый парень и отвратительный матросъ. Зачѣмъ затесался онъ на Альму, объяснить невозможно, потому что и силы у него не было, и умомъ и смѣткой Богъ его изобидѣлъ, и характеръ у него былъ такой, что всякій могъ имъ командовать. Стоя у руля, онъ постоянно норовилъ вывести судно изъ вѣтра и порвать снасти; штурманъ ругалъ его походя и, если не билъ, то только потому, что боялся остальной команды, довольно сплоченной и дружной, что рѣдко бываетъ на судахъ. Нѣмцемъ «кокомъ» (изъ англійскаго cook) завершался списокъ нижнихъ чиновъ Альмы; все населеніе судна состояло такимъ образомъ изъ девяти человѣкъ. Угрюмовъ, Франака и я—составляли одну вахту подъ начальствомъ штурмана; Викторъ и Лаптевъ—другую подъ наблюденіемъ боцмана. Капитанъ, какъ водится, царствовалъ; кокъ варилъ намъ солонину и кофе, цѣлыми днями распѣвая «Deutschland, Deutschland über alles» и подучиваясь на досугѣ у Угрюмова разнымъ русскимъ ругательнымъ словамъ.

Недѣли въ двѣ мы съ Викторомъ оматросились совершенно: опредѣлился кругъ матросскихъ невзгодъ и матросскихъ радостей, и оба мы чувствовали себя такъ, какъ будто служба на парусныхъ судахъ составляла главное занятіе нашей жизни. И въ этомъ

нѣтъ ничего страннаго, если принять въ разсчетъ, что всѣ наши дни и добрая часть ночи, свободная отъ мертваго сна, были поглощены работой, и весь смыслъ, и весь интересъ этой работы очерчивался высокимъ бортомъ парусной шхуны, затерянной въ пустынныхъ пространствахъ необъятнаго моря. Жизнь паруснаго судна невольно захватываетъ и подчиняетъ себѣ вниманіе и волю, потому что вся она больше, чѣмъ что-либо другое, сводится къ неустанной борьбѣ человѣка съ могучей и наиболѣе чуждой ему стихіей. Лучше подтянуть, прочнѣе закрѣпить, обстоятельнѣе выкачать воду, просочившуюся въ трюмъ,—все это само собою стало областью нашихъ живѣйшихъ непосредственныхъ интересовъ, и мнѣ совершенно понятно то негодующее презрѣніе, какое я испытывалъ по отношенію къ Франакѣ, когда онъ закручивалъ какой-нибудь шкотъ не туда, куда слѣдуетъ, или, стоя на рулѣ, давалъ судну такой поворотъ, что паруса начинали безтолково болтаться, какъ тряпье, вывѣшенное для просушки.

Руль, впрочемъ, былъ всеобщимъ несчастіемъ. Даже ветеранъ морского дѣла Угрюмовъ говорилъ, что такого подлаго вертячаго корыта, какъ Альма, онъ въ жизни не видывалъ. Руль на Альмѣ былъ, разумѣется, самаго примитивнаго устройства: колесо, валъ и цѣпь, накрученная на валъ и ворочающая тяжелый кургузый обрубокъ, сколоченный изъ двухъ толстыхъ бревенъ. Альма плохо слушалась руля, проявляя своенравность, недостойную ея почтеннаго возраста. На бѣду еще компасный кругъ имѣлъ отвратительную привычку застрѣвать въ своемъ гнѣздѣ, не отмѣчая во время уклоненія судна. Эти два обстоятельства давали иногда замѣчательные эффекты: стоя у руля, вы, ни съ того, ни съ сего, дѣлаете внезапное открытіе, что Альма ѣдетъ не на западъ, а на сѣверо-западъ, обнаруживая при этомъ явную склонность повернуть прямо на сѣверъ: безъ малѣйшаго участія руля, ей по неизвѣстнымъ основаніямъ вздумалось перемѣнить курсъ, а компасъ до времени замалчивалъ это обстоятельство, предпочитая угостить васъ сюрпризомъ. Въ ужасѣ и смятеніи вы наваливаетесь, что есть духу, на колесо, поворачиваете его нѣсколько разъ, цѣпь визжитъ, руль ложится на лѣвый бортъ, но судно продолжаетъ поворачиваться направо. Вдругъ, остановившись на одно мгновеніе, Альма разомъ кидалась назадъ, проходила и сѣверо-западъ, и западъ, и устремлялась къ югу, несмотря на ваши торопливыя усилія. Начинался обратный процессъ установки корабля на правильный курсъ, и въ концѣ концовъ два часа рулевой вахты стоили десяти.

Краткіе часы отдыха съ избыткомъ вознаграждали за всѣ тягости необычной работы. Разумѣется, я, какъ и Викторъ, пользовался въ эти свободные дневные два часа всѣми преимуществами «священной личности», разнообразя свой досугъ по мѣрѣ силъ. Иногда я усаживался на килѣ перевернутой шлюпки противъ откры-

той кухонной двери и велъ пріятельскія бесѣды съ веселымъ и отчаянно болтливымъ кокомъ, который разсказывалъ мнѣ длиннѣйшія исторіи, мало смущаясь моими скудными свѣдѣніями въ нѣмецкомъ языкѣ. Впрочемъ, привыкнувъ, я сумѣлъ сообразить, что всѣ безъ исключенія разсказы кока сводились къ безчисленнымъ варіаціямъ одной и той же романической темы. Въ каждомъ изъ нихъ дѣйствующими лицами были онъ, какъ и его возлюбленная, eine feine Dame, которая встрѣтила его на улицѣ и влюбилась съ одного раза. На сколько я понялъ, эта исторія неизмѣнно повторялась во всѣхъ приморскихъ городахъ: въ Барселонѣ, въ Антверпенѣ, въ Тріестѣ, въ Либавѣ и даже въ Нагасаки. Замѣчательно при этомъ, что всѣ эти feine Damen настойчиво называли кока Signore—«сигнорэ», какъ выговаривалъ простодушный малый. Схема романа была всегда одна и та же. Eine feine Dame, влюбившись въ прекраснаго сигнорэ въ тотъ самый моментъ, когда онъ, выйдя изъ бордингъ-гауза, отправлялся spazieren,—приглашала его безъ дальнихъ околичностей къ себѣ, въ прекрасный домъ, который славный кокъ неизмѣнно называлъ bella casa, даже въ томъ случаѣ, если прекрасный домъ былъ въ Копенгагенѣ.

— Она была богата?—непремѣнно спрашивалъ я въ этомъ мѣстѣ.

— О да, сигнорэ!—отвѣчалъ кокъ, потрясая кухоннымъ ножемъ, при чемъ голубые нѣмецкіе глаза его зажигались вдохновеннымъ восторгомъ.—Ея мужъ былъ графъ!

Иногда мѣсто графа заступалъ маркизъ, но это не мѣняло существа дѣла. Характеръ feine Dame былъ также совершенно неизмѣненъ при самобытнѣйшей оригинальности. Приведя прекраснаго сигнорэ въ bella casa, die feine Dame прежде всего предлагала ему eine Cigarre. Несмотря на свою неодушевленность, eine Cigarre занимала одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ нашей драмы.

— Я сѣлъ на диванъ, вотъ такъ, — одушевленно показывалъ кокъ, садясь на опрокинутое деревянное ведро,—и она предложила мнѣ eine Cigarre. Она была очень, очень красива, eine feine Dame!.. Ея мужъ былъ маркизъ. Она сказала мнѣ: вы мнѣ очень нравитесь, вы, вѣроятно, иностранецъ. Я сказалъ: да, сигнора.. Тогда она предлагаетъ мнѣ eine Cigarre!

— Еще одну?—спрашиваю я очень серьезно.

— Ja, сигнорэ! — вдохновенно отвѣчаетъ кокъ, одушевляясь все болѣе.

Потомъ оба стали speisen und trinken und tractieren. Выкуривши около дюжины сигаръ, славный кокъ хотѣлъ поцѣловать die feine Dame. Какъ вдругъ приходитъ ея мужъ, графъ или маркизъ.

Дойдя до этого высоко-драматическаго момента, кокъ въ величайшемъ волненіи вскакиваетъ съ ведра и хватаетъ меня за плечо, такъ что я едва не сваливаюсь съ покатаго днища шлюпки.

— И что же вы, сигнорэ?—спрашиваю я, втайнѣ надѣясь, что по крайности въ заключеніе кокъ придумаетъ что-нибудь новое.

— И я выскочилъ въ окно!—сіяя голубыми глазами, торжествующе говоритъ кокъ.

Замѣчательно, что въ разсказахъ кока никогда не было ни тѣни обычной матросской скабрезности, и меня трогала эта чистосердечная потребность противопоставить дикой грубости портовой жизни какую-то повѣсть сердца, завлекательную, романтическую. Но воображеніе бѣднаго парня никакъ не шло дальше графа и eine Cigarre.

Иногда, наскучивъ однообразными разсказами кока, я взбирался тутъ же рядомъ верхомъ на бортъ съ ведромъ, привязаннымъ веревкой, и вылавливалъ изъ моря прозрачно-сиреневыхъ медузъ, оказывавшихся на воздухѣ простыми комками безцвѣтной стекловидной слизи, или клочья плавучихъ водорослей, покрытыхъ какими-то паучками; или отыскивалъ работающаго Виктора, бывшаго въ другой смѣнѣ, и болталъ съ нимъ, пока штурманъ не дѣлалъ намъ болѣе или менѣе невѣжливаго и голословнаго замѣчанія, вызывавшаго иногда краткую, но выразительную перебранку. Но чаще всего я отправлялся на самый носъ судна, на бакъ, ложился на старомъ сложенномъ парусѣ и смотрѣлъ, какъ льются на дальнемъ горизонтѣ сіяющіе валы, какъ клубится подъ острою грудью Альмы огромный кипящій каскадъ, какъ вздымаются надъ бортомъ, просвѣчивая на солнцѣ, сине-зеленые гребни, шумящіе бѣлою гривой. Пламенный куполъ, нависшій надъ моремъ, вѣтеръ, кидающій въ лицо соленыя брызги, и этотъ непрерывный звучный рокотъ, плескъ и гулъ—все это дышитъ такимъ торжествомъ жизни, упоенной собственной полнотой, и все это мало-по-малу овѣваетъ душу страннымъ сладкимъ полузабытьемъ, сквозь которое лишь смутно, какъ во снѣ, рисуются смягченные и не волнующіе образы прошлаго.

Эти краткіе часы незабвенны и всякій разъ, какъ я вспоминаю ихъ, мнѣ кажется, будто я слышу еще этотъ глубокій и пѣвучій гулъ и глаза мои щурятся отъ яркаго бирюзоваго блеска, охватившаго весь горизонтъ. Въ первыя двѣ недѣли плаванія такихъ лучезарныхъ дней было много; они смѣнялись волшебными ночами, тѣми жутко-прекрасными ночами, какія бываютъ только въ открытомъ морѣ. Ночью даже несносная вахта на рулѣ была легка. Справившись съ компасомъ и установивъ судно на заданный курсъ, я замѣчалъ одну изъ звѣздъ, сіявшихъ сквозь веревочныя снасти передней мачты, и держалъ путь на эту звѣзду, уже не обращая никакого вниманія на компасный кругъ. Тутъ было легко услѣдить малѣйшее уклоненіе корабля. Если звѣзда дѣлала чуть замѣтное движеніе вправо, стоило лишь нѣсколько повернуть колесо въ ту же сторону, и судно, не успѣвшее размахнуться, возвращалось на истинный путь... Не теряя изъ вида своей звѣзды, я могъ

въ то же время видѣть, какъ зыблются намъ навстрѣчу мягкія, темныя волны и какъ искрится на ихъ вершинахъ слабый звѣздный отблескъ... Судно спитъ мертвымъ сномъ; только фигура «носового» вахтеннаго отчетливо виднѣется въ прозрачной мглѣ. Крѣпко надутые паруса стоятъ недвижно, важные и строгіе, и только чуть слышное поскрипываніе ближней мачты говоритъ объ ихъ неустанномъ, напряженномъ трудѣ, увлекающемъ судно... Иногда гдѣ-то вблизи за бортомъ грузно всплыветъ дельфинъ, и долго потомъ слышны его удаляющіеся вздохи и фырканье...

Изъ кормовой каюты у самыхъ моихъ ногъ показывается темная ушастая фигура. Это штурманъ лѣзетъ на палубу «взглянуть». Нѣсколько минутъ онъ стоитъ на крутой лѣсенкѣ, ведущей въ каюту, и, позѣвывая, смотритъ на небо, откинувъ голову назадъ. Потомъ медленно выбирается на палубу, мимоходомъ скашивается на компасъ, пробуетъ рукой какую-то снасть, подвязываетъ, не спѣша, опустившійся «конецъ», кажущійся ему длиннымъ, потомъ медленно плетется вдоль судна характерной морской походкой съ нѣсколько разставленными ногами. Что-то возится у грота, дергаетъ ручку у одной изъ помпъ, снова смотритъ вверхъ и, наконецъ, въ задумчивости останавливается посреди палубы, запустивъ руки въ карманы. Мнѣ приходитъ въ голову, что ему ужасно хочется отдать какое-нибудь распоряженіе. Дѣйствительно, постоявъ съ минуту, онъ поворачивается и медленно идетъ къ кормѣ.

— Больше отъ вѣтра, Гансъ...—говоритъ онъ, судорожно зѣвая, и начинаетъ тихонько спускаться по лѣстницѣ.

— Много?—спрашиваю я.

— Полъ-румба довольно,—говоритъ онъ, зѣвая еще энергичнѣе. Онъ стоитъ еще нѣкоторое время на ступенькѣ, почесывая голову подъ шапкой; потомъ медленно скрывается внизъ. Я поворачиваю судно на полъ-румба и принимаюсь отыскивать звѣзду, но тутъ является добрый и глупый Франака.

— Ну, давай, Гансикъ, старому матросу!—говоритъ онъ, берясь за колесо.—Ты ступай на бакъ.

Я отправляюсь на бакъ, но по пути заглядываю въ кубрикъ, гдѣ спитъ другая смѣна. Въ кубрикѣ колеблющійся полумракъ; маленькая лампочка, привѣшенная къ потолку на проволокѣ, качается изъ стороны въ сторону, тускло озаряя крошечный столикъ, прибитый къ стѣнѣ, Лаптевскій сундукъ возлѣ него, толстое бревно фока и три пары досчатыхъ коекъ. Я наклоняюсь надъ Викторомъ; онъ спитъ крѣпко и сладко съ открытымъ ртомъ, какъ ребенокъ, ему спать еще два часа. Жаль, что онъ спитъ, иначе я непремѣнно сказалъ бы ему нѣсколько дружескихъ словъ, потрепалъ бы по шеѣ. Но теперь я не дѣлаю этого, такъ какъ знаю цѣну сна на парусномъ суднѣ. Подтолкнувъ ногой Лаптевскій

сундукъ, отъѣхавшій отъ стѣны на одномъ изъ добрыхъ валовъ, я выбираюсь изъ кубрика и направляюсь на бакъ.

Стоять мнѣ скоро надоѣдаетъ. У основанія бушприта большимъ мягкимъ комомъ лежитъ спущенный парусъ; я устраиваюсь на немъ, сначала сидя, потомъ опираюсь рукой, наконецъ, нахожу, что самое удобное—лечь, и въ такомъ положеніи начинаю «слѣдить огни»...

Тихо пламенѣютъ надъ моремъ золотыя, лучистыя звѣзды, тихо льются намъ навстрѣчу и съ боковъ мягкіе, темно-синіе валы; чуть вздрагиваютъ надо мной бѣлые напряженные паруса, и мы несемся, несемся между волнами и небомъ—куда? не все ли равно? Смутно, но такъ легко и спокойно на душѣ, такая тамъ милая, наивная гармонія неясныхъ чувствъ, туманныхъ воспоминаній, неуловимо рѣющихъ думъ, возникающихъ, вспыхивающихъ и исчезающихъ, чтобы возникнуть вновь, какъ звѣздный отблескъ на таинственно льющихся волнахъ. О чемъ я думаю? Быть можетъ, о томъ, что уже давно мы не встрѣчали ни одного фонаря и что скоро загустѣетъ туманъ; быть можетъ, о томъ, что на родинѣ никто теперь не знаетъ, гдѣ я и что со мною, и я не знаю ничего о томъ, что дѣлается на родинѣ... Но думаю я въ сущности и не объ этомъ, а просто стараюсь понять, имѣетъ-ли какой-нибудь смыслъ эта непрерывная бесѣда Альмы со встрѣчными волнами, сердитое уханье стараго судна и нетерпѣливо-звенящіе всплески мелкихъ струй, обѣгающихъ его грудь, клубящихся и взлетающихъ выше якорныхъ цѣпей... Хорошо!.. Я ужасно люблю кого-то, такъ нѣжно, такъ восторженно, такъ благодарно. Кто она и гдѣ она?—ни о томъ, ни о другомъ я не имѣю никакого понятія, но я люблю ее, и она любитъ меня, и есть какая-то связь между нашей, полной сладкой тайны, любовью и блескомъ золотыхъ звѣздъ, и тихо-радостнымъ колыханіемъ вольно дышащаго моря, упоеннаго звѣзднымъ свѣтомъ...

Свѣтъ! Зеленый свѣтъ! Въ синемъ сумракѣ, тамъ, гдѣ нельзя отличить море отъ неба, блѣдно загорается крошечный изумрудъ. Еще кто то, кромѣ насъ, бродитъ здѣсь.

— Справа на борту свѣтъ!—кричу я изо всей силы, оборачиваясь къ кормѣ.

— All right!—глухо раздается тамъ.

Изумрудъ увеличивается, разгорается ярче, видно, какъ онъ движется. Идутъ намъ наперерѣзъ. Ближе, ближе,—и вотъ въ синеватой мглѣ можно различить уже слабо бѣлѣющіе паруса и черный остовъ судна. Боже, какъ его качаетъ! неужели и насъ качаетъ такъ-же?.. Безшумно и таинственно, какъ призракъ Летучаго Голландца, проносится мимо насъ, пересѣкая нашъ путь, неизвѣстное судно. Я пристально слѣжу за нимъ вслѣдъ и только теперь вдругъ замѣчаю, что синій сумракъ чѣмъ-то замутился и

надъ моремъ рѣетъ едва уловимая, бѣлесоватая дымка зарождающагося тумана.

Мало-по-малу онъ густѣетъ, легкіе дымчатые обрывки, бродящіе надъ моремъ, сходятся, движутся, волнуются, сливаясь, подходятъ ближе, заслоняютъ и волны, и звѣздный свѣтъ и обволакиваютъ судно, какъ волшебная волнистая тайна. Что кругомъ? не видно ни волнъ, ни звѣздъ, и мы плывемъ въ какую-то молчаливо-загадочную неизвѣстность. Но она добра, она не таитъ въ себѣ никакихъ ужасовъ—это ясно: безшумно и гостепріимно расходятся передъ нами бѣлые клубы, разступаются волнистыя завѣсы, словно зовутъ войти куда-то. И не устаешь ждать, не хочешь стряхнуть съ себя этого призрачнаго ожиданія, дѣтски-довѣрчиваго, радостно-тревожнаго: сейчасъ откроется что-то, сейчасъ станетъ понятно, о чемъ говоритъ теплый рокотъ волнъ, обѣгающихъ грудь корабля, сейчасъ получитъ смыслъ и объясненіе невѣдомый заговоръ этой толпы волнующихся бѣлыхъ привидѣній, внимательно и бережно провожающихъ насъ... Смыкаются позади насъ бѣлыя завѣсы: нѣтъ возврата назадъ, и не нужно... Колышатся, склоняясь надъ судномъ, провожая привѣтно, добрые бѣлые призраки: впередъ, довѣрься, не бойся. Разступаются впереди волнистыя завѣсы и сладко-невнятно, какъ затаенное обѣщаніе любви, какъ тихій женскій напѣвъ, поютъ и рокочутъ у груди судна струящіяся волны.

Любовно и таинственно обнимаетъ насъ туманное море. Любовь и тайна вокругъ; любовь и тайна въ моемъ сердцѣ, переполненномъ счастьемъ, и мнѣ хотѣлось-бы вѣчно плыть такъ, сливаясь сердцемъ и душою съ непонятно-милымъ таинствомъ, творимымъ вокругъ въ рокотѣ волнъ и шелестѣ бѣлаго тумана...

Е. Синегубъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖИВА ДУША.

I.

Ящикъ.

Время остановилось. Часы шли, падали съ неба снѣжинки, люди передвигали ногами, смотрѣли другъ на друга, что-то говорили, но теченіе жизни остановилось.

Солнце давно не показывалось, и казалось, сумерки останутся вѣчными. Кирпичное строеніе станціи стало грязнѣе и ниже. Мастерскія, паровозные сараи были пусты, молчаливы и издали казались развалинами. Поселокъ, по ту сторону полотна, вмѣстѣ съ высокой голубой часовней, потонулъ въ туманѣ, какъ провалившійся сквозь землю. Поѣзда уже недѣлю не ходили.

На платформѣ стояли люди и смотрѣли вдоль линіи, ничего не видя въ туманной дали. Въ концѣ платформы, гдѣ на рельсахъ стояла вагонетка, столпилось человѣкъ сорокъ „деповскихъ" рабочихъ.

Они говорили, слабо жестикулировали, но не спорили и не убѣждали другъ друга... Теченіе жизни остановилось, и не отъ нихъ уже зависѣло дать ему движеніе.

Они ждали и были уже придавлены, потому что ожиданіе было тяжелое.

Одинъ молодой, съ длинными пушистыми волосами и въ маленькой не по головѣ шапочкѣ, соскочилъ съ платформы и подошелъ къ группѣ сидящихъ на вагонеткѣ. Въ эту минуту онъ не походилъ на другихъ, потому что былъ возбужденъ. На нѣсколько секундъ его глаза заблистали жизнью.

— Разобрать рельсы... Зайти за полверсты и снять рельсы... Еще успѣемъ...

Онъ оглянулъ остальныхъ, разсчитывая ихъ разбудить, какъ спящихъ. Но никто не шевельнулся, и чей-то глухой голосъ произнесъ:

— Пѣшкомъ придутъ.

Въ этихъ словахъ всѣ почувствовали очевидную правду и съ недоумѣніемъ посмотрѣли на молодого человѣка.

Начальникъ станціи, въ красной фуражкѣ, мелкими шагами ходилъ по платформѣ, держась обѣими руками за подвязанную щеку. Вата клочьями торчала изъ-подъ бѣлой косынки. У него болѣли зубы. Когда онъ шагалъ въ сторону мастерскихъ, то щурился и покачивалъ головою отъ боли. Но когда возвращался обратно, глаза его расширялись, онъ смотрѣлъ туда, куда смотрѣли всѣ, и боль исчезала.

Нѣсколько разъ выходила на платформу его жена, высокая плотная женщина съ шапкой курчавыхъ волосъ и съ усиками. На ней была старая плюшевая кофта, а на ногахъ широкіе черные валенки. Она тоже смотрѣла на востокъ, и когда мужъ проходилъ мимо, она звала его обѣдать, зная заранѣе, что онъ не пойдетъ. Не получивъ отвѣта, она еще минуту стояла на мѣстѣ и затѣмъ подымалась въ квартиру, гдѣ изъ-за спущенной шторы смотрѣла въ окно. Двѣ дѣвочки, одна четырехъ, другая семи лѣтъ, сидѣли за столомъ у остывшей миски съ супомъ и говорили шепотомъ. Онѣ тоже хотѣли посмотрѣть въ окно, но мать не позволяла.

На краю платформы, противъ двери станціи, сидѣли, свѣсивъ ноги на рельсы, буфетчикъ Желтухинъ, полный съ раскосыми глазами и дрыгающими усами, и человѣкъ неизвѣстнаго званія въ кожаной курткѣ съ интеллигентнымъ лицомъ, хмурыми бровями и молодой круглой бородкой. Онъ былъ не здѣшній, но хорошо знакомъ всему мѣстному населенію. Звали его Веньяминъ Михайловичъ, по прозвищу Куликъ. Только подъ этой кличкой онъ здѣсь и былъ извѣстенъ. Большинство рабочихъ говорили ему „ты", хотя знали, что онъ изъ господъ.

Ему не сидѣлось. Онъ перекидывалъ ногу на ногу, посвистывалъ и порывисто вздыхалъ.

Желтухинъ былъ спокоенъ, иронически улыбался, поглядывая кругомъ, и съ удовольствіемъ курилъ папироску.

Наконецъ, Куликъ рѣшилъ сказать то, что у него было давно на языкѣ.

— А я, дядя, пойду... Дѣлать тутъ больше нечего...

Желтухинъ ухмыльнулся.

— Желаешь слышать мое мнѣніе?.. Промолчу... А чтобы тебѣ было легче, скажу—иди... благословляю иди.

Куликъ подумалъ: „а на чорта мнѣ твое мнѣніе!", но идти все-таки, какъ будто не рѣшался. Сбоку посмотрѣлъ на Желтухина и спросилъ:

— А ты что же?

— Я останусь... Куда идти? Вездѣ одинако гадко. Здѣсь, можетъ быть, еще придется языкъ почесать. А ты иди. Что-жъ сидишь? Удалой долго не думаетъ... Исчезай...

Желтухинъ смотрѣлъ на Кулика, и внутренній смѣхъ встряхивалъ его тучное тѣло.

Куликъ отвернулся. Онъ чувствовалъ потребность оправдаться.

— Да... исторія довольно грязная... Да и публика дрянь. Со вчерашняго дня меня стали бояться...

Онъ обернулся. По платформѣ проходилъ невысокаго роста человѣкъ, для рабочаго одѣтый слишкомъ щеголевато. На груди его красовалась серебряная медаль. Куликъ кивнулъ на него головой.

— Вотъ новый герой... Полуграмотный проповѣдникъ смиренія и благоразумія. Ораторомъ сталъ... Я думаю, недаромъ ѣздилъ на дрезинѣ на Востокъ... Говорятъ, тамъ уже имѣется готовый списокъ...

— Какъ и полагается человѣку съ медалью за усердіе.

Отчаянный, яростный вопль, какъ ревъ голоднаго звѣря, прорѣзалъ неподвижный воздухъ. Хотя всѣ ждали его, но въ первый моментъ всѣ удивленно насторожились, какъ бы услышавъ что-то дикое и неожиданное. Затѣмъ все зашевелилось. Группа, толпившаяся у вагонетки, бросилась на платформу. Большинство изъ тѣхъ, которые уже стояли здѣсь, хлынули въ дверь зданія, а многіе черезъ полотно махнули въ слободку.

Это былъ гудокъ паровоза.

Всѣ глаза еще болѣе напряженно стали смотрѣть туда, гдѣ съ глухимъ рычаніемъ вырастало темное пятно. Желтухинъ продолжалъ сидѣть, а Куликъ поднялся и, ставъ на рельсы, протянулъ Желтухину руку.

Въ это время къ нимъ подошелъ человѣкъ съ медалью. Онъ все время толкался вблизи.

— Вы очень спесивые, ежели не желаете съ нами остаться.

— Пошелъ къ чорту!—коротко отрѣзалъ Куликъ.

Человѣкъ съ медалью отскочилъ къ начальнику станціи.

— Господинъ Надаровъ, извольте посмотрѣть... Они уходятъ, когда это неправильно. Они столь много говорили, а теперь уходятъ. Попросите остаться.

Надаровъ подошелъ къ Кулику, схватившись за щеку отъ внезапно усилившейся зубной боли, и сказалъ ему шепотомъ:

— Уходи ты ради Бога, покуда не поздно.

Желтухинъ, все еще державшій руку Кулика, въ раз-

думьи посмотрѣлъ направо и вдругъ, сильно тряхнувъ ее, закричалъ:

— Смотри!

Въ концѣ полотна, противоположномъ тому, откуда двигался поѣздъ, показалось другое пятно. Оно было небольшое, бѣлое. За нимъ шевелились, выдѣляя его контрастомъ, темныя спины и плечи работающихъ на рукояткахъ дрезины.

Куликъ вырвалъ руку у Желтухина и по полотну побѣжалъ въ ту сторону.

Оба пятна показались почти одновременно. Одно темное, тяжелое, двигалось глухо, угрожающе вздыхая и пыхтя избыткомъ уничтожающей слѣпой силы, а другое—свѣтлое, легкое, двигалось безшумно, довѣрчиво и наивно.

Толпившіеся на станціи люди одновременно замѣтили и то, и другое. Страхъ убавился въ пользу любопытства. Угроза страшнаго звѣря въ глазахъ всѣхъ въ эту минуту отвлекалась довѣрчивой слабой добычей. Казалось, тяжелая слѣпая глыба должна сойтись съ маленькой свѣтлой точкой и задавить ее.

— Это она!—испуганно сказали въ толпѣ,

— Она... она...—повторили другіе и вдругъ нѣсколько голосовъ, какъ бы опомнясь, закричали:

— Остановите! Предупредите!.. Они не видятъ!

Отъ толпы отдѣлилось съ десятокъ людей и побѣжало по рельсамъ.

Дрезина стала на высотѣ паровознаго сарая. Три человѣка, работавшіе на рукояткахъ, стояли во весь ростъ, глядя впередъ. Одинъ изъ нихъ, снявъ шапку, утиралъ со лба потъ. Они только сейчасъ за большимъ разстояніемъ увидѣли передъ собою паровозъ и необычайный составъ поѣзда. Съ сидѣнья сошла дѣвушка въ свѣтлой шубкѣ кавказскаго сукна, съ косымъ бортомъ, сѣраго барашка. На плечахъ бѣлый башлыкъ съ закинутыми назадъ длинными концами, а на головѣ пушистая бѣлая папаха.

Ея появленіе на минуту расшевелило толпу. Окружившіе ее заговорили сразу, преграждали ей дорогу, уговаривали ѣхать обратно, но она тревожно улыбалась, отмахивалась въ отвѣтъ головой и, пожимая протянутыя руки, шла по откосу насыпи. Увидѣвъ Кулика, она обрадовалась, но слушать его уговоровъ тоже не хотѣла, а когда онъ попытался остановить ее за руку, то она замѣтила, что онъ волнуется, и это непріятно ее поразило. Чувствуя бѣду, она не старалась разобраться въ ней, мимоходомъ слушала объясненія окружающихъ и торопилась къ мастерскимъ, гдѣ было больше народу.

Съ дрезины кто-то окликнулъ Кулика, но онъ махнулъ рукой и, смущенный, пошелъ за дѣвушкой.

Около дрезины опять столпилось нѣсколько человѣкъ. Почти невольными толчками она стала откатываться назадъ. На нее вскочилъ одинъ, потомъ другой, третій... Всѣ тѣснились и искали себѣ мѣста. Соскакивали, не удержавшись, и опять цѣплялись на ходу. Рукоятки едва работали въ тѣснотѣ. Не давшіе мѣста бѣжали сзади, и дрезина вмѣстѣ съ бѣгущими стала исчезать изъ виду.

Бѣлая фигура своимъ полушубкомъ и папахой рѣзко выдѣлялась на фонѣ черной угольной затоптанной земли, и темно-сѣрыхъ строеній, какъ свѣтлый вызывающій бликъ на темной картинѣ.

Куликъ съ досадой смотрѣлъ на нее, оборачивался, ворчалъ. Ему нужно было оставаться незамѣченнымъ, а это свѣтлое пятно, какъ фонарь, казалось, освѣщало его.

— Идите прямо... ни съ кѣмъ не говорите, — прошипѣлъ онъ.

Она обернулась.

— О комъ вы хлопочете? Обо мнѣ? Уходите... Не нужно...

Она пошла дальше, а онъ остановился, и оба почувствовали въ этихъ случайно упавшихъ словахъ давно скрываемый смыслъ. Точно дорогая хрупкая вещь, выскользнула изъ рукъ, упала и разбилась.

Куликъ свернулъ вправо черезъ площадь и столкнулся съ Павлой Семеновной, женой начальника станціи. Она остановила его, упершись обѣими руками ему въ грудь.

— Что же вы, батюшка, ее оставили?.. Куда вы?...

— Утекаю.

— Да верните же ее...

— Попробуйте вы, а я не умѣю.

Онъ безпокойно оглянулся и торопливо сказалъ:

— Пойду обратно къ семафору, а тамъ сверну на „сортировочную". Буду ждать, пока что... Пускай она знаетъ... Да скажите ей, что глупо... уговорите...

Паровозъ очень медленно подходилъ къ станціи. На его передней площадкѣ стоялъ во весь ростъ полковникъ Жигайловъ въ теплой тужуркѣ верблюжьей шерсти со стекомъ въ рукѣ. Справа на домкратѣ, сидѣлъ толстый капитанъ Шуба, въ такой же тужуркѣ, свѣжевыбритый, веселый и готовый шутить. Онъ имѣлъ видъ довольнаго и всѣми желаннаго гостя. Слѣва Жигайлова стоялъ, держась за рѣшетку, поручикъ Костинъ. Одѣтый въ пальто, онъ ежился отъ холода и тревожно осматривалъ людей, стоявшихъ на платформѣ, точно они внушали ему непонятный страхъ.

Съ краю, свѣсивъ ноги на ступеньки, сидѣлъ желѣзнодорожный солдатъ, на случай перевода стрѣлокъ. За тендеромъ, на платформѣ, стояли и сидѣли солдаты съ ружьями. Изъ оконъ вагоновъ и изъ паровозной будки выглядывали солдатскія папахи.

Подвигаясь очень медленно, какъ бы ощупью, паровозъ едва поравнялся съ угломъ станціи. Капитанъ Шуба сдѣлалъ знакъ сидѣвшему у его ногъ солдату. Тотъ соскочилъ на землю и подошелъ къ паровозной будкѣ. Поѣздъ остановился, не доходя до обычнаго мѣста.

Сзади раздался крикъ команды, и человѣкъ двѣсти солдатъ высыпали изъ вагоновъ, какъ картофель изъ мѣшка.

Жизнерадостные человѣческіе голоса, чей-то смѣхъ, бойкіе выкрики, освѣжили атмосферу. У людей, стоявшихъ на платформѣ, отлегло отъ сердца. Начало событія показалось не такъ страшно, какъ его ожиданіе.

Жигайловъ первымъ сошелъ съ паровоза. Тяжелымъ взглядомъ осмотрѣлъ онъ толпу и остановился, ожидая, покуда капитанъ Шуба поровняется съ нимъ. Въ отвѣтственныхъ случаяхъ онъ совершенно не могъ безъ него обходиться. Шуба былъ его суфлеромъ.

— Вотъ начальникъ станціи,—сказалъ для начала капитанъ Шуба, граціознымъ жестомъ указывая на человѣка въ красной фуражкѣ и съ подвязанной щекой.

Надаровъ сдѣлалъ подъ козырекъ, продолжая лѣвою рукою держаться за щеку.

— Зубы болятъ?—строго спросилъ Жигайловъ.

Надаровъ, къ досадѣ своей, почувствовалъ, что въ эту минуту зубная боль совершенно исчезла, и, отвѣчая, придалъ своему лицу выраженіе невыносимыхъ страданій.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ зубовъ...—перебилъ его Жигайловъ...—Это не оправданіе... Почему путь закрытъ?.. Вы начальникъ станціи...

Шуба тихо остановилъ его.

— Погоди, не горячись... Нужно по порядку. Эй, бабушка!..

Около стѣны жалась старушка въ черномъ платкѣ на головѣ. Изъ-подъ него выглядывали только два глаза съ поднятыми бровями, какъ у людей богобоязненныхъ. Она несла домой кувшинъ сливокъ и изъ любопытства не утерпѣла пройти по платформѣ.

— Ваша фамилія?—спросилъ Жигайловъ обращаясь не то къ начальнику станціи, не то къ старухѣ. Съ видомъ преувеличеннаго усилія онъ разстегнулъ тужурку и вынулъ изъ внутренняго кармана сложенный листъ бумаги.

Шуба опять остановилъ его:

— Пожалуйста, не спѣши...

И подошелъ къ старухѣ, у которой кувшинъ затрясся въ рукахъ.

— Ну, какъ дѣла, бабушка? Бунтуетъ публика?

Брови у бабушки поднялись еще выше и совершенно скрылись подъ платкомъ. Двумя пальцами она его расправила снизу, чтобы освободить ротъ для отвѣта.

— Да какъ сказать, батюшка? То у нихъ резолюція, то у нихъ революція... не разберешь...

— Ничего, бабушка, мы разберемъ... А вы чья будете?

— Православная, батюшка. Я въ ихнія дѣла не вмѣшиваюсь... хоть и живу здѣсь, а не вмѣшиваюсь... Это всѣ скажутъ. Всѣ подтвердятъ. Да...

Затѣмъ кивнувъ украдкой на Надарова, она прибавила:

— Начальникъ-то станціи здѣшній—мой зятекъ.

Надаровъ сдѣлалъ видъ, что онъ ничего не видитъ и не слышитъ отъ нестерпимой боли.

— Очень пріятно познакомиться... Вы довольны имъ? Хорошій зять?

— Очень хорошій... тоже ни въ какія дѣла не мѣшается... Человѣкъ семейный... А развѣ мыслимо семейному человѣку заниматься разными дѣлами...

— Ну, хорошо, ступайте домой, пить кофе... Вѣдь молоко для кофе?

— Сливки батюшка, совершенно правильно... У насъ двѣ коровушки свои собственныя...

Въ толпѣ почувствовали себя свободнѣе. Нѣкоторые улыбались.

Шуба шепнулъ поручику Костину, и тотъ на нѣсколько минутъ отошелъ къ поѣзду. Человѣкъ пять солдатъ отдѣлились отъ общей массы, поднялись на платформу и стали поодаль офицеровъ.

Говорить сразу съ толпой полковнику было неудобно. Онъ не владѣлъ связной рѣчью. Желтухинъ своимъ вызывающимъ видомъ выручилъ его. Онъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ и, засунувъ руки въ карманы, внимательно разсматривалъ лакированные ботфорты полковника.

— Кто такой?—издали спросилъ Жигайловъ, рѣшительно наступая на Желтухина.

Тотъ молчалъ.

— Встать!

— Видно новое начальство... Встанемъ...

— Вы кто такой?

— Въ настоящее время ни то, ни се...

— Дальше!..

— Дальше вамъ виднѣе. А раньше былъ буфетчикомъ. Да дѣло стало, подвозу нѣтъ. Товаръ, который остался, раз-

далъ здѣшней публикѣ. Все равно возьмутъ. Вонъ сколько новыхъ хозяевъ навалило...

Желтухинъ кивнулъ въ сторону поѣзда, гдѣ рота строилась вдоль линіи.

— Довольно... Ты и есть буфетчикъ?.. Фамилія?..
Жигайловъ заглянулъ въ бумагу.

— Еге! у васъ и списочекъ готовъ... Каналья Божиловъ... Ищите Желтухина—это я и буду.

Жигайловъ поморщился, какъ отъ сильнаго вѣтра. Желтухинъ своимъ увѣреннымъ и спокойнымъ тономъ путалъ его мысли...

— Запѣвало!.. Народъ смущалъ!.. Погоди, любезный...

— Зачѣмъ запѣвало... много чести.

Жигайловъ махнулъ рукой солдатамъ.

Желтухинъ спокойно добавилъ:

— А впрочемъ, говорить говорилъ,—не отказываюсь... Всѣ крещеные понимали. Когда всѣ сразу вздохнутъ—до царя слухи дойдутъ... Да, видно, дошло не до царя, а только до псаря...

Шуба самодовольно закивалъ головой.

— Онъ молодчина. Сейчасъ видно. Говорить больше нечего. Онъ свое дѣло сдѣлалъ, а мы должны сдѣлать свое. Возьмите его.

Два подошедшіе солдата встали рядомъ съ Желтухинымъ. Одинъ взялъ его за рукавъ. Желтухинъ съ силой стряхнулъ солдатскую руку.

— Эй, землякъ! Винтовку береги! Уронишь!

Шуба оглянулся, какъ любезный хозяинъ, не знающій, куда усадить гостя.

— Вамъ придется покуда побыть... ну, хоть въ залѣ 1-го и 2-го класса. Здѣсь вамъ будетъ удобно. Конвойные, проводите.

Жигайловъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что все идетъ какъ слѣдуетъ. Онъ поманилъ къ себѣ начальника станціи.

— Гдѣ у васъ тутъ субъектъ, по прозванію Куликъ?

Надаровъ забылъ о своихъ зубахъ и растерянно развелъ руками.

— Но вы съ нимъ знакомы!..

Въ это время нѣкоторые изъ толпы на платформѣ стали осторожно пробираться назадъ.

Жигайловъ быстро обернулся. Сзади него стали Костинъ и высокій, худой, съ маленькой головкой и лихо надѣтой фуражкой, штабсъ-капитанъ баронъ Поппъ. Онъ былъ также въ тужуркѣ съ новенькимъ анненскимъ темлякомъ на шашкѣ. Передъ этимъ онъ строилъ солдатъ, а теперь явился за приказаніями.

— Баронъ Поппъ, возьмите полувзводъ и окружите мастерскія. Въ бѣгуновъ стрѣлять!..

Мимоходомъ Жигайловъ ткнулъ Надарова стекомъ въ грудь.

— Этого тоже забрать.

И, стегнувъ себя по ботфортамъ, зашагалъ впередъ.

Глаза у Надарова замигали. Онъ съ упованіемъ поглядѣлъ на веселаго капитана.

Тотъ положилъ ему руку на плечо.

— Не волнуйтесь, дорогой мой, а лучше скажите: дѣвица, пріѣхавшая сейчасъ на дрезинѣ, и есть та самая Нада, которую намъ надо?..

— Я, собственно, не видѣлъ, господинъ капитанъ.

— Ну, положимъ, видѣли... А какъ она—не дурна?

— Говоря откровенно, не въ моемъ вкусѣ... Кажется, хорошенькая... Помилуйте, за что же меня арестовать? Начальникъ депо заперся у себя въ домѣ, дорожный мастеръ убѣжалъ, аппараты разбиты, что я могу подѣлать! У меня семья.. Жена, двѣ дѣвочки... Вся цѣль моей жизни... Политическими вопросами не интересуюсь... Своими дѣтьми могу побожиться...

— А на митингахъ были?

— Изъ любопытства, единственно... Клянусь дѣтьми... Развѣ мнѣ до того... Дома—семья, хозяйство, двѣ коровы...

— А сметана есть?

Надаровъ вопросительно посмотрѣлъ на капитана и, въ свою очередь, осторожно спросилъ:

— Не знаю, такъ ли я понялъ оборотъ вашей мысли. Вы, кажется, сдѣлали намекъ на счетъ сметаны?

— Именно.

— Въ такомъ случаѣ могу васъ увѣрить своимъ честнымъ словомъ, что такой сметаны, какъ у меня, вы не найдете на сто верстъ кругомъ.

— Правда ли? Ну, занесите попробовать сюда же въ залъ 1-го и 2-го класса. Хорошую сметану я уважаю Да посидите вмѣстѣ съ вашимъ пріятелемъ-буфетчикомъ. Вы намъ понадобитесь...

Надаровъ нѣсколько минуть стоялъ на мѣстѣ, силясь сообразить, пошутилъ ли капитанъ, или ему дѣйствительно слѣдуетъ идти домой и распорядиться на счетъ сметаны.

Тучная фигура Шубы медленно удалялась отъ него. Вдали, уже сойдя съ платформы, стоялъ полковникъ Жигайловъ и нетерпѣливо хлесталъ себя стекомъ. Еще дальше чернѣли группы рабочихъ. По приближеніи Шубы, Жигайловъ рванулся идти дальше, но Шуба остановилъ его:

— Послушай, Ящикъ... Во первыхъ, не волнуйся, а во вторыхъ—тоже не волнуйся... Кстати, у меня одышка...

...У Жигайлова было прозвище, которое покрывало его съ руками, съ ногами, съ головой и съ душою. Это прозвище было—„Ящикъ".

Онъ былъ крѣпко сложенъ и проченъ, какъ дубовый ящикъ, собранный въ замокъ. Такой ящикъ при перевозкѣ ломовой извозчикъ можетъ уронить на землю, ударить ногой—и ящикъ остается цѣлымъ.

Волосы на головѣ онъ стригъ ежикомъ въ карре. Отъ этого голова была квадратная, какъ крышка у ящика Въ его лицѣ и фигурѣ преобладали прямыя линіи—горизонтальныя и вертикальныя. Скулы и плечи выдавались прямыми углами, какъ углы у ящика.

Когда онъ возвышалъ голосъ или смѣялся, это походило на удары палкой о дубовый ящикъ. Характеръ его былъ выдержанный, какъ сухое дерево.

Ящикъ разговаривалъ мало. На чужія рѣчи отзывался туго. Общая бесѣда его не интересовала, но когда онъ былъ въ духѣ, то любилъ придумывать шутливыя прозвища для своихъ подчиненныхъ. Если онъ смѣялся, то только на свои собственныя слова и выходки. Чужая мысль, и въ особенности новая, его стѣсняла. На лбу его появлялась горизонтальная складка. Однако, это не значило, что онъ измѣряетъ и взвѣшиваетъ эту мысль. Онъ просто сердился и отбрасывалъ ее, какъ лишній предметъ, который не можетъ быть уложенъ въ ящикъ, потому что ключъ утерянъ.

Иногда онъ протестовалъ. Но возраженіе его имѣло всегда одну форму. Онъ упорно смотрѣлъ на говорившаго и спрашивалъ:

— Кто васъ дѣлалъ?

Затѣмъ обращался къ остальнымъ собесѣдникамъ.

— Вы его дѣлали? Вы? Вы?

— Только я его не дѣлалъ...—заканчивалъ онъ, отворачиваясь, и становился молчаливъ и непроницаемъ, какъ дубовый ящикъ.

Люди толпились группами, бродили въ одиночку, безтолково суетились, какъ муравьи, когда на ихъ кучку наступитъ сапогъ. Но для такого большого скопленія людей было слишкомъ тихо. Казалось, что если бы затаившіеся звуки многогрудой толпы въ эти часы могли вырваться наружу, то это было бы стономъ или крикомъ испуга. По черной затоптанной углемъ землѣ, какъ заблудившіяся, ползли въ разныхъ направленіяхъ линіи рельсъ, то скрываясь въ глубокой темнотѣ сараевъ, то обрываясь тупиками. Паровозы,

двѣ недѣли нетопленные, уныло стояли, холодные и молчаливые.

Люди остыли и замолчали позже. Это случилось нѣсколько дней тому назадъ. Бѣжавшій изъ отряда солдатъ принесъ извѣстіе, что тотъ, кому надлежало судить и карать, уже близко; что тамъ, гдѣ онъ побывалъ и гдѣ передъ этимъ раздавались свободныя рѣчи, гдѣ люди уже протянули руки къ свѣту, надѣясь оторваться отъ темнаго тяжелаго прошлаго, тамъ, гдѣ онъ побывалъ, оставался тихій ужасъ.

Солдата спрашивали, кто онъ, котораго ждутъ. Тогда тотъ оглядывался, расширялъ глаза и шепотомъ говорилъ:

— Ящикъ.

Если бы онъ сказалъ: изувѣръ, палачъ, дьяволъ, то это возбудило бы злобу, ненависть. Но при словѣ „Ящикъ" всѣмъ становилось холодно. Всѣ уже знали, къ кому пристегнута эта кличка. Человѣкъ, косившій это нелѣпое, бездушное прозвище, былъ глухъ и нѣмъ. Онъ даже не былъ гнѣвенъ или жестокъ. Онъ не имѣлъ качествъ. Онъ былъ равнодушенъ и неумолимъ, какъ камень, падающій съ неба.

Пріѣхалъ Куликъ. Узнавъ объ ожиданіи отряда, пробовалъ успокоить и ободрить толпу, но его слушали съ ужимками недовѣрія и собирались не всѣ. Приходилось уединяться съ нѣкоторыми и вести бесѣды тайкомъ на «сортировочной», потому что уже среди своихъ же выплывали такіе, которыхъ нужно было опасаться.

Ждали ее. Ей больше вѣрили и ее больше любили. Она лучше, ярче олицетворяла собою мечту золотыхъ сказокъ. Но когда сегодня она пришла, ее стали съ любопытствомъ осматривать и, какъ будто, въ первый разъ увидѣли ее, маленькую и слабую. Сегодня въ первый разъ замѣтили, что на ней бѣлая суконная шубка, на головѣ бѣлая папаха, что она вздрагиваетъ, что у нея мелкая походка, какъ у всѣхъ женщинъ.

Прежде, когда она приходила, то каждый разъ вмѣстѣ съ нею накатывалась на нихъ освѣжающая волна, она сама, бѣлая и радостная, казалась пѣной этой волны.

Когда сообщали «она придетъ», ее ждали, какъ праздника, а когда говорили «она пришла», то всѣ отправлялись за поселокъ на «сортировочную», толпились въ маленькой конторѣ, собирались на дворѣ и, прослушавъ то, что она говорила, возвращались домой съ загадочнымъ чувствомъ людей, получившихъ награду, которую нельзя было ни измѣрить, ни взвѣсить.

Никто не зналъ и не справлялся, откуда она пришла и кто ее послалъ, но всѣ чувствовали, что это нужно и неиз-

бѣжно, и что въ словахъ ея та правда, которая давно и боязливо шевелится въ нихъ самихъ.

Ее любили слушать, потому что она говорила о наступающемъ праздникѣ для тѣхъ, которые знали только черные будни.

Все, что она говорила, казалось давно знакомо имъ. Все это они слышали и понимали въ ударахъ рабочаго молотка, въ молитвѣ жены, въ плачѣ больного ребенка.

— Мои слова и мысли,—говорила она имъ сама,—давно валяются на дорогѣ жизни, какъ затоптанная дорогая вещь. Они затоптаны тѣми, которые въ нихъ не нуждаются. Вы невольно топчете ихъ, потому что идете сзади. Выйдите впередъ, поднимите ихъ, отряхните съ нихъ пыль и приставшую грязь, вглядитесь въ нихъ и увидите, что они новы и дороги. Кто не хочетъ этого, тотъ рабъ и трусъ передъ собою, потому что онъ топчетъ свое собственное сокровище.

— Я никуда не зову васъ, не указываю вамъ идола: ихъ и такъ довольно. Я говорю только: подымите голову. Не подымайте рукъ, а подымите головы. Когда всѣ головы будутъ подняты, руки безсильны будутъ подняться противъ васъ. Помните, что самый высокій—не выше головы вашей. Самый великій—дышитъ не сильнѣе, чѣмъ вы...

Она говорила тихо, но всѣ ее слышали, какъ свою совѣсть, и продолжали слышать ее, точно она никогда не уходила.

Несмотря на то, что ее часто видѣли, никто не помнилъ ея наружности. Никто не могъ сказать, красива она или дурна. Эти вопросы не приходили на умъ. Это было слишкомъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что они слышали.

Мало кто зналъ ее по имени. О ней говорили только: „она пришла“ или „она придетъ“. Очень немногіе знали, что ее зовутъ Надой,—уменьшительное отъ Надаровой,—и что она сестра начальника станціи.

Это родство было такъ незамѣтно, что сестрою она скорѣе была для тѣхъ, кто ее слушалъ.

Но все это было недавно, когда они почувствовали себя свободными. Сегодня люди потеряли волю и стали толпой. Ожиданіе новаго зрѣлища заставило ихъ сойти со сцены и и стать зрителями. Говорили: „она пришла“ и, сравнивая ее съ новой силой, пришедшей съ другого конца, увидѣли, что она ничтожна. Они забывали, что ея сила была въ нихъ самихъ.

У одинокаго паровоза передъ входомъ въ сарай собралась кучка людей. Увидѣвъ ея приближеніе, нѣкоторые сказали: „она пришла“ съ удивленіемъ, точно забыли, что они ее ждали, и тихо стали расходиться, стараясь наблюдать за

ней издалека. Двое остались сидѣть на рельсахъ. Это былъ сласарь Шаплыгинъ, который мѣсяцъ тому назадъ далъ клятву не пьянствовать и не бить жену. Онъ молча посмотрѣлъ на нее съ испуганнымъ ожиданіемъ. Но ей нужны были другіе, и она прошла мимо. Шаплыгинъ повернулся и обратилъ сосредоточенное вниманіе на ея маленькія мѣховыя калоши, грустно покачалъ головой и задумался. Другой, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, Ганька, помощникъ машиниста, съ больными глазами и вѣчно простуженный, быстро всталъ и, сказавъ: „идите прямо за мастерскія", пошелъ передъ ней. Вдоль деревянной стѣны, ограживавшей складъ угля, сидѣло на землѣ нѣсколько человѣкъ. Ихъ головы были опущены, и Нада ихъ не узнала. За угломъ стояла другая кучка. Люди разступились, давая ей дорогу. Кто-то издали молча снялъ шапку.

Дѣвушка, удивленная, остановилась. Еще нѣсколько дней тому назадъ она была центромъ. Озадаченная, не зная, что предпринять, она повернулась и пошла обратно.

Къ ней подошелъ человѣкъ съ медалью.

— Вы кого, барышня, ищете?

— Гдѣ Желтухинъ, Самсоновъ, Куликъ?..

Человѣкъ съ медалью тихо свистнулъ.

— Не такая нынче погода, барышня, чтобы пѣсни пѣть. Посмотрите, какая туча.

Онъ указалъ на строй солдатъ, собиравшихся на площади передъ подъѣздомъ станціи.

Нада мелькомъ взглянула туда.

— А это кто такіе?—спросила она, видя приближающихся офицеровъ.

Но человѣкъ съ медалью отошелъ къ сторонкѣ.

Черезъ площадь ровной походкой, какъ заведенный, шелъ Ящикъ. За нимъ, покачиваясь на ходу и весело щурясь на толпу, слѣдовалъ Шуба, а рядомъ съ нимъ Костинъ. Нада оглянулась назадъ. Тамъ всѣ застыли на своихъ мѣстахъ. Она пошла впередъ, сворачивая въ сторону къ паровозу.

На ходу она услышала деревянный голосъ, безъ оттѣнка интонаціи:

— Ты, мокрохвостка, тоже бунтовать...

Сначала она подумала, что это относится не къ ней. Голосъ былъ безразличный, механическій. Въ немъ не было ни вопроса, ни насмѣшки.

Но Ящикъ остановился въ пяти шагахъ отъ нея и, прождавъ нѣсколько секундъ, развернулъ бумагу, которую держалъ въ рукахъ.

— Ты—Нада по кличкѣ, а фамилія?

Дѣвушка молчала.

— Какая профессія? Телеграфистка, машинистка, проститутка?..

Нада хотѣла поднять голову, но при послѣднемъ словѣ рѣшила лучше не смотрѣть въ лицо говорившаго.

Ящикъ передернулъ плечами, точно у него чесалась спина.

— Молчитъ.

— Ты не умѣешь съ дамами, давай я поговорю,—сказалъ Шуба.

— Нѣтъ, довольно,—отвѣтилъ Ящикъ и махнулъ стекомъ по воздуху.

Затѣмъ, обратившись къ рабочимъ, крикнулъ:

— Негодяи! Заморозили паровозы! Они дороже васъ, подлецовъ, стоятъ!

Въ толпѣ кто-то свиснулъ, и чей-то голосъ отозвался изъ глубины:

— Старайся, Ящикъ!

Ганька, стоявшій впереди другихъ, выступилъ на нѣсколько шаговъ.

— Извините, этотъ паровозъ не замороженъ. Онъ въ ремонтѣ.

Видъ и жесты его были апатичны, но глаза горѣли остро и смѣло.

— Это что за предметъ?—спросилъ Ящикъ

— Моя фамилія Толкачъ. Я помощникъ машиниста.

Ящикъ посмотрѣлъ въ бумагу, но такого тамъ не было.

— Вы, господинъ полковникъ, позвольте вамъ замѣтить, не съ того конца начали. Прежде выслушайте наши объясненія. Мы выбрали товарищей...

— Что? Ахъ, ты тварь ничтожная! Спрятать его въ арестантскій вагонъ. Я съ нимъ еще поиграю..

Два солдата подошли и увели Ганьку.

Ящикъ взглянулъ на дѣвушку.

— А эту оставить тутъ... Поручикъ Костинъ...

Костинъ подошелъ къ полковнику и подставилъ свою спину.

Ящикъ вынулъ изъ кармана маленькій карандашикъ въ серебряной оправѣ и разложилъ бумагу на спинѣ поручика.

Не измѣняя выраженія лица и не издавъ ни звука, онъ твердой и ровной линіей перечеркнулъ строчку: „Нада, фамилія неизвѣстна, главная агитаторша“.

Это значило, что человѣкъ вычеркнутъ изъ списка живыхъ.

Разсказы о дѣйствіяхъ Ящика были извѣстны среди рабочихъ. Этотъ жестъ его былъ понятъ чутьемъ.

Въ толпѣ пронесся гулъ, какъ порывъ вѣтра, и опять смолкъ.

— Что?—рявкнулъ Ящикъ.

И сталъ ждать новаго ропота, который бы возбудилъ его въ достаточной степени. Онъ былъ лишенъ инидіативы, и даже въ такомъ, казалось бы, фанатическомъ дѣлѣ онъ долженъ былъ получить толчокъ, который привелъ бы его къ активности. Онъ старался возбудить себя словами угрозы, но не находилъ достаточно сильныхъ выраженій.

Въ эту минуту тишины что-то гулко стукнуло въ пустомъ паровозѣ.

Ящикъ насторожился, подошелъ къ паровозу и ударилъ стекомъ по котлу.

— Эй, кто тамъ!

Какъ бы въ отвѣтъ, послышался звукъ, похожій на царапанье подошвы сапога о металлъ.

Ящикъ, какъ охотникъ, почуявшій добычу, подошелъ къ передней части паровоза. Передній щитъ компаунда былъ снятъ, и за двумя трубами, расходящимися къ цилиндрамъ, зіяла черная пропасть. Подошелъ Шуба и зажегъ спичку. Но до котла было далеко, мѣшала площадка и вѣтеръ задувалъ огонь. Нужно было влѣзть на площадку. Шуба хотѣлъ позвать солдата, но около него уже оказался Божиловъ. Какъ человѣкъ съ медалью за усердіе, онъ считалъ себя въ правѣ не ждать приказаній, а проявлять свое усердіе по голосу совѣсти.

Ящикъ пристально всмотрѣлся въ него.

— Ты кто такой?

— Ефрейторъ въ запасѣ, ваше высокоблагородіе.

— Знакомая рожа. Ты служилъ у меня?

— Никакъ нѣтъ. Являлся къ вамъ три дня тому назадъ..

Человѣкъ съ медалью говорилъ шепотомъ.

— Ахъ, помню...

Шуба узналъ его по первому взгляду.

— Тебя еще не ухлопали?—спросилъ онъ.

— Меня, ваше высокоблагородіе, нельзя изничтожить. Я человѣкъ полезный.

— Ну, полезный человѣкъ, полѣзай въ котелъ.

Божиловъ ловко вскочилъ на площадку, не жалѣя своей новой тройки офицерскаго сукна. Изъ котла скоро послышался его глухой голосъ.

Происшествіе заинтересовало толпу. Многіе стали подходить ближе. Въ таинственномъ котлѣ, освѣщеннымъ спичкой Божилова, сначала слышалась возня, ругательства, и, наконецъ, показалась спина человѣка съ медалью. Онъ тащилъ ногу барахтавшагося человѣка.

Изъ толпы кто-то крикнулъ:

— Тащи пирогъ изъ печи!

Вспотѣвшій отъ усердія, Божиловъ задыхался отъ восторга.

— Солдатъ, ваше высокоблагородіе, неизвѣстной части. Почему что сорваны погоны.

Но Ящикъ и Шуба уже узнали его. Это былъ солдатъ изъ ихъ отряда. Онъ криво сидѣлъ на площадкѣ, опершись одной рукой на снятую съ головы папаху. Въ толпѣ зашептались. Это былъ тотъ самый солдатъ, который принесъ извѣстіе о приближеніи отряда. Еще часъ тому назадъ его видѣли бродившимъ среди построекъ.

Ящикъ взмахомъ руки велѣлъ солдату сойти на землю. Допрашивать его передъ рабочими было неумѣстно. Отдать его на судебную волокиту — значило расхолаживать себя въ такую горячую минуту. Онъ съ ненавистью посмотрѣлъ на солдата, котораго прежде отличалъ между другими, какъ исполнительнаго и трезваго. Чтобы усилить свою злобу, онъ ударилъ его хлыстомъ по лицу.

Тотъ выпрямился, бросилъ на землю папаху, чтобы освободить правую руку. Но Божиловъ схватилъ его сзади за локти.

Солдатъ, блѣдный, съ недоумѣніемъ поворачивалъ голову то къ толпѣ, то испуганно взглядывалъ на Ящика.

— Это не изящно,—сказалъ брезгливо Шуба,—вели приступить...

Ящикъ получилъ толчокъ. Онъ самъ поднялъ съ земли упавшій башлыкъ и, бросивъ его Божилову, велѣлъ окрутить имъ голову солдата. Сначала тотъ стоялъ неподвижно, но когда концы башлыка крѣпко стянули ему шею, а для глазъ закрылся свѣтъ, онъ понялъ все, рванулся въ сторону, растянулъ башлыкъ и, освободивъ ротъ, крикнулъ:

— Ребята! Смотрите, что дѣлается! За что меня? Въ своихъ не хотѣлъ стрѣлять!

Но башлыкъ выше не поднимался и глаза оставались закрытыми. Онъ не видѣлъ, что толпа по прежнему стояла неподвижно. Солдатъ, вытянувъ впередъ руки, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, оступился и упалъ. Послышался смѣхъ. Божиловъ навалился на упавшаго, опять стянулъ ему концы башлыка и не давалъ подняться. Солдатъ лежалъ лицомъ къ землѣ, вздрагивалъ ногами и глухо мычалъ.

Шуба поморщился, взялъ Костина подъ руку и отошелъ.

Нада, отвернувшись, стояла у паровоза. Два солдата вытянулись по сторонамъ.

Шуба остановился около нея и любезно сказалъ:

— Вы бы присѣли, покуда что.

Нада посмотрѣла на вертикально расположенныя ступеньки, ведущія къ паровозной будкѣ.

— Впрочемъ, виноватъ, тутъ неудобно.

Шуба оглянулся и увидалъ лежавшую на землѣ доску. Кряхтя, поднялъ ее и приставилъ однимъ концомъ къ нижней ступенькѣ.

Нада посторонилась, смутно посмотрѣла на капитана, но не сѣла.

Сзади раздался голосъ Ящика.

— Капитанъ, давайте трехъ солдатъ!

Шуба опять взялъ Костина подъ руку и тихо пошелъ къ строю.

Слышно было, какъ изъ толпы кто-то отчетливо и звонко крикнулъ:

— Божиловъ! Уйди, живоглотъ! Не суйся!..

И, въ отвѣтъ на это, застучали, какъ удары палки, слова Ящика:

— Молчать! Ни слова! Вотъ вамъ первый измѣнникъ Пощады не будетъ!

— Онъ не нашъ,—загалдѣли въ толпѣ.

— Все равно... Ваши мнѣ тоже извѣстны! Всѣ до одного.

Шуба сжалъ руку Костина и заглянулъ ему въ глаза..

— Нюрка, а вѣдь ты думаешь объ этой дѣвицѣ.

Поручикъ Костинъ, по прозвищу „Нюрка", посмотрѣлъ на свои сапоги, стараясь попасть въ ногу съ капитаномъ, и усиленно глотнулъ воздухъ.

— Что-жъ ты молчишь... Надо ее выручить...

Нюрка испуганно и недовѣрчиво посмотрѣлъ на Шубу. Онъ никогда не умѣлъ разграничить серьезности и шутокъ капитана.

— Но какъ?—спросилъ Костинъ съ улыбкой, не желая выдавать своего недоумѣнія.

— Какъ, какъ... дикій вопросъ... Ты молодой, великодушный, а я тяжелый, толстый, съ одышкой... Тебѣ лучше знать.

— Ты шутишь?..

— Настоящая ты Нюрка. Никуда ты не годишься—ни нашимъ, ни вашимъ. Ни жестокимъ, ни великодушнымъ ты не можешь быть. Проще говоря, ты трусъ...

Костинъ не зналъ, что отвѣтить.

Помолчавъ, Шуба сказалъ громко и нисколько не стѣсняясь ни солдатъ, ни барона Поппа, къ которому они подошли.

— Я придумалъ одну комбинацію... Ужъ очень прѣсную кашу заварили. Тошно... Нужно подбавить соли...

II.

Духъ жилья.

Капитанъ Шуба былъ азартнымъ игрокомъ. Среди товарищей офицеровъ онъ не пользовался той любовью, которая выражается пьяными объятіями. Ему завидовали и смотрѣли на него съ опасливымъ недовѣріемъ. Завидовали его остроумію, его начитанности, его счастливой игрѣ въ карты. Онъ никогда не бывалъ въ нетрезвомъ видѣ, никогда не разсказывалъ старыхъ полковыхъ анекдотовъ, никогда не манкировалъ по службѣ и одѣвался лучше всѣхъ въ полку. Его квартира, гдѣ бы ни стоялъ полкъ, всегда имѣла изящный комфортъ и украшалась массой дорогихъ и рѣдкихъ вещицъ. Его библіотека сопровождала его всюду. Въ ней находились книги, признанныя вредными для офицерскихъ головъ. Это знало начальство, но молчало, потому что знало его другую сторону. Когда требовалась карающая власть, онъ былъ жестокъ. Противъ заведеннаго обыкновенія онъ нетерпимо относился къ такимъ явленіямъ, какъ растрата казенныхъ денегъ, и въ большинствѣ случаевъ первый отказывался пополнить растрату и требовалъ преданія виновнаго суду. Если ему это удавалось, онъ устраивалъ пирушку, на которую тратилъ ровно столько, сколько пришлось бы на его долю для пополненія растраты.

Въ одну изъ бесѣдъ въ собраніи, онъ сталъ откровенно посвящать офицеровъ въ смыслъ таинственныхъ для нихъ программъ политическихъ партій.

Одинъ изъ новыхъ офицеровъ язвительно замѣтилъ:

— Вамъ бы поступить въ жандармы.

Шуба всталъ и спокойно отвѣтилъ:

— Этого мнѣ не нужно. Мною и здѣсь дорожатъ... И вотъ вамъ доказательство!

Онъ далъ пощечину офицеру.

Когда тотъ бросился на него, Шуба также спокойно продолжалъ:

— Погодите, я не кончилъ... Выслушайте прежде меня.. Господа, подержите же его, что онъ торопится!..

Озадаченный офицеръ остановился и прослушалъ своего обидчика до конца.

— Доказательство заключается въ томъ,—продолжалъ Шуба,—что вы, получивъ пощечину, вызовете меня на дуэль. Но я откажусь. Въ результатѣ: вы уйдете изъ полка, а я останусь.

Сказавъ это, онъ допилъ свой стаканъ чаю и вышелъ изъ собранія.

Въ тотъ же день онъ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ и недѣлю пролежалъ въ постели. Навѣщавшихъ его онъ просилъ передать обиженному, что, если тотъ желаетъ, онъ съ готовностью извиняется передъ нимъ, но, считая данное положеніе полнымъ разсчетомъ, отъ дуэли безусловно отказывается. Въ случаѣ же новаго оскорбленія, онъ предпочитаетъ его убить безъ секундантовъ и безъ опредѣленной дистанціи.

Обиженный взвѣсилъ обстоятельства дѣла, взялъ отпускъ на три дня и, не дожидаясь суда общества офицеровъ, прислалъ прошеніе объ отставкѣ.

Шуба такъ часто говорилъ о желаніи бросить военную службу, что его постоянно считали какъ бы временнымъ и почетнымъ гостемъ въ полку. На вопросъ: «чего же вы ждете?» отвѣчалъ, однако, довольно неопредѣленно:

— Можетъ быть, я и здѣсь буду полезенъ. Да вотъ горе: жиру накопилось много, одышка, командовать трудно. Надо бы жизнь снова начать.

Когда поднялись волненія, для всѣхъ было неожиданностью, когда онъ попросился въ карательную экспедицію.

— Ну, вамъ-то зачѣмъ?—спросилъ, пожимая плечами, высокій начальникъ, когда онъ ему представлялся.

— Ваше превосходительство,—отвѣчалъ Шуба, — это имѣетъ воспитательное значеніе...

Высокій начальникъ считалъ Шубу рыцаремъ своего долга. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ хотѣлъ взять его въ свой штабъ, какъ дѣльнаго и образованнаго офицера, но Шуба попросился въ строй.

— Вы правы, это тяжело, но это воспитываетъ насъ въ такое смутное время.

Генералъ похлопалъ его по плечу:

— Побольше бы такихъ офицеровъ...

За нимъ была кличка: „Личарда". Но въ глаза такъ называлъ его одинъ Ящикъ.

...Баронъ Поппъ, заложивши руки за спину, ходилъ передъ фронтомъ. Онъ былъ въ бодромъ, приподнятомъ настроеніи. Въ эти роковыя минуты въ немъ нуждаются, а въ его рукахъ сила въ двѣсти штыковъ. Онъ глубоко вдыхалъ холодный воздухъ, надменно поглядывалъ на толпу рабочихъ и внутренне любовался своимъ хладнокровіемъ.

Лѣвый флангъ строя скрывался за цѣлымъ рядомъ разноцвѣтныхъ одѣялъ и пуховиковъ, развѣшанныхъ на веревкѣ, протянутой отъ крыльца къ фонарному столбу. Павла

Семеновна украдкой ходила между одѣялами, потряхивая и передвигая ихъ и посматривая на бѣлую фигуру, стоящую у паровоза. Баронъ Поппъ, несмотря на всю свою рѣшимость, не могъ заставить ее убрать свои пожитки и отправляться домой. Эти пуховики смущали его и портили воинственность настроенія.

Капитанъ Шуба передалъ ему приказаніе полковника. Баронъ Поппъ, сознавая великое значеніе дисциплины, сдѣлалъ подъ козырекъ и повернулся на лѣвомъ каблукѣ.

Шуба и Нюрка подошли къ зданію.

Павла Семеновна, сорвавшись съ мѣста, бросилась къ капитану и протянула руку, указывая на бѣлую фигуру:

— Это что же дѣлается? Почему она тамъ? Я пойду къ ней...

— Нѣтъ, не ходите,—отвѣчалъ Шуба.

Павла Семеновна схватилась за ручку станціонной двери.

— Сюда меня почему-то тоже не пускаютъ... Здѣсь мой мужъ...

— Желтухинъ?

— Какой Желтухинъ, Надаровъ—начальникъ станціи.

Шуба о немъ забылъ, но сейчасъ же съ удовольствіемъ вспомнилъ о сметанѣ съ чернымъ хлѣбомъ.

— Нѣтъ, сударыня, сюда вамъ тоже нельзя.

И вошелъ съ Нюркой въ дверь.

На скамейкѣ, подъ росписаніемъ поѣздовъ, сидѣлъ въ шапкѣ Желтухинъ. Отвернувшись отъ него, около образа, въ удрученной позѣ, безъ фуражки, которую онъ забылъ дома, сидѣлъ начальникъ станціи. Три солдата караулили ихъ. При входѣ офицеровъ, Желтухинъ оборвалъ свою рѣчь къ Надарову.

Тотъ всталъ.

На прилавкѣ буфета и на полкахъ, гдѣ обыкновенно въ изобиліи стояли закуски и бутылки, было пусто. Кромѣ груды немытыхъ тарелокъ, осталась одинокая стеклянная ваза съ уцѣлѣвшимъ апельсиномъ.

Шуба подошелъ къ прилавку, взялъ апельсинъ, повертѣлъ его въ рукахъ и спросилъ:

— Кто продаетъ?

Желтухинъ отвѣчалъ:

— Кушайте на здоровье—вы гости.

— Пожалуй, отравленъ... Ахъ, вотъ...

Онъ замѣтилъ въ углу около металлическаго шкафика для согрѣванія пирожковъ горшочекъ со сметаной и въ видѣ благодарности кивнулъ начальнику станціи головой.

Затѣмъ закурилъ папироску.

— Этотъ фараонъ мнѣ нравится. Выдерживаетъ марку. Остальные—сволочь, бараны, трусы...

— Неужели его разстрѣляютъ? — шепотомъ спросилъ Костинъ.

— Разумѣется.

— Какъ же такъ? По одному подозрѣнію, по доносу?

— Чудакъ! Надо же кого-нибудь разстрѣлять. Для чего же мы пріѣхали сюда. Не въ бирюльки играть.

Костинъ искоса посмотрѣлъ на Шубу.

Тотъ замѣтилъ:

— Вообще совѣтую тебѣ такихъ вещей не говорить. Какой ты офицеръ, ты—Нюрка.

Костина прозвали Нюркой за его миловидную наружность. Стараніе казаться мужественнымъ ему не удавалось. Онъ не пилъ, даже не курилъ, не картежилъ, не выпиливалъ ажурныхъ шкатулокъ и этажерокъ, не раскладывалъ по шести часовъ подъ рядъ пасьянсовъ, не ломалъ головы надъ ребусами, не лебезилъ передъ адъютантомъ. Онъ имѣлъ даже много хорошихъ качествъ. Исправно платилъ долги, за доступными женщинами ухаживалъ „съ самыми честными намѣреніями" и приводилъ ихъ въ недоумѣніе своими пространными письмами; сохранялъ листки отрывного календаря съ изреченіями мудрецовъ на оборотѣ, и заучивалъ ихъ наизусть, считалъ шпаковъ, т. е. штатскихъ, такими же людьми, какъ и военные, возмущался, когда офицеры, угощая заѣзжаго коммиссіонера, подливали ему въ рюмку вмѣсто водки керосинъ. Вообще имѣлъ очень много добродѣтелей, но всѣ онѣ пристали къ нему, какъ гордость къ нищему, просящему милостыню, какъ цѣломудріе къ трактирной пѣвицѣ. Его добродѣтели не вросли въ его душу, а висѣли при ней на паутинкѣ, и достаточно было легкаго толчка, чтобы онѣ сорвались. Достаточно было голоса команды старшаго, и онъ становился глухъ къ самому себѣ. Самыми лучшими минутами его службы было прохожденіе по городу со своей частью подъ музыку, мимо глазѣющихъ прохожихъ. Въ эти минуты весь міръ былъ для него ничтожествомъ, и въ своей службѣ онъ видѣлъ великую долю. Но музыка умолкала, онъ приходилъ домой и опять углублялся въ изреченія мудрецовъ.

Его сомнѣнія разрѣшались тѣмъ, что, хорошенько выспавшись, онъ утромъ вытирался одеколономъ и дѣлалъ проборъ не на лѣвой, а на правой сторонѣ головы. Онъ часто роптал на условія военнаго быта, говорилъ, что отъ такой жизни можно отупѣть, но все таки продолжалъ служить, смутно заглядывая впередъ, на далекую пенсію.

...Шуба подошелъ къ Желтухину.

— Ну, какъ дѣла, товарищъ?

Желтухинъ мелькомъ взглянулъ на него и поморщился.

— Товарищъ.. товарищъ... Много вы, господа, хорошихъ словъ загадили... И это загадите...

— А все таки, кто же это жандарма отравилъ? Закусилъ человѣкъ въ буфетѣ и померъ.

— Червь капусту съѣдаетъ, а самъ прежде пропадаетъ...

— Вы женаты?

— Женатъ.

— А жена гдѣ?

— Далеко.

— Вамъ бы слѣдовало ей черкнуть письмецо.

— Дѣло не ваше.

Въ это время растворилась дверь, и вошла Павла Семеновна съ двумя дѣвочками. Въ рукахъ у нея было машинально снятое съ веревки одѣяло. Дѣвочки молча жались къ ней, но когда увидѣли отца безъ фуражки, съ солдатомъ, стали плакать.

— Зачѣмъ тутъ дѣти еще?..—слезливо сказалъ Костинъ.

— Ничего, картина полнѣе,—отвѣтилъ Шуба и обратился къ арестованнымъ:

— Ну, господа товарищи, игра кончена, нужно расплачиваться.

Павла Семеновна тяжело дышала, но не растерялась.

Ея крупная сильная фигура не походила на фигуру мужа. Стоя спиной къ Шубѣ, она, волнуясь, говорила своимъ грубоватымъ груднымъ голосомъ:

— Чтожъ ты молчишь, Мартынъ... Ты не знаешь, что тамъ дѣлается... ты не одинъ.

Затѣмъ, обернувшись къ Шубѣ, она толкнула къ нему своихъ дѣвочекъ, которыя сейчасъ же отшатнулись отъ него.

— Берите всѣхъ насъ... онъ не одинъ.

Дѣти опять заплакали. Шуба заткнулъ уши.

— Ну, довольно... уведите ихъ...

— Нѣтъ, я не уведу и сама не уйду... Я не отойду ни на шагъ отъ мужа... Слышите вы!..

Энергичный голосъ жены ободрилъ Надарова.

— Господинъ капитанъ!—завопилъ онъ.—Я не причемъ, клянусь святымъ Богомъ... вотъ хоть передъ образомъ Николая Угодника. Что я могъ сдѣлать одинъ! Аппараты разбиты... Паровозы холодные... Начальникъ депо... Начальникъ депо заперся на замокъ... Всѣ дрезины разобраны.. телеграфисты разбѣжались... Я одинъ... Что мнѣ дѣлать... Я одинъ, а ихъ много..

Его тонъ сразу упалъ, когда жестко и язвительно заговорилъ Желтухинъ:

— Давно ли ты такимъ праведникомъ сталъ?

Мартынъ смутился и во всѣ глаза сталъ смотрѣть на капитана, какъ бы ища въ немъ защиты отъ новаго врага.

— Желтухинъ, молчите!—властно сказала Павла Семеновна.—Всякъ за себя.

— Мало будетъ,—всякъ за себя. Ты, Мартынъ, больно свою перину любишь... Покуда лежалъ на ней—героемъ былъ, а начали тебя тащить долой—калѣкой сталъ... Эхъ ты, опара!... Живешь ты на землѣ, какъ вошь въ головѣ... погоди, и тебя въ свое время ногтемъ придавятъ.

Шуба слушалъ его съ преувеличеннымъ вниманіемъ. На нетерпѣливый жестъ Павлы Семеновны онъ отвѣтилъ:

— Пускай пофилософствуетъ: онъ человѣкъ разсудительный.

Глаза у Мартына нетерпѣливо бѣгали. Онъ боялся, что Желтухинъ вотъ-вотъ броситъ ему болѣе опредѣленное обвиненіе. Онъ съ ужасомъ вспомнилъ, какъ въ своей собственной квартирѣ, въ присутствіи Желтухина, Кулика и другихъ, онъ самъ составлялъ текстъ коллективной телеграммы о пріостановкѣ движенія.

— Господинъ капитанъ,—дрожащимъ голосомъ убѣждалъ онъ...—Вотъ моя семья... жена и двѣ дѣвочки... Ежели мнѣ погибнуть, то и имъ погибнуть... Только вотъ передъ образомъ...

— Врешь ты,—перебилъ его Желтухинъ...—тебѣ не семья дорога, а твоя прѣль, запахъ твоей свинярни... Видѣлъ, кто тамъ (онъ указалъ въ сторону площади)—тоже твоей семьи, а ты молчишь... Вывѣсилъ вонъ свои перины да одѣяла... Нѣтъ, тебѣ слѣдуетъ не перины провѣтривать, а самого себя... Не онѣ тебя, а ты ихъ надушилъ...

— Вы про кого это?—спросилъ Шуба.

— Не вѣрьте, господинъ капитанъ!—отчаянно взмолился Мартынъ, чувствуя, что кто-то за ногу тянетъ его въ пропасть...

— У меня тоже семья,—перебилъ его Желтухинъ...—У всѣхъ семья. Только она много больше, чѣмъ ты считаешь...

Поникнувъ головой, Мартынъ грустно и мечтательно замѣтилъ:

— Сколько лѣтъ жили тихо, мирно, дружно, и вдругъ такое несчастье.

— Однако довольно,—сказалъ Шуба и сдѣлалъ незамѣтный жестъ солдату, стоявшему около Желтухина. Тотъ тронулъ его за рукавъ. Желтухинъ машинально всталъ со скамейки и направился къ двери, выходящей на платформу.

— Нѣтъ, виноватъ, не туда,—остановилъ его Шуба и сдѣлалъ гостепріимный жестъ по направленію къ другой двери.

Отъ этого жеста у Желтухина мгновенно остановилось сердце. Его поразило жгучее предчувствіе. Онъ вдругъ почувствовалъ себя горячей каплей, упавшей въ море, остывшей и растаявшей. До середины комнаты, гдѣ стоялъ Шуба, онъ дошелъ самъ. Когда онъ заговорилъ и услышалъ свой голосъ живого сильнаго человѣка, то подумалъ: «нѣтъ, это невозможно».

— Послушайте капитанъ, кто же изъ насъ сумасшедшій? Я ничего не понимаю... Тамъ судъ, что-ли? Я хочу суда...

— Голубчикъ мой, теперь некогда... Солдатъ, веди.

Онъ сдѣлалъ жестъ второму солдату.

Оба они стали подталкивать Желтухина сзади.

Онъ упирался, ощупывалъ себя, какъ пьяный, оборачивался, точно забылъ что-то взять съ собой въ дорогу.

Въ дверяхъ онъ столкнулся со старухой. Она держала въ рукахъ образъ. Узнавъ Желтухина и увидя его во власти вооруженныхъ солдатъ, она отклонила отъ него образъ, какъ отъ нечистой силы.

Появленіе старухи больше всего отозвалось на Мартынѣ. Онъ бросился ей навстрѣчу, стараясь ее выпроводить. Но старуха, вывернувшись отъ него, бросилась къ Шубѣ, прижимая къ его груди старый почернѣвшій образъ Богородицы съ короной на головѣ.

— Подите туда, голубчикъ, красавецъ!.. Вы добрый ласковый, подите туда!

— Да куда, бабушка?

— Вы тоже начальство... что дѣлается... что дѣлается.. Царица небесная, Скоропослушница...

Дѣвочки, которыя уже привыкли было къ шутливому капитану, опять заплакали.

Старуха припала къ груди капитана. Колѣни ея дрожали, и онъ долженъ былъ ее поддерживать.

— Мамаша, уходите ради Бога, не вмѣшивайтесь,—умолялъ ее Мартынъ.

— Мамаша или теща?—спросилъ Шуба.

— Матушка жены моей, но для меня все равно, какъ мамаша. Очень добрая, религіозная, но зачѣмъ вмѣшиваться, когда есть начальство...

— Батюшка, красавецъ,—продолжала старуха, не отступая отъ Шубы...—Что дѣлается... солдаты съ ружьями... а она стоитъ, вся бѣленькая, какъ зайчикъ... Царица небесная, Скоропослушница... съ Афонской горы... черезъ нее всякая молитва скоро доходитъ... голубушка, умилостиви... слезами

горячими... Мартынъ, что-жъ ты молчишь... проси за сестру...

При послѣднихъ словахъ старухи Шуба выпрямился, поставилъ ее на ноги и передалъ Павлѣ Семеновнѣ.

— Какъ, развѣ тамъ... сестра? Ваша?

Онъ указалъ пальцемъ на Мартына.

Тотъ сокрушенно покачалъ головой.

— Къ великому моему прискорбію... Да, это моя сестра... Она много горя принесла моему семейству... мамаша какъ убивается... Обратите ваше вниманіе...

Шуба отвернулся и вполголоса сказалъ Нюркѣ:

— Какая, однако, гадина...

Павла Семеновна слышала эти слова, посмотрѣла на мужа съ родственнымъ сожалѣніемъ и, не сдерживая себя, смѣло и гнѣвно бросила Шубѣ.

— Ужъ и всѣ то вы хороши!..

Послѣ этого тонъ Шубы сразу измѣнился и сталъ дѣловитымъ и торопливымъ.

Онъ обратился къ Мартыну.

— Вы можете идти домой.. вы свободны... Мы такихъ не трогаемъ...

Мартынъ широко перекрестился на образъ. Онъ почувствовалъ въ себѣ подъемъ и смѣлость...

— Мамаша, умоляйте, просите за сестру..

Но Павла Семеновна быстро подошла къ нему, энергично ухватила его за талію и стала выпроваживать къ двери, забирая въ то же время дѣтей и спустившееся до полу одѣяло.

Въ заботахъ о семействѣ она, однако, не потеряла смѣлости и, презрительно оборачиваясь, говорила:

— Они не смѣютъ ее тронуть!.. Дѣвушку! Не смѣютъ!.. Этого не бывало!.. Пускай судятъ...

Въ эту минуту раздался трескъ, сухой, отрывистый безъ раската. Только Шуба и Нюрка поняли, что это былъ ружейный залпъ... Мартынъ подумалъ, что это взрывъ въ мастерскихъ. Павлѣ Семеновнѣ показалось, что сейчасъ все зданіе станціи должно взлетѣть на воздухъ. Она заметалась въ дверяхъ, выпроваживая дѣтей и мужа. Старуха въ своемъ экстазѣ не поняла этого звука и съ новой энергіей приступила къ Шубѣ.

— Царица Небесная, Скоропослушница! Слезами горячими... Заступница!.. Рыданіе наше!..

Шуба брезгливо оттолкнулъ ее:

— Уйдите, на вашей иконѣ клопы...

III.

Правило игры.

Павла Семеновна бросилась сначала къ двери своей квартиры, но, оглянувшись, увидѣла около мастерскихъ трехъ неподвижныхъ солдатъ, передъ которыми, у забора угольнаго склада на землѣ, шевелились люди, и смыслъ взрыва ей сталъ понятенъ. Она повернула назадъ, забыла о дѣтяхъ, запуталась въ одѣялѣ и бросила его. Шуба, вышедшій послѣднимъ, ее остановилъ, а старуху, которая опять стала наступать на него съ иконой Скоропослушницы, онъ взялъ за плечи и, какъ слѣпую, довелъ до двери квартиры. Чтобы и впередъ обезопасить себя отъ ея нападеній, онъ вызвалъ солдата, крайняго съ лѣваго фланга, и поставилъ его у крыльца.

Павла Семеновна не смѣла тронуться съ мѣста, силясь своимъ взоромъ растолкать солдатъ, толпу, тяжелый паровозъ, чтобы найти бѣлую фигуру. Но ея не было. Она рѣшительно подошла къ Шубѣ и испуганно спросила:

— Гдѣ же она?

Капитанъ посмотрѣлъ туда же и, повидимому, былъ тоже удивленъ. Однако, къ нему сейчасъ же вернулась увѣренность, что ничего не могло случиться для него неожиданнаго.

Онъ осмотрѣлъ Павлу Семеновну съ головы до ногъ, покусывая губы, и замѣтно было, что онъ думаетъ не о ней и даже не видитъ ея. Затѣмъ его блуждающій взглядъ остро остановился на ея глазахъ. Павлѣ Семеновнѣ стало неловко. Она ждала какой-нибудь циничной шутки и приготовилась дать отпоръ.

Но, вмѣсто шутки, онъ строго и серьезно сказалъ:

— Вы ее увидите.

Павла Семеновна повѣрила. Тонъ голоса былъ не изъ тѣхъ, которыми успокаиваютъ.

— Кстати,—прибавилъ Шуба,—спасибо за сметану, и скажите вашему супругу... ахъ, вотъ онъ.

Мартынъ Надаровъ стоялъ на своемъ крыльцѣ и, осторожно выглядывая изъ-за часового, жестами манилъ къ себѣ своихъ дочерей.

— Эй, почтеннѣйшій,—крикнулъ Шуба,—отнесите горшочекъ въ служебный вагонъ... Не бойтесь, васъ не тронутъ... Затѣмъ идите домой и не выходите.

Надаровъ пропустилъ домой жену и дѣтей, съ достоинствомъ прошелъ до двери буфета и остановился, желая хорошенько разсмотрѣть, что творится у мастерскихъ.

Шуба подошелъ къ ротѣ. Барона Поппа не было. Его замѣнилъ фельдфебель. Шуба долго искалъ кого-то глазами, наконецъ, нашелъ и мотнулъ головой:

— Красоткинъ, сюда!

Изъ строя выдѣлился рядовой и твердой, лихой походкой подошелъ къ капитану. Онъ смѣло посмотрѣлъ ему въ глаза, точно ожидая вызова. Онъ хорошо зналъ капитана и не довѣрялъ его улыбкѣ. Красоткинъ былъ „шибко грамотный", какъ говорили солдаты. Всѣ знали, что до солдатчины онъ былъ ретушоромъ въ фотографіи и получалъ сто рублей въ мѣсяцъ. Больше ничего не знали. Не зналъ даже фельдфебель. Но гораздо больше зналъ капитанъ. Красоткина часто звали офицеры помогать проявлять негативы. Съ этимъ же дѣломъ онъ ходилъ и къ Шубѣ, который, между прочимъ, заводилъ съ нимъ бесѣду. Красоткинъ отчасти этому радовался, отчасти опасался и отвѣчалъ уклончиво. Шубу забавляло вызывать его на откровенность. Самъ онъ не стѣснялся въ выраженіяхъ, говорилъ рѣзко, оцѣнинивалъ людей и событія мѣтко, но слова его неизмѣнно пронизывались тономъ лукавой ироніи. Красоткинъ его уважалъ и удивлялся его раздвоенности. Ихъ бесѣды кончались тѣмъ, что капитанъ съ веселой улыбкой говорилъ: «а все таки тебя придется повѣсить". Красоткинъ умолкалъ и становился глухъ и нѣмъ, какъ солдатъ. „Ничего не подѣлаешь, милый мой"... заканчивалъ капитанъ: „ты въ меньшинствѣ... правило игры".

Шуба любилъ его за умѣнье носить маску. Онъ видѣлъ въ немъ двухъ человѣкъ. Исправнаго солдата и другого, рвущагося на волю, котораго исправный солдатъ строго держалъ за своей спиной, не позволяя высовываться. Большинство солдатъ влѣзаютъ въ сѣрую шинель съ тѣломъ и душою, но Красоткинъ, какъ человѣкъ болѣе интеллигентной организаціи, уберегъ свою душу отъ сѣрой шинели. Шуба обратилъ на это вниманіе.

Онъ зналъ, что карательная экспедиція явилась для многихъ тяжелымъ искушеніемъ. Но покуда настроеніе было твердое. Одинъ, правда, бѣжалъ, но теперь его трупъ валяется у чернаго забора. Для Красоткина послѣдніе дни были днями крайняго напряженія. И сейчасъ, вызвавъ его, Шуба любовался его смущеніемъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ отъ строя и кивнулъ ему головой. Красоткинъ пошелъ за нимъ. Шуба остановился и какъ бы мимоходомъ съ вопросительной улыбкой замѣтилъ:

— Товарищъ?

Красоткинъ не далъ себя поймать врасполохъ. Онъ смѣло посмотрѣлъ на капитана.

— Что прикажете, ваше высокоблагородіе?

— Я тебѣ приказываю вотъ что...

Шуба замолчалъ и задумался. Бродившая въ головѣ мысль начала принимать опредѣленныя формы. Въ тупую дикую драму нужно было вспрыснуть струю, если не смысла то хоть остроумія, если не благородной страсти, то хоть азарта. Онъ сдѣлаетъ ходъ, котораго никто не ожидаетъ, нанесетъ ударъ необыкновенной ловкости, не какъ убѣжденный борецъ или усердный служака—это слишкомъ тяжкодумно, но какъ игрокъ. Не ради идеи—это слишкомъ сентиментально и даже неудобно, а ради спорта, ради эффекта...

— Я тебѣ приказываю вотъ что: ты будешь охранять выходъ на платформу съ той стороны станціи на линіи. Никто не долженъ перейти черезъ линію на ту сторону.. Въ особенности эта дѣвица въ бѣломъ... Понимаешь?

Красоткинъ подозрѣвалъ, но ничего не понималъ.

— Я думаю, что тебя одного будетъ довольно...

— Такъ точно, довольно.

— Иди.

Шуба чувствовалъ еще нѣкоторую неувѣренность. Надаровъ стоялъ въ дверяхъ буфета и прислушивался къ тому, что приказывалъ капитанъ солдату.

— Послушайте, какъ васъ,—крикнулъ ему Шуба...—Пойдете обратно домой, идите другимъ ходомъ... Вѣдь другой ходъ въ вашу квартиру имѣется?

— Да, черезъ дежурную комнату, или верхомъ, черезъ квартиры телеграфистовъ...

— Хорошо, идите,—сказалъ Шуба и успокоился.

Ящикъ, между тѣмъ, нетерпѣливо ждалъ Шубу и послалъ за нимъ Костина.

Нюрка запыхался отъ волненія. Онъ скорбѣлъ больше всѣхъ, потому что чувствовалъ свое безсиліе. Онъ все хотѣлъ сказать: „Это ужасно", но зналъ, что за эти слова Шуба посмотритъ на него съ презрѣніемъ, и весь свой ужасъ держалъ въ своей маленькой душѣ. По дорогѣ онъ, запинаясь, съ тономъ осторожнаго негодованія передалъ Шубѣ, что Жигайловъ не позволилъ дѣвушкѣ уйти въ тотъ моментъ, когда разстрѣливали солдата. Она хотѣла отойти за паровозъ, но онъ ее удержалъ. Теперь она сидитъ за паровозомъ, кажется, въ обморокѣ. Шуба ускорилъ шагъ.

Передъ солдатами баронъ Поппъ добросовѣстно и методично осматривалъ замки у ружей.

Жигайловъ стоялъ у паровоза и глядѣлъ въ бумагу. Поодаль отъ него Желтухинъ со связанными назадъ руками. За спиной Желтухина нѣсколько рабочихъ говорили что-то

глухо и неясно. Жигайловъ прислушивался, но ничего не могъ понять. Человѣкъ съ медалью былъ тамъ же, и голосъ его звучалъ увѣренно и слышнѣе другихъ.

Шуба подошелъ вплотную къ Жигайлову и шепотомъ, задыхаясь отъ одышки, сказалъ:

— Такія вещи не размазываются, а дѣлаются однимъ ударомъ. Пилишь тупой пилой и любуешься... Экая красота!

Ящикъ задергалъ спиной и крикнулъ барону:

— Штабсъ-капитанъ, кончайте скорѣй...

И затѣмъ добавилъ въ сторону Шубы:

— Я же ждалъ тебя и этого каналью начальника станціи.

Шуба махнулъ рукой.

— Его надо исключить изъ списка... Онъ... хорошій человѣкъ...

Жигайловъ прищурился однимъ глазомъ.

— Личарда, ты этого хочешь?..

— Нисколько не хочу, а говорю, что его надо поберечь... Онъ трусъ...

— Ну...

— Онъ холуй...

— Ну...

— Онъ дешево продастъ и выдастъ... кого хочешь...

— Ну...

— Ну, словомъ... полезный человѣкъ...

— А это другое дѣло,—дѣловито и твердо заключилъ Ящикъ.

— Затѣмъ... затѣмъ,—прибавилъ онъ, отыскивая подходящее выраженіе,—нужно же этому сказать... прочитать... отходную...

— Это ужъ твое дѣло... Я не умѣю.

— Да впрочемъ, что тутъ читать... Онъ способный—знаетъ, для чего мы сюда пріѣхали. А они, все равно, не поймутъ.

Шуба откашлялся и громко обратился къ толпѣ:

— Эй, товарищи! Что вы тутъ глазѣете, черти! Выручайте своего! Всѣ одинаково виноваты... Десять за одного на его мѣсто. Ну, выходи, кто посмѣлѣе!..

Толпа стала пятиться.

— Сволочь!—крикнулъ Шуба и покраснѣлъ отъ напряженія.

Большинство хотѣло увидѣть въ этомъ шутку. Никто не пожелалъ считаться съ этимъ предложеніемъ, какъ съ чѣмъ-то серьезнымъ.

Желтухинъ тоже принималъ за грубую шутку все, что кругомъ дѣлается.

— Господа,—обратился онъ къ офицерамъ,—зачѣмъ меня связали... я не убѣгу.

Жигайловъ посмотрѣлъ на Шубу и скомандовалъ:

— Развязать!

Прежде, чѣмъ подошли солдаты, изъ толпы выдѣлились два человѣка и развязали веревки.

„Поглумятся и отпустятъ", подумалъ Желтухинъ, съ надеждой глядя на Шубу.

Капитанъ оглянулся, отыскивая глазами Наду, и замѣтилъ бѣлую фигуру за паровозомъ. Въ немъ подымалось брезгливое и жалкое чувство противъ всѣхъ находящихся здѣсь. Противъ солдатъ, которые только что выпустили залпъ и спокойно стоятъ, какъ на скучномъ смотру, противъ толпы рабочихъ, запуганныхъ, подавленныхъ, но не потерявшихъ любопытства. Онъ посмотрѣлъ на лежащее на землѣ тѣло разстрѣляннаго солдата и сказалъ Ящику:

— Зачѣмъ онъ тутъ, надо похоронить.

Жигайловъ топнулъ ногой отъ нетерпѣнія.

— Я послалъ четырехъ ословъ рыть яму... Говорятъ, земля промерзла... какъ камень... лопаты не берутъ.

Шуба прервалъ его:

— У этой дѣвицы есть родственники. Этотъ растяпа, начальникъ станціи, оказывается, ея родной братъ. Нужно дать имъ повидаться...

— На пять минутъ, съ конвоемъ... если это твое желаніе...

— Мое желаніе отпустить ее именно безъ конвоя, одну, на честное слово.

— Личарда, ты рискуешь...

— Это очень любопытно... Можно загадать: если она не удеретъ, а вернется, то значитъ къ новому году ты получишь генерала...

— А если удеретъ?

— Можетъ быть, догадается, но не думаю... Во всякомъ случаѣ, любопытно... А удеретъ, такъ что-жъ? Ты посуди самъ: разстрѣлять такую славную, храбрую дѣвочку, такой груздочекъ... Я знаю, ты жестокъ, но не будь хамомъ.

Ящикъ стегнулъ по воздуху хлыстомъ, точно желая отрубить мысли, которыя не укладываются въ его головѣ. Сдѣлавъ шагъ къ Желтухину, крикнулъ:

— Ведите его!

Шуба приблизился къ нему.

— Я поговорю съ ней.

— Оставь,—рѣзко отвѣтилъ Ящикъ.

— Полковникъ,—спокойно и съ разстановкой сказалъ Шуба, нагибаясь къ его уху,—это... мое.. желаніе...

Шуба былъ единственный человѣкъ, котораго боялся Ящикъ, какъ звѣрь боится своего укротителя. Они никогда не спорили, и Жигайловъ инстинктивно избѣгалъ этого.

Не дождавшись отвѣта, Шуба пошелъ за паровозъ.

На пути къ нему бросился Желтухинъ и сталъ торопливо что-то говорить. Но солдаты его схватили.

Нада сидѣла на опрокинутой тачкѣ. Юноша въ маленькой шапочкѣ на пушистыхъ волосахъ криво держалъ въ рукѣ жестяной ковшъ и плакалъ. Нада безъ папахи, которая валялась рядомъ на землѣ, поднявъ неестественно голову, точно въ бреду, что-то говорила глухо и растянуто. Двое рабочихъ, стоявшихъ тутъ же, при появленіи Шубы отошли въ сторону. Двумъ солдатамъ капитанъ также приказалъ уйти. Юноша остался на мѣстѣ.

Шуба наклонился къ дѣвушкѣ, приподнялъ ее, поставилъ на ноги, продолжая держать за талію.

— Соберите ваши силы и ступайте... Вы можете идти одна?

Нада услышала голосъ участія, но не робкаго и тайнаго, какъ за минуту передъ этимъ, а смѣлаго и рѣшающаго. Волна свѣжаго воздуха хлынула на нее. Она порывисто вздохнула и сжала охватившую ее руку.

— Кто это?

Она продолжала глядѣть впередъ, точно этотъ голосъ не могъ исходить отсюда.

— Идите къ своимъ... Васъ ожидаютъ...

— Куда? —спросила Нада, все еще удивленно глядя впередъ.

— Здѣсь вашъ братъ, идите повидаться съ нимъ.

— Зачѣмъ?

Она говорила съ досадой на неясность того, что слышала, и точно упрямилась.

— Будемъ говорить серьезно,—сказалъ Шуба.—Ступайте къ своимъ... они васъ ожидаютъ. Вы можете идти сами?.. А то васъ проводятъ...

Нада повернула голову и, увидѣвъ офицера, отстранила его руки.

— Я сама...

— Тѣмъ лучше для васъ...

Подошелъ Жигайловъ.

— Подъ конвоемъ!—стукнулъ онъ.

Нада вздрогнула отъ его голоса.

— Никакого конвоя не надо,—спокойно возразилъ Шуба.— Зачѣмъ конвой, если она дастъ честное слово, что вернется черезъ полчаса.

Нада не трогалась съ мѣста, точно разговоръ не касался

ея. Между тѣмъ, всѣмъ тѣломъ своимъ она испытывала чувство тяжелаго ожиданія того, что съ ней сдѣлаютъ дальше.

— Вы даете слово?—спросилъ Ящикъ.

Она неясно понимала этотъ вопросъ. Было очевидно только, что сейчасъ она можетъ отойти отъ этихъ людей. Тогда она обдумаетъ свое положеніе, а сейчасъ нужно было отвѣтить, и она машинально отвѣтила:

— Даю.

— Ну, идите... квартира начальника станціи... вы знаете...—сказалъ Шуба и съ трудомъ нагнулся, чтобы поднять съ земли бѣлую папаху. Онъ уже протянулъ ее къ дѣвушкѣ, но, какъ бы сообразивъ, что этимъ онъ дѣлаетъ грубую ошибку, быстро взялъ папаху подъ мышку и, сдѣлавъ жестъ свободной рукой, отвернулся и отошелъ вмѣстѣ съ Жигайловымъ.

— Зачѣмъ тебѣ это?—спросилъ Ящикъ.

— Это—залогъ.

Ящикъ готовъ былъ бы повѣрить, если бы залогъ имѣлъ больше цѣнности.

— Удеретъ...—прошипѣлъ онъ съ досадой...—Ты очень рискуешь, Личарда...

— Мы съ тобой на ея мѣстѣ, навѣрно, удрали бы, но она придетъ... А впрочемъ, подождемъ, увидимъ... Это-то и любопытно, и, кстати, поучительно... Надо поближе познакомиться съ этими господами... Какъ ты думаешь?

Ящикъ поерзалъ спиною, но не нашелъ, что отвѣтить.

Шуба почувствовалъ, что кто-то сзади осторожно его коснулся. Онъ нервно вздрогнулъ и, въ досадѣ на самого себя, рѣзко окликнулъ юношу съ пушистыми волосами. Онъ держалъ свою шапочку въ рукахъ и остановился въ просительной позѣ.

— Ну, что еще?—спросилъ Шуба.

— Господинъ капитанъ, а какъ же Желтухинъ?

— А вотъ увидите...

— Но это же немыслимо... Ни суда, ни слѣдствія...

— Ахъ, уйдите, тутъ я ничего не могу... правило игры...

Желтухинъ упирался, не шелъ. Два солдата съ ружьями, молча и деликатно, старались ухватить его за руки, смущенно поглядывая въ то же время на офицеровъ.

— Живодеры мы съ тобой...—тихо сказалъ Шуба Ящику.—Ну, ничего—съ нами крестная сила.

Вся жестокость у Жигайлова ослабѣла, упала. Проволочка времени и сцена гуманности охладили его. У него вырвали изъ рукъ тяжелое орудіе, которымъ онъ замах-

нулся на свою жертву. Онъ равнодушно поглядѣлъ на Желтухина и, кивнувъ Шубѣ головой, сказалъ:

— Капитанъ, командуйте.

Желтухинъ посмотрѣлъ съ довѣріемъ на Шубу, спокойнаго, корректнаго, и самъ быстро подошелъ къ забору, чтобы поскорѣй отдѣлаться отъ непріятной сцены. Когда онъ выбѣжалъ изъ дверей станціи, онъ вдругъ увидѣлъ себя въ положеніи безвыходномъ, но потомъ долгое стояніе на мѣстѣ, длинная процедура вызова и опроса полковникомъ нѣкоторыхъ рабочихъ, а главное, неимѣніе прямого указанія, что имъ интересуются, все это нѣсколько успокоило и обнадежило его. Послѣ ухода Нады онъ ждалъ того же и для себя, увѣренный, что это неизбѣжно должно случиться. А въ данный моментъ онъ не допускалъ даже мысли о возможности рокового исхода.

Несмотря на то, что онъ слышалъ залпъ, что онъ видѣлъ невдалекѣ трупъ солдата, онъ напрасно старался уяснить себѣ смыслъ и связь между тѣмъ и другимъ. Не могъ же онъ быть убитъ своими же солдатами. Если бы кто-нибудь въ эту минуту сказалъ объ этомъ Желтухину, онъ бы не повѣрилъ. Но если залпъ былъ направленъ въ толпу, почему она стоитъ такъ спокойно? Если даже въ этого солдата, который здѣсь лежитъ, то почему всѣ молчатъ? Когда случается что-нибудь возмутительное, толпа волнуется и бушуетъ, или убѣгаетъ. Читалъ ли онъ объ этомъ или слышалъ въ разсказахъ другихъ, но представленіе о такихъ вещахъ у него было совершенно ясное.

Капитанъ медленно вынулъ изъ кармана платокъ и, не торопясь, высморкался. Ящикъ повелъ усами и нетерпѣливо поглядѣлъ на Шубу. Высокій, худой офицеръ стоитъ позади другихъ, облокотившись на буферъ паровоза, съ видомъ человѣка, которому надоѣло смотрѣть на давно знакомыя сцены. Другой офицеръ, помоложе всѣхъ, въ пальто, переходилъ черезъ площадь къ строю солдатъ. Онъ, очевидно, не надѣялся увидѣть что-нибудь интересное и чрезвычайное.

Желтухинъ начиналъ злиться. Если его поставили, чтобы напугать и вызвать толпу на расканіе, то почему же такая, повидимому, длинная пауза. Эта угроза больше касается ихъ, чѣмъ его, и ему тяжело выполнять эту трагикомедію. Еще минута—и они, слабые и пассивные, какъ овцы, прибитые страхомъ, бросятся на колѣни и будутъ умолять о прощеніи для него и для всѣхъ. Но проходятъ секунды, а сзади все тихо. „Они ждутъ“—мелькнуло въ головѣ у Желтухина. „Они ждутъ сигнала... Они застыли въ своемъ

стадномъ оцѣпенѣніи... Имъ нуженъ толчокъ..." Онъ повернулся къ толпѣ, сталъ говорить и не узналъ своего голоса. Онъ былъ непривычно высокъ, крикливъ и безпомощенъ. Точно чей-то чужой голосъ звалъ его самого на помощь.

Другой голосъ, точно палкой, ударилъ по его словамъ, и они разсыпались. Лица, которыя онъ видѣлъ, точно потемнѣли, или это были затылки отвернувшихся головъ.

Желтухинъ опять поспѣшно посмотрѣлъ передъ собою, боясь потерять очень важный моментъ. Офицеровъ уже не было видно, они куда-то исчезли. Онъ поискалъ ихъ глазами, потому что въ это мгновеніе они были тутъ необходимы. Эти дурни солдаты, сами не понимая что дѣлаютъ, держали ружья „на изготовку". Ему нужно было только закричать полковнику: „Не могу больше!.. Я этихъ секундъ не забуду въ свою жизнь... Я буду вскакивать съ постели ночью и въ ужасѣ трястись, когда вспомню объ нихъ... Это жестоко!.. Довольно..."

Офицеровъ нѣтъ. Передъ нимъ только солдаты... Это совершенно мѣняетъ дѣло.

Мимо него осторожно проходили двѣ курицы, поглядывая однимъ глазомъ на обледенѣлую землю. Кто то бросилъ въ нихъ комомъ земли, онѣ разбѣжались, а пѣтухъ заклокоталъ гдѣ-то за правофланговымъ солдатомъ. Тамъ же Желтухинъ увидѣлъ капитана Шубу. Онъ бросился къ нему, на бѣгу сталъ что-то говорить, но, не слыша своего голоса, сталъ кричать и все равно не услышалъ. Чьи-то руки схватили его цѣпко, съ азартомъ. Онъ нарочно подогнулъ колѣни, чтобы упасть, но цѣпкія руки потащили его къ забору и бросили тамъ. Желтухинъ сильно ударился головой о заборъ, но не почувствовалъ боли. Нужно было скорѣй подняться, обернуться опять, но время вдругъ понеслось съ непостижимой быстротой. Оно стало видимо и осязаемо. Оно мчалось мимо него, какъ ураганъ, сметая его мысли, чувства и унося память. Между тѣмъ, это время никогда еще не было такъ дорого. Оно уносилось отъ него, какъ убѣгающій поѣздъ, на который онъ опоздалъ, не успѣвъ собрать багажа мыслей и намѣреній.

Вставши на ноги, онъ быстро растегнулъ пальто, обрывая пуговицы и, порывшись въ карманѣ, досталъ какой-то конвертъ, и хотѣлъ скорѣе донести его капитану, но боясь, что не успѣетъ, бросилъ далеко передъ собою. Это было письмо отъ жены съ ея адресомъ. Крича и бросая словами въ догонку убѣгающему времени, онъ старался напомнить капитану, что онъ вѣдь самъ уговаривалъ его написать женѣ.

Желтухинъ слышалъ, какъ капитанъ сказалъ:

— Теперь некогда... въ слѣдующій разъ...

И опять улыбнулся и опять вынулъ платокъ, чтобы высморкаться.

Отъ этихъ шутливыхъ словъ, отъ этого жеста и отъ улыбки у Желтухина мгновенно отлегло отъ сердца. Ураганъ минутъ, несшихся передъ нимъ, затихъ. Время остановилось. „Сейчасъ все кончится“. Волненіе его утомило, и онъ уже не могъ ни отвѣчать, ни радоваться. Онъ почувствовалъ, какъ мускулы у него на лицѣ сократились въ улыбку. Желтухинъ успокоился. Куда-то исчезло все, что его тяготило. Больше не было ни сомнѣній, ни опасности. Не было видно даже солдатъ и капитана. Было мгновеніе — точно птица пролетѣла надъ его головой, махнула крыломъ и слегка задѣла его, оставивъ въ воздухѣ протяжный свистъ. Грудь ожгло пріятной теплотой, но силъ было такъ мало, что колѣни, противъ желанія, подогнулись, и онъ упалъ легко и спокойно...

Онъ не видѣлъ, какъ передъ этимъ платокъ капитана плеснулъ въ воздухѣ, и не слышалъ залпа.

Вл. Табуринъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Новая книга по исторіи французской революціи.

V.

Все свое отрицательное отношеніе къ поведенію французской буржуазіи въ эпоху великой революціи Кропоткинъ сосредоточилъ на партіи жирондистовъ. Особая или, архаически выражаясь, нарочитая «буржуазность» жирондистовъ—очень старая тема въ исторіографіи французской революціи. Еще въ тридцатыхъ годахъ XIX в. ихъ, какъ представителей антисоціальной индивидуальной свободы и буржуазіи, Бюшезъ противополагалъ якобинцамъ, какъ партіи, поставившей на своемъ знамени соціальный принципъ братства и сдѣлавшей своею задачею защиту интересовъ народа. Луи Бланъ только съ нѣкоторыми измѣненіями повторилъ ту же самую сравнительную характеристику обѣихъ партій, борьба между которыми составляетъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ эпизодовъ революціи. Кропоткинъ, конечно, не могъ стать на такую точку зрѣнія по отношенію къ якобинцамъ, бывшимъ государственниками, централистами, губерменталистами, но и въ жирондистахъ онъ не видитъ ни индивидуализма, лежащаго въ основѣ самого анархизма, ни федерализма, которымъ централисты-якобинцы, фанатическіе приверженцы «республики единой и нераздѣльной», попрекали своихъ политическихъ противниковъ. Онъ даже не останавливается на различномъ пониманіи жирондистами и якобинцами правъ личности и предѣловъ власти государства, а въ приписываемомъ если не всѣмъ жирондистамъ, то, по крайней мѣрѣ, части ихъ федерализмѣ видитъ не то, что усматривали въ немъ ихъ враги, въ смыслѣ угрозы цѣлости и безопасности единой и нераздѣльной республики.

«Бо́льшая часть историковъ, симпатизирующихъ революціи, говоритъ Кропоткинъ, какъ только они доходятъ до трагической борьбы, происшедшей въ 1793 г. между Горою и Жирондою, слишкомъ много, мнѣ кажется, напираютъ на одну изъ второстепенныхъ сторонъ этой борьбы. Именно, они приписываютъ, смѣло говорю, слишкомъ много значенія такъ называемому *федерализму*

жирондистовъ». Этотъ федерализмъ кажется Кропоткину лишь полемическимъ аргументомъ со стороны враждебной партіи, на дѣлѣ же весь этотъ федерализмъ «заключался преимущественно въ ненависти къ Парижу и въ желаніи противопоставить реакціонную провинцію революціонной столицѣ» (стр. 469), а потому мысль жирондистовъ перенести законодательное собраніе или конвентъ въ какой-либо провинціальный городъ была внушена имъ «не любовью къ провинціальной автономіи», а желаніемъ удалить законодательный корпусъ и исполнительную власть въ городъ съ населеніемъ менѣе революціоннымъ, нежели парижское, и менѣе преданнымъ общественному дѣлу, какъ это, прибавляетъ Кропоткинъ, хотѣли сдѣлать въ 1871 г. Въ сущности и сами-то жирондисты являются въ его глазахъ такими же, если только не бо́льшими еще централизаторами и сторонниками сильной власти (autoritaires). Пусть Оларъ особенно много распространяется о федерализмѣ жирондистовъ, но вѣдь самъ же онъ дѣлаетъ очень вѣрное замѣчаніе, что до установленія республики никто изъ жирондистовъ не высказывалъ федералистическихъ стремленій (стр. 470), да и въ ихъ проектѣ конституціи нѣтъ ни малѣйшей сколько-нибудь серьезной попытки федеративной республики. Наконецъ, Кропоткинъ ссылается и на слѣдующія слова Марата, который, какъ мы увидимъ, пользуется симпатіями нашего автора: «долго обвиняли въ федерализмѣ вожаковъ этой адской партіи; признаюсь, я никогда не раздѣлялъ этого мнѣнія, хотя мнѣ иногда и приходилось повторять такое обвиненіе» (стр. 471).

Вопросъ о федерализмѣ жирондистовъ, въ которомъ есть свои *pro* и *contra*, слишкомъ сложенъ и для насъ здѣсь маловаженъ, чтобы на немъ останавливаться подробно. Для насъ интересно лишь то, что авторъ, являющійся сторонникомъ мѣстной автономіи, отрицаетъ у жирондистовъ какое бы то ни было къ ней стремленіе и даже якобинцевъ-монтаньяровъ считаетъ меньшими централистами, такъ какъ эти противники жирондистовъ, отправляясь коммиссарами въ провинціи, «опирались-де не на департаментскіе и окружные совѣты, а на народныя общества», т. е. не на легальныя административныя учрежденія, а на филіальныя отдѣленія якобинскаго клуба,—аргументъ, по моему мнѣнію, могущій имѣть противоположное значеніе, поскольку означенные совѣты все-таки были органами мѣстнаго самоуправленія, а «народныя общества»—мѣстными орудіями центральнаго парижскаго клуба.

Итакъ, по Кропоткину, въ отношеніи централистической государственности между жирондистами и якобинцами не было существеннаго различія, и все-таки, тѣмъ не менѣе, преклоненіе передъ государственностью онъ подчеркиваетъ, какъ характерную особенность именно якобинцевъ. Ихъ клубъ, говоритъ авторъ въ одномъ мѣстѣ, состоялъ изъ буржуа-государственниковъ» («bourgeois étatistes», стр. 300). Кромѣ «этатизма», онъ подчеркиваетъ и буржуазность якобинцевъ, клубъ которыхъ онъ называетъ въ одномъ мѣстѣ прямо

«сборнымъ пунктомъ зажиточной буржуазіи» (стр. 365). Не одинъ разъ онъ выражаетъ свое несогласіе съ историками (и въ частности съ республиканскими историками), считающими якобинцевъ вождями революціи. «Историки,—читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ,—отдавая дань своему «этатистскому» воспитанію, охотно представляли себѣ якобинскій клубъ въ роли иниціатора и главы всѣхъ революціонныхъ движеній въ Парижѣ и въ провинціяхъ, и въ теченіе двухъ поколѣній мы всѣ такъ думали, но теперь мы знаемъ, что ничего подобнаго не было (qu'il n'en fut rien», стр. 331). Въ другомъ мѣстѣ, называя все таки силою (puissance) «якобинскій клубъ въ Парижѣ съ многочисленными народными обществами въ провинціи, къ нему примыкавшими» (qui lui étaient affiliées), Кропоткинъ сейчасъ же оговаривается, что «этотъ клубъ никоимъ образомъ (nullement) не имѣлъ ни мощи, ни иниціативы въ революціи, которая ему приписывается столь многими теперешними политиками... Такъ какъ,—поясняетъ онъ далѣе свою мысль,—онъ состоялъ преимущественно изъ зажиточной буржуазіи, то самый этотъ его составъ (son personnel même) препятствовалъ ему направлять революцію (стр. 405)... Господствующій духъ клуба,—читаемъ нѣсколько дальше,—мѣнялся съ каждымъ новымъ кризисомъ. Но клубъ немедленно же становился выразителемъ тенденціи, взявшей въ данный моментъ верхъ среди образованной, умѣренно-демократической буржуазіи, и поддерживалъ ее, обрабатывая общественное мнѣніе въ Парижѣ и въ провинціи въ желательномъ для себя смыслѣ, и онъ же поставлялъ новому режиму наиболѣе важныхъ должностныхъ лицъ» стр. 406). Въ борьбѣ парижской коммуны и конвентскихъ монтаньяровъ съ жирондистами якобинцы оказали первымъ помощь,—это правда,—но за то впослѣдствіи сами же они обратились противъ «народныхъ революціонеровъ» (стр. 407.) Нерѣдко авторъ даже не только стираетъ разницу между жирондистами и якобинцами, какъ врагами настоящей народной революціи, но ставитъ и тѣхъ, и другихъ рядомъ въ общемъ отрицательномъ ихъ отношеніи къ народной революціи и въ противодѣйствіи ей. Наприм., въ іюнѣ 1792 г. «якобинцы и жирондисты проявили единодушіе (furent unanimes) въ несогласіи съ движеніемъ», въ которомъ участвовалъ народъ (стр. 334), хотя по временамъ и тѣ, и другіе тѣмъ не менѣе шли за народомъ. Не только якобинцы, но и вообще большинство монтаньяровъ, среди которыхъ были и другіе элементы, вполнѣ сходились (se trouvaient parfaitement d'accord) съ жирондистами въ томъ взглядѣ, что прежде всего должно наступить успокоеніе («l'ordre d'abord»), а потомъ видно будетъ, что можно сдѣлать для народа (стр. 613).

Какъ это изображеніе якобинизма разнится и отъ луи-блановскаго, и отъ тэновскаго, изъ которыхъ одно сочувственно представляетъ якобинцевъ, какъ истинныхъ предшественниковъ соціализма, а другое враждебно рисуетъ въ видѣ главныхъ виновни-

ковъ революціонной анархіи! Для Кропоткина жирондисты—реакціонеры, но якобинцы, въ сущности, не лучше ихъ. Не изъ якобинскаго ли лагеря шло противодѣйствіе тѣмъ «enragés», въ которыхъ авторъ видитъ духовныхъ предковъ представляемаго имъ самимъ направленія? Достаточно также было бы собрать и сопоставить всѣ мѣста, гдѣ Кропоткинъ говоритъ о Робеспьерѣ, этомъ наиболѣе типичномъ воплощеніи якобинизма, дабы видѣть, на сколько общее представленіе Кропоткина отличается отъ діаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія Луи Блана и Тэна, одинаково выдвигающихъ Робеспьера впередъ, какъ вождя народа *). «Въ усиліяхъ передовыхъ партій,—говоритъ авторъ,—Робеспьеръ видѣлъ только ихъ нападки на правительство, часть котораго онъ составлялъ... Попытки коммунистовъ были для него только «дезорганизаціей»: противъ нихъ нужно было «остерегаться» и ихъ подавить — терроромъ... Это былъ человѣкъ правительства, говорившій языкомъ всѣхъ правительствъ, но это говорилъ не революціонеръ» (стр. 711).

И жирондисты, и якобинцы составили въ 1793 г. по проекту конституціи для Франціи. Кропоткинъ не могъ, конечно, не отмѣтить, что въ извѣстныхъ отношеніяхъ жирондистскій проектъ конституціи былъ «весьма демократиченъ» (стр. 607), хотя и не безъ недостатковъ, но цѣлью этой конституціи, по его мнѣнію (стр. 605), было остановить революцію на томъ, что было достигнуто переворотомъ 10 августа **), а такъ какъ монтаньяры съ якобинцами шли

*) У Кропоткина можно было бы отмѣтить большое количество отдѣльныхъ мѣстъ, но мы ограничиваемся немногими. Первое изъ нихъ въ главѣ XXX, гдѣ Робеспьеръ изображается, какъ человѣкъ, «вѣчно заботившійся только о томъ, чтобы не выйти за предѣлы мнѣнія людей, которые въ данный моментъ представляютъ господствующую силу», и «вмѣстѣ со всѣми почти якобинцами боявшійся народной ярости и попытокъ уравненія состояній (экспропріацій, какъ сказали бы теперь)» и т. д., стр. 312 и слѣд. Нѣсколько аналогичныхъ мѣстъ укажемъ и въ главѣ LXVI (стр. 706 и слѣд.), гдѣ говорится спеціально о Робеспьерѣ, когда онъ былъ у власти. Достиженіемъ имъ выдающагося положенія Кропоткинъ объясняетъ тѣмъ, что ему въ его стремленіи установить свою власть надъ умами, «хотя бы для этого нужно было пройти по трупамъ своихъ противниковъ», очень въ этомъ дѣлѣ помогала «нарождавшаяся буржуазія, увидѣвшая въ немъ человѣка золотой середины въ революціи, одинаково далекаго и отъ крайнихъ, и отъ умѣренныхъ, человѣка, который представлялъ для буржуазіи наибольшую гарантію противъ эксцессовъ народа», т. е. въ ея глазахъ Робеспьеръ оказывался наиболѣе способнымъ создать правительственную власть для того, чтобы положить конецъ революціи. Нужно, впрочемъ, еще отмѣтить мнѣніе Кропоткина, что если бы коммунисты могли противопоставить Робеспьеру человѣка съ такимъ же умомъ и съ такою же волею, то это глубже запечатлѣло бы слѣды ихъ идей въ исторіи революціи (стр. 708),—при признаніи, тѣмъ не менѣе, у Робеспьера „недостаточной широты взгляда и смѣлости, чтобы стать главою партіи» (стр. 710).

**) Кстати о 10 августа. Въ 1909 г. объ этомъ событіи вышло спеціальное изслѣдованіе Ph. Sagnac'a «La révolution du 10 août 1792. La chute

дальше, то въ борьбѣ ихъ съ жирондистами сочувствіе Кропоткина не на сторонѣ послѣднихъ: въ его глазахъ было больше реакціоннаго духа, чѣмъ у якобинцевъ, какъ онъ ихъ понимаетъ. Въ сущности, еще въ учредительномъ собраніи, т. е. когда жирондистской партіи еще не существовало, уже, по мнѣнію автора, намѣчалась («se dessinait») будущая программа Жиронды — въ предположеніяхъ Мирабо (стр. 81), и еще въ исторіи 1789 года вообще можно видѣть, «какъ и почему Жиронда соберетъ подъ своимъ буржуазнымъ знаменемъ защитниковъ собственности и вмѣстѣ съ этимъ роялистовъ» (стр. 138). Жиронда, это—«переходъ (étape de passage) между буржуазіей наполовину конституціонной и буржуазіей наполовину республиканской» (стр. 306). Кропоткинъ вполнѣ слѣдуетъ Олару, когда говоритъ о томъ, съ какимъ трудомъ и съ какою постепенностью руководящіе дѣятели революціи становились республиканцами (стр. 286), и въ этомъ отношеніи якобинцевъ онъ не отдѣляетъ отъ жирондистовъ *), дѣлая въ этомъ отношеніи исключеніе, да и то не всегда, для кордельеровъ, легко «принявшихъ республику» (стр. 287, 299 и 306), ибо въ народѣ республика связывалась съ равенствомъ, а равенство — съ равенствомъ состояній и аграрнымъ закономъ. Но все-таки такая боязнь, по Кропоткину, проявлялась именно среди жирондистовъ. Ихъ страхъ за собственность и за привилегіи образованія (ср. стр. 438) «парализовалъ ихъ, говоритъ онъ, какъ страхъ этотъ и теперь парализуетъ всѣ партіи, которыя занимаютъ въ современныхъ парламентахъ такую же позицію, болѣе или менѣе правительственную, какую тогда занимали жирондисты въ роялистическомъ парламентѣ», т. е. въ законодательномъ собраніи (стр. 339). Поэтому Кропоткинъ заявляетъ, что образованіе жирондистскаго министерства не только не двинуло революцію (loin d'activer la révolution), но послужило, напротивъ, «опорой для реакціи» (стр. 308). И позднѣе, въ глазахъ Кропоткина, жирондисты были средоточіемъ всѣхъ реакціонныхъ силъ, вплоть до роялистовъ, и всѣхъ тѣхъ, кого только обидѣла революція и кто только воздыхалъ о старомъ порядкѣ, вплоть до людей, получавшихъ англійское и орлеанское золото или принимавшихъ эмиссаровъ изъ Италіи, Испаніи и Россіи (стр. 438, 466, 475, 483, 484 и др.). «Если бы революція, — спрашиваетъ Кропоткинъ,—завершилась торжествомъ бриссотин-

---

de la royauté», на основаніи котораго нашему автору пришлось бы передѣлать свой разсказъ объ этомъ событіи. Общее сужденіе Саньяка о значеніи 10 августа подтверждаетъ взглядъ Кропоткина. «14 іюля, говоритъ французскій историкъ (стр. 327) разрушило — но только въ упованіи — старый порядокъ, и съ 1789 по 1792 г. Франція жила къ неизвѣстности относительно будущаго. 10-е августа положило конецъ этой неопредѣленности и, вмѣстѣ съ Вальми и Жемаппомъ, окончательно обезпечило новый порядокъ».

*) «Il est même certain que la République faisait si grand'peur aux bourgeois et même aux Jacobins ardents (alors que les Cordeliers l'acceptaient volontiers)», стр. 287.

цевъ (Бриссо у автора такое же олицетвореніе жирондизма, какимъ Робеспьеръ является по отношенію къ якобинизму),... гдѣ бы мы теперь были?» (стр. 459). Многіе высказывались о жирондистахъ въ томъ смыслѣ, что они боролись на два фронта, т. е. направо и налѣво. Кропоткинъ даже не упоминаетъ о такомъ взглядѣ, рѣшительно заявляя, что въ 1793 г. «раздѣленіе между революціонерами и контръ-революціонерами до такой степени обострилось, что не оставалось болѣе мѣста для смѣшанной партіи между тѣми и другими. Ставъ въ оппозицію естественному развитію революціи (à ce que la Révolution suivît son développement naturel), жирондисты скоро очутились съ фёльянами и роялистами въ рядахъ контръ-революціонеровъ и, какъ таковые, они должны были пасть» (стр. 475). Въ этомъ для Кропоткина заключается общее оправданіе паденія жирондистовъ, но онъ думаетъ, что «если бы жирондистскіе депутаты, повинуясь принципамъ античнаго цивизма, въ который они такъ любили наряжаться, удалились въ частную жизнь, несомнѣнно, ихъ оставили бы въ покоѣ», ибо сначала «Парижъ вовсе не хотѣлъ ихъ смерти». Вина ихъ въ томъ, что «противъ Парижа они хотѣли поднять провинціи, гдѣ съ ними соединились измѣнники-роялисты» (стр. 520). Это, конечно,—уже такое предположеніе, которое для тѣхъ временъ мало вѣроятно *).

Продолженіемъ революціи, которому мѣшали, которое всячески тормазили жирондисты, были, по Кропоткину, во-первыхъ, окончательная отмѣна феодальныхъ правъ и возвращеніе общинамъ ихъ земель, во-вторыхъ, можно было бы сослаться на цѣлый десятокъ страницъ изъ разныхъ мѣстъ книги, гдѣ однообразно высказывается то общее соображеніе, что только послѣ паденія жирондистовъ получили разрѣшеніе оба основныхъ вопроса революціи, откуда дѣлается и соотвѣтственный выводъ относительно политики жирондистовъ. Авторъ находитъ, что историки не поняли основного стремленія жирондизма—обуздать народъ, создать сильную власть и заставить уважать собственность—и потому напрасно искали объясненія борьбы между Жирондою и Горою въ разныхъ второстепенныхъ обстоятельствахъ (стр. 439).

Главная причина, говоритъ онъ, была въ томъ, что жирондисты стремились организовать буржуазную республику и положить основаніе обогащенію буржуазіи, а «монтаньяры или, по крайней мѣрѣ, группа монтаньяровъ, временно бравшая перевѣсъ надъ умѣренной фракціей, представлявшейся Рабеспьеромъ, набрасывали уже въ общихъ чертахъ планъ соціалистическаго обще-

*) Любопытно, что, по мнѣнію Кропоткина (стр. 390 и 394), если бы жирондисты были болѣе предусмотрительны, не произошло бы и сентябрскихъ убійствъ! Въ томъ, что съ Европой началась война, которая имѣла столь дурныя послѣдствія для революціи и прогресса Европы, Кропоткинъ тоже винитъ однихъ жирондистовъ (стр. 309). Не слишкомъ ли много винъ на одной партіи?

ства—къ неудовольствію тѣхъ изъ нашихъ современниковъ, которые напрасно приписываютъ себѣ пріоритетъ въ этомъ дѣлѣ», прибавляетъ Кропоткинъ.

Это—уже возвращеніе къ исторической традиціи Луи Блана, но только теперь не вся Гора, а лишь ея часть и при томъ не строго якобинская часть получаетъ соціалистическій характеръ. Недаромъ въ другихъ мѣстахъ Кропоткинъ подчеркиваетъ, что, вообще, у монтаньяровъ не было опредѣленныхъ экономическихъ воззрѣній, и что въ этомъ отношеніи Робеспьеръ мало чѣмъ отличался отъ жирондистовъ. «Главная масса монтаньяровъ,—читаемъ мы, напримѣръ, въ главѣ LVII,—кромѣ рѣдкихъ исключеній, не имѣла ни малѣйшаго понятія о нуждахъ народа, которое было бы необходимо для образованія партіи народной революціи. Человѣкъ изъ народа со своими бѣдами, со своею часто голодною семьей и со своими еще неясными и колеблющимися порывами къ равенству, былъ имъ чуждъ. Скорѣе, это былъ отвлеченный индивидуумъ, единица демократическаго общества, что ихъ интересовало. За исключеніемъ нѣсколькихъ передовыхъ монтаньяровъ, когда конвентскій коммиссаръ пріѣзжалъ въ провинціальный городъ, его очень мало занимали вопросы труда и матеріальнаго благосостоянія въ республикѣ, равное пользованіе благами жизни. Посланный для организаціи сопротивленія иностранному нашествію и для поднятія патріотическаго настроенія, онъ дѣйствовалъ, какъ демократическій чиновникъ, для котораго народъ былъ лишь элементомъ, долженствовавшимъ помогать ему въ осуществленіи видовъ правительства», и т. д. (стр. 618 и 619). Можно было бы и дальше продолжать характеристику дѣятелей Горы, сдѣланную на основаніи документальныхъ данныхъ, но и этого довольно, чтобы видѣть, какъ смотритъ Кропоткинъ на большинство монтаньяровъ, а вмѣстѣ съ ними и якобинцевъ. Послѣ побѣды надъ жирондистами якобинцы, перешедшіе-было на сторону народа, стали только работать надъ образованіемъ твердой власти—противъ народныхъ же движеній, между прочимъ (стр. 654 и слѣд.). «Пока,—говоритъ Кропоткинъ,—у монтаньяровъ была на рукахъ борьба съ жирондистами, они искали поддержки у народныхъ революціонеровъ,.. но, достигши власти, они думали только объ основаніи *средней* партіи, которая стояла бы между крайними и контръ-революціонерами, и смотрѣли, какъ на своихъ враговъ, на тѣхъ, которые представляли эгалитарныя стремленія народа. Они ихъ раздавили, сокрушивъ всѣ ихъ организаціонныя попытки въ секціяхъ и въ парижской коммунѣ» (стр. 618). Въ этомъ случаѣ «революціонная буржуазія», достигшая власти, сдѣлала своими орудіями комитеты общественнаго спасенія и общей безопасности, значеніе которыхъ росло съ усиленіемъ военныхъ опасностей, потерпѣвшими-же оказались «народные революціонеры» (стр. 617).

У Кропоткина, значитъ, Гора—также буржуазія, а не народъ.

Въ этой революціонной буржуазіи, взявшей верхъ надъ жирондистами, все свелось на общую борьбу за власть. «Было бы,—замѣчаетъ авторъ,—скучно разсказывать здѣсь интриги различныхъ партій, оспаривавшихъ другъ у друга власть въ декабрѣ 1793 г. и въ первые мѣсяцы 1794 г.» (стр. 688). Въ концѣ концовъ, революція отождествилась для большей ихъ части съ терроромъ (стр. 692). Между прочимъ, Кропоткинъ говоритъ это и о кордельерахъ, которыхъ, какъ мы еще увидимъ, онъ постоянно выдѣляетъ, какъ группу, болѣе ему симпатичную, но, прибавляетъ онъ, «относительно того, что они стали бы дѣлать, доставься власть имъ въ руки, какое направленіе они придали революціи, ничего видно не было» (стр. 692). При этой системѣ «оставалось одно—дѣйствовать все строже и строже» (sévir, toujours sévir). Уже учрежденіе, 10 марта 1793 г., знаменитаго революціоннаго суда вызываетъ отрицательное къ себѣ отношеніе со стороны нашего историка: «творческому, созидательному духу народной революціи, искавшему своихъ путей, противопоставили духъ полицейскій, который долженъ былъ скоро угасить другой», – такъ выражается Кропоткинъ о результатѣ возстанія 10 марта (стр. 495). Реорганизація революціоннаго суда въ іюнѣ 1794 г. была, по словамъ автора, прямымъ банкротствомъ революціоннаго правительства, и онъ только далъ созрѣть черезъ шесть недѣль контръ-революціи. Издать такой законъ значило «дѣлать съ внѣшнимъ видомъ легальности то, что въ сентябрскіе дни 1792 г. парижскій народъ сдѣлалъ революціонно, откровенно, въ моментъ паники и отчаянія» (стр. 716). Новый законъ, который всѣ называли закономъ Робеспьера, «сдѣлалъ террористическій режимъ ненавистнымъ въ Парижѣ» (стр. 718), рабочій народъ котораго обратилъ свои симпатіи къ жертвамъ, бывшимъ въ большинствѣ изъ бѣднаго класса (стр. 719). Это и привело, по словамъ Кропоткина, къ паденію «якобинскаго режима. Государственные люди не понимали одного, терроръ пересталъ терроризировать» (стр. 720). Это было смертью революціи, ибо парижскій народъ чувствовалъ теперь, что люди, стремившіеся его снова поднять, какъ прежде, «не представляли собою ни одного принципа народной революціи» (стр. 728). Наступилъ праздникъ буржуазіи, такой же, какъ въ іюнѣ 1848 и въ маѣ 1791 г. (стр. 731).

VI.

Посмотримъ теперь, какъ въ книгѣ изображается дѣятельность тѣхъ, кого современники французской революціи называли «анархистами».

Прежде всего припомнимъ, что самъ авторъ говоритъ въ книгѣ о своей связи съ ними, какъ одного изъ ихъ потомковъ («à nous,

descendants de ceux que les contem porains appelaient les anarchistes», стр. 6), при чемъ слово «анархисты» онъ обыкновенно заключаетъ въ кавычки. Это та категорія дѣятелей революціи, которая противополагается всѣмъ остальнымъ группамъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующая понятію революціи «народной» (populaire), а не буржуазной въ классификаціи Кропоткина.

Свѣдѣнія и замѣчанія объ «анархистахъ» разбросаны по всей книгѣ, но особенно много говорится о нихъ въ первый разъ только въ главѣ сорокъ первой, такъ и названной «Анархисты» и вставленной между главами объ «усиліяхъ жирондистовъ остановить революцію» и о «причинахъ движенія 31 мая», низвергшаго, какъ извѣстно, эту партію: «анархисты», слѣдовательно, появляются на сценѣ не сразу. Кромѣ того, къ концу книги, послѣ главы пятьдесятъ седьмой, посвященной «истощенію революціоннаго духа», помѣщены три главы о «коммунистическомъ движеніи», тоже имѣющія ближайшее отношеніе къ предмету.

«Анархисты,—говоритъ о нихъ Кропоткинъ въ самомъ началѣ главы, имъ посвященной,—не составляли партіи. Въ конвентѣ есть Гора, Жиронда, Равнина, или скорѣе Болото, Брюхо, какъ тогда выражались, но нѣтъ «анархистовъ». Дантонъ, Маратъ и даже Робеспьеръ или кто-либо еще изъ якобинцевъ могутъ иногда идти съ анархистами, но сами они были внѣ конвента. Они, можно сказать, надъ нимъ: они ему повелѣваютъ. Это—революціонеры, разсѣянные по всей Франціи. Они преданы революціи тѣломъ и душой; они понимаютъ ея необходимость; они любятъ ее и ради нея работаютъ. Большое ихъ число группируется около парижской коммуны, потому что она еще революціонна; нѣкоторая часть принадлежитъ клубу кордельеровъ; кое-кто ходитъ въ якобинскій клубъ. Но ихъ настоящая сцена, это—*секція* и особенно улица. Въ конвентѣ ихъ видятъ въ трибунахъ, откуда они направляютъ пренія. Ихъ средство дѣйствія мнѣніе *народа*, а не «общественное мнѣніе» буржуазіи, настоящее же ихъ оружіе—возстаніе. При его помощи они оказываютъ вліяніе на депутатовъ и на исполнительную власть. И когда нужно напрячь всѣ силы (donner un coup de collier), воспламенить народъ и *вмѣстѣ съ нимъ* идти на Тюйлери, это они подготовляютъ нападеніе и дерутся въ рядахъ нападающихъ. Въ тотъ день, когда истощится революціонный пылъ народа, они возвратятся въ неизвѣстность, и останутся только желчные памфлеты ихъ противниковъ, чтобы свидѣтельствовать намъ о громадной революціонной работѣ (oeuvre), ими совершенной. Что касается ихъ идей, онѣ ясны, рѣзки. Республика?—Разумѣется!—Равенство передъ закономъ.—Хорошо! Но это не все, далеко не все. Пользоваться политическою свободою, чтобы получить экономическую свободу, какъ это предлагаютъ буржуа? Они знаютъ, что этого не бываетъ (ça ne se peut pas). Поэтому они хотятъ *самой вещи*, земли для всѣхъ, того, что тогда называли «аграрнымъ закономъ», экономи-

ческаго равенства, или, выражаясь тогдашнимъ терминомъ, «уравненія состояній». «Вотъ кто были эти «анархисты» *). Противъ нихъ-то и вооружаются жирондисты и якобинцы. Кропоткинъ приводитъ отрывки рѣчей противъ нихъ и Бриссо, и Робеспьера. Первый изъ нихъ говорилъ, наприм., что во Франціи нужны были три революціи: одна, устранившая абсолютизмъ, другая, которая уничтожила королевскую власть, и третья, которая должна прекратить анархію (стр. 445). Въ другихъ случаяхъ тѣ же самые анархисты обозначались у враговъ народной революціи терминомъ «бѣшеные» (les enragés»). Эта категорія, состоявшая изъ разнородныхъ элементовъ, объединялась мыслью, что революція еще не кончилась, и сообразно съ этимъ дѣйствовала въ жизни. «Они, подчеркиваетъ Кропоткинъ, знали, что конвентъ ничего не сдѣлаетъ безъ принужденія со стороны народа (sans y être forcé par le peuple), и ради этого они организовали народное возстаніе (soulevement). Въ Парижѣ они провозгласили суверенную коммуну и стремились установить національное единство не при помощи центральнаго правительства, но въ силу прямыхъ сношеній между муниципалитетомъ и секціями Парижа съ 36.000 общинъ Франціи» (стр. 450), чего жирондисты не могли допустить **).

Въ приведенныхъ (и въ текстѣ, и въ выноскахъ) мѣстахъ обратимъ вниманіе, что, по Кропоткину, не въ конвентѣ, не среди народныхъ представителей, составлявшихъ партію Горы, не въ якобинскомъ клубѣ нужно искать «анархистовъ» 1793 г., а въ коммунѣ и секціяхъ столицы и провинцій и въ клубѣ кордельеровъ, къ которымъ вообще авторъ относится болѣе благосклонно, чѣмъ къ якобинцамъ, когда и по другимъ поводамъ ему приходится упоминать о кордельерахъ. Еще бóльшимъ сочувствіемъ съ его стороны, нежели ихъ клубъ, пользуются коммуна, «дистрикты» и

*) Ср. главу XXVI, гдѣ говорится: «ceux que les hommes «d'ordre» et «d'état» appelèrent alors les „anarchistes", aidés par un certain nombre de bourgeois,—des Cordeliers et quelques Jacobins" и т. д., стр. 255, или въ главѣ XXVIII читаемъ: si la République faisait si grand peur aux bourgeois, et même aux Jacobins ardents (alors que les Cordeliers l'acceptaient volontiers), c'est que chez le peuple lidee de république se liait avec celle d'égalité, et que celle-ci se traduisait en demandant l'égalité des fortunes et la loi agraire formules des niveleurs, des communistes, des expropriateurs, des «anarchistes» de l'époque», стр. 287. См. также въ главѣ XL стр. 450, гдѣ говорится о разнообразномъ составѣ „анархистовъ".

**) Ср. слѣдующее мѣсто въ главѣ LVII: c'est en dehors de la Convention et du club des Jacobins,—dans la Commune de Paris, dans certaines sections de la capitale et des provinces et dans le club des Cordeliers, que l'on trouve quelques hommes qui comprennent que pour consolider les conquêtes, il faut marcher de l'avant et qui essaient de formuler les aspirations d'ordre social dont perçoit l'apparition dans les masses populaires. Ils essaient de constituer la France comme une aggrégation de 40.000 communes, en correspondance suivie entre elles et représentant autant de centres de l'extrême démocratie qui travailleront á établir ...l'égalisation des fortunes", стр. 616—617.

секціи, дѣлавшіе народную революцію и тѣмъ вооружавшіе противъ себя не только, по его терминологіи, контръ-революціонную буржуазію, но и буржуазныхъ революціонеровъ, къ каковымъ онъ относитъ, наприм., и гебертистовъ съ ихъ воззрѣніями, дѣлавшими ихъ неспособными, по его опредѣленію, къ экономической революціи*). Далѣе, методомъ «анархистовъ» были не захватываніе власти и не терроръ **), они даже были противъ централизаціи власти,—главное же для нихъ было въ непосредственномъ дѣйствіи народа на мѣстахъ въ цѣляхъ непосредственнаго же осуществленія соціальнаго переустройства Франціи.

Кропоткинъ, какъ мы знаемъ, предпринялъ свою работу какъ-разъ для освѣщенія народной революціи и участія въ ней тѣхъ людей, въ которыхъ узнавалъ духовныхъ предковъ современнаго анархизма. На предпослѣдней (745) страницѣ онъ, между прочимъ, пишетъ: «Во всякомъ случаѣ, то, что мы узнаёмъ теперь, изучая великую революцію, это—то, что она была источникомъ всѣхъ коммунистическихъ, анархистскихъ и соціалистическихъ воззрѣній нашей эпохи. Мы плохо знаемъ нашу общую мать, но мы находимъ ее въ настоящее время среди санкюлотовъ, и мы видимъ, чему мы можемъ у нея научиться». Работа секцій и зародившееся въ ней коммунистическое движеніе и представляютъ собою то, о чемъ у насъ будетъ теперь идти рѣчь.

Мы уже видѣли, какое вообще значеніе приписываетъ Кропоткинъ въ исторіи революціи коммунамъ, которыя онъ называетъ «душою великой революціи» (стр. 235). Съ ними рядомъ онъ ставитъ дистрикты или секціи, на которыя раздѣлился Парижъ. Въ этихъ-то коммунахъ и секціяхъ и стали фактически господствовать «анархистскіе принципы», и уже въ самомъ началѣ революціи, говоритъ Кропоткинъ, «парижскіе дистрикты полагали основанія новой, либертарной организаціи общества». Они же «спаяли союзъ Парижа и провинцій и подготовили почву для революціонной коммуны 10 августа» (стр. 242). Что особенно отличаетъ коммуну и ея секціи, это—глубокое недовѣріе къ какой бы то ни было исполнительной власти. «Французскій народъ, по словамъ автора, повидимому, понялъ въ самомъ началѣ революціи, что громадное пре-

*) Объ отношеніи Кропоткина къ гебертистамъ см. главу LXIV, посвященную исторіи „борьбы противъ гебертистовъ". Хотя Геберъ (Hébert) иногда и высказывался въ коммунистическомъ смыслѣ, „но терроризировать и захватить власть казалось ему гораздо болѣе важнымъ дѣломъ, нежели вопросы о хлѣбѣ, о землѣ, объ организаціи труда. Коммуна 1871 г., прибавляетъ авторъ, тоже создала этотъ типъ революціонера", стр. 687. Еще Шометтъ, пожалуй, находился подъ вліяніемъ коммунистовъ, но партія въ цѣломъ не имѣла вкуса къ этимъ идеямъ и не „стремилась вызвать большую манифестацію **соціальной** воли народа", думая только о захватѣ власти, а тамъ дальше было бы видно („après on verrait"), стр. 688.

) Терроръ, говоритъ въ одномъ мѣстѣ авторъ, есть всегда оружіе **правительства", стр. 688.

образованіе, которое ему предстояло, не могло быть совершено ни конституціонною, ни центральною силою: оно должно было быть дѣломъ мѣстныхъ силъ, и, чтобы дѣйствовать, онѣ должны были пользоваться большою свободою» (стр. 248). Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что назвать эту «коммунальную независимость» автономіей было бы, пожалуй, слишкомъ мало (стр. 245). Между тѣмъ съ этимъ-то стремленіемъ и боролись представительныя собранія и революціонеры-государственники, при чемъ и парижскія секціи, и провинціальныя коммуны долгое время фактически отстаивали свою самостоятельность, какъ учрежденій, въ которыхъ «народъ управлялъ самъ собою непосредственно, т. е. безъ посредниковъ, безъ господъ» (стр. 246). Съ общимъ ходомъ революціи шло параллельно развитіе соціальныхъ идей, и оно совершалось именно въ секціяхъ; по, несомнѣнно, преувеличенному мнѣнію Кропоткина, даже «право на трудъ, котораго народъ требовалъ въ 1848 г. въ большихъ городахъ, было только реминисценціей того, что уже существовало фактически въ Парижѣ во время великой революціи»; но, прибавляетъ онъ къ приведеннымъ словамъ, это право проводилось «снизу, а не сверху, какъ того хотѣли Луи Бланы, Видали и другіе сторонники власти (autoritaires), засѣдавшіе въ Люксембургѣ» (стр. 251). Въ секціяхъ и коммунахъ политическое и соціальное развитіе революціи шли рука объ руку.

Собственно въ исторіи «коммунистическаго движенія» во время французской революціи Кропоткинъ начинаетъ издалека указывать, что еще въ «философіи XVIII в.» были высказаны идеи, которыя теперь могли бы быть названы соціалистическими, и то же онъ, по Шассену, говоритъ о наказахъ (cahiers) 1789 г., которыхъ, какъ видно, самъ не изучалъ. Однако, распространяться эти идеи стали, равно какъ и открыто проповѣдоваться, лишь послѣ крушенія монархіи и казни короля, что, по мнѣнію Кропоткина, собственно и превратило жирондистовъ въ «такихъ ярыхъ защитниковъ собственности» (стр. 624). Нѣкоторые жирондисты, впрочемъ, сами подверглись вліянію этого движенія (между ними особенно Кондорсе), не говоря уже о монтаньярахъ (вродѣ Бильо-Варенна, мысль котораго о наслѣдствѣ возродилась на базельскомъ конгрессѣ Интернаціонала въ 1869 г., прибавляетъ Кропоткинъ, стр. 626). Главные глашатаи коммунизма были, однако, въ нѣкоторыхъ секціяхъ и въ клубѣ кордельеровъ, а кромѣ того была даже попытка свободной организаціи всѣхъ, какъ ихъ тогда называли, «enragés», замѣчательная тѣмъ во мнѣніи Кропоткина, что въ ней уже былъ «зародышъ идеи, которая позже была положена въ основу мутуализма и народнаго банка Прудона» (стр. 627). «Мы,—признаётся авторъ, — не знаемъ еще всѣхъ этихъ смутныхъ движеній, обнаруживавшихся въ Парижѣ и въ большихъ городахъ въ 1793 и 1794 г.г.», такъ какъ «только теперь ихъ начинаютъ изучать» (стр. 628). Да и вообще Кропоткинъ находитъ, что самый, по его опредѣленію, важный пе-

ріодъ революціи, между 31 мая 1793 и 27 іюня 1794 г., до сихъ поръ еще не имѣетъ настоящей исторіи, ибо историки интересовались въ этомъ періодѣ только войной и терроромъ (стр. 522—524), а суть дѣла, конечно, не въ этомъ. Эта исторія, прибавляетъ авторъ, дѣло будущаго, пока же можно лишь намѣтить кое-какія существенныя черты этого періода *). Здѣсь еще широкое поле для догадокъ, одну изъ которыхъ и высказываетъ Кропоткинъ: не основывались ли послѣ 10 августа 1792 г. тайныя коммунистическія общества, которыя позднѣе были расширены Буонаротти и Бабёфомъ, а послѣ іюльской революціи дали начало секретнымъ обществамъ бланкистовъ? (стр. 628).

Теперь я позволяю себѣ сдѣлать большую выдержку изъ самой книги.

«Очевидно,—читаемъ мы въ главѣ пятьдесятъ восьмой,—что коммунизмъ 1793 г. вовсе не представляетъ такой полной доктрины, какую мы находимъ у французскихъ подражателей Фурье и Сенъ-Симона и въ особенности у Консидерана и даже у Видаля. Въ 1793 г. коммунистическія идеи не вырабатывались въ тиши кабинетовъ; онѣ возникали изъ потребностей момента. Вотъ почему во время французской революціи соціальная проблема ставилась преимущественно въ видѣ *проблемы продовольствія* и *проблемы земли*. Но въ этомъ заключается и превосходство *коммунизма* великой революціи надъ *соціализмомъ* 1848 г. и его потомками. Онъ шелъ прямо къ цѣли, направившись на *распредѣленіе* продуктовъ. Этотъ коммунизмъ кажется намъ, несомнѣнно, отрывочнымъ, тѣмъ болѣе, что разныя лица напирали на различныя стороны предмета, и онъ всегда остается тѣмъ, что можно было бы назвать коммунизмомъ *частичнымъ*, по скольку онъ допускаетъ *индивидуальное владѣніе* рядомъ съ *коммунальною собственностью*, и по скольку, хотя и провозглашая право всѣхъ на всѣ продукты производства, онъ признаётъ индивидуальное право на «излишекъ», рядомъ съ правомъ всѣхъ на предметы первой и второй необходимости. Однако, *три главные вида коммунизма* здѣсь уже налицо: коммунизмъ *земельный*, коммунизмъ *промышленный* и коммунизмъ въ *торговлѣ* и *кредитѣ*. И въ этомъ пониманіе 1793 г. отличается большею широтою, нежели пониманіе 1848 г. Ибо если агитаторы 1793 г. выдвигаютъ впередъ предпочтительно тотъ или другой изъ этихъ видовъ коммунизма, то виды эти одинъ другимъ отнюдь не исключаются. Наоборотъ, получивъ свое начало въ одномъ и томъ же пониманіи равенства, они одинъ другими дополняются. Въ то же время коммунисты 1793 г. пытаются достигнуть осуществленія своихъ идей дѣйствіемъ *мѣстныхъ силъ*, непосредственнымъ (sur place)

---

*) Въ эти 13 мѣсяцевъ, по Кропоткину, совершились «le dispersement des propriétés foncières, la démocratisation et la déchristianisation de la France», стр. 524. Кстати, и два мѣсяца, протекшіе отъ начала конвента до начала процесса короля, Кропоткинъ называетъ „загадкою для исторіи", стр. 425.

и фактическимъ, хотя и стремясь положить начало *прямому единенію* 40.000 коммунъ. У Сильвана Марешаля мы даже находимъ нѣкоторый намекъ на то, что мы теперь называемъ анархическимъ коммунизмомъ, высказанный, конечно, очень сдержанно, такъ какъ за болѣе откровенное изложеніе своей мысли можно было поплатиться головой. Мысль объ осуществленіи коммунизма путемъ заговора, т. е. при помощи тайнаго общества, которое захватило бы власть, мысль, апостоломъ которой сдѣлалъ себя Бабёфъ, облеклась въ плоть только позднѣе, въ 1795 г., когда термидоріанская реакція положила конецъ восходящему развитію великой революціи. Это—продуктъ истощенія, никакъ не слѣдствіе здоровой силы между 1789 — 1793 г.г. Конечно,—соглашается Кропоткинъ,—было немало простой декламаціи во всемъ томъ, что говорили народные коммунисты. Это было немножко тогда въ модѣ, которой и современные намъ ораторы тоже платятъ дань, но все, что намъ извѣстно о народныхъ коммунистахъ великой революціи, даетъ право смотрѣть на нихъ, какъ на людей, глубоко преданныхъ своимъ идеямъ» (стр. 628—630).

Далѣе Кропоткинъ называетъ нѣсколько такихъ дѣйствовавшихъ въ народѣ коммунистовъ, каковы Жакъ Ру, Шалье, Леклеркъ, Варле, Роза Лакомбъ, и такихъ теоретиковъ коммунизма, какъ Буасселя, Пьера Доливье, Анжа (или Л'Анжа) и Бабёфа, и сообщаетъ о каждомъ изъ нихъ кое-какія свѣдѣнія, но кое о комъ изъ нихъ (особенно о Варле) мы вообще знаемъ мало. Что касается въ частности Бабёфа, наиболѣе изъ нихъ прославившагося, то Кропоткинъ находитъ, что, хотя коммунизмъ впослѣдствіи и связали съ заговоромъ Бабёфа, въ сущности, самъ онъ былъ только «оппортунистомъ» коммунизма 1793 г. Его представленія,—поясняетъ авторъ свою мысль,—равно какъ средства дѣйствія, которыя онъ рекомендовалъ, умаляли идею коммунизма. Тогда какъ многіе умы понимали въ это время, что стремленіе къ коммунизму было бы единственнымъ средствомъ обезпечить завоеванія демократіи, Бабёфъ стремился... подсунуть демократіи коммунизмъ. Въ то самое время, какъ было очевидно, что демократія потеряетъ свои завоеванія, если народъ не вступитъ въ самое дѣло, Бабёфъ хотѣлъ *сначала демократіи*, чтобы потомъ ввести въ нее понемногу коммунизмъ. Вообще его представленіе о коммунизмѣ было до такой степени узко, искусственно, что онъ думалъ достигнуть цѣли дѣйствіемъ нѣсколькихъ лицъ, которыя захватили бы власть при помощи тайнаго общества. Онъ зашелъ въ этомъ направленіи такъ далеко, что всю свою надежду возлагалъ на *одного* человѣка, лишь бы у него была твердая рѣшимость *ввести коммунизмъ* и *спасти міръ*». Кропоткинъ называетъ «пагубной иллюзіей, которую продолжали питать иные соціалисты въ теченіе всего XIX в. и которая дала въ результатѣ цезаризмъ,—вѣру въ Наполеона или Дизраэли, вѣру въ спасителя, не прекращающаяся до сихъ поръ» (стр. 632 и 633).

За общею характеристикою коммунистическаго движенія въ эпоху французской революціи, составляющею содержаніе цѣлой главы, въ концѣ помѣщена еще одна глава объ «идеяхъ, касающихся соціализаціи земли, промышленныхъ предпріятій, продовольственныхъ средствъ и торговли». Можно только пожалѣть о краткости этой главы—всего въ восемь неполныхъ страницъ (634—642). Какъ понимался въ эпоху революціи «аграрный законъ», это болѣе или менѣе извѣстно. Что касается соціализаціи промышленныхъ предпріятій, то стремленіе къ ней въ концѣ XVIII в.—тема, въ общемъ, новая, не изслѣдованная, и можно поэтому только пожалѣть, что Кропоткинъ даетъ слишкомъ мало фактическаго матеріала въ подтвержденіе своихъ словъ о большой популярности въ 1793 г. мысли сдѣлать коммуну производительницей («idée de la commune se faisant productrice», стр. 637). Впрочемъ, онъ самъ замѣчаетъ, что въ эту эпоху промышленность интересовала гораздо меньше, чѣмъ земледѣліе, а кромѣ него еще проблема и продовольствія, «особенно волновавшая коммунистовъ въ 1793 г. и заставившая ихъ навязать конвенту *максимумъ* и провозгласить принципъ *соціализаціи обмѣна, муниципализаціи торговли»* (стр. 639). Новая идея о торговлѣ, которую,—говоритъ Кропоткинъ,—нельзя было найти ни у Тюрго, ни у Неккера,—идея, «внушенная *самою жизнью*» (стр. 640), о томъ, что «торговля есть соціальная функція» и что она «должна быть соціализована, какъ сама земля и промышленность», зародилась, такимъ образомъ, «во время великой революціи, а позднѣе ее развили Фурье, Оуэнъ, Прудонъ и коммунисты сороковыхъ годовъ» (стр. 641). Къ сожалѣнію, едва ли удачна ссылка автора на максимумъ, эту, въ сущности, чисто государственную мѣру, проводившуюся драконовскими способами и при томъ часто въ ущербъ интересамъ производителей *).

Какъ мы уже видѣли, Кропоткинъ выразилъ въ одномъ мѣстѣ сожалѣніе, что у «анархистовъ» 1793 г. не нашлось своего Робеспьера. Въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ сожалѣніе, что Маратъ не сдѣлался коммунистомъ, «не схватилъ того, что было вѣрнаго въ идеяхъ Жака Ру, Варле, Шалье, Л'Анжа и др.», и «не оказалъ поддержки коммунистамъ всею своею энергіей и всѣмъ своимъ громаднымъ вліяніемъ» (стр. 581). Это замѣчаніе даетъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи автора къ Марату, въ которомъ онъ тоже видитъ дѣятеля «народной» революціи, хотя и не сдѣлавшагося «глашатаемъ нарождавшагося коммунизма».

Извѣстно, что многіе историки французской революціи приписываютъ особенно вѣрное пониманіе событій и способность яснаго предвидѣнія будущаго Мирабо и Дантону. У Кропоткина человѣкомъ, наиболѣе безошибочно оцѣнивавшимъ общее положеніе дѣлъ

---

*) Ср. *E. Levasseur.* La co vention et le maximum (Acad. d. sciences morales, 1902).

и предсказывавшимъ, что изъ него должно было выйти, является Маратъ. Въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ мѣстъ авторъ называетъ его представителемъ чисто народной революціи и самымъ вѣрнымъ другомъ народа и истиннымъ патріотомъ (стр. 304, 339, 505, 579 и др.), вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно понимавшимъ лучше, чѣмъ кто то бы ни было, что́ было самымъ важнымъ въ тотъ или другой изъ переживаемыхъ моментовъ (см. стр. 309, 376, 415, 429, 505, 580 и др.). Приводя одно мѣсто изъ статьи Марата, Кропоткинъ называетъ его «золотыми словами, потому что они производятъ впечатлѣніе какъ бы написанныхъ теперь, въ двадцатомъ вѣкѣ» (стр. 310). «Чѣмъ болѣе,—говоритъ онъ еще,—мы въ настоящее время изучаемъ революцію, чѣмъ болѣе узнаёмъ, что дѣлалъ и что говорилъ Маратъ, тѣмъ болѣе обнаруживается, до какой степени имъ не заслужена репутація зловѣщаго истребителя, которую создали ему историки, поклонники буржуазныхъ жирондистовъ» (стр. 505). «Жирондистскіе историки,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,—ненавидѣвшіе Марата, представляли его, какъ кровожаднаго безумца, который даже не зналъ, чего хотѣлъ. Но мы знаемъ теперь, какъ создаются такія репутаціи»,—и Кропоткинъ заявляетъ, что въ глубинѣ своей души Маратъ «нисколько не былъ кровожаденъ», хотя въ минуты крайняго возбужденія и писалъ, что нужно послать на плаху цѣлые десятки тысячъ аристократовъ для того, чтобы революція шла впередъ (стр. 579). Все болѣе или менѣе отрицательное въ Маратѣ авторъ, повидимому, готовъ считать «аксессуарами», самая же внутренняя суть психики (le fond de l'esprit) «друга народа» заключалась въ умѣніи «понимать, что́ въ каждый данный моментъ нужно было дѣлать для *торжества народнаго дѣла* (*le cause du peuple*), торжества революціи *народной*, а не отвлеченной, теоретической революціи» (стр. 580). Только въ отношеніи къ коммунизму *), какъ мы видѣли, Кропоткинъ усматриваетъ изъянъ въ этомъ, на его взглядъ, повидимому, самомъ выдающемся дѣятелѣ революціи. Но за то Кропоткинъ ставитъ въ заслугу Марату его якобы отрицательное отношеніе къ террору. «Вообще,—говоритъ онъ,—если Маратъ понималъ проявленія внезапной ярости народа (les fureurs momentanés du peuple) и признавалъ ихъ необходимость въ извѣстные моменты, то, конечно, не былъ сторонникомъ террора, какъ онъ практиковался послѣ сентября 1793 г.» (стр. 581). Вся эта реабилитація Марата составляетъ довольно-таки сильно бросающуюся въ глаза черту всей книги, едва ли, однако, имѣющую хоть какую-нибудь убѣдительность **). Болѣе близкимъ къ истинѣ

*) Впрочемъ,—думаетъ Кропоткинъ,—Маратъ еще могъ бы дать коммунистическимъ идеямъ надлежащую обработку и заставить себя слушать, если бы преждевременная смерть его не унесла: „Marat aurait pu le faire, s'il avait vécu; mais en juillet 1793 il n'était plus", стр. 644.

**) Любопытно, что изъ знаменитаго „тріумвирата" Робеспьера, Дантона

кажется намъ другое соображеніе автора о томъ, что еще въ іюлѣ 1790 г. нельзя было предвидѣть мрачнаго и дикаго *) характера революціи впослѣдствіи, но что это было результатомъ разочарованія народа относительно надеждъ, связанныхъ съ событіями, въ дѣлѣ улучшенія его экономическаго быта (стр. 232).

VII.

Изъ двухъ теченій революціи, вступившихъ между собою, въ концѣ концовъ, въ борьбу, народно-соціальное было побѣждено буржуазно-политическимъ, которое, лишившись сочувствія и поддержки со стороны народа, само было побѣждено теченіемъ контръреволюціоннымъ. Такова основная точка зрѣнія Кропоткина въ исторіи собственно первой французской революціи. Народная революція затронула собственность, на защиту которой стали буржуазные революціонеры. «Революція, останавливающаяся на полдорогѣ, по словамъ автора, идетъ необходимо къ своей гибели. И,— продолжаетъ онъ,—положеніе во Франціи въ концѣ 1793 г. было таково, что революція, будучи остановлена въ моментъ исканія новой жизни на путяхъ великихъ соціальныхъ перемѣнъ, разрушила себя теперь внутренними распрями и усиліемъ, одинаково гибельнымъ и неполитичнымъ, истребить своихъ враговъ, хотя и становясь на стражѣ ихъ собственности» (стр. 686). Конечно, послѣднее нужно понимать въ смыслѣ охраны собственности вообще, или самаго принципа собственности, ибо на дѣлѣ для многихъ священны были права собственности только «патріотовъ», собственность же враговъ революціи должна была конфисковаться въ пользу республики (стр. 700).

Несмотря на такой общій исходъ народной революціи и на реакцію, приведшую Францію къ наполеоновскому игу, событія конца XVIII в. глубоко измѣнили Францію, и этой мысли Кропоткинъ посвящаетъ небольшое «заключеніе» (стр. 734—746). Въ 1799 г. страна производила уже гораздо больше съѣстныхъ припасовъ, нежели въ 1789 г., ибо въ эти годы началась усиленная обработка земель, возвращенныхъ себѣ крестьяниномъ отъ сеньёровъ, отъ монастырей, отъ церквей. Города, пожалуй, матеріально еще бѣдствовали, но, говоритъ Кропоткинъ, «*крестьянинъ наѣдался досыта*, въ первый разъ въ теченіе вѣковъ. Онъ выпрям-

---

и Марата Кропоткинъ болѣе подробно занялся только первымъ и третьимъ, мало обративъ вниманіе на второго. О нѣкоторыхъ симпатичныхъ ему дѣятеляхъ онъ дѣлаетъ только короткія отмѣтки: „Анахарсисъ Клоотсъ,.. этотъ чистый идеалистъ, обожатель революціи и вдохновенный пропагандистъ Интернаціонала санкюлотовъ“, и т. д., стр. 690.

*) Въ подлинникѣ „farouche“, слово, которое значитъ и суровый; нѣмецкій переводчикъ тоже понялъ его, какъ „wild“ (I, 172).

лялъ свою сгорбленную спину! Онъ дерзнулъ заговорить! Возникла новая нація, и благодаря этому второму рожденію (nouvelle naissance) Франція оказалась способною выдержать войны республики и Наполеона, а когда послѣ всѣхъ этихъ войнъ ожидаютъ найти въ 1815 г. Францію обѣднѣвшею, низведенною до страшной нищеты, опустошенною, всѣ деревни оказываются болѣе процвѣтающими, нежели въ началѣ революціи. «Внутреннія средства этихъ деревень таковы, что черезъ нѣсколько лѣтъ Франція становится страною зажиточныхъ крестьянъ, и вскорѣ обнаруживается, что, несмотря на сильное кровопусканіе и на всѣ потери, она—самая богатая страна въ Европѣ по *своей производительности*. Свои богатства она получаетъ не изъ Индіи и не отъ торговли съ далекими странами, но изъ своей почвы, отъ своей любви къ землѣ, отъ своей умѣлости и работы» (стр. 736—737). Это одинъ результатъ революціи, другой—принципы, которые она завѣщала послѣдующимъ временамъ, въ частности освобожденіе крестьянъ и отмѣну абсолютной власти, двѣ главныя задачи, которыя рѣшалъ XIX вѣкъ, а кромѣ этого, еще коммунистическіе принципы, возродившіеся въ соціализмѣ» *). «Современный соціализмъ,—заявляетъ Кропоткинъ,—еще ничего, рѣшительно ничего не прибавилъ къ идеямъ, которыя были въ ходу среди французскаго народа въ 1789—1794 гг. и которыя французскій народъ пытался ввести въ жизнь во II году республики. Современный соціализмъ только создалъ изъ этихъ идей системы и нашелъ въ ихъ пользу разные аргументы, то обращая противъ буржуазныхъ экономистовъ нѣкоторыя изъ ихъ же собственныхъ опредѣленій, то обобщая факты развитія промышленнаго капитализма въ теченіе XIX вѣка» (стр. 743—744).

Непосредственными, реальными слѣдствіями революціи Кропоткинъ считаетъ, такимъ образомъ, тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ сельскому быту, къ крестьянству, къ землѣ. Мы уже видѣли, что въ частности за революціей онъ признаётъ значеніе по скольку она уничтожила феодальныя права и отчасти возвратила сельскимъ общинамъ земли, которыя у нихъ были отобраны въ силу ордонанса 1669 года. Къ этому нужно еще прибавить распродажу національныхъ имуществъ. Этимъ тремъ темамъ посвященъ въ книгѣ цѣлый рядъ главъ **).

Въ исторіи отмѣны феодальныхъ правъ Кропоткинъ особенно

---

*) Quant au socialisme, on sait aujourdh'ui que ce mot fut mis en vogue pour éviter de s'appeler communiste", оговаривается авторъ, стр. 743.

**) Вотъ названія этихъ главъ: XVII. 4 августа и его послѣдствія.—XVIII Феодальныя права остаются.—XXII (2 половина). Продажа имѣній духовенства.—XXVI. Проволочки въ отмѣнѣ феодальныхъ правъ.—XLVIII. Общинныя земли и что изъ нихъ сдѣлало Законодательное собраніе.—XLIX. Земли возвращены общинамъ.—L. Окончательное уничтоженіе феодальныхъ правъ.—LI. Національныя имущества. Всего семь съ половиною главъ.

подчеркиваетъ роль самого народа въ этомъ дѣлѣ, съ одной стороны, и крайнее нерасположеніе первыхъ представительныхъ собраній къ радикальному рѣшенію вопроса,—съ другой, по подробнаго изложенія хода работъ въ этомъ вопросѣ у него нѣтъ, и указывавшаяся нами выше работа Карона и Саньяка могла бы сослужить автору немаловажную службу въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, болѣе ранняя и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе общая работа Саньяка по исторіи законодательства въ области гражданскаго права Кропоткину хорошо извѣстна, и онъ прямо во многомъ ей самъ слѣдуетъ. Быть можетъ, при большемъ знакомствѣ съ литературою предмета онъ не сталъ бы утверждать, что до сихъ поръ относительно отмѣны феодальныхъ правъ царитъ «путанница изъ самыхъ достойныхъ сожалѣнія» (стр. 256): вопросъ этотъ достаточно разработанъ и большихъ споровъ не возбуждаетъ *). Во всякомъ случаѣ, теперь это — предметъ, достаточно выясненный, особенно по сравненію къ двумя другими, которые интересуютъ Кропоткина.

Одинъ изъ послѣднихъ,—вопросъ о распродажѣ національныхъ имуществъ въ связи съ исторіей крестьянской собственности во Франціи въ эпоху революціи. На этотъ счетъ существуетъ въ настоящее время очень большая литература, весьма мало остановившая на себѣ вниманіе автора. Въ составленномъ мною на основаніи подстрочныхъ примѣчаній спискѣ книгъ, которыми пользовался Кропоткинъ въ этомъ отношеніи обнаруживаются большіе пробѣлы. Общее мнѣніе автора—то, что отъ продажи національныхъ имуществъ сильно поживилась буржуазія (стр. 254, 360, 553, и др.), хотя ему извѣстны (повидимому, и тутъ только отчасти) работы проф. И. В. Лучицкаго, указывающія на массу покупокъ, совершенныхъ крестьянами **). Впрочемъ, Кропоткинъ вполнѣ правъ, когда отмѣчаетъ, что вопросъ о результатахъ продажи національныхъ имуществъ остается до сихъ поръ спорнымъ. Нельзя не согласиться также съ его мнѣніемъ, что въ разныхъ частяхъ Франціи результаты могли быть разные (стр. 557), въ зависимости, какъ онъ думаетъ, и отъ большей или меньшей энергіи револю-

*) Критическое отношеніе къ феодальному законодательству революціи есть уже въ моей книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи", вышедшей въ свѣтъ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ и извѣстной самому Кропоткину, который на нее ссылается. Между прочимъ, я пользовлся частью тѣхъ документовъ, которые изданы Кароомъ и Саньякомъ, предпославшими имъ вступительную статью.

**) „C'est ce qui ressort, du moins, des recherches de Loutchitzky", говоритъ въ одномъ мѣстѣ авторъ, ссылаясь только на кіевскія „Университетскія Извѣстія", стр. 254. „Comme l'a montre Loutchitzky", еще разъ говоритъ Кропоткинъ и въ другомъ мѣстѣ (стр. 556), но уже безъ всякой ссылки. Въ главѣ LI, посвященной вопросу, онъ ссылается лишь на старую книгу *Авенеля* („Lundis révolutionnaires") и на мою книгу о французскихъ крестьянахъ въ послѣдней четверти XVIII в., но все это достаточно теперь устарѣло, кромѣ *Саньяка*, на котораго тоже сдѣлана одна ссылка.

ціоннаго движенія въ той или другой провинціи. Если, впрочемъ, буржуазія и скупала земли, то часто лишь для перепродажи мелкими участками, что содѣйствовало дробленію собственности, какъ все таки и покупка земель крестьянами, уже имѣвшими собственность *), имѣла своимъ конечнымъ слѣдствіемъ увеличеніе площади мелкаго землевладѣнія. Въ общемъ счетѣ, по убѣжденію Кропоткина, собственность подверглась дробленію, и «тамъ, гдѣ революція увлекла массы, большое количество земли перешло въ руки крестьянъ» (стр. 557).

Перешло по убѣжденію Кропоткина, не мало земли въ руки крестьянъ и путемъ простого отобранія у сеньёровъ участковъ, когда-то составлявшихъ общинную собственность деревень. Это, можно сказать,—наиболѣе свѣжая тема въ книгѣ, и, конечно, не приходится претендовать, что въ такомъ общемъ трудѣ она скорѣе только намѣчена, нежели сколько-нибудь разработана: ей посвящены лишь двѣ главы (сорокъ восьмая и сорокъ девятая), одна въ 10, другая въ неполныя 7 страницъ. Въ 1789—1792 г., во время своихъ возстаній, «крестьяне, говоритъ Кропоткинъ, возвращали эти земли, несмотря на страшныя репрессіи, очень часто слѣдовавшія за этими актами экспропріаціи» (стр. 529), при чемъ, однако, большинство крестьянской массы было противъ раздѣла этихъ земель, котораго желала деревенская буржуазія «les bourgeois de villages», (стр. 351), скоро превратившаяся въ полноправныхъ активныхъ гражданъ. Дальнѣйшій вопросъ заключался въ томъ, чтобы «генерализировать и легализировать» эти захваты, противъ чего были одинаково всѣ три представительныя собранія революціи, хотя конвентъ только до побѣды надъ нимъ народа 31 мая 1793 г. Кропоткинъ разсказываетъ вкратцѣ и о томъ, какъ активные граждане одни старались овладѣвать общинными землями и какъ относилось къ этому законодательство (а относилось оно сначало благопріятно къ стремленію мелкихъ земельныхъ собственниковъ устранять безземельныхъ). «11 іюня 1793 г., говоритъ дальше авторъ, конвентъ принялъ великій законъ объ общинныхъ земляхъ, составившій цѣлую эпоху въ сельской жизни Франціи и представляющій собою одинъ изъ наиболѣе богатыхъ послѣдствіями фактовъ французскаго законодательства» (стр. 539). Это—законъ о возвращеніи общинамъ отобранныхъ у нихъ съ 1669 г. земель, но съ факультативнымъ ихъ раздѣломъ между всѣми жителями, а не одними только активными гражданами, въ случаѣ требованія одною третью голосовъ. Сколько земель въ силу этого закона перешло въ крестьянскія руки и сколько было раздѣлено, сколько осталось въ нераздѣльномъ пользованіи, объ этомъ книга молчитъ, да и самъ по себѣ вопросъ подлежитъ еще

*) Les acquereurs de lots furent pour la plupart ceux des paysans qui avaient déjà des propriéste", стр. 554.

изслѣдованію, но только, когда реакція побѣдила, въ числѣ отмѣненныхъ революціонныхъ законовъ «монтаньярскаго конвента» былъ и этотъ: возстановить феодальныя права и отнять у новыхъ владѣльцевъ купленныя ими національныя имущества оказалось невозможнымъ, но во многихъ случаяхъ крестьяне не успѣли воспользоваться закономъ 11 іюня 1793 г.; что же, однако, фактически было закрѣплено за крестьянами, того реакція не могла отнять.

VIII.

На этомъ, собственно говоря, и можно было бы окончить и безъ того разросшійся отчетъ о «Великой революціи» Кропоткина, если бы у меня не было еще кое-какихъ замѣчаній и не предстояло еще сказать нѣсколько заключительныхъ словъ.

Я, далеко, конечно, не исчерпалъ содержанія разсмотрѣнной книги и, между прочимъ, ничего не сказалъ о томъ, какъ Кропоткинъ построилъ въ своемъ трудѣ то, что можно было бы назвать общимъ ходомъ революціи. Не всѣ историки одинаково дѣлятъ исторію революціи на періоды и оцѣниваютъ какъ эти періоды, такъ и отдѣльныя даты революціи. Переселеніемъ короля и національнаго собранія въ Парижъ, у Кропоткина оканчивается первый періодъ революціи, который онъ называетъ «героическимъ» (стр. 226), но съ октября 1789 г. и по іюнь 1792 г. тянется періодъ глухой «борьбы комплотовъ и контръ-комплотовъ», очень бѣдный крупными по своему значенію историческими событіями («en événements d'une portée historique», стр. 229), и лишь въ іюнѣ 1792 г. революція снова забираетъ силу. Мало того, съ лѣта 1790 г. по лѣто 1792 г., т. е. въ теченіе двухъ лѣтъ въ исторіи революціи Кропоткинъ видитъ одинъ застой, одну остановку движенія *), когда можно было спрашивать, возьметъ ли верхъ революція или контръ-революція, и стрѣлка вѣсовъ не склонялась ни на ту, ни на другую сторону, вслѣдствіе чего только «руководители мнѣнія и рѣшились, наконецъ, въ іюнѣ 1792 г. еще лишній разъ сдѣлать воззваніе къ народному возмущенію» (стр. 277). До этого времени, рѣшительно заявляетъ Кропоткинъ, въ сущности, ничего еще не было сдѣлано, ибо «дѣйствительность не соотвѣтствовала теоріи» и «была цѣлая пропасть между закономъ, который только-что былъ обнародованъ, и его практическимъ осуществленіемъ въ жизни».—«Въ 1790, 1791 и 1792 гг.,—читаемъ мы еще у него,—старый порядокъ существовалъ еще почти весь, готовый быть возстановленнымъ цѣликомъ—кромѣ кое-какихъ легкихъ измѣненій,—совершенно такъ же, какъ вторая имперія

*) Глава XXVIII такъ и называется: „Arrêt de la Révolution en 1790“, и именно съ середины 1790 до середины 1792 г. „toute l'oeuvre de la Révolution fut mise en suspens“, стр. 277.

готова была каждую минуту возродиться во времена Тьера и Макъ-Магона. Духовенство, дворянство, старое чиновничество и особенно старый духъ *) были готовы поднять голову и разсадить по тюрьмамъ (ecrouer) тѣхъ, которые осмѣлились опоясаться трехцвѣтнымъ шарфомъ. Они только подстерегали моментъ, они его подготовляли. Къ тому же, новыя департаментскія директоріи, основанныя революціей, но состоявшія изъ богатыхъ, были совсѣмъ готовыми кадрами для возстановленія стараго порядка: это были цитадели контръ-революціи» (стр. 270). Кропоткинъ особенно настаиваетъ на томъ и постоянно это повторяетъ, что старый порядокъ былъ еще цѣлъ, наприм., даже въ августѣ 1792 г. («et cependant l'ancien regime était encore debout», стр. 346), допуская при этомъ несомнѣнныя преувеличенія, къ числу которыхъ относится хотя бы такое заявленіе, что королевская власть была ограничена лишь въ очень малой мѣрѣ (стр. 329).

Далѣе, эту реакцію, продолжавшуюся два года, даже больше, Кропоткинъ приписываетъ не однимъ дворянамъ и духовнымъ, соединившимся подъ знаменемъ королевской власти, но и буржуазіи вмѣстѣ съ интеллигенціей (les «intellectuels»), начавшимъ дѣйствовать противъ народа. И эта реакція, говоритъ далѣе авторъ, имѣла бы полный успѣхъ, «если бы крестьяне не продолжали своихъ волненій въ деревняхъ, и если бы въ городахъ народъ въ виду вражескаго нашествія на Францію, снова не поднялся лѣтомъ 1792 г.» (стр. 285). Изображая реакціонное настроеніе буржуазіи, Кропоткинъ постоянно ставитъ здѣсь рядомъ съ нею и представителей интеллигенціи, которымъ приписываетъ тотъ же мотивъ—опасаніе за собственность, не входя ни въ какія дальнѣйшія изысканія въ области отвлеченныхъ теченій политической мысли.

Вообще всѣмъ реакціоннымъ стремленіямъ самаго начала девяностыхъ годовъ XVIII в. онъ приписываетъ очень большое значеніе,—вся революція въ 1790—1792 гг. висѣла на волоскѣ,—и упрекаетъ историковъ революціи въ томъ, что они «слишкомъ быстро скользятъ» по событіямъ, сюда относящимся (стр. 321), тѣмъ болѣе, что въ контръ-революціонныхъ движеніяхъ извѣстную роль играли и иностранныя деньги **).

Конецъ періоду застоя положилъ іюнь 1792 г., но собственно для Кропоткина наиболѣе важный періодъ въ революціи, какъ это уже мною было сказано въ другомъ мѣстѣ, начинается черезъ

*) Авторъ не объясняетъ, что понимаетъ онъ подъ этимъ старымъ духомъ („l'ancien ésprit"), но если онъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду токвилевскій смыслъ (т. е. образъ мыслей, предразсудки, привычки, наклонности и т. п., привитые французской націи старымъ порядкомъ), то онъ съ полнымъ основаніемъ сослался на этотъ „ancien ésprit", еще долго дававшій себя знать въ исторіи Франціи.

**) „*L'argent de Pitt* n'était nullement un fantôme... Catherine II de Russie faisait comme Pitt" и т. п., стр. 362.

годъ, т. е. съ паденія жирондистовъ 31 мая 1793 г. Мы только-что видѣли, что лѣтнее, 1793 года, движеніе городского населенія Кропоткинъ объясняетъ опасностями, которыми грозило Франціи вторженіе иностранныхъ войскъ, и, въ частности, самое движеніе 31 мая, являющееся для него одною изъ важнѣйшихъ датъ революціи, было вызвано измѣною Дюмурье. Послѣднимъ заявленіемъ авторъ указываетъ и на національно-патріотическія причины народныхъ движеній 1792—1793 гг., и можно только пожалѣть, что онъ сравнительно мало пользовался выводами Сореля, который, какъ никто другой, изучилъ вліяніе внѣшнихъ событій на внутреннія событія, а съ ними и на весь ходъ революціи.

31-ое мая Кропоткинъ считаетъ событіемъ не менѣе важнымъ, нежели 14 іюля и 5 октября 1789 г., 21 іюня 1791 г. и 10 августа 1792 г., но и, можетъ быть, наиболѣе трагическимъ изъ всѣхъ, ибо это было послѣднее усиліе парижскаго народа придать революціи чисто народный характеръ. «21 іюня 1791 г., день задержанія короля въ Вареннѣ, замыкаетъ одну эпоху; паденіе жирондистовъ, 31 мая 1793 г. замыкаетъ другую,—говоритъ авторъ. Оно,—продолжаетъ онъ,—въ то же время является прообразомъ всѣхъ будущихъ революцій. Послѣ этого уже больше не будетъ серьезной революціи, если она не приведетъ къ своему 31 мая. Или у революціи будетъ свой день, когда пролетаріи отдѣлятся отъ буржуазныхъ революціонеровъ, чтобы идти туда, куда послѣдніе не въ состояніи послѣдовать, пока не перестаютъ быть буржуа, или же это раздѣленіе не совершится, и тогда уже это не будетъ революція» (стр. 502—503). Если мы вспомнимъ основной взглядъ Кропоткина на двойственный характеръ, мы поймемъ, какое значеніе для него должно было имѣть возстаніе 31 мая.

«Восходящая фаза» революціи продолжается у Кропоткина до августа или сентября 1793 г., послѣ чего начинается у него «фаза нисходящая» (стр. 720). Изъ того, что было приведено выше касательно монтаньяровъ вообще, якобинцевъ, террора, читатель могъ видѣть, какъ смотритъ Кропоткинъ на этотъ періодъ. Внѣшніе успѣхи Франціи не мало содѣйствовали паденію системы террора (стр. 723).

Я могъ бы остановиться еще на нѣкоторыхъ частныхъ мнѣніяхъ Кропоткина, интересныхъ въ томъ или другомъ отношеніи, но ограничусь только немногимъ. Во-первыхъ, можно было бы показать еще, какъ и во второстепенныхъ эпизодахъ революціи Кропоткинъ проводитъ свою основную мысль о двойственности движенія. Напримѣръ, по поводу праздника федераціи онъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Тэнъ топчетъ въ грязь праздники революціи, да и вѣрно, что праздники 1793 и 1794 г. часто были слишкомъ театральны. Они устраивались *для народа*, а не *народомъ* (*pour* le peuple, non *par* le peuple), но праздникъ 14 іюля 1790 г. былъ однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ народныхъ торжествъ, какія

только помнитъ исторія» (230). Наоборотъ, праздникъ Верховнаго Существа (8 іюня 1794), какъ затѣя Робеспьера и якобинцевъ, называется у автора «театральнымъ представленіемъ», не нашедшимъ «отзвука въ чувствахъ народа» (стр. 679). Конечно, въ данномъ случаѣ онъ вполнѣ правъ, но тогда ему слѣдовало бы нѣсколько иначе квалифицировать, чѣмъ онъ это сдѣлалъ, и «культъ разума» (ср. стр. 675). Впрочемъ, въ изложеніи религіозныхъ отношеній въ эпоху революціи у него нѣтъ полнаго безпристрастія, и это—второе общее замѣчаніе, которое я позволяю себѣ здѣсь сдѣлать. Съ другой стороны, однако, Кропоткинъ очень вѣрно схватываетъ основные недостатки гражданскаго устройства духовенства (constitution civile du clergé, о чемъ стр. 223—224), но въ этомъ же устройствѣ онъ за то и видитъ боевое орудіе буржуазіи. Наконецъ, третье общее замѣчаніе, это—то, что и при разсмотрѣніи недостатковъ также другихъ актовъ политическаго законодательства революціи онъ останавливается далеко не на всѣхъ сторонахъ дѣла. Напримѣръ, въ первой деклараціи правъ человѣка и гражданина *) онъ усматриваетъ тотъ недостатокъ, что въ ней нѣтъ ни малѣйшаго намека на экономическія отношенія гражданъ (стр. 187), чего, впрочемъ, какъ онъ замѣчаетъ, не было и въ сѣвероамериканскомъ образцѣ **), но, напримѣръ, онъ не обращаетъ вниманія на то, что французская декларація не рѣшилась стать на точку зрѣнія американскихъ относительно полной религіозной свободы. Напрасно также авторъ думаетъ, что статья деклараціи о собственности «открыто отвергала право крестьянъ на землю и на уничтоженіе повинностей феодальнаго происхожденія» (187). Видя въ деклараціи, какъ-никакъ, продолженіе «буржуазнаго либерализма» (стр. 189), Кропоткинъ противополагаетъ ей вступленіе (préambule) къ конституціи 1791 г., изданное тѣмъ же учредительнымъ собраніемъ, которое составило и декларацію,—видя въ этомъ вступленіи, наоборотъ, выраженіе желаній не собранія, ни даже буржуазіи, но народной революціи (стр. 190). Впрочемъ, это насъ опять приводитъ къ первому общему замѣчанію. Не слишкомъ ли, однако, въ иныхъ случаяхъ рѣзко проводится различіе между чисто буржуазнымъ и чисто народнымъ въ революціи при всей вѣрности основной точки зрѣнія въ общемъ и съ оговорками, предложенными мною въ началѣ разбора книги?

Этому разбору я предпослалъ общую характеристику современнаго состоянія разработки исторіи французской революціи. Я не стану сопоставлять съ этою характеристикою книгу, которой посвящена настоящая статья: надлежащіе выводы читатель можетъ

---

*) Ей посвящена вся XIX глава, но, къ сожалѣнію, автору остались неизвѣстными результаты работы *Iellinek*'а „Die Erklärung der Menschen-und Bürgerrechte" (1895), существующей и въ русскомъ переводѣ.

**) Послѣ изслѣдованія Іеллинека слѣдовало бы говорить объ этомъ образцѣ во множ. числѣ.

сдѣлать самъ. Я скажу только, что «La grande Révolution» займетъ свое мѣсто въ исторіографіи французской революціи, какъ трудъ, написанный съ такой точки зрѣнія, съ какой ея исторія еще не писалась, и въ этомъ-то заключается особый интересъ разсмотрѣннаго труда.

Н. Карѣевъ.

---

* * *

Съ грозою полуночной споря,
Ушелъ я на берегъ чужой;
У волнъ Средиземнаго моря,
Я думалъ—найду я покой.
Въ странѣ красоты и свободы,
Въ полуденномъ блескѣ лучей,
Я думалъ—забуду невзгоды
Несчастной отчизны моей...

Но тщетно... Прибрежные-ль звоны
Разбудятъ порой тишину—
Мнѣ слышатся слезы и стоны,
И жизнь я безумно кляну!
Поднимутся-ль гребни сѣдые
И грозно на скалы пойдутъ,—
Мнѣ чудится—мстительно-злые
То духи казненныхъ встаютъ!

Н. Шрейтеръ.

ПЕРВАЯ ОБѢДНЯ.

Разсказъ *Клары Фибихъ*.

Переводъ съ нѣмецкаго Э. К. Пименовой.

Уже много недѣль ждала вдова Тома. Изъ Рима, главнаго города Италіи, гдѣ на престолѣ возсѣдаетъ Его Святѣйшество папа Пій X, пришло письмо, извѣщавшее мать, что ея сынъ скоро будетъ съ нею. Ея сынъ Іозефъ, самый младшій изъ ея дѣтей.

Вся деревня ждала его вмѣстѣ съ нею. Радостная вѣсть о его пріѣздѣ разносилась изъ дома въ домъ, отъ одного двора къ другому; проникла за высокія изгороди и буковыя рощи, защищающія дома и постройки отъ непогодъ, и всколыхнула тишину сельской жизни. Громко звучала эта благая вѣсть, точно трубный звукъ, торжественно и вмѣстѣ радостно. Вѣдь Іозефъ Тома, семь лѣтъ изучавшій богословіе въ Римѣ и уже посвященный въ священники въ соборѣ св. Петра, пріѣзжаетъ въ свое родное село, чтобы отслужить свою первую обѣдню въ маленькой сельской церкви и передать благословеніе Святого Отца и его привѣтъ всѣмъ вѣрующимъ.

Счастливая мать!

Во всей деревнѣ не было женщины, которая бы не славословила вдову Тома. Еще бы! Благословенна мать, выносившая такого сына! Благословенна мать, дожившая до радостной минуты видѣть его въ священническомъ облаченіи! Блаженна она, могущая въ лицѣ любимаго сына чтить служителя Господня!

Всѣ загорѣлые, статные юноши, которые ухаживали за скотомъ, косили траву, копали картофель, возили торфъ, потеряли всякую цѣну теперь въ глазахъ своихъ матерей. Да, у вдовы Тома, дѣйствительно, такой сынъ, которымъ можно гордиться!

Но и онъ былъ прежде такимъ же бѣднымъ мальчишкой,

какъ другіе, и на одной школьной скамьѣ сидѣлъ съ тѣми, которые теперь сдѣлались пахарями, копателями торфа, дровосѣками или же изнывали подъ тяжестью фабричной работы и, согнувшись, сидѣли надъ ткацкимъ станкомъ. Да, они всѣ стали тѣмъ, чѣмъ были ихъ отцы, и только онъ одинъ оказался избраннымъ!

И не одинъ изъ нихъ, сидя за стаканомъ жидкаго пива въ воскресенье, вспоминалъ съ чувствомъ нѣкоторой гордости, что онъ ходилъ въ школу вмѣстѣ съ Іозефомъ, О, да, онъ всегда былъ съ нимъ друженъ! Іозефъ и тогда уже былъ очень уменъ. Кто знаетъ, чего добраго, онъ въ концѣ концовъ будетъ кардиналомъ!

Выражали при этомъ твердую увѣренность, что Іозефъ построитъ тогда въ деревнѣ новую церковь, такую большую и великолѣпную, какъ соборъ св. Петра, и она станетъ извѣстна во всемъ округѣ.

Всѣ хранили въ душѣ ожиданія, надежды, предположенія, но въ то же время всѣ были увѣрены, что Іозефъ съ радостью встрѣтитъ ихъ, пожметъ имъ руки и скажетъ:

— Добрый день всѣмъ! А, здравствуй, Петеръ! Добрый день Матесъ! Добрый день, Клосъ! Какъ поживаетъ твоя сестра Зуфи? По прежнему ли она ходитъ на фабрику сортировать тряпки?

Онъ скажетъ также:

— Здравствуй, Гумпертъ! Какъ поживаетъ твоя возлюбленная Марихенъ? Какъ, вы уже женаты и имѣете троихъ дѣтей и скоро придется крестить четвертаго? Ну чтожъ, если это будетъ мальчикъ, то назовите его Іозефомъ, меня это порадуетъ.

Дѣвушки ожидали его съ неменьшимъ нетерпѣніемъ, Какъ-то онъ выглядитъ, этотъ патеръ Іозефъ, съ которымъ они вмѣстѣ, когда-то, катались съ горъ и съ такой быстротой, что всѣ летѣли вверхъ ногами, онѣ направо, а онъ налѣво? Частенько играли они съ нимъ въ снѣжки и швыряли ему за шею комья снѣга, а потомъ, когда подросли и стали умнѣе, а онъ поступилъ въ гимназію и лишь на каникулы пріѣзжалъ домой,—то онѣ все же частенько цѣловались съ нимъ, въ укромныхъ мѣстечкахъ, за церковью или за изгородью на лугу. Не было ни одной среди нихъ, которая могла бы отказать въ поцѣлуѣ красивому и изящному юношѣ.

Все это уже давно прошло, но воспоминаніе осталось. Въ тиши сельской жизни, гдѣ событіемъ является только смѣна зимы и лѣта, память о Іозефѣ сохранялась такъ живо, будто только вчера кончились каникулы, и онъ, загорѣлый, краснощекій, съ полными слезъ глазами послѣ горестнаго прощанія, медленно шелъ по мостовой.

Подруги дѣтскихъ игръ Іозефа, вышедшія уже замужъ

и ставшія матерями, въ глубинѣ души надѣялись на особую благосклонность священника. Нѣкоторыя изъ нихъ, имѣвшія уже собственнаго маленькаго „Іозефа“, полагали, что онъ долженъ будетъ особеннымъ образомъ благословить его, такъ какъ каждая изъ нихъ была убѣждена теперь, что она назвала своего сына Іозефомъ только въ честь Іозефа Тома.

Комната вдовы Тома была постоянно полна посѣтительницъ.

— Когда же, наконецъ, пріѣдетъ вашъ Іозефъ? Развѣ онъ не обозначилъ вамъ съ точностью дня и часа, когда пріѣдетъ? Да почему же онъ такъ долго не пріѣзжаетъ? — спрашивали онѣ.

Тогда вдова Тома подходила къ комоду, стоявшему подъ образомъ Божьей Матери, и осторожно вынимала оттуда письмо своего сына. Вытеревъ глаза кончикомъ своего передника, она принималась читать, запинаясь и моргая, давно уже выученныя ею наизусть строчки его письма.

У нея было уже все готово къ его пріѣзду. Ея домикъ съ низко нависшей соломенной крышей, пестрой отъ покрывающаго ея мха, былъ выбѣленъ заново. Выкрашенные коричневой краской столбы стояли крѣпко, а зеленая рѣшетка съ засовомъ и деревянныя ворота овина, заново выкрашенныя и ярко блестѣвшія, имѣли особенно привѣтливый видъ.

Пестрый домикъ такъ весело выглядывалъ изъ за молодой зеленой изгороди, какъ будто бури и дожди никогда не касались его, и какъ будто хозяинъ его, Леонардъ Тома, еще не умеръ и не былъ вынесенъ изъ калитки зеленой изгороди на длинную деревенскую улицу, а оттуда на кладбище...

— Если бъ Леонардъ могъ дожить до этого!—съ тоской, но вмѣстѣ и съ радостнымъ чувствомъ говорила себѣ его вдова. Она не переставала думать объ этомъ, когда выгоняла утромъ коровъ на пастбище и вечеромъ загоняла ихъ, когда бѣжала на-встрѣчу почтальону, идущему со станціи, когда лежала безъ сна ночью, внезапно разбуженная радостнымъ біеніемъ своего сердца. Онъ пріѣзжаетъ теперь, Іозефъ, ея Іозефъ, и она одна должна переживать эту радость!

Конечно, у нея были и другія дѣти. Леннердъ, самый старшій, который велъ хозяйство, имѣлъ намѣреніе привести въ домъ молодую хозяйку, дочь лѣсничаго Фенна. Онъ былъ такъ сильно влюбленъ въ свою Ангенисъ, какъ будто ему было только двадцать лѣтъ, хотя ему было уже тридцать. Эльза и Дрюнхенъ сами были замужемъ, имѣли дѣтей и жили своей жизнью. Герредъ остался солдатомъ, а Бэртесъ былъ мастеромъ на одной большой фабрикѣ. Если и они всѣ гордились своимъ братомъ, то все же они не могли такъ это чувствовать, какъ чувствовала мать.

Эльза и Дрюнхенъ пришли къ ней изъ своихъ домовъ и помогли все вычистить. Не осталось ни одного мѣстечка между чердакомъ и погребомъ, которое не было бы тщательно вытерто пескомъ и мыломъ и промыто цѣлыми потоками воды. Всѣ кастрюльки были заново вычищены, а старые, потемнѣвшіе подойники теперь блестѣли, точно настоящее золото. И не только снаружи, но и внутри домъ былъ выкрашенъ заново, большая комната внизу, гдѣ предполагалось устроить торжественный обѣдъ послѣ первой обѣдни, была оклеена красивыми обоями спеціально выписаннымъ для этого обойщикомъ изъ города. Комната наверху, въ мезонинѣ, гдѣ долженъ былъ спать Іозефъ, была также оклеена голубыми обоями съ розовыми бутонами. Все это, конечно, стоило много денегъ, но ради такого торжества надо было раскошелиться. Впрочемъ, бурая корова, по имени Фіалка, принесла великолѣпнаго теленка, котораго можно вѣдь продать въ случаѣ нужды.

Свинья, которую откармливали къ свадьбѣ Леннерда, была зарѣзана теперь. Каждое яйцо, которое можно было съэкономить, откладывалось; каждый кусокъ масла, который можно было убавить въ кушаньяхъ, тщательно припрятывался въ большой каменный горшокъ. Все это приберегалось къ торжественному дню первой обѣдни.

Леннердъ былъ добродушный малый, иначе онъ непремѣнно сталъ бы ворчать, что его пища, съ нѣкоторыхъ поръ очень плохо приправлена масломъ. Онъ находилъ естественнымъ, что мать копитъ припасы къ великому дню,— что нибудь все-таки да останется и для его свадьбы. Въ глубинѣ души онъ таилъ одну завѣтную мечту, въ чемъ у него не хватало смѣлости признаться никому и меньше всего матери. Она бы, навѣрное, сочла слишкомъ дерзкимъ его желаніе, чтобы братъ его, священникъ, обвѣнчалъ его съ Ангенисъ...

Всѣ чего-то ждали теперь.

Ферейнъ пѣвцовъ, которымъ руководилъ учитель, упражнялся теперь каждый вечеръ. Требовалось не мало труда, чтобы настроить музыкально всѣ эти голоса, охрипшіе отъ вѣтра, непогоды и пыли ткацкихъ мастерскихъ.

Далеко за полночь, по затихшей сельской улицѣ, надъ которой разстилался темный сводъ съ мерцавшими на нихъ звѣздами, неслись смѣшанные звуки. То были звуки пѣсенъ и звуки церковныхъ гимновъ. Неслись они изъ школы: тамъ, послѣ утомительной дневной работы, собирались взрослые мужчины и, точно дѣти, старательно разучивали каждую музыкальную фразу, оставаясь до поздняго вечера и стараясь не сбиться въ многоголосомъ хорѣ, удержать

вѣрный тонъ и соблюдать необходимые оттѣнки. Они, эти люди, не знавшіе ни одной ноты, благоговѣйно держали въ своихъ огрубѣвшихъ отъ работы рукахъ нотные листы и употребляли всѣ усилія, чтобы разобрать своими мутными, сонными глазами написанный текстъ пѣснопѣній. Они внимательно прислушивались къ мелодіи, которую учитель неутомимо наигрывалъ для нихъ на скрипкѣ, и старались не отставать отъ причетника, остававшагося, несмотря на свой старческій голосъ, все еще главною опорой хора, благодаря своему опыту и долгому упражненію. Хрипло и нестройно раздавались среди насторожившейся ночи звуки молитвъ, а вѣтеръ подхватывалъ ихъ и несъ надъ умолкнувшимъ селомъ все дальше и выше, черезъ поля и рощи, луга и долины, туда, въ горы и еще выше—къ звѣздному своду! Тамъ *Sanctus* и *Benedictus* начинали звучать громче и чище, звуки становились благороднѣе, чѣмъ выше поднимались они, пока, наконецъ, не сливались окончательно съ гармоніей земли, и *Agnus Dei* растворялся въ великомъ созвучіи неба и земли.

И когда, наконецъ, усердные пѣвцы расходились по домамъ, чтобы при первомъ же пѣніи пѣтуха снова приняться за работу, то они даже не ощущали усталости, они гордились своими успѣхами и чувствовали подъемъ духа. Вѣдь кто бы не желалъ участвовать своимъ пѣніемъ въ торжественномъ богослуженіи этой первой обѣдни! Благословенъ грядущій во имя Господне!..

* * *

Сіяніе весны освѣщало зазеленѣвшія изгороди села, когда патеръ и учитель шли вмѣстѣ по дорогѣ на станцію. „Они идутъ встрѣчать его“, говорили прохожіе и, останавливаясь, молча смотрѣли имъ вслѣдъ.

Оба были въ праздничныхъ платьяхъ, и лица ихъ сохраняли торжественное выраженіе. Вѣдь это было во всякомъ случаѣ немаловажное событіе: они шли встрѣчать Іозефа Тома, своего бывшаго ученика! Священникъ преподавалъ ему мертвую латынь, а учитель, въ свои немногіе свободные часы, обучалъ его исторіи и математикѣ. Все это они дѣлали тогда безкорыстно, радуясь способному ученику, и теперь они могли привѣтствовать его, этого сына деревни, какъ духовное лицо.

Во время пути они, конечно, бесѣдовали только о Іозефѣ. Съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія говорили они о немъ и глаза ихъ сіяли радостью. Кто знаетъ, могъ ли бы Іозефъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ теперь, если бъ они не подмѣтили во время его дарованій и не помогли ему добиться стипендіи, которая только и могла дать возможность

крестьянскому юношѣ учиться и поступить въ духовную семинарію.

Съ нѣкоторымъ смущеніемъ патеръ провелъ рукой по своимъ бѣлоснѣжнымъ волосамъ. Вѣдь Іозефъ долженъ быть очень ученымъ! Онъ обѣщаетъ стать свѣточемъ католической науки. Но вѣдь не станетъ же онъ тотчасъ же подвергать испытанію своего бывшаго наставника!

Рука старика невольно, точно ища поддержки, опустилась на руку учителя. Учитель былъ еще сильный, крѣпкій мужчина, хотя его развѣвавшіеся по вѣтру волосы тоже были совсѣмъ сѣдые. Іозефу даже пришлось однажды испытать на себѣ его сильную руку. И теперь учитель не чувствовалъ такого смущенія, какъ его спутникъ.

— Что съ вами, господинъ пасторъ?—сказалъ онъ.—Вы вѣроятно, устали? Но мы сейчасъ придемъ и сейчасъ будемъ съ нимъ...

И еще кто-то пришелъ на станцію, чтобы встрѣтить Іозефа. Это была его мать.

За нѣсколько часовъ вышла она изъ дому и давно уже была на станціи. Она пришла слишкомъ рано. Леннердъ хотѣлъ проводить ее, но она отказалась. Одна, совсѣмъ одна хотѣла она встрѣтить сына! И вотъ, увидѣвъ учителя и патера, она почувствовала уколъ ревности. И они также пришли встрѣчать Іозефа! Быстро отошла она въ сторону, за зданіе станціи. Но все же она ощущала гордость, что самъ „господинъ пасторъ" и самъ „господинъ учитель" явились сюда, встрѣчать ея Іозефа.

Между скалами ущелья, по которому извивался узкій рельсовый путь, показалось разорванное облачко пара. Еще не было видно приближающагося поѣзда, но шумъ и пыхтѣніе паровоза были уже слышны. Теперь поѣздъ проходилъ по мосту черезъ ручей... вотъ онъ обогнулъ черный уголъ утеса вверху и спустился внизъ, въ расширяющуюся долину, растянувшись по ней черной и узкой полосой. Раздался рѣзкій свистокъ. Наконецъ!..

У матери сердце на мгновеніе перестало биться. Ея Іозефъ пріѣхалъ!..

Она ничего не могла видѣть, солнце ослѣпляло ее. Оно такъ ярко свѣтило теперь на безоблачномъ небѣ, какъ это рѣдко случалось въ той мѣстности. Обыкновенно въ это время здѣсь еще бывала зима, было сыро, сумрачно и холодно, а теперь—все залито солнечнымъ свѣтомъ и тепломъ.

— Узнаете ли вы ее?—спрашивалъ учитель, улыбаясь и указывая вверхъ, гдѣ рядомъ съ церковью стоялъ школьный домъ, который не прятался, подобно другимъ домамъ

деревни, за зеленой изгородью, а виденъ былъ издалека, точно темная каменная глыба, съ блестящей синей шиферной крышей.

— Мои глаза немного пострадали,—небрежно улыбаясь, отвѣтилъ пріѣзжій. Его высокая, стройная фигура казалась еще выше и еще тоньше въ римской сутанѣ съ длинными складками и пристегнутымъ сбоку длиннымъ шарфомъ.— Я не вижу ужъ такъ хорошо, какъ видѣлъ раньше.

Онъ говорилъ съ какимъ-то особеннымъ, отчетливымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, какъ будто каждое слово оканчивалось на *е*, что напоминало отчасти итальянскій языкъ и придавало особенную пѣвучесть и риторическій характеръ его рѣчи.—У васъ еще холодно здѣсь,—прибавилъ онъ.—У насъ было значительно теплѣе.—Онъ слегка дрожалъ и чуть-чуть прищуривалъ покраснѣвшія вѣки.

Что такое съ нимъ? Развѣ онъ не выглядитъ такъ же хорошо, какъ раньше? У матери, которая шла незамѣченная сбоку дороги, скрываясь за изгородью, отдѣлявшей улицу отъ луговъ, болѣзненно сжалось сердце. Неужто онъ и въ самомъ дѣлѣ выглядитъ такъ плохо? Іезусъ-Марія, его глаза, должно быть, дѣйствительно, пострадали довольно сильно; его зрѣніе, пожалуй, было очень слабо, даже слабѣе, чѣмъ ея! Она бы узнала его даже черезъ самую толстую изгородь, а онъ ея не видѣлъ!

Онъ вдругъ остановился, чтобы перевести духъ и оглядѣться кругомъ. Тогда и она собралась съ духомъ. Что изъ того, что съ нимъ рядомъ идутъ „господинъ“ патеръ и „господинъ“ учитель! Вѣдь она его мать и также имѣетъ права! Стремительно кинувшись къ отверстію въ изгороди, она внезапно очутилась передъ нимъ на дорогѣ, съ трудомъ переводя дыханіе и молча смотря на него.

Молодой священникъ немного удивленно взглянулъ на нее.

Она громко вскрикнула:—Іозефъ!—и бросившись къ нему на грудь, безъ стѣсненія поцѣловала его. Семь лѣтъ, семь долгихъ лѣтъ онъ пробылъ въ Римѣ, но вѣдь онъ все-таки ея сынъ, ея младшій сынокъ, котораго она любила больше другихъ дѣтей! Какъ онъ выросъ и какъ онъ поблѣднѣлъ!

Вся дрожа, провела она огрубѣвшей отъ работы рукой по его нѣжной щекѣ и точно стыдясь, что могла такъ забыться, густо покраснѣла,—до самыхъ корней своихъ сѣдыхъ волосъ. А затѣмъ, быстро нагнувшись, она смиренно поцѣловала его руку, бѣлѣвшую въ складкахъ чернаго пастырскаго одѣянія.

Патеръ и учитель, растроганные, смотрѣли на эту сцену. Вѣдь это было свиданіе послѣ такой долгой разлуки! Какъ

была счастлива эта почтенная женщина! Они съ чувствомъ пожали ей руку и поздравили ее.

Словно счастливая невѣста въ день своей свадьбы, шла она за руку съ сыномъ по дорогѣ къ селу. Онъ тоже поцѣловалъ ее. Она еще чувствовала на своемъ разгоряченномъ лбу его поцѣлуй, испытывая какое то странное, чуждое ей ощущеніе отъ прикосновенія его безусыхъ губъ. Крѣпко, точно влюбленная дѣвушка, держала она его руку, которую онъ предоставилъ ей, но поровнявшись съ первымъ домомъ деревни, она тотчасъ же отпустила ее. Было бы неприлично идти такъ по сельской улицѣ! Люди и безъ того видѣли, какъ она счастлива и взыскана милостью Господа...

* * *

Колокола звонили на цѣлый часъ дольше, чѣмъ обыкновенно въ этотъ субботній вечеръ, и звонарь давалъ лишь кратковременный отдыхъ своей утомленной рукѣ. Они звонили, звонили! Завтра великій день, завтра праздникъ для всѣхъ,—день первой обѣдни!

Въ село уже пріѣхали священники изъ другихъ мѣстъ и остановились у патера. Пріѣхали не только два священника изъ сосѣднихъ приходовъ, но еще одно высшее духовное лицо изъ аббатства при корнельскомъ соборѣ. Всѣ они должны были помогать молодому священнику, въ первый разъ служащему обѣдню. Четыре священника въ алтарѣ маленькой сельской церкви,—кто переживалъ когда либо подобное торжество!

Дома вблизи церкви—школа, постоялый дворъ и домъ бургомистра—разукрасились флагами. Маленькіе, узкіе тоненькіе флажки развѣвались при каждомъ дуновеніи вѣтра, но какъ ярко блестѣли въ вечернемъ солнечномъ освѣщеніи папскіе цвѣта!

Женщины несли въ церковь горшки съ цвѣтами, которые такъ долго и тщательно выращивали. Дѣти тащили корзины, наполненныя еловыми вѣтками. Изъ только что расцвѣтшихъ первыхъ цвѣтовъ были сплетены гирлянды. Желтые нарцисы сіяли точно золотыя звѣзды во мху, рядомъ съ нѣжными луговыми цвѣтами, которые, едва ихъ сорвешь, уже начинаютъ увядать. Молодыя еловыя вѣтки издавали такой сильный ароматъ, что у причетника, развѣшивавшаго ихъ, даже закружилась голова. Лѣса какъ будто посылали къ алтарю свой ѳиміамъ для этой первой обѣдни, Вся церковь была наполнена ихъ благоуханіемъ. Что старая церковь можетъ выглядѣть такой красивой, этого не ожидалъ и самъ патеръ, пришедшій взглянуть на работу сво-

его причетника. Лучшая церковная утварь была вынута для этого случая, а на главномъ алтарѣ лежало новое, вышитое женою бургомистра, покрывало. На головѣ кротко улыбающейся статуи Богоматери былъ надѣтъ теперь новый розовый вѣнокъ, вмѣсто прежняго бѣлаго, сильно попорченнаго мухами. Въ ризницѣ развѣшаны были лучшія священническія облаченія, а сквозь маленькія мутныя оконныя стекла въ свинцовыхъ рамахъ, пробиваясь такіе яркіе, побѣдоносные солнечные лучи, что алтарь и каѳедра проповѣдника сіяли, точно преображенные.

Домъ вдовы Тома также былъ убранъ вѣнками.

Узенькія гирлянды изъ голубыхъ и красныхъ бумажныхъ цвѣтовъ висѣли между окнами стѣны, выходящей на улицу. Даже на стѣнѣ коровника, полузакрытаго низко спускающейся соломенной крышей, было повѣшена гирлянда. Надъ входомъ красовался вѣнокъ съ надписью: „Добро пожаловать на родину!" Все это сдѣлали сосѣди, чтобы порадовать Іозефа.

Въ сѣняхъ, служившихъ въ то же время и кухней, былъ поставленъ новый желѣзный очагъ. Нельзя же было жарить и варить все, что готовилось къ завтрашнему пиршеству, на старомъ, закопченномъ очагѣ! Пироги, впрочемъ, были уже испечены: рисовые, съ манной крупой, съ сыромъ, облитые сиропомъ и убранные коринкой. Они уже красовались тамъ, въ большой комнатѣ, выставленные въ рядъ на праздничномъ, длинномъ столѣ, накрытомъ бѣлою скатертью.

У вдовы Тома голова была полна работъ, а руки полны дѣла. Дочери ея ни на что не были годны! Или, быть можетъ, она сама стала такая сердитая, что постоянно отталкивала ихъ и все вырывала у нихъ изъ рукъ, говоря съ ними совершенно несвойственнымъ ей повелительнымъ тономъ. Какъ волчокъ вертѣлась она по всему дому и постояннно забывала то, что хотѣла сдѣлать. Слишкомъ много было всего для ея старой головы: вѣдь завтра у нея должны обѣдать всѣ священники! Іезусъ-Марія, только бы все было вкусно, только бы жаркое не пригорѣло, а сладкая рисовая каша была бы достаточно сладка и ничто не было бы пересолено! Вѣдь она не привыкла готовить такія изысканныя блюда!

Ноги у нея пылали. Всю прошлую ночь ей такъ и не удалось прилечь. Но это ничего, она бы все равно не могла заснуть! Она испытывала какое-то смутное безпокойство. Ея покойный мужъ Леонардъ частенько жаловался передъ своею смертью, что сердце безпокоитъ его и колотится о ребра словно дятелъ, который долбитъ своимъ клювомъ кору дерева. Теперь и она испытывала то же самое. Все это про-

исходило отъ радости. Да, да, радость была всему причиной. Вѣдь такую огромную радость ни одинъ человѣкъ не въ состояніи выдержать!

Первую ночь, проведенную дома, Іозефъ проспалъ великолѣпно. Мать его, прислушивавшаяся у дверей его комнаты вечеромъ, слышала его спокойное, ровное дыханіе. Съ прояснившимся лицомъ вышла она оттуда и улыбнулась: да, дома всегда сладко спится! И какъ онъ добръ съ братьями и сестрами! Вѣдь Леннердъ простой мужикъ, не болѣе, а онъ поцѣловалъ его въ обѣ щеки, сестрамъ же протянулъ руку, а когда пришли къ нему ихъ дѣти съ букетами цвѣтовъ, то онъ возложилъ руки на ихъ головки и благословилъ ихъ. Ахъ, Іозефъ, онъ далъ столько счастья, что она даже не могла справиться съ нимъ!

Гнѣвъ на себя охватилъ ее. Она крикнула своему сердцу: тише! Оно не должно такъ биться. Неужели она была такъ глупа, что могла вообразить, будто Іозефъ останется такимъ же, какимъ былъ раньше? Въ былое время, когда онъ возвращался домой на каникулы, онъ говорилъ: „Мама, я ѣсть хочу. Ахъ, какъ все у тебя вкусно!“ А теперь онъ ѣлъ, какъ птичка. Въ самомъ дѣлѣ, не стоило, пожалуй, и свинью рѣзать для этого торжества!..

Въ этотъ субботній вечеръ она уже три раза поднималась въ комнату въ мезонинѣ. Іозефъ ничего не ѣлъ за ужиномъ. Она слышала, какъ онъ ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ... ахъ! это онъ молится, приготовляется къ завтрашнему дню. Она не должна мѣшать ему. И осторожно спустилась она снова внизъ.

Но внизу она не находила покоя. Онъ слишкомъ напрягаетъ свои силы, Іозефъ! Вѣдь онъ нѣжнаго тѣлосложенія и не долженъ такъ изнурять себя. И она взяла молоко и хлѣбъ съ масломъ и ветчиной и понесла ему. Боязливо постучала она въ дверь; она не рѣшалась войти прямо въ комнату, въ собственномъ домѣ!..

— Не хочешь ли ты поѣсть чего нибудь?—робко и застѣнчиво улыбаясь, спросила она.

— Благодарю, — сказалъ онъ, — благодарю! Я ничего не буду ѣсть.

Онъ произнесъ эти слова ласково и кротко, но все же въ его тонѣ чувствовался отпоръ. И она не рѣшилась настаивать.

Онъ слегка махнулъ ей рукой, какъ бы тихо отстраняя ее и снова углубился въ чтеніе своего молитвенника. Онъ опять заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и больше не поднималъ своихъ глазъ отъ книги.

Окно было закрыто. Штора, украшенная кружевомъ, свя-

заннымъ Эльзой, была спущена и ни одинъ лучъ заката не проникалъ сюда. Въ сумеречномъ свѣтѣ, наполнявшемъ комнату, тонкая фигура, въ черномъ священническомъ одѣяніи, казалась еще чернѣе и выше. Какъ блѣденъ былъ его лобъ, какъ серьезно смотрѣли его глаза, какъ будто онъ уже не былъ такъ молодъ, какъ будто ему не было только— двадцать пять лѣтъ!

Охваченная благоговѣйнымъ трепетомъ, она опустилась на колѣни передъ дверью, и въ то время, какъ сынъ молился въ комнатѣ, мать молилась за дверью.

Она была такъ поглощена молитвой, что не замѣтила, какъ подкралась кошка, утащила ветчину и слизала масло съ хлѣба. Прислонившись лбомъ къ двери, она прислушивалась къ голосу сына, въ то время, какъ уста ея шептали молитву. Не позоветъ ли онъ ее, когда кончитъ молиться? Или, можетъ быть, онъ разсердился на нее за то, что она помѣшала ему? О нѣтъ, конечно! Но она смутно чувствовала, что ей было бы пріятно, если бы онъ грубо окрикнулъ ее: „Убирайся“, или „заткни глотку“! Вѣдь они всѣ тутъ были грубые! Но онъ только махнулъ рукой. Она постоянно видѣла передъ собой эту узкую, бѣлую, выхоленную руку съ тонкими пальцами. Откуда взялась у него такая рука? Никто изъ другихъ дѣтей не имѣлъ такой руки. У Леннерда, у Бертеса и Герреда, у Эльзы и Дрюкхенъ были толстые, короткіе, загорѣлые пальцы съ обломанными ногтями. И только у него одного была такая красивая, удивительно красивая рука!

Страстное желаніе поцѣловать эту руку загорѣлось въ ея груди. „Молись за насъ“!—шептали ея губы.—„Молись за насъ“!

Въ этотъ вечеръ Леннердъ старался ходить какъ можно тише, а сестры его, на кухнѣ, вмѣстѣ съ женщинами, явившимися къ нимъ на помощь, осмѣливались разговаривать только шопотомъ. Даже веселая Эльза, которая всегда охотно смѣялась, теперь придала своему личику серьезное, сосредоточенное выраженіе. Вѣдь тамъ, наверху, ея братъ готовится къ завтрашнему дню! О, это было большою гордостью для всей семьи! Всѣ чувствовали, что онъ возвысилъ ихъ...

Ночь наступила передъ торжественнымъ днемъ. Постепенно все затихало кругомъ и умолкали щебечущіе голоса дѣтей и матерей, произносившихъ вечернюю молитву. Всѣ мирно заснули. Только въ домѣ вдовы Тома, сквозь изгородь, блестѣлъ огонекъ. Наверху, въ домѣ, бодрствовалъ сынъ, а внизу его мать.

Вдова Тома не молилась больше,—она работала, но ка-

ждое ея дѣйствіе было молитвой. Беря ложку муки, разбивая яйца и отрѣзывая куски сала, она неизмѣнно произносила молитву и благодарила Господа и Пресвятую Дѣву за то, что они послали ей такого сына.

Чѣмъ болѣе приближался часъ, когда она должна была увидѣть сына у алтаря, съ дароносицей въ высокоподнятыхъ рукахъ, призывающаго благословленіе на всѣхъ прихожанъ, тѣмъ сильнѣе охватывало ее чувство смиренія. Была ли она достойна называться его матерью? Не слишкомъ ли она проста, слишкомъ жалка, слишкомъ грѣшна для этого? Ахъ, если бы онъ теперь вошелъ къ ней, совсѣмъ одинъ, сюда, гдѣ никого нѣтъ, то у нея хватило бы мужества спросить его, любитъ ли онъ ее? Любитъ ли такъ, какъ любилъ тогда, передъ своимъ отъѣздомъ въ чуждый ему Римъ, когда онъ въ послѣдній разъ пришелъ къ ней и такъ нѣжно обнялъ ея шею руками, какъ это почти не принято здѣсь? Онъ заплакалъ тогда, она чувствовала его слезы на своемъ лицѣ! Будетъ ли онъ такъ же плакать, если теперь поѣдетъ въ Римъ?

Цѣлый потокъ сомнѣній нахлынулъ на нее и овладѣлъ ея простодушнымъ сердцемъ. Но ея разсудокъ боролся съ ними: вѣдь мужчины не должны вести себя, какъ дѣти, а ея Іозефъ, который къ тому же священникъ, не можетъ быть привязанъ, какъ ребенокъ, къ ней и къ родной деревнѣ!

Однако почему же онъ совсѣмъ, совсѣмъ не заговаривалъ съ ней? Когда Бертесъ и Герредъ возвращались домой, то они первымъ дѣломъ отправлялись въ конюшню или въ поле, и на кладбище, къ могилѣ отца, все осматривали, обо всемъ разспрашивали, все хотѣли знать про каждаго и было такъ, какъ будто они и совсѣмъ не уѣзжали изъ дому. А между тѣмъ они иногда уѣзжали на долго. Ахъ, развѣ же можно сравнивать съ ними Іозефа? Вѣдь Іозефъ совсѣмъ другой! Вѣдь онъ ея лучшій сынъ, онъ ея гордость, ея радость, благословеніе Божье!..

Смиренно склонившись и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, стояла она на кухнѣ, какъ вдругъ раздались чьи то шаги.

Она вздрогнула отъ испуга.

Онъ спускался внизъ: — Какъ, матушка, вы еще не спите?

Она что-то прошептала въ отвѣтъ.

— Вы должны идти спать, матушка. Вѣдь уже давно полночь. Иначе вы завтра будете слишкомъ утомлены.

О, какъ онъ заботится о ней!—Нѣтъ,—отвѣчала она, улыбаясь, счастливая.—Я не устала. И съ приливомъ искренности прибавила:—Сколько разъ въ прежнія времена я за-

сиживалась до поздней ночи за починкой штановъ для васъ, мальчишекъ!

Она засмѣялась, и всѣ морщины на ея лицѣ сразу разгладились.

Онъ тоже улыбнулся. Но это была странная улыбка, она не освѣщала его лица.

Мать смотрѣла на него, стараясь поймать его взглядъ. Она искала его, не сознавая, что смотритъ на него, какъ человѣкъ, томящійся жаждой и ищущій источника, чтобы утолить ее.

Разочарованная, она потупила глаза. Ей такъ хотѣлось напомнить ему, какъ много рвалъ онъ штанишекъ, когда лазилъ на деревья, чтобы достать молодыхъ сорокъ, или влѣзалъ на самыя высокія елки, гоняясь за бѣлками. Ей хотѣлось напомнить ему, какъ онъ, въ горахъ бросалъ собирать бруснику, чтобы набрать яицъ чибисовъ, какъ онъ ловилъ дроздовъ, занятыхъ высиживаніемъ птенцовъ, и какъ онъ вообще велъ себя словно всѣ другіе мальчишки! Но теперь она не могла напомнить ему объ этомъ.

Онъ спросилъ:—Что братъ уже спитъ? И сестры тоже? И только вы одна не спите? Это нехорошо, матушка!

Одна? Но вѣдь она была не одна! Онъ тоже не спалъ, а онъ былъ съ нею!

И охваченная любовью къ сыну, эта крестьянка забыла на этотъ разъ обо всемъ, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать. Она выпустила ведро, которое держала въ рукѣ и, крѣпко обнявъ сына, прижалась къ нему, всхлипывая:—Ахъ, ты опять со мной, со мной!.. О, если бы твой покойный отецъ могъ увидѣть тебя...

Она не могла говорить; рыданія прервали ея слова.

— О да, это, конечно, очень порадовало бы его,—отвѣчалъ сынъ.—Мы завтра помянемъ его въ своихъ молитвахъ.

Вдова внезапно почувствовала сильный уколъ въ сердце.

Помянуть въ молитвахъ... въ молитвахъ!.. Конечно... да!.. Но о своемъ отцѣ, о своемъ родномъ отцѣ онъ вѣдь ни разу даже не заговорилъ съ нею! И у нея все еще любившей своего Леонарда, хотя онъ уже десять лѣтъ лежалъ въ землѣ, больно сжалось сердце при мысли объ его холодной, одинокой могилѣ.

Она опустила руки, обнимавшія сына и принялась вытирать передникомъ глаза. Нѣтъ, только не плакать!.. Вѣдь въ самомъ же дѣлѣ у нея нѣтъ для этого ни какой причины!

Тяжело опустилась она на ближайшую табуретку. Теперь она вдругъ почувствовала усталость. Да, она стара и уже легко утомляется!..

Молодой священникъ улыбнулся; развѣ же онъ не гово-

рилъ ей, что она должна поберечь свои силы къ завтрашнему дню?—Въ постель, въ постель!—сказалъ онъ ей,—чтобы ничто не помѣшало вамъ радоваться завтра!—Онъ перекрестилъ ее:—Господь съ вами!—и, подавъ ей руку, прибавилъ:—Спите спокойно, матушка.

Но она не могла заснуть. Что-то терзало ея душу и не давало ей покоя.

Колокола звонили. Все устремлялось къ церкви. Издалека шли люди, изъ сосѣднихъ селеній, изъ дальнихъ крестьянскихъ дворовъ, скрывавшихся за зеленью изгородей и одиноко возвышавшихся среди моря зеленыхъ луговъ.

Мужчины были тщательно выбриты, и отъ большого усердія у многихъ виднѣлись свѣжіе порѣзы на лицѣ. Блѣдныя, изможденныя отъ работы лица женщинъ казались еще блѣднѣе и утомленнѣе, въ рамкѣ тяжелыхъ платковъ, сотканныхъ изъ шерсти съ шелкомъ, и только, еще не успѣвшія поблѣднѣть, розовыя кругленькія щечки дѣвушекъ выглядѣли румянѣе подъ этимъ головнымъ уборомъ. Нарядныя дѣти наполняли улицу. Люди, люди безъ конца!

Впрочемъ, это же и было рѣдкое торжество. Какъ же должна чувствовать себя мать Іозефа въ такую минуту? А да вотъ она! Боже мой, какъ она гордо выступаетъ! Какъ будто не хочетъ узнавать никого!

Вдова Тома медленно шла по широкой улицѣ, ведущей къ церкви. Она надѣла свое лучшее черное платье и красивый, пестрый платокъ, присланный ей Бертесомъ нарочно къ этому дню. Съ правой и лѣвой стороны шли ея дочери, тоже въ черныхъ платьяхъ и красивыхъ, пестрыхъ головныхъ платкахъ. Онѣ, такъ же какъ мать, обвили свои молитвенники четками и держали ихъ передъ собой въ обѣихъ рукахъ. Какъ и мать, онѣ были серьезны, не улыбались, не разговаривали и молча, съ достоинствомъ, отвѣчали на поклоны встрѣчныхъ. Сегодня, въ этотъ торжественный день, онѣ были центромъ, куда устремлялись всѣ взоры, онѣ были главными дѣйствующими лицами торжества.

Также и Леннердъ, шедшій позади съ обоими мужьями своихъ сестеръ, имѣлъ серьезный видъ и едва рѣшался поднять опущенные взоры. Новые сапоги жали ему ноги, но еще сильнѣе угнетала его честь, выпавшая на долю его семьи.

Послѣдній отзвукъ колокола замеръ, когда вдова Тома, наконецъ, спокойно усѣлась на свою скамью. Она долго вертѣлась и шуршала своею тяжелой муаровой юбкой. Дочери съ неудовольствіемъ поглядывали на нее. Отчего она именно

сегодня держала себя съ такимъ недостаточнымъ благоговѣніемъ?

Но она была вся подъ вліяніемъ лихорадочнаго безпокойства. Вотъ онъ выходитъ изъ ризницы!.. Вотъ онъ всталъ передъ алтаремъ! Она забыла молитву. Ея губы двигались, но не произносили словъ привычной молитвы. Судорожное непрестанное подергиваніе губъ вызывалось у нея внутреннимъ состояніемъ. Губы горѣли у нея, также какъ и щеки, пылавшія огнемъ.

Заигралъ органъ. Полные сильные звуки разлились по церкви. Учитель выдвинулъ сегодня всѣ регистры. Хоръ подхватилъ:

Kyrie Eleison!

И вокругъ дрожавшей отъ внутренняго волненія матери, неслись волны звуковъ:

Christe Eleison!

Вотъ онъ стоитъ передъ алтаремъ! Его бѣлое облаченіе спускалось почти до земли. Направо и налѣво отъ него стояли священники, и старый патеръ былъ тоже между ними. Мальчики изъ хора находились около него, подъ рукой; они присѣдали, опускались на колѣни, поворачивались туда, куда и онъ. Они переносили священную книгу на пьедесталѣ, то на одну, то на другую сторону, прикасались лбами къ ступенькамъ, молились и кадили, окутывая его облаками ѳиміама. И изъ этого облака, обволакивавшаго его, раздавался его голосъ, сильный и звучный. Трудно было подозрѣвать, что онъ, казалось, такой тщедушный, обладаетъ такимъ голосомъ.

Gloria Patri et Filio et Spiritui Sancto!...

Да онъ и раньше, когда былъ еще мальчикомъ, умѣлъ такъ хорошо играть въ церковь! Мать тихо склонила голову на руки. Она часто подсматривала за нимъ, стоя за дверью амбара и глядя въ щель между досками. Собака, кошка и ласточка подъ крышей были его прихожанами и для нихъ онъ говорилъ свою проповѣдь. Это была дѣтская болтовня, но какъ мило и трогательно звучала она! Онъ становился на колѣни, складывалъ свои дѣтскія руки и устремлялъ къ потолку сарая свои блестящіе взоры. Еще и теперь помнила она, какъ билось тогда ея сердце, охваченное радостью и надеждой...

Колѣнопреклоненная мать вдругъ схватилась за сердце, Ужъ не сдѣлалось ли ей дурно? Дочери, украдкой поглядывавшія на нее, удивлялись, отчего она вдругъ такъ

поблѣднѣла, только два красныхъ пятна неизмѣнно горѣли у нея на щекахъ.

Kyrie и Gloria были уже пропѣты. Пѣвчіе старались изъ всѣхъ силъ. Еще никогда они такъ хорошо не пѣли!

Но вдова Тома ничего этого не слышала. Какъ будто всѣ ея чувства, вся ея жизнь сосредоточились въ ея глазахъ, которые она не сводила съ молодого священника, слѣдя за каждымъ его движеніемъ. Вотъ онъ обошелъ алтарь и исчезъ въ ризницѣ... вотъ онъ снова появился въ великолѣпномъ облаченіи... золотомъ вышитый крестъ блестѣлъ на его спинѣ; какъ спокойны и размѣрены были его движенія, какъ будто онъ всю свою жизнь стоялъ передъ алтаремъ! Какъ твердо и увѣренно звучалъ его голосъ! Маленькая церковь была слишкомъ тѣсна для такихъ звуковъ. А вѣдь раньше, тамъ, въ амбарѣ, онъ нѣжно щебеталъ, какъ птичка! Но теперь, она это чувствовала, голосъ его былъ слишкомъ твердъ, слишкомъ рѣзокъ для слуха...

Benedictus qui venit
In nomine Domini!

Что такое поетъ хоръ тамъ наверху? Она съ какимъ то испугомъ посмотрѣла на алтарь. Ахъ да, они привѣтствуютъ его! Благословенъ грядый во имя Господне!..

Внезапный приливъ гордости наполнилъ душу матери. Да, пойте, пойте! Тотъ, кто тамъ стоитъ, у алтаря, избранный Господомъ, служитель церкви!.. Онъ выше всѣхъ людей на свѣтѣ!

Священникъ изъ аббатства сказалъ въ своей проповѣди: „Ни святые на небесахъ, ни ангелы небесные, ни сама святая Матерь Божія не могутъ очистить васъ, если ваши грѣхи вопіютъ ко престолу Господа. Только священникъ, получившій это право отъ Господа, можетъ сказать: „Я отпускаю тебѣ твои грѣхи!“

И ея Іозефъ, ея сынъ, былъ однимъ изъ тѣхъ, которые могутъ отпускать грѣхи! Онъ совершалъ таинство причастія и стоялъ у середины алтаря... О, развѣ не грѣшно было требовать отъ него еще чего нибудь?..

Колокольчикъ звенѣлъ, кадильницы распространяли благоуханіе, мужчины, женщины, всѣ преклонили колѣни. Онъ одинъ царилъ надъ всѣми.

Она больше ничего не видѣла; жгучія слезы наполнили ея глаза.

Agnus Dei
Qui tollis peccata mundi,
Miserere nobis!

Miserere... miserere... раздавалось сверху и снизу и раскатывалось могучей волной по всей церкви, заполняя каждый уголокъ и все пространство между сводами. Глубокое смиреніе заполнило сердце матери, гордости въ ней какъ не бывало. Смилуйся надъ нами!.. Она низко, низко, наклонила голову надъ своими четками. Дыханіе съ трудомъ вырывалось у нея изъ груди. Если бъ скорѣе кончилось! Ахъ, почему это сегодня обѣдня тянется такъ долго!

Наконецъ, священникъ поднялъ руки надъ серединой алтаря, взывая къ Господу. Онъ взялъ священную чашу и благословилъ всѣхъ присутствующихъ. Низко нагнули женщины свои головы въ пестрыхъ платкахъ и набожно перекрестились. Кругомъ раздавался шопотъ молитвы:

Ita, missa est!

Вдова Тома растерянно оглянулась. Слава Богу, сейчасъ все должно кончиться! На лбу у нея выступали крупныя капли пота, она съ трудомъ дышала и не могла выговаривать словъ молитвы.

Снова заигралъ органъ, но теперь оттуда уже неслись торжествующіе звуки. Великій Боже, мы славословимъ тебя!.. Всѣ пѣли, только она одна не могла пѣть.

Молча, съ опущенною головой, вышла вдова Тома изъ церкви.

Она не могла придти въ себя весь день. У нея не было свободной минутки, не было возможности поразмыслить. Въ домѣ ея не прекращалось движеніе: люди приходили и уходили. Всѣ являлись съ поздравленіями, родные, знакомые, даже пріѣзжіе издалека. Молча садились они въ комнатѣ и со смущенно-торжественнымъ видомъ выпивали рюмочку сладкаго вина, ѣли пирожное, говорили, что не хотятъ мѣшать и все таки оставались сидѣть за празднично накрытымъ столомъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ пробило полдень, явились священники. Іозефъ вышелъ къ нимъ на-встрѣчу къ воротамъ. Они обмѣнялись братскимъ поцѣлуемъ и усѣлись всѣ вмѣстѣ за столъ. Мать и сестры, разумѣется, также должны были бы сидѣть съ ними за столомъ. Но у нихъ было столько дѣла, приходилось все время бѣгать, приносить и уносить кушанья и тарелки, угощать и наливать, что имъ сидѣть было некогда. Впрочемъ, это было даже пріятнѣе имъ, такъ какъ онѣ не чувствовали себя свободно за столомъ. Только Леннердъ долженъ былъ оставаться тамъ; онъ сидѣлъ возлѣ священниковъ и не могъ пробраться къ двери. Онъ обливался потомъ и съ тоской посматривалъ на дверь кухни каждый разъ, когда она открывалась. Тамъ стояла его нѣ-

вѣста, юная Ангенисъ, освѣщенная красноватымъ пламенемъ очага и пекла вафли.

Ангенисъ пришла рано утромъ, чтобы помочь по хозяйству, пока всѣ будутъ находиться въ церкви. Работала она и помогала съ большимъ удовольствіемъ, но—Іезусъ Марія!—только не заставляйте ее идти туда, въ комнату! Тамъ, въ родныхъ горахъ, среди темныхъ вѣковыхъ сосенъ, глубокихъ болотъ и лѣсовъ, она не чувствовала никакой робости. Ее не могли испугать ни темнота, ни трясина, ни хрюканье кабана или ревъ оленя, ни завываніе вѣтра или могильная тишина и одиночество. Но здѣсь, здѣсь! Щеки ея блѣднѣли при одной мысли о томъ, чтобы выйти въ комнату и сѣсть за столъ съ этими важными господами въ черномъ одѣяніи. Іезусъ-Марія, нѣтъ! Она ничуть не завидовала чести, которая выпала на долю ея Леннерда. Но подожди! Когда все это кончится, она обниметъ его крѣпко и вознаградитъ за ту честь, которую ему пришлось сегодня вынести!

На ея цвѣтущемъ личикѣ блуждала улыбка, и она весело поглядывала на свою вафельницу. Ахъ, что ей за дѣло до того, что „господинъ братъ“ не будетъ ихъ вѣнчать, какъ этого желалъ ея Леннердъ! Что ей за дѣло до того, что этотъ „господинъ“ скоро уѣдетъ, гораздо скорѣе, чѣмъ это думали! Только бы свадьба ея не откладывалась. Срокъ казался ей черезчуръ длиннымъ.

Она напѣвала любовную пѣсенку. Вдругъ задвигали стульями въ комнатѣ, и она тотчасъ же смолкла. Куда бы спрятаться? Слава Богу, это ея будущая свекровь! Она вышла изъ комнаты, вся красная, запыхавшись...

— Ангенисъ, скорѣе! Господа хотятъ кофе. Скорѣе давай кофе и вафли!

Какъ была рада Ангенисъ, что не она находилась на мѣстѣ матери! Всѣ женщины въ деревнѣ завидовали вдовѣ Тома и только Ангенисъ не чувствовала зависти. О, это вовсе не легко имѣть сына священника!

Съ состраданіемъ и какою то особеною предупредительностью поставила дѣвушка кофе и вафли на подносъ, который неловко держала вдова Тома своими дрожащими руками.

— Вы совсѣмъ на себя не похожи... поберегите-же себя!— сказала дѣвушка.

— Ты добрая, добрая!—старушка кивнула ей головой и улыбнулась въ отвѣтъ, но казалось, будто она скорѣе готова плакать, нежели смѣяться...

Наконецъ, кофе былъ выпитъ и всѣ вышли изъ дому, такъ какъ въ церкви уже начали звонить къ послѣобѣден-

ной службѣ. Фрау Тома вздохнула свободнѣе. Она не пошла въ церковь съ другими, это было не нужно. Теперь она могла посидѣть спокойно, пораздумать обо всемъ и вспомнить своего Леонарда. Ея мысли снова возвращались къ его одинокой, холодной могилѣ.

Молча сидѣла она въ углу кухни, гдѣ юная Ангенисъ, весело напѣвая, мыла кастрюли, которыя еще должны были служить для приготовленія ужина. Но этотъ веселый, дѣвическій голосъ причинялъ ей почти страданіе. Ангенисъ распѣвала, какъ птичка... да, да! Она вѣдь не рожала сына въ страданіяхъ!..

Мать растерянно покачала головой и тихо вышла изъ кухни туда, къ коровнику. Тамъ она долго стояла неподвижно, въ дверяхъ коровника, и смотрѣла сквозь щели изгороди на луга и пастбища. Она не чувствовала прикосновенія весенняго вѣтерка къ своимъ поблекшимъ щекамъ. Она ощущала такую удивительную, безконечную усталость сегодня! Ей бы хотѣлось уснуть, чтобы больше не просыпаться. Тяжелыя мысли, причина которыхъ была ей неизвѣстна, угнетали ее.

— Іезусъ... Марія... Іозефъ! тяжко вздохнувъ, вошла она въ коровникъ и подошла къ коровѣ, у которой за день до пріѣзда Іозефа отняли теленка и продали его. Услышавъ шаги, та повернула голову и жалобно замычала.

— Фіалка! — сказала старуха и еще разъ прибавила нѣжно:—Фіалочка!..

Эту коровку нужно было особенно хорошо кормить теперь, утѣшать! Она подошла къ ней и ласково похлопала ее по широкой коричневой спинѣ. Но корова все еще тосковала по своемъ теленкѣ, котораго продали далеко...

* * *

Звѣзды уже засіяли на небѣ, когда въ деревнѣ началось какое-то таинственное движеніе. Точно воры, украдкой выходили люди изъ своихъ домовъ, съ низко нависшими крышами и крались вдоль темныхъ изгородей. Мужчины и женщины, парни и дѣвушки перешептывались и казались радостно возбужденными, а дѣти, бѣжавшія за ними, смѣялись. Ихъ пробовали усмирить, но веселый шопотъ, полный радостнаго любопытства, не прекращался.

Всѣ направлялись къ дому вдовы Тома. Тамъ ихъ дожидался учитель, распредѣлявшій по мѣстамъ: впереди онъ поставилъ пѣвцовъ, а направо и налѣво отъ нихъ и позади должны были стоять факельщики. Ахъ, какъ красиво блестѣли разноцвѣтные фонари, которые держали въ рукахъ шесть человѣкъ. Красные, голубые, зеленые и желтые, круглые, точно

огромныя тыквы! Ахъ, какъ это было красиво! Мальчишки и дѣвчонки становились на цыпочки, чтобы лучше видѣть. Какое великолѣпіе!

У воротъ, передъ домомъ, который былъ освѣщенъ, какъ никогда—всѣ остановились. Теперь тише! Не должно быть слышно ни малѣйшаго шороха, ни малѣйшаго шума шаговъ по мостовой. Все притаилось.

Счастливъ былъ тотъ изъ мальчугановъ, которому удалось взобраться на какую-нибудь узловатую вѣтвь изгороди и такимъ образомъ подняться выше! Счастлива была та дѣвочка, которой удалось влѣзть на тумбу, чтобы лучше видѣть! Всѣ тѣснились какъ можно ближе другъ къ другу.

Не слышно было ни малѣйшаго шопота, кругомъ стояла торжественная тишина. Только ночной вѣтерокъ тихонько шуршалъ сухими листьями, оставшимися отъ прошлаго года, и шелестилъ въ изгороди. Всѣ эти люди, молодые и старые, молча ждали. Сердца ихъ, всегда бившіеся такъ ровно, были теперь выведены изъ равновѣсіи и полны ожиданія: что то скажетъ Іозефъ на это? какъ то онъ порадуется?

Тихій шелестъ ночного вѣтерка въ изгороди пріобрѣталъ таинственное, священное значеніе, а глубокое дыханіе всѣхъ этихъ людей, преисполненныхъ радостнаго чувства, казалось однимъ могучимъ потокомъ любви.

Учитель поднялъ руку... и къ ночному звѣздному небу понеслись звуки, слабые и расплывчатые въ этомъ широкомъ просторѣ, но въ то же время глубоко проникающіе въ душу, вслѣдствіе горячаго воодушевленія, наполнявшаго ихъ.

„Небеса прославляютъ Славу Предвѣчнаго“...

Слушатели и пѣвцы были одинаково взволнованы. Іозефъ Тома, молодой священникъ... онъ стоялъ тутъ!

Въ открытыхъ дверяхъ освѣщенной передней дома его стройная, черная фигура казалась какою-то тѣнью. Онъ стоялъ совсѣмъ одинъ. Его чествовали тутъ, другіе же оставались на заднемъ планѣ. Онъ стоялъ, склонивъ голову, въ черномъ беретѣ, покрывавшемъ тонзуру, и, казалось, съ благоговѣніемъ прислушивался. О чемъ думалъ онъ? Учитель напрасно старался прочесть что-нибудь на лицѣ своего бывшаго ученика. Впрочемъ, тутъ было слишкомъ темно!

Пѣснь слѣдовала за пѣснью. Виновникъ торжества все стоялъ неподвижно.

Наконецъ, учитель далъ знакъ пѣвцамъ кончить и, выступивъ на нѣсколько шаговъ впередъ, склонилъ свой могучій станъ передъ тщедушной фигурой молодого священника, говоря:

— Ваше высокопреподобіе! Мы позволили себѣ сегодня

вечеромъ появиться передъ вами, подъ конецъ этого дня, который будетъ занесенъ въ лѣтопись общины неизгладимыми буквами, какъ величайшій праздникъ, какой только выпалъ намъ на долю. Мы хотимъ выразить вамъ благодарность за великую честь и радость, которыя доставило намъ ваше появленіе здѣсь!..

Тутъ онъ остановился на одно мгновеніе. Ему надо было преодолѣть легкое смущеніе, овладѣвшее имъ, такъ какъ виновникъ торжества продолжалъ стоять неподвижно и не поднималъ опущенной головы. Но, поборовъ свое замѣшательство, учитель уже заговорилъ гораздо болѣе задушевнымъ тономъ:

— Вы вернулись на родину послѣ своего долгаго, семилѣтняго отсутствія. О, какъ должно было биться ваше сердце, когда вы увидѣли передъ собой Эйфельскія горы! Вѣдь каждаго эйфельца властно влечетъ на родину; онъ не можетъ жить нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Наши сыновья, наши дочери уходятъ на чужбину, чтобы заработать себѣ хлѣбъ, потому что наша бѣдная страна не можетъ прокормить всѣхъ; но, заработавъ себѣ что-нибудь, они съ восторгомъ возвращаются домой. Они не боятся вернуться снова къ прежнимъ скромнымъ условіямъ жизни, лишь бы имъ можно было увидѣть передъ собой высоты Эйфеля и дышать его воздухомъ.

— Ваше высокопреподобіе, конечно, я далекъ отъ мысли сравнивать васъ съ кѣмъ нибудь. Ваши чувства не направлены къ земному, ваши глаза ищутъ другого. И правильно говорятъ, что „вся земля принадлежитъ Господу", но всетаки...—Онъ глубоко вздохнулъ и, оглядѣвшись кругомъ, внезапно выпрямился во весь свой высокій ростъ.—И всетаки, Іозефъ,—сказалъ онъ,—ты нигдѣ не можешь чувствовать себя такъ хорошо, какъ здѣсь! Когда ты увидѣлъ первую изгородь, ты долженъ былъ сказать себѣ: Римъ—великолѣпный городъ, и климатъ тамъ лучше, чѣмъ здѣсь. Но здѣсь, за такой изгородью, тоже вѣдь не чувствуешь ни снѣга, ни бури; здѣсь я спокойно лежалъ въ своей люлькѣ и игралъ въ своемъ дѣтскомъ платьицѣ! Здѣсь я росъ, окруженный материнской любовью, здѣсь я научился читать, научился молиться и здѣсь твой учитель, Іозефъ, который тебя... — онъ быстро поправился...—который имѣлъ честь обучать васъ, ваше высокопреподобіе... даже выпоролъ тебя однажды!...

Среди тѣснившихся слушателей послышался подавленный, добродушный смѣхъ. Ну, что за прекрасный ораторъ этотъ учитель! Какъ онъ сумѣлъ выразить то, что у каждаго было на душѣ!

Но лицо молодого священника оставалось все такимъ же неподвижнымъ.

Однако учитель не замѣчалъ этого. Любовь къ родинѣ опьяняла его, и онъ продолжалъ говорить все съ большимъ и большимъ воодушевленіемъ:

— Вы много новаго видѣли на свѣтѣ, ваше высокопреподобіе, и многому научились тамъ! — онъ указалъ рукой вдаль.—Мы же тутъ ничего новаго не видѣли за это время. Но мы и не поднялись такъ высоко, мы остались тѣмъ, чѣмъ были. Однако, Іозефъ, мы поэтому и сохранили къ тебѣ всю прежнюю любовь!..

— Да, это правда! Она осталась такой же! — раздался одобрительный и радостный шопотъ въ толпѣ. Потомъ послышался топотъ ногъ и шелестъ платьевъ—всѣ тѣснились къ нему и всѣмъ хотѣлось протянуть ему руку.

— Шш! шш!—воскликнулъ кто-то.

Разстроганный мыслью о свиданіи сына съ матерью, учитель заговорилъ болѣе тихимъ голосомъ, точно онъ хотѣлъ довѣрить этому сыну что-то тайное, святое.

— И прежде всѣхъ твоя мать сохранила къ тебѣ свою старую любовь. Она носила тебя въ своемъ сердцѣ, Іозефъ! Вы были далеко отсюда, ваше высокопреподобіе, и все-таки вы были съ нею. „Мой Іозефъ"! какъ часто произносила она эти слова. О, какъ трогательно было видѣть эту счастливую мать вмѣстѣ съ ея вернувшимся сыномъ! Онъ былъ ея гордостью, ея радостью, ея высшимъ счастьемъ... ея Іозефъ!

Послышалось чье-то заглушенное рыданіе. Учитель въ изумленіи остановился. Кто же это плакалъ такъ? Неужели Іозефъ былъ такъ растроганъ? Нѣтъ, онъ стоялъ все такъ же неподвижно, съ тѣмъ же серьезнымъ лицомъ.

Это была юная Ангенисъ. Она передъ тѣмъ только прошла позади дома; ей вѣдь тоже хотѣлось посмотрѣть! Леннердъ испуганно держалъ ее за юбку: „Замолчи-же, Ангенисъ!" Что это ей пришло въ голову? Но она не обращала вниманія. Поднявшись на цыпочки и вытянувъ впередъ свою разгоряченную голову, она напряженно прислушивалась.

Вообще Ангенисъ никогда не плакала. Но сегодня вечеромъ, когда учитель такъ трогательно заговорилъ о матери, она не смогла удержаться. Въ ея невинной душѣ пробуждалось какое то неясное, ей самой непонятное чувство. Она не знала, почему ей вдругъ стало такъ грустно! И слезы ручьемъ потекли по ея щекамъ.

— Ваше высокопреподобіе!—снова заговорилъ учитель. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ пріободрился и возвысилъ голосъ:—Мы всѣ, бывшіе здѣсь свидѣтелями материнской радости, радуемся вмѣстѣ съ нею. Радуются мужчины и жен-

щины, старые и молодые родные и сосѣди, радуется вся деревня, вся община! Всѣ привѣтствуютъ васъ. Васъ привѣтствуетъ и крестъ на могилѣ вашего покойнаго отца, и горы, смотрѣвшія на ваши дѣтскія игры, и луга, на которыхъ вы пасли скотъ. Васъ привѣтствуютъ ручьи нашихъ долинъ, наши сосны, шелестъ которыхъ такъ часто, часто раздавался въ вашихъ ушахъ тамъ, на чужбинѣ, гдѣ возвышаются болѣе красивыя деревья съ золотистыми плодами...

Онъ воодушевленно поднялъ руки, какъ тогда, когда управлялъ хоромъ, и крикнулъ:

— Да здравствуетъ сынъ нашего Эйфеля, дитя нашего села, гордость нашей общины! Да здравствуетъ его высокопреподобіе! И еще разъ да здравствуетъ онъ! Трижды: ура!

Всѣ кричали и махали шапками, а тѣ, кто несъ разноцвѣтные фонарики, подняли ихъ высоко. Они ярко блестѣли и переливали красными, голубыми, зелеными и желтыми огнями. Дѣти кричали; голоса женщинъ и дѣвушекъ звонко раздавались, и всѣ, всѣ тѣснились впередъ. И вдругъ снова, воодушевленно и сильно, зазвучала пѣсня. Пѣвцамъ даже не понадобилось ободряющаго знака регента.

О, родные долы, горы!
О, нашъ славный темный лѣсъ!

Эту пѣсню они знали лучше всего. Это была любимая пѣсня, какъ самого учителя, такъ и пѣвцовъ. Всѣ въ деревнѣ знали ее, и Іозефъ, конечно, тоже долженъ былъ знать ее.

Молодой священникъ поднялъ голову и въ первый разъ посмотрѣлъ вокругъ себя. А когда замеръ послѣдній звукъ пѣсни, онъ вышелъ изъ сѣней, протянулъ учителю руку и опять вернулся на прежнее мѣсто.

Пѣвцы были немного разочарованы. Вѣдь среди нихъ было столько старыхъ знакомыхъ Іозефа! Они тоже надѣялись, что онъ пожметъ имъ руку.

— Шш!—раздалось снова.—Потомъ! Потомъ!..

Теперь Іозефъ хотѣлъ говорить. Онъ откашливался.

Отчетливо прозвучало каждое слово, сказанное имъ. Онъ говорилъ ясно, дѣлая легкое удареніе на послѣднемъ слогѣ:

— Уважаемый господинъ учитель! Уважаемые прихожане! Я искренно благодаренъ вамъ за вашъ дружескій пріемъ, за ваши пѣсни. И то, и другое было для меня пріятнымъ сюрпризомъ. Я такъ долго отсутствовалъ, находясь въ странѣ, совершенно чуждой большинству изъ васъ, что не могъ надѣяться, что вы сохраните обо мнѣ такое живое воспоминаніе. И то, что я ошибся, доставляетъ мнѣ большое удовлетвореніе и радость, такъ какъ и я сохраняю неизмѣнный

интересъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ протекло мое дѣтство, и къ тѣмъ людямъ, которые охраняли мои первые шаги. Какъ бы ни были направлены наши чувства и наше сердце къ Единому—вѣчному, но все же склонность къ земному не покидаетъ насъ, пока мы живемъ и дышемъ. Когда поѣздъ уносилъ меня по рейнской долинѣ, то взоры мои напрасно искали красиво закругленной линіи Албанскихъ горъ и купола великолѣпнаго собора св. Петра. Но когда я увидалъ передъ собой Эйфельское плоскогоріе, скромное и безплодное, но на вершинѣ котораго лежала деревушка, гдѣ я родился, то душа моя взволновалась. Встрѣтивъ же тутъ такой радушный пріемъ, я съ радостью и гордостью убѣдился, что если даже безконечныя пространства, языкъ и обычаи, національность и характеръ раздѣляютъ народы, все же единая истинная вѣра образуетъ ту могучую связь, которая, между Тибромъ и Рейномъ, соединяетъ великолѣпную столицу съ жалкой деревушкой Эйфеля. Когда я, черезъ нѣсколько дней, снова отправлюсь къ престолу Его Святѣйшества, то я унесу съ собой въ ту прекрасную страну, которая стала для меня новой родиной, дружеское воспоминаніе о старой родинѣ, унесу съ собой всѣ ваши молитвы, чтобы хранить ихъ въ своемъ сердцѣ и ходатайствовать за васъ. Это мой привѣтъ родной общинѣ Эйфеля! Это моя благодарность ей!

Онъ говорилъ безъ запинки, бѣгло и плавно, краснорѣчиво и ясно, но быть можетъ не совсѣмъ понятно. Или, можетъ быть, его все таки поняли?..

Кругомъ была тишина, такая тишина, что можно было разслышать порывистое дыханіе и чей то голосъ прошептавшій кому то на ухо:

— У него нѣтъ сердца!

Всѣ оглядывались, подталкивали другъ друга. Кто это сказалъ? зачѣмъ? почему? Откуда это было извѣстно?

Юная Ангенисъ робко отступила въ сторону. Бѣда! Эти слова какъ то невольно вырвались у нея. Она только подумала это въ душѣ. Теперь ей было стыдно. Она потащила за собой Леннерда и остановилась лишь тогда, когда отошла далеко отъ дому и праздничной толпы, когда очутилась среди луга, защищеннаго отъ вѣтра изгородью и по этому уже теперь покрытаго молодой, ароматной травой. Это было вѣяніе новой жизни послѣ суровой зимы.

Ангенисъ обняла своего возлюбленнаго, удерживая его. Леннердъ уже собирался поворчать на нее. Онъ не допускалъ, чтобы говорили что-нибудь противъ его брата. Положимъ, съ его стороны было не особенно хорошо, что онъ хотѣлъ такъ скоро уѣхать, уже послѣ завтра, не обвѣнчавъ своего брата съ Ангенисъ, но все же онъ былъ такой...

Однако ему не удалось ничего другого сказать въ защиту своего брата. Ангенисъ замкнула ему уста своими любящими, пылающими губами!

— Я тебя и такъ люблю! Слава Богу, что намъ не надо быть такими, какъ онъ! Онъ не можетъ ни сѣять, ни косить, ни жать, какъ мы, поэтому у него нѣтъ сердца! Онъ въ этомъ не виноватъ, но мы то... Слава Богу!

И она еще крѣпче обняла своего возлюбленнаго и прижала его своими сильными руками къ своей теплой, трепещущей груди...

Все село погрузилось въ темноту. Темно было въ домахъ, темно около изгородей. Факельщики со своими разноцвѣтными фонариками разошлись по домамъ. Погасли огни, потухъ блескъ праздника, затихли звуки пѣнія. Только вѣчныя звѣзды безмолвно горѣли на небесахъ и изливали свой мягкій, кроткій свѣтъ на все земное, на любовь и страданіе...

Въ коровникѣ, находившемся позади украшеннаго гирляндами дома, стояла вдова Тома. Она уже давно стояла тамъ. Здѣсь ее никто не могъ найти. Ее звали, она это, конечно, слышала, но не отвѣчала на зовъ. Чего еще хотѣли отъ нея? Она работала и готовилась, надѣялась и радовалась семь лѣтъ, семь долгихъ лѣтъ!..

— У него нѣтъ сердца!..

Въ ея собственномъ сердцѣ какъ будто что-то надорвалось. Она почти готова была крикнуть отъ ужаса, когда голосъ Ангенисъ выразилъ словами то, что она смутно чувствовала все это время, вчера, сегодня, даже позавчера, всѣ эти дни, съ тѣхъ поръ какъ Іозефъ пріѣхалъ сюда! Она съ трудомъ, едва держась на ногахъ, тихонько и незамѣтно ускользнула отъ глазъ внимающей толпы.

Со стономъ прислонилась она къ стѣнѣ. Она не могла больше стоять, у нея подкашивались ноги. Она опустилась на колѣни возлѣ коровы, которая жалобно мычала, тоскуя о своемъ теленкѣ, проданномъ нѣсколько часовъ тому назадъ. Обвивъ обѣими руками шею животнаго, она прижалась къ нему въ своемъ горѣ и съ рыданіемъ шептала:

— Фіалка!.. Ахъ, Фіалочка!.. Мой Іозефъ... Іозефъ!.. Ахъ нѣтъ, его высокопреподобіе, господинъ мой сынъ!..

Къ теоріи развитія аграрныхъ отношеній.

I.

Вопросъ о законахъ развитія сельско-хозяйственной промышленности не перестаетъ привлекать къ себѣ вниманіе экономистовъ. Непосредственныхъ причинъ такого вниманія къ законамъ аграрной эволюціи двѣ: во-первыхъ, общепризнанная важность этой проблемы, во-вторыхъ, общепризнанная неясность ея и отсутствіе безспорной и законченной аграрной теоріи.

Особенно интенсивно обсуждается эта проблема среди соціалистическихъ писателей. Первоначально вопросъ, въ сущности, и дебатировался только въ предѣлахъ соціалистическаго лагеря. Въ спорахъ рѣзко выдѣлялись два соціалистическихъ направленія: на Западѣ—«ортодоксальный» марксизмъ и «ревизіонизмъ», у насъ—марксизмъ и народничество. Затѣмъ, къ спорамъ естественно присоединились и буржуазные голоса. Вмѣстѣ съ тѣмъ и соціалистическія направленія въ значительной степени дифференцировались. Содержаніе споровъ расширилось, но и расплылось. Въ возникшей разноголосицѣ порою едва возможно было различить два первоначальныхъ русла, двѣ основныя оси, около которыхъ вертѣлись всѣ споры. И недавно казалось, что туманъ, поднявшійся вокругъ проблемы объ эволюціи сельскаго хозяйства, не только не разсѣивается, но сгущается. Однако, туманъ этотъ за послѣднее время сталъ все-таки рѣдѣть. И надо думать, что уже не за горами то время, когда онъ окончательно разорвется и откроетъ передъ нами чистый горизонтъ...

Какъ извѣстно, особый вопросъ о законахъ развитія сельскохозяйственной промышленности возникъ тогда, когда обнаружились своеобразные результаты борьбы между крупнымъ и мелкимъ земледѣліемъ въ современныхъ буржуазно-капиталистическихъ условіяхъ. Въ противоположность всѣмъ основнымъ отраслямъ обрабатывающей промышленности, въ самой обширной отрасли мірового хозяйства, въ земледѣліи, не только не наблюдается концентраціи произ-

водства, пролетаризаціи мелкихъ самостоятельныхъ производителей и организаціи производства въ крупныхъ размѣрахъ на основѣ наемнаго труда, но, наоборотъ, мелкое крестьянское хозяйство обнаруживаетъ черезвычайную живучесть и вытѣсняетъ крупно-капиталистическое земледѣліе. Послѣднее, хотя и не съ одинаковой быстротой, но повсемѣстно съ одинаковой неуклонностью уступаетъ мелкому трудовому земледѣлію позицію за позиціей. Объ этомъ съ полной очевидностью свидѣтельствуетъ статистика всѣхъ странъ какъ передовыхъ, такъ и экономически отсталыхъ, какъ ввозящихъ, такъ и вывозящихъ продукты земледѣлія. Процессъ этотъ наблюдается и въ Англіи, и во Франціи, и въ Бельгіи, и въ Соедин. Штатахъ; недавно онъ получилъ новое подтвержденіе въ послѣдней профессіональной переписи Германіи; о немъ говорятъ и въ Россіи данныя о мобилизаціи земельной собственности и богатые матеріалы военно-конскихъ переписей.

Процессъ этотъ былъ отмѣченъ уже давно. Въ настоящее время это—фактъ, который нельзя ни отрицать, ни замалчивать. И, въ сущности, въ серьезной экономической литературѣ объ этомъ, кажется, уже больше не спорятъ. Теперь можно говорить уже не о самомъ фактѣ живучести и побѣды мелко-крестьянскаго земледѣлія надъ крупно-капиталистическимъ, а объ его причинахъ, его смыслѣ и значеніи, объ его фазисахъ и его послѣдствіяхъ—теоретическихъ и практическихъ. На *истолкованіи* даннаго процесса и сосредоточивается въ настоящее время разработка проблемы о формахъ аграрной эволюціи. Сюда и мы имѣемъ въ виду внести посильную лепту въ настоящемъ очеркѣ.

Въ современномъ строѣ мелко-крестьянское земледѣліе одерживаетъ верхъ надъ крупно-капиталистическимъ. Какія могутъ быть причины этого явленія, не наблюдаемаго ни въ одной другой отрасли промышлености? Установивъ причины этого явленія, мы тѣмъ самымъ опредѣлимъ его сущность, вскроемъ его историческій и экономическій смыслъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уяснимъ себѣ и его соціальныя послѣдствія.

Если мелкое крестьянское земледѣліе оказывается болѣе живучимъ, чѣмъ крупное капиталистическое, то, очевидно, первое является болѣе приспособленнымъ къ современнымъ соціально-экономическимъ условіямъ. Выживаютъ всегда формы хозяйства, такъ же какъ и біологическіе организмы, болѣе приспособленныя къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ онѣ живутъ. Это положеніе безспорно и неуязвимо. Но неуязвимость его находится въ связи съ его чрезвычайно малой содержательностью. Положеніе это—почти тавтологія, и, конечно, большая приспособленность къ даннымъ условіямъ не можетъ служить *объясненіемъ* большей устойчивости мелко-крестьянскаго земледѣлія. Объяснять большую устойчивость и побѣду большей приспособленностью—это то же самое, что говорить: я люблю этого человѣка, потому что онъ мнѣ нравится.

Было бы совсѣмъ другое, если бы мы могли перекинуть мостъ отъ понятія *приспособленности* къ понятію *совершенства*; т. е. если бы мы могли объяснить живучесть и побѣду мелко-крестьянскаго земледѣлія надъ крупно-капиталистическимъ большимъ совершенствомъ перваго. Въ такомъ случаѣ мы имѣли бы передъ собой вполнѣ законченное и исчерпывающее объясненіе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ открыло бы намъ перспективы на будущее и уяснило принципіальныя основы необходимой экономической политики. Въ виду этого удобства объясненія большей устойчивости современнаго мелкаго земледѣлія его большимъ совершенствомъ, вполнѣ понятны стремленія экономистовъ ревизіонистскаго толка во что бы то ни стало отыскать всякаго рода достоинства въ мелко-крестьянскомъ хозяйствѣ и доказать его преимущества передъ крупнымъ капиталистическимъ. Пока, однако, мы этого вопроса предрѣшать не будемъ. Можетъ быть, дѣйствительно, современное мелкое земледѣліе болѣе совершенно; можетъ быть, оно именно потому и одерживаетъ верхъ надъ крупнымъ; можетъ быть, большая его приспособленность, дѣйствительно, находится въ связи съ его большимъ совершенствомъ. Но намъ необходимо сейчасъ отмѣтить и уяснить себѣ то обстоятельство, что приспособленность, живучесть и побѣда той или иной хозяйственной формы въ современномъ строѣ не могутъ сами по себѣ доказывать ея совершенство; совершенство хозяйственной формы требуетъ иныхъ, особыхъ доказательствъ, *a priori* же связывать между собою понятія живучести и совершенства мы не имѣемъ права.

Что такъ обстоитъ дѣло въ областяхъ политической, правовой, религіозной—это очевидно для каждаго. Всѣмъ извѣстно, что самые несовершенные политическіе и правовые институты, самыя нелѣпыя формы культа держатся вѣками, не давая мѣста инымъ формамъ, основаннымъ на разумѣ и справедливости. Очевидно, что то же самое можетъ имѣть мѣсто и въ области народнаго хозяйства. Болѣе совершенная хозяйственная форма не можетъ не побѣждать, менѣе совершенная не можетъ не падать *только* при томъ условіи, если для полнаго торжества разума и справедливости въ области экономики не будетъ никакихъ препятствій—политическихъ, правовыхъ, психологическихъ и др. Безъ этого условія болѣе совершенныя хозяйственныя формы могутъ не развиваться, менѣе совершенныя могутъ выживать и побѣждать. Въ современномъ соціально-экономическомъ строѣ этого условія нѣтъ. Слѣдовательно, когда мы видимъ, что въ настоящее время мелко-крестьянское земледѣліе вытѣсняетъ крупно-капиталистическое, то мы a priori еще не знаемъ, какая изъ этихъ двухъ формъ хозяйства болѣе совершенна. Вопросъ о томъ, не въ силу ли своего большаго совершенства побѣждаетъ мелкое земледѣліе, передъ нами еще открытъ.

Для опредѣленія относительнаго совершенства какой либо формы

хозяйства необходимо установить точный и опредѣленный критерій. Въ данномъ случаѣ критерій можетъ быть только одинъ, — универсальный и лежащій въ основѣ всякой экономики:—производительность труда. Т. е. та форма хозяйства будетъ болѣе совершенна, которая дѣлаетъ трудъ болѣе производительнымъ, которая даетъ возможность минимуму человѣческаго труда превратиться въ максимумъ продукта. Иного критерія быть не можетъ, такъ какъ только этотъ критерій можетъ служить для оцѣнки объективныхъ условій труда, характеризующихъ ту или иную хозяйственную форму; а намъ необходимо оцѣнить именно эти объективныя условія труда, независимо отъ субъективныхъ, т. е. отъ нуждъ, интересовъ и способностей хозяйствующаго субъекта. Эти послѣднія мы должны принимать за равныя и вынести ихъ за скобку. Иначе хозяйства будутъ несоизмѣримы и мы утеряемъ для оцѣнки ихъ всякую объективную мѣрку. Если крестьянину необходимо для пропитанія какъ можно больше ржи, сколько бы онъ ни потратилъ труда на ея добываніе, а капиталисту нужно какъ можно больше прибыли, какой бы продуктъ ни добывался съ его земли и каково бы ни было его абсолютное количество,—то тутъ никакой общій критерій для оцѣнки этихъ хозяйствъ не мыслимъ, и разсуждать объ ихъ сравнительныхъ совершенствахъ и преимуществахъ нельзя. Когда мы говоримъ о сравнительныхъ совершенствахъ хозяйства, то мы можемъ имѣть въ виду одни только объективныя условія труда, и здѣсь мыслимъ только одинъ критерій: та хозяйственная форма будетъ болѣе совершенной, объективная обстановка которой дѣлаетъ трудъ болѣе производительнымъ, т. е. въ которой при одной и той же затратѣ труда получается большее количество продуктовъ или, что то же—для одного и того же количества продуктовъ требуется меньшая затрата труда.

Какая же изъ двухъ современныхъ формъ земледѣлія является съ этой точки зрѣнія болѣе совершенной,—побѣждающее ли мелко-крестьянское хозяйство или вытѣсняемое имъ крупно-капиталистическое?

Какъ и во всякой другой отрасли хозяйства, мы должны различать въ земледѣліи двѣ стороны. Одна сторона касается объективныхъ условій, въ которыхъ овеществляется человѣческій трудъ. Другая—касается взаимоотношеній людей, воля которыхъ такъ или иначе участвуетъ въ хозяйствѣ. Первая сторона—техническая, вторая—соціальная. Мелко-крестьянское земледѣліе со своей технической стороны характерно, именно какъ *мелкое* земледѣліе, съ соціальной же стороны, какъ хозяйство *трудовое*, въ которомъ работникъ является собственникомъ продукта. Крупно-капиталистическое земледѣліе съ технической стороны характерно, какъ *крупное* земледѣліе, съ соціальной же стороны, какъ хозяйство *капиталистическое*, гдѣ производство имѣетъ цѣлью прибавочную

стоимость, а работникъ не является собственникомъ продукта и орудій производства.

При выясненіи относительнаго совершенства современныхъ формъ земледѣлія, мы должны, какъ уже сказано, отрѣшиться отъ нуждъ, цѣлей и интересовъ хозяйствующаго субъекта. Другими словами, мы должны сдернуть съ хозяйства его соціальную оболочку и имѣть дѣло только съ его техническимъ содержаніемъ.

Конечно, и соціальная форма вліяетъ на степень совершенства современнаго земледѣлія, на производительность въ немъ труда. Такъ, всѣмъ извѣстно, что положеніе рабочаго въ хозяйствѣ, отношеніе его къ продукту способно сильно вліять на производительность труда рабочаго. Одинъ изъ самыхъ обычныхъ и самыхъ сильныхъ аргументовъ противъ крупнаго земледѣлія состоитъ въ томъ, что собственникъ работаетъ лучше наймита. Легко понять, однако, что этотъ аргументъ направленъ совсѣмъ не противъ крупныхъ размѣровъ земледѣлія, которые имъ ни въ какой мѣрѣ не опорочиваются, а только противъ данной его формы, противъ современнаго крупно-*капиталистическаго* хозяйства. Но и въ современныхъ хозяйственныхъ условіяхъ аргументъ этотъ не можетъ играть рѣшающей роли. Если мелко-крестьянское хозяйство побѣждаетъ крупно-капиталистическое, то не потому только, что трудъ собственника производительнѣе труда наймита. Вѣдь данная соціальная оболочка свойственна не только земледѣлію, но и всѣмъ отраслямъ обрабатывающей промышленности. Повсюду въ трудовомъ хозяйствѣ рабочій работаетъ на себя, а въ капиталистическомъ — на хозяина. И тѣмъ не менѣе, меньшая продуктивность единицы рабочаго времени наймита не мѣшаетъ крупно-капиталистической индустріи быть безусловно болѣе совершенной, и вмѣстѣ съ тѣмъ стирать съ лица земли мелко-трудовую промышленность. Если мы даже признаемъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ наемный трудъ особенно непроизводителенъ въ виду затруднительности надзора, то и тогда мы не сможемъ считать большую продуктивность *единицы* рабочаго времени крестьянина-собственника существеннымъ моментомъ при оцѣнкѣ современныхъ формъ земледѣлія: слишкомъ ничтожную роль играетъ тотъ же самый факторъ въ другихъ отрасляхъ, слишкомъ легко онъ парализуется *техническими* преимуществами крупнаго хозяйства, которыя и обезпечиваютъ ему побѣду. Эта *общность* соціальной формы для отраслей, развивающихся по различнымъ законамъ, не позволяетъ придавать данному обстоятельству большого значенія и объяснять имъ *особенности* сельско-хозяйственной эволюціи.

Итакъ, при оцѣнкѣ крупно-капиталистическаго и мелко-крестьянскаго земледѣлія съ точки зрѣнія производительности въ нихъ труда мы должны обратить наше вниманіе главнымъ образомъ на *техническую* сторону дѣла. Именно здѣсь, въ техниче-

ской организаціи должны обнаружиться и тѣ особенности сельско-хозяйственнаго производства, которыя могутъ заставить насъ признать, что въ земледѣліи, въ противоположность всѣмъ другимъ отраслямъ, мелкое производство является болѣе совершеннымъ, чѣмъ крупно-капиталистическое.

II.

Въ чемъ же могутъ выражаться на практикѣ преимущества крупнаго или мелкаго земледѣлія? Если эти преимущества опредѣляются большей производительностью труда, то ясно, что на практикѣ они могутъ проявляться только въ одномъ: въ сохраненіи энергіи, въ экономіи человѣческаго труда при добываніи *единицы* продукта (абсолютное количество продукта здѣсь не играетъ никакой роли). Въ производствѣ примѣняется трудъ, во-первыхъ, живой, и во-вторыхъ—овеществленный въ инвентарѣ. Преимущества крупнаго или мелкаго производства могутъ вытекать изъ экономіи каждаго изъ этихъ видовъ труда, взятыхъ въ отдѣльности или обоихъ вмѣстѣ: т. е. они могутъ выражаться въ сокращеніи живого труда путемъ спеціализаціи и примѣненія усовершенствованныхъ орудій и въ болѣе полномъ использованіи средствъ производства. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они сводятся къ одному моменту: къ экономіи человѣческаго труда—универсальному принципу, исходному пункту всякой экономики.

Можетъ ли быть крупное производство менѣе совершеннымъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ мелкое? Т. е. можетъ ли оно стоять ниже мелкаго по производительности труда?

Крупное производство можно разсматривать, какъ соединеніе мелкихъ производствъ *). Но это соединеніе никогда не бываетъ чисто механическимъ; оно всегда органическое: крупное производство никогда не представляетъ изъ себя цѣлаго, вполнѣ дѣлимаго на такія части, которыя способны вести самостоятельное существованіе; всегда оно болѣе или менѣе недѣлимый организмъ. Разсматривая крупное хозяйство исторически, мы наблюдаемъ процессъ объединенія мелкихъ производствъ въ крупныя путемъ соотвѣтствующаго перемѣщенія рабочихъ силъ. Когда мелко-разрозненныя производства сцѣпляются между собою какими-либо общими своими элементами или въ процессѣ приложенія живого труда, или при пользованіи общими орудіями производства, такое соединеніе имѣетъ органическій характеръ. Иногда оно бываетъ возможно только въ отдѣльныхъ операціяхъ, иногда же во всемъ процессѣ производства даннаго продукта. Слѣдовательно, бываютъ различныя ступени органическаго соединенія производствъ. Высшую ступень

*) Производства, которыя могутъ вестись исключительно въ крупныхъ размѣрахъ, мы оставляемъ въ сторонѣ.

сліянія представляетъ общность и нераздѣлимость *всѣхъ* элементовъ, когда весь процессъ производства качественно видоизмѣняется. На болѣе низкихъ ступеняхъ отдѣльные элементы производства менѣе связаны другъ съ другомъ; они здѣсь болѣе дѣлимы и самостоятельны; объединеніе производствъ здѣсь приближается къ типу механическаго объединенія, хотя и не бываетъ никогда чисто механическимъ—въ такомъ случаѣ оно было бы безцѣльнымъ.

Стимуломъ къ обобществленію всегда является стремленіе къ экономіи труда, живого или овеществленнаго. Такая экономія достигается тогда, когда внутреннія свойства производства допускаютъ: 1) примѣненіе простой, и въ особенности сложной коопераціи, или 2) примѣненіе болѣе полнаго использованія средствъ производства, или 3) примѣненіе усовершенствованныхъ орудій, или 4) какую-либо комбинацію этихъ факторовъ. Только эти условія могутъ лежать въ основѣ органическаго объединенія производствъ. Техническое раздѣленіе труда, а въ особенности прогрессъ техники и примѣненіе машинъ являются могучими средствами для сохраненія труда. И въ исторіи исходнымъ пунктомъ для обобществленія индустріальнаго производства послужилъ, какъ извѣстно, переворотъ въ орудіяхъ производства. Когда внутреннія свойства какой-либо отрасли исключаютъ и возможность обоихъ видовъ коопераціи, и возможность болѣе полнаго использованія инвентаря, и возможность примѣненія машинъ, тогда безполезна и концентрація производства; тогда объединеніе производствъ могло бы быть только механическимъ; въ такихъ случаяхъ его вообще и не бываетъ. Когда же концентрація на лицо, тогда на лицо и экономія человѣческаго труда въ крупномъ обобществленномъ производствѣ. Слѣдовательно, если въ какой-либо отрасли хозяйства существуетъ коллективно-крупное производство, то оно уже самымъ фактомъ своего существованія говоритъ о своихъ преимуществахъ передъ мелкимъ, ибо свидѣтельствуетъ объ экономіи труда.

Концентрація производства была бы безполезной и безцѣльной при невозможности *органическаго* объединенія производствъ, при *механическомъ* объединеніи ихъ, при *полной* дѣлимости крупнаго производства, когда мелкія производства объединяются въ немъ такимъ же образомъ, какъ объединяются картофелины въ мѣшкѣ картофеля *). Но и такое механическое объединеніе про-

---

*) Ср. у Зомбарта „Индивидуальное производство въ крупныхъ размѣрахъ" (Совр. капит., стр. 51). Зомбартъ, однако, здѣсь не изолируетъ технической стороны производства. Какъ примѣръ индивидуальнаго производства въ крупныхъ размѣрахъ, онъ беретъ малярное дѣло; здѣсь, съ технической стороны, производство не имѣетъ никакихъ общихъ элементовъ, и рабочіе объединены совершенно механически. Но въ современной дѣйствительности объединеніе ихъ все таки *экономически* выгодно, напр., по условіямъ найма (артель), по условіямъ закупки матеріаловъ и т. д. Примѣнительно къ разсматриваемымъ нами вопросамъ, значеніе этой экономической

изводствъ никогда не могло бы оказаться *вреднымъ* для производительности труда, никогда не могло бы увеличить количество труда при добываніи единицы продукта; вѣдь въ случаѣ такого объединенія объективныя условія труда остались бы тѣ же самыя; концентраціи или, такъ сказать, крупности производства было бы совершенно не въ чемъ проявиться; дѣло свелось бы тутъ только къ территоріальному перемѣщенію рабочихъ силъ, которое само по себѣ, конечно, не способно повліять на производительность труда. Представимъ себѣ ручной трудъ ткача, сапожника, вышивальщика, портнихи, прачки, косца, молотильщика и т. д.; возьмемъ чисто техническую сторону ихъ труда, отбросивъ *экономическія* выгоды крупнаго хозяйства, напр., отъ закупки сырья большими партіями, отъ условій сбыта и т. п.; если группы всѣхъ этихъ рабочихъ будутъ употреблять всѣ тѣ же самыя орудія, будутъ исполнять всѣ тѣ же самыя операціи, то объединеніе ихъ въ одномъ крупномъ хозяйствѣ не можетъ быть существеннымъ для производительности ихъ труда. Трудъ ихъ не станетъ болѣе производительнымъ, но понятно, что онъ не можетъ стать и менѣе производительнымъ. И нельзя представить себѣ такого случая, когда объективныя условія коллективно-крупнаго производства понижали бы производительность труда сравнительно съ мелко-разрозненными самостоятельными производствами.

Такимъ образомъ, обсуждая вопросъ о сравнительныхъ преимуществахъ крупнаго и мелкаго земледѣлія, мы можемъ, еще не вдаваясь въ разсмотрѣніе внутреннихъ свойствъ земледѣльческаго производства, выставить слѣдующее апріорное положеніе: мелкое земледѣліе, какъ таковое, не можетъ быть совершеннѣе крупнаго; его объективныя условія могутъ дѣлать трудъ въ немъ или одинаково производительнымъ или менѣе производительнымъ, чѣмъ въ крупномъ. Больше того: наличность крупнаго производства въ земледѣліи самымъ своимъ существованіемъ доказываетъ свое большее совершенство съ точки зрѣнія экономіи труда, такъ какъ иначе не было бы смысла концентрировать производство и сохранять его крупные размѣры какими бы то ни было, хотя бы и внѣэкономическими, средствами.

Но, конечно, апріорныхъ положеній для насъ недостаточно. Мы должны обратиться къ конкретному разсмотрѣнію самаго существа сельско-хозяйственнаго производства. Только тогда мы правильно оцѣнимъ съ интересующей насъ точки зрѣнія организацію сельскаго хозяйства въ крупныхъ и въ мелкихъ размѣрахъ.

Экономія труда при концентраціи производства, какъ только что было сказано, достигается тогда, когда внутреннія свойства производства допускаютъ возможность простой и сложной коопера-

---

стороны производства въ конкретныхъ условіяхъ будетъ отмѣчено нами ниже.

ціи, болѣе полнаго использованія инвентаря и примѣненія машинъ. Возможно ли все это въ сельскомъ хозяйствѣ и въ какой мѣрѣ?

Что въ сельскомъ хозяйствѣ возможно простое сотрудничество, это—фактъ вполнѣ очевидный и, кажется, всѣми признаваемый. Вмѣстѣ съ тѣмъ положительное вліяніе простой коопераціи на производительность труда также не подлежитъ сомнѣнію и исчерпывающе было выяснено Марксомъ. Совмѣстное выполненіе различныхъ операцій оказываетъ благопріятное психологическое дѣйствіе на рабочихъ, возбуждаетъ ихъ и вызываетъ у нихъ соревнованіе; это повышаетъ ихъ производительность.—Но этого мало: извѣстно, что въ сельскомъ хозяйствѣ довольно обычное явленіе представляютъ такъ называемые «критическіе моменты», когда хозяйство нуждается въ особой производительной силѣ—силѣ массъ. Когда въ эти критическіе моменты необходимо сосредоточить единовременно на данномъ пунктѣ большое количество рабочихъ силъ во избѣжаніе порчи или полной потери продукта, тогда простая кооперація является не только возможной, но и необходимой. Преимущество въ данномъ отношеніи крупнаго земледѣлія, которое располагаетъ значительными рабочими силами, работающими по единому плану, не подлежитъ сомнѣнію. Оно вполнѣ очевидно.

Но понятно, что для экономіи труда въ концентрированномъ производствѣ имѣетъ еще большее значеніе сложная кооперація, раздѣленіе труда. Возможна ли такая кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ? Нѣкоторые это оспариваютъ. Такъ, г. Огановскій въ своей не такъ давно вышедшей книгѣ пишетъ: «у крупной формы хозяйства нѣтъ почти *никакихъ техническихъ преимуществъ*, потому что... крупнаго *общественнаго* производства, *крупной коопераціи* въ сельскомъ хозяйствѣ *нѣтъ*» *). Надо, однако, сказать, что г. Огановскій въ данномъ случаѣ, побилъ рекордъ «ревизіонизма». Видные теоретики послѣдняго такъ далеко не заходили. Такъ, Давидъ въ III-ей главѣ своего извѣстнаго изслѣдованія **) выясняетъ, или, вѣрнѣе, соглашается съ предшествующими изслѣдователями въ томъ, что роль сложной коопераціи въ сельскомъ хозяйствѣ ограничена сравнительно съ основными отраслями индустріи; но онъ и не пытается *отрицать* ея возможность и ея полезность.

И въ самомъ дѣлѣ, роль техническаго раздѣленія труда въ сельскомъ хозяйствѣ ограничена, но ни въ какомъ случаѣ не незначительна, и сложная кооперація является важнымъ факторомъ экономіи труда въ крупномъ земледѣліи. Прежде всего раздѣленіе труда возможно между отдѣльными вѣтвями сельскаго хозяйства, необходимо слитыми между собою въ земледѣльческихъ предпрія-

---

*) См. Н. Огановскій „Закономѣрность аграрной эволюціи", М. 1909, стр. 298—299. Курс. автора.

**) „Соціализмъ и сельское хозяйство", Спб. 1906. См. стр. 87—101.

тіяхъ,—между полеводствомъ и скотоводствомъ. Затѣмъ и самое скотоводство представляетъ изъ себя самостоятельное поле для раздѣленія труда; въ хозяйствахъ, стоящихъ на уровнѣ современныхъ знаній, такое раздѣленіе и проведено. Для подтвержденія сказаннаго намъ лучше всего будетъ сослаться на того-же Давида, вовсе не склоннаго преувеличивать значеніе сложной кооперацiи въ сельскомъ хозяйствѣ (см. § 12, гл. III, стр. 97—98). Что касается примѣненія сложнаго сотрудничества въ полеводствѣ, то здѣсь оно, дѣйствительно, невозможно, если взять весь процессъ въ его цѣломъ; но въ отдѣльныхъ операціяхъ полеводства оно вполнѣ возможно, а иногда даже необходимо: здѣсь спеціализація имѣетъ существенное значеніе. Кромѣ того, въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ и въ другихъ отрасляхъ, бываетъ необходимъ вспомогательный трудъ различныхъ спеціальныхъ рабочихъ,—шорниковъ, кузнецовъ, сторожей, машинистовъ и т. п., а также трудъ агрономовъ, механиковъ, управляющихъ и т. д.

Проф. Бажаевъ, посвятившій обстоятельную статью разбору моей книги: «Къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства», по поводу сдѣланныхъ въ ней на этотъ счетъ указаній пишетъ: «Г. Сухановъ, пытаясь доказать возможность примѣненія и въ земледѣліи техническаго раздѣленія труда, а слѣдовательно и сложнаго сотрудничества, довольно неожиданно (на стр. 45) приводитъ примѣръ раздѣленія труда въ одномъ и томъ же хозяйствѣ между полевымъ рабочимъ, скотникомъ, кузнецомъ, шорникомъ и ученымъ руководителемъ хозяйства. Но вѣдь, очевидно, что это примѣръ *профессіональнаго* (общественнаго), а не техническаго раздѣленія труда. А вѣдь вся суть дѣла въ томъ только и заключается, что раздѣленіе труда, а слѣдовательно и сложное сотрудничество, невозможно *въ предѣлахъ* каждой изъ самостоятельныхъ отраслей земледѣлія и прежде всего въ основной отрасли—въ полеводствѣ. Шорничное и кузнечное ремесла (!) къ дѣлу, конечно, не относятся (?). Что же касается интеллигентныхъ завѣдующихъ, то они представляютъ собою только особую форму притока сельско-хозяйственныхъ знаній къ крупному производству» *). Нѣсколько странные и не вполнѣ понятные аргументы, заключающіеся въ двухъ послѣднихъ фразахъ, мы оставимъ въ сторонѣ. Возьмемъ лишь основную часть возраженія. Проф. Бажаевъ полагаетъ, что раздѣленіе труда между скотникомъ, шорникомъ, кузнецомъ и т. д., занятыми въ одномъ хозяйствѣ,—это примѣръ общественнаго, а не техническаго раздѣленія труда. Но изъ любого элементарнаго курса политической экономіи проф. Бажаевъ могъ бы узнать, что при общественномъ раздѣленіи труда продуктъ каждаго представителя этого труда пріобрѣтаетъ

*) В. Г. Бажаевъ. „Къ вопросу о законахъ аграрной эволюціи", цит. по отдѣльн. оттиску (К. 1909), стр. 5. Курсивъ автора.

форму готоваго рыночнаго товара; при техническомъ же раздѣленіи труда продуктъ каждаго его представителя не является на рынкѣ въ качествѣ товара: здѣсь товаромъ является лишь коллективный продуктъ всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ хозяйствѣ. Слѣдовательно, если въ сельскомъ хозяйствѣ существуетъ такое раздѣленіе труда, какое проф. Бажаевъ «наперекоръ стихіямъ» называетъ «общественнымъ»,—то я, повидимому, вполнѣ доказалъ то, что пытался доказать и что, впрочемъ, и до меня десятки разъ доказывали другіе.

Проф. Бажаевъ утверждаетъ еще, что сложное сотрудничество «невозможно въ предѣлахъ каждой изъ самостоятельныхъ отраслей земледѣлія»,—въ полеводствѣ, скотоводствѣ и т. д. Но, вопервыхъ, это невѣрно: спеціализація и сложная кооперація возможны и внутри этихъ отраслей. Во-вторыхъ, это отрасли совсѣмъ не самостоятельныя: полевое хозяйство нельзя вести и никто не ведетъ безъ скота, который доставляетъ рабочую силу и удобреніе; полеводство и скотоводство органически слиты одно съ другимъ. Во-третьихъ, раздѣленія труда въ предѣлахъ каждой изъ этихъ отраслей вовсе не требуется для доказательства того, что сложная кооперація играетъ существенную роль въ сельскомъ хозяйствѣ; и непонятно, почему проф. Бажаевъ утверждаетъ, что «вся суть дѣла только въ этомъ и заключается». Если сложная кооперація возможна внутри цѣлаго предпріятія, это не значитъ, что она должна быть и внутри каждой его части. И это, конечно, нисколько не опровергаетъ наличности раздѣленія труда и не умаляетъ его значенія. Именно въ такомъ видѣ наблюдается раздѣленіе труда и въ индустріи, гдѣ далеко не всегда сложное сотрудничество развито шире и глубже, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Возьмемъ для примѣра типографію. Въ предпріятіи печатнаго дѣла мы видимъ наборщика, машиниста, брошюровщика, бухгалтера, писца, швейцара и т. д. Между ними существуетъ техническое раздѣленіе труда, — которое, впрочемъ, проф. Бажаевъ вѣроятно назвалъ бы общественнымъ, профессіональнымъ. Но возьмемъ одно наборное отдѣленіе, которое не болѣе и не менѣе самостоятельно, чѣмъ полеводство въ земледѣльческомъ предпріятіи. Въ предѣлахъ наборнаго отдѣленія сложнаго сотрудничества не существуетъ; рабочіе объединены здѣсь чисто механически и прекрасно могли бы исполнять свою работу дома, въ одиночку. Однако, никому не придетъ въ голову изъ за этого отрицать возможность сложной коопераціи въ типографскомъ дѣлѣ. Каждому ясно, что кооперація здѣсь не только возможна, но и необходима; печатное производство можетъ вестись въ настоящее время почти исключительно въ коллективно-крупныхъ размѣрахъ. Такихъ примѣровъ, гдѣ въ индустріи раздѣленіе труда играетъ не большую роль, чѣмъ въ земледѣліи, можно было бы привести великое множество, независимо отъ того, примѣняется ли въ производствѣ

ручной трудъ или машинный,—взять хотя бы ткацкую фабрику. И уяснить себѣ дѣйствительное мѣсто сложной коопераціи мѣшаютъ только усиленныя старанія «ревизіонистовъ» свести на нѣтъ спеціализацію въ земледѣліи, да, пожалуй, надоѣвшій всѣмъ Смитовскій примѣръ раздѣленія труда въ булавочномъ производствѣ.

Во всякомъ случаѣ сельское хозяйство представляетъ достаточно широкое поле для сложной коопераціи—одного изъ условій концентраціи производства и одного изъ факторовъ экономіи труда. Въ связи со всѣмъ только что сказаннымъ слѣдуетъ отмѣтить еще одно важное обстоятельство: отдѣльныя работы, требующія спеціальныхъ качествъ отъ рабочаго, въ коллективно-крупномъ земледѣліи могутъ поручаться соотвѣтствующимъ рабочимъ; въ единолично-мелкомъ производствѣ выбора нѣтъ.

Такимъ образомъ, *во всякомъ* концентрированномъ земледѣліи мы видимъ трудъ совмѣстный, болѣе спеціализированный и болѣе приспособленный къ индивидуальности рабочаго. Эти свойства труда, повышающія его производительность и органически слитыя со *всякимъ* крупнымъ производствомъ, сами по себѣ уже способны, пожалуй, парализовать большую продуктивность единицы рабочаго времени собственника въ современномъ мелкомъ земледѣліи *).

Но какъ бы то ни было, не однимъ только раздѣленіемъ труда живо крупное производство—и въ индустріи, и въ земледѣліи. Если бы сложная кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ была сведена до минимальныхъ размѣровъ, то это нисколько не исключало бы возможности громадныхъ преимуществъ крупнаго земледѣлія; ибо мы знаемъ, что для экономіи труда при концентраціи производства существуютъ и другіе факторы. Г-нъ Огановскій изъ своей несостоятельной предпосылки сдѣлалъ и выводъ совершенно неправильный, когда заявилъ, что въ виду отсутствія въ земледѣліи сложной коопераціи «у крупной формы хозяйства нѣтъ почти никакихъ техническихъ преимуществъ». Такія преимущества и помимо раздѣленія труда имѣются.

Едва ли не самымъ важнымъ изъ нихъ является экономія въ овеществленномъ трудѣ, заключающемся въ живомъ и мертвомъ инвентарѣ. Особенно существенное значеніе имѣетъ при этомъ болѣе полное использованіе рабочаго скота, который, какъ извѣстно, потребляетъ кормъ и во время рабочаго періода, и во время бездѣйствія.

Напомнимъ нѣсколько примѣровъ экономіи инвентаря въ крупномъ земледѣліи,—примѣровъ не абстрактныхъ, а взятыхъ изъ дѣйствительности. По даннымъ складовъ земледѣльческихъ ору-

*) Напоминаемъ, что, прилежаніе и громадное количество труда, вкладываемаго въ хозяйство крестьяниномъ, насъ сейчасъ нисколько не касается.

дій херсонскаго губ. земства, у покупателей этихъ орудій было на 100 десятинъ посѣва:

У засѣвающихъ:	Плуговъ.	Вѣялокъ.	Бричекъ.	Жатокъ.	Всего орудій.	Кол. лош.	Дес. посѣва на 1 лошадь.
	(на сумму въ рубляхъ).						
До 10 десят. . . .	55	267	1146	129	1978	38	2,6
До 40—50 дес. . .	36	95	360	287	948	13	7,8
Свыше 100 дес. .	22	38	232	143	520	9,6	10,4

Какъ мертвый, такъ и живой инвентарь ложится на 1 десятину мелкаго посѣвщика *вчетверо* тяжелѣе, чѣмъ на 1 дес. крупнаго посѣвщика. По даннымъ подворной переписи Козельскаго уѣзда точно также при увеличеніи посѣва на 91% (почти вдвое) количество скота возрастаетъ менѣе, чѣмъ на $^1/_5$ (на 19%). Въ Германіи въ 1883 г. на каждые 1.000 гектаровъ с.-х. площади было въ хозяйствахъ до 100 гектаровъ: паровыхъ моторовъ—2,84, другихъ моторовъ 12,44; въ хозяйствахъ свыше 100 гект. паровыхъ моторовъ было 1,08, а прочихъ—только 1,93; лошадей—въ первыхъ хозяйствахъ—11,1, во вторыхъ—7,5 *). То же самое относится и къ с.-х. постройкамъ.

Такимъ образомъ, даже въ томъ случаѣ, если бы внутреннія свойства земледѣлія исключали и кооперацію, и примѣненіе машинъ,—одна только экономія труда на инвентарѣ, благодаря лучшему его использованію, давала бы огромныя преимущества крупному земледѣлію.

Къ сказанному надо добавить еще одно: помимо лучшаго использованія инвентаря, концентрація земледѣльческаго производства даетъ возможность лучше использовать и землю—и количественно, и качественно. Съ одной стороны, въ мелкомъ земледѣліи извѣстная часть территоріи непроизводительно затрачивается на межи и подъѣздные пути, съ другой—въ крупномъ земледѣліи, и только въ немъ, способъ использованія каждой части хозяйственной территоріи можетъ быть приспособленъ къ индивидуальнымъ свойствамъ даннаго участка; распредѣленіе опредѣленныхъ культуръ на соотвѣтствующихъ почвахъ можетъ очень сильно повысить производительность труда; въ мелкомъ же хозяйствѣ это невозможно. Особенно рѣзко это обстоятельство можетъ понижать производительность труда *въ современномъ* мелко-крестьянскомъ земледѣліи, когда крестьянинъ, нуждаясь для продовольствія въ злакахъ, будетъ распахивать заливные луга, или когда онъ посѣетъ на песчаномъ участкѣ ленъ вмѣсто картофеля.

Все сказанное слишкомъ часто и слишкомъ сильно затемняется посторонними соображеніями, или не имѣющими никакого отно

*) Всѣ эти примѣры заимствованы изъ книги Н. А. Карышева „Изъ литературы вопроса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ". М. 1905, стр. 44—45.

шенія къ вопросу о сравнительныхъ преимуществахъ крупнаго и мелкаго земледѣлія, или неправильно освѣщающими самыя простыя и ясныя явленія. При ясной же и точной формулировкѣ, все выше сказанное нельзя ни отрицать, ни оспаривать; все это вполнѣ элементарныя соображенія. Но пойдемъ дальше.

Въ настоящее время, когда фактъ широкаго примѣненія машинъ въ современномъ крупномъ хозяйствѣ извѣстенъ каждому, отрицать *возможность* примѣненія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, повидимому, нельзя. Въ зерновомъ хозяйствѣ (съ травосѣяніемъ или безъ него) всѣ операціи могутъ производиться при помощи машинъ: вспашка, бороньба, сѣвъ, удобреніе, сѣнокошеніе, сѣноворошеніе, сгребаніе и нагрузка сѣна, полка, жатва, молотьба и т. д. Нерѣдко можно слышать, что земледѣльческія машины находятъ себѣ примѣненіе, главнымъ образомъ, въ зерновомъ хозяйствѣ; этимъ указывается на ограниченную роль сельско-хозяйственныхъ машинъ. Но вѣдь современное сельское хозяйство есть зерновое хозяйство; мы можемъ сказать это съ такимъ же правомъ, съ какимъ мы говоримъ, что Россія — страна земледѣльческая, а Бельгія—страна промышленная и т. п. Не говоря уже о такихъ странахъ, какъ Соед.-Штаты и Россія, даже въ интенсивно-ввозящихъ странахъ Зап. Европы, не исключая виноградарскихъ Италіи и Франціи, подавляющая часть пахатной земли занята посѣвами зерновыхъ хлѣбовъ и травъ. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, какъ извѣстно, существуетъ значительное примѣненіе машинъ и въ интенсивныхъ культурахъ при воздѣлываніи корнеплодовъ, въ огородничествѣ и въ молочномъ хозяйствѣ.

Роль с.-х. машинъ ограничивается еще тѣмъ, что далеко не всѣ машины оказываются технически примѣнимыми при всякихъ конкретныхъ условіяхъ хозяйства; кромѣ того, въ настоящее время многія машины еще не настолько усовершенствованы, чтобы качество работы при помощи ихъ могло сравниться съ качествами ручной работы. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но существуетъ не меньше машинъ и вездѣ примѣнимыхъ, и качественно работающихъ такъ, какъ это недостижимо при ручномъ трудѣ,—взять хотя бы паровую молотилку, рядовую сѣялку, косилку, жнейку, сепараторъ, зачастую паровой плугъ и т. д. Во всякомъ случаѣ, если мы отрѣшимся отъ *экономическихъ* условій примѣненія машинъ въ современныхъ хозяйствахъ, то для насъ будетъ ясно и несомнѣнно, что всѣ земледѣльческія машины могутъ сберечь безконечное количество труда, затрачиваемаго на добываніе земледѣльческихъ продуктовъ. Техническое значеніе машинъ различно не только въ сельскомъ хозяйствѣ, но и въ индустріи. И здѣсь, и тамъ онѣ совершенствуются и мало-по-малу оказываются способными въ рукахъ одного рабочаго замѣнить трудъ второго или цѣлой группы другихъ рабочихъ. Съ развитіемъ техническихъ знаній, на сооруженіе и примѣненіе с.-х. машинъ открываются все новыя перспек-

тивы, сулящія все новыя видоизмѣненія земледѣльческой техники. Несомнѣнно, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ откроется широкая возможность къ вытѣсненію изъ сельскаго хозяйства рабочаго скота и къ замѣнѣ его бензиновыми и нефтяными двигателями, а также двигателями внутренняго сгоранія. На недавней сельско-хозяйственной выставкѣ въ Парижѣ демонстрировались эти двигатели—величиною съ порядочный самоваръ и цѣною въ 350 франковъ за $2^1/_2$ лошадиныхъ силы и 1.700 франковъ за 8 лош. силъ. Эти двигатели, которые ѣдятъ только тогда, когда они работаютъ могутъ последовательно приводить въ движеніе плугъ, борону, сѣялку, косилку, жнейку, молотилку. Вообще, отрицать колоссальное значеніе машинъ въ техникѣ сельскаго хозяйства могутъ только люди, страдающіе или доктринерствомъ, или обскурантизмомъ. Къ сожалѣнію, въ нашъ вѣкъ науки доктринерство чрезвычайно часто порождаетъ обскурантизмъ.

Нерѣдко противъ сельско-хозяйственныхъ машинъ выдвигается то ограничивающее положеніе, что примѣненіе машинъ въ земледѣліи имѣетъ локомоторный характеръ, что здѣсь невозможны система машинъ и центральный двигатель. По существу, это положеніе, конечно, вѣрно. Но оно, иллюстрируя отличіе природы сельскаго хозяйства отъ природы индустріи, рѣшительно не въ состояніи умалить роль машинъ въ земледѣліи; выдвигаемое просто отъ излишняго усердія, оно нисколько не касается возможности сбереженія земледѣльческаго труда при помощи машинъ. Машины могутъ повышать производительность труда не только тогда, когда онѣ неподвижны, велики по размѣрамъ и соединены центральнымъ моторомъ; вовсе не требуется и того, чтобы всѣ или даже большинство операцій производства выполнялись при помощи машинъ. Припомнимъ нашъ примѣръ типографіи. Здѣсь не только нѣтъ центральнаго мотора для всѣхъ мастерскихъ; здѣсь даже большинство операцій производится ручнымъ способомъ, при чемъ раздѣленіе труда въ предѣлахъ отдѣльныхъ мастерскихъ проведено лишь въ минимальныхъ размѣрахъ; все производство здѣсь сконцентрировано вокругъ одной операціи печатанія. Это нисколько не мѣшаетъ, однако, машинѣ играть первостепенную роль въ типографскомъ дѣлѣ.

Но мы еще не коснулись главнаго аргумента, ограничивающаго значеніе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Этотъ аргументъ состоитъ въ томъ, что многія машины не рентабельны, не доходны сравнительно со стоимостью производства тѣхъ же работъ ручнымъ способомъ. Изготовленіе машинъ стоитъ дорого, а работаютъ онѣ крайне незначительную часть года, оставаясь въ бездѣйствіи остальное время; между тѣмъ какъ рабочія руки стоятъ иногда очень дешево, и пріобрѣтать ихъ большею частью бываетъ возможно лишь на то время, когда онѣ могутъ пускаться въ ходъ. Въ виду всего этого машины лишь съ большимъ трудомъ и лишь

постепенно, и при томъ далеко не во всѣхъ работахъ, вытѣсняютъ живой трудъ. Вотъ гдѣ заключается главное препятствіе къ распространенію земледѣльческихъ машинъ; вотъ что мѣшаетъ машинизму революціонизировать сельское хозяйство такъ же, какъ была имъ революціонизирована индустрія. — По существу, указанное обстоятельство не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. И намъ было очень важно отмѣтить дѣйствительный факторъ, препятствующій распространенію машинъ въ современномъ земледѣліи. Но интересующаго насъ вопроса о значеніи машинъ въ *техникѣ* сельскаго хозяйства *все сказанное нисколько не касается.* Совершенно безспорно, что с.-х. машины во многихъ случаяхъ не рентабельны для предпринимателей, которые *и машины, и трудъ покупаютъ за деньги.* И предпринимателю выгоднѣе купить трудъ, когда онъ дешевъ, чѣмъ дорого стоющую и мало работающую машину, — особенно, если хозяйство недостаточно крупно и вполнѣ использовать машину нельзя. Да и когда трудъ вздорожаетъ, машина будетъ стоить такъ же дорого и работать такъ же мало. Все это несомнѣнно. Но все это означаетъ только то, что предпринимательскому капиталу вообще не такъ выгодно прилагаться къ сельскому хозяйству, въ виду временнаго характера его работъ. Возможность же сбереженія земледѣльческаго *труда* (*а не денегъ*) посредствомъ машинъ нисколько этимъ не затрагивается. Намъ съ точки зрѣнія нашихъ настоящихъ задачъ не приходится оцѣнивать трудъ на деньги, не приходится выбирать между трудомъ и машиной; намъ приходится оцѣнивать продуктъ на трудъ и выбирать только между количествомъ труда, необходимаго для созданія машины, и количествомъ труда, необходимаго для созданія безъ машины всего того продукта, который можно было бы создать при помощи этой машины. Если, несмотря на свою дороговизну, на небольшой рабочій періодъ и на возможность быть не сполна использованными въ недостаточно большихъ хозяйствахъ, сельско-хозяйственныя машины все таки получили большое распространеніе въ современномъ крупномъ земледѣліи,—то это уже само по себѣ доказываетъ ихъ способность къ огромному сбереженію человѣческаго труда *).

Такъ обстоитъ дѣло съ возможностью примѣненія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Но какъ же эта возможность связывается съ преимуществами крупнаго земледѣлія? Очень просто и при томъ тѣснѣйшимъ образомъ. Примѣненіе машины даетъ возможность создать данное количество продукта съ затратами несравненно меньшаго количества живого труда, чѣмъ это необходимо было бы безъ машины. Это значитъ, что единица машиннаго труда

*) Подробнѣе выяснить этотъ чрезвычайно важный пунктъ я лишенъ возможности за крайнимъ недостаткомъ мѣста. Интересующихся позволю себѣ отослать къ III-ей главѣ моей книги: Н. Сухановъ „Къ вопросу объ эволюціи сел. хоз.“.

можетъ создать сравнительно очень большое количество продукта. Такъ какъ количество единицъ труда (рабочій день и рабочій періодъ) остается въ общемъ неизмѣннымъ, то машина, уже по самой природѣ своей, предполагаетъ большое количество вырабатываемаго продукта, т. е. производство въ крупныхъ размѣрахъ. Въ индустріи самая производительность машины опредѣляетъ размѣры производства; введеніе машины само по себѣ тамъ укрупняетъ производство. Въ сельскомъ хозяйствѣ машина лишь въ очень незначительныхъ предѣлахъ можетъ опредѣлять количество вырабатываемаго продукта; здѣсь она имѣетъ дѣло уже съ даннымъ количествомъ его, съ данными размѣрами производства, которые обусловливаются, главнымъ образомъ, размѣрами хозяйственной площади. Въ индустріи машина можетъ вводиться и для расширенія производства и для экономіи труда, въ земледѣліи—только для экономіи труда. Въ индустріи не можетъ быть вопроса о полномъ или неполномъ использованіи машины; въ земледѣліи степень использованія машины можетъ быть чрезвычайно различной; это должно быть тѣмъ болѣе очевиднымъ послѣ того, какъ мы видѣли выше различныя степени использованія даже простого инвентаря. Въ мелкомъ земледѣліи машина безполезна, такъ какъ количество продукта, проходящаго черезъ машину, тамъ не велико; трудъ необдимый въ мелкомъ земледѣліи для выработки того же продукта ручнымъ способомъ, нерѣдко можетъ быть меньше труда, необходимаго для амортизаціи машины. Такимъ образомъ, машина не только въ индустріи, но и въ земледѣліи органически слита съ крупнымъ производствомъ.

Но этого мало. Машина не только въ индустріи явилась исходнымъ пунктомъ концентраціи производства, но и въ земледѣліи она играетъ ту же роль, какъ самое могучее средство экономія труда. Представимъ себѣ небольшую группу молотильщиковъ, принадлежащихъ къ одной семьѣ и работающихъ цѣпами. Пока техника не можетъ предложить имъ ничего, кромѣ цѣпа, данной семьѣ нѣтъ смысла объединяться съ другими семьями для молотьбы; выгоды, которыя получались бы при совмѣстной работѣ, не окупаютъ утраты самостоятельности, утраты возможности производить данную работу въ любые дни и часы и т. д. Дѣло совершенно мѣняется, когда на сцену является молотилка. Если при помощи ея можно перемолотить продукты полеводства 20-ти и болѣе семействъ, то 20-ти семьямъ не надо затрачивать труда на пріобрѣтеніе болѣе, чѣмъ одной молотилки. Молотилка, такимъ образомъ, даетъ толчекъ къ объединенію этихъ 20-ти хозяйствъ въ процессѣ земледѣлія; она сама по себѣ, самымъ своимъ существованіемъ, какъ-бы автоматически способна сконцентрировать ихъ производство. То же самое при ручномъ сѣвѣ, косьбѣ, пахотѣ и т. д.; и здѣсь все мѣняется съ появленіемъ сѣялки, косилки, жнейки и т. д. И чѣмъ больше машинныхъ операцій, тѣмъ больше связую-

щихъ элементовъ между разрозненными производствами, тѣмъ крѣпче связь, сливающая ихъ въ цѣльный организмъ, тѣмъ полнѣе концентрація производства, основанная на экономическомъ базисѣ, на объективномъ факторѣ, на процессѣ техники.

Мы разсмотрѣли всѣ три фактора, обусловливающіе экономію труда при концентраціи производства. И мы убѣдились, что всѣ эти факторы (возможность кооперацiи, простой и сложной, возможность экономіи инвентаря и примѣненія машинъ) нисколько не исключаются внутренними свойствами сельскаго хозяйства; они свойственны ему въ той же мѣрѣ, какъ и многимъ важнымъ отраслямъ индустріи. А это значитъ, что не только апріорныя предпосылки, но и конкретное разсмотрѣніе техническихъ условій производства заставляетъ насъ признать, что при концентраціи земледѣльческаго производства достигается экономія труда, т. е. что производство въ крупныхъ размѣрахъ болѣе совершенно, чѣмъ мелкое производство.

III.

До сихъ поръ мы разсматривали преимущества крупнаго земледѣлія лишь съ формальной стороны, т. е. выясняли однѣ только *возможности* экономіи труда во всякомъ крупномъ производствѣ. Но вѣдь въ началѣ статьи мы поставили себѣ иныя задачи. Наша цѣль — выяснить, какая изъ *современныхъ* формъ земледѣлія является болѣе совершенной: побѣждающее ли мелко-крестьянское земледѣліе, или вытѣсняемое крупно-капиталистическое? Намъ необходимо, поэтому, знать, въ какой мѣрѣ свойственны всѣ выясненныя нами преимущества современному крупно-капиталистическому земледѣлію, въ какой мѣрѣ оно въ дѣйствительности пользуется своими преимуществами?

Что касается первыхъ двухъ факторовъ экономіи труда, то несомнѣнно, что самая возможность ихъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ наличность въ крупно-капиталистическомъ хозяйствѣ. И простая кооперація, и—въ извѣстныхъ предѣлахъ—сложная вытекаютъ изъ самаго понятія коллективно-крупнаго производства; въ каждомъ крупномъ хозяйствѣ онѣ, конечно, на лицо, какая-бы ни была его соціальная оболочка и его экономическая основа. То же самое надо сказать и про экономію труда, овеществленнаго въ инвентарѣ,—ибо нельзя представить себѣ, чтобы какой-либо хозяинъ сталъ пріобрѣтать 30 плуговъ, когда его пашню можно вспахать 25-ю, чтобы онъ сталъ строить для каждой лошади отдѣльную конюшню и т. д.

Съ примѣненіемъ машинъ дѣло обстоитъ не такъ. Несмотря на возможность огромнаго сокращенія труда при помощи сельско-хозяйственныхъ машинъ, современное крупно-капиталистическое земледѣліе можетъ и примѣнять, и не примѣнять ихъ. Однако,

всѣмъ извѣстно, что машины примѣняются въ современномъ крупномъ хозяйствѣ,—примѣняются въ громадномъ количествѣ и почти во всѣхъ операціяхъ. И говоря о возможности сельско-хозяйственныхъ машинъ, мы исходили именно изъ факта ихъ широкаго распространенія. Однако, машины примѣняетъ не только крупное, но и мелкое земледѣліе. Мы должны поэтому выяснить, гдѣ примѣненіе машинъ сберегаетъ больше труда—въ крупно-капиталистическихъ или въ мелко-крестьянскихъ хозяйствахъ.

Мы знаемъ, что для наибольшаго сбереженія труда посредствомъ машинъ надо: 1) примѣнять машины и 2) вполнѣ использовать примѣняемые экземпляры. Что наиболѣе полно можно использовать машины въ *крупномъ* хозяйствѣ, въ этомъ, повидимому, не можетъ быть сомнѣній. Но этого слишкомъ мало: необходимо отмѣтить, что въ мелкомъ хозяйствѣ огромнаго большинства машинъ *нельзя* вполнѣ использовать. Если о многихъ машинахъ приходится слышать, что онѣ съ выгодой примѣняются и въ мелкихъ хозяйствахъ, то это совсѣмъ не значитъ, что тѣ же самыя машины, будучи примѣнены въ крупныхъ хозяйствахъ, не сохранятъ несравненно большаго количества труда. Проф. Бажаевъ въ упомянутой уже статьѣ о моей книгѣ приводитъ, какъ говорится, «въ защиту мелкаго хозяйства» разсчетъ Фишера, что «рядовая сѣялка шириною въ 1,88 метра можетъ быть съ выгодой примѣняема даже владѣльцемъ пахотной площади въ 13 гектаровъ». Во-первыхъ, это далеко не малая площадь, особенно по германскимъ условіямъ (хозяйство не менѣе 20 гектаровъ). Во-вторыхъ, дѣло вовсе не въ томъ, что сѣялка можетъ примѣняться на данной площади; дѣло въ томъ, не можетъ-ли та же самая сѣялка обслужить большую площадь, или: не меньше ли труда надо затратить на операцію сѣва при помощи другой сѣялки (въ 4 метра шириной), способной обслужить вдвое больше пашни?—Проф. Бажаеву не ясно, что дѣло именно въ этомъ, когда мы разсуждаемъ о сравнительныхъ преимуществахъ крупнаго и мелкаго земледѣлія. А между тѣмъ мы знаемъ, что даже простой однолемешный плугъ можно вполнѣ использовать лишь при 10 дес. пашни въ одномъ полѣ. По извѣстнымъ вычисленіямъ Гвидо Краффта рядовую сѣялку можно использовать сполна лишь на 75 гектарахъ пашни; для использованія паровой молотилки требуется 500 гект. пашни; для парового плуга—1000 гект. пашни. Если болѣе мелкія хозяйства пользуются этими машинами, то значитъ, въ виду ихъ огромной производительности, хозяева все-таки сберегаютъ трудъ сравнительно съ ручной работой. Не ясно-ли, однако, какое колоссальное количество труда, какая большая часть самой машины растрачивается въ нихъ даромъ сравнительно съ болѣе крупными хозяйствами.

Но перейдемъ къ другому пункту. Въ какихъ хозяйствахъ больше примѣняются машины, въ крупно-капиталистическихъ или

въ мелко-крестьянскихъ?—Не ясно-ли и это само собой, особенно послѣ только что сказаннаго?

Возьмемъ Германію, гдѣ мелко-крестьянское земледѣліе оборудовано, конечно, несравненно лучше, чѣмъ, напр., въ Россіи. 15 лѣтъ тому назадъ, въ 1895 году, слѣдующій процентъ хозяйствъ различныхъ группъ примѣнялъ сельскохозяйственныя машины:

Размѣры хозяйствъ.	Паровыя молотилки.	Другія молотилки.	Паровые плуги.	Рядовыя сѣялки.	Машины для разбрасыванія удобрен.	Жнейки и косилки.
До 2 гектаровъ	1,08	0,49	—	0,45	—	0,01
2—5 гектаровъ	5,20	6,56	—	1,34	0,03	0,06
5—20 гектаровъ	10,95	31,89	0,07	5,01	0,19	0,61
20—100 гектаровъ	15,82	64,24	0,09	21,97	2,48	6,93
Свыше 100 гектаровъ	61,03	61,76	5,30	100,00	37,31	31,83

Въ хозяйствахъ свыше 500 гектаровъ примѣненіе машинъ еще болѣе повышается, и при томъ очень рѣзко: такъ, среди хозяйствъ, владѣющихъ 500 и бол. гектаровъ, около 84% примѣняютъ паровыя молотилки. Всякіе комментаріи, повидимому, излишни *). Не-

---

*) Вѣрнѣе—были-бы излишни, если-бы И. П. Огановскій не сообщилъ намъ слѣдующаго „о томъ статистическомъ фокусѣ, который обыкновенно продѣлываютъ гг. марксисты. Когда имъ надо доказать, что техника болѣе распространена въ крупномъ хозяйствѣ, то они разсчитываютъ, какой % *хозяйствъ* въ каждой *группѣ* употребляетъ усовершенствованныя орудія (увы, мы также только что продѣлали этотъ фокусъ. Н. Г.). Естественно, что перевѣсъ оказывается на сторонѣ крупныхъ хозяйствъ, потому что у нихъ площадь земли на каждое хозяйство гораздо больше (?). Но этотъ перевѣсъ получается благодаря искусственному статистическому пріему. Широкая публика этого, конечно, не понимаетъ". Огановскій же понимаетъ, что „то хозяйство, у котораго на единицу обрабатываемой площади окажется больше машинъ, и надо признать *лучше оборудованнымъ*" (е. с. стр. 57 курс. авт.).— „Хорошій и свѣдущій статистикъ", по отзыву А. В. Пѣшехонова, показалъ себя таковымъ во всякомъ случаѣ не въ данномъ, чрезвычайно важномъ, пунктѣ... Неужели то хозяйство надо считать лучше оборудованнымъ, у котораго на 1 десятину окажется 2 паровыхъ плуга и 10 жнеекъ? Едва-ли Огановскій, для доказательства лучшаго оборудованія мелкихъ хозяйствъ приводитъ таблицу, изъ которой явствуетъ, что на 1000 гектаровъ у мелкихъ хозяйствъ оказывается значительно больше машинъ, чѣмъ у крупныхъ. Онъ дѣйствительно доказалъ бы этой таблицей то, что хотѣлъ, если-бы принялъ во вниманіе условія использованія сельскохозяйственныхъ машинъ и число хозяйствъ, пользующихся машинами, въ различныхъ группахъ. Но этого онъ не сдѣлалъ и естественно неправильно рѣшилъ уравненіе, въ которомъ не одно, а три неизвѣстныхъ. Мы добыли два изъ нихъ въ предшествующемъ изложеніи. И если мы ихъ подставимъ, то таблица Огановскаго будетъ означать, что среди моря мелкихъ хозяйствъ, работающихъ ручнымъ способомъ, попадаются ничтожныя группы, имѣющія машины (нерѣдко отдающія ихъ въ наемъ и сосѣдямъ); но большая производительность машинъ не позволяетъ мелкимъ хозяйствамъ вполнѣ ихъ использовать, и большая часть этихъ машинъ пропадаетъ даромъ; понятно, поэтому, что крупныя хозяйства, изъ которыхъ

зависимо отъ полноты использованія машинъ, самое примѣненіе ихъ въ десятки разъ болѣе распространено въ крупныхъ хозяйствахъ, чѣмъ въ мелко-крестьянскихъ.—На одномъ только примѣненіи машинъ современныя крупно-капиталистическія хозяйства экономятъ прямо необъятное количество труда. Только этимъ и можно объснить (въ той же Германіи) неуклонное и интенсивное сокращеніе земледѣльческаго населенія, т. е. вытѣсненіе изъ деревни сельскохозяйственнаго пролетаріата, при неизмѣнности размѣровъ производства. Уже одно только примѣненіе машинъ даетъ возможность въ крупно-капиталистическомъ хозяйствѣ добыть на единицу труда несравненно больше продукта, чѣмъ въ мелко-крестьянскомъ хозяйствѣ *).

IV.

Итакъ, всѣ факторы, обусловливающіе экономію труда при концентраціи производства, на лицо въ современномъ крупно-капиталистическомъ земледѣліи. Т. е. объективныя условія труда въ крупно-капиталистическомъ земледѣліи дѣлаютъ трудъ гораздо

машинами (кромѣ парового плуга) пользуется отъ 1/3 до 2/3 и болѣе, имѣютъ на ту же площадь пашни меньше машинъ. Такъ, по таблицѣ Огановскаго, на 1000 гектаровъ въ крупныхъ хозяйствахъ приходится 2 паров. молотилки, а въ мелкихъ—13. Но мы знаемъ, что для 1000 гект. и не надо больше 2 паров. молотилокъ. Слѣдовательно, въ мелкихъ хозяйствахъ трудъ на 11 паров. молотилокъ оказывается растраченнымъ совершенно безплодно.—Таблицы, аналогичныя приводимой Огановскимъ, мы приводили выше (заимств. у Карышева) для иллюстраціи того, насколько тяжелѣе ложится живой и мертвый инвентарь на 1 дес. мелкаго посѣвщика сравнительно съ крупнымъ. Тамъ неизвѣстныхъ было меньше, такъ какъ дѣло шло не объ усовершенствованномъ инвентарѣ, а о необходимомъ всякому и объ имѣвшемся у всѣхъ хозяевъ. Для доказательства лучшаго оборудованія крупныхъ или мелкихъ хозяйствъ надо именно употребить тотъ „фокусъ", какой мы продѣлали, т. е. опредѣлить % хозяйствъ въ каждой группѣ, пользующихся машинами.

*) Какъ на доводъ противъ техническихъ преимуществъ крупнаго земледѣлія, нерѣдко указывается на то, что обширная сельскохоз. площадь требуетъ много времени на передвиженіе рабочихъ, машинъ, матеріаловъ и т. д. При этомъ обыкновенно ссылаются на Тюнена. Доводъ этотъ, конечно, основанъ на недоразумѣніи. Имъ *предрѣшаются* такіе размѣры сельско-хоз. площади, которые не выгодны, на которыхъ передвиженіе не окупается ни лучшимъ использованіемъ машинъ, ни другими выгодами крупнаго земледѣлія. Но само собой разумѣется, что въ дѣйствительности никогда и не можетъ быть такихъ размѣровъ сельско-хоз. площади,—развѣ только у сумасшедшаго хозяина. Каждый-же разумный хозяинъ въ данномъ случаѣ, конечно, сдѣлаетъ то, что вполнѣ властенъ сдѣлать каждый хозяинъ: онъ сократитъ размѣры сельскохоз. площади до тѣхъ предѣловъ, когда крупное производство, отнюдь не становясь мелкимъ, будетъ выгодно. Вѣдь аргументы въ пользу крупнаго земледѣлія конкретныхъ размѣровъ сельско-хоз. площади, конечно, не предрѣшаютъ. Во всякомъ случаѣ современнымъ крупнымъ хозяевамъ приведенный доводъ, повидимому, не кажется убѣдительнымъ, да и техническіе обходы даннаго затрудненія чрезвычайно просты.

болѣе производительнымъ, чѣмъ въ мелко-крестьянскомъ; взятая съ своей технической стороны, первая форма земледѣлія является гораздо болѣе совершенной, чѣмъ вторая.

Чтобы сдѣлать нашъ окончательный выводъ, намъ остается лишь посмотрѣть, не осложняютъ-ли, не парализуютъ-ли какіе-либо особые, посторонніе факторы тѣхъ преимуществъ, которыя свойственны объективнымъ условіямъ труда крупнаго производства.

Выше мы отмѣтили, что всякая отрасль хозяйства, взятая въ отдѣльности, имѣетъ помимо своей технической стороны *соціальную* сторону. И мы видимъ, что эта соціальная сторона отрицательно вліяетъ на производительность труда въ современномъ крупномъ земледѣліи: единица труда наемнаго рабочаго менѣе продуктивна сравнительно съ единицей труда крестьянина-собственника. Этотъ отрицательный факторъ, свойственный рѣшительно всѣмъ отраслямъ капиталистической индустріи, одинъ только и противостоитъ всѣмъ техническимъ преимуществамъ крупно-капиталистическаго земледѣлія. Но едва-ли можетъ быть рѣчь о томъ, чтобы онъ могъ ихъ существенно ограничить. Несомнѣнно, что, наоборотъ, техническія преимущества, какъ и въ индустріи, съ громаднымъ избыткомъ покрываютъ его; и это тѣмъ болѣе несомнѣнно, что машинное производство вообще сводитъ къ минимальнымъ размѣрамъ интересующія насъ особенности наемнаго труда; механическіе-же двигатели сами по себѣ ставятъ производительность труда рабочаго въ очень опредѣленныя рамки.

Соціальной и технической сторонами исчерпывается все содержаніе любой отрасли хозяйства, взятой въ отдѣльности, какъ самодовлѣющее цѣлое. Но въ современной дѣйствительности, какъ извѣстно, каждая отрасль хозяйства сплетена тѣснѣйшими узами со всей экономической жизнью; для каждаго современнаго хозяйства необходимы и неизбѣжны внѣшнія сношенія. Главнымъ образомъ, эти внѣшнія сношенія выражаются въ привлеченіи въ хозяйство капитала (какъ экономической, а не соціальной категоріи), въ пріобрѣтеніи орудій и матеріаловъ и въ сбытѣ продуктовъ производства. И вотъ здѣсь выступаетъ новая сторона каждой отрасли хозяйства,—собственно *экономическая*. Очевидно, что она также способна опредѣлить собой преимущества той или другой изъ современныхъ формъ земледѣлія.

Не ясно ли, что и эта сторона создаетъ колоссальныя преимущества для крупно-капиталистическаго земледѣлія? Будучи несравненно лучше снабжено капиталомъ, какъ средствомъ производства, крупно-капиталистическое земледѣліе обладаетъ прежде всего возможностью своевременной и оптовой закупки, а также своевременнаго сбыта. Затѣмъ, по самому существу своему, оно не способно прибѣгать къ ростовщическому кредиту. Мелкое хозяйство, не обладающее достаточнымъ капиталомъ, очень большую часть труда, овеществленнаго въ продуктѣ, теряетъ отъ роз-

ничной покупки и несвоевременнаго сбыта изъ-за нужды. Кромѣ того, извѣстно, сколько крестьянскаго труда, особенно въ странахъ недостаточно развитаго мелкаго кредита (которыхъ еще большинство), идетъ на потребу ростовщикамъ и, слѣдовательно, пропадаетъ безплодно для мелкаго хозяина. Наконецъ, въ современномъ крупномъ земледѣліи возможно отдѣленіе коммерческой части отъ технической, хорошая ея постановка, исключающая дѣлежъ продукта между нѣсколькими посредниками, ведущій къ утратѣ существенной его части для предпринимателя. Наоборотъ, въ мелкомъ хозяйствѣ такая постановка коммерческой части невозможна. Какъ извѣстно, современный крестьянинъ, по скольку онъ производитъ для продажи, производитъ на скупщика. Въ рукахъ скупщика крестьянинъ и оставляетъ систематически ту часть своего продукта, которая должна соотвѣтствовать его прибыли. Эта конфискація у мелкаго земледѣльца его прибавочнаго труда представляетъ изъ себя не исключеніе, а общее правило. На одномъ только прибавочномъ продуктѣ, оставляемомъ въ рукахъ ростовщика, скупщика и т. д., мелко-крестьянское хозяйство растрачиваетъ непроизводительно огромную долю своего труда; значительную часть своего дня крестьянинъ работаетъ впустую, какъ и наемный рабочій.

Правда, нерѣдко указываютъ, что мелкое хозяйство можетъ обходиться безъ ренты и прибыли, ему довольно хорошаго заработка. Этотъ доводъ иногда выставляется въ качествѣ одного изъ преимуществъ мелкаго хозяйства. Но возможностью обходиться безъ прибыли и не ликвидировать при этомъ хозяйства, т. е. эластичностью желудка и трудоспособности можно объяснить устойчивость, живучесть, но нельзя доказывать преимуществъ мелкаго хозяйства. Преимущества обусловливаются не возможностью для хозяйствующаго субъекта растрачивать даромъ свой трудъ, а большей производительностью труда въ его хозяйствѣ, большимъ количествомъ продукта, полученнымъ въ немъ на единицу труда.

Итакъ, подобно индустріи, крупно-капиталистическое земледѣліе является несравненно болѣе совершеннымъ, чѣмъ мелко-крестьянское. Слѣдовательно, въ противоположность индустріи, въ современныхъ условіяхъ побѣждаетъ менѣе совершенная, а разлагается болѣе совершенная форма сельскаго хозяйства.

Мы видимъ, что писатели ревизіонистскаго толка слишкомъ упрощаютъ дѣло, когда объясняютъ побѣду мелко-крестьянскаго земледѣлія его преимуществами. Не *потому* оно побѣждаетъ, что большее совершенство на его сторонѣ, а побѣждаетъ оно, *несмотря* на большее совершенство крупно-капиталистическаго земледѣлія. Это неправильное объясненіе заставляетъ ревизіонистовъ дѣлать

и совершенно неправильные выводы относительно будущей судьбы мелкаго земледѣлія, какъ такового.

Во всякомъ случаѣ, нашъ выводъ заставляетъ насъ искать другихъ причинъ своеобразнаго хода аграрной эволюціи. Будемъ искать ихъ.

Но, вотъ, какое является сомнѣніе. Правильно ли мы установили критерій для оцѣнки различныхъ формъ сельскаго хозяйства? Можетъ быть, для оцѣнки земледѣльческаго производства необходимъ иной, особый критерій, не свойственный всякой экономикѣ вообще? Можетъ быть, въ основу оцѣнки мы должны были положить не производительность труда, а, напр., производительность *земли*, т. е. степень интенсивности земледѣлія? Современое мелкокрестьянское хозяйство болѣе интенсивно, чѣмъ крупное. Вмѣстѣ съ тѣмъ, интенсивное земледѣліе, вообще, считается высшей формой земледѣлія, формой будущаго. Именно на этомъ болѣе, чѣмъ на чемълибо другомъ, основывается Давидъ, когда утверждаетъ, что мелкокрестьянское хозяйство есть высшая форма сельскаго хозяйства, которой принадлежитъ будущее. Проблемы объ интенсивности земледѣлія мы до сихъ поръ совершенно не касались; мы выносили за скобку вопросъ о производительности земли и считали его безразличнымъ, не касающимся вопроса о сравнительныхъ преимуществахъ крупнаго и мелкаго земледѣлія. Прежде чѣмъ отправиться на поиски иныхъ причинъ своеобразнаго развитія аграрныхъ отношеній, мы должны проникнуть въ самыя нѣдра давидіанства и разсмотрѣть проблему *интенсивности* земледѣлія, какъ критерій его совершенства.

Ник. Гиммеръ (Н Сухановъ).

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ *).

V.

Учитель русской словесности Чураковскій.—Отроческія ссоры и примиренія.

Разъ лѣтомъ проходилъ я съ Викторомъ по длинной и безлюдной Песочной улицѣ. Неожиданно братъ дернулъ меня за рукавъ и зашепталъ:

— Смотри, смотри, Чураковскій идетъ!..

Точно электрическій токъ пробѣжалъ по мнѣ: я ни разу еще не видалъ въ глаза этого учителя, имя котораго, можно сказать, гремѣло у насъ во всемъ городѣ, и къ которому теперь, съ переходомъ въ IV классъ, интересъ мой, конечно, долженъ быть удесятериться.

Бритое, моложавое лицо съ шапкой рыжихъ кудрявыхъ волосъ и свѣтлыми, добродушными, но вмѣстѣ и нѣсколько лукавыми глазами, показалось мнѣ необычайно симпатичнымъ. Пріятно поразило и то обстоятельство, что, встрѣтивъ на улицѣ гимназистовъ, Чураковскій тутъ же, въ ихъ присутствіи, сталъ закуривать папиросу: обыкновенно учителя наши, строго преслѣдуя куренье среди учениковъ, воздерживались и сами отъ публичнаго употребленія табаку, стараясь вообще казаться олимпійцами, чуждыми мелкимъ людскимъ слабостямъ. Но Чураковскій во многихъ отношеніяхъ былъ вольнодумцемъ...

Когда учитель скрылся, наконецъ, съ поля нашего зрѣнія, я съ жаромъ началъ разспрашивать о немъ Виктора, ожидая услышать обычные восторженные отзывы. Но, къ моему удивленію, собесѣдникъ мой обнаружилъ при этомъ какую то связанность и уклончивость.

— Да, конечно... Онъ не вредный...

— Какъ! да вѣдь онъ замѣчательный?.. Онъ, говорятъ, держится съ гимназистами, почти какъ товарищъ? Правда это?

---

*) „Р. Б.“, мартъ.

— Ну, тоже есть свои недостатки...

— Какіе же?..

Викторъ явно хотѣлъ уклониться отъ объясненія, но я настаивалъ такъ упорно, что онъ, наконецъ, сказалъ:

— Видишь ли: онъ—несправедливый человѣкъ.

— Чураковскій—несправедливый человѣкъ?!

Это было по истинѣ ошеломляющей новостью.

— Ну, положимъ, я немножко хватилъ, — поспѣшилъ поправиться Викторъ.—А все же... Вотъ, напримѣръ, со мной... Учу я уроки, по совѣсти сказать, хорошо, а сочиненія пишу ужъ, конечно, лучше какого-нибудь Ерохина или Березина. А между тѣмъ, посмотри: у нихъ въ тетрадкѣ все четверки да пятерки, а у меня—тройка. Почему это? Только потому, что лицо мое не понравилось Чураковскому, и онъ вообразилъ, что я тупица и долбила! Теперь ужъ его ничѣмъ въ этомъ не разубѣдишь!

Непріятная заноза была закинута этимъ признаніемъ въ мое сердце, и я съ тревожной и безпокойной влюбленностью ждалъ, когда Чураковскій впервые назоветъ во время урока мою фамилію. Съ необычайнымъ стараніемъ писалъ я также первое свое сочиненіе и, дѣлая обычную ошибку всѣхъ гимназистовъ, желающихъ отличиться и забывающихъ о томъ, что страшно занятый учитель долженъ проклинать въ душѣ черезчуръ краснорѣчивыхъ и многорѣчивыхъ писакъ,—расползся чуть не на полсотню страницъ...

Возвращая послѣ того ученикамъ тетради и остановившись на моей, Чураковскій неожиданно сказалъ, обращаясь ко всему классу:

— Почеркъ Вересова напомнилъ мнѣ, господа, печать „Московскихъ Вѣдомостей“: что то такое же четырехугольное и... какъ бы это выразиться помягче... не слишкомъ умное. Ну! Ну! вы не обижайтесь, Вересовъ... Вѣдь это я о почеркѣ только.

Тѣмъ не менѣе, классъ громко и довольно хохоталъ; улыбался и самъ почтенный преподаватель словесности, очевидно, не имѣвшій и тѣни серьезнаго намѣренія уязвить одно маленькое сердце. А оно было глубоко и неизлѣчимо ранено... Съ большимъ волненіемъ развертывалъ я свою злополучную тетрадь и перелистывалъ: ни одного подчеркнутаго слова—и, однако, въ концѣ сочиненія только четверка! Викторъ былъ правъ: мое лицо тоже не понравилось Чураковскому... Тайной горячей любви моей угрожала, очевидно, полная односторонность...

Какими же, однако, достоинствами пріобрѣлъ Чураковскій свою рѣдкую популярность, почему всѣ у насъ считали его не только умнымъ, но даже «замѣчательнымъ» учи-

телемъ? Отнюдь, конечно, не благодаря какимъ-либо особеннымъ педагогическимъ способностямъ. Какъ педагогъ, это былъ довольно-таки заурядный представитель старой школы, глубоко равнодушный и къ дѣтямъ, и къ дѣлу преподаванія, лѣнивый, халатный, не по призванію, очевидно, а лишь совершенно случайно выбравшій учительское поприще. Всячески отлынивалъ онъ даже отъ простыхъ объясненій задаваемаго урока и свой казенный часъ старался провести возможно для себя легче и беззаботнѣе: разсказывалъ гимназистамъ разные забавные анекдоты изъ мѣстной (нерѣдко даже учительской) жизни, подшучивалъ (правда, незлобно и невинно) надъ кѣмъ-либо изъ учениковъ,—вообще, что называется, „теръ волынку"... Для всѣхъ было ясно, что онъ невыносимо скучаетъ во время классныхъ занятій и ждетъ не дождется, когда прозвенитъ, наконецъ, благодѣтельный звонокъ, и онъ сможетъ спокойно пойти домой, надѣть халатъ и туфли и, съ интереснымъ романомъ въ рукахъ, комфортабельно улечься, подобно Обломову, на диванѣ. Всѣ мы отлично знали также, что Сергѣй Захаровичъ не дуракъ выпить въ компаніи и поиграть въ картишки... Словомъ, это былъ одинъ изъ безчисленныхъ представителей стараго типа учителей, только добродушный и ни въ какомъ случаѣ не „вредный"...

Но имѣлась у Чураковскаго одна оригинальная особенность, дѣлавшая его яркимъ и отраднымъ исключеніемъ, особенность, благодаря которой многіе изъ его учениковъ и десятки лѣтъ спустя вспомнятъ о немъ, вѣроятно, съ теплымъ волненіемъ и любовью. Отъ природы это былъ очень талантливый человѣкъ, понимавшій и горячо любившій литературу, театръ, музыку, поэзію, искусство вообще. Самъ онъ отлично игралъ на скрипкѣ и былъ великолѣпнымъ актеромъ. Когда въ городскомъ театрѣ давались, бывало, любительскіе спектакли, въ кассу, гдѣ продавались билеты, буквально ломилась публика, жаждавшая посмотрѣть „знаменитаго" Бѣлкина (театральный псевдонимъ Чураковскаго),—дѣйствительно, неподражаемаго въ комическихъ роляхъ Хлестакова, Кочкарева, Репетилова и т. п. Я не знавалъ также лучшаго чтеца Гоголя. Глубоко и тонко понималъ онъ этого любимаго своего писателя и, не уставая, готовъ былъ читать его вслухъ. Мы, гимназисты, знали, конечно, эту маленькую слабость учителя и частенько на ней наигрывали.

Въ гимназіи нашей вообще существовалъ почему-то добрый обычай, въ силу котораго въ послѣдніе дни передъ Рождествомъ и Пасхой самые угрюмые и недоброжелательные изъ педагоговъ, нерѣдко даже безъ спеціальныхъ просьбъ съ нашей стороны, вмѣсто того, чтобы спрашивать

уроки, что-нибудь читали намъ вслухъ (даже „греки и латины“ читали какіе-то снотворные трактаты по миѳологіи). И вотъ Чураковскій особенно отличался въ эти счастливые дни... Впрочемъ, его и въ обычное время, среди года, нетрудно было вызвать на чтеніе, въ особенности сочиненій Гоголя,—стоило только положить ихъ такъ, чтобы они бросались въ глаза: сначала вниманіе учителя привлекалъ, казалось, только переплетъ; потомъ онъ начиналъ, какъ-будто небрежно, перелистывать самую книгу и при этомъ цитировалъ одну-другую, выхваченную тамъ и сямъ, фразу; но потомъ забывалъ все на свѣтѣ и съ упоеніемъ прочитывалъ вслухъ цѣлые десятки страницъ изъ „Тараса Бульбы“, „Женитьбы“ или „Мертвыхъ Душъ“... И я, право, могу головой поручиться, что мало кто на Руси видалъ и слыхалъ такую Коробочку, Собакевича или Плюшкина, какъ я съ своими бывшими товарищами по гимназіи!.. Удивительно читалъ также Чураковскій лирическіе стихи: какой то упоительно сладкой музыкой вѣяло отъ самыхъ, казалось, обыкновенныхъ русскихъ словъ, когда они срывались съ губъ этого добродушнаго и лѣниваго провинціальнаго учителя...

Вотъ Чураковскій вскакиваетъ неожиданно со стула и начинаетъ ходить по классу, потирая руки или хлопая себя по ляшкамъ.

— Бр! топятъ-то у васъ, господа, плоховато, чортъ возьми... Экономъ-то, должно быть, того, кармашекъ себѣ нагрѣваетъ. Говорятъ, домокъ уже благопріобрѣлъ на Благовѣщенской улицѣ... Это не то, что мы, грѣшные; вонъ какая обштановка то у меня,—Чураковскій указывалъ на свои брюки,—съ благопріобрѣтеннымъ лоскомъ!..

Веселымъ хохотомъ встрѣчалась острота любимаго учителя.

— А прочтите намъ, Сергѣй Захаровичъ, лучшіе стихи Пушкина,—обращался къ нему кто-нибудь изъ учениковъ, видя, что учитель въ духѣ и самъ не особенно склоненъ обращаться къ серьезнымъ занятіямъ.—Какіе пушкинскіе стихи вы считаете лучшими?

— Что такое? Что такое? Лучшіе пушкинскіе стихи! Да, прежде всего, зачѣмъ это вамъ понадобилось? Что вы Гекубѣ, и что вамъ Гекуба? Навѣрное, для васъ—что Пушкинъ, что Ляпушкинъ—все едино! Что стихи, что мякина!

— Вотъ и ошибаетесь, Сергѣй Захарычъ, многіе изъ насъ сами даже стихи пишутъ... Прочтите! Прочтите!

— „Прочтите!“ — передразнивалъ Чураковскій. — А отъ программы мы и такъ ужъ давно отстали.

Тѣмъ не менѣе, идея прочесть «лучшіе» стихи Пушкина,

видимо, приходилась ему по вкусу, и, сѣвъ за каѳедру, онъ вдругъ глубоко и скорбно задумывался. Потомъ вдругъ проводилъ быстро рукой по волосамъ и начиналъ тихимъ, задушевнымъ голосомъ:

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой...
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать,
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала,
Изъ края душнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: „Въ часъ свиданья,
Подъ небомъ вѣчно голубымъ,
Въ тѣни оливъ любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ!"

Дойдя до этого мѣста, Чураковскій вдругъ, помню, сконфузился: вѣроятно, смутила его мертвая тишина, внезапно воцарившаяся въ классѣ, и странно засверкавшіе у многихъ изъ слушателей глаза...

— Ну, и такъ далѣе!—оборвалъ онъ самъ себя.—Какъ видите, содержаніе самое ерундистое, хотя звуки, дѣйствительно, прекрасные.

— Нѣтъ, кончите, кончите, Сергѣй Захарычъ!—единодушно завопилъ классъ, и Чураковскій долженъ былъ кончить:

Но тамъ, увы! гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой,
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его—онъ за тобой!

И сейчасъ еще явственно звучитъ въ моихъ ушахъ послѣдній, поразительно прочитанный Чураковскимъ стихъ.

Какъ сейчасъ вижу, — сказать кстати,—то смущеніе, съ какимъ Чураковскій явился въ классъ на другой день послѣ своей свадьбы. Мы, школьники, разумѣется, были уже освѣдомлены объ этомъ великомъ событіи и широко пялили глаза

на учителя: почему-то намъ казалось, что въ чемъ-то онъ долженъ былъ непремѣнно измѣниться, что сегодня онъ уже далеко не тотъ, какимъ былъ недѣлю и больше назадъ.

Кто-то на задней партѣ фыркнулъ отъ смѣха.

— Ну, что? Чего зубы скалите? Хи-хи-хи! Ну, чего?— тотчасъ же сердито повернулся туда Чураковскій, вѣроятно, желая выйти изъ неловкаго положенія,—и сконфузился еще больше, покраснѣвъ до корня волосъ.

Послѣ женитьбы онъ быстро началъ опускаться: облѣнился еще больше, растолстѣлъ и, подъ предлогомъ игры на скрипкѣ, требующей, будто-бы, мягкаго упора, отпустилъ огромную, морковнаго цвѣта бороду...

Возвращаясь отъ этихъ прозаическихъ воспоминаній къ Пушкину, я считаю нелишнимъ прибавить, что молодежь моего поколѣнія,—да и много позже,—плохо знала великаго поэта по совсѣмъ особой, теперь уже не существующей по счастью причинѣ: сочиненія его стоили въ то время 15 рублей, и рѣдко кто могъ поэтому видѣть и читать ихъ въ цѣломъ видѣ. Помню, напр., что, доставъ какъ-то (съ немалымъ трудомъ) томикъ Пушкина изъ „фундаментальной" гимназической библіотеки, я *переписалъ* для себя отъ первой до послѣдней строки всего „Евгенія Онѣгина"...

Думаю, что именно Чураковскому я лично обязанъ тѣмъ, что въ душѣ моей пробудились первыя настоящія поэтическія эмоціи, несмотря на то, что первое собственное „стихотвореніе" было написано мной девяти лѣтъ отъ роду, еще въ Исаевѣ, когда я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія даже о стихотворной техникѣ. И о поэзіи въ тѣхъ дѣтскихъ виршахъ не было, конечно, помину... А затѣмъ на много лѣтъ я почему-то забросилъ стихи, увлекшись прозой. Сколько я написалъ въ то время повѣстей и даже драмъ — одинъ Аллахъ помнитъ! Викторъ училъ обыкновенно свои уроки вслухъ,—и, вотъ, услыхавъ однажды отъ него фамилію Чичикова, героя „Мертвыхъ Душъ", и Бибикова, усмирителя пугачевскаго бунта, я, не заботясь ни о какой внутренней связи между этими именами, настрочилъ немедленно повѣсть, въ которой Чичиковъ и Бибиковъ фигурировали рядомъ, какъ закадычные друзья. Встрѣтивъ гдѣ-то Чичикова послѣ многолѣтней разлуки, мой Бибиковъ устроилъ немедленно пиръ горой, предварительно накупивъ для этого „булокъ, пирожныхъ и всего, всего"... Только одинъ этотъ любопытный образъ и сохранился въ моей памяти отъ знаменитой нѣкогда повѣсти...

Смутно помню также трагедію въ прозѣ „Александръ Македонскій»...

Знакомство съ Ласочкинымъ въ третьемъ классѣ впер-

вые пробудило во мнѣ стихотворную горячку, но ни на шагъ не двинуло впередъ въ пониманіи собственно поэзіи. И только Чураковскій, самъ того неподозрѣвая, далъ мнѣ почувствовать эту высшую тайну...

Онъ же явился,—и тоже помимо своего вѣдома,—моимъ помощникомъ въ борьбѣ съ Ласочкинымъ.

Недавніе друзья, какъ и слѣдовало ожидать, превратились съ начала новаго года въ ожесточеннѣйшихъ враговъ.

Увидавъ Ласочкина, я, по старой привычкѣ, съ радостью бросился было ему навстрѣчу.

— Мы опять на задней скамейкѣ сядемъ? Иди сюда, тутъ есть мѣсто.

Но бывшій другъ холодно отстранилъ меня и сказалъ полунасмѣшливо:

— Есть и д...другія мѣста, не б... безпокойся!

Точно ушатъ холодной воды былъ вылитъ мнѣ на голову... И съ этого дня начались между нами совершенно новыя отношенія. Дѣлалъ ли я смѣшной промахъ въ отвѣтѣ учителю, и въ классѣ раздавался легкомысленный смѣхъ товарищей, я улавливалъ въ немъ и шипящую злобой ноту, принадлежавшую, несомнѣнно, Ласочкину. Проходилъ ли я мимо его мѣста, онъ пускалъ въ мою сторону остроту, которая ему самому казалась убійственной, но къ которой, тѣмъ не менѣе, явно я не имѣлъ повода придраться; и, услыхавъ ее, новые друзья Ласочкина хохотали до упаду, при чемъ иные старались подставить мнѣ ногу... У меня, правда, также завелся къ этому времени новый пріятель, въ физической силѣ не уступавшій, быть можетъ, никому въ классѣ, но такой флегматичный и сонный, что вывести его изъ терпѣнія и подвинуть на какія-либо рѣшительныя дѣйствія было очень трудно...

Начиналась, между тѣмъ, форменная война, а на войнѣ, какъ извѣстно, допускается всякое коварство. Первый прибѣгъ къ нему Ласочкинъ. Придя однажды въ классъ, я увидѣлъ на доскѣ написанными мѣломъ, за моей подписью, какіе-то неуклюжія вирши. Одного бѣглаго взгляда было достаточно, чтобы въ красивомъ женственномъ почеркѣ я узналъ почеркъ Ласочкина, а въ стихахъ, дѣйствительно, свои стихи—отпереться было немыслимо. Вокругъ доски стояла кучка гимназистовъ, встрѣтившая меня злораднымъ хохотомъ.

— Піита! Піита несчастный!

Было очевидно, что Ласочкинъ, всегда иронически относившійся къ моему стихотворству, имѣлъ, тѣмъ не менѣе, предумотрительность сохранить нѣкоторые его образчики. У

меня такой предусмотрительности не было, и я, при всемъ желанiи, не могъ отплатить ему той же монетой...

Помогъ мнѣ Чураковскiй.

Онъ задалъ однажды классу, въ качествѣ сочиненiя, пересказать своими словами „Ивиковыхъ журавлей“, а Ласочкину пришла въ голову несчастная мысль сдѣлать этотъ пересказъ стихами же. Очевидно, переоцѣнивъ свои силы, онъ думалъ отличиться... Но Чураковскому стихи не понравились и, возвращая ученикамъ тетради съ сочиненiями, онъ сказалъ:

— Объявился среди васъ, господа, пiитъ...

Глаза всѣхъ сразу же обернулись съ насмѣшкой въ мою сторону... Но Чураковскiй продолжалъ:

— Ласочкинъ вздумалъ соперничать съ Жуковскимъ... Тотъ писалъ про Ивика:

Къ богамъ и къ людямъ онъ взываетъ...
Лишь эхо стоны повторяетъ —
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.

Соперникъ же пишетъ:

И палъ на земь пронзенный онъ,
Поднявши въ лѣсѣ громкiй стонъ.

И тутъ, и тамъ, какъ видите, „въ лѣсѣ“, но у пiита нашихъ дней звучитъ это почему-то, какъ у Тредьяковскаго...

Насмѣшливымъ замѣчанiемъ и ограничился Чураковскiй, но для меня оно было кладомъ. Въ ближайшую же перемѣну большими, четкими буквами я вывелъ на классной доскѣ:

И палъ на земь пронзенный онъ,
Поднявши въ лѣсѣ громкiй стонъ!!!

Ласочкинъ замѣтилъ мою продѣлку лишь во время слѣдующаго урока, когда стереть подпись уже было поздно. Всѣ на него оглядывались съ усмѣшкой... Злополучный поэтъ зеленѣлъ отъ злости и безсильно грозилъ мнѣ кулакомъ шепча: „Демонъ! Демонъ!“

Эта наивная, полудѣтская война съ каждымъ днемъ все обострялась, выражаясь порой въ самыхъ нелѣпыхъ формахъ. Такъ, мнѣ пришло однажды въ голову изобрѣсти какой-то весьма замысловатый „конспиративный“ шифръ и при помощи его укрыть отъ глазъ свѣта какую-то особенную „клятву мести“ тому же Ласочкину. Придумано—сдѣлано, и, въ гордой увѣренности, что изобрѣтенiе мое непроницаемо для непосвященныхъ, я для чего-то „подкинулъ“ врагу эту страшную клятву... Съ Ласочкинымъ мы часто,

бывало, бесѣдовали, во времена дружбы, о шифрахъ (отъ него-то я, вѣроятно, и узналъ объ ихъ существованіи),—и теперь, увидавъ мой почеркъ, онъ сразу же заподозрилъ, что тутъ кроется какая-то очень важная для него „тайна"...

Когда нѣсколько дней спустя я пришелъ утромъ въ классъ, меня опять встрѣтило общее гоготанье: окруженный толпой любопытныхъ, Ласочкинъ, торжествуя, стоялъ опять у доски съ мѣломъ въ рукахъ и писалъ на ней мою „клятву".

— Подлость-то, п...подлость какая, г..господа! Слушайте, что онъ обѣщаетъ со мной сдѣлать!

Содержаніе моей „клятвы мести" было, дѣйствительно, такъ нелѣпо-кровожадно, что я самъ испытывалъ въ эту минуту глубокое смущеніе, и краска стыда до корня волосъ заливала мое лицо. Признаюсь также, я ошеломленъ былъ и дьявольскимъ искусствомъ Ласочкина: чѣмъ-то чудовищно-невѣроятнымъ казался мнѣ фактъ раскрытія имъ моего «непроницаемаго» ключа!..

Переконфуженный, молча сидѣлъ я на своемъ мѣстѣ, а врагъ мой хохоталъ «сатанинскимъ» торжествующимъ хохотомъ и кричалъ;

— Демонъ! Демонъ! Не удались твои адскіе замыслы!—и, обращаясь опять къ верховному суду класса, вдругъ спросилъ:

— Господа! Вѣдь я имѣю теперь п...олное право вздуть эту б... божью скотинку? Не правда ли?

— Разумѣется! Разумѣется! — откликнулось тотчасъ же нѣсколько голосовъ, а кто-то изъ пансіонеровъ, съ презрѣніемъ поглядѣвъ на меня, добавилъ: „Ахъ, несчастный!"

И Ласочкинъ, въ самомъ дѣлѣ, направился въ мою сторону, намѣреваясь, должно быть, привести въ исполненіе свою угрозу. Но тутъ онъ встрѣтилъ неожиданную—даже и для меня самого—преграду: точно статуя командора, выросла передъ нимъ всегда безмолвная и спокойная, но внушительно-кряжистая фигура новаго моего пріятеля Шушакова...

— Не смѣй трогать!—коротко заявилъ онъ.

— Это п...очему?—надменно спросилъ Ласочкинъ, высоко закинувъ назадъ свою красивую голову.

— Потому, что я драться стану.

— П...посмотримъ!—усмѣхнулся Ласочкинъ, заикаясь и поднимая на меня руку.

— Смотри!

И Шушаковъ, какъ бы для примѣра, крѣпко ударилъ его кулакомъ по поднятой рукѣ. Рука безсильно опустилась... Ласочкинъ внимательно поглядѣлъ на противника, потомъ,

схватившись за животъ, дѣланно захохоталъ очень громко и быстро пошелъ прочь.

— Охъ, умора! Ей Б...богу умора! Два друга: к...колбасникъ и его супруга!

Шушаковъ тоже вернулся съ сбычнымъ флагматическимъ видомъ на свое мѣсто и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся за просмотръ невыученныхъ уроковъ.

Но еще долго послѣ того я боялся встрѣтиться съ Ласочкинымъ гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ. Между прочимъ, въ IV классѣ я давалъ уже уроки одному третьекласснику, который на полголовы былъ выше меня ростомъ, и вотъ, когда, случалось, въ сумерки я возвращался съ этого урока домой по глухимъ, неосвѣщеннымъ переулкамъ,— душа уходила у меня, что называется, въ пятки, и не разъ «учитель» припускалъ рысью... Кромѣ Ласочкина, такой же, помню, страхъ внушалъ мнѣ въ ту пору одинъ старикъ— покойникъ, котораго я видѣлъ однажды на улицѣ, въ гробу, съ плохо выбритыми, щетинистыми щеками и крючковатымъ носомъ...

И Ласочкинъ, дѣйствительно, повстрѣчалъ меня разъ въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ. Разумѣется, я навострилъ тотчасъ же лыжи, а онъ швырялъ мнѣ вслѣдъ каменья и съ дикимъ гоготаньемъ кричалъ:

— А, демонъ!!.

Дороги наши, казалось, разошлись на вѣки вѣчные. И вдругъ, къ общему изумленію, неожиданно для насъ самихъ, не далѣе какъ на Страстной недѣлѣ того же учебнаго года состоялось примиреніе! И случилось это удивительно просто.

Согласно гимназическимъ правиламъ, мы обязаны были не только ежегодно говѣть у своего законоучителя, но и всякую субботу бывать у всенощной въ гимназической церкви, а всякое воскресное утро—у обѣдни. Каждый классъ стоялъ при этомъ на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, а за благоговѣйнымъ поведеніемъ учениковъ слѣдилъ инспекторъ, чехъ Мичатекъ, то и дѣло, какъ гусь вытягивавшій шею и на цыпочкахъ, безшумно, подходившій къ подозрительнымъ богомольцамъ; но онъ обыкновенно такъ страшно сопѣлъ при этомъ носомъ, что нарушители порядка еще издали успѣвали заслышать его приближеніе и принять видъ достаточно чинный и елейный...

Мы съ Ласочкинымъ стояли всегда возлѣ огромнаго книжнаго шкафа, къ которому и прислонялись самымъ безсовѣстнымъ образомъ въ минуты лѣниваго изнеможенія или дѣйствительной усталости; и ту же позицію продолжали занимать и послѣ извѣстной ссоры, я—нѣсколько впереди, противникъ— сзади, при чемъ онъ не только показывалъ мнѣ исподтишка

кулаки, но, случалось, и щипалъ мою спину довольно жестоко... И вотъ, во время торжественной всенощной великаго четверга я вдругъ услышалъ, къ великому своему изумленію, что Ласочкинъ слегка поталкиваетъ меня локтемъ. Я оглянулся.

— С...мотри! С...мотри!—загадочно шепталъ онъ, кивая головой туда, гдѣ стояла обыкновенно кучка частныхъ посѣтителей нашей церкви, большей частью—мѣстныхъ „аристократовъ“.

Нѣкоторое время я пялилъ глаза, ничего не понимая.

— Съ темной косой... Такъ усердно молится...—продолжалъ Ласочкинъ горячо шептать мнѣ въ самое ухо.—Ангелъ! Ангелъ!

Я, наконецъ, увидѣлъ: рядомъ съ какимъ-то низенькимъ старичкомъ, съ лысиной на головѣ и звѣздой на груди, стояла впереди насъ, дѣйствительно, очень красивая, дѣвушка съ необыкновенно тонкимъ профилемъ матово - блѣднаго лица.

Хотя уже нѣсколько разъ передъ тѣмъ я считалъ себя «влюбленнымъ» и даже имѣлъ своего рода «романы» (объ одномъ изъ нихъ я, можетъ быть, разскажу), но всѣ они были, разумѣется, чисто-головной выдумкой, и настоящее чувство не принимало въ нихъ ни малѣйшаго участія. То же было и теперь: я, правда, взволновался, но причиной этого волненія была отнюдь не невѣдомая красавица, на которую указывалъ Ласочкинъ, а неожиданный фактъ возобновленія отношеній съ другомъ-недругомъ.

— Какъ только отойдетъ всенощная, побѣжимъ въ швейцарскую. Тамъ что-нибудь узнаемъ,—рѣшилъ Ласочкинъ.

Я радостно кивалъ головой, въ знакъ полнаго согласія на что угодно. Въ самомъ дѣлѣ: если бы онъ предложилъ мнѣ сейчасъ же повѣситься, я, вѣроятно, съ радостью и на это бы согласился,—такое неописуемо-блаженное состояніе переживалось мной въ эти минуты!.. Внушалъ ли мнѣ Ласочкинъ самъ по себѣ очень сильную симпатію? Врядъ ли... Но въ ту раннюю пору жизни сердце мое, помню, вообще испытывало ненасытный голодъ, мучительную жажду чьей-нибудь ласки и привязанности, чьей именно—это было, повидимому, безразлично...

По окончаніи всенощной быстро сбѣжали мы съ лѣстницы и, притаившись въ швейцарской у вѣшалокъ, зорко и жадно слѣдили за выходившей изъ церкви посторонней публикой. Вотъ показался и лысый старичекъ со звѣздой и съ нимъ рядомъ заинтересовавшая насъ хорошенькая дѣвушка. Они прошли совсѣмъ близко отъ насъ, и мы даже слышали, какъ онъ назвалъ ее Марусей, она же произнесла въ отвѣтъ

очень милымъ, груднымъ голосомъ какую-ту незначительную фразу.

— Слышалъ? Слышалъ?—толкалъ меня локтемъ Ласочкинъ, и глаза сверкали у него, какъ два зажженныхъ уголька.—Ангелъ! Ангелъ!

Волненіе пріятеля заражало невольно и меня: я тоже дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, не понимая, въ сущности, самъ—отчего. Какъ сумасшедшіе, мы быстро одѣлись и выскочили на подъѣздъ. Тамъ стояла карета. Въ нее сѣли старичокъ съ „Марусей", и не успѣли мы моргнуть глазомъ, какъ умчались—неизвѣстно куда...

Обезкураженные, еще разъ вернулись мы въ швейцарскую и стали допрашивать старика Андреяна, который долго не могъ понять, чего мы, въ сущности, отъ него добиваемся. Въ концѣ концовъ мы узнали только, что старичокъ со звѣздой — его превосходительство Димитрій Александровичъ Лиманскій, съ дочерью... Но давно ли живетъ въ нашемъ городѣ, гдѣ именно и кто онъ, собственно, такой—удовлетворительныхъ свѣдѣній Андреянъ дать не могъ. Для меня, правда, они и не были особенно нужны, но бѣдняга Ласочкинъ (это было по всему видно) сильно страдалъ.

— Н..нне я буду, если не узнаю, гдѣ она живетъ!—сказалъ онъ съ угрюмой рѣшительностью, выходя вмѣстѣ со мной изъ гимназіи.

И, забывъ все, что такъ еще недавно было между нами, онъ нѣсколько дней спустя далъ мнѣ прочесть свое, посвященное таинственной Марусѣ, стихотвореніе, начинавшееся стихомъ:

Я помню лобикъ бѣлоснѣжный...

Что касается меня, я въ этотъ разъ не соперничалъ и стиховъ не писалъ. Я былъ просто счастливъ: какъ разъ къ этому времени Шушаковъ исчезъ съ моего горизонта, и мнѣ грозило полное духовное одиночество...

Пора, однако, разсказать о Шушаковѣ.

VI.

„Бонапартистъ" Шушаковъ.

Я догналъ его уже въ IV классѣ, гдѣ онъ остался на второй годъ; но если бы, кромѣ того, не случайное, частное знакомство,—въ стѣнахъ гимназіи, навѣрно, мы никогда бы не сошлись такъ близко. Это былъ на рѣдкость флегматичный и замкнутый характеръ. Товарищи пренебрежительно звали его „бабушкой"... Никогда и ни съ кѣмъ

Шушаковъ первый не заговаривалъ и никому, въ свою очередь, не внушалъ желанія заговорить съ собою. Если случалось, заходилъ въ классѣ общій интересный разговоръ, и Шушаковъ, приподнявъ голову отъ книги, въ которую всегда упирался близорукими глазами, казалось, вотъ-вотъ хочетъ высказать и свою мысль, то это лишь такъ казалось: сейчасъ же глаза его опять тускнѣли, и онъ снова равнодушно опускалъ ихъ въ книгу. Фигура у него была неуклюжая, медвѣжья, низко сгорбленная; лицо угреватое, безкровно-блѣдное, черепъ—некрасивой лошадиной формы. Большіе, грустные, каріе глаза могли бы, пожалуй, быть красивыми, но ихъ портило какое-то неумное, телячье выраженіе... И одѣвался Шушаковъ плохо: потертый мундирчикъ носилъ, казалось, споконъ вѣку — рукава были узки и коротки, пуговицы еле держались; и только на шеѣ, — поверхъ грязной рубашки, всегда красовался новенькій цвѣтной галстучекъ... Кормили его дома, должно быть, впроголодь, потому что въ гимназію онъ приносилъ обыкновенно солидную краюху чернаго солдатскаго хлѣба, который и ѣлъ, не переставая, даже во время уроковъ. Изо рта его нестерпимо воняло поэтому жеванымъ хлѣбнымъ мякишемъ...

Шушаковъ жилъ по сосѣдству со мной, въ томъ же глухомъ углу городка, близь той же старенькой церкви, и я познакомился съ нимъ во время уличныхъ игръ въ рюхи. Онъ внушалъ мнѣ въ ту пору самое глубокое почтеніе и даже, пожалуй, нѣкоторый страхъ своею всегдашней загадочной молчаливостью и почти феноменальной физической силой.

Самыя тяжелыя палки вылетали изъ его корявыхъ рукъ съ такой силой, что на мѣстѣ удара въ землѣ образовывалась нерѣдко глубокая воронка, и игроки, смѣясь, замѣчали:

— Ну, кабы тутъ рюха лежала, мухи его заѣшь,—что бы отъ нея осталось?!

Ореолъ Шушакова нѣсколько поблѣднѣлъ въ моихъ глазахъ лишь послѣ того, какъ онъ срѣзался на переходныхъ экзаменахъ, и выяснилось, что съ осени мы будемъ съ нимъ одноклассниками. Но самъ Шушаковъ отнесся къ этому обстоятельству очень просто,—тотчасъ же сталъ при встрѣчахъ говорить мнѣ „ты“ и подавать руку.

Каникулы мы оба проводили въ городѣ. Лѣтній зной, духота и одуряющая скука заставляли насъ по десяти разъ на день бѣгать на рѣку купаться, а когда къ вечеру спадала, наконецъ, томительная жара, я шелъ къ шушаковскому дому и упорно и настойчиво заглядывалъ въ то

окно, подъ которымъ „бабушка“ сидѣлъ обыкновенно, страшно сгорбившись и уткнувшись подслѣповатыми глазами въ книгу. Замѣтивъ, наконецъ, мои аллюры, онъ, не торопясь, закрывалъ книжку, бралъ шапку и выходилъ на улицу. Мы отправлялись купаться или просто бродить по городу. И все это —чаще всего молча, безъ малѣйшаго обмѣна какими-либо мыслями или чувствами. Но иногда, наоборотъ, на насъ нападала удивительная болтливость, и тогда о чемъ только мы ни говорили и ни откровенничали. Единственнымъ, кажется, исключеніемъ было наше семейное положеніе, о которомъ ни я, ни Шушаковъ не заикались никогда ни однимъ словомъ. Впрочемъ, такъ же предпочитало молчать о своихъ семьяхъ и большинство моихъ гимназическихъ товарищей: мы просто какъ-то не интересовались ими... Совершенно случайно (и то, кажется, изъ посторонняго источника) узналъ я, напримѣръ, что отецъ Ласочкина былъ простой сельскій дьячокъ. О семьѣ Шушакова я зналъ лишь то, что сама она давала знать о себѣ всей улицѣ.

— Уходи вонъ изъ моего дома, мотовка!—кричалъ, весь багровый и трясущійся отъ злости, пожилой толстый господинъ.

— Ты самъ промоталъ мое приданое!—возражала не менѣе толстая дама, которую юный Шушаковъ сильно напоминалъ какими-то неуловимыми чертами.—Пьяница! Негодяй!

— Сволочь!

На воспитаніе сына эта милая парочка не обращала, повидимому, ни малѣйшаго вниманія. Жилъ онъ и росъ, заброшенный, загнанный, лишенный не только нравственнаго, но и физическаго призора.

— Ты, конечно, читалъ уже Рокамболя?—спросилъ меня Шушаковъ чуть ли не въ первый день нашего сближенія.

Но я, къ стыду своему, не читалъ еще Рокамболя,—обстоятельство, заставившее новаго пріятеля широко вытаращить на меня глаза. Оказалось дальше, что я не знакомъ ни съ „тайнами мадридскаго двора“, ни съ „парижскими тайнами“, ни съ адскими кознями іезуитовъ, ни съ интригами великаго Бисмарка,—словомъ, былъ круглый невѣжда въ романахъ Дюма, Евгенія Сю, Понсонъ-дю-Террайля, Габоріо и другихъ безчисленныхъ, подобныхъ же, писателей, произведеніями которыхъ до краевъ была переполнена голова самого Шушакова. Онъ положительно бредилъ, во снѣ и на яву, королями, герцогами, принцессами и всякаго рода

таинственными монахами и масками... Понизивъ голосъ почти до шепота, онъ однажды сказалъ мнѣ:

— А ты знаешь, послѣдній отпрыскъ дома Стюартовъ еще вѣдь живъ?

— Неужели?—отвѣчалъ я вопросомъ же, какъ бы удивленный и вмѣстѣ обрадованный, хотя на дѣлѣ—должно признаться—Стюарты интересовали меня такъ же мало, какъ и прошлогодній снѣгъ.

— Да, да!—живо, хотя съ грустью, объяснялъ мнѣ Шушаковъ.—Онъ живъ и, навѣрное, вскорѣ предъявитъ свои законныя права... И всѣ честные люди пойдутъ за нимъ! Я тоже думаю отправиться добровольцемъ!

Я до того былъ ошеломленъ этимъ сообщеніемъ, что не нашелъ въ первую минуту ни одного слова возраженія.

— Не за горами и другая великая борьба,—продолжалъ Шушаковъ тѣмъ же конфиденціальнымъ тономъ:—Луи Наполеону, дофину Франціи, теперь уже двѣнадцать лѣтъ...

— А!.. Такъ ты, значитъ... бонапартистъ?—собрался я, наконецъ, съ силами задать рѣшительный вопросъ.

— Ну, да! А ты развѣ нѣтъ?

— Я? я—республиканецъ!

Дѣйствительно,—хотя политика, въ сущности мало еще интересовала меня,—въ эту пору я считалъ уже себя республиканцемъ. Слово „соціализмъ“ не входило пока въ мой обиходный словарь...

Какими путями проникли въ мое сознаніе радикальныя идеи, мнѣ, собственно, трудно теперь разобраться; тутъ было, вѣроятно, всего по-немножку: и религіозный индиферентизмъ матери, и либеральные разговоры отца на политическія темы съ своими пріятелями... Я былъ во II еще классѣ гимназіи, когда братъ принесъ однажды на домъ двѣ маленькія брошюрки,—какъ сейчасъ вижу ихъ цвѣтныя обложечки,—„Емельку Пугачева“ и „Сказку о копѣйкѣ“ и далъ мнѣ прочесть. Врядъ ли, думаю, какого другого читателя зажигали онѣ такимъ бурнымъ, всепожирающимъ огнемъ, какъ мою дѣтскую, неокрѣпшую еще душу... Какъ будто все время она начинена была порохомъ, и теперь кто-то случайно поднесъ къ нему зажженную спичку! Дни и ночи послѣ этого я буквально горѣлъ и долгое время ни о чемъ другомъ не могъ ни думать, ни говорить...

По счастью, отъ брата не укрылось это душевное мое состояніе, и больше онъ уже не показывалъ мнѣ подобнаго рода книжекъ и листковъ, даже если они и попадались ему самому въ руки. Безъ пищи огонь скоро сгорѣлъ, и возбужденіе улеглось.

Захолустный городокъ нашъ стоялъ далеко въ сторонѣ

отъ революціоннаго потока 70-хъ годовъ; общество, въ томъ числѣ и гимназическое, было туповато и равнодушно къ политическимъ вопросамъ. Единственную своего рода революціонную исторію помню я изъ времени пребыванія своего въ томъ же II классѣ, когда сейчасъ послѣ исповѣди у нелюбимаго законоучителя, кто-то изъ вышедшихъ со мной на улицу трехъ-четырехъ товарищей предложилъ зайти въ сосѣднюю булочную и поѣсть тамъ скоромныхъ сладкихъ пирожныхъ. И всѣ съ жаромъ ухватились за этотъ оригинальный проектъ. Веселой гурьбой ввалились мы въ кондитерскую и всласть наѣлись слоеныхъ пирожковъ и сливочныхъ трубочекъ... Это была, несомнѣнно, своего рода идейная бравада, громкая демонстрація передъ самими собою во имя свободы духа; однако, прошла она какъ-то безслѣдно и никогда не имѣла никакого продолженія...

За всѣ восемь лѣтъ, проведенныхъ мною въ гимназіи, я не помню ни одной общей бесѣды на революціонныя темы. Больше того: когда 12 апрѣля 1877 г.,—забѣгаю далеко впередъ,—объявлена была война съ Турціей (правда, за „свободу" братьевъ-славянъ!), нашъ седьмой классъ вмѣстѣ съ другими кричалъ „ура!"—кричалъ со всѣми и я... Конечно, о какомъ-либо квасномъ патріотизмѣ въ крикахъ этихъ не было и помину—мы просто рады были возможности безнаказанно покричать, и, быть можетъ, изъ всѣхъ двадцати человѣкъ одинъ только Лихачевъ, сынъ богатаго купца, приносившій въ классъ модное тогда „Новое Время", былъ будущимъ правовѣрнымъ россійскимъ „октябристомъ"... А впрочемъ, и тотъ съ увлеченіемъ въ то же время читалъ неизвѣстную еще многимъ изъ насъ поэму Некрасова „Кому на Руси жить хорошо", достать которую было нелегко въ нашемъ захолустьѣ, жившемъ безъ газетъ и журналовъ. Впослѣдствіи, уже въ университетѣ, я, къ большому своему удивленію, открылъ, что очень многіе изъ бывшихъ моихъ товарищей мыслятъ либерально. Революціонеровъ ни изъ кого изъ нихъ, правда, не вышло, но большинство стало, вѣроятно, все таки „кадетами"...

Не помню, чтобы политическими и революціонными своими настроеніями дѣлился я съ кѣмъ-либо и изъ отдѣльныхъ друзей-сверстниковъ. Почему? По всей вѣроятности, корни этихъ настроеній и во мнѣ самомъ были еще очень слабы, и несравненно больше интересовали меня другіе вопросы. Тѣмъ не менѣе, „закоснѣлые" взгляды товарища вызвали во мнѣ полное недоумѣніе, а затѣмъ и энергичный отпоръ. Но и Шушаковъ, съ своей стороны, оказался кремнемъ...

— Что такое твоя республика?—спрашивалъ меня этотъ

юный „бонапартистъ“.—Торжество посредственности, людей толпы? Просто, люди не имѣютъ возможности стать выше другихъ, вотъ и начинаютъ требовать равенства... Скажи, пожалуйста, когда республика сдѣлала что-нибудь великое?

Въ исторіи мы оба были слабоваты, такъ какъ главнымъ источникомъ ея былъ для насъ Иловайскій; тѣмъ не менѣе, споръ разгорался, я принималъ вызовъ.

— Какъ! Ты забылъ исторію древней Греціи, Рима?..— не безъ паѳоса спрашивалъ я, хотя самъ еще только начиналъ „проходить“ эту исторію, добровольно же лишь „заглядывалъ“ впередъ въ книги того же Иловайскаго.

— Ничуть, мой другъ, не забылъ. Но, въ сущности, какіе-жъ были республиканцы всѣ эти великіе мужи и герои древнихъ республикъ? Да будь у нихъ малѣйшая возможность, показали-бъ они твоей республикѣ кузькину мать, не хуже Юлія Цезаря, не хуже и Наполеона. Вѣрными до конца республиканцами, повѣрь, оставались только тупые и недалекіе люди!

— А Брутъ?..—робко спрашивалъ я.

— Ну, что-жъ такое Брутъ? Чѣмъ ты докажешь мнѣ, что онъ просто не позавидовалъ Цезарю? Или Робеспьеръ... Это былъ, другъ мой, такой деспотъ, что—ой-ой-ой! Куда до него настоящимъ царямъ.

Имя Робеспьера, нужно сознаться, я еще впервые только слышалъ отъ Шушакова, да и самъ онъ, вѣроятно, узналъ о немъ изъ какого-нибудь романа, и потому я благоразумно молчалъ. А „бонапартистъ“, пользуясь моей неустойкой, продолжалъ заливаться соловьемъ.

— Всѣ великія дѣла человѣческія, начиная съ египетскихъ пирамидъ, созданы, другъ мой, монархіями. Всѣ крупные ученые, мыслители, поэты, художники являлись въ цвѣтущія времена именно монархій... Вспомни хотя бы „золотой вѣкъ“ Августа, которымъ морятъ насъ теперь въ гимназіяхъ!

— Ну, а справедливость?—хватался я за послѣднее свое оружіе.

— Ха!—съ прежней флегматической самоувѣренностью возражалъ Шушаковъ.—Да что такое справедливость? Ну, что она по твоему?

— То, что нужно всѣмъ людямъ... народу...

— А что имъ нужно? Другъ мой! Я тебѣ напомню одно: республиканскій Римъ велъ непрестанныя кровавыя войны, губившія цвѣтъ молодежи, Августъ же установилъ сравнительное внѣшнее спокойствіе.

— Ну, а твой Наполеонъ?—кидался я въ исторію но-

выхъ вѣковъ, хотя зналъ ее совсѣмъ уже по-наслышкѣ или, вѣрнѣе, окончательно не зналъ.

Но тутъ Шушакову уже легко было бороться со мной, такъ какъ исторію Наполеона, все изъ тѣхъ же романовъ, онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ, и однимъ подробнымъ описаніемъ какой-нибудь „великой“ битвы прямо ошеломлялъ и подавлялъ меня.

Горячій споръ оканчивался обыкновенно лишь тогда, когда кого-нибудь изъ насъ звали обѣдать или ужинать.

— До новой битвы!

— На баррикадахъ!

Отъ словъ мы перешли скоро и къ дѣлу. Когда-то, при очисткѣ мѣстности за церковью, свалены были, въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, двѣ огромныя кучи булыжника. И вотъ разъ, прогуливаясь подъ руку между этими каменными пирамидами и споря о преимуществахъ монархіи и республики, мы набрели на оригинальную идею—устроить между собой не словесную только, а форменную дуэль и тутъ же поспѣшили идею эту осуществить. Шушаковъ сталъ подлѣ одной груды каменьевъ, я—подлѣ другой, и мы условились по очереди и по командѣ швырять другъ въ друга булыжниками, цѣлясь во что угодно, кромѣ головы... Сказано—сдѣлано! Нѣсколько дней подърядъ шелъ ожесточенный бой, иногда по нѣскольку часовъ. Ни республиканцы, ни бонапартисты не сдавались, все время счастливо уклоняясь отъ вражескихъ выстрѣловъ. Мы привыкли уже думать, что это невинное занятіе будетъ длиться вѣчно, служа намъ отличнымъ гимнастическимъ упражненіемъ и замѣняя прекратившуюся игру въ рюхи. Но вотъ однажды, когда Шушаковъ замедлилъ какъ-то отскочить въ сторону, брошенный мною увѣсистый камень съ силой ударилъ его по ступнѣ ноги. Скорчившись отъ боли, злополучный монархистъ запрыгалъ на здоровой ногѣ, а я закричалъ съ торжествомъ:

— Да здравствуетъ республика!

Торжество, однако, было преждевременно: озлившись и не дожидаясь команды, Шушаковъ, въ свою очередь, схватилъ большой камень и бросилъ въ мою сторону... Камень со свистомъ пролетѣлъ мимо моей головы буквально на волосокъ разстоянія... Я чуть не упалъ отъ страха и волненія; но едва ли не больше моего испугался мой противникъ: онъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ...

И тутъ же, взявшись за руки, мы дали другъ другу торжественное слово навсегда прекратить опасную и глупую игру.

Безумное увлеченіе французскими романами, понятно,

не особенно благопріятно отражалось на учебныхъ занятіяхъ Шушакова. То и дѣло передъ началомъ урока онъ поднимался со своей скамьи и заявлялъ учителю, что изъ-за головной боли или по другой какой причинѣ не готовился къ отвѣту. Учителя молча пожимали плечами и ставили въ журналѣ знаки вопроса или восклицанія. Иногда я спрашивалъ Шушакова, зачѣмъ онъ такъ часто дѣлаетъ свои заявленія,—вѣдь не всякій же разъ его вызовутъ.

— Другъ мой,—отвѣчалъ онъ обыкновенно съ какой-то грустной убѣжденностью:—чѣмъ дрожать, какъ осиновый листь и ждать—вотъ-вотъ откроется обманъ, я предпочитаю идти въ открытую: оно и честнѣе, и спокойнѣе!

Въ великомъ посту, уже незадолго до Пасхи, кто-то изъ учителей однажды сильно пробиралъ его за лѣность и, между прочимъ, сказалъ:

— Экзаменовъ вы, навѣрное, опять не выдержите, и мы должны будемъ васъ исключить.

„Бабушка" вдругъ гордо поднялъ голову и угрюмо сверкнулъ глазами.

— Это ужъ рѣшено?

— Что рѣшено?—спросилъ учитель.

— Что меня исключатъ?

— Никто ничего не рѣшалъ, но я такъ думаю.

Шушаковъ тутъ же собралъ свои книжки и, не поклонившись учителю и никому изъ товарищей не сказавъ ни слова, вышелъ изъ класса.

Съ трудомъ дождавшись окончанія уроковъ, я въ большомъ волненіи побѣжалъ тотчасъ же къ Шушакову; но тщетно бродилъ я не менѣе часа подъ окномъ его комнаты—ни въ этотъ, ни въ слѣдующіе дни его нигдѣ не было видно. И только спустя недѣлю выяснилось, къ обидѣ и огорченію моему, что онъ уѣхалъ куда-то, такъ и не простившись со мною...

Слѣдъ Шушакова отыскался совершенно неожиданно лишь четыре года спустя, когда я былъ уже въ университетѣ. Оказалось, что въ одинъ годъ со мною онъ поступилъ вольнослушателемъ на юридическій факультетъ. Случайно встрѣтившись, мы сразу же узнали другъ друга; да и странно было бы не узнать „бабушку": годы пронеслись надъ нимъ, не измѣнивъ ни въ фигурѣ, ни въ физіономіи ни единой черты. То же безкровно-блѣдное, некрасивое лицо, тѣ же подслѣповатые каріе глаза, клыкастые желтые зубы; и только два-три рыжеватыхъ волоска появились, какъ новинка, на длинномъ подбородкѣ...

О настоящемъ своемъ положеніи Шушаковъ говорилъ

неохотно и уклончиво, за то съ благосклонной улыбкой вспоминалъ о старинѣ.

— Помнишь наши дуэли за церковью? — спрашивалъ я.

— Да, дѣти были...

— Ты собирался возстановить троны Стюартовъ и Наполеоновъ. Скажи, Наполеонъ и теперь твой кумиръ?

Шушаковъ добродушно оскалилъ желтые клыки.

— На кой мнѣ лѣшій дался теперь Наполеонъ! Не подумай, однако, другъ мой, что я увѣровалъ въ твой соціализмъ. Такая же ерунда. Несбыточныя мечты. Въ мірѣ идетъ вѣчная борьба, и мы тоже должны думать прежде всего каждый о себѣ.

Я не сталъ спорить. Вниманіе мое обратилъ на себя изящный костюмъ и щегольской вообще видъ Шушакова: на немъ былъ новенькій бархатный пиджакъ съ выглядывавшимъ изъ-подъ него бѣлоснѣжнымъ бѣльемъ и какимъ-то розовенькимъ легкомысленнымъ галстухомъ; мнѣ показалось, что и волосы у пріятеля моего были подвиты...

— Скажи на милость, разбогатѣлъ ты, что ли? — спросилъ я, не церемонясь.

Онъ опять разсмѣялся.

— Другъ мой, знаешь пословицу: въ брюхѣ хоть щелкъ, за то на брюхѣ—шелкъ.

— Зачѣмъ же такъ?

— А затѣмъ, что есть другая, не менѣе мудрая поговорка: по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ.

Я еще разъ окинулъ Шушакова взглядомъ съ головы до ногъ и вдругъ увидѣлъ, что стиль-то далеко не выдержанъ: на ногахъ красовались рыжіе нечищеные ботинки со стоптанными каблуками...

Нѣсколько дней спустя, я пошелъ разыскивать стараго пріятеля по указанному имъ адресу и съ трудомъ нашелъ его подъ самымъ небомъ—въ большой холодной мансардѣ съ низкимъ сводчатымъ потолкомъ. За исключеніемъ ветхой желѣзной кровати съ продавленнымъ тюфякомъ и грязной подушкой, мебели въ квартирѣ не было и признаковъ, но за то коридоръ, всѣ три комнаты и даже кухня чуть не до потолка завалены были книгами... Шушаковъ объяснилъ мнѣ, что это—библіотека одного богатаго купца, уѣхавшаго теперь въ Парижъ, а ему, Шушакову, поручившаго составить каталогъ книгъ и привести ихъ въ порядокъ.

— Ну, пока порядка немного,—замѣтилъ я скептически.

— Да вѣдь сроку, чудакъ, четыре мѣсяца, а прошло пока два. И я уже прочелъ и просмотрѣлъ почти все, а это самое главное.

Я взялъ первую попавшуюся книгу: это былъ „Иванъ

Выжигинъ" Булгарина, а рядомъ лежалъ, покрытый густымъ слоемъ пыли, Монтескье: „Les lettres persanes"...

Шушаковъ раздувалъ въ кухнѣ самоваръ. Изъ кучи какихъ-то оборванныхъ книгъ импровизированъ былъ столъ, на которомъ появились колбаса и хлѣбъ; хозяинъ и гость тоже усѣлись на кучкахъ книжекъ. Кругомъ было пыльно, грязно и неуютно. Невольная грусть закрадывалась въ душу, и разговоръ не клеился... Скоро мы простились—съ тѣмъ, чтобы никогда уже больше не встрѣчаться. Какъ-то случайно узналъ я года черезъ два, что „бабушка" умеръ отъ скоротечной чахотки, вѣрнѣе—отъ постояннаго недоѣданія.

И не къ лучшему-ль для себя такъ рано покончилъ онъ счеты съ жизнью?..

VII.

Семья Букарскихъ.

Когда, закрывъ глаза и прислушавшись къ жуткой тишинѣ ночи, я вспомню порою милый мой родной городокъ, изъ туманнаго почти сорокалѣтняго отдаленія встаетъ рядъ пустынныхъ, пыльныхъ улицъ съ безконечными огородами по бокамъ и рѣдкими одноэтажными, большей частью покривившимися, домиками, у которыхъ не только ночью, но часто и днемъ прикрыты ставни и спущены шторы; отъ нескромнаго взора прячетъ ихъ также густая, стыдливая зелень садовъ и палисадниковъ...

Безлюдье, тишина...

Въ самой серединѣ города—старинный соборъ, гордящійся своимъ 2000 пудовымъ колоколомъ, могучая глотка котораго далеко-далеко даетъ о себѣ знать, а также дюжиной разставленныхъ по темнымъ придѣламъ тяжелыхъ серебряныхъ гробницъ съ мощами древнихъ святыхъ князей и княгинь... А напротивъ—произведеніе новыхъ дней—зданіе „присутственныхъ мѣстъ", длинное-предлинное, казенно-желтое, казарменно-бездушное... И то, и другое казалось мнѣ въ раннія мои годы внушительнымъ, величавымъ. Но когда, помню, вернулся я впервые изъ Петербурга на каникулы,—какъ жалокъ и мизеренъ показался мнѣ и этотъ гордый пріютъ мѣстныхъ канцелярскихъ вдохновеній, и даже этотъ древній знаменитый соборъ, такой скромный, приземистый послѣ величаваго Исаакія! И только древняя историческая рѣка, особенно во время весеннихъ разливовъ, никогда не теряла своей импозантности, и, часто по-долгу глядя въ ея таинственныя мутно-желтыя волны, я съ недовѣріемъ думалъ; „Да ужъ не врутъ ли книги? Куда же все подѣвалось?" Книги и устныя преданія говорили, что въ этомъ тихомъ, без-

людномъ городкѣ помѣщалось когда-то около полумилліона жителей, что онъ былъ центромъ огромнаго торговаго края, полнаго кипучей жизни и движенія, и что занималъ онъ сравнительно огромное пространство. А теперь отъ всего былого величія, славы и могущества что осталось? Въ центрѣ города—полуразрушенный, нагло ободранный „дѣтинецъ", кирпичная стѣна котораго увѣнчана по угламъ искривленными башнями съ давно оторванными и продуваемыми насквозь вѣтромъ дверьми и окнами: внутри видны мусоръ, чертополохъ, навозъ... А внѣ города — еще болѣе жалкіе остатки „вала", когда-то высокой земляной насыпи, служившей однимъ изъ орудій военной защиты. Протекавшій подъ нимъ, наполненный водою, глубокій ровъ отчасти давно засыпанъ и сравненъ съ окружающимъ полемъ, отчасти же сохраняется донынѣ въ видѣ зловоннаго, покрытаго зеленой тиной канала. Дальше, куда только хватаетъ глазъ, бѣлѣютъ и зеленѣютъ куполы многочисленныхъ, столь же древнихъ, но давно обнищавшихъ монастырей. Жителей,—одурѣвшихъ отъ тупаго сна и отсутствія сколько-нибудь широкихъ интересовъ,—считалось при мнѣ въ этомъ великомъ нѣкогда городѣ не больше 15—20 тысячъ...

Было очевидно, что не одно только время свершило здѣсь свое дѣло (вѣдь оно же порождаетъ иногда и жизнь, расцвѣчая ее яркими красками), но еще и какой-то сознательно-злой, убивающій геній провѣялъ своимъ мрачнымъ крыломъ, вырвавъ съ корнемъ все живое... Блѣдное, страшное лицо, перекошенное злобной судорогой, все еще, казалось, глядѣло съ высоты этого жалкаго, ободраннаго „дѣтинца", и блѣдныя, тонкія губы съ ненавистью шептали:

— Будь проклятъ! Будь проклятъ!

Въ ту пору я не догадывался, конечно, за что проклятъ былъ великимъ тираномъ прошлаго, столь ненавидѣвшимъ свободу, мой милый родной городъ, но кошмарную силу все еще висѣвшаго надъ этими мѣстами проклятія ясно чувствовало ребяческое сердце...

При мнѣ въ городѣ было всего пять-шесть врачей, считая и одного военнаго. Изъ нихъ старикъ Дòбровъ, наиболѣе извѣстный и авторитетный, ѣздилъ только къ богатымъ людямъ и за визиты бралъ по два рубля (сумма, казавшаяся мнѣ тогда огромной), коллегамъ же его платили рубль и даже 60 коп... За каждое доставленное письмо обыватель долженъ былъ уплачивать три копѣйки, но еще долго послѣ уничтоженія этой повинности, когда почтальонамъ уже назначено было жалованье отъ казны, многіе—въ томъ числѣ и моя мать—продолжали совать имъ въ руку эти привычныя три копѣйки,—такъ рѣдко получались въ то время письма, и та-

кимъ необычайнымъ, праздничнымъ событіемъ являлись они для всей семьи!

Извозчиковъ было, конечно, очень немного, но носили они тѣ же, что и теперь, долгополые, грязно-синіе халаты. Вотъ, кажется, единственная вещь, которая никогда не мѣнялась и не перемѣнится на Руси! За „конецъ" ѣзды (версты, должно быть, $1^1/_2$) полагалась плата въ 10 коп. Квартиры въ мое время тоже были удивительно-дешевы: за цѣлый домъ въ два этажа (правда, старенькій), съ большимъ при немъ огородомъ, мы много лѣтъ кряду платили по 4 р. въ мѣсяцъ, а за 10 р. можно было нанять въ самомъ центрѣ города одну изъ лучшихъ, „аристократическихъ" квартиръ.

Соразмѣрно-дешевы были и всѣ жизненные припасы.

Но чего было много, удивительно много въ нашемъ крошечномъ городкѣ—такъ это адвокатовъ и всякаго рода ходатаевъ по вексельнымъ и инымъ дѣламъ Быть можетъ, объяснялось это сравнительно недавнимъ еще уничтоженіемъ крѣпостного права и страшной запутанностью новаго строя земельныхъ отношеній. У разлагающагося трупа безпечальной помѣщичьей жизни появилась масса обычныхъ спутниковъ раззоренія—дѣльцовъ-шакаловъ всякаго рода, и среди нихъ лишь очень немногіе выдѣлялись дѣйствительнымъ знаніемъ закона и личной талантливостью. Таковъ былъ у насъ нѣкто Голинскій, совершенно слѣпой человѣкъ и, къ тому же, заика. Однако, слѣпота не мѣшала ему знать наизусть чуть не весь сводъ россійскихъ законовъ, а заиканіе—говорить такъ убѣдительно, что судъ почти всегда выносилъ именно то рѣшеніе, какое подсказывалъ ему Голинскій. Но этотъ талантливый человѣкъ составлялъ исключеніе, большинство же его коллегъ были простыя акулы, искавшія жратвы и имѣвшія острые зубы. Особенно много было, почему-то, выходцевъ изъ Польши, явившихся къ намъ послѣ усмиренія послѣдняго мятежа. Точно я не могу сказать, какія именно причины заставили ихъ къ намъ эмигрировать, но врядъ ли это были настоящіе бунтовщики и ссыльные. Скорѣе—наоборотъ: во время мятежа они, вѣроятно, работали на пользу русскаго правительства, а когда затѣмъ все успокоилось,—страхъ мести со стороны своихъ же соплеменниковъ побудилъ ихъ покинуть родину. Впрочемъ, личныя мои воспоминанія говорятъ объ этомъ смутно и противорѣчиво.

Нѣкто Тить Осиповичъ Сущинскій появился въ нашемъ домѣ года четыре, если не больше, спустя послѣ оффиціальнаго конца возстанія,—еще въ ту пору, когда съ нами жилъ отецъ. Должно быть, послѣднему представлена была вѣская рекомендація, потому что изгнанникъ принятъ былъ крайне

тепло и заботливо; поселили его на чердакѣ, и это мѣстопребываніе его тщательно скрывалось отъ всѣхъ постороннихъ глазъ. Даже я,—съ перваго же дня узнавшій, конечно, что кто-то прячется у насъ наверху, — долгое время не видалъ, кто именно. Бдительность скоро, однако, ослабѣла. Сущинскій спустился внизъ и оказался господиномъ съ пробритымъ тщательно подбородкомъ межъ длинныхъ, лихо закрученныхъ усовъ, необыкновенно чернаго цвѣта волосами и пугливо бѣгающими направо и налѣво карими глазками. Почему и отъ кого онъ прятался? Если права была глухая молва, называвшая его „жандармомъ-вѣшателемъ“, то врядъ ли бы такъ скоро удалось ему разсѣять подозрѣнія правительства; а если, наоборотъ, онъ принадлежалъ къ бѣглецамъ того типа, о которомъ я упоминалъ выше, то съ какой стати понадобилось бы ему скрываться въ Россіи? И съ какой стати мой отецъ принималъ въ немъ участіе?

Какъ бы то ни было, выйдя съ чердака, Титъ Осиповичъ уже больше не прятался и вскорѣ, благодаря хлопотамъ и прошеніямъ того же отца, получилъ всѣ права россійскаго гражданства, а затѣмъ быстро вступилъ и въ сословіе мѣстныхъ ходатаевъ по дѣламъ. Всегда веселый, острящій, чистенько одѣтый, отъ старыхъ временъ онъ сохранилъ только быстро бѣгающіе глаза да черные, какъ смоль, усы и бакенбарды. Впрочемъ, вскорѣ послѣ отъѣзда отца онъ впалъ за что-то въ страшную немилость у моей матери: смутно помню только, что онъ плохо велъ и, въ концѣ концовъ, проигралъ какое-то ея денежное дѣло. Ни въ какой злонамѣренности или корыстности она его, правда, не обвиняла, но, очевидно, предъявляла къ нему,—столькимъ обязанному нашей семьѣ,—особо-высокія требованія, и нерѣдко, когда Викторъ заводилъ въ его и въ ея присутствіи разговоръ о проигранномъ дѣлѣ, говорила какъ бы про себя, но такъ громко, что всѣ слышали:

— У, чортъ! Взяла-бъ изъ ружья застрѣлила (Это было ея излюбленное ругательство)!

Сущинскій испуганно моргалъ глазами и не зналъ, что сказать въ свое оправданіе. Подобныя сцены повторялись такъ часто, что, наконецъ, онъ совсѣмъ перестал посѣщать насъ, и любопытно, что даже мы, дѣти, почему-то бросили кланяться ему при встрѣчахъ. Но позже онъ еще игралъ значительную роль въ нашей жизни.

Какія, собственно, „дѣла“ были въ это время у моей матери, я въ точности не знаю, хотя хорошо помню, что она чуть не ежедневно обивала пороги въ окружномъ судѣ, надоѣдая тамъ всѣмъ чиновникамъ, большимъ и малымъ, и,

вернувшись домой, въ живописныхъ краскахъ повѣствовала о своихъ похожденіяхъ.

— Этотъ-то, толстый-то... должно быть, самый главный... вотъ подлецъ-то! Я ему говорю, а онъ и рыло прочь воротитъ, будто не слушаетъ. Изъ ружья-бъ, взяла, застрѣлила! Ну, да и я-жъ напѣла ему. Пускай не слушаетъ. Вретъ: что-нибудь да услышалъ!

— Что-жъ вы, мамаша, сказали ему?—любопытствовалъ Викторъ.

— А то и сказала: вы, молъ, жалованье только получаете да взятки съ бѣдныхъ людей берете.

— Да развѣ же такъ можно въ присутственномъ мѣстѣ говорить? Подумайте: на васъ могли протоколъ составить...

— А пусть составляютъ! Я всякому отбрѣю...

Въ своей святой деревенской простотѣ она, дѣйствительно, умѣла всякому „отбрить“, и ей самой казалось, что именно эта ея особенность плѣнила вскорѣ одного мѣстнаго ходатая, нѣкоего Букарскаго. Въ томъ же окружномъ судѣ послѣдній однажды подошелъ къ ней и первый, безъ всякихъ обиняковъ, отрекомендавался.

— Я давно, простите, сударыня, слѣжу за вами,—сказалъ онъ съ доброй улыбкой,—и восхищаюсь вашей энергіей и смѣлостью. Въ дѣлахъ вы—дама, видимо, мало опытная, но сознаніе правоты и вѣра въ законъ окрыляютъ васъ и дѣлаютъ страшной для этихъ архивныхъ крысъ!

Горячій, сказанный сердечнымъ тономъ, комплиментъ этотъ тронулъ мою мать, и, слово за слово, она разговорилась съ Букарскимъ. Не прошло и получасу времени, какъ тотъ зналъ уже всю ея подноготную,—и сколько на рукахъ у нея дѣтей, которыхъ нужно воспитывать, и какъ мало средствъ къ жизни осталось послѣ продажи всего, рѣшительно всего недвижимаго. Букарскій горестно качалъ головой и твердилъ одно:

— Буквально то же, что у меня. Пожалуй, у меня даже хуже: другого имущества кромѣ того, что надѣто на женѣ и дѣтяхъ, нѣтъ... А что касается дѣтей, то это даже удивительно: у васъ два сына и одна дочь, а у меня одинъ сынъ и двѣ дочери...

Домой вернулась мать въ полномъ восторгѣ отъ этого случайнаго знакомства, и когда Викторъ, уже и въ то время склонный къ излишней мнительности, высказалъ вслухъ подозрѣніе, не обыкновенный ли это жуликъ, она даже возмутилась и горячо вступилась за Букарскаго.

— Все у тебя жулики на умѣ, Витинька! Перекрестись ты. Что онъ у меня—денегъ, что ли, просилъ? Объ дѣлахъ

даже моихъ ни словомъ не заикнулся... Да вотъ самъ увидишь—обѣщалъ зайти.

И, дѣйствительно, очень скоро Букарскій явился къ намъ съ визитомъ, при чемъ обворожилъ всѣхъ простотой и искренностью обращенія. И внѣшній видъ его внушалъ полное довѣріе: солидный станъ, сѣдѣющіе усы... О дѣлахъ онъ опять не заговаривалъ: послѣднія, видимо, страшно надоѣли человѣку, и онъ просто искалъ отдыха въ частномъ знакомствѣ. Уходя, Михаилъ Адамовичъ просилъ разрѣшенія еще разъ навѣстить насъ вмѣстѣ съ женою. Нужно, однако, сказать, что m-me Букарская,—чистокровная полька, плохо даже говорившая по русски,—не очень понравилась моей матери: ея простой, немудрой душѣ сѣверянки показались чѣмъ-то безконечно-чуждымъ и страннымъ и эти патетическія интонаціи голоса, и нѣсколько театральные жесты,—и тотчасъ же по уходѣ Эмиліи Францовны она дала ей жесткую, хотя и краткую, по обыкновенію, характеристику:

— Фальшивая полька!.. Сразу видно!

За то самъ Михаилъ Адамовичъ, своимъ бархатнымъ голосомъ говорившій такъ вкрадчиво-просто и сердечно, а главное—какъ-то сразу умѣвшій угадывать, что́ у каждаго лежитъ на душѣ и что его прежде всего интересуетъ, очаровалъ всѣхъ еще больше прежняго, и именемъ его съ этого дня положительно наполнился нашъ домъ. Въ первое же воскресенье мы всей семьей отправились къ Букарскимъ съ отвѣтнымъ визитомъ и встрѣтили въ высшей степени радушный пріемъ.

Дѣтей оказалось, точно, трое: „красавица“ Соня девяти лѣтъ и „умница“ Юлія — тринадцати-четырнадцати; старшій, мальчикъ Володя, не имѣлъ ни одного изъ этихъ титуловъ: онъ былъ черенъ, какъ жукъ, и длиненъ, какъ жердь, страшно сутуловатъ и близорукъ... Его выгоняли уже изъ трехъ гимназій, якобы за лѣность.

— Но это придирки, Володя вовсе не лѣнивъ,—горячился отецъ.—Просто учителя требовали взятокъ въ видѣ репетицій... Да и какъ ему быть лѣнивымъ? Я запираю его на ключъ въ своемъ кабинетѣ, и онъ волей-неволей долженъ тамъ учиться.

— Да, нынче ужасно много несправедливостей!—вставила моя мать.

— O, madame! — закатывая глаза къ небу, подтвердила Эмилія Францовна.

— Папа ужасно наивенъ, — вмѣшалась вдругъ бойкая Юлія.—Володя запертъ въ кабинетѣ, это правда, но въ окно

Соня подаетъ ему „Вѣчнаго жида“, и онъ и не думаетъ учиться.

Черномазый Володя,—какъ видно, не очень дружно жившій съ сестрой,—погрозилъ ей изъ-подъ стола кулакомъ.

— Юля! стыда не маешь!—остановила ее и мать.

— Вѣдь я же говорю правду, мамочка..

— Вотъ что, дѣтки,—заторопился прекратить неловкій споръ самъ Букарскій:—идите туда, къ себѣ... А мы, взрослые, потолкуемъ тутъ промежъ себя.

Причисляя себя къ взрослымъ, Викторъ остался, мы же, пятеро, ушли тотчасъ во внутреннія комнаты. Разбитная Юлія и тамъ продолжала оставаться руководительницей компаніи. Она была очень некрасива, особенно благодаря широкому и словно ращепленному внизу носу, но маленькіе каріе глазки свѣтились умомъ и проницательностью.

— Представьте, она читаетъ „Супружескую истину“!—вдругъ громко объявилъ Володя, очевидно желая отомстить сестрѣ.—Здóрово! А?

— Да, читаю,—нисколько не смутясь, возразила Юлія.—Ты выкралъ эту книжку у мамы изъ-подъ подушки. Понятно, когда я прочла ее, то рѣшила тебѣ не возвращать. И знай—не возвращу! Тебѣ-то именно и вредно такія книги читать.

— Если книжка вредная, отдай мамѣ. Зачѣмъ же ты сама читаешь?

— Затѣмъ, что я—дѣвочка, и мнѣ все это нужно знать Ты хоть и старше меня на два года, но ты—мальчикъ...

И некрасивое лицо Юліи съ ея маленькими карими глазками и расщепленнымъ носомъ вспыхнуло при этомъ глубокимъ убѣжденіемъ.

— А какого вы мнѣнія о любви?—неожиданно обратилась она съ вопросомъ ко мнѣ.

На эту тему, признаюсь, я никогда еще серьезно не задумывался, и потому, страшно смутившись, пролепеталъ въ отвѣтъ что-то совсѣмъ несуразное.

— По правдѣ сказать, я сама въ любовь не вѣрю,—разглагольствовала Юлія,—по крайней мѣрѣ, не вѣрю въ такую любовь, какая описывается въ романахъ. Думаю, это все выдумки. Володька, напр., воображаетъ, что онъ уже шесть разъ былъ влюбленъ... Ну, мыслимо-ль это? Какъ только увидитъ юбку, такъ, глядишь, и влюбился и начинаетъ просить меня передать записочку. Я распечатала разъ, и тамъ была такая чепуха...

— Дурища! да я для того и написалъ чепуху, что зналъ—ты не утерпишь, распечатаешь.

Скоро мы вернулись въ общую залу. Передъ тѣмъ, какъ разставаться, Володя шепнулъ мнѣ:

— Юлька успѣла разузнать, о чемъ тутъ безъ насъ говорили: ее хотятъ за тебя выдать замужъ, а Соньку—за Виктора... Здорово?

— Какъ такъ Юлю за меня?—удивился я:—да она вѣдь... она ужъ большая...

— Говорятъ, это ничего... такая-же книжница, какъ и ты, можетъ ждать, сколько угодно. А спросили-бъ лучше меня, сколько она ждать можетъ!

Прощаясь, я видѣлъ, какъ лукаво блестѣли глазки у „красавицы" Сони и „умницы" Юліи.

Сближеніе нашего семейства съ семьей Букарскихъ пошло послѣ этого быстрыми шагами, и не проходило, кажется, дня, когда не навѣстили бы они насъ, или мы—ихъ. Между прочимъ, я вызвался подготовить Володю по нѣкоторымъ учебнымъ предметамъ для поступленія его въ какое-то лѣсное училище, и по этому поводу мы ежедневно цѣлые часы проводили вмѣстѣ, занимаясь не только науками, но и бесѣдами на совсѣмъ постороннія темы. Въ то же время съ Юліей установились у меня какія-то совершенно особыя отношенія. Уже на другой или на третій день послѣ шуточнаго, какъ мнѣ казалось, сватовства насъ родителями она поймала меня въ полутемной передней и, неожиданно обнявъ за шею, пыталась поцѣловать въ губы.

— Женишокъ, ты меня любишь?

Голосъ ея при этомъ дрожалъ, и отъ всего тѣла, какъ мнѣ показалось, вѣяло какимъ-то страннымъ жаромъ.

Чувство непонятной гадливости вдругъ охватило меня всего, точно я прикоснулся къ скользкой, отвратительной жабѣ... Грубо сбросилъ я обвившія меня руки, оттолкнулъ Юлію прочь и стремглавъ выбѣжалъ изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ Володя отыскалъ меня и спросилъ:

— Что тамъ у васъ случилось?

— А что?

— Да Юлька реветъ, какъ корова; все твердитъ, что отплатитъ тебѣ. „Ножикомъ, говоритъ, пырну, или въ морду чѣмъ-нибудь хорошимъ плесну". Здорово, а? Ты смотри, Алеха, остерегись. Она у насъ сумасшедшая, можетъ и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь этакое сдѣлать.

Угроза эта, помню, показалась мнѣ въ высшей степени серьезной, и особеннаго геройства я не обнаружилъ, такъ какъ долгое послѣ того время старался даже близко не подходить къ Юліи и зорко слѣдилъ за всякимъ ея движеніемъ. А по ночамъ просыпался, весь облитый холоднымъ потомъ, видя передъ собою ея же угрожающее лицо...

Однако, прошло всего двѣ-три недѣли—и какъ той, такъ и другой стороной все забылось; нерѣдко мы опять шалили съ беззаботнымъ смѣхомъ или, сидя рядомъ, философствовали на тѣ туманныя, отвлеченныя темы, которыя такъ любимы подростками... Только не повторялись больше покушенія на цѣломудріе прекраснаго Іосифа!

За то ближайшимъ Рождествомъ, въ домѣ тѣхъ же Букарскихъ и чуть не подъ покровительствомъ той же Юліи, завязался первый мой романъ съ одной изъ ея гимназическихъ подругъ. Это была премиленькая дѣвочка, необыкновенно изящная и миніатюрная. Совершенный ребенокъ по росту и фугуркѣ, Анюта Алексѣева поражала вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то недѣтски-печальной серьезностью своихъ умныхъ ясныхъ глазокъ; не помню, чтобы она когда-нибудь не только засмѣялась, но даже улыбнулась. Знакомство наше продолжалось очень недолго и никакими важными событіями отмѣчено не было, и потому, быть можетъ, мнѣ такъ ярко врѣзалась въ память одна маленькая сценка, вѣрнѣе—впечатлѣніе.

Послѣ одного вечера у Букарскихъ, на которомъ мы, дѣти, много танцовали и шалили, я, какъ и подобаетъ галантному и, къ тому же, влюбленному кавалеру, вызвался проводить Анюту домой. Былъ темный звѣздный вечеръ. Разговоръ велся, по обыкновенію, въ высшей степени серьезный и даже глубокомысленный... Прощаясь и не рѣшаясь фамильярно назвать дѣвочку „Анютой" я,—должно быть, сильно покраснѣвъ въ темнотѣ,—робко спросилъ ее объ ея отчествѣ. Она отвѣтила съ необычайной важностью и даже строгостью:

— Анна Павловна.

И подала мнѣ ручку, такую крошечную, дѣтски-безпомощную, что меня, помню, охватило умиленіе... Такое именно чувство испыталъ я разъ, накрывъ ночью въ замѣченномъ ранѣе гнѣздѣ какую-то необыкновенно миніатюрную птичку...

Что касается моей влюбленности, ту пору признаться вполнѣ откровенно, что въ дѣйствительности ея и слѣда не было. О „любви" я имѣлъ еще въ то время такое же представленіе, какъ грудной младенецъ о Шекспирѣ... Но какъ же было не вообразить себя въ самомъ дѣлѣ влюбленнымъ, когда мнѣ исполнилось уже тринадцать лѣтъ, и, какъ поэту (а таковымъ я уже считалъ себя), для меня это казалось обязательнымъ? Къ тому же, на любовь подбивалъ меня Володя Букарскій, имѣвшій для этого совершенно особую причину. Занимаясь подготовкой къ экзаменамъ въ лѣсную школу и, какъ заговорщики, запираясь на чердакѣ нашей квартиры, гдѣ имѣлась маленькая комнатка въ одно окно,—мы цѣ-

лыми часами говорили тамъ о всевозможныхъ матеріяхъ и строили всевозможные проекты. Между прочимъ, нами сообща изобрѣтенъ былъ еще въ ту пору аэропланъ, который долженъ былъ двигаться, по желанію, въ любую сторону, даже противъ вѣтра, и вся задержка была только за какимъ-то винтомъ, который знакомый слесарь брался сдѣлать всего за 2 руб. Но денегъ этихъ ни у меня, ни у Букарскаго не было... И еще соблазняла насъ мысль пріобрѣсти пистолетъ, старинный одноствольный пистолетъ, который тотъ же знакомый слесарь соглашался уступить намъ за 1 р. 50 коп. Но и такой скромной суммы мы не имѣли...

И, вотъ, Букарскому первому пришло на мысль, что я могъ бы начать печатать свои стихи и басни въ газетахъ (о существованіи журналовъ ни онъ, ни я даже не слыхали еще въ то время),—ему кто-то сказалъ, что за это платятъ порядочныя деньги, чуть ли не пяти коп. за строчку... Свѣдѣніе довольно сомнительное и даже нѣсколько страшное, но сообщалъ его вполнѣ достовѣрный человѣкъ... Къ сожалѣнію, кромѣ сомнѣній и страха, встрѣчались и еще затрудненія: прежде всего, мы не знали, куда именно и какъ посылать стихи... Въ головахъ нашихъ совершенно путались въ то время слова „издатель" и „редакторъ", „подписчикъ" и „сотрудникъ"... И еще было, едва ли не главное, затрудненіе: что же именно послать? Съ большимъ вниманіемъ и тщательностью пересмотрѣли мы весь мой литературный багажъ (при чемъ рѣшающій голосъ я великодушно предоставилъ Букарскому, какъ болѣе безпристрастному судьѣ), и хотя товарищъ былъ необыкновенно высокаго мнѣнія о моемъ талантѣ, повидимому, совершенно искренно давая мнѣ мѣсто рядомъ не только съ Крыловымъ, но и съ самимъ Пушкинымъ, но онъ никакъ не могъ выбрать у меня ни одного стихотворенія, подходящаго для первой посылки въ печать по темѣ и формѣ.

— Не поймутъ... Не понравится идея,—говорилъ онъ съ грустью.—Это напечатаешь, когда ужъ прославишься. Надо бы что-нибудь о любви, какое-нибудь этакое признаніе... Эхъ, будь у меня твое умѣнье владѣть рифмой...

— Одной рифмы мало,—конфузливо оправдывался я:—нужно и чувство, а я... еще не влюблялся вѣдь ни разу...

— Вотъ чудакъ! развѣ это трудно—въ Анюточку, напр., Алексѣеву влюбиться? Такую, братъ, оду послѣ того настрочишь—здорово!

Юлія, съ своей стороны, поддразнивала меня, увѣряя то и дѣло, что я во снѣ и на яву только и вижу Анюту Алексѣеву...

Ко всему этому прибавилась одна несчастная случайность. Я никогда—и въ ранней даже юности—не отличался особенной расторопностью и граціозностью движеній, —и, вотъ, однажды во время танцевъ ухитрился наступить своей предполагаемой пассіи на ногу, о чемъ самъ, вѣроятно, и не догадался бы никогда, если бы Юлія не прислала изъ другой комнаты Володю сообщить мнѣ объ этой бѣдѣ.

— Здорово, братъ, ты лапку-то ей отдавилъ! Растираютъ тамъ... Юлія говоритъ, чтобы ты шелъ прощенья просить.

Я былъ такъ ошеломленъ и переконфуженъ, что вмѣсто того, чтобы послушаться совѣта Юліи, тотчасъ же бросилъ танцы и убѣжалъ домой. Мнѣ казалось, что все пропало, что я уже никогда больше въ жизни не посмѣю взглянуть въ лицо этой милой деликатной дѣвочкѣ, и ни о какой „влюбленности" теперь уже и рѣчи не можетъ быть!

И, тѣмъ не менѣе, ровно три дня спустя изъ-подъ пера моего родилась на свѣтъ „любовная ода" въ цѣлыхъ 80 стиховъ!

О, если бъ знали вы волненье,
Всю силу къ вамъ моей любви!
Какое горькое томленье
Кипитъ и день, и ночь въ крови!

Такъ начинались эти пустозвонные стихи. Мнѣ самому они казались въ то время великолѣпными; въ восторгѣ былъ и Володя—особенно отъ ихъ количества...

— Здорово!—сказалъ онъ и тотчасъ же вычислилъ, что мы получимъ цѣлыхъ 4 р. гонорара, считая даже всего по пятаку за строчку.

Очень понравились стихи и Юліи, которая всякій разъ послѣ того встрѣчала меня какимъ-то особенно удивленнымъ и даже восхищеннымъ взглядомъ.

— Анютѣ я тоже передалъ,—шепталъ мнѣ Букарскій.— И видно, братъ, что ты здорово ее пронзилъ! Молчитъ только да краснѣетъ... Здорово!

Моя радость и гордость тѣхъ дней отравлена была только Викторомъ, который, „выкравъ" въ моихъ бумагахъ „оду", сталъ неотступно преслѣдовать меня насмѣшками и цитатами отдѣльныхъ „неудачныхъ» стиховъ, а также иниціалами имени и фамиліи Анюты Алексѣевой, которые неосторожно были выставлены мной надъ стихами. Достаточно было сказать ему: „А... А!"—какъ я, густо покраснѣвъ, стремглавъ бѣжалъ въ другую комнату; случалось, эти насмѣшки такъ донимали меня, что я приходилъ въ общую комнату обѣдать или пить чай, обвязавъ себѣ уши шарфомъ...

Между тѣмъ, никому и въ голову не приходило, что

близилась трагическая развязка. Анюта неожиданно для всѣхъ исчезла съ горизонта, переставъ ходить не только къ Букарскимъ, но и въ гимназію.

И, вотъ, разъ тотъ же Викторъ, вернувшись поздно вечеромъ съ прогулки, громко и какъ-то торжественно-серьезно объявилъ въ моемъ присутствіи, что Анюта Алексѣева умерла въ этотъ самый день отъ злой скарлатины.

На меня братъ даже не взглянулъ, дѣлая это сообщеніе матери и сестрѣ. Не подалъ и я никакой реплики... Но когда затѣмъ я пришелъ въ свою комнату, чтобы лечь спать,—неудержимыя слезы хлынули въ темнотѣ изъ моихъ глазъ! Впервые въ эту минуту вспыхнуло въ моей груди настоящее теплое чувство къ несчастной дѣвочкѣ, зажженное настоящимъ страданіемъ.

„Ода“ была на другой же день разорвана, такъ и не давъ мнѣ ни славы, ни гонорара, о которомъ столько мечталъ пріятель мой, Володя Букарскій.

Л. Мельшинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

* * *

Мой сторожъ—добрый старичокъ—
Сказалъ сегодня мнѣ:
„А теплый выдался денекъ!
Ужо пошло къ веснѣ“.
Онъ щелкнулъ весело замкомъ,
И я опять одна.
Угрюмы стѣны,—за окномъ
Раздолье и весна.
А сколько вёсенъ впереди...
До воли далеко...
Но что же стало такъ въ груди
Тревожно и легко?
Такъ закружилась голова,
И вся я, какъ въ огнѣ...
О вы, случайныя слова
О радостной веснѣ!
Вы—какъ пророчество... Молчу,
Но все поетъ во мнѣ,
И вѣрить, вѣрить я хочу:
„Ужо пошло къ веснѣ!“

Ванда Дыдзюль.

Черноморская Регистрація *).

Конецъ забастовки. Открытіе Регистраціи.

I.

Лѣтняя забастовка 1906 г. кончалась. Переговоры стачечнаго комитета съ пароходовладѣльцами привели къ соглашенію сторонъ. Въ числѣ другихъ условій наши противники признали Регистрацію. Послѣднее слово оставалось, однако, за военной властью, такъ какъ въ Одессѣ дѣйствовало военное положеніе. Власти же наши были недовольны. Имъ казалось, что въ отвѣтъ на попытки судовладѣльцевъ завязать переговоры съ нами, мы всякій разъ повышали наши требованія. Это была, конечно, неправда. Но онѣ думали такъ или, по крайней мѣрѣ, утверждали, что такъ думаютъ.

Когда мы пришли къ окончательному соглашенію съ судовладѣльцами и оставалось получить только оффиціальное разрѣшеніе властей,—дѣло вдругъ застопорилось. Генералъ-губернаторъ Карангозовъ заявилъ, что онъ утвердитъ уставъ Регистраціи, но лишь тогда, когда моряки *прекратятъ забастовку* и *возвратятся на свои мѣста.* Лишь тогда онъ будетъ увѣренъ, что моряки дѣйствительно хотятъ мира и не собираются еще разъ продѣлать маневръ съ предъявленіемъ новыхъ требованій. Вѣрилъ онъ въ наше «коварство» или это было лишь коварство съ его стороны, — рѣшить было невозможно.

Такъ или иначе, но рѣшеніе властей носило характеръ категорическій и нужно было найти выходъ. Стачечный комитетъ созвалъ немедленно собраніе и изложилъ положеніе. Имъ была предложена и собраніемъ принята компромиссная формула, дающая выходъ обѣимъ сторонамъ. Отъ имени общаго собранія властямъ

---

*) Регистрація моряковъ черноморскаго торговаго флота, это—профессіональная организація, функціонировавшая въ 1906 году въ Одессѣ. Давая мѣсто запискамъ бывшаго ея предсѣдателя, мы надѣемся, что онѣ не только оживятъ въ памяти читателей одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ освободительной борьбы, но и заинтересуютъ ихъ заключающимися въ нихъ данными поучительнаго опыта,—опыта организованной жизни, которымъ такъ не богато еще наше рабочее движеніе *Ред.*

было передано слѣдующее столь же категорическое заявленіе: моряки немедленно оставляютъ берегъ и возвращаются на пароходы. Они разводятъ пары и готовятся къ отходу. Тѣмъ самымъ они показываютъ, что дѣйствительно намѣрены прекратить забастовку. *Но не одинъ пароходъ не выйдетъ въ море,* пока уставъ Регистраціи не будетъ подписанъ властями и переданъ въ руки стачечнаго комитета. Если же, несмотря на возвратъ моряковъ на пароходы, власти откажутся подписать уставъ или арестуютъ стачечный комитетъ, то моряки снова сходятъ съ пароходовъ, и забастовка продолжается. На такую мѣру мы могли, конечно, рѣшиться лишь въ виду необычайной твердости настроенія, единодушія и дисциплины, царившихъ среди моряковъ во время забастовки.

Власти приняли наше условіе, и 24-го іюня ликующіе, упоенные побѣдой моряки разошлись по пароходамъ. Директоръ Русскаго Общества Пароходства и торговли привезъ подписанный Карангозовымъ уставъ Регистраціи и вручилъ его стачечному комитету. Съ этимъ уставомъ въ рукахъ комитетъ обходилъ пароходы, перегруженные людьми и товаромъ, и выпускъ ихъ изъ порта.

Пароходы только ждали сигнала къ отходу. Лишь только мы появлялись со свернутымъ въ трубку уставомъ, насъ тѣсно обступала команда.

— Ну, что, товарищи, подписалъ?

— Подписалъ,—отвѣчаемъ.

— И выборныхъ *) выпустили?

— Выпустили.

— Значитъ можно въ рейсъ?

— Можно, товарищи!

Команда разсыпается по мѣстамъ.

Къ намъ подходитъ вахтенный помощникъ, онъ вѣжливъ и почтителенъ. Разряженные классные пассажиры съ удовольствіемъ взираютъ на кучку оборванцевъ, ведущихъ себя столь властно.

— Можно отчаливать?—спрашиваетъ помощникъ.

— Отчаливайте.

— Давай третій!—молодцевато командуетъ онъ.

Гудитъ гудокъ, раздается: «право, на бортъ», и огромный пароходъ медленно отчаливаетъ отъ пристани. Давно застывшій портъ заклубился дымомъ, покрылся шумомъ веселыхъ гудковъ, ожилъ, задвигался, зачернѣлъ силуэтами уходящихъ судовъ.

Лѣтній вечеръ спускался надъ моремъ. Синія волны плескались о пристань; а душу наполняли радость и гордость. Мы выпускаемъ пароходы. Безъ насъ ни съ мѣста всѣ груды товаровъ, массы пассажировъ, громады судовъ!

«Вотъ она, думалось, сила и мощь пролетаріевъ! Та моральная

---

*) Члены правленія, избранные моряками, именовались кратко «выборными».

сила, которую уважаютъ и враги. Та организованная мощь, что согнула, на моментъ, но согнула и штыкъ военнаго положенія, и сплоченное упорство судоваго начальства, и крѣпкую выю крупнаго капитала». Мысль на этомъ не останавливалась и уносилась еще дальше,—въ наше лучезарное, прекрасное, побѣдное будущее.

На другой день начала функціонировать Регистрація.. Борьба кончилась и наступила повседневная жизнь. Поэзію смѣнила проза. Я вспоминаю первый день существованія Регистраціи. Явившись утромъ въ портъ, я направился во временное помѣщеніе «Конторы Регистраціи». Это былъ длинный сарай, предназначавшійся для харчевни. Теперь онъ пустовалъ и хозяинъ его—Казенное Правленіе Порта—предоставилъ его намъ до прiисканія нами другого помѣщенія. Войдя туда, я засталъ невообразимый хаосъ. Человѣкъ около тысячи народу стояло сплошной массой, и все это шумѣло, кричало, жестикулировало. Какъ только я влѣзъ въ эту кашу, меня стали положительно разрывать. Всѣмъ что-то было надо, всѣ о чемъ-то спрашивали, требовали отвѣта, немедленнаго и рѣшительнаго; на что-то жаловались, негодовали, ругались, грозили—и все это (и просьбы, и жалобы, и негодованіе) уснащали самой крѣпкой, отборной русской руганью, безъ которой немыслимъ ни одинъ сносный морякъ.

И странное дѣло! Вчера еще я былъ въ курсѣ всѣхъ дѣлъ, и казалось превосходно понималъ все, что касалось моряковъ; сегодня я на три четверти не понималъ того, съ чѣмъ мнѣ пришлось имѣть дѣло.

Кое-какъ я протолкался за перегородку, гдѣ металось нѣсколько человѣкъ «выборныхъ» *), управляясь съ неотложными дѣлами. Машина была пущена въ ходъ. И хотя это была организація, долженствовавшая внести стройность и порядокъ во весь обиходъ морской жизни, но въ тотъ моментъ мнѣ показалось, что она спеціально создана, чтобы вызвать къ жизни хаосъ противорѣчій, недоразумѣній и столкновеній.

До этого момента все представлялось довольно простымъ: съ одной стороны, капиталъ, который гнететъ рабочаго, съ другой — наемный трудъ, которому надлежитъ обороняться и дружной стѣной напирать на врага. А потому и задача была простая: «Товарищи, сомкнись плотнѣй»!—разъ. «Товарищи, напирай дружнѣй»!—два. И пока напряженность борьбы сковывала тысячную массу въ одно цѣлое, вопросы тактики не представляли особой сложности. Смотрѣть въ оба, чтобы гдѣ-нибудь не показалась трещина, немедленно задѣлывать ее, разъ она появилась,—парализовать все, что можетъ разстроить ряды, удержать отъ зарыва въ борьбѣ, не упу-

*) Члены стачечнаго комитета, арестованные во время забастовки.

стить момента, благопріятнаго для заключенія выгоднаго мира и поддерживать упорство, когда врагъ непримиримъ. Вотъ и все.

Но борьба прекратилась, и предо мной вмѣсто привычной глазу «борющейся массы», скованной въ одно цѣпями завязавшейся схватки, предстала та же масса, распавшаяся на свои составные элементы, на единицы, живущія своей повседневной жизнью. И я никогда бы не повѣрилъ, что въ такой небольшой и по положенію однородной массѣ, какъ моряки, скрывается столько разнообразій, столько противорѣчій, группировокъ, творимыхъ этой самой повседневной жизнью. Вмѣсто простоты сложность, передъ которой у меня въ первую минуту опустились руки.

И здѣсь только я не то что понялъ, а почувствовалъ, такъ сказать, на своей шкурѣ, что «рабочій классъ» и просто рабочіе, составляющіе этотъ классъ,—далеко не одно и то же, что «борьба рабочаго класса» и его повседневная жизнь ставятъ совсѣмъ различныя задачи и требуютъ совсѣмъ иныхъ способностей и навыковъ, что, наконецъ, созидательная часть борьбы рабочаго класса гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ ея разрушительная, завоевательная часть.

II.

Сущность Регистраціи.

Въ основѣ Регистраціи лежали два принципа, дававшіе ей смыслъ и опредѣлявшіе ея содержаніе. Одинъ изъ нихъ подразумѣвался, другой—былъ прямо изложенъ въ уставѣ. Первый можно примѣрно выразить такъ: ни одинъ человѣкъ не можетъ быть принятъ на пароходную службу помимо Регистраціи. Въ этомъ заключалось «признаніе» Регистраціи со стороны пароходовладѣльцевъ и судовой администраціи.

Мирныя отношенія были возможны лишь при выполненіи этого условія и принятіи всѣхъ вытекавшихъ изъ него слѣдствій. При «непризнаніи» открытая война.

Второй принципъ Регистраціи,—принципъ очередей—былъ изложенъ въ слѣдующихъ статьяхъ устава: а) На открывающіяся вакансіи Контора Регистраціи посылаетъ людей, строго соблюдая очередь по времени записи. Для этой цѣли заводятся особые очередные списки.

б) Судовая администрація имѣетъ право отказаться отъ перваго присланнаго безъ объясненія причинъ, отъ второго—съ объясненіемъ причинъ, третьяго уже она принимаетъ обязательно.

в) Очередной кандидатъ въ правѣ отказаться отъ открывающейся вакансіи одинъ разъ. Во второй разъ онъ долженъ представить мотивы отказа, и если Регистрація найдетъ ихъ неосновательными, то кандидатъ теряетъ очередь и заносится въ конецъ списка.

Первый принципъ устранялъ ту «свободу договора», которая при конкуренціи ищущихъ работы между собою дѣлаетъ ихъ совершенно беззащитными передъ нанимателемъ. За этотъ принципъ, за замѣну индивидуальнаго договора коллективнымъ, какъ извѣстно, теперь идетъ ожесточенная борьба въ странахъ съ высоко развитымъ рабочимъ движеніемъ, насчитывающимъ десятки лѣтъ существованія профессіональныхъ союзовъ. И тамъ онъ встрѣчаетъ систематическій отпоръ со стороны капитала, желающаго быть «хозяиномъ» на *своей* фабрикѣ надъ *своимъ* рабочимъ. Нечего и говорить, что у насъ этотъ принципъ представлялся такимъ дерзновеннымъ вторженіемъ въ священныя права работодателя, что могъ быть признанъ пароходо-владѣльцами лишь скрѣпя сердце и до перваго лишь случая.

Второй принципъ тоже потрясаетъ основы капиталистической эксплуатаціи, хотя хозяйскаго гонора и хозяйскаго кошелька онъ *прямо* не затрагиваетъ. Но онъ устраняетъ конкуренцію ищущихъ работы, подчиняя полученіе ея строгой очереди. Тѣмъ самымъ устраняется побудительный мотивъ идти на худшія условія, только бы захватить мѣсто. Кромѣ того, очередная посылка смягчаетъ самую остроту безработицы, распредѣляя ее болѣе равномѣрно.

Надо, однако, сказать, что принципъ очередей можетъ оказывать достаточно сильное вліяніе лишь тамъ, гдѣ происходитъ сравнительно быстрая смѣна рабочихъ. Моряки и портовые грузчики какъ разъ представляютъ такую среду. Чтобы иллюстрировать значеніе принципа очередей для моряковъ, я опишу механизмъ его дѣйствія, при чемъ возьму положеніе уже установившееся, нормальное, а не переходной періодъ.

Картина получается такая. На морѣ пароходы, на которыхъ всѣ мѣста заняты. На берегу болѣе или менѣе постоянный (по числу, но не по личному составу) контигентъ моряковъ, ожидающихъ возможности поступить на пароходъ. Такихъ ждущихъ своей очереди у насъ называли просто «очередными». Приходитъ пароходъ. Съ него, по своей ли волѣ или разсчитанный капитаномъ, уходитъ морякъ на берегъ. Чтобы его замѣстить, капитанъ посылаетъ въ Регистрацію «требованіе»: «Симъ прошу прислать на такой-то пароходъ матроса (или кочегара) такой-то категоріи».

Очередные разбиты на нѣсколько категорій (по спеціальностямъ) и каждая имѣетъ свой особый списокъ.

По присланному требованію членъ правленія, завѣдующій очередными списками, «отправляетъ» на пароходъ перваго, стоящаго на очереди въ данной категоріи.

Такимъ образомъ освободившаяся вакансія на пароходѣ немедленно замѣщена. Сошедшій же съ парохода записывается «въ заднюю очередь», т. е. онъ является въ Регистрацію и имя его заносится въ конецъ списка, а ему выдается его номеръ.

Съ этого момента онъ можетъ быть спокоенъ. Ему нѣтъ нужды рыскать по порту, выискивая мѣста, и, снявъ шапку, упрашивать капитана или его помощника, а то и просто боцмана, принять его на службу. Онъ знаетъ, что, когда дойдетъ до него очередь, онъ непремѣнно получитъ мѣсто. Подысканіе работы происходитъ автоматически и безъ его участія. Правда, ему приходится теперь ждать, тогда какъ прежде онъ могъ, при удачѣ, быстро попасть на другое мѣсто. Но не всегда бываетъ удача, бываютъ и неудачи.

Такъ изо дня въ день и совершалось передвиженіе моряковъ съ пароходовъ на берегъ и съ берега на пароходы черезъ дверь Регистраціи.

Отсюда вытекали слѣдующія особенности въ жизни послѣдней. Въ ея зданіи всегда находилось нѣсколько десятковъ человѣкъ очередныхъ. Они ревниво слѣдили за тѣмъ, чтобы въ очередныхъ спискахъ не произошло какой-нибудь путаницы или злоупотребленій при отправкѣ на мѣсто требуемыхъ людей. А слѣдя за очередными списками, они заодно ужъ слѣдили и за всѣми дѣйствіями правленія. Такъ какъ все у нихъ дѣлалось на глазахъ, то само собой выходило, что во всѣхъ дѣлахъ они принимали живѣйшее участіе. Въ большой залѣ нашей конторы постоянно происходило обсужденіе то въ отдѣльныхъ парахъ, то цѣлыми кучками, всѣхъ вопросовъ дня. Очень часто эти кучки разростались до импровизированнаго собранія, нерѣдко бурнаго и безпокойнаго.

Благодаря тому, что въ Регистраціи всегда былъ народъ—очередные—она стала центромъ для всѣхъ досужихъ моряковъ. Сюда приходили посидѣть, поболтать, почитать книгу или газету. Такимъ образомъ съ первыхъ же дней Регистрація стала и клубомъ моряковъ. Здѣсь собственно и творилось общественное мнѣніе.

III.

Первые шаги.

Первымъ актомъ Регистраціи было распредѣленіе очередей. По рѣшенію перваго общаго собранія во время стачки и по договору съ пароходовладѣльцами, принявшими это постановленіе, всѣ команды по окончаніи забастовки должны были вернуться на свои мѣста. Онѣ и вернулись. Остальные моряки, оставшіеся на берегу послѣ забастовки, были внесены въ очередные списки. Такъ какъ они всѣ были уже на лицо, то первое распредѣленіе очередей происходило по жребію. Такимъ образомъ сразу всѣ были размѣщены въ очередной порядокъ въ первый же день.

Съ этого момента всякій новый, желающій поступить на пароходъ долженъ былъ записаться въ хвостъ этой очереди. И нужно

сказать, что хвостъ получился чудовищный. Успѣшная забастовка, высокая заработная плата, Регистрація, какъ надежная защита,— все это привлекло огромную массу народа, постоянно имѣющагося въ порту, къ дверямъ Регистраціи. Въ обычное время многимъ и въ голову не приходило поступать на пароходы, но теперь обстановка и условія были слишкомъ соблазнительны. Обычно на берегу моряковъ, ищущихъ мѣста, имѣется въ пять или въ шесть разъ меньше, чѣмъ служащихъ на пароходѣ. Теперь же ихъ оказалось гораздо больше и это было только начало. Какъ бы то ни было, очередные списки были составлены, — самое существенное было сдѣлано.

Но это только казалось. Въ дѣйствительности же немедленно изъ-за очередей начались осложненія. Дѣло въ томъ, что не всѣ моряки, бывшіе до забастовки на пароходахъ, попали на свои мѣста. Часть моряковъ, крестьяне во время забастовки разъѣхались по домамъ. Но предварительно они сдѣлали запросъ на одномъ изъ общихъ собраній, можно ли имъ уѣхать. Отвѣтъ былъ, конечно, утвердительный. Какой смыслъ имъ сидѣть въ Одессѣ, голодать и обременять стачечную кассу, если есть возможность уѣхать. Поэтому общее собраніе вотировало имъ безпрепятственный отъѣздъ и гарантію, что они не потеряютъ своихъ мѣстъ. Тогда, во время забастовки, никто не задавался вопросомъ, какимъ образомъ эта гарантія будетъ осуществлена, а когда забастовка кончилась, ждать отсутствующихъ было некогда и они были замѣщены первыми попавшимися. Послѣдніе были взяты даже не изъ Регистраціи, ибо она начала дѣйствовать лишь на другой день, а прямо съ берега, на старый манеръ. Пароходы ушли, иные на долго. Проходитъ нѣсколько дней. Очередные списки, пополняемые случайнымъ, такъ сказать, «пришлымъ» для морской службы людомъ, быстро растутъ. И вотъ въ это то время начинаютъ появляться деревенскіе моряки, получившіе извѣстіе объ окончаніи забастовки. Являются и требуютъ, какъ имъ обѣщано, своего мѣста. Но пароходы ихъ ушли и мѣста ихъ замѣщены. Какъ быть съ ними?

Правленіе, считая ихъ требованія справедливыми и сверхъ того имѣя за собой рѣшенія стачечнаго собранія, попыталось выйти изъ затрудненія, посылая ихъ внѣ очереди, раньше, чѣмъ записаныхъ въ очередные списки. Тогда очередные подняли ропотъ. И это было понятно. На берегу послѣ забастовки остались тѣ, что были и до забастовки на берегу, т. е. тѣ, кто и раньше былъ безъ работы. Среди нихъ многіе были безъ мѣста по 2—3 мѣсяца до забастовки, да забастовка тянулась $1 \frac{1}{2}$ мѣсяца. Когда она кончилась, они опять остались на берегу «ждать очереди», иначе говоря, ждать куска хлѣба, на который уже давно имѣли право, фактическое право, право пустого желудка. Не трудно себѣ представить, съ какимъ чувствомъ «очередной» т. е

ждущій съ часу на часъ посылки на пароходъ, встрѣчалъ пріѣхавшаго изъ деревни товарища.

Поднялся ропотъ. Его удалось успокоить, ссылаясь на рѣшеніе общаго собранія, съ одной стороны, и на то, что пріѣзжающихъ немного,—съ другой. Но это было заблужденіе. Ихъ оказалось много, каждый день являлось по нѣскольку десятковъ, и всѣ они спокойно и увѣренно предъявляли правленію требованіе на немедленное полученіе мѣста. У нихъ не было и тѣни сомнѣнія, что требованіе ихъ будетъ удовлетворено: разъ общее собраніе постановило, правленіе должно исполнить. Между тѣмъ чѣмъ больше ихъ являлось, тѣмъ громче раздавался ропотъ очередныхъ. Послѣдніе не желали считаться съ формальнымъ правомъ пріѣзжихъ, ссылались на свою безмѣрную нужду, и негодующей толпой насѣдали на правленіе:

— Они тамъ въ деревнѣ у себя сидѣли, а мы тутъ $1^1/_2$ мѣсяца голодали! Они и до забастовки имѣли кусокъ хлѣба, а мы голодали и теперь опять голодай! Если ихъ посылать раньше насъ, такъ мы тутъ еще два мѣсяца будемъ сидѣть.

И это было вѣрно... А съ другой стороны, и тоже толпой, наступали деревенскіе.

— Когда бы мы знали такое дѣло, такъ не уѣхали бы. Мы бы теперь при мѣстахъ на своихъ пароходахъ были. Общее собраніе насъ отпустило. Чего же намъ сидѣть было? И самимъ голодать, и вамъ въ тягость? А теперь что же мы? Въ заднюю очередь насъ; такъ какая же наша вина?

И это было вѣрно... Такимъ образомъ въ теченіе какой-нибудь недѣли-двухъ въ нѣдрахъ Регистраціи выросло цѣлое классовое противорѣчіе: съ одной стороны, группа крестьянъ, укрывшаяся въ деревню на время забастовочной непогоды и теперь требующая *по праву* посылки внѣ очереди; съ другой,—масса очередныхъ, чистыхъ пролетаріевъ, лѣто и зиму живущихъ у моря и моремъ, перемежая лѣтній обильный заработокъ зимней безработицей съ ея лишеньями.

Разрѣшеніе этого противорѣчія всею тяжестью легло на плечи правленія. Въ Регистраціи творились въ это время нѣчто невѣроятное. Обѣ стороны или насѣдали на правленіе и трепали во всѣ стороны предсѣдателя, или ожесточенно, шумно и бурливо дебатировали свои права на полученіе мѣста. Аргументы были, конечно, одни и тѣ же: съ одной стороны, «намъ ждать не въ моготу,» съ другой—«такъ мы бы не уѣхали, если бы знали»... Казалось нѣсколько разъ, что дѣло дойдетъ до общей потасовки, и Регистрацію разнесутъ по щепочкѣ. Это непрерывное возбужденіе, напряженная атмосфера страшно мѣшали нормальной работѣ, и правленіе усиленно искало выхода. Наконецъ, оно его придумало, но этотъ выходъ, сгоряча показавшійся удовлетворительнымъ, еще больше запуталъ отношенія.

Разсуждали мы такъ: въ чемъ причина создавшагося противорѣчія? Въ томъ, что на мѣста отсутствовавшихъ поступили не очередные, а «съ берега.» Значитъ, нужно по мѣрѣ возвращенія пароходовъ снимать съ нихъ поступившихъ съ берега и на ихъ мѣста посылать вернувшихся изъ деревни. Вопросъ рѣшался замѣчательно просто и, казалось, ко всеобщему удовольствію.

Какъ только мы остановились на этомъ рѣшеніи, такъ въ Регистраціи полегчало. Очередные потеряли причину недовольства, а деревенскіе кинулись въ портъ сторожить приходящіе пароходы.

Къ намъ посыпались донесенія. «На такомъ-то пароходѣ такой-то и такой-то поступили съ берега. А на такой-то такой-то» и т. д. и т. д.

Всѣ эти случаи нужно было провѣрять и поступившихъ съ берега снимать. На ихъ мѣсто водворялись деревенскіе.

Но... обрадовавшись найденному выходу, мы совсѣмъ не подумали, куда же намъ дѣвать снятыхъ съ пароходовъ. Тѣ немедленно, конечно, появились въ Регистраціи.

— За что меня сняли, товарищъ предсѣдатель?

— Вы поступили на чужое мѣсто и поступили не изъ Регистраціи, а «съ берега.»

— Такъ если бы не я, такъ другой поступиль бы. Потому пароходъ безъ человѣка не вышелъ бы. А Регистрація тогда еще не открылась. Такъ что я хоть бы и хотѣлъ, такъ не могъ бы поступить изъ Регистраціи. А теперь куда же насъ?!

— Въ очередь запишитесь.

— Такъ это значитъ въ заднюю очередь? Это невозможно. Если бы я зналъ, такъ не поступалъ бы. Тогда бы я тянулъ жребій и имѣлъ свой номеръ. А теперь сколько народу записалось, а я долженъ позади всѣхъ становиться.

Между тѣмъ машина работала. Добровольные развѣдчики отыскивали все новыхъ и новыхъ «незаконно» поступившихъ, правленіе волей-неволей ихъ снимала. Передъ нами уже три группы, взаимно конкурирующія: 1) очередные, 2) вернувшіеся изъ деревни послѣ забастовки и 3) снятые нами съ пароходовъ. И всѣ были недовольны, всѣ ругали Регистрацію и правленіе. Всѣ имѣли свои права и свои основанія, всѣмъ было нужно мѣсто, и ни одна категорія не была виновата въ создавшемся положеніи.

Пометавшись точно въ торячкѣ, наругавшись до хрипоты со всѣми тремя группами, правленіе выработало, наконецъ, весьма сложную и, надо сознаться, довольно нелѣпую систему. Но она представлялась единственно возможнымъ выходомъ изъ запутаннаго положенія. Собрали общее собраніе, а это было нетрудно, публика толкалась цѣлый день въ Регистраціи,—и предложили нашъ планъ. Къ тому времени уже всѣ почувствовали, что на почвѣ правъ никакъ не столкуешься, ибо всѣ правы. Необходимость устроиться какъ-нибудь чувствовалась всѣми, и нашъ нелѣпый планъ былъ принятъ.

Система заключалась въ слѣдующемъ. Поступившіе съ берега въ день окончанія стачки съ пароходовъ снимаются и на ихъ мѣсто отправляются деревенскіе. Снятые же съ пароходовъ не записываются въ заднюю очередь, а размѣщаются между имѣющимися очередными черезъ каждые 10 человѣкъ.

Лишенная, повидимому, смысла и сводившаяся къ тому, чтобы тасовать людей и передвигать ихъ и на пароходахъ, и на берегу, система дала все-таки возможность стереть острые углы, создавшіеся внутри Регистраціи. Всѣ потѣснились и кое-какъ, съ шумомъ и гамомъ, толкотней и ругатней, но все же размѣстились.

На этомъ и кончилась наиболѣе трудная часть ликвидаціи забастовочнаго времени. Были и еще затрудненія, но въ сравненіи съ этимъ пустяковыя.

IV.

Внутреннее строеніе Регистраціи.

Во главѣ Регистраціи стояло правленіе, избранное общимъ собраніемъ моряковъ при окончаніи забастовки. Нужно сказать, что общія собранія временъ стачки были дѣйствительно общими. Тогда почти всѣ моряки Черноморскаго торговаго флота собрались вмѣстѣ въ Одесскомъ порту, составивъ собой массу свыше 4000 человѣкъ. Въ обычное же время большинство пароходовъ находится въ рейсѣ, и въ каждый данный моментъ въ порту на стоянкѣ имѣется лишь ничтожная часть ихъ. Да и изъ находящихся на этихъ пароходахъ моряковъ отлучаться можетъ лишь часть. Поэтому на такъ называемыя общія собранія Регистраціи, созываемыя по уставу правленіемъ, могло являться человѣкъ 700—800, включая сюда и имѣющихся на берегу. Понятно, что собранія эти, представлявшія по уставу высшую и полновластную инстанцію въ жизни Регистраціи, фактически никогда не могли имѣть того авторитета, какой имѣли забастовочныя собранія. Поэтому-то правленіе, избранное во время забастовки, пользовалось особеннымъ авторитетомъ въ глазахъ всѣхъ членовъ союза. Не разъ бывало, что, когда раздраженный какой-нибудь кажущейся несправедливостью матросъ принимался костить правленіе, со стороны присутствующихъ слѣдовала суровая отповѣдь: «Людей ціхъ чотыре тыщи чоловік выбірало, а по твоему воны вже і никчемні. Дуже ты скорій».

И это всегда дѣйствовало замѣчательно: указанія на волю общаго собранія бывало достаточно, чтобы буря утихла. А тамъ, глядишь, и недоразумѣніе разъяснилось или уладилось.

Правленіе состояло изъ 10 человѣкъ «выборныхъ» и предсѣдателя. Послѣдній былъ избранъ непосредственно общимъ собраніемъ, и поэтому занималъ независимое положеніе по отношенію къ другимъ членамъ правленія. Правленіе вѣдало всѣ рѣшительно

дѣла Регистраціи. Власть его была безъ преувеличенія огромной. На него была возложена обязанность блюсти за выполненіемъ устава и договора, но это слово «блюсти» даетъ слабое представленіе о томъ, что въ дѣйствительности представляла изъ себя дѣятельность правленія. Отношенія въ морской службѣ весьма сложны. Съ одной стороны—это отношенія рабочаго къ предпринимателю, а съ другой—отношенія подчиненнаго къ начальнику. Чисто экономическая сторона была строго регламентирована. Договоръ между пароходовладѣльцами и моряками, охраняя интересы той и другой стороны, тщательно опредѣлялъ все, что касается труда, его оплаты, продолжительности и т. д. Соблюденіе этого кодекса, наблюденіе за фактическимъ исполненіемъ его статей лежало на правленіи. Но этого мало. На пароходѣ имѣется начальство, власть, силою вещей, характеромъ самого дѣла призванная къ тому, чтобы властвовать, отдавать приказанія. Дисциплина—одно изъ неотъемлемыхъ свойствъ морской службы. И никому, конечно, не придетъ въ голову сумасбродная мысль отрицать ея необходимость. Но, съ другой стороны, на почвѣ этой необходимой дисциплины развилось и не могло не развиться самодурство, нигдѣ и ничѣмъ не были здѣсь разграничены проявленія естественной и необходимой власти и примѣненіе принципа: «Я тебѣ Царь и Богъ».

Вслѣдствіе такого сочетанія безусловной необходимости личнаго подчиненія и фактической возможности въ требованіи подчиненія заходить далеко за предѣлы необходимаго, — уставъ и договоръ должны были заключать въ себѣ защиту не только труда, но и личности. И, дѣйствительно, уставъ Регистраціи точно и подробно регулировалъ эту сторону судовой жизни, онъ являлся своего рода «декларацiей правъ человѣка». Но и въ этой своей части уставъ охранялъ интересы не одной стороны, а обѣихъ. Если, напримѣръ, уставъ требовалъ со стороны судовой администраціи вѣжливаго обращенія, то отъ матроса онъ требовалъ безусловнаго, точнаго и немедленнаго исполненія всѣхъ приказаній начальства, касающихся службы. Наблюденіе за этою стороною пароходной жизни тоже лежало на правленіи. Само собой понятно, что въ рукахъ правленія должна была находиться достаточная принудительная сила для того, чтобы всякаго, кто нарушитъ уставъ, — будетъ ли это пароходовладѣлецъ, судовое начальство или морякъ, привести къ повиновенію. И такая сила въ рукахъ правленія дѣйствительно была.

Сегодня, напримѣръ, хозяинъ парохода отказался выполнить какое-нибудь изъ подписанныхъ имъ условій, и сегодня же Регистрація не выпускала его парохода изъ порта. Для этого достаточно было листка за печатью Регистраціи и подписью предсѣдателя, въ которомъ значилось, что команда впредь до новаго извѣщенія не должна выходить въ море. И пароходъ не выходилъ. Если бы пароходовладѣлецъ заупрямился и разсчиталъ команду, то, несмотря на то, что на берегу имѣется нѣсколько сотъ человѣкъ, желающихъ

поступить на пароходъ, онъ не нашелъ бы ни одного человѣка себѣ на службу.

Но за то и обратно. Если бы на какомъ-нибудь пароходѣ командѣ вздумалось потребовать отъ судовладѣльца или капитана чего-либо не установленнаго договоромъ, то объ этомъ капитану достаточно было сообщить правленію Регистраціи. Правленіе отправляло одного изъ выборныхъ уговорить команду. Если она упрямилась, ее «снимали» всю цѣликомъ съ парохода. И какъ въ первомъ случаѣ нельзя было бы найти ни одного человѣка на мѣсто разсчитанной команды, такъ въ этомъ случаѣ безъ малѣйшихъ хлопотъ и поисковъ капитана и судовладѣльца весь составъ до одного человѣка мгновенно замѣнялся новымъ, присланнымъ правленіемъ.

Такъ дѣло обстояло по отношенію къ цѣлымъ пароходамъ и цѣлымъ командамъ. Еще легче было правленію справиться съ отдѣльными лицами. Здѣсь никакія прекословія не были возможны,—тѣмъ болѣе, что въ рукахъ правленія была еще и судебная и карательная власть. Уставъ Регистраціи и договоры не только нормировали отношенія сторонъ, но оговаривали и тѣ мѣры наказанія, которымъ подлежали нарушители тѣхъ или другихъ пунктовъ. Право налагать эти наказанія на членовъ судовой команды принадлежало правленію, и отмѣнить ихъ могло лишь общее собраніе.

Въ результатѣ наблюденіе со стороны правленія за исполненіемъ устава и договоровъ не было пустымъ звукомъ: обѣ стороны волей-неволей должны были подчиняться его распоряженіямъ. Сказано командѣ парохода сойти съ парохода, и она сходитъ. Послѣ она можетъ хоть въ клочья разорвать все правленіе Регистраціи, но если получилось предписаніе сойти—ему подчиняются. Въ другомъ случаѣ не желающей идти въ море командѣ предписано двигаться, и она, изругавши на чемъ свѣтъ стоитъ и правленіе, и предсѣдателя, и Регистрацію, и все, что къ ней относится, идетъ въ рейсъ. Капитанъ хочетъ уволить матроса, но правленіе Регистраціи пишетъ, что причины увольненія явно противорѣчатъ уставу, и увольняемый остается на своемъ мѣстѣ.

Власть, которой располагало правленіе Регистраціи, очень скоро начала сосредоточиваться въ рукахъ предсѣдателя. Съ первыхъ же шаговъ стало ясно, что коллегіальное веденіе дѣла положительно немыслимо, по крайней мѣрѣ въ первое время,—время налаживанья и пусканья въ ходъ машины, время, когда не было еще никакихъ традицій, никакихъ выработавшихся и установившихся обычаевъ. Все приходилось творить на ново, создавать прецеденты, могущіе лечь въ основу обычной практики будущаго.

Всякій случай, требовавшій приложенія устава, вставалъ во всей своей колючей индивидуальности, нужно было изловчиться и, схвативъ его за рога, толкнуть на тотъ путь, по которому должно было пойти все стадо подобныхъ ему случаевъ. Между тѣмъ со-

вѣщаться и сговариваться не было никакой возможности: вопросы возникали поминутно, и каждый изъ нихъ требовалъ быстраго и окончательнаго отвѣта: пароходъ вѣдь не ждетъ, работа стоять не можетъ. Предоставить каждому члену правленія рѣшать возникающіе вопросы тоже нельзя было, такъ какъ это повело бы къ тому, что одинъ и тотъ же вопросъ однимъ былъ бы рѣшенъ такъ, другимъ—по своему, а третьимъ—и совсѣмъ иначе. Такъ какъ всѣ эти рѣшенія имѣли бы одинаковую силу, то въ концѣ концовъ никто не могъ бы ничего понять: ни матросы, ни судовое начальство, ни пароходовладѣльцы, ни само правленіе.

Въ невозможности вести дѣло коллегіальнымъ образомъ и въ необходимости единоличной власти предсѣдателя моряковъ убѣдилъ горькій опытъ. Обрисовать весь процессъ, приведшій къ этому результату, мнѣ представляется невозможнымъ, такъ какъ для этого понадобилось бы охватить безчисленное количество мелочныхъ каждодневныхъ событій, столкновеній, затрудненій, требовавшихъ немедленнаго рѣшенія. Но одинъ изъ путей, какимъ произошло выдѣленіе единоличной власти предсѣдателя, я все-таки попытаюсь прослѣдить. Пусть только читатели помнятъ, что это лишь одна изъ нитей цѣлой сѣти.

На пароходѣ вышло недоразумѣніе. Капитанъ шлетъ оффиціальное приглашеніе правленію послать «выборнаго» для разбора дѣла. Выборный отправляется. Но ему предстоитъ сдѣлать цѣлый туръ по гавани, ибо требуютъ выборнаго на нѣсколько пароходовъ одновременно. Когда онъ попадетъ на пароходъ, о которомъ идетъ рѣчь, Богъ знаетъ,—тѣмъ болѣе, что его еще двадцать разъ «перемутъ» тѣ пароходы, которые спеціально не посылали, а лишь поджидали пока «якій-небудь зъ віборніхъ» будетъ идти мимо. И вотъ пока онъ ходилъ по гавани, съ того парохода, о которомъ зашла рѣчь, является новый гонецъ: давай выборнаго. Приходится гнать другого прямо уже на пароходъ. Онъ приходитъ, разбираетъ дѣло и постановляетъ рѣшеніе, но этимъ рѣшеніемъ та или другая сторона остается недовольна. Между тѣмъ до парохода добирается первый выборный, вызванный по тому же дѣлу. Недовольная сторона обязательно поднимаетъ тотъ же самый вопросъ. Выборный, не зная, что дѣло ужъ рѣшено его товарищемъ, разсматриваетъ его вновь. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ приходитъ къ выводу или иному, или даже прямо противоположному тому, который сдѣлалъ передъ нимъ его товарищъ. Тогда только обычно и выясняется, что вопросъ этотъ уже разъ рѣшенъ и рѣшенъ иначе. Получается конфузъ. Два различныхъ рѣшенія и оба такъ сказать за печатью Регистраціи. Недовольны теперь ужъ обѣ стороны, ибо рѣшенія-то собственно никакого нѣтъ. Оба рѣшенія недѣйствительны, стало быть, возъ на мѣстѣ. Время потеряно, а толку никакого, недоразумѣніе остается недоразумѣніемъ.

— А чортъ васъ возьми съ вашей Регистраціей! Безтолковщина какая-то!—ругается капитанъ.

— То жъ воны и віборні ні черта ны тямлють. Одынъ каже я правый; а другый що я вынenъ...

Посылаютъ за предсѣдателемъ, ибо это единственный выходъ. Онъ можетъ рѣшить вопросъ въ окончательной формѣ; онъ можетъ одно рѣшеніе или даже оба объявить недѣйствительными и дать свое, третье.

Посылается просьба и отъ капитана, и отъ матросовъ, чтобы предсѣдатель явился лично.

Приходится идти самому.

И такъ какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ удавалось найти такую форму рѣшенія, которая представлялась правильной обѣимъ сторонамъ, и, сверхъ того, получалась увѣренность, что вопросъ исчерпанъ до конца и измѣненій быть больше не можетъ, то визитъ оставлялъ по себѣ чузство удовлетворенности. На слѣдующій разъ обращались ужъ прямо съ просьбой не присылать выборнаго, а явиться самому предсѣдателю. И вѣрнѣй, и скорѣй...

Послѣ нѣсколькихъ такихъ случаевъ выборные сами стали избѣгать рѣшать дѣла на свой страхъ и рискъ. Они предпочитали или прихватить меня съ собою, чтобы я своимъ присутствіемъ скрѣпилъ рѣшеніе и при нуждѣ помогъ имъ разобраться, или, если случай былъ не новый, постановляли рѣшеніе въ смыслѣ данныхъ уже мною указаній. Постепенно и въ другихъ отношеніяхъ установился тотъ же порядокъ.

Во избѣжаніе разноголосицы мало-по-малу всѣ дѣла были переданы на окончательное рѣшеніе предсѣдателя.

Сдѣлано это было тѣмъ охотнѣе, что работа была отвѣтственная. Рѣшенія, обыкновенно, требуютъ немедленнаго, тутъ же, на мѣстѣ, теребятъ и напираютъ неотступно. А какъ только рѣшеніе дано, сейчасъ же, если оно не совпадаетъ съ ожидаемымъ, раздается протестъ, обида и подозрѣніе. Заподозрятъ и въ томъ, что ты личную непріязнь питаешь, и въ томъ, что ждешь «шкалика», и во многомъ другомъ, по меньшей мѣрѣ нелестномъ. И все это громко, во всеуслышаніе...

Положеніе товарищей моихъ по правленію было въ этихъ случаяхъ гораздо хуже моего.

Помимо предсѣдательскаго, у меня былъ личный авторитетъ и при томъ такихъ размѣровъ, что я могъ, безъ особаго риска, взять на себя отвѣтственность въ самыхъ щекотливыхъ вопросахъ. Это обстоятельство только ускорило процессъ сдачи товарищами по правленію всѣхъ дѣлъ на мое усмотрѣніе.

— Нѣтъ, товарищъ Михаилъ!—помню, заявилъ мнѣ одинъ изъ нихъ.—Я больше не рѣшаю дѣлъ на пароходахъ. Мнѣ ужъ собираются проломить голову за мои рѣшенія. Дѣйствуйте сами. Что скажете, то я и буду дѣлать...

Переложеніе отвѣтственности на мои плечи имѣло своей обратной стороной добровольное превращеніе моихъ товарищей въ простыхъ исполнителей моей воли.

Масса моряковъ въ своемъ настроеніи и поведеніи отчасти приспособлялась къ этому факту, отчасти сама опредѣляла его. Въ ея глазахъ предсѣдатель былъ высшей инстанціей...

Таково было внутреннее строеніе Регистраціи. Да инымъ оно и не могло быть въ то время. Потомъ я постараюсь доказать это положеніе, пока же сошлюсь на простой фактъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ открытія Регистраціи мнѣ пришлось уѣхать изъ Одессы на нѣкоторое время. Не прошло и семи дней, какъ въ Регистраціи поднялся такой хаосъ и сумятица, что правленіе вызвало меня телеграммой обратно. Вернувшись, я увидѣлъ, что только-только имѣю время ухватиться за руль.

Главный упрекъ, который мнѣ былъ сдѣланъ правленіемъ, это-то, что я уѣхалъ, не передавши своей власти кому-нибудь одному изъ правленія, чтобы «и мы, и всѣ знали, кого слушаться».

Въ этомъ духѣ говорили и всѣ, являвшіеся ко мнѣ съ дѣлами моряки.

— Ну, слава Богу, вернулись... Теперь знаешь, гдѣ искать головы и кого слушать...

Власть была нужна и это чувствовалось всѣми рѣшительно въ Регистраціи.

V.

Повседневная работа Регистраціи.

Нагруженный людьми и товарищами пароходъ—назовемъ его хоть «Румянцевъ»—сегодня отправляется въ дальній рейсъ. Въ 12 часовъ онъ отходитъ, и вотъ начинаютъ дрожать и звучать всѣ нити и струны, которыми этотъ кусочекъ морской жизни связанъ съ сушей, съ портомъ, съ Регистраціей.

Утро. Звонокъ у телефона. Звонитъ капитанъ парохода «Румянцевъ» и проситъ немедленно прислать ему трехъ матросовъ, двухъ кочегаровъ и ученика.

Товарищъ, завѣдующій очередными списками, выкликаетъ присутствующихъ и очередныхъ и пишетъ имъ «назначеніе».

На особомъ бланкѣ изображается: «Согласно Вашему требованію посылается матросъ перваго класса имя, рекъ, на Вашъ пароходъ. За предсѣдателя такой то».

Подобный бланкъ вручается каждому изъ отправляемыхъ, и тѣ мчатся на пароходъ.

Казалось бы все... Проходитъ часъ и снова звонитъ капитанъ «Румянцева».

— Въ чемъ дѣло?

— Помилуйте, — слышится раздраженный голосъ,—вотъ ужъ полтора часа, какъ я просилъ прислать людей. До сихъ поръ нѣтъ. Это же невозможно. У меня работы по горло. Въ 12 часовъ снимаемся, а вы меня оставляете безъ людей...

— Но вѣдь вамъ послано!

— Я просилъ шесть, а вы прислали четверыхъ. Кочегаровъ не прислали...

Ну, значитъ кочегары гдѣ-то застряли. Тѣмъ хуже для нихъ. Гонимъ двухъ новыхъ кочегаровъ. Едва ихъ отправили, прилетаетъ, запыхавшись, замасленный кочегаръ съ того же «Румянцева», прямо отъ машины, съ тряпкой въ рукѣ.

— Товарищъ предсѣдатель, тамъ на мое мѣсто требуетъ человѣка... Такъ вы не посылайте!

— Почему это?

— Такъ ни за что хотятъ уволить. А какъ же такъ? Теперь я опять долженъ три мѣсяца сидѣть голодать на берегу. Всего двѣ недѣли послужилъ. Пароходъ хорошій, и теперь увольняютъ передъ самымъ рейсомъ...

— За что же уволили?..

Лицо кочегара принимаетъ лукавое выраженіе.

— Та мы съ третьимъ машинистомъ поругались...

— Ну, какъ поругались! Вы, вѣроятно, его обругали?

— Да, конечно, обругалъ...—Загорѣлое лицо кочегара при этомъ вспыхиваетъ, и онъ разсказываетъ цѣлую исторію...

По уставу, грубость со стороны подчиненнаго карается увольненіемъ. А кочегаръ говоритъ самъ, что обругалъ машиниста. Но въ томъ же уставѣ значится, что судовое начальство должно обращаться вѣжливо съ подчиненными и въ случаѣ своей грубости не можетъ быть въ претензіи, если въ отвѣтъ получаешь грубость. Въ данномъ же случаѣ начальство, еле-еле отличающееся по своему рангу отъ подчиненнаго, не только изругало усталаго и раздраженнаго человѣка, но, получивъ въ отвѣтъ ручательство, попыталось пустить въ ходъ кулаки. Дѣло выходило путанное, котораго хватило бы на цѣлое судебное разбирательство.

Такъ какъ стороны непримиримы, а разобраться нѣтъ времени, то вопросъ рѣшается такъ, чтобы и овцы были цѣлы, и волки сыты.

Кочегара убираемъ. Но его не записываемъ въ заднюю очередь, какъ требуетъ правило въ такихъ случаяхъ, а устраиваемъ «смѣнку». На его мѣсто идетъ не очередной, а служащій съ другого парохода, который не прочь перемѣнить мѣсто. «Смѣнка» произведена. Непріятный и трудный вопросъ сбытъ съ рукъ къ общему удовлетворенію.

Только было успокоились, снова звонокъ.

— Что такое?

— Палубная команда не хочетъ идти въ рейсъ, требуетъ дневальнаго. Примите мѣры...

Оказывается, команда во время завтрака слегка хлебнула и почувствовала особое рвеніе къ отстаиванью статутовъ Регистраціи вообще и своихъ правъ въ частности. По уставу на каждомъ пароходѣ долженъ быть особый служащій, слѣдящій за чистотой помѣщенія команды. Этотъ служащій и называется дневальнымъ. Регистрація разрѣшила капитану отступить отъ устава и сдѣлать небольшой переѣздъ безъ дневальнаго отъ Одессы до Константинополя, а тамъ долженъ былъ быть взятъ оставшійся на берегу, вслѣдствіе легкаго заболѣванія, прежній дневальный. Команда это знала и ничего не имѣла противъ. Но вотъ она подвыпила, и ей вступило въ голову, что капитанъ не хочетъ брать сейчасъ дневальнаго, потому что «не признаетъ» Регистраціи и желаетъ заставить команду работать лишнее. Вотъ она и рѣшила постоять за себя и за Регистрацію.

— Не выйдемъ въ море безъ дневальнаго.

Регистрація въ глупѣйшемъ положеніи. Сама же разрѣшила капитану не брать дневальнаго, а теперь изъ-за этого задержка парохода.

Всѣ попытки уговорить команду оказались тщетными. Она ругала посылаемыхъ къ ней выборныхъ и стояла на своемъ. Нечего дѣлать,—пришлось прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, и «снять» всю команду, замѣнивъ ее очередными изъ Регистраціи.

Три дня затѣмъ снятые учиняли такой дебошъ, что однажды все правленіе разбѣжалось, закрывъ Регистрацію за четыре часа до установленнаго срока. Эти дни въ Регистраціи было настоящее столпотвореніе. Снятые все время напивались и буянили невообразимо. Солоно пришлось намъ это снятіе, но пароходъ вышелъ во время...

Пока онъ плаваетъ, на немъ возникаютъ новые и новые случаи, требующіе вмѣшательства Регистраціи. Одинъ запьянствовалъ, и не явился къ рейсу въ какомъ-нибудь изъ портовъ; другого капитанъ разсчиталъ за симулированіе болѣзни; третій не послушался приказанія, считая выполненіе его опаснымъ для жизни. Тамъ капитанъ не доплатилъ командѣ за работу, тамъ команда не доработала положеннаго. Въ одномъ мѣстѣ матросъ искалѣчилъ себѣ руку, и требуетъ платы за увѣчье, въ другомъ вахтенные уснули на посту. Одинъ разъ капитанъ заставилъ работать необычную работу и отказывается признать ее сверхъурочной, въ другой разъ матросы небрежностью попортили грузъ. Тѣ перепились, тѣ передрались, тѣ не досчитываютъ нѣсколькихъ рублей въ харчевыхъ и т. д. и т. д. Пароходъ все идетъ и число столкновеній, недоразумѣній и спорныхъ дѣлъ все растетъ.

Наконецъ, пароходъ возвращается въ Одессу. Присталъ, закрѣпилъ канаты и здѣсь происходитъ финальный казусъ. Является

таможенный досмотръ и... открываетъ контрабанду. Но открываетъ ее въ такомъ мѣстѣ, что причастность къ ней, а стало быть, и денежная отвѣтственность за нее является вопросомъ крайне спорнымъ. Не то качегары виноваты, не то матросы, не то изъ судовой администраціи кто-нибудь—трудно рѣшить. Всѣ открещиваются и валятъ другъ на друга.

И вотъ весь этотъ букетъ недоразумѣній, столкновеній и правонарушеній, накопившійся за рейсъ, преподносится Регистраціи.

Какъ только пароходъ присталъ, пассажиры сошли, багажъ выгруженъ, однимъ словомъ, очередныя неотложныя дѣла покончены, капитанъ садится и пишетъ увѣдомленіе въ Регистрацію о всемъ случившемся: произошли-де такіе-то и такіе инциденты, такихъ-то онъ разсчиталъ, такихъ-то подвергнулъ такимъ-то взысканіямъ, что и проситъ занести въ штрафные журналы. Кромѣ того, проситъ явиться для разрѣшенія вопросовъ, которые онъ и самъ считаетъ спорными.

Въ то же время мчится въ Регистрацію посланецъ отъ команды: чтобы обязательно пришелъ выборный, а если можно, то и предсѣдатель... Команда, обыкновенно, всѣ вопросы считаетъ спорными, пока ихъ не разберетъ Регистрація.

Должностныя лица Регистраціи, являются на пароходъ начинается разбирательство. Одни постановленія капитана о взысканіяхъ и наказаніяхъ немедленно же утверждаются въ виду явной виновности наказанныхъ. Другія столь же рѣшительно отмѣняются по столь же очевидной невиновности тѣхъ, на кого они наложены. Третьи замѣняются болѣе легкими, болѣе соотвѣтствующими винѣ и «табели о наказаніяхъ», имѣющейся въ уставѣ. Затѣмъ представители Регистраціи приступаютъ къ вопросамъ спорнымъ. Одни изъ нихъ, оказывается, можно уладить путемъ дипломатическимъ. Это дѣло — давнее, возникло оно на почвѣ взаимнаго непониманія и раздраженія; теперь когда интересъ къ нему остылъ, его можно уладить независимо отъ того, кто правъ и кто виноватъ. Другія спорныя дѣла могутъ быть улажены путемъ взаимныхъ уступокъ, къ которымъ и склоняются спорящія стороны. Затѣмъ подходитъ очередь вопросовъ, съ одной стороны, неясныхъ, а съ другой—такихъ, въ которыхъ тяжущіеся настроены непримиримо, или которые приходится рѣшать цѣликомъ въ пользу одной или другой стороны. Тогда представителямъ Регистраціи приходится произвести цѣлое слѣдствіе. Когда они чувствуютъ, что вопросъ для нихъ ясенъ, они прозносятъ свое рѣшительное сужденіе... Такимъ образомъ, ликвидируется рейсъ со всѣми возникшими въ теченіе его осложненіями, послѣ чего жизнь можетъ вновь начать свой круговоротъ.

Нужно сказать, что денежные вопросы, хотя они являлись самыми важными и по количеству были преобладающими, все же были наиболѣе просты и представляли наименѣе хлопотливую работу.

Очень рѣдки бывали случаи, когда судовая администрація не хотѣла платить *слѣдуемыхъ* денегъ. Достаточно было появиться представителю Регистраціи и потребовать уплаты, чтобы деньги были уплачены немедленно. Обычно же вмѣшательство Регистраціи въ мѣсячный разсчетъ вызывалось какими-нибудь неясностями или недомолвками въ договорѣ, такъ что вопросъ дѣйствительно могъ казаться спорнымъ той или другой сторонѣ. Къ посредничеству Регистраціи обращались въ такихъ случаяхъ одинаково, какъ команды, такъ и судовая админстрація... И это понятно. То, что на данномъ суднѣ и для данныхъ людей являлось вопросомъ новымъ и спорнымъ, для Регистраціи нерѣдко было дѣломъ знакомымъ, ибо она уже разрѣшила не мало тождественныхъ или подобныхъ случаевъ на другихъ пароходахъ и съ другими людьми. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше, конечно, былъ опытъ, тѣмъ авторитетнѣе становились рѣшенія. Кончилось тѣмъ, что было принято за общее правило на всѣхъ пароходахъ не считать разсчета окончательнымъ, не позвавъ выборнаго и не представивъ разсчета на его утвержденіе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе Регистраціи не было принимаемо судовымъ начальствомъ, дѣло передавалось въ такъ называемую примирительную камеру. Изъ дѣятельности этой камеры я приведу одинъ случай, который особенно выпукло показываетъ, какъ измѣнилось положеніе моряковъ съ тѣхъ поръ, какъ стала существовать Регистрація.

За какую-то провинность капитанъ уволилъ матроса, хотя по нашимъ статутамъ полагалось лишь предостереженіе. Въ данномъ случаѣ сказалась начальственная замашка расправляться съ подчиненными не по уставу, а по настроенію. Матросъ, конечно, пожаловался въ Регистрацію. Мы притянули капитана къ отвѣту. Собралась примирительная камера, состоящая изъ равнаго числа представителей отъ Регистраціи и судовой администраціи. Разобрали дѣло; ясно, что капитанъ уволилъ матроса, не имѣя на это права. По уставу же полагается въ такихъ случаяхъ уплатить матросу жалованье за весь рейсъ, который онъ сдѣлалъ бы, если бы не былъ неправильно разсчитанъ. Платить приходилось капитану изъ своего кармана. Рейсъ былъ большой, чуть ли не двухмѣсячный и платить надо было рублей 80. Капитанъ обратился къ нашему посредничеству, прося сбросить хотя бы половину. Я взялся поговорить съ матросомъ, ожидавшимъ рѣшенія.

Выхожу къ нему и говорю: такъ и такъ, молъ, проситъ простить половину.

— А! просится! Ну, коли просится, то Господь съ нимъ, пусть платитъ половину.

Тотъ заплатилъ. Случай небывалый до существованія Регистраціи и невозможный безъ нея. Вскорѣ проштрафился и другой

капитанъ въ томъ же духѣ. Этому пришлось заплатить ужъ полностью.

Вѣсть объ этомъ облетѣла, конечно, мигомъ всѣ пароходы. Судовая администрація увидѣла, что ея правонарушенія бьютъ ее же самое по карману и разомъ стала крайне осмотрительной въ наложеніи взысканій.

Желая дать понятіе о повседневной работѣ Регистраціи, я приведу лишь нѣсколько болѣе или менѣе характерныхъ примѣровъ вмѣшательства ея въ судовую жизнь. Перечислить всѣ случаи такого вмѣшательства было бы, конечно, невозможно. Достаточно сказать, что въ вѣдѣніи Регистраціи находилось около 200 пароходовъ, совершавшихъ большіе и малые рейсы...

Нѣкоторое понятіе о томъ, какую громадную работу должно было выполнять правленіе, могутъ дать слѣдующія данныя. Насъ было въ правленіи, какъ я уже сказалъ, 10 человѣкъ, а затѣмъ еще было прибавлено 3 человѣка отъ буфетной прислуги. Изъ этихъ 13-ти одинъ исполнялъ обязанности секретаря, другой—кассира и третій завѣдывалъ очередями. Эти трое были заняты въ самой конторѣ Регистраціи. Остальные 9, кромѣ меня, который, какъ предсѣдатель, долженъ былъ поспѣвать всюду, занимались тѣмъ, что «бѣгали по пароходамъ».

И, несмотря на такой большой составъ «бѣгающихъ», мы были завалены работой. Рабочій день правленія былъ 8 часовъ чистыхъ: отъ 8 до 12 и отъ 2 до 6. Но это были оффиціальные часы. Вся внутренняя организаціонная работа совершалась внѣ этого времени, а такой работы было не мало. Совѣщанія правленія, делегатскія засѣданія, общія собранія и сверхъ того тысячи мелочей,—все это должно было дѣлаться внѣ оффиціальныхъ 8 часовъ. Заваленные работой по Регистраціи, мы принимали сравнительно слабое участіе въ общей жизни рабочихъ Одессы. Товарищи изъ другихъ профессіональныхъ союзовъ,—а таковые находились тогда въ расцвѣтѣ,—претендовали на насъ за это и въ общемъ скептически относились къ нашимъ ссылкамъ на недосугъ.

— И у насъ,—говорили они,—союзы, и у насъ работа... А вашъ союзъ не очень даже большой.

Однажды одинъ изъ членовъ центральнаго бюро профессіональныхъ союзовъ, особенно недовѣрчиво относившійся къ нашимъ оправданіямъ, зашелъ какъ-то ко мнѣ въ Регистрацію. Онъ просидѣлъ у меня три съ лишнимъ часа и за это время я не могъ урвать, въ буквальномъ смыслѣ слова, пяти минутъ, чтобъ потолковать съ нимъ. Предъ столомъ моимъ все время стояла кучка людей, имѣвшихъ ко мнѣ дѣла. Отпускалъ однихъ, ихъ мѣста занимали другіе. Люди мѣнялись, а кучка моряковъ вокругъ стола не убывала. Товарищъ сидѣлъ, широко раскрывъ глаза, смотрѣлъ и слушалъ. Онъ забылъ о дѣлѣ, по которому пришелъ. Предъ его глазами развернулся кусокъ жизни, какой ему ни въ своемъ, ни

въ какомъ другомъ союзѣ наблюдать не приходилось. Вершились самыя разнообразныя дѣла. Тотъ принесъ паспортъ, чтобы Регистрація отправила его въ «волость» и вытребовала новый, такъ какъ самъ онъ неграмотный, да и некогда, нужно въ рейсъ... Другой явился засвидѣтельствовать, что онъ боленъ и потому уходитъ съ парохода. Стало быть, за нимъ должно сохраниться право на внѣ-очередную посылку послѣ болѣзни. Третьяго капитанъ не соглашается принять на пароходъ въ виду просрочки паспорта. Но, если Регистрація удостовѣритъ, что деньги за паспортъ уже посланы, то онъ согласенъ принять. Деньги не посланы и у моряка ихъ нѣтъ. Изъ кассы выдается немедленно же требуемая сумма заимообразно, немедленно же она отправляется самой Регистраціей въ волостное правленіе, а моряку выдается удостовѣреніе, что деньги за паспортъ посланы. Слѣдующій «является» изъ больницы и проситъ бумажку, на основаніи которой завѣдующій очередями долженъ послать его на пароходъ внѣ очереди. Бумажка выдается послѣ провѣрки больничныхъ свидѣтельствъ. Далѣе является матросъ, загулявшій въ Сингапурѣ и не попавшій къ отходу своего парохода. Онъ кое-какъ добрался на англійскомъ суднѣ до Одессы и проситъ «вытребовать» у капитана его паспортъ и недополученныя деньги. То и другое давно уже прислано капитаномъ въ Регистрацію и немедленно выдается.

Затѣмъ подходитъ цѣлая группа моряковъ. Уходитъ въ море казенное учебное судно. Какъ казенное, оно находится внѣ вѣдѣнія Регистраціи. На него требуется человѣкъ 10—12 матросовъ. Боцманъ, набирающій людей, хочетъ взять ихъ обязательно изъ Регистраціи, но проситъ разрѣшенія взять не по очереди, а по выбору. Полчаса назадъ я ему далъ это право. Онъ выбралъ, но выбранные явились теперь ко мнѣ. Они, во - первыхъ, желаютъ знать, точно ли имъ разрѣшается идти не въ очередь. Далѣе они заявляютъ, что такъ какъ этотъ заработокъ для нихъ совершенно неожиданный, и такъ какъ они идутъ на него съ отступленіемъ отъ принципа, то они обязуются внести въ кассу не обычный процентъ съ заработка, а гораздо высшій. Нѣтъ ли препятствій? Препятствій, конечно, нѣтъ. Все это они просятъ засвидѣтельствовать на бумажкѣ и вручить каждому, чтобы они могли, если кто вздумаетъ попрекнуть ихъ (служите, молъ, на суднѣ, къ Регистраціи не относящемся, да еще по выбору), документально доказать, что дѣйствовали съ вѣдѣнія и разрѣшенія Регистраціи.

— Это у васъ всегда такъ?—спрашиваетъ, наконецъ, товарищъ изъ секретаріата.

— Почти, хотя сегодня особенно жаркій денекъ...

Дальнѣйшая бесѣда прерывается, ибо ввалилось цѣлое судьбище.

На одномъ изъ пароходовъ загулявшій кочегаръ пропился вдребезги и подъ конецъ стащилъ что-то изъ вещей у товарища и тоже пропилъ. Владѣлецъ вещей (который при случаѣ можетъ

выкинуть точно такую же штуку) шумитъ, бурлитъ и хочетъ жаловаться капитану. А это значитъ, что виновнаго немедленно выгонятъ и, кромѣ того, Регистрація по уставу должна будетъ вычеркнуть его изъ своихъ списковъ, т. е. навсегда лишить возможности заработка. Товарищи на пароходѣ удерживаютъ потерпѣвшаго отъ этого поспѣшнаго шага, понимая, что такой грѣхъ по пьяному дѣлу можетъ случиться со всякимъ. Но мнѣнія на пароходѣ раздѣляются, и послѣ обычныхъ споровъ, криковъ и ругани валятъ всѣ гурьбой въ Регистрацію. Какъ Регистрація разсудитъ, такъ и будетъ. А въ Регистраціи прямо къ предсѣдателю. «Разсуди, товарищъ». Хочешь, не хочешь, твори судъ скорый и справедливый. Здѣсь же и авторъ происшествія, значительную часть своего вниманія тратящій на то, чтобъ удержаться на ногахъ.

— Взяли вещи?

— Такъ что, дѣйствительно, товарищъ предсѣдатель, взялъ.

— И пропили?

— Пропилъ, дѣйствительно...

— Скверно... Что же мы будемъ дѣлать съ вами?

— Да уже какъ-нибудь порѣшите это дѣло, а то у насъ цѣлый день на пароходѣ галдежъ,—просятъ товарищи, непричастные къ дѣлу.

— Но, вотъ что. Извѣстно, гдѣ вещи?

— Да какъ же, я уже бѣгалъ, видѣлъ,—сообщаетъ владѣлецъ вещей.

— За сколько проданы?

— За рубль тридцать.

— Такъ вотъ вамъ изъ кассы выдадутъ полтора рубля и вещи вы выкупите сейчасъ же. Деньги мы запишемъ за виновнымъ и въ свое время получимъ ихъ съ него. А его самого снимемъ съ парохода и запишемъ въ заднюю очередь. Согласны такъ?

— Согласны,—отвѣчаютъ хоромъ.

— А вы согласны?—обращаюсь къ виновному.

— Да, конечно, согласенъ, потому, дѣйствительно, чужое пропилъ...

Дѣло ликвидировано... Давно уже пробило 12 часовъ, нужно дѣлать перерывъ, а у стола по прежнему толпа. Все-таки объявили перерывъ и уже совсѣмъ собираюсь выйти, какъ снова появляется вся компанія, приходившая по поводу пропитыхъ вещей.

Думаю, что снова съ тѣмъ же. Оказывается нѣтъ: приглашаютъ выпить съ ними со всѣми пива. Стороны, успѣвшія окончательно примириться, особенно усиленно просятъ.

— Да я ѣсть хочу, товарищи.

— Такъ тамъ и пообѣдаете заодно.

Просятъ отъ сердца, обидѣть отказомъ—не хочется. Да и люблю я посидѣть среди здоровыхъ загорѣлыхъ лицъ въ какой-нибудь харчевнѣ или пивной въ порту. Идемъ. Садимся. Вижу, угощаетъ

всѣхъ тотъ самый матросъ, у котораго утащили вещи. Смекаю, что это тѣ самые полтора рубля, которые даны на выкупъ вещей. Вспоминаю, какъ онъ горячился и негодовалъ и, улыбаясь, спрашиваю:

— Это что же деньги, что на выкупъ вещи, ребромъ ставимъ?

— Онѣ самые.

— А вещи какъ же?

— Такая, значитъ, ихъ ужъ судьба, товарищъ предсѣдатель,— немного смущенно улыбается въ отвѣтъ добродушное лицо.

— Что же вы такъ шумѣли-то, кричали, что безъ этихъ вещей вамъ и дня пробыть невозможно?

На моментъ въ глазахъ собесѣдника появляется недоумѣніе: какъ же, молъ, оно вышло? Дѣйствительно, шумѣлъ, кричалъ, требовалъ возмѣщенія и наказанія виновному, и вещи были страшно нужны, а вотъ теперь деньги для выкупа вещей пропиваются...

— Очень ужъ обидно было, товарищъ,—отвѣчаетъ.

— А теперь не обидно?

— Теперь не обидно.

— Ну и ладно, коли не обидно...

Подъ смѣхъ и шутки мы пьемъ пиво... Во всей исторіи этой такое отсутствіе логики и столько живого непосредственнаго чувства, все это такъ цѣльно, просто и дѣтски выходитъ, что нисколько не жаль ни потраченнаго времени на разборъ дѣла, ни того, что принялъ его въ серьезъ, когда оно смахиваетъ на фарсъ. Какъ-никакъ, былъ узелъ, было раздраженіе, была непріятность, возможность разростанія исторіи до драмы, и все это исчерпывается совершенно и окончательно вторичнымъ пропитіемъ тѣхъ же вещей, теперь ужъ при участіи самого хозяина, да судьи-Соломона въ придачу.

Но боюсь, что я уже утомилъ читателя изложеніемъ казусовъ, подлежавшихъ, если не юридической, то моральной компетенціи Регистраціи. Ихъ было безъ числа. Серьезные и забавные, трагическіе и легкомысленные, они пестро переплетались въ жизни моряковъ и находили свое разрѣшеніе въ центрѣ этой жизни—въ Регистраціи. Можно сказать, что вся жизнь моряка, не только служебная, но въ значительной мѣрѣ и частная, самыми разнообразными нитями, тысячью мелочей связывалась съ Регистраціей. И по скольку дѣло обстояло именно такъ, становится понятенъ тотъ непререкаемый моральный авторитетъ, какимъ пользовалась Регистрація на ряду со своими чисто-юридическими полномочіями.

К. Арлъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ПѢСЕНЪ БЕЗВРЕМЕНЬЯ.

Не вѣрь днямъ тишины, раздумья и покоя,
Безцвѣтнымъ, тягостнымъ и горькимъ, какъ обманъ...
Пока сочится кровь изъ неостывшихъ ранъ,
Нѣтъ, не умретъ былое,—
Все будетъ вдаль манить сквозь мертвенный туманъ...

Въ молчаньи сдержанномъ бездомной нищеты,
Въ желѣзномъ скрежетѣ безсоннаго завода,
Въ толпѣ, таящей боль и прошлыя мечты,—
Братъ, уловилъ ли ты,
Какъ зрѣютъ гнѣвъ и мощь плѣненнаго народа?..

Съ пожарищъ бѣдственныхъ,—съ покинутыхъ полосъ,
Съ погостовъ, гдѣ врагомъ посѣяны проклятья,
Съ небесъ, обвѣянныхъ печалью братскихъ слезъ,—
Вы слышите ли, братья,
Дыханье близкое готовящихся грозъ?

Не вѣрь днямъ тишины, раздумья и покоя,
Они обманчивы, какъ предразсвѣтный сонъ..
Подъ пепломъ жертвеннымъ не умерло былое:
Народъ не пораженъ,—
Завѣты прошлаго хранитъ въ темницахъ онъ...

Ал. Богдановъ.

Рабочее движеніе.

(*Изъ Англіи*).

I.

Въ замѣчательномъ романѣ своемъ *Sybil*, появившемся въ 1845 г., Дизраэли описываетъ волненія среди ланкаширскихъ рабочихъ и кровавыя сцены 1842 года. Сперва начались громадныя стачки, на которыя хозяева отвѣтили поголовнымъ разсчетомъ всѣхъ рабочихъ. Фабрики закрылись. И когда голодъ распространился въ рабочихъ кварталахъ, верхъ надъ болѣе умѣренными стачечниками, стоявшими за конституціонные способы борьбы, взяли крайніе элементы, проповѣдывавшіе возстаніе. Дизраэли очень ярко и выпукло описываетъ, какъ эти сторонники вооруженнаго возстанія, прозванные упырями (Hell-cats), двинулись подъ предводительствомъ Саймона Хэттона, или «Освободителя», на «угнетателей народа». Запылали всюду скирды и помѣщичьи дома. «Упыри» грабили лавки, взрывали газовые заводы и брали штурмомъ рабочіе дома. Помѣщикъ Сэнтъ-Лисъ поспѣшно вербуетъ добровольцевъ для защиты родового замка, но отрядъ прибываетъ поздно. «Упыри» ворвались уже въ замокъ и первымъ дѣломъ набросились на вино въ погребахъ. Зажженный факелъ, брошенный пьяною рукою, произвелъ страшный пожаръ, истребившій, какъ владѣльцевъ замка, такъ и «упырей». А въ это время лордъ Марни съ отрядомъ іоменовъ, на основаніи невѣрныхъ свѣдѣній, идетъ совсѣмъ въ другую сторону отъ пылающаго замка и встрѣчаетъ мирныхъ стачечниковъ подъ предводительствомъ Уолтера Джерарда. Уолтеръ все время убѣждалъ рабочихъ не выходить изъ рамокъ законности и ограничиваться мирными демонстраціями. Какъ всегда это бываетъ въ тревожныя времена, лордъ Марни теряетъ совершенно голову. Мирная демонстрація представляется ему отрядомъ «упырей». И лордъ Марни велитъ читать законъ о мятежѣ (равносильно троекратному звуку сигнальнаго рожка у насъ), а затѣмъ іомены начинаютъ стрѣлять въ безоружныхъ и рубить ихъ саблями. Ошеломленные въ первую минуту, рабочіе, вслѣдъ затѣмъ, вооружившись дубинами и камнями, набрасываются на іоменовъ.

Завязывается отчаянный бой, во время котораго лордъ Марни убитъ камнемъ.

Дизраэли писалъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ дѣйствительныхъ событій. *Sybil* является не только талантливымъ романомъ и доказательствомъ поразительнаго предвидѣнія будущаго англійской демократіи, но еще и замѣчательнымъ историческимъ документомъ. Теперь событія, описанныя Дизраэли и отдѣленныя промежуткомъ въ 68 лѣтъ, кажутся англійскимъ рабочимъ невѣроятными. Правда, и теперь на нѣкоторыхъ митингахъ очень молодые и очень горячіе ораторы, обращаясь къ рабочимъ, какъ будто бы вдохновляются совѣтомъ, который Гейне преподаетъ нѣмецкому поэту:

«Sei nicht mehr die weiche Flöte...
Sei des Vaterlands Posaune,
Seine Kanone, sei Kartaune,
Blase, schmettre, donnre, töte»

(т. е. «Не будь больше нѣжной флейтой... Будь тромбономъ своего отечества, будь пушкой, будь картечницей, дуй, труби, греми, убивай»).

Правда, молодой ораторъ говоритъ и о «мечахъ», и о «шпагахъ»; но всѣ слушатели понимаютъ, что это только для украшенія рѣчи. Вотъ и теперь сильное броженіе происходитъ въ рядахъ громадной англійской арміи труда. Какъ увидитъ читатель, у рабочихъ накопился большой запасъ недовольства; но врядъ ли въ Англіи могутъ повториться теперь такія сцены, какія описывалъ когда-то Дизраэли. О громадномъ запасѣ раздраженія, какъ у рабочихъ, такъ и хозяевъ свидѣтельствуетъ рядъ стачекъ и поголовныхъ разсчетовъ, возникающихъ какъ будто бы совершенно неожиданно. Такой неожиданностью явился, напримѣръ, поголовный разсчетъ, объявленный въ концѣ августа Товариществомъ судостроителей Союзу котельщиковъ (Boilmakers Society), который объединяетъ двадцать шесть разныхъ трэдъ-юніоновъ. Въ составъ союза входятъ технически обученные рабочіе, занятые при сооруженіи стальныхъ судовъ. Тутъ собственно котельщики, заклепщики, машинисты и пр. Къ Союзу котельщиковъ принадлежитъ около пятидесяти пяти тысячъ рабочихъ. Это—одинъ изъ самыхъ богатыхъ и организованныхъ трэдъ-юніоновъ. Ни одинъ заклепщикъ, обшивальщикъ (plater) или котельщикъ, не принадлежащій къ союзу, фактически не можетъ работать на верфяхъ. И пятнадцать тысячъ этихъ рабочихъ были разсчитаны. Волна, поднятая рѣчнымъ пароходомъ, непремѣнно потомъ набѣжитъ на берегъ и закачаетъ привязанныя тамъ лодки. Локаутъ въ одномъ мѣстѣ непремѣнно отражается на сосѣднихъ верфяхъ. Исторія поголовнаго разсчета слѣдующая. Въ прошломъ году была большая стачка на верфяхъ. Условія сложились тогда крайне неблагопріятно для Союза котельщиковъ, и въ концѣ концовъ онъ

вступилъ въ переговоры съ Товариществомъ судостроителей. Обѣ стороны подписали такъ называемое національное соглашеніе (National agreement). По этому договору, отдѣльные хозяева обѣщаютъ не объявлять поголовнаго разсчета, а профессіональные союзы—не объявлять стачки безъ предварительнаго совѣщанія съ Товариществомъ судостроителей и съ Союзомъ котельщиковъ. Возникаетъ, напримѣръ, недоразумѣніе на верфи Викерса. Заклепщики находятъ условія невыгодными для себя. По договору, заклепщики не имѣютъ права объявить стачку, а Викерсъ—дать имъ поголовный разсчетъ. Дѣло должно быть передано на разсмотрѣніе «окружному совѣту», состоящему изъ представителей хозяевъ и рабочихъ. Если «окружный совѣтъ» не въ состояніи помирить Викерса съ заклепщиками, дѣло передается «національному совѣту», состоящему изъ представителей всего Товарищества и всего Союза котельщиковъ. И только въ томъ случаѣ, если національный совѣтъ ничего не можетъ сдѣлать, обѣ стороны вольны начать военныя дѣйствія. Но такъ какъ товарищество хозяевъ дѣйствуетъ заодно съ Викерсомъ, а Союзъ котельщиковъ—съ трэдъ-юніономъ заклепщиковъ, то «военныя дѣйствія» будутъ означать или поголовный разсчетъ, или громадную стачку. Такимъ образомъ «національное соглашеніе», устранивъ маленькія стачки, оставляетъ громадныя «промышленныя войны». Тутъ такъ же, какъ и между великими державами: вопросъ о курицѣ, перешедшей черезъ границу и убитой стражникомъ другой державы, великодушно передается на разсмотрѣніе гаагскаго трибунала; но при сколько-нибудь болѣе важномъ осложненіи обѣ стороны разсчитываютъ на убѣдительность двѣнадцатидюймовыхъ пушекъ.

Союзъ котельщиковъ не былъ доволенъ соглашеніемъ и подписалъ его, потому что ничего другого не оставалось дѣлать. Работники говорятъ, напримѣръ, что «національное соглашеніе» въ высшей степени выгодно для хозяевъ, давая имъ возможность выиграть время. Оставь гипотетическіе заклепщики, заспорившіе по поводу низкой заработной платы, немедленно верфь, Викерсъ, обязанный сдать къ сроку, скажемъ, два крейсера, былъ бы поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Теперь онъ имѣетъ время, покуда *окружной* и *національные* совѣты разсмотрятъ дѣло. Прежде Союзъ котельщиковъ былъ сильнѣе хозяевъ; теперь Товарищество судостроителей неизмѣримо сильнѣе союза и можетъ диктовать свои условія. Фактически Союзъ котельщиковъ, несмотря на дисциплину англійскихъ рабочихъ, не можетъ даже заставить отдѣльные трэдъ-юніоны безусловно подчиняться.

Повидимому, Товарищество судостроителей искало предлога для рѣшительнаго выступленія противъ Союза котельщиковъ. И когда заклепщики на двухъ верфяхъ (у Армстронга въ Уокерѣ-на-Тайнѣ и у Хендерсона) объявили стачку, Товарищество судостроителей отвѣтило поголовнымъ разсчетомъ всѣхъ принадлежащихъ къ Союзу

1*

котельщиковъ. «Поголовный разсчетъ до тѣхъ поръ, пока Союзъ котельщиковъ не дастъ солидныхъ гарантій, что всѣ трэдъ-юніоны, входящіе въ его составъ, будутъ исполнять *національное соглашеніе»*,—таковъ ультиматумъ хозяевъ.

Мы имѣемъ передъ собой одинъ изъ фазисовъ новой борьбы между предпринимателями и работниками въ Англіи. Прежде рабочіе были лучше организованы, чѣмъ хозяева. Вотъ почему путемъ стачекъ профессіональнымъ союзамъ удалось добиться очень многого. Теперь хозяева организовались и въ свою очередь сплотились въ товарищества. Нѣкоторые союзы предпринимателей, напримѣръ, Товарищество судостроителей, сформированное полковникомъ Дайеромъ, гораздо крѣпче самыхъ прочныхъ трэдъ-юніоновъ. Союзы предпринимателей сильны не только деньгами, но и тѣмъ, что симпатіи лордовъ, въ случаѣ спорнаго вопроса, доходящаго до суда, невольно тяготѣютъ къ представителямъ своего класса, а не къ рабочимъ.

Когда возникъ локаутъ, казалось, что онъ будетъ быстро улаженъ. Въ самомъ дѣлѣ, судостроители имѣютъ на рукахъ большіе заказы, такъ что убыточно держать верфи запертыми. Съ другой стороны, Союзу котельщиковъ также была невыгодна продолжительная стачка, такъ какъ его касса значительно опустѣла въ прошломъ году. Но вслѣдствіе большого накопленія раздраженія у рабочихъ, локаутъ, который, повидимому, долженъ былъ быстро уладиться, внезапно принялъ крайне серьезный характеръ. Хозяева требовали отъ Союза котельщиковъ «солидныхъ гарантій», что мѣстныхъ стачекъ не будетъ. Эти «солидныя гарантіи» должны были заключаться въ обѣщаніи выгнать изъ Союза отдѣльныя группы рабочихъ, которыя объявятъ стачку помимо рѣшенія всего Союза. Любопытна одна черта. Въ прошломъ году нѣкто Осборнъ добился судебнаго рѣшенія, которое поставило всѣхъ трэдъ-юніонистовъ въ крайне затруднительное положеніе (объ этомъ дальше). Желѣзнодорожный трэдъ-юніонъ, къ которому принадлежалъ Осборнъ, не пожелалъ тогда имѣть его своимъ сочленомъ. Консервативная печать забила тревогу, доказывая, что такъ какъ профессіональный союзъ — родъ страхового общества, то онъ не можетъ выгнать сочлена и лишить его такимъ образомъ всѣхъ преимуществъ, связанныхъ съ принадлежностью къ трэдъ-юніону. Когда же хозяева потребовали «солидныхъ гарантій», та же печать доказывала, что онѣ могутъ заключаться только въ изгнаніи изъ трэдъ-юніона цѣлыхъ отдѣловъ.

Теоретически хозяева были правы. Часть рабочихъ, дѣйствительно, нарушила *національное соглашеніе.* И секретари Союза котельщиковъ, обѣщавъ, что больше отдѣльныя стачки не повторятся, обратились съ опросомъ ко всѣмъ сочленамъ профессіональнаго союза. Предложены были два вопроса:

1) Одобряютъ ли рабочіе заявленіе исполнительнаго комитета, давшаго обѣщаніе хозяевамъ?

2) Желаютъ ли рабочіе созвать представителей всѣхъ трэдъ-юніоновъ, входящихъ въ составъ союза котельщиковъ, для выясненія общаго положенія дѣлъ?

На первый вопросъ десять тысячъ голосовъ отвѣтили *нѣтъ*, а пять тысячъ—*да*. Никто такого результата не ожидалъ. Предполагалось, что всѣ рабочіе, получившіе разсчетъ, желаютъ возможно скорѣе возвратиться на мѣста, и что поэтому вопросъ о гарантіяхъ пройдетъ подавляющимъ большинствомъ. Повидимому, сами судовладѣльцы, имѣющіе на рукахъ большіе заказы, предполагали, что локаутъ продолжится дня три, послѣ чего рабочіе дадутъ гарантіи. Оказалось, что поголовный разсчетъ разъярилъ рабочихъ и пробудилъ въ нихъ британское упорство. Печать, представляющая интересы судостроителей, заявляетъ, что хозяева будутъ стоять твердо, и что ихъ рѣшеніе неизмѣнно. Верфи не будутъ открыты до тѣхъ поръ, покуда Союзъ котельщиковъ не дастъ гарантій, что не допуститъ отдѣльныхъ стачекъ. Если же Союзъ подобныхъ гарантій не дастъ,—говоритъ хорошо освѣдомленный глазговскій корреспондентъ *Times*'а,—то хозяева готовы продолжать локаутъ «хотя бы шесть мѣсяцевъ». Поголовный разсчетъ сдѣлалъ праздными около пятидесяти тысячъ технически обученныхъ рабочихъ. Они говорятъ, что Союзъ не можетъ дать хозяевамъ гарантій по той простой причинѣ, что сами хозяева соблюдаютъ договоръ 1909 года только тогда, когда онъ имъ выгоденъ. Въ настоящій моментъ, когда я пишу эту статью, локаутъ продолжается, переговоры между хозяевами и рабочими ведутся. Повидимому, рабочіе склонны, наконецъ, дать требуемыя отъ нихъ «гарантіи».

Закрытіе верфей уже само по себѣ крайне серьезное явленіе, но броженіе среди рабочихъ не ограничивается одною отраслью промышленности. Громадный локаутъ ста пятидесяти тысячъ ткачей начался съ перваго октября (н. с.) въ Ланкаширѣ. Такъ накоплявшееся раздраженіе рабочихъ вырвалось, наконецъ, наружу, когда уволили нѣкоего шпульщика Джорджа Хау. Товарищи его объявили стачку. Въ Ольдхэмѣ, гдѣ это произошло, тоже существуетъ договоръ между хозяевами и работниками, въ силу котораго могутъ быть только общія стачки всѣхъ рабочихъ или общіе локауты. Недовольные чесальщики, напр., не могутъ объявить стачку, а должны передать свое дѣло на разсмотрѣніе совѣту, состоящему изъ представителей хозяевъ и рабочихъ. Если этотъ совѣтъ не можетъ примирить хозяина съ его рабочими, то споръ передается національному комитету, составленному изъ представителей отъ всѣхъ фабрикантовъ и отъ всѣхъ трэдъ-юніоновъ ткачей. И если этотъ комитетъ не найдетъ рѣшенія, тогда объявляется общая стачка или общій локаутъ. Ланкаширскіе фабриканты объ-

явили, что закроютъ фабрики и разсчитаютъ всѣхъ, если общій Союзъ ткачей не заставитъ чесальщиковъ стать на работу. Угроза явилась неожиданностью для рабочихъ, потому что еще очень недавно представители предпринимателей и работниковъ подписали «пятилѣтній миръ».

Начались переговоры между хозяевами и работниками, кончившіеся ничѣмъ, такъ какъ хозяева настаивали на увольненіи шпульщика Джорджа Хау, а рабочіе требовали его обратнаго принятія.

«Крайне печально, что вы настаиваете на виновности Хау въ нарушеніи субординаціи,—читаемъ мы въ отвѣтѣ ланкаширскихъ рабочихъ общему комитету предпринимателей. Нарушеніемъ субординаціи было бы, если бы Хау не подчинился правиламъ, установленнымъ на фабрикѣ. Въ данномъ случаѣ отъ Хау требовали выполненія добавочной работы, и онъ, согласно совѣту, отказался. Фактъ этотъ былъ сообщенъ надсмотрщику, который вызвалъ Хау и потребовалъ, чтобы работа была выполнена. Когда Хау отказался, ему дали разсчетъ. Надсмотрщикъ тогда отлично зналъ, что это вызоветъ волненіе среди рабочихъ. Теперь комитетъ (предпринимателей), желая прикрыть грубую, безтактную и незаконную выходку, настаиваетъ на увольненіи Джорджа Хау». На рѣзкое заявленіе рабочихъ хозяева отвѣтили такимъ же рѣзкимъ отказомъ. Такимъ образомъ, положеніе дѣлъ въ Ланкаширѣ сводится къ слѣдующему. Хозяева говорятъ: «Мы согласны передать все дѣло третейскому суду и откроемъ покуда фабрики, но Джорджъ Хау не будетъ принятъ на работу. Если третейскій судъ найдетъ, что мы неправильно уволили Хау, мы заплатимъ ему за все время, когда онъ не работалъ».

«Мы не можемъ принять ваше предложеніе,—говорятъ рабочіе.— Или фабрики будутъ закрыты, покуда третейскій судъ не произнесетъ своего рѣшенія, или Джорджъ Хау начнетъ работу вмѣстѣ съ нами». И въ результатѣ теперь поголовный разсчетъ ста пятидесяти тысячъ ткачей. Надо прибавить еще, что броженіе среди рабочихъ происходитъ на Сѣверной желѣзной дорогѣ и въ угольныхъ шахтахъ въ Уэльсѣ. Такимъ образомъ, моментъ представляется въ высшей степени серьезнымъ. Мы видимъ всюду одно и то же явленіе: секретари трэдъ-юніоновъ неизмѣримо умѣреннѣе рабочихъ. Вмѣсто дисциплины, которою такъ отличались англійскіе трэдъ-юніонисты, мы видимъ всюду раздраженіе рабочихъ по поводу «умѣренности» своихъ выборныхъ совѣтчиковъ. Изъ года въ годъ консервативная печать развивала такой тезисъ: англійскій трудъ-юніонистъ консервативенъ, но подбиваютъ его всегда наемные агитаторы, т. е. секретари. Теперь *Observer* и *Globe*, которые съ особенной настойчивостью повторяли этотъ тезисъ, говорятъ о секретаряхъ, какъ о «защитникахъ законности». «Революціонерами» и даже «анархистами» являются рядовые трэдъ-

юніонисты, «консерватизмъ» которыхъ еще лишь недавно восхвалялся.

И когда мы станемъ добираться до причины нервности и раздраженія англійскихъ трэдъ-юніонистовъ, мы натолкнемся на то же «дѣло Осборна». Рядовые рабочіе полагаютъ, что капиталисты составили систематическій заговоръ противъ трэдъ-юніоновъ. Съ этою цѣлью хозяева объединились такъ же, какъ объединились рабочіе. Но въ то время, какъ работники могутъ разсчитывать только на свои силы, хозяева, по мнѣнію рядовыхъ трэдъ-юніонистовъ, имѣютъ могущественныхъ союзниковъ. Предприниматели нашли, по выраженію шефильдскаго работника, «fools and knaves» (глупцовъ и плутовъ), которые привлекаютъ къ суду профессіональные союзы. За плечами этихъ «fools and knaves» стоятъ капиталисты. Судьи-лорды, по мнѣнію рядовыхъ рабочихъ, тяготѣютъ къ представителямъ своего класса. И вотъ явились помимо парламента законы, которые вырываютъ у работниковъ изъ рукъ орудіе самозащиты. И тѣ самые предприниматели, которые все это подстроили,—продолжаютъ рядовые трэдъ-юніонисты,—теперь кричатъ о «fair play» (о честной игрѣ). Какъ можетъ говорить о честной игрѣ шуллеръ, которому участникъ только что подсунулъ козырного туза? Вотъ, приблизительно, ходъ мыслей, сложившійся въ головѣ рядового трэдъ-юніониста подъ вліяніемъ «дѣла Осборна».

II.

Но что это за дѣло?—спросятъ читатели. Такъ какъ съ этимъ дѣломъ связана судьба парламентской рабочей партіи въ Англіи, то начну съ исторіи ея.

Реформа 1868 года, распространившая избирательное право на всѣхъ мужчинъ, платящихъ за квартиру въ городахъ не меньше десяти фунтовъ въ годъ, сдѣлала возможнымъ появленіе въ Палатѣ общинъ коммонеровъ-рабочихъ. Первый рабочій кандидатъ выступилъ на выборахъ 1869 года, но потерпѣлъ неудачу. Борьба была «на три угла», какъ называютъ англичане, т. е. всѣхъ кандидатовъ было три, и голоса раздробились (Въ Англіи, какъ извѣстно, нѣтъ перебаллотировокъ). На выборахъ 1874 года выступило четырнадцать рабочихъ кандидатовъ, и изъ нихъ прошли двое, оба—углекопы. Одинъ изъ нихъ (Бёртъ) до сихъ поръ въ парламентѣ и является теперь «отцомъ» его, какъ называютъ въ Англіи старшаго по годамъ коммонера. Въ 1880 году былъ избранъ еще одинъ рабочій, Броадхёрстъ, біографія котораго извѣстна русскимъ читателямъ. Послѣ выборовъ 1885 года въ парламентѣ оказалась уже рабочая группа въ одиннадцать человѣкъ. Сельскіе рабочіе, только что призванные тогда къ общественной жизни, послали въ парламентъ

Джозефа Арча. Уэльскіе углекопы выбрали Абрагэмса, или «Мабона» *), дёрхэмскіе углекопы—Фенуика, лондонскіе рабочіе—Уильяма Кремера. Всѣ эти депутаты много лѣтъ съ честью представляютъ свои округа. Уильямъ Кремеръ, впослѣдствіи *сэръ* Уильямъ Кремеръ, скончался въ прошломъ году. То былъ первый рабочій, получившій личное дворянство. Кремеру была присуждена Нобелевская премія, но онъ ее почти всю отдалъ на общественныя дѣла, хотя самъ жилъ только трудами рукъ своихъ.

Въ 1886 году рабочая группа въ парламентѣ уменьшилась до девяти, но за то послѣ выборовъ 1892 года въ Палатѣ общинъ было уже пятнадцать рабочихъ. Въ числѣ ихъ находились Джонъ Бернсъ и Кейръ Гарди. Джонъ Бернсъ теперь министръ и членъ кабинета, а Кейръ Гарди, какъ извѣстно, является душой рабочей партіи. Выборы 1895 года кончились большимъ пораженіемъ либеральной партіи. Пострадала и рабочая группа: вмѣсто 15, она насчитывала уже только 12 депутатовъ. «Солдатскіе выборы» 1900 года, произведенные въ разгаръ южно-африканской войны, кончились опять побѣдой консерваторовъ. Положеніе партій осталось почти такое же, какъ и раньше. То же самое можно сказать о рабочей группѣ: она чуть-чуть уменьшилась (одиннадцать, вмѣсто двѣнадцати). Такимъ образомъ, до 1900 года рабочая группа увеличивалась тогда, когда одерживали побѣду либералы, и уменьшалась, когда вся страна голосовала за консерваторовъ.

Въ 1899 году на плимутскомъ конгрессѣ трэдъ-юніонистовъ выбранъ былъ Рабочій представительный комитетъ, или «L. R. C.», задачей котораго было созданіе парламентской рабочей партіи. Комитетъ «L. R. C.» собрался впервые въ февралѣ 1900 года. Углекопы тогда не приняли участія въ комитетѣ. На съѣздѣ 1900 года «L. R. C.» выработалъ, такъ называемую, «конституцію». «Съѣздъ,—говорится въ этомъ документѣ,—высказывается за необходимость отдѣльной, самостоятельной рабочей группы въ парламентѣ, имѣющей своего собственнаго «пикёра» (whip). Группа эта должна поддерживать въ парламентѣ всякую партію, готовую вырабатывать законы, клонящіеся къ интересамъ рабочаго класса. Точно также группа должна присоединяться къ каждой партіи, возстающей противъ законопроекта, невыгоднаго для рабочихъ. Ни одинъ изъ членовъ рабочей группы не долженъ выступать противъ кандидатовъ, выставленныхъ какимъ-нибудь обществомъ, входящимъ въ составъ нашей организаціи». Джонъ Бернсъ участвовалъ въ засѣданіяхъ «L. R. C.» (Рабочаго Представительнаго Комитета»), выработавшаго «конституцію», которую вполнѣ одобрялъ тогда. Одинъ изъ делегатовъ предложилъ, чтобы «L. R. C.» представлялъ

*) Это—титулъ, получаемый на крайне интересныхъ состязаніяхъ въ Уэльсѣ авторами лучшихъ балладъ на валійскомъ языкѣ.

ожегодные отчеты конгрессу трэдъ-юніонистовъ *); но предложеніе было отклонено. Такимъ образомъ, «L. R. C.» началъ свою дѣятельность, какъ совершенно независимая организація. Съѣздъ 1900 года, выработавшій «конституцію», состоялъ изъ 129 делегатовъ, представлявшихъ разныя общества и организаціи, которыя насчитываютъ 568.177 сочленовъ. О составѣ рабочей партіи говоритъ слѣдующая таблица.

	Число сочленовъ.	Число делегатовъ.	Членскіе взносы.
Трэдъ-юніоны	545316	117	58 ф. 10 ш.
Независим. рабоч. партія .	13000	7	3 » 10 »
Соціалъ-демокр. федерац.	9000	4	2 » —
Фабіанское общество . .	861	1	— 10 »
	568177	129	64 ф. ст. 10 ш.

Три послѣднія организаціи изъ перечисленныхъ выше—соціалистическія. Исполнительный комитетъ, выбранный на первомъ съѣздѣ, состоялъ изъ двѣнадцати человѣкъ. Семь представляли трэдъ-юніонисты, два — Независимую рабочую партію, два—Соціалъ-демократическую федерацію и одинъ—Фабіанское общество. Такимъ образомъ, соціалисты получили съ самаго начала преобладающее вліяніе. Новая рабочая партія предложила кооперативнымъ обществамъ присоединиться къ ней, но только кооперативы изъ Tunbridge Wells приняли впослѣдствіи приглашеніе.

Въ февралѣ 1901 года въ Манчестерѣ состоялся второй съѣздъ «L. R. C.». Делегаты высказались за всеобщее избирательное право и противъ имперіализма; но напрасно представители соціалъ-демократической федераціи говорили о классовой борьбѣ и предлагали Рабочей партіи объявить себя соціалистической. И въ результатѣ, въ августѣ того же года, соціалъ-демократическая федерація выступила изъ состава рабочей партіи. Съ тѣхъ поръ соціалъ-демократы напрасно пытаются добиться на выборахъ, чтобы хотя одинъ ихъ представитель прошелъ въ парламентъ.

Исполнительный комитетъ Рабочей партіи теперь состоитъ изъ одиннадцати представителей отъ трэдъ-юніоновъ, одного представителя отъ «промышленныхъ совѣтовъ» (т. е. мѣстныхъ рабочихъ организацій), двухъ делегатовъ отъ Независимой рабочей партіи и одного—отъ фабіанцевъ. Такимъ образомъ, теперь исполнительный комитетъ носитъ менѣе выраженный соціалистическій характеръ, чѣмъ восемь лѣтъ тому назадъ. И когда лорды-судьи, постановляя приговоръ по дѣлу Осборна, сказали, что теперь исполнительный комитетъ рабочей партіи «захваченъ соціалистами»,—они были плохо освѣдомлены.

Въ февралѣ 1903 года состоялся третій съѣздъ Рабочей партіи

*) Эти конгрессы, или рабочіе парламенты, вотъ уже много лѣтъ, какъ собираются ежегодно въ разныхъ англійскихъ городахъ.

въ Нью-Кэстелѣ, который принялъ крайне важное рѣшеніе, обсуждавшееся потомъ и обсуждающееся до сихъ поръ, какъ врагами, такъ и друзьями партіи. Дѣло идетъ о знаменитомъ *обѣщаніи* (Pledge), которое должны дать всѣ кандидаты, выступающіе на выборахъ отъ имени Рабочей партіи. Оно содержитъ два пункта.

1. Кандидаты обязаны принять конституцію Рабочей партіи и *соображаться впослѣдствіи съ ея указаніями*, когда въ парламентѣ будутъ разсматриваться законопроекты, указанные «конституціей». Кандидаты обязываются держаться въ сторонѣ отъ всѣхъ другихъ политическихъ партій.

2. Кандидатъ обязывается въ случаѣ избранія присоединится къ Парламентской рабочей партіи.

До тѣхъ поръ, покуда былъ выработанъ и принятъ текстъ этого обѣщанія, нѣкоторые рабочіе-коммонеры, какъ напр., Беллъ, дѣйствовали за одно съ либеральной партіей. «Обѣщаніе» заставило ихъ порвать или съ либералами, или съ рабочей партіей. По поводу этого «обѣщанія» консервативная печать писала очень много. Она доказывала, что коммонеръ не долженъ обязываться и слѣдовать указаніямъ партіи, стоящей внѣ парламента. Коммонеръ представляетъ интересы цѣлаго *избирательнаго округа*, а не отдѣльной группы. Обѣщаніе, которое Рабочая партія требуетъ отъ коммонеровъ, сковываетъ свободу дѣйствій народнаго представителя и, такимъ образомъ, является нарушеніемъ основного понятія о политической свободѣ. Впослѣдствіи, когда лорды-судьи постановляли свое рѣшеніе по дѣлу Осборна, они ссылались на обѣщаніе, которое обязаны дать кандидаты Рабочей партіи.

Перваго октября этого года Исполнительный комитетъ Рабочей партіи составилъ резолюцію объ отмѣнѣ «обѣщанія». Текстъ резолюціи таковъ.

Рабочая партія, установивъ свою политику и опредѣливъ свое положеніе въ странѣ, полагаетъ теперь, что наступило время вычеркнуть изъ ея устава нѣкоторыя условія, въ томъ числѣ тѣ, въ которыхъ говорится объ «обѣщаніи».

Резолюція эта должна быть предложена съѣзду партіи, который состоится въ февралѣ 1911 года.

Посмотримъ теперь, какъ организованы финансы Рабочей партіи. Сперва всѣ ассоціаціи, входящія въ составъ Рабочей партіи (трэдъ-юніоны, Независимая рабочая партія, Фабіанское общество и промышленные совѣты) вносили въ годъ въ общую кассу по 10 шиллинговъ за каждую тысячу членовъ. Въ настоящее время трэдъ-юніоны и соціалистическія общества вносятъ по 15 шиллинговъ въ годъ, тогда какъ промышленные совѣты (мѣстныя рабочія организаціи) платятъ по 15 шил. за 5000 членовъ и 30 шил., если сочленовъ больше, чѣмъ 5000. На годичный съѣздъ Рабочей партіи трэдъ-юніоны посылаютъ одного делегата на тысячу членовъ, а промышленные совѣты—одного делегата на пять тысячъ членовъ.

Деньги, вносимыя ассоціаціями, называются «платой» (fees) въ отличіе отъ другихъ взносовъ, называемыхъ «сборомъ» (levy), о которомъ дальше. «Fees» (плата), поступившая въ кассу партіи въ прошломъ году, составляетъ сумму въ 1435 ф. ст. 15 ш. Большею частью эти деньги расходуются на организаціонную работу. Жалованье рабочимъ депутатамъ и выборныя издержки ихъ уплачиваются изъ спеціальнаго «парламентскаго фонда», установленнаго Рабочей партіей въ 1904 году. Для составленія этого фонда введенъ обязательный «сборъ» (levy) со всѣхъ членовъ Рабочей партіи въ размѣрѣ 1 пенни въ годъ. Путемъ «сбора» составился въ первый же годъ капиталъ въ 2260 ф. ст. Черезъ годъ капиталъ этотъ удвоился.

Я привелъ уже цифры, показывающія силу Рабочей партіи въ годъ ея возникновенія. Въ 1905 году она значительно увеличилась и состояла изъ 1.121.256 трэдъ-юніонистовъ, 27.465 членовъ соціалистическихъ организацій и изъ 133 мѣстныхъ рабочихъ организацій (trade counîols). Въ 1908 году къ Рабочей партіи присоединились 485.000 трэдъ-юніонистовъ, принадлежащихъ къ Федераціи Дерхэмскихъ углекоповъ. Въ настоящій моментъ всѣхъ членовъ Рабочей партіи болѣе 1.600.000.

Принудительный сборъ (levy), достигающій теперь двухъ пенсовъ (8 коп.) въ годъ, даетъ 13.622 ф. ст. Изъ этого „парламентскаго фонда" коммонеры-рабочіе получаютъ по 200 ф. ст. въ годъ. Доходъ партіи значительно превышаетъ расходъ. Къ началу 1910 года у Рабочей партіи былъ остатокъ въ 14.755 ф. ст.

На выборахъ 1906 года Рабочая партія добилась избранія 54 кандидатовъ. О дѣятельности рабочихъ-коммонеровъ въ Палатѣ общинъ мнѣ пришлось уже писать. Напомню, что рабочіе не только приняли дѣятельное участіе въ обсужденіи законопроекта 1906 года о стачкахъ, но имъ удалось убѣдить покойнаго премьера замѣнить министерскій билль тѣмъ, который выработали они. Вліяніе коммонеровъ-рабочихъ сильно сказалось также при обсужденіи законопроекта о государственной пенсіи для стариковъ. Дополнительные выборы 1907 года увеличили рабочую партію еще однимъ членомъ, болѣе крайнимъ (Викторъ Грейсонъ). Онъ рѣзко критиковалъ дѣятельность рабочей партіи, но почти не появлялся въ парламентѣ.

Выборы 1910 года, какъ извѣстно, были не совсѣмъ удачны для либеральной партіи, потерявшей около 100 мѣстъ. Рабочая партія потеряла шесть мѣстъ, но за то явилась въ парламентъ еще болѣе сплоченной, чѣмъ раньше.

III.

Ростъ Рабочей партіи, повидимому, внушалъ кое кому тревогу, и какъ только кончились выборы 1906 года, начался походъ противъ нея. Въ Англіи невозможно преслѣдовать политическую партію, какъ это дѣлается на континентѣ. И, вотъ, придуманъ былъ особый пріемъ. Парламентъ призналъ существованіе Рабочей партіи законнымъ. Надо было создать новый законъ, помимо парламента, т. е. путемъ установленія судебнаго прецедента.

Въ концѣ 1906 года нѣкто Стиллъ, членъ трэдъ-юніона углекоповъ подалъ въ судъ искъ противъ своего профессіональнаго союза. Трэдъ-юніонъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ рѣшилъ ввести принудительный сборъ (levy) въ пользу рабочей партіи. Стиллъ заявилъ, что такъ какъ онъ держится другихъ политическихъ взглядовъ, чѣмъ Томасъ Ричардсъ, избранный трэдъ-юніономъ, то не желаетъ давать деньги на поддержаніе коммонера въ парламентѣ. Поэтому Стиллъ требовалъ, чтобы трэдъ-юніонъ возвратилъ ему четыре шиллинга, и чтобы судъ запретилъ принудительный сборъ. Истецъ на судѣ сказалъ, что не можетъ не быть въ трэдъюніонѣ. Этого требуютъ условія работы. Между тѣмъ большинство навязываетъ свои политическіе взгляды меньшинству. Судья рѣшилъ дѣло въ пользу трэдъ-юніона. Тогда Стиллъ апеллировалъ къ судьямъ Дарлингу и Филлимору. Надо помнить, что гражданскій искъ въ Англіи—страшно дорогое дѣло. Веденіе дѣла въ двухъ инстанціяхъ о возвращеніи четырехъ шиллинговъ обошлось Стиллу, работнику, получающему всего только тридцать шиллинговъ въ недѣлю,—въ 2 тысячи ф. ст., или въ 20 тысячъ руб. Конечно, такихъ денегъ не было у Стилла. Тотъ, кто имѣетъ ихъ, не расходуетъ ихъ на возвращеніе четырехъ шиллинговъ. За спиной Стилла, конечно, стояли другіе, которымъ важно было созданіе «прецедента». Эти неизвѣстные уплачивали громадные счеты адвокатовъ. Тринадцатаго января 1907 года судьи разсмотрѣли апелляцію и опять рѣшили дѣло въ пользу трэдъ-юніона. Адвокатъ Стилла ссылался на то, что въ 16 параграфѣ закона о трэдъ-юніонахъ 1876 года, въ параграфѣ, опредѣляющемъ профессіональный союзъ, ничего не говорится о политической дѣятельности. Такимъ образомъ,—доказывалъ адвокатъ, — трэдъ-юніонъ, установившій принудительный сборъ для поддержанія политической партіи, вышелъ изъ предѣловъ своихъ полномочій. А если это такъ, то сборъ (levy) долженъ быть запрещенъ, хотя бы за него высказалось большинство.

Судьи не согласились съ толкованіемъ адвоката. Они указали, что въ параграфѣ шестнадцатомъ закона 1876 года нѣтъ вообще какихъ-либо ограниченій. Тамъ говорится только: «Слово *трэдъюніонъ* означаетъ всякій союзъ, временный или постоянный, имѣю-

щій цѣлью упорядочить отношенія между рабочими и хозяевами, между рабочими и рабочими или между хозяевами и хозяевами». Если признать, что умолчаніе о политической дѣятельности въ параграфѣ 16 равносильно запрещенію ея, то, — доказываютъ судьи въ своемъ мотивированномъ рѣшеніи,—надо было бы запретить также трэдъ-юніонамъ выдавать пособіе больнымъ сочленамъ. Объ этой дѣятельности тоже ничего не говорится въ параграфѣ шестнадцатомъ закона 1876 года. Для упорядоченія отношеній между хозяевами и рабочими иногда можетъ потребоваться непосредственное представительство послѣднихъ въ парламентѣ. Ученые судьи дальше указываютъ, что законы о трэдъ-юніонахъ 1906 г. объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь и здоровье рабочихъ, о прачешныхъ, о биржахъ труда и т. д., несомнѣнно, имѣютъ цѣлью «упорядоченіе отношеній между рабочими и хозяевами». А если это такъ, то стремленіе трэдъ-юніоновъ имѣть своихъ непосредственныхъ представителей въ парламентѣ является вполнѣ законнымъ.

Такъ высказались судьи и въ началѣ 1907 года. Парламентъ тогда только что отмѣнилъ законъ, установленный судебнымъ рѣшеніемъ по поводу желѣзнодорожной стачки въ долинѣ Тафъ. Авторитетъ суда былъ тогда нѣсколько поколебленъ.

Неизвѣстные, стоявшіе за спиной Стилла, потерпѣли пораженіе; но они не пали духомъ и подготовили новое выступленіе противъ трэдъ-юніоновъ. Въ іюлѣ 1908 года нѣкто Осборнъ, членъ желѣзнодорожнаго союза, подалъ въ судъ такую же жалобу, какъ и Стиллъ. Въ жалобѣ говорилось, что онъ, Осборнъ, не согласенъ съ политическими взглядами коммонера, представляющаго въ парламентѣ желѣзнодорожный союзъ, поэтому ходатайствуетъ о возвращеніи ему двухъ шиллинговъ и о воспрещеніи принудительнаго сбора (levy). Осборнъ признаетъ, что принудительный сборъ, въ размѣрѣ 8 к. въ годъ установленъ рѣшеніемъ подавляющаго большинства сочленовъ, но думаетъ, что большинство не имѣетъ права оказывать давленіе на политическій взглядъ меньшинства, которое *должно* оставаться въ трэдъ-юніонѣ. Выступленіе изъ профессіональнаго союза невыгодно, такъ какъ тогда теряется право на помощь въ случаѣ болѣзни, а иногда даже возможность достать работу. Осборнъ заявляетъ дальше, что по политическимъ взглядамъ онъ либералъ, тогда какъ представитель желѣзнодорожнаго союза въ парламентѣ—соціалистъ.

Судья Невиль, разсмотрѣвъ искъ, рѣшилъ дѣло въ пользу трэдъ-юніоновъ. Въ мотивированномъ рѣшеніи судья говоритъ, что «желѣзнодорожный союзъ имѣетъ безусловное право расходовать свои деньги на поддержаніе партіи, отстаивающей въ парламентѣ его прямые интересы». Рѣшивъ, что принудительный сборъ вполнѣ законенъ, судья дальше объясняетъ, что суду нѣтъ никакого дѣла до того, принадлежитъ ли представитель союза къ либеральной,

консервативной или рабочей партіямъ. Трэдъ-юніоны, если они хотятъ, имѣютъ безусловное право поддерживать соціалистическую партію, какъ имѣютъ право поддерживать, если захотятъ, либераловъ или консерваторовъ. Меньшинство, — продолжалъ судья, — всюду подчиняется рѣшенію большинства. Правда, такое подчиненіе непріятно, но тутъ дѣлать нечего. Подобное подчиненіе меньшинства большинству мы видимъ во всѣхъ партіяхъ.

Такимъ образомъ, Осборнъ, или, точнѣе, неизвѣстные, стоявшіе за его спиной, проиграли процессъ. Но Осборнъ перенесъ дѣло во вторую инстанцію, въ апелляціонную палату, и здѣсь 28 ноября 1908 года постановлено было историческое рѣшеніе. Лорды-судьи Фейруэллъ и Маультонъ отмѣнили постановленіе судьи Невилля и рѣшили дѣло въ пользу Осборна. Другими словами, принудительный сборъ съ членовъ желѣзнодорожнаго союза въ пользу Рабочей партіи признанъ былъ незаконнымъ. Такимъ образомъ, помимо парламента, установленъ былъ законъ, наносящій тяжелый ударъ Парламентской рабочей партіи. Безъ «сбора» нѣтъ «парламентскаго» фонда», а безъ послѣдняго—нѣтъ средствъ, чтобы поддерживать коммонеровъ-рабочихъ, не имѣющихъ другихъ источниковъ дохода, кромѣ упомянутаго пособія. Желѣзнодорожный союзъ рѣшилъ перенести дѣло въ послѣднюю инстанцію, т. е. въ палату лордовъ. Адвокатъ союза просилъ судей апелляціонной палаты, чтобы они не запрещали «сборъ» (levy), покуда не выскажутся лорды. «Какъ! Разрѣшить союзу расходовать деньги на то, что мы только что признали незаконнымъ! — отвѣтилъ лордъ - судья Фэйруэллъ.—Ни за что»! Этотъ самый лордъ-судья постановилъ приговоръ по поводу желѣзнодорожной стачки въ долинѣ Тафъ, отмѣненный потомъ парламентомъ въ 1906 году (Въ силу приговора пикетированіе, или «сниманіе», во время стачекъ признавалось незаконнымъ, а трэдъ-юніоны подлежали имущественной отвѣтственности за поступки отдѣльныхъ членовъ).

Въ іюлѣ 1909 года дѣло Осборна было разсмотрѣно лордами-законниками (Law Lords). Лордъ-канцлеръ, т. е. представитель министерства, не участвовалъ въ разборѣ и не высказалъ своего мнѣнія. Лорды-законники долго держали приговоръ и вынесли его только 22 декабря 1909 года, т. е. наканунѣ выборовъ. Такъ какъ дѣло рѣшено было противъ трэдъ-юніона и въ пользу Осборна, то въ произнесеніи приговора наканунѣ выборовъ рабочіе усмотрѣли нѣчто преднамѣренное. Судъ, такимъ образомъ, призналъ окончательно, что трэдъ-юніоны не имѣютъ права вводить обязательные сборы съ цѣлью поддерживать своихъ представителей въ парламентѣ. Старѣйшій лордъ-законникъ, восьмидесятилѣтній лордъ Хамбери высказался въ пользу Осборна, «потому что въ уставѣ трэдъ-юніоновъ нигдѣ не говорится о правѣ собирать деньги съ сочленовъ съ цѣлью поддержанія представителей въ парламентѣ». Другой лордъ-законникъ (Макнафтенъ) сказалъ,

что «въ уставахъ трэдъ-юніоновъ, утвержденныхъ парламентомъ, нельзя найти ни одной буквы, которую можно было бы истолковать въ томъ смыслѣ, что профессіональные союзы уполномочены собирать спеціальные капиталы и распоряжаться ими для достиженія политическихъ цѣлей».

Такой признанный знатокъ трэдъ-юніонизма, какъ Сидней Вэббъ, нашелъ, что мотивированный приговоръ лордъ-законниковъ свидѣтельствуетъ «о поразительномъ незнаніи тѣхъ вещей, о которыхъ они говорятъ. «Въ дѣйствительности,—продолжаетъ Сидней Веббъ,—трэдъ-юніоны занимались политической дѣятельностью еще сто лѣтъ тому назадъ. Этого рода дѣятельность узаконена въ 1871 году, а также и биллями послѣдующаго времени. Каждому члену парламента извѣстно, что политическая дѣятельность трэдъюніоновъ вполнѣ законна. Крайне неблаговиднымъ является то,—продолжаетъ Сидней Веббъ,—что палата лордовъ и лорды-законники признали только тогда политическую дѣятельность трэдъ-юніоновъ противозаконной, когда выставленные ими кандидаты высказались противъ Верхней палаты» *).

Консервативная печать встрѣтила приговоръ по дѣлу Осборна ликованіемъ. «Times» въ передовой статьѣ развивалъ тезисъ, что безъ этого приговора трэдъ-юніоны могли бы стать силой, оказывающей давленіе на политику страны. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда печать опять занялась обсужденіемъ дѣла Осборна, «Times» писалъ: «Можно отрицать, сколько угодно, но тѣмъ не менѣе неопровержимымъ остается слѣдующій фактъ. Дѣло Осборна противъ желѣзнодорожнаго союза является рѣшительнымъ протестомъ трэдъ-юніоновъ противъ соціализма. Умѣренные трэдъюніонисты одержали въ судѣ побѣду надъ соціалистами. Стремленіе возстановить права трэдъ-юніоновъ, отмѣненныя судьями, представляетъ собою борьбу соціализма за главенство. Не важно, что рабочіе представители въ парламентѣ проявили себя такими умѣренными соціалистами, что возбудили противъ себя болѣе крайнихъ единомышленниковъ. Коммонеры-рабочіе дѣлаютъ то, что позволяютъ окружающія условія и идутъ такъ далеко, какъ только возможно. Противъ соціалистической политики и возстала часть трэдъ-юніонистовъ, представителемъ которой явился Осборнъ **)... Защитники трэдъ-юніоновъ выставляютъ аргументъ, что судьи теперь отняли право, которымъ профессіональные союзы безпрепятственно пользовались почти пятьдесятъ лѣтъ. Конечно, этотъ аргументъ имѣетъ извѣстное значеніе,—продолжаетъ «Times»,— но пользующіеся имъ забываютъ совершенно про то, какъ трэдъ-

---

*) Изъ рѣчи, произнесенной С. Веббомъ въ Лондонѣ, 28 сентября 1910 года.

**) Выяснено, что меньшинство трэдъ-юніонистовъ, возстающихъ противъ обязательныхъ сборовъ, составляетъ только 2%.

юніоны раньше пользовались своимъ правомъ и какимъ образомъ возникло дѣло Осборна. Соціалисты хотѣли заставить трэдъ-юніонистовъ, тори и либераловъ, чтобы они поддерживали своими средствами политическую партію, съ взглядами которой совершенно не согласны» *).

Либеральная печать по политическимъ соображеніямъ не высказывала всего того, что думаетъ по поводу дѣла Осборна; но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, часть прессы, во всякомъ случаѣ, вполнѣ сочувствовала рѣшенію лордовъ-судей. «Высшее судебное учрежденіе въ странѣ признало незаконнымъ принудительный сборъ (levy) въ пользу членовъ парламента, выставленныхъ Рабочей партіей. Палата лордовъ нашла, что расходованіе суммъ, собранныхъ такимъ образомъ, равносильно присвоенію чужихъ денегъ. Говорятъ, Рабочая партія желаетъ поднять осенью усиленную агитацію. Очевидно для всѣхъ, что постановленіе суда крайне неудобно для большинства трэдъ-юніонистовъ. Но, съ другой стороны, также очевидно, что крайне несправедливо лишить меньшинство всѣхъ выгодъ, соединенныхъ съ принадлежностью къ трэдъ-юніону, или заставить ихъ поддерживать политику большинства. Предположимъ, что большинство акціонеровъ какой-нибудь желѣзной дороги пожелало бы урѣзать часть дивидендовъ съ цѣлью поддерживать консервативную партію. Мы увѣрены, что либеральное меньшинство поступило бы точно такъ же, какъ поступилъ Осборнъ. Трэдъ-юніоны только понапрасну затратятъ время и деньги на агитацію въ пользу возвращенія status quo ante дѣла Осборна» *).

IV.

Осборнъ израсходовалъ на веденіе процесса противъ желѣзнодорожнаго союза громадную сумму въ 7.096 ф. ст. Дѣло шло о возвращеніи ему нѣсколькихъ копѣекъ. Самъ Осборнъ получаетъ 25 шил. въ недѣлю. Тутъ мы опять убѣждаемся, что за спиной его должны стоять другіе. Нѣкоторый свѣтъ на этихъ «другихъ» брошенъ отчасти «Daily News». Приговоръ суда запретилъ желѣзнодорожному союзу собирать «levy»; но Осборнъ нашелъ послѣдователей. Въ каждомъ большомъ трэдъ-юніонѣ находился рабочій, который привлекалъ свой союзъ къ суду и требовалъ, чтобы сборъ денегъ былъ признанъ незаконнымъ. И судъ, опираясь на установленный прецедентъ, обязывалъ союзы углекоповъ, ткачей, наборщиковъ и др. прекратить «levy» и возвратить собранныя уже деньги. Возникъ вопросъ, кто помогаетъ этимъ рабочимъ предъявлять иски? Кто даетъ деньги? Разслѣдованіе

*) «Times», August 23, 1910.
**) «Review of Reviews», September, 1910.

показало, что возникла таинственная *лига защиты трэдъ-юніонистовъ* (Trade Unionists' Defence League). «Постоянная неусыпная бдительность необходима при отстаиваніи свободы». Таковъ девизъ лиги. Программа ея заключается въ слѣдующемъ.

Освобожденіе трэдъ-юніоновъ отъ политики.

Защита фондовъ трэдъ-юніоновъ.

Рабочее представительство въ парламентѣ.

Защита меньшинства членовъ профессіональныхъ союзовъ отъ обиды со стороны большинства.

Организація внѣпартійныхъ не политическихъ рабочихъ клубовъ.

Организаторомъ и секретаремъ лиги является нѣкій Кукъ. Онъ разсылаетъ трэдъ-юніонамъ письма вродѣ слѣдующаго. «Судъ много разъ высказывался противъ принудительнаго сбора въ пользу поддержанія политической партіи. На очереди еще цѣлый рядъ дѣлъ подобнаго рода. Въ каждомъ случаѣ судъ приговаривариваетъ также трэдъ-юніоны къ уплатѣ всѣхъ судебныхъ издержекъ... Теперь къ намъ обратился членъ вашего профессіональнаго союза, желающій начать процессъ противъ васъ. Исходъ дѣла внѣ сомнѣнія. Но если вы дадите обязательство, что не только прекратите принудительный сборъ, но не будете дѣлать также добровольнаго сбора въ пользу Рабочей партіи въ парламентѣ, то членъ вашего союза, вѣроятно, удовлетворится этимъ и не начнетъ иска. Вы сами видите, что неисполненіе нашего совѣта поведетъ къ тому, что вы вынуждены будете уплатить двойныя судебныя издержки». Одинъ профессіональный союзъ (камнетесовъ), получивъ письмо Кука, обратился къ адвокату. Завязалась любопытная переписка, напечатанная потомъ въ «Daily News». Адвокатъ просилъ сообщить ему имя того трэдъ-юніониста, который обратился къ Куку, и точнѣе опредѣлить характеръ жалобы. «Жалоба заключается въ томъ, что секретари профессіональнаго союза произвольно расходуютъ часть собранныхъ суммъ на политическую дѣятельность. Имя обратившагося къ намъ съ жалобой вамъ знать не для чего. Въ силу вполнѣ понятныхъ соображеній мы желаемъ сохранить его въ тайнѣ. Мы прилагаемъ при этомъ брошюру, изъ которой видно, что могутъ дѣлать трэдъ-юніоны, желающіе оставаться на почвѣ законности. И если ваши кліенты захотятъ слѣдовать указаніямъ этой брошюры, соціалисты найдутъ еще широкое поле дѣятельности для себя, а наши члены въ то же время будутъ удовлетворены».

На это письмо адвокатъ Союза камнетесовъ отвѣтилъ настоятельной просьбой сообщить ему имя жалобщика. Кромѣ того, адвокатъ спросилъ, принадлежитъ ли обвиненіе секретарей въ незаконномъ пользованіи суммами союза—неизвѣстному жалобщику или самому Куку. Если Кукъ выставляетъ эти обвиненія, то беретъ ли онъ на себя отвѣтственность за нихъ? Секретарь

лиги защиты трэдъ-юніоновъ опять отказался назвать жалобщика.

«Вы не назвали того, отъ имени котораго обратились къ моимъ кліентамъ, и не взяли на себя отвѣтственности за обвиненія противъ секретарей союза, выставленныя въ вашемъ письмѣ,—писалъ адвокатъ,—поэтому мои кліенты должны привлечь васъ къ суду». На этомъ дѣло покуда остановилось. Таинственная лига задалась, очевидно, цѣлью создать расколъ въ арміи трэдъ-юніонистовъ и использовать распаденіе профессіональныхъ союсовъ въ интересахъ консервативной партіи.

Лига защиты трэдъ-юніонистовъ выпустила, между прочимъ, проектъ организаціи новыхъ профессіональныхъ союзовъ.

«Въ каждомъ промышленномъ округѣ,—читаемъ мы, — возникаютъ теперь не политическіе трэдъ-юніоны, открытые на первыхъ порахъ для рабочихъ всѣхъ спеціальностей. Впослѣдствіи, если наберется много рабочихъ одной какой-нибудь спеціальности, они, съ согласія главнаго секретаря (т. е. Кука), могутъ выдѣлиться въ отдѣльный профессіональный союзъ. Каждый отдѣлъ будетъ имѣть полный контроль надъ своими собственными дѣлами, но составитъ единицу въ общемъ федеративномъ союзѣ всѣхъ не политическихъ профессіональныхъ союзовъ». Въ документѣ нѣсколько разъ подчеркивается, что новые союзы не должны заниматься политической дѣятельностью. Иногда требованія отдѣльныхъ трэдъ-юніонистовъ, желающихъ по совѣту лиги воспользоваться рѣшеніемъ суда по дѣлу Осборна, принимаютъ характеръ настоящаго шантажа. Таково, напр., обращеніе нѣкоего Терлоуэя къ профессіональному Союзу приказчиковъ. Терлоуэй—членъ этого союза, куда вступилъ въ 1905 году. За пять лѣтъ, до іюня 1910 года, членскіе взносы Терлоуэя составили въ общемъ 16 ф. 7 ш. 8 п. Отъ союза за это время онъ получилъ въ разное время 54 ф. ст. 6 ш. (По случаю безработицы и болѣзни). Такимъ образомъ, членскіе взносы возвращены Терлоуэю съ лихвою. И вотъ онъ поднимаетъ дѣло, требуя, чтобы союзъ возвратилъ ему «levy» (одинъ шиллингъ). Черезъ нѣсколько дней Терлоуэй въ письмѣ къ секретарю Союза приказчиковъ выражаетъ согласіе прекратить искъ, если трэдъ-юніонъ уплатитъ ему, Терлоуэю, сто фунтовъ ст. Вторымъ требованіемъ является также, чтобы Терлоуэя приняли снова въ союзъ и дали бы ему мѣсто секретаря одного изъ отдѣловъ.

«Приговоръ по дѣлу Осборна создалъ кризисъ рабочей партіи,—пишетъ «Reynold's Newspaper».—Если рѣшеніе останется въ силѣ, то остановится совершенно единственное движеніе, внушавшее надежду рабочимъ классамъ. Не подлежитъ теперь сомнѣнію, что положеніе труда можетъ быть улучшено не стачками, а непосредственнымъ представительствомъ рабочихъ классовъ въ парламентѣ. Когда рабочее представительство въ парламентѣ обсуждалось, противъ него возстали даже крайніе либералы на

томъ основаніи, что Палата общинъ должна представлять интересы всей страны, а не какихъ-либо отдѣльныхъ классовъ. Между тѣмъ фактически эта теорія никогда не осуществлялась. Парламентъ всегда представлялъ классовые интересы. Въ самомъ дѣлѣ, что такое Палата лордовъ, какъ не группа людей, организованная для защиты своихъ собственныхъ интересовъ. Палата общинъ до законовъ о реформахъ 1832 и 1868 годовъ представляла собою собраніе богатыхъ людей, интересы которыхъ, какъ капиталистовъ и крупныхъ помѣщиковъ, были противоположны интересамъ народа. Что знаютъ сыновья богатыхъ людей о нуждахъ трудящихся классовъ? Какое дѣло этимъ богатымъ людямъ до работниковъ? Дальше газета доказываетъ, что рабочіе не могутъ отказаться легко отъ того, что имъ такъ необходимо. Броженіе среди рабочихъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, покуда парламентъ не отмѣнитъ рѣшенія лордовъ-судей».

«Чѣмъ больше мы живемъ, тѣмъ сильнѣе убѣждаемся, что трэдъ-юніонизмъ не только еще не сыгралъ своей роли, какъ увѣряютъ враги его, но, напротивъ, лишь начинаетъ жить,—сказалъ членъ парламента Хендерсонъ при открытіи конгресса Рабочей партіи въ Шефильдѣ.—Дѣло Осборна поставило трэдъ-юніоны въ затруднительное положеніе. Враги рабочихъ потребовали, чтобы профессіональные союзы не занимались политической дѣятельностью. Чѣмъ скорѣе Осборны, являющіеся орудіемъ въ рукахъ невидимыхъ враговъ трудящихся классовъ, убѣдятся, что трэдъ-юніоны не имѣютъ болѣе возможности бороться съ организованнымъ капиталомъ, иначе какъ только на почвѣ парламентской борьбы, тѣмъ лучше. Въ чемъ заключается эта борьба? Въ стремленіи захватить законодательную машину». Говоря о томъ, что Осборнъ явился орудіемъ въ рукахъ другихъ, Хендерсонъ сказалъ, что было бы крайне интересно и поучительно видѣть списокъ лицъ, подписавшихъ деньги на веденіе дѣла противъ трэдъ-юніоновъ. «Рабочая партія вовсе не приведена въ уныніе рѣшеніемъ лордовъ,—закончилъ Хендерсонъ.—На ближайшихъ выборахъ трэдъ-юніоны выступятъ рѣшительно впередъ. И тогда въ слѣдующемъ парламентѣ, рабочіе представители покончатъ такъ же быстро съ дѣломъ Осборна, какъ покончили въ 1906 году съ рѣшеніемъ по поводу стачки въ долинѣ Тафъ» *).

«Рабочая партія и трэдъ-юніоны рѣшили сдѣлать отчаянное усиліе, чтобы выбраться изъ того тупика, въ который поставило ихъ рѣшеніе по дѣлу Осборна,—говоритъ «Labour-Leader» (оффиціальный органъ Рабочей партіи). Для англійскихъ рабочихъ теперь нѣтъ болѣе важнаго вопроса, какъ возстановленіе своихъ прежнихъ правъ, отнятыхъ вслѣдствіе интриги политическихъ и экономическихъ враговъ трудящагося населенія. Всѣ тѣ возраженія, ко-

*) «Daily News», September 12, 1910.

торыя выставляются этими врагами противъ принудительнаго сбора (levy), являются только пустой болтовней. Враги возстали не противъ принудительнаго сбора, какъ таковаго, а противъ сбора суммъ для поддержанія въ парламентѣ политическихъ противниковъ. Дѣло Осборна было начато для того только, чтобы нанести рѣшительный ударъ политической независимости Рабочей партіи. Либералы возстаютъ противъ Рабочей парламентской партіи, потому что она независима. Крайне знаменательно, что никакого дѣла Осборна не возникало до тѣхъ поръ, покуда Рабочая партія была слугой либеральной партіи» *).

Раздраженіе рабочихъ по поводу дѣла Осборна проявляется въ резолюціяхъ, вынесенныхъ на дняхъ «Соединенной управой» (Joint Board), какъ называется собраніе представителей отъ Парламентскаго рабочаго комитета, Рабочей партіи и Общей федераціи всѣхъ профессіональныхъ союзовъ. Въ резолюціяхъ указывается, что судебное рѣшеніе по поводу иска Осборна не только наноситъ ударъ рабочему представительству въ парламентѣ, но дѣлаетъ также невозможнымъ для трэдъ-юніоновъ работать совмѣстно съ промышленными совѣтами (т. е. съ мѣстными рабочими организаціями). Судебное рѣшеніе покушается на свободу, которою до сихъ поръ пользовались конгрессы Рабочей партіи и трэдъ-юніоновъ; въ самомъ дѣлѣ: эти конгрессы всегда выносили резолюціи въ пользу принудительнаго сбора для политическихъ цѣлей. Судебное рѣшеніе отнимаетъ у трэдъ-юніоновъ право, которымъ они безпрепятственно пользовались пятьдесятъ лѣтъ. Вотъ почему Соединенная управа требуетъ немедленнаго возстановленія попранныхъ правъ трэдъ-юніоновъ. Профессіональнымъ союзамъ должно быть опять предоставлено право дѣйствовать согласно рѣшенію, принятому большинствомъ членовъ. Дальше Соединенная управа рѣшила вести усиленную агитацію этой осенью съ цѣлью ознакомить публику съ требованіями трэдъ-юніоновъ. Необходимо заручиться сочувствіемъ общественнаго мнѣнія, безъ котораго никакое движеніе въ Англіи не можетъ разсчитывать на успѣхъ.

Въ особенности характеренъ для опредѣленія настроенія англійскихъ рабочихъ шеффильдскій конгрессъ трэдъ-юніонистовъ, закончившійся 17 сентября (н. с.)

Шеффильдскій конгрессъ представлялъ интересъ главнымъ образомъ потому, что выяснилось вполнѣ отношеніе трэдъ-юніоновъ къ положенію дѣлъ, созданному рѣшеніемъ лордовъ-судей. Конгрессу предложена была резолюція, гласившая: «Привѣтствуя всякій билль, имѣющій цѣлью установить жалованье коммонерамъ, конгрессъ не можетъ, однако, признать, что такая мѣра разрѣшитъ

*) Это утвержденіе, являющееся результатомъ крайняго раздраженія, не подтверждается фактами. Мы видѣли, что походъ противъ Рабочей парламентской партіи начался вскорѣ же послѣ выборовъ 1906 года.

осложненіе, созданное дѣлами Осборна. Конгрессъ находитъ, что трэдъ-юніоны должны имѣть абсолютную свободу распоряжаться своими фондами для политической дѣятельности».

Делегаты нашли эту резолюцію слишкомъ мягкой и выбрали коммиссію для выработки болѣе категорическаго и сильнаго рѣшенія. На другой день новая резолюція была предложена конгрессу.

Она начинается рѣшительнымъ протестомъ противъ постановленія судей, лишившаго трэдъ-юніоны права, которымъ они пользовались безпрепятственно пятьдесятъ лѣтъ. Конгрессъ рекомендуетъ всѣмъ трэдъ-юніонамъ «употребить всѣ мѣры», чтобы «произвести давленіе на правительство» и добиться отмѣны рѣшенія по дѣлу Осборна. И эта энергичная резолюція не только была принята подавляющимъ большинствомъ голосовъ (498 противъ 2), но одинъ ораторъ за другимъ совѣтовалъ пассивное сопротивленіе закону.

Намъ запрещаютъ дѣлать принудительные сборы (levy), говорили ораторы. Пусть секретари трэдъ-юніоновъ, не обращая вниманія на законъ, созданный помимо парламента, продолжаютъ собирать эти деньги. Судъ пошлетъ въ тюрьму секретарей за «contempt of court» (пренебреженіе къ суду). Но это только вызоветъ всеобщее негодованіе трудящихся массъ. Судьямъ трудно будетъ тогда отстаивать несправедливый законъ.

Членъ парламента Брэйсъ (представитель углекоповъ), защищая резолюцію, сказалъ, что въ данномъ случаѣ делегаты имѣютъ предъ собою «не комедію, а «трагедію». Приходится отстаивать отъ непріятеля «проходъ, проданный врагамъ своими же». Рабочіе добиваются только того, чтобы дѣла рѣшались согласіемъ большинства. На этомъ принципѣ основана правительственная система въ Англіи. Меньшинство также имѣетъ свои права, но оно не должно подчинять себѣ большинство. Профессіональные союзы готовы дать правительству время измѣнить законъ, установленный лордами-судьями; но все это должно быть рѣшено до ближайшихъ выборовъ. По закону, или противъ закона, профессіональные союзы примутъ участіе въ общихъ выборахъ. По закону или противъ закона, но трэдъ-юніоны соберутъ деньги, чтобы выставить своихъ кандидатовъ.

Трэдъ-юніоны совѣтуютъ ограничиться только чисто профессіональной дѣятельностью,—сказалъ другой членъ парламента, Клайнсъ. Но мы лишь подражаемъ предпринимателямъ; какъ они, мы только приспособляемся къ новымъ условіямъ... Хозяева сдѣлали совершенно невозможнымъ для трэдъ-юніонистовъ оставаться при старыхъ программахъ. Не будь рабочей политической партіи, трэдъ-юніоны до сихъ поръ были бы скованы еще судебнымъ рѣшеніемъ по поводу стачки въ долинѣ Тафъ (т. е. тѣмъ рѣшеніемъ, которое признало незаконнымъ «сниманіе» во время стачекъ и сдѣлало союзы имущественно отвѣтственными за поступокъ от-

дѣльныхъ членовъ). Членъ парламента Харвей (делегатъ отъ углекоповъ) заявилъ, что «рабочіе готовы бороться за свои права; трэдъ-юніоны будутъ собирать деньги для парламентской партіи, *не взирая на послѣдствія*». «Я—мировой судья,—сказалъ Секстонъ, уполномоченный отъ Ливерпуля *),—но тѣмъ не менѣе говорю слѣдующее. Пусть будетъ хоть сто пятьдесятъ тысячъ такихъ рѣшеній, какъ по дѣлу Осборна, но на ближайшихъ выборахъ трэдъ-юніоны выставятъ своихъ кандидатовъ, будетъ ли это по закону или противъ закона **). Мы поступимъ, какъ будетъ намъ выгодно, не обращая вниманія на постановленіе палаты лордовъ. Если десятокъ коммонеровъ-рабочихъ и столько же секретарей трэдъ-юніоновъ попадутъ въ тюрьму за нарушеніе закона,—наше дѣло быстро выиграетъ».

По мнѣнію делегата отъ углекоповъ Смайли, резолюція еще недостаточно рѣшительна. Зачѣмъ откладывать борьбу до ближайшихъ выборовъ? Рабочіе готовы немедленно оказать пассивное сопротивленіе несправедливому закону. Углекопы рѣшили дѣлать принудительные сборы, несмотря ни на что, такъ какъ не хотятъ, чтобы ихъ представителей голодомъ выжили изъ палаты общинъ.

Делегатъ отъ профессіональнаго союза выдувальщиковъ стекла заявилъ, что его товарищи рѣшили оказать пассивное сопротивленіе. Секретари трэдъ-юніона будутъ дѣлать обязательные сборы. Ораторъ указалъ на борьбу нонконформистовъ съ школьнымъ закономъ 1902 года. Рабочіе также пойдутъ въ тюрьму, какъ и священники-нонконформисты. Почему хозяева имѣютъ право собирать деньги на то, чтобы бороться съ рабочими? Профессіональные союзы должны имѣть такое же право защищаться.

Отъ имени ассоціаціи типографскихъ рабочихъ делегатъ Вудъ заявилъ, что они «за борьбу съ несправедливымъ закономъ путемъ несоблюденія его». Членъ парламента Стифенъ Уэлшъ сказалъ, что посовѣтовалъ своему союзу ланкаширскихъ углекоповъ не соблюдать закона, установленнаго лордами-судьями.

Послѣднимъ ораторомъ выступилъ Шэкльтонъ. Онъ совѣтовалъ покуда поддерживать либеральное правительство, потому что билль объ отмѣнѣ рѣшенія лордовъ можетъ пройти въ парламентѣ только тогда, когда законопроектъ будетъ правительственный. Внести же такой билль могутъ только радикалы. Шэкльтону извѣстно, что многіе члены кабинета считаютъ рѣшеніе по дѣлу Осборна несправедливымъ. Но если правительство не захочетъ

---

*) Мэръ въ Англіи по своему положенію мировой судья. Законъ о мѣстномъ самоуправленіи далъ возможность рабочимъ принять участіе въ муниципальной жизни. Вотъ почему теперь нѣсколько рабочихъ—мировые судьи.

**) Выставить своихъ кандидатовъ, конечно, трэдъ-юніоны могутъ. Ораторъ хотѣлъ сказать, что трэдъ-юніоны сндерутъ деньги для выборовъ несмотря на рѣшеніе судей.

поддержать трэдъ-юніонистовъ, то на ближайшихъ выборахъ всѣ организованные рабочіе выступятъ противъ либераловъ.

Резолюція была принята подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Трэдъ-юніонисты не только рѣшили «пренебречь закономъ», получено также извѣстіе, что ланкаширскіе и чеширскіе углекопы организовали «Политическую ассоціацію углекоповъ». Цѣль ея— поддерживать своихъ депутатовъ въ парламентѣ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія закона ассоціація такъ же лояльна, какъ, напримѣръ, консервативная или либеральная партія.

V.

Броженіе среди рабочихъ выразилось такъ рѣзко, что даже пресса консервативной партіи нашла нужнымъ выступить съ рекомендаціей реформы, противъ которой всегда возставала: съ проектомъ жалованія членамъ парламента. Консервативная печать пытается сперва указать, что Рабочая партія желаетъ совершенно невозможнаго, когда добивается отмѣны судебнаго рѣшенія по дѣлу Осборна. «Надо вдуматься только въ то, чего требуютъ рабочіе,— пишетъ «Observer.»—Во-первыхъ, если это требованіе осуществить, то никто въ будущемъ не можетъ вступить въ профессіональный союзъ, т. е. не сможетъ защитить свои собственные интересы и, быть можетъ, не будетъ даже въ состояніи достать работу, если только не согласится поддержать своими средствами въ парламентѣ депутата, противъ котораго, вѣроятно, голосовалъ на выборахъ. «Observer» предвидитъ возраженіе, что та «тираннія», которой онъ возмущается, считалась законной въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Да,—говоритъ газета, — «тираннію» можно было терпѣть до тѣхъ поръ, покуда рабочіе представители въ парламентѣ были прежде всего трэдъ-юніонисты, а потомъ уже политики. Теперь порядокъ измѣнился: рабочіе представители являются прежде всего политиками, и потомъ уже трэдъ-юніонистами. Мало того. Каждый членъ парламента долженъ быть независимъ въ своемъ мнѣніи. Между тѣмъ коммонеры, выставленные Рабочей партіей, обязаны, вступая въ парламентъ, оставить свои политическія убѣжденія, какъ оставляютъ въ передней зонтикъ, входя въ ресторанъ». «Observer» имѣетъ въ виду то обязательство (pledge), о которомъ я говорилъ уже. Если читатель помнитъ, «pledge» теперь отмѣнено. «Общественное мнѣніе въ Англіи могло бы еще помириться съ депутатами, давшими обязательство партіи, которая поддерживаетъ ихъ путемъ добровольной подписки, хотя вообще такой способъ сковыванія моей совѣсти противорѣчитъ лучшимъ парламентскимъ традиціямъ». Но нація, по мнѣнію «Observer» не потерпитъ, чтобы всѣ члены трэдъ-юніона, какъ консерваторы, такъ и соціалисты, обязаны были бы давать деньги на поддержаніе въ пар-

ламентѣ депутата, политическіе взгляды котораго они ненавидятъ. Тори-рабочій обязанъ вступить въ трэдъ-юніонъ, потому что иначе во многихъ случаяхъ онъ же найдетъ работы. И вотъ этого тори заставляютъ «преклонять колѣна передъ новымъ Риммономъ» *). «Государство ни въ коемъ случаѣ же не можетъ узаконить подобную несправедливость. Во всякомъ случаѣ, юніонисты возстанутъ противъ»,—говоритъ «Observer» **). Но газета тотчасъ же спѣшитъ оговориться, что ни въ коемъ случаѣ нельзя проявить несправедливость къ рабочимъ,—будь то тори, либералы или соціалисты,—желающимъ имѣть своихъ непосредственныхъ представителей въ парламентѣ. Газета имѣетъ очень простое разрѣшеніе: надо только, чтобы казна принимала на себя всѣ издержки, сопряженныя съ выборами. При наличности такихъ условій ничто не можетъ помѣшать рабочимъ группироваться въ ассоціаціи, чтобы путемъ добровольной подписки поддерживать своихъ представителей въ парламентѣ.

Другія консервативныя газеты идутъ дальше, чѣмъ «Observer». Такъ, напримѣръ, «Standard» знаетъ, что «дѣйствительно рабочимъ людямъ» будетъ очень трудно попасть въ парламентъ при условіи, что казна возвращаетъ только издержки, сопряженныя съ выборами. Правда, сочувствующіе богатые люди могли бы поддерживать коммонеровъ рабочихъ путемъ добровольной подписки, но это не «желательно». Разрѣшеніемъ вопроса, по мнѣнію «Standard'a» является жалованье всѣмъ коммонерамъ. «Мы не питаемъ симпатіи къ профессіональнымъ политикамъ—продолжаетъ газета.—Мы, поэтому, желали бы, чтобы жалованье было не велико и не могло явиться соблазномъ для искателей мѣстъ, для carpet baggers ***) Коммонеръ долженъ получать не больше того, сколько можетъ зарабатывать искусный ремесленникъ».

Противъ «Standard'a» выступилъ «Times», но консервативныя газеты «Morning Post» и «Globe» тоже выступили съ защитой жалованья для коммонеровъ. Газеты эти тоже исходятъ изъ положенія, что отмѣнить рѣшеніе по дѣлу Осборна невозможно, такъ какъ «такимъ образомъ хорошая и правильная конституціонная теорія будетъ измѣнена въ интересахъ одного только класса». И такъ какъ отмѣна рѣшенія невозможна, то необходимо введеніе жалованья коммонерамъ, иначе у рабочихъ создастся убѣжденіе, что

*) Табель о рангахъ существуетъ и въ аду. Діаволы раздѣляются на классы. Риммонъ—особа седьмого класса. Сатана, Вельзевулъ, Молохъ, Хемосъ, Тамусъ и Дагонъ по чину стоятъ старше.

**) «Observer», August 28, 1910.

***) Терминъ carpet bagger, т. е. буквально, „человѣкъ съ чемоданомъ", впервые появился въ Америкѣ. Такъ называли сѣверянъ, хлынувшихъ на югъ послѣ окончанія гражданской войны, чтобы добиться тамъ мѣстъ при помощи избирателей негровъ. Теперь въ Англіи „человѣкомъ съ чемоданомъ" (carpet bagger) называютъ искателя общественныхъ мѣстъ, на которыя онъ не имѣетъ права по своимъ дарованіямъ.

имущіе классы путемъ судебнаго постановленія вытѣснили ихъ изъ Палаты общинъ. «Жалованье коммонерамъ и покрытіе избирательныхъ издержекъ дастъ возможность трэдъ-юніонистамъ посылать своихъ представителей въ парламентъ, не прибѣгая къ тиранническому выжиманію денегъ у людей, держащихся другихъ политическихъ взглядовъ. Такая реформа, какъ жалованье коммонерамъ, лишитъ агитацію, которая ведется теперь рабочими, жала: агитаторы не смогутъ больше говорить, что богатые классы не желаютъ видѣть въ парламентѣ непосредственныхъ представителей труда.» Газета предвидитъ, что результатомъ реформы явится, вѣроятно, увеличеніе рабочихъ представителей въ парламентѣ; но «Morning Post» разсчитываетъ, что не всѣ эти рабочіе будутъ радикалы и соціалисты. Въ странѣ, по мнѣнію газеты, много рабочихъ-тори, которыя пошлютъ своихъ представителей. «Рабочіе-тори, соединившіеся въ парламентѣ съ юніонистами, явятся лучшимъ доказательствомъ того, что политика консервативной партіи дѣйствительно національна». Конечно, реформа явится нововведеніемъ въ Англіи. До сихъ поръ съ незапамятныхъ временъ коммонеры предлагали свои услуги странѣ безвозмездно; но пусть противники реформы,"— говоритъ газета,—хорошо вдумается въ положеніе дѣлъ. Является такая альтернатива: или отмѣна рѣшенія по дѣлу Осборна, что невозможно, или жалованье коммонерамъ. Неужели юніонисты отвѣтятъ рѣшительнымъ отказомъ рабочимъ на требованіе имѣть своихъ непосредственныхъ представителей въ парламентѣ. Если консерваторы поступятъ такимъ образомъ,—продолжаетъ газета,—то пропасть, раздѣляющая классы, станетъ еще глубже. И когда рабочіе явятся въ парламентъ (отсрочка можетъ быть только временная: массы найдутъ возможность разрѣшить вопросъ о прямомъ представительствѣ),— то они будутъ переполнены ненавистью» *).

Вопросъ о жалованіи коммонерамъ раздѣлилъ консервативную партію на два лагеря. Около ста коммонеровъ-тори стоятъ безусловно за то, чтобъ жалованья не было. Это «непримиримые», которые не скрываютъ ликованій по поводу исхода дѣла Осборна. «Непримиримые» полагаютъ, что теперь доступъ въ парламентъ для «соціалистовъ» закрытъ. На встрѣчу имъ идти нечего съ реформой. Если «соціалисты» еще что нибудь придумаютъ, чтобы попасть въ парламентъ, то вѣдь можно монтировать какого нибудь новаго Осборна. Англійскіе адвокаты изобрѣтательны. Другіе коммонеры-тори, какъ и «Morning Post», знаютъ, что дѣло Осборна не можетъ помѣшать рабочимъ посылать своихъ представителей въ парламентъ. Выборы рѣшаются массами.. Раздраженіе массъ противъ тори можетъ повести на ближайшихъ выборахъ къ такому же колоссальному «обвалу» (land slide), какъ въ январѣ

*) „Morning Post». August 30, 1910.

1906 года. И вотъ эти коммонеры-тори рѣшительно выступили съ защитой жалованья.

«Рабочая партія, повидимому, задумываетъ грандіозную кампанію въ пользу тезиса, что трэдъ-юніоны имѣютъ право заставлять своихъ политическихъ противниковъ поддерживать въ парламентѣ чуждыхъ по убѣжденіямъ кандидатовъ, — пишетъ видный членъ парламента—консерваторъ Смитъ.—Предпріятіе это не обѣщаетъ увѣнчаться особеннымъ успѣхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, трэдъ-юніоны собираются сказать рабочимъ либераламъ или консерваторамъ: «Если вы не присоединитесь къ профессіональному союзу, мы не дадимъ вамъ возможности зарабатывать средства къ существованію; если же вы присоединитесь, мы заставимъ васъ матеріально поддерживать политическія доктрины, которыя вамъ антипатичны» *). Каково положеніе партіи юніонистовъ по отношенію къ требованію рабочихъ? Безъ всякаго сомнѣнія, юніонисты должны отвѣтить рѣшительнымъ отказомъ. Но затѣмъ возникаютъ дальнѣйшія соображенія. Въ интересахъ ли консервативной партіи, чтобы въ парламентѣ не было другихъ рабочихъ представителей, кромѣ тѣхъ, которые поддерживаются одною изъ двухъ большихъ партій? Мнѣ кажется,—продолжаетъ Смитъ,—такой взглядъ и узокъ, и обреченъ заранѣе на гибель. Но въ такомъ случаѣ, если независимые рабочіе представители должны быть въ парламентѣ,—кто же станетъ поддерживать ихъ? Стараясь дать честный отвѣтъ на поставленный вопросъ, я пришелъ къ заключенію, которое мнѣ непріятно, но я его считаю неизбѣжнымъ. Надо или отмѣнить рѣшеніе по дѣлу Осборна, или ввести жалованье депутатамъ. Есть много крейне серьезныхъ возраженій противъ такой мѣры; но въ пользу ея хоть то, что жалованье дастъ коммонерамъ независимость и избавитъ ихъ отъ подчиненія извѣстной группѣ». Смитъ прибавляетъ, что самъ онъ крайне неохотно сталъ сторонникомъ мѣры, рекомендуемой имъ, но она неизмѣримо лучше и благоразумнѣе того «non possumus», который выставляютъ многіе юніонисты **).

---

*) Любопытно, какъ одинъ и тотъ же аргументъ повторяется рѣшительно всѣми сторонниками Осборна. Оставаясь логичными, они могли бы придти къ «ужаснымъ» выводамъ. Консерваторы говорятъ: Джонесъ *долженъ* присоединиться къ трэдъ-юніону: но заставлять его вносить 8 коп. въ годъ въ пользу идей, раздѣляемыхъ большинствомъ, но не Джонесомъ, будетъ «возмутительная тираннія». Будемъ дальше развивать этотъ тезисъ. Джонесъ *долженъ* принадлежать къ организаціи, именуемой государствомъ, иначе ему нѣтъ возможности жить и работать. Государство требуетъ отъ Джонеса деньги на поддержаніе арміи. Джонесъ—не милитаристъ. Долженъ ли онъ платить налоги? не будетъ ли принудительный сборъ (налогъ), установленный большинствомъ, «тиранніей»? Вступились ли бы лорды-судьи за Джонеса, если бы онъ поднялъ противъ государства такое же дѣло, какъ Осборнъ противъ желѣзнодорожнаго союза?

**) «Times», september 27, 1910.

Теперь послушаемъ непримиримыхъ тори. Вотъ, что говоритъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ консерваторовъ Артуръ Ли.

Дѣло Осборна,—пишетъ онъ,—создало въ высшей степени интересное положеніе, но намъ совершенно не для чего терять голову. Утвержденіе, что послѣдствіемъ рѣшенія было бы исчезновеніе въ парламентѣ непосредственныхъ представителей труда, конечно, серьезно, но никто не предъявилъ ни одного доказательства въ пользу того, что это утвержденіе вѣрно. Артура Ли, впрочемъ, совершенно не интересуетъ то, останутся ли рабочіе представители въ парламентѣ или нѣтъ. «Я хочу только выразить сожалѣніе по поводу деморализующаго впечатлѣнія, произведеннаго на часть консервативной партіи и печати дѣломъ Осборна». Лучшимъ доказательствомъ «деморализующаго впечатлѣнія» является то, что часть консервативной печати вдругъ заговорила о жалованіи коммонерамъ. Между тѣмъ нѣтъ ни одного «патентованнаго лѣкарства въ политической аптекѣ радикаловъ, противъ котораго консерваторы возставали бы такъ постоянно и упорно, какъ противъ Палаты общинъ, состоящей на жалованіи». Артуръ Ли напоминаетъ консерваторамъ, что за послѣднія семь лѣтъ вопросъ о жалованіи трижды поднимался въ Нижней палатѣ, и каждый разъ юніонисты рѣшительно выступали противъ реформы. Она не находила себѣ ни одного защитника въ консервативной прессѣ. «Standart», «Morning Post» и «Globe», теперь отстаивающіе реформу, всегда рѣшительно нападали на нее, какъ на зло. И эти самыя газеты требуютъ теперь отъ вождей консервативной партіи, чтобы они немедленно рѣшительно высказались въ пользу реформы, увѣряя, что черезъ шесть мѣсяцевъ будетъ уже слишкомъ поздно. Артуръ Ли, напомнивъ дебаты въ парламентѣ по поводу жалованья, происходившіе 12 мая 1909 года, и сдѣлавъ выдержки изъ рѣчей Бальфура, Чэмберлэна и другихъ вождей противъ реформы,—доказываетъ, что она можетъ создать «схизму» въ рядахъ консерваторовъ. «Я не хочу здѣсь повторять всѣ тѣ вѣскіе аргументы, которые были выставлены членами консервативной партіи противъ платежа жалованья коммонерамъ,—говоритъ Артуръ Ли. Аргументы эти сводятся къ слѣдующему:

Жалованье коммонерамъ понизитъ престижъ Нижней палаты и измѣнитъ ея тонъ. На сцену выступятъ профессіональные политики.

Надо будетъ распространить реформу и на другія общественныя учрежденія, члены которыхъ отдаютъ теперь свой трудъ безвозмездно.

Въ англійскомъ обществѣ, по выраженію лорда Ишера, завянетъ духъ добровольной службы.

Ли указываетъ на финансовую сторону дѣла. Полагаютъ, что реформа обойдется только въ 200 тысячъ ф. ст. въ годъ; но это слишкомъ плохое исчисленіе. Оно основано на томъ, что члены парламента будутъ получать лишь по 300 ф. ст. въ годъ; въ исчи-

сленіе не входитъ совершенно возвращеніе избирательныхъ расходовъ всѣмъ кандидатамъ, что является логическимъ послѣдствіемъ реформы. Но авторъ не думаетъ, что жалованье ограничится только 300 ф. ст. «Мать парламентовъ» не можетъ платить своимъ коммонерамъ меньше, чѣмъ платятъ парламенты Южно-Африканскій (400 ф. ст.), Канадскій (500 ф. ст.) или Австралійскій (600 ф. ст.). Надо помнить, что у англійскихъ коммонеровъ гораздо больше работы, чѣмъ у ихъ колоніальныхъ коллегъ. Предположимъ, что вначалѣ дѣйствительно будетъ назначено только 300 ф. ст.,—продолжаетъ Артуръ Ли.—Гдѣ гарантіи, что жалованье это не будетъ увеличено впослѣдствіи? Мы имѣемъ въ этомъ отношеніи передъ собою примѣръ Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1789 году сенаторы и члены палаты получали во время сессіи по 6 долларовъ въ день или, въ общемъ, 180 долларовъ въ годъ. Въ 1818 г. члены обѣихъ палатъ конгресса назначили себѣ по 1200 долларовъ въ годъ, въ 1856 году—по 3000 дол., въ 1866 году—по 5000 дол., а въ 1869 году—7500 дол. Надо прибавить еще безплатный переѣздъ, безплатную пересылку писемъ и другія привилегіи. Стоитъ только разъ установить жалованье коммонерамъ, какъ они не захотятъ быть «бѣдными родственниками» въ семьѣ колоніальныхъ и сѣверо-американскихъ депутатовъ. Въ такомъ случаѣ плательщикамъ налоговъ придется вносить уже не 200 тысячъ ф. ст., а гораздо больше.

Если даже вопросу объ экономіи не придавать никакого значенія,—говоритъ Артуръ Ли,—то и тогда возникаетъ сомнѣніе, принесетъ ли реформа ожидаемые результаты? Другими словами, получатъ ли рабочіе возможность посылать въ парламенты своихъ непосредственныхъ представителей? Если рѣшеніе по дѣлу Осборна есть зло, то нейтрализуется ли оно жалованьемъ коммонерамъ? По мнѣнію Артура Ли,—реформа не принесетъ никакой выгоды рабочимъ классамъ. Если матеріальная независимость, въ видѣ жалованья коммонерамъ, до такой степени уравниваетъ всѣ шансы гражданъ, что каждый рабочій можетъ стать членомъ парламента,—спрашиваетъ Ли,—то почему же въ такой демократической республикѣ, какъ Соединенные Штаты, въ Конгрессѣ нѣтъ ни одного дѣйствительнаго рабочаго? Причину, по мнѣнію автора, не трудно отыскать. Жалованье, получаемое членами Конгресса, является приманкой и становится объектомъ отчаяннаго соревнованія. Въ этой погонѣ за мѣстомъ у подлиннаго рабочаго нѣтъ никакого шанса на успѣхъ. Развязный, безсовѣстный профессіональный политикъ, гоняющійся за мѣстомъ въ Конгрессѣ, всегда опередитъ рабочаго.

То же самое повторится и въ Англіи,—предсказываетъ Артуръ Ли. Даже если вознагражденіе будетъ сперва только 300 ф. ст., кандидатовъ на такое жалованье явится больше, чѣмъ нужно. Ли продѣлалъ опытъ, который, по мнѣнію автора, доказываетъ очень много. Онъ помѣстилъ въ лондонской газетѣ подобнаго рода объ-

явленіе: «Триста ф. ст. въ годъ. Должность политическаго характера. Открыта только для мущинъ. Спеціальнаго образованія не требуется; но кандидаты должны имѣть приличный видъ и способность произносить рѣчи. Просятъ снестись письменно по указанному адресу». Въ два дня помѣстившій объявленіе получилъ восемьсотъ писемъ. «Даже пылкое воображеніе не можетъ представить себѣ,—заключаетъ Артуръ Ли,—сколько кандидатовъ явится на 670 мѣстъ въ парламентѣ, когда назначено будетъ жалованье въ 300 ф. ст.». Авторъ забываетъ, что и теперь около ста коммонеровъ (члены министерства, генералъ-солиситоръ, атторней по дѣламъ Шотландіи и пр.) получаютъ уже жалованье отъ 1000 до 5000 ф. ст. въ годъ. По всей вѣроятности, охотниковъ получать 50 тысячъ руб. въ годъ не мало, но одного желанія еще мало. Надо, чтобы страна признала заслуги человѣка. Артуръ Ли представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто Палата общинъ вербуется такъ же, какъ штатъ конторщиковъ въ какомъ-нибудь банкѣ или приказчиковъ — въ новомъ магазинѣ. Въ такихъ случаяхъ по объявленію вызываютъ кандидатовъ, которые въ извѣстный часъ толпятся на улицѣ у дверей конторы. Швейцаръ впускаетъ поочередно аспирантовъ, а хозяинъ, соображаясь съ наружностью кандидата и съ аттестатами, принесенными имъ, вербуетъ или отказываетъ. Артуръ Ли забываетъ, что членовъ парламента надо выбрать сперва.

«Не трудно понять, что у дѣйствительнаго рабочаго будетъ очень мало шансовъ на успѣхъ въ этой отчаянной свалкѣ между кандидатами изъ-за мѣста»,—говоритъ Артуръ Ли. Авторъ указываетъ юніонистамъ, что напрасно они желаютъ жалованьемъ коммонерамъ «заткнуть ротъ» рабочимъ, добивающимся отмѣны рѣшенія по дѣлу Осборна. Трэдъ-юніонисты примутъ реформу и все-таки будутъ вести всюду агитацію въ пользу отмѣны рѣшенія. «Воробья, которому имя соціализмъ, нельзя поймать, насыпавъ ему соли (жалованье коммонерамъ) на хвостъ. Если бы даже это было возможно, то и тогда такая нота совершенно не подобаетъ консервативной партіи,—продолжаетъ Артуръ Ли.—Правительство, состоящее изъ радикаловъ и соціалистовъ, можетъ насильно навязать намъ такую реформу, какъ жалованье коммонерамъ, но юніонистамъ отнюдь не приличествуетъ участвовать въ похоронахъ одной изъ величайшихъ и наиболѣе благодѣтельныхъ традицій британскаго парламента» (т. е. безплатной службы коммонеровъ). Консерваторы, принимающіе участіе въ проведеніи такой реформы, какъ жалованье коммонерамъ, отказываются отъ того, что они утверждали все время. Подобное циническое проявленіе оппортунизма нисколько не поможетъ консерваторамъ залучить на свою сторону на выборахъ рабочую партію. Консерваторы ни въ коемъ случаѣ «не должны подносить населенію подогрѣтое политическое блюдо, взятое изъ Ньюкестльской программы радикаловъ».

Я постарался возможно полнѣе изложить возраженіе непримиримыхъ консерваторовъ. Аргументація ихъ нисколько не убѣдила консерваторовъ, стоящихъ за реформу. Они доказываютъ «непримиримымъ», что надо сдѣлать шагъ впередъ въ интересахъ спасенія партіи. На ближайшихъ выборахъ нѣтъ надежды увлечь массы ни протекціонизмомъ, ни обличеніями радикаловъ по поводу того, что тѣ ввели высокіе налоги на землю и на большіе капиталы. Послѣ того, какъ на континентѣ въ протекціонныхъ странахъ рабочіе высказались за свободную торговлю, вопросъ о «тарифныхъ реформахъ» не представляется теперь англійскимъ массамъ такъ же ясно и просто, какъ раньше,—говорятъ консерваторы. Что же касается высокихъ налоговъ на землю и большіе капиталы, то клэркъ и рабочій не только совершенно равнодушны къ участи лэндлорда и капиталиста, но скорѣе сочувствуютъ даже радикаламъ. Надо выставить, поэтому, дѣйствительно демократическую реформу, каковою явится жалованье коммонерамъ.

Тори, придерживающіеся этихъ взглядовъ, опубликовали теперь «манифестъ», изъ котораго сдѣлаю нѣсколько цитатъ. «Рабочая партія торжественно заявила, что рѣшеніе по дѣлу Осборна должно быть сметено. А покуда это совершится, Хэмпденамъ *) соціализма предписывается оказать пассивное сопротивленіе. Въ виду болѣе успѣшной борьбы съ постановленіемъ лордовъ-судей, рѣшено даже не требовать больше отъ членовъ Парламентской рабочей партіи прежняго обѣщанія. Во всякомъ случаѣ, это не будетъ дѣлаться открыто». Обличая Рабочую партію, «манифестъ» доказываетъ въ то же время, что дѣло Осборна закрыло двери парламента для рабочихъ. «Приговоръ по дѣлу Осборна отнимаетъ у рабочихъ всякую возможность, если не будетъ введено жалованье коммонерамъ, посылать своихъ непосредственныхъ представителей въ парламентъ. Говорятъ, что рабочіе могутъ поддерживать своихъ депутатовъ путемъ добровольной подписки. Мы же утверждаемъ, что партія, состоящая изъ бѣдныхъ людей не въ силахъ сдѣлать того же, что двѣ богатыя политическія партіи. Отнимите у либеральной и консервативной партій тѣ средства, которыми онѣ располагаютъ теперь, пусть богатые люди прекратятъ подписывать большія суммы на партійныя нужды, пусть больше не будетъ богатыхъ кандидатовъ, и тогда на ближайшихъ выборахъ двѣ большія партіи будутъ совершенно безсильны... Мы глубоко убѣждены, что въ одинаковой степени глупо и несправедливо исключать изъ состава парламента людей только потому, что они бѣдны. Если бы кто-либо и думалъ серьезно о такомъ исключеніи, то оно ни къ чему не приведетъ, такъ какъ рабочіе придумаютъ въ концѣ-концовъ какой-нибудь способъ поддерживать своихъ депутатовъ, которые явятся въ пар-

*) Джонъ Хэмпденъ—коммонеръ, отказавшійся въ 1637 г. платитъ корабельный налогъ, ship-money, незаконно введенный Карломъ I помимо воли парламента.

ламентъ, горя ненавистью противъ всѣхъ состоятельныхъ классовъ... Говорятъ, что жалованье депутатамъ не дало, однако, рабочимъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ возможности посылать своихъ непосредственныхъ представителей въ Конгрессъ. Если бы аргументы подобнаго рода имѣли какую-нибудь цѣнность, то можно было бы отвѣтить ссылкой на австралійскій парламентъ, гдѣ рабочіе теперь стоятъ у власти. Возраженіе, что отсутствіе рабочихъ въ парламентѣ находится, будто бы, въ прямой зависимости отъ жалованья коммонерамъ, не имѣетъ рѣшительно никакой цѣнности. Эксцентричности американской политики всѣмъ извѣстны. Если избиратели даннаго округа желаютъ имѣть своимъ представителемъ рабочаго, они подадутъ за него голосъ, все равно, получаютъ ли коммонеры жалованье. Если же не желаютъ, то—cadit quaestio... «Намъ говорятъ, что консерваторы не могутъ включить въ свою программу теперь жалованье коммонерамъ, потому что въ 1906 году юніонисты высказались противъ этой реформы,—читаемъ мы дальше въ «манифестѣ».—Что же? Когда-то консерваторы возставали также противъ эмансипаціи католиковъ, парламентскихъ реформъ и противъ протекціонизма. Измѣнились окружающія условія, и консерваторы измѣнили свою программу. Послѣ 1906 года все положеніе дѣлъ стало другимъ вслѣдствіе осборновскаго рѣшенія. Консерваторы, возставая въ 1906 году противъ жалованья коммонерамъ, ссылались на то, что и безъ этой реформы въ Палатѣ общинъ имѣется партія непосредственныхъ представителей рабочихъ классовъ. Теперь этотъ аргументъ потерялъ всякое значеніе». Въ «манифестѣ» дальше указывается, что жалованье коммонерамъ было впервые намѣчено торійскимъ вождемъ—лордомъ Рендольфомъ Черчелемъ. Теперь за эту реформу стоятъ консервативныя газеты: «Morning Post», «Standard», «Evening Standard», «Globe» «Daily Espress» и «Daily Mail». Это свидѣтельствуетъ, на сколько реформа популярна въ рядахъ юніонистовъ.

Съ обычной своей «дипломатичностью» вождь консервативной партіи въ своей недавней рѣчи уклонился отъ прямаго отвѣта на вопросъ, который такъ волнуетъ теперь юніонистовъ.

VI.

Мы видѣли, что сильное броженіе въ рядахъ рабочей партіи обусловливается положеніемъ, созданнымъ рѣшеніемъ по дѣлу Осборна. Броженіе усиливается рядомъ столкновеній между предпринимателями и рабочими. Трэдъ-юніонисты пришли къ заключенію, что путемъ профессіональныхъ союзовъ и стачекъ они не могутъ уже болѣе такъ успѣшно бороться съ хозяевами за улучшенія своего положенія, какъ раньше. Теперь предприниматели не только организовались, но ихъ союзы крѣпче и неизмѣримо бо-

гаче рабочихъ союзовъ. Англiйскiе рабочiе все больше и больше уясняли себѣ, что отнынѣ надо бороться только въ парламентѣ. Къ этому выводу пришли громадные и богатые трэдъ-юнiоны, которые до послѣдняго времени воздерживались совершенно отъ политической дѣятельности (углекопы, напр.). И въ рѣшительный моментъ одно постановленiе лордовъ-судей отняло у рабочихъ, повидимому, все.

Кризисъ, переживаемый теперь Рабочей партiей, обусловливается не только нападенiемъ извнѣ, но и разладомъ въ рядахъ самихъ рабочихъ. Быть можетъ, Осборнъ имѣетъ сочувствующихъ ему, хотя процентъ ихъ очень не великъ. Иными словами, есть рабочiе-консерваторы, недовольные радикализмомъ партiи. Съ другой стороны, существуетъ значительно большая группа, недовольная умѣренностью рабочей партiи и ея политикой компромисса въ парламентѣ. Вожди этихъ недовольныхъ, а именно четыре члена Нацiональнаго совѣта Независимой рабочей партiи, издали недавно брошюру, которая произвела сильное впечатлѣнiе и вызвала ожесточенную борьбу. Любопытно, что значительная часть этой брошюры, имѣющей характеръ манифеста, появилась сперва въ консервативномъ, «еретическомъ» «Daily Express». Брошюра называется «Перереформируемъ рабочую партiю» *).

«Послѣ двухъ лѣтъ серьезныхъ раздоровъ Независимая рабочая партiя достигла кризиса, грозящаго самому существованiю ея,—читаемъ мы.—Многiе отдѣлы партiи впали теперь въ оцѣпенѣнiе или же проявляютъ полный индифферентизмъ ко всему окружающему. Другiе отдѣлы молчаливо отпали отъ партiи. Большинство членовъ нетерпѣливо ждетъ только сигнала для общаго мятежа». Чѣмъ же вызвано это положенiе дѣлъ?

По мнѣнiю четырехъ авторовъ брошюры, оно создано оппортюнизмомъ парламентской рабочей партiи, или, какъ выражаются они, самоубiйственной политикой «ревизiонизма». «Ревизiонистская» тактика,—продолжаютъ авторы,—состоитъ въ томъ, что «члены парламентской партiи отдали душу великаго дѣла въ обмѣнъ за обгрызанную кость». Коммонеры-рабочiе слишкомъ дорожатъ своими мѣстами въ парламентѣ и, чтобы удержать ихъ, идутъ на компромиссы съ либеральной партiей. «И нѣкоторые изъ нашихъ вождей воображаютъ еще, что именно въ этомъ оппортюнизмѣ и проявляется политика настоящихъ государственныхъ умовъ!» «Если вы будете кричать съ крышъ домовъ, что полхлѣба лучше, чѣмъ отсутствiе хлѣба **), вы не получите даже заплѣсневѣлой корки,—увѣщеваютъ авторы коммонеровъ-рабочихъ.—Чтобы получить хоть

*) Англiйскiй современный эквивалентъ пословицы: „Лучше синица въ рукѣ, чѣмъ журавль въ небѣ“.

**) Полный титулъ брошюры «Let us reform the Labour Party. A protest and appeal by Members of the National Council of the I. L. P.» Manchester, 1910 года.

одинъ или два сытныхъ ломтя, вамъ надо всегда, кстати и не кстати, требовать *всю* булочную» *). Итакъ, грѣхъ коммонеровъ-рабочихъ, по мнѣнію авторовъ брошюры, заключается въ томъ, что они не выставляли постоянно въ парламентѣ (in season and out of season, какъ говоритъ брошюра) maximum соціалистической программы. «Вся основная теорія, изложенная въ 1906 году, теорія, въ силу которой рабочіе должны бороться во имя соціалистическихъ идеаловъ съ обѣими капиталистическими партіями, оставлена теперь; между тѣмъ только эта теорія оправдываетъ существованіе независимой рабоче-соціалистической партіи въ парламентѣ». Авторы брошюры перечисляютъ дальше грѣхи коммонеровъ-рабочихъ. Они поддержали, во-первыхъ, либеральное правительство въ его борьбѣ за билль о сокращеніи числа кабаковъ и объ обложеніи патентовъ болѣе высокимъ налогомъ (Licensing Bill 1908 года). Затѣмъ, вмѣсто того, чтобы настаивать на немедленномъ внесеніи рѣшительнаго билля о борьбѣ съ безработицей, рабочіе на столько удовлетворились палліативомъ и обѣщаніемъ, что усиленно поддерживали министерство въ его борьбѣ за бюджетъ». По странной логикѣ авторы брошюры становятся на сторону тѣхъ немногихъ тори-рабочихъ, которые были противъ бюджета и противъ закона о сокращеніи пьянства. Во время борьбы за бюджетъ,—говорятъ авторы брошюры,—коммонеры-рабочіе шли въ ногу съ либералами. Парламентская рабочая партія спасала нѣсколько разъ либеральный кабинетъ отъ паденія. Авторы цитируютъ слова Кейръ-Гарди.

«Случилось такъ, что коммонеры-рабочіе Торнъ и О'Грэйди внесли поправки къ адресу, въ которыхъ говорилось о безработицѣ. Рабочая партія рѣшила, что она не будетъ настаивать на обсужденіи этихъ поправокъ. Обусловливалось это тѣмъ, что консервативная партія, вѣроятно, голосовала бы съ рабочими и тогда либеральное министерство было разбито». Коммонеры-рабочіе не хотѣли взять на себя отвѣтственность за паденіе кабинета. И именно за это ихъ строго осуждаютъ авторы брошюры. Видный членъ парламентской рабочей партіи Рамсей Макдональдъ, сообщая на рабочемъ митингѣ о томъ случаѣ, когда она могла бы заставить министерство выйти въ отставку, такъ объясняетъ причину, почему рабочіе представители не сдѣлали этого. «Будь министерство разбито,—объяснялъ Рамсей Макдональдъ,—мы имѣли бы общіе выборы черезъ нѣсколько недѣль. Отвѣтственность за положеніе дѣлъ пала бы всецѣло на насъ. Между тѣмъ мы сознавали, что не подготовлены совершенно къ выборамъ. У насъ не было средствъ, чтобъ немедленно затратить отъ сорока до пятидесяти тысячъ ф. ст. на новые выборы». Авторы брошюры находятъ это признаніе «ужаснымъ». Коммонеры-рабочіе должны были бы идти напроломъ. Если представилась возможность опрокинуть

*) Let us reform, etc. P. 2.

кабинетъ, надо было это сдѣлать. Правда, это было бы сдѣлано при содѣйствіи консерваторовъ. Но развѣ для рабочихъ не все равно, что консерваторы и что либералы? Правда, рабочая партія не имѣла денегъ для новыхъ выборовъ; но за то какой энтузіазмъ овладѣлъ бы массами въ странѣ, когда онѣ узнали бы, что *ихъ* представители могутъ заставить кабинетъ выйти въ отставку. Деньги на новые выборы явились бы результатомъ этого взрыва энтузіазма.

Что слѣдуетъ дѣлать Рабочей партіи? По мнѣнію четырехъ авторовъ, «необходимо немедленно отказаться отъ политики «ревизіонизма». Не надо больше вступать въ переговоры и сдѣлки съ либеральной партіей». Коммонерамъ-рабочимъ нѣтъ никакого дѣла до обѣщаній либераловъ, которыя они могутъ исполнить или не исполнить *). Рабочая партія должна дѣйствовать совершенно самостоятельно еще въ силу слѣдующихъ соображеній. «Ревизіонизмъ» безусловно вреденъ для идеаловъ рабочихъ массъ. Парламентъ въ нынѣшнемъ обществѣ—учрежденіе бюрократическое,—говорятъ авторы брошюры. Бюрократическій соціализмъ такъ же не пріемлемъ для рабочихъ, какъ и бюрократическій либерализмъ. Обязанностью парламентскихъ дѣятелей,—по мнѣнію четырехъ авторовъ,—«является демократизація правительства и развитіе въ населеніи здороваго интереса ко всему тому, что происходитъ въ палатѣ общинъ» **). Другими словами, надо «заинтересовать» населеніе паденіемъ кабинета, устроеннымъ рабочими. «Политика ревизіонизма въ парламентѣ и пропаганда ревизіонизма въ рабочихъ газетахъ ослабляютъ энтузіазмъ рядовыхъ дѣятелей,—продолжаютъ четыре автора. Партія не можетъ быть независимой если она помогаетъ правительству отстаивать такіе билли, какъ борьба съ пьянствомъ, когда на очереди вопросъ о безработицѣ». Брошюра вызвала рѣшительный отвѣтъ со стороны большинства Національнаго совѣта Рабочей партіи.

«Наши товарищи не совѣтовались съ нами, прежде чѣмъ издали свой манифестъ. Несмотря на то, что они такъ горячо отстаиваютъ чистоту принциповъ, авторы брошюры никогда не поднимали въ Національномъ совѣтѣ вопроса о нарушеніи принциповъ Рабочей партіи. До появленія «манифеста» мы не имѣли представленія даже о томъ, что въ рядахъ совѣта существуютъ недовольные: **). Члены совѣта дальше говорятъ, что они не думаютъ писать защиту рабочей партіи, которая въ этомъ и не нуждается. Они хотятъ только обратить вниманіе на нѣкоторые факты. По-

*) Либеральное министерство, какъ извѣстно, обѣщало въ самомъ ближайшемъ будущемъ внести билль о государственной страховкѣ отъ безработицы. Законопроектъ, на сколько можно судить по рѣчамъ Ллойдъ-Джорджа, задуманъ широко, смѣло.

**) „Let us reform", etc. P. B.

***) Labour Leader, August 26, 1910.

чему Парламентская рабочая партія не выкидываетъ соціалистическаго флага и не идетъ на проломъ съ программой maximum, не считаясь совершенно съ окружающими условіями? По очень простой причинѣ,—отвѣчаютъ члены Національнаго совѣта.

Рабочая партія представляетъ собою «честный и почетный союзъ между трэдъ-юніонистами и соціалистами». Въ этомъ кроются какъ выгоды, такъ и невыгоды. Нѣкоторые члены партіи ушли не такъ далеко, какъ другіе. Выгоды отъ союза неисчислимы. Рабочія организаціи слились въ одинъ союзъ для того, чтобы путемъ политической борьбы добиться экономическихъ улучшеній. Члены Національнаго совѣта перечисляютъ дальше тѣ реформы, которыя явились результатомъ дѣятельности парламентской партіи. Голосованіе заодно съ либералами отнюдь не означаетъ со стороны коммонеровъ-рабочихъ отказа отъ независимости. «Глупыя обвиненія являются результатомъ непониманія слова *независимость*,—продолжаютъ члены Національнаго совѣта.—Наши представители въ парламентѣ совершенно независимы. Они поддерживаютъ каждый полезный для рабочихъ билль, кѣмъ бы онъ ни былъ внесенъ въ парламентъ. До сихъ поръ эти полезные билли вносились либералами, и рабочая партія голосовала за нихъ».

Итакъ, мы видимъ, что въ рядахъ англійскихъ рабочихъ наблюдается теперь броженіе, равнаго которому, быть можетъ, не было за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Это броженіе обусловливается какъ факторами, дѣйствующими *извнѣ*, такъ и неудовольствіемъ, наблюдаемымъ внутри партіи. Результаты дѣйствія этихъ факторовъ могутъ быть различны; но безошибочно можно сказать слѣдующее. Вслѣдствіе измѣнившихся внѣшнихъ условій, т. е. вслѣдствіе того, что политическія реформы послѣднихъ сорока лѣтъ дали возможность англійскимъ массамъ отстаивать свои права конституціонными средствами, самый сильный взрывъ неудовольствія теперь не можетъ принять такія формы, какія описывалъ Дизраэли въ своемъ романѣ *Sybil*. Дѣло Осборна породило сильное раздраженіе; но мы видѣли, что какъ либералы, такъ и консерваторы одинаково стоятъ за такія мѣры, которыя дали бы возможность рабочимъ имѣть своихъ непосредственныхъ представителей въ парламентѣ.

Діонео.

Криминалистская вакханалія на Западѣ.

(Изъ иностранной жизни и литературы).

Henri Joly, «Problèmes de science criminelle»; Парижъ, 1910.—«Für oder wider die Todesstrafe? Eine Umfrage"; Берлинъ, 1910.

I.

Присматриваясь къ современной культурной жизни, приходится сказать, что, рядомъ съ несомнѣннымъ общимъ поступательнымъ движеніемъ, здѣсь замѣчаются отступленія въ нѣкоторыхъ очень характерныхъ отношеніяхъ. Мы остановимся на одномъ изъ такихъ выраженій регресса. Отъ мало-мальски внимательнаго наблюдателя общественной жизни не можетъ, дѣйствительно, ускользнуть то ожесточеніе, съ которымъ господствующіе классы и руководящія сферы въ разныхъ государствахъ борятся теперь съ преступностью. Ниже мы попробуемъ вскрыть соціологическія причины этого явленія и показать, въ чемъ тутъ дѣло. Начнемъ пока съ фактовъ.

Нельзя отрицать, что, напр., Данія принадлежитъ къ культурной семьѣ народовъ. И, однако, въ Даніи, въ 1905 г., проходитъ «пробный» законъ, который распространяетъ тѣлесное наказаніе и на взрослыхъ рецедивистовъ- хулигановъ («преступныя» дѣти подлежали ему и раньше). Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, гдѣ демократія является основнымъ закономъ страны, для обузданія мужей, дурно обращающихся со своими женами, въ томъ же самомъ 1905 г., назначается, въ штатѣ Орегонъ, такое странное орудіе смягченія нравовъ, какъ самая доподлинная палка. Два года спустя, въ 1907 г., въ штатѣ Индіана, подъ вліяніемъ пресловутыхъ истинъ антропологической школы, установившей якобы несомнѣнно типъ прирожденнаго преступника, законъ вводитъ кастрацію, *)— для того, видите ли, чтобы порочные индивидуумы не могли передавать по наслѣдству своихъ кровожадныхъ инстинктовъ.

Во Франціи, подъ вліяніемъ бульварной прессы и буржуазнаго общественнаго мнѣнія, раздувающаго размѣры соціальной опасности отъ «апашей», обрывается задуманная была реформа, клонившаяся къ совершенной отмѣнѣ смертной казни. А въ самое послѣднее время представители буржуазной интеллигенціи начинаютъ уже настойчиво

---

*) См. объ этомъ чудовищномъ фактѣ въ статьѣ проф. А. Жижиленка „Мѣры соціальной защиты въ отношеніи опасныхъ преступниковъ»; «Право», 1910, № 37, стр. 2172.

говорить о необходимости обуздывать преступность при помощи тѣлеснаго наказанія. Республиканскій депутатъ отъ департамента Шаранты, Рено, обѣщается внести въ палату предложеніе (proposition de loi), имѣющее въ виду ввести тѣлесное наказаніе хулиганства.*) Мужъ науки, мосье Дебьерръ, профессоръ анатоміи Лилльскаго университета, подкрѣпляетъ въ свою очередь тяжеловѣсной аргументаціей эти проекты. Само правительство, въ которомъ насчитывается цѣлыхъ три «соціалиста», изъ нихъ премьеръ Бріанъ, если не рѣшается присоединиться къ такому проекту наказанія, отбрасывающему насъ на столѣтіе назадъ, или же ведущаго въ некультурныя страны, возвѣщаетъ, однако, что оно намѣрено прибѣгнуть къ самому крайнему усиленію репрессивнаго законодательства въ видахъ болѣе раціональной борьбы съ преступностью. Повсюду, въ большой прессѣ и между юристами, обсуждается вопросъ, какъ сдѣлать одиночное заключеніе возможно болѣе жестокимъ. Въ Германіи, совсѣмъ недавно, 30-ый съѣздъ юристовъ, состоявшійся въ Данцигѣ, ознаменовалъ 50-ти лѣтній юбилей существованія этихъ періодическихъ съѣздовъ тѣмъ, что значительнымъ большинствомъ отвергъ предложеніе прогрессивнаго меньшинства высказаться за отмѣну смертной казни**). А Кенигсбергскій съѣздъ врачей, съ безпристрастіемъ лѣтописца, свелъ вопросъ о смертной казни къ обсужденію «эвтанасіи» осужденнаго, т. е. пріятности перехода на тотъ свѣтъ: оказалось, что веревка можетъ считаться очень цѣлесообразнымъ инструментомъ для доставленія паціенту этого блаженнаго состоянія...

И во всемъ цивилизованномъ мірѣ среди извѣстныхъ сферъ идетъ эта своеобразная переоцѣнка цѣнностей, возвращающая насъ къ временамъ до Беккаріа. Не говорятъ ли сторонники позитивной антропологической школы, что основательное погруженіе преступника въ холодную воду и причиненіе ему боли пропусканіемъ электрическихъ токовъ являются вполнѣ раціональными средствами борьбы съ человѣкомъ-звѣремъ? Такъ ужъ не вернуться ли намъ откровенно къ блаженнымъ временамъ древнихъ, средневѣковыхъ и болѣе новѣйшихъ, доходящихъ до вѣка просвѣщеннаго абсолютизма включительно, пытокъ, которыя законодателями и политиками признавались очень раціональными средствами къ подавленію преступности?

Что «антропологическіе» проекты не относятся цѣликомъ къ области фантазіи, можно заключать изъ оживленнаго интереса, съ какимъ въ послѣднее время обсуждаются въ литературѣ вопросы отягощенія наказаній. Передо мною лежатъ двѣ книги. Одна фран-

---

*) Jean Varenne, „Retour à l'ancien régime"; въ „L'Humanite", № 2336 (отъ 9 сентября 1910).

**) Г. Штильманъ, «Берлинскія письма»; «Право», 1910, № 37, стр. 2189—2193; и «Съѣздъ германскихъ юристовъ», тамъ же 1910, № 39, стр. 2300—2304, и № 40, стр. 2362—2366.

цузская: это — «Задачи криминальной науки» члена Института, Анри Жоли, извѣстнаго писателя по юридическимъ вопросамъ и «филантропа»-борца съ преступностью. Другая—нѣмецкая: это — «За или противъ смертной казни. Анкета у руководящихъ умовъ нашего времени». И та, и другая книга представляютъ собою знаменія времени.

Это желаніе обрушиваться мѣрами пресѣченія и жестокаго наказанія на преступниковъ подсказываетъ, напр., французскому автору своеобразное обращеніе съ фактами и вывертываніе статистики наизнанку для возбужденія большаго страха среди имущихъ и правящихъ. Такъ, послѣдніе годы, по увѣренію Жоли, свидѣтельствуютъ объ «увеличеніи убійствъ, учиняемыхъ апашами, т. е. индивидуумами, которые издавна пріучились къ презрѣнію закона, презрѣнію общества, презрѣнію жизни другихъ» *). Это вытекаетъ будто бы съ неотразимой силой изъ отдѣльныхъ цифръ, взятыхъ авторомъ за періодъ 1902—1907 гг. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ намъ Жоли, если въ первомъ году періода преступленій противъ личности было 1037 во Франціи, а въ послѣднемъ—1395, то правильный прогрессъ преступности уже несомнѣненъ. Да будетъ же намъ позволено привести въ свою очередь читателямъ въ pendant къ этому нѣсколько цифръ, почерпнутыхъ нами изъ послѣдней оффиціальной статистики, имѣющейся у насъ подъ руками.

Хотите знать, какъ быстро и рѣзко развивается преступность? Обратите же вниманіе на слѣдующія цифры. Въ 1900 г., передъ ассизными судами прошло во Франціи обвиненныхъ въ преступленіяхъ противъ личности 1412 чел., въ 1901—1247 чел., въ 1902—1176 чел., въ 1903—1280 чел., въ 1904—1249 чел., въ 1905—1450 чел. Хотите теперь знать, съ другой стороны, сколько было обвиненныхъ этой категоріи раньше? Вотъ вамъ цифры: въ 1893 г. ихъ было 1838 чел., въ 1882 г.—1903 чел., въ пятилѣтній періодъ отъ 1861—1865 г.—1951 чел., въ періодъ отъ 1831 г. до 1835 г.—2371 чел. среднимъ числомъ въ годъ **). Что же говорятъ эти цифры? Если вы непредубѣжденный человѣкъ, то скажете, что за долгій промежутокъ времени число преступленій противъ личности значительно уменьшилось, а за болѣе короткіе періоды колеблется въ ту и въ другую сторону, не обнаруживая замѣтнаго увеличенія. То же самое можно было бы установить и относительно преступленій противъ собственности, разсмотрѣнныхъ ассизными судами.

Цифры, приведенныя нами, бьютъ, что называется, прямо въ лицо авторамъ въ родѣ Жоли. Изъ нихъ трудно выжать указаніе на успѣхи «преступной арміи». Но вотъ въ странѣ, заключающей десятки милліоновъ жителей, происходитъ въ теченіе года два-три,

---

*) „Problèmes“ etc., стр. 25.

**) Annuaire statistique“ (1907); Парижъ, 1908, часть вторая („Résumé rétrospectif“), стр. 36.

скажемъ, наконецъ, полдюжины преступленій, сопровождающихся особымъ звѣрствомъ или особой извращенностью преступника. Нѣтъ ничего легче для бульварной и буржуазной прессы вообще, стремящейся во что бы то ни стало къ громадному тиражу, сдѣлать изъ этихъ отдѣльныхъ случаевъ картину всеобщаго распаденія основъ, страшной борьбы адскихъ силъ съ устоями современнаго общества.

Есть газеты, спеціальность которыхъ заключается въ томъ чтобы сухой перечень ежедневныхъ городскихъ происшествій превращать въ пикантный, кроваво-грязный романъ даже не во вкусѣ Габоріо, а маркиза де-Монтепэна. Нѣкоторые изъ этихъ органовъ печати прославились тѣмъ, что принимаютъ сами дѣятельное участіе въ приданіи лишняго драматизма самому обыкновенному приключенію. У всѣхъ еще на памяти тѣ глубоко возмутительные и вмѣстѣ невыразимо комическіе пріемы сыска, къ какимъ прибѣгло пресловутое «Le Matin», когда пропалъ одинъ священникъ, и былъ найденъ лишь его велосипедъ. Газета на свой счетъ—иной читатель подумаетъ, что мы разсказываемъ сонъ—пустила въ ходъ, для отыскиванія предполагавшагося убитымъ патера, съ одной стороны, гіену изъ звѣринца, а съ другой—прорицателя-факира. И десять дней столбцы жадно читавшейся газеты наполнялись повѣствованіями о томъ, какъ въ окрестностяхъ Парижа гіена, съ цѣпью на шеѣ, бѣгала по лѣсамъ, а за нею носились взапуски шустрые репортеры уличнаго органа, между тѣмъ какъ факиръ важно опредѣлялъ по звѣздамъ положеніе трупа въ данный моментъ... пока не оказалось, что священникъ просто сбѣжалъ для самой вульгарной амурной интриги, а свою рясу вмѣстѣ съ велосипедомъ бросилъ для большаго удобства въ кусты.

Мы упомянули о комическомъ происшествіи. Но на совѣсти бульварной печати и якобы серьезныхъ руководителей общественнаго мнѣнія лежатъ и трагическіе факты. Такъ, въ дѣлѣ мадамъ Стенэль репортеры, съ восторгомъ взявшіе на себя роль добровольныхъ сыщиковъ, въ теченіе предварительнаго слѣдствія приводили къ тюрьмѣ и чуть-чуть не ставили у подножія гильотины не одного невиннаго человѣка. Наконецъ, когда совершались дѣйствительно выходящія изъ ряду злодѣйства, въ родѣ преступленія Солейльяна *) и другихъ насилователей-убійцъ маленькихъ дѣтей, то бульварная пресса раздувала ужасъ публики до такихъ размѣровъ, что мирному буржуа, любящему читать свою газету за утреннимъ кофе, начинало казаться, что вся Франція и его соб-

*) Солейльянъ, 31 января 1907 г., изнасиловалъ и убилъ 12-лѣтнюю дѣвочку. Кстати, убійца не былъ собственно садистомъ, но половой инстинктъ проявлялся у него всегда съ такою напряженностью, что малѣйшее препятствіе дѣлало его бѣшеннымъ звѣремъ. Теперь въ психіатріи введена особая категорія убійцъ этого рода, «типъ Солейльяна», даже, по мнѣнію рутинныхъ медиковъ, представляющій значительныя откло-

ственныя чада отданы во власть дикихъ звѣрей во образѣ человѣческомъ, отмѣчающихъ свой путь убійствами и истязаніями. И люди еще удивляются, что французскія жюри въ послѣдніе годы неоднократно обращались съ жалобами на якобы систематическое смягченіе наказаній, идущее сверху!.. Подъ давленіемъ такого похода и тѣ, кто стоитъ на почвѣ болѣе гуманныхъ воззрѣній, начинаютъ уступать этому развитію ожесточенія и свирѣпости среди привилегированныхъ слоевъ общества, а затѣмъ и среди «улицы».

Эта тактика подавленія преступленій, совершенно забывающая соціальную почву и общія причины преступности, а полагающая, что репрессіями можно справиться съ какой угодно уголовщиной, является лишь одною изъ сторонъ той общей реакціонной политики, которая охватываетъ правящіе и имущіе классы современнаго общества. Напр., мы видѣли раньше, что цифры преступности, отнюдь не обнаруживая опредѣленной тенденціи къ увеличенію, зачастую колеблются въ ту и другую сторону. Чѣмъ же объясняетъ эти колебанія уже знакомый читателю Анри Жоли? А тѣмъ, что въ періоды сравнительнаго уменьшенія преступности господствовала политика примиренія съ благословеннымъ клерикализмомъ, и вѣялъ, молъ, кроткій «новый духъ» Спюллера. Наоборотъ, если преступленія усиливались, то это происходило, дескать, тогда, когда загоралась борьба съ клерикалами, и католическая «филантропія» орденовъ стѣснялась нападеніями злочестивыхъ радикаловъ. Эти замѣчательныя разсужденія вы можете видѣть изложенными на страницахъ 30-й и слѣд. книги Жоли. Съ ними, правда, не согласится типичный французскій радикалъ, который полагаетъ, что борьба съ католицизмомъ представляетъ собою и наилучшее разрѣшеніе соціальнаго вопроса. Но у Жоли есть другія разсужденія, которыя уже болѣе придутся по сердцу любому радикалу, да и, дѣйствительно, пускаются въ ходъ радикальной печатью. По мнѣнію нашего члена Института, въ преступленіяхъ противъ личности и собственности нужно видѣть отнюдь не результатъ тяжелаго матеріальнаго и моральнаго положенія массъ, какъ говоритъ о томъ «старое соціалистическое объясненіе» (стр. 60). Совсѣмъ напротивъ: все дѣло въ злой волѣ наиболѣе непокорныхъ личностей среди трудящихся. А соціалистическая пропаганда подливаетъ, молъ, еще масла въ огонь: «Въ этомъ презрѣніи капитала и обширныхъ промышленныхъ организацій, созданныхъ имъ при помощи умственнаго труда, въ этомъ упорномъ игнорированіи благодѣяній, оказываемыхъ все болѣе и болѣе и тѣмъ, и другимъ собственно такъ называемому рабочему, въ нетерпѣливыхъ вожделѣніяхъ, въ зависти, въ злобѣ, порождаемой

ненія отъ нормальнаго человѣка. См. D-r E. Dupré, «L'affaire Soleilland et les crimes similaires, viol et meurtre d'enfants» въ юбилейномъ номерѣ «Archives d'anthropologie criminelle» etc.; Парижъ-Ліонъ, 1910, № 193—194, январь-февраль, стр. 53—75.

ими, во всемъ этомъ есть, несомнѣнно, сѣмена преступленія» (стр. 68).

Вообще, книжка Жоли, это—настоящее сборное мѣсто всѣхъ софизмовъ и всѣхъ реакціонныхъ разсужденій, которыми въ настоящее время имущіе и правящіе классы Европы думаютъ отгородить себя отъ все поднимающейся волны требованій рабочаго класса. Нѣтъ, кажется, ни одного фальшиваго силлогизма, пущеннаго въ ходъ людьми буржуазіи, который бы не находилъ мѣста на страницахъ «Задачъ». Такъ, нѣкоторое время тому назадъ, среди юристовъ прогрессивнаго направленія, устанавливался все прочнѣе взглядъ на необходимость смягченія наказанія. Напр., среди передовыхъ законовѣдовъ считалось почти общепринятой истиной положеніе, что французскій уголовный кодексъ 1810 г. заключаетъ въ себѣ рядъ ненужныхъ жестокостей, которыя должны уступить мѣсто болѣе раціональнымъ юридическимъ формуламъ. Это относилось хотя бы къ тѣмъ статьямъ кодекса, которыя стираютъ всякое различіе между оконченнымъ преступленіемъ и покушеніемъ на него, равно какъ между главнымъ виновникомъ и соучастникомъ преступленія. И что же? Надо видѣть, съ какимъ восторгомъ Жоли отмѣчаетъ реакцію, которая обнаруживается теперь именно въ этой области среди выдающихся юристовъ Бельгіи, Голландіи и Германіи. На засѣданіяхъ Общаго Тюремнаго Общества, въ 1901 г., мосье Жоли испытывалъ крайнее удовольствіе, слыша изъ устъ заграничныхъ спеціалистовъ, стекшихся въ Парижъ, афоризмы, представлявшіе варіацію на тему: «Въ тотъ моментъ, когда вы, французы, собираетесь отказаться отъ этой справедливой строгости вашего кодекса, мы, наоборотъ, отойдя въ прежнее время отъ нея, собираемся возвратиться къ ней» (стр. 115).

Такъ, извѣстный криминалистъ Германіи, Листъ, заявлялъ: «Мы находимся въ нѣсколько странномъ, нѣсколько затруднительномъ положеніи, такъ какъ, будучи иностранцами, являемся предъ вами для того, чтобы защищать именно французское начало: всякое покушеніе должно быть наказано, какъ само преступленіе. Въ вашемъ новомъ проектѣ уголовнаго кодекса вы покинули, право, не знаю, почему, этотъ принципъ. Тогда какъ всѣ мы за границей говоримъ: надо принять французское начало». Голландецъ ванъ-Гамель еще болѣе настаивалъ на этомъ рѣшеніи вопроса и патетически восклицалъ: «То, что мы въ данный моментъ проповѣдуемъ у себя, — есть у васъ съ 1810 г.» И, наконецъ, выдающійся профессоръ уголовнаго права въ Копенгагенѣ (и Мюнхенѣ?), Майръ, такъ резюмировалъ общее мнѣніе своихъ коллегъ: «Въ нашихъ кодексахъ мы провели различіе между покушеніемъ на преступленіе и законченнымъ преступленіемъ, между соучастникомъ и главнымъ виновникомъ. Устранить всѣ эти различія будетъ значить для насъ—обновить все

наше уголовное право. Я думаю, мы всѣ согласны видѣть въ этой мѣрѣ дѣйствительный прогрессъ; это будетъ имѣть еще другія послѣдствія, а именно: мысль, что должно наказывать обдуманное дѣйствіе, а не матеріальный результатъ, приведетъ во многихъ случаяхъ къ новому опредѣленію того, что считать совершеннымъ преступленіемъ» (стр. 119).

Точно также, у Жоли, какъ у типичнаго буржуа, ярко прорывается желаніе радикально предохранить имущіе классы отъ враговъ современнаго общества, поставивъ между ними стѣну тюрьмы и запирая за преступниками дверь ея на возможно продолжительное время. Для него короткое тюремное заключеніе—вверхъ нелѣпости и нецѣлесообразности: сажайте человѣка такъ, чтобы онъ уже оттуда не выскочилъ! А то кратковременное заключеніе «даетъ ему лишь пагубную привычку къ тюрьмѣ, и тѣ, которые ее такимъ образомъ проходятъ, имѣютъ время ожесточиться тамъ и испортиться, но не имѣютъ времени образумиться или, если хотите, смириться» (стр. 130). И онъ съ видимымъ наслажденіемъ рисуетъ идиллическую картину знаменитой бельгійской одиночной тюрьмы въ Лувэнѣ, гдѣ на 557 человѣкъ считается 161 преступникъ, приговоренный къ вѣчному заключенію, и гдѣ сплошь и рядомъ встрѣчаютъ людей, осужденныхъ на 15, 20 и болѣе лѣтъ тюрьмы. При этомъ Жоли произноситъ, не особенно взвѣшивая, ужасныя слова, характеризующія адъ образцовой тюрьмы. (Тѣмъ убѣдительнѣе это невольное признаніе авторомъ истины.) Во время своего посѣщенія Жоли могъ наблюдать у людей, долго остававшихся въ Лувэнѣ, своеобразное «дѣтское успокоеніе». Но не безпокойтесь, читатель: это все таки еще не «идіотизмъ или сумасшествіе» (стр. 193). О, нѣтъ, продолжаетъ свою идиллію авторъ: это лишь «размягченіе характера» и «ломка воли» преступника: «такимъ образомъ я отнюдь не испытываю негодованія, когда вижу здѣсь лица, носящія на себѣ отпечатокъ старческой веселости»—читай: начало идіотизма. И, дѣйствительно, надо читать восторженное повѣствованіе Жоли о подвигахъ тюремныхъ педагоговъ, чтобы понять, какого рода новыя утонченныя пытки готовятъ современному преступнику филантропическіе защитники безконечнаго одиночнаго заключенія.

Въ своей аргументаціи Жоли вообще не стѣсняется противорѣчіями, и когда это ему нужно, говоритъ на одной страницѣ то, что имъ же самимъ опровергается нѣсколькими страницами выше или ниже. Напр., нашъ авторъ—сторонникъ смертной казни. Доказывая необходимость этого наказанія, онъ хочетъ играть роль великаго либерала и позолотить пилюлю ужасной и окончательной кары, аргументируя о необходимости оставленія ея лишь для нѣкоторыхъ, къ вящшей пользѣ большинства преступниковъ, которымъ можно замѣнить казнь тюрьмой: «Сохранимъ смертную казнь для нѣсколькихъ, чтобы оставить для тѣхъ, кого можно будетъ поми-

ловать, надежду на освобожденіе, безъ котораго одиночная келья становится невыносимой и деморализующей» (стр. 138). Замѣтьте это: «невыносимой и деморализующей»! А теперь переверните полсотни страницъ—и вы найдете слѣдующія восхваленія Лувэнской тюрьмы, изъ которой людей почти не освобождаютъ: «Надежда добиться освобожденія не можетъ черезчуръ близкими перспективами свободы мѣшать необходимому, а, скоро, и неизбѣжному подчиненію заключеннаго» (стр. 191). Спрашивается, наконецъ, каково же дѣйствіе долгой «одиночной кельи»? Есть ли это «невыносимое и деморализующее» наказаніе, или же благодѣтельная кара, превращающая тюрьму въ пенитенціарный эдемъ?

II.

Мы заговорили о смертной казни. Это—конекъ представителей современной буржуазіи, которыхъ обуяла идейная реакція, забывающая давнюю истину «не убій», защищавшуюся предками третьяго сословія, когда оно еще играло громадную культурную роль на аренѣ исторіи. Нѣтъ, дѣйствительно, ничего любопытнѣе, какъ вдумываться въ ту аргументацію, которую пускаютъ въ ходъ люди, полагающіе, что верхъ премудрости въ дѣлѣ соціальной защиты заключается въ томъ, если человѣка, какъ выражаются французы, разрубаютъ на двѣ болѣе или менѣе неравныя части. Нѣмецкая анкета, о которой мы сказали нѣсколько словъ раньше, даетъ въ этомъ отношеніи довольно любопытный матеріалъ. Она предпринята анонимнымъ издательствомъ и украшена виньеткой, изображающей сцену германской смертной казни. Плаха, — типичная нѣмецкая плаха въ видѣ громаднаго, цилиндрическаго пня. Уткнувшись на плаху и еще не успѣвъ отвалиться отъ нея, корчится одѣтый въ смертный халатъ трупъ преступника съ завязанными за спиной руками и сведенными послѣдней судорогой босыми ногами. Головы нѣтъ: вмѣсто нея зіяющій обрубокъ шеи, изъ котораго хлещетъ потокъ крови. Голова внизу. Она свалилась на бокъ. Глаза скошены. Ротъ искривленъ въ ужасную гримасу. Для вящщаго реализма эта сѣрая виньетка украшена энергичнымъ краснымъ мазкомъ, изображающимъ море крови, льющейся изъ минуту еще передъ тѣмъ мыслившаго, и страдавшаго, и трепетавшаго существа. Подпись: Ловисъ Коринтъ,—имя одного небезызвѣстныхъ нѣмецкихъ художниковъ, стоящаго, кстати сказать, за смертную казнь и вписавшаго это мнѣніе въ анкету.

Анкета, въ сущности, очень неполна. Въ ней приведены взгляды 35 защитниковъ смертной казни, 20 противниковъ ея и 9 такихъ лицъ, которыя въ принципѣ ни за, ни противъ, а считаютъ нужнымъ отвѣчать на этотъ вопросъ «отъ случая къ случаю». Несмотря на то, что, во мнѣніи ея составителей, она должна

была заключать взгляды «руководящихъ умовъ нашего времени», такихъ знаменитыхъ представителей мыслящаго человѣчества въ ней мало. Да и значительная часть между ними ограничилась лишь нѣсколькими фразами, очевидно, чтобы только отдѣлаться отъ докучной обязанности отвѣчать на вопросъ, по отношенію къ которому у каждаго изъ вопрошаемыхъ, вѣроятно, составилось уже опредѣленное мнѣніе. Но все-таки кое-что есть. Есть нѣсколько первостепенныхъ ученыхъ (Лёббокъ, Геккель), философовъ-позитивистовъ (Гаррисонъ), знаменитыхъ естественниковъ въ родѣ Лэнкестера, Релэ, ученыхъ юристовъ и законниковъ-практиковъ (бар. Карлъ фонъ Бюловъ, Колеръ), военныхъ администраторовъ вродѣ генерала Либерта. Моралисты, практическіе политики и партійные дѣятели представлены именами Посадовскаго, Бебеля, Эстурнель де-Констана, Берты Сутнеръ, Фредерика Пасси, Макса Нордау, нашего Толстого и т. п. Изъ романистовъ останавливаютъ на себѣ вниманіе Ведекиндъ, Альтепбергъ, Жоржъ Онэ, Ренэ Базенъ, Эрнестъ Додэ. Есть, наконецъ, нѣсколько артистовъ-драматурговъ, живописцевъ, вродѣ уже упомянутаго Ловиса Коринта, Штука, Вернера, Фосса. Внесла свое мнѣніе (противъ смертной казни) въ анкету и поэтесса Карменъ Сильва, подъ маской которой скрывается, какъ всѣмъ извѣстно, румынская королева.

При разсмотрѣніи различныхъ взглядовъ за и противъ смертной казни, въ этой статьѣ для нашей цѣли почти незачѣмъ останавливаться на чисто юридическихъ или чисто моральныхъ мнѣніяхъ, напр., о томъ, имѣетъ ли право общество казнить или нѣтъ преступника, и въ какой степени это нравственно или безнравственно. Посмотримъ, какъ представляется дѣло съ широко-утилитарной точки зрѣнія, т. е. въ интересахъ всего общежитія. Любопытно, въ чемъ громадное большинство ярыхъ защитниковъ смертной казни въ наше время видитъ цѣлесообразность этого рода кары. Ниже мы перейдемъ къ подробностямъ этихъ мнѣній. А пока мы можемъ резюмировать ихъ общій смыслъ двумя словами: борьба съ «анархіей»; дѣйственная соціальная ненависть привилегированныхъ противъ непривелигированныхъ. Въ этомъ сейчасъ убѣдится читатель.

Вотъ вамъ мнѣніе извѣстнаго французскаго романиста Ренэ Базэна, произведенія котораго пользуются широкой популярностью среди просвѣщенной консервативной буржуазіи: «Смертная казнь столь же справедлива, какъ тюремное заключеніе и денежный штрафъ, а именно, разъ она служитъ сохраненію существующаго общественнаго строя... Я не думаю, чтобы наши современныя соціальныя отношенія были таковы, чтобы мы считали нужнымъ отказаться отъ столь дѣйствительнаго оружія... Всякій разъ, когда предлагается отмѣна смертной казни, мнѣ приходитъ въ голову, что при этомъ исходятъ изъ чувствъ, которыя имѣютъ очень мало

общаго съ дѣйствительнымъ состраданіемъ. Эти проекты представляютъ собою лишь часть стремленій ослабить подавленіе преступленій. Идя такимъ путемъ, фатально должно дойти до стиранія въ народномъ сознаніи границы добра и зла... Никакой прогрессъ невозможенъ, если человѣчество отвращается отъ честныхъ людей и обращается къ подлецамъ. Приводите сколько угодно основаній противъ смертной казни,—они не будутъ состоять ни изъ чего, кромѣ сентиментальныхъ фразъ» *).

Еще ярче эта свирѣпая точка зрѣнія выражается во мнѣніи историка и романиста Эрнеста Додэ, брата знаменитаго Альфонса Додэ: «Я считаю смертную казнь оружіемъ, отъ котораго человѣческое общество не можетъ отказаться. Было бы въ высшей степени нелѣпо отвергнуть его въ тотъ самый моментъ, когда анархія пускаетъ въ ходъ всѣ средства насилія, чтобы разрушить самыя основанія общества, возвѣщаетъ возмутительнѣйшія ученія и непрестанно угрожаетъ своимъ врагамъ. Поэтому я самый рѣшительный сторонникъ удержанія смертной казни въ нашемъ законодательствѣ, и не только для такъ называемыхъ преступленій общеуголовнаго права, но и для тѣхъ преступленій, виновники которыхъ, прикрываясь политическими предлогами, не отступаютъ передъ грабежемъ и убійствомъ» (Ibid., стр. 16).

Вотъ вамъ мнѣніе тайнаго медицинскаго совѣтника, берлинскаго профессора и очень извѣстнаго врача по нервнымъ болѣзнямъ, Альберта Эйленбурга: «Въ наше время, когда все болѣе и болѣе исчезаютъ всѣ чувства піэтета и преклоненія передъ авторитетами въ семьѣ, обществѣ, государствѣ, церкви, когда звѣриные инстинкты человѣческой натуры выступаютъ безъ всякаго стѣсненія въ ежедневныхъ насильственныхъ дѣяніяхъ, когда предъ нами безумныя шайки анархистовъ повсюду работаютъ надъ тѣмъ, чтобы наполнить міръ кровью и ужасами, въ такое время я, по крайней мѣрѣ, и какъ отвѣтственный политикъ, и какъ чиновникъ, и какъ народный представитель, ни въ одномъ изъ современныхъ культурныхъ государствъ не нашелъ бы въ себѣ злополучнаго мужества вотировать отмѣну смертной казни во имя однихъ лишь доктринерныхъ и сентиментальныхъ вожделѣній» (стр. 21).

Взгляды генералъ-лейтенанта Эдуарда фонъ-Либерта, бывшаго губернатора нѣмецкой колоніи Восточной Африки, любопытны тѣмъ, что въ нихъ отмѣчается уже указанный нами поворотъ руководящихъ слоевъ въ сторону смертной казни: «Я изумленъ вашимъ вопросомъ. Несмотря на то, что я стою въ центрѣ политической жизни, я вотъ уже долгіе годы не слышу больше преній о смертной казни. Въ возрастѣ 19 лѣтъ, соблазненный краснорѣчіемъ Ласкера, мечталъ и я объ отмѣнѣ смертной казни, но съ тѣхъ поръ жизнь и болѣе

*) „Für oder wider die Todesstrafe?“ стр. 8—9.

зрѣлый опытъ научили меня иному. Я не знаю, какъ при постоянно возрастающемъ скопленіи людей на узкомъ пространствѣ и при равнодушіи столь многихъ къ жизни другихъ людей, звѣрь въ человѣкѣ могъ бы быть укрощенъ иначе, какъ самыми рѣшительными мѣрами» (стр. 35).

А вотъ эффектное мнѣніе Жоржа Онэ, романы и драмы котораго находятъ столь многочисленныхъ почитателей въ рядахъ вульгарныхъ буржуа и чувствительныхъ консьержекъ: «Для охраны всякаго человѣческаго общества удержаніе смертной казни необходимо. Тѣ мнимые борцы за человѣчество, которые требуютъ ея отмѣны во имя гуманности, являются, по большей части, демагогами, которые въ случаѣ революціи, не колеблясь, пролили бы рѣки крови, а теперь трогаются до слезъ казнью какого-нибудь разбойника, который убилъ старую рантьершу или изнасиловалъ и умертвилъ маленькую дѣвочку. Вѣсы и мечъ—аттрибуты юстиціи. Вѣсы уже порядкомъ попорчены. Должно, по крайней мѣрѣ, оставить неприкосновеннымъ мечъ» (стр. 43).

Нѣкоторые изъ апостоловъ рѣшительной борьбы съ преступностью становятся на точку зрѣнія послѣдовательнаго соціальнаго дарвинизма. Вотъ вамъ знаменитый англійскій физіологъ, профессоръ зоологіи и сравнительной анатоміи, ех-директоръ богатѣйшихъ естественно-историческихъ коллекцій Британскаго музея, Эдвинъ Рей Лэнкестеръ: «Я не стою за отмѣну смертной казни. Я желалъ бы скорѣе, чтобы расширили еще болѣе ея примѣненіе съ цѣлью отнять у привычныхъ преступниковъ силу пропаганды, размноженіемъ-ли или дурнымъ примѣромъ. Я рекомендую исполненіе смертной казни въ особыхъ потайныхъ смертныхъ камерахъ. По моему мнѣнію, наши заботы о слабоумныхъ и вообще негодныхъ людяхъ въ теченіе ихъ естественной жизни составляютъ уже столь тяжелое бремя для культурныхъ обществъ, что не надо еще на нихъ возлагать попеченія о преступникахъ. Точно также я убѣжденъ, что въ высшей степени нецѣлесообразно какимъ бы то ни было образомъ еще усиливать сентиментальную вѣру въ безусловную святость человѣческой жизни. Наоборотъ, было бы желательно,—и во всякомъ случаѣ станетъ необходимымъ,—чтобы человѣческое общежитіе, подъ условіемъ добросовѣстнаго государственнаго контроля, освобождалось бы прямымъ уничтоженіемъ отъ такихъ членовъ, которые уже при самомъ ихъ рожденіи (sic! Н. Р.) или въ позднѣйшемъ періодѣ жизни будутъ признаны вредными» (стр. 34). Ну, не либерально ли и не строго ли научно это мнѣніе свободомыслящаго и ученаго буржуа, который столь авторитетно рекомендуетъ человѣчеству возвратиться вспять къ тѣмъ временамъ, когда слабыхъ членовъ общежитія душили тутъ же при ихъ рожденіи?

А вотъ вамъ взглядъ еще одной современной знаменитости, Франка Ведекинда, въ которомъ не мало снобовъ видятъ нивѣсть

какого новатора. Этотъ оригинальничающій авторъ успѣлъ, кстати сказать, такъ защитить смертную казнь, что его аргументы можно повернуть остріемъ къ нему же: «О скорой отмѣнѣ смертной казни въ какой нибудь культурной странѣ врядъ ли я могу и думать... Приверженцемъ смертной казни является, естественно, тотъ, кто больше всего боится убійцы. А именно мелкій буржуа, который трясется надъ своими сбереженіями, политически же почти повсюду задаетъ тонъ, т. е. человѣкъ, который располагаетъ всѣми сокровищами современной культуры, а самъ не можетъ продумать ни одной единственной мысли до конца. Для меня вопросъ о смертной казни представляетъ собой исключительно вопросъ для судящаго, а не для судимаго, ибо умереть мы должны въ концѣ концовъ всѣ... Напередъ судомъ предусмотрѣнная и спеціалистами выполненная казнь, представляющаяся какому-нибудь безпомощному бродягѣ ужасомъ изъ ужасовъ, для высоко-стоящаго въ умственномъ отношеніи обладателя духовныхъ сокровищъ можетъ быть едва ли болѣе страшной, чѣмъ смерть при желѣзнодорожномъ несчастіи. По моему убѣжденію, всякое долголѣтнее лишеніе свободы въ нашихъ современныхъ тюрьмахъ свирѣпѣе, чѣмъ смертная казнь... Очеловѣченіе нашихъ тюремъ, какъ оно идетъ полнымъ ходомъ въ Америкѣ и ихъ все болѣе тѣсное приближеніе къ дому умалишенныхъ, кажется мнѣ гораздо болѣе важною, благодарною и легче достижимою цѣлью чѣмъ устраненіе того наказанія, въ которомъ двѣ трети цивилизованнаго міра боятся еще на безконечныя времена впередъ потерять одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ и сильнѣйшихъ своихъ палладіумовъ» (стр. 52).

Мы можемъ оставить въ сторонѣ «блягированіе» моднаго драматурга, который на словахъ съ удовольствіемъ готовъ положить свою драгоцѣнную голову на плаху, чтобы доказать свой героизмъ по сравненію съ «безпомощными бродягами». Для насъ любопытно признаніе, или, лучше сказать, рядъ признаній автора, напр., относительно того, что наши теперешнія тюрьмы хуже ада, или что опорой всего этого похода въ защиту смертной казни являются тѣ самые мелко-бюргерскіе слои, которые, по выраженію Ведекинда, являются господами современной культуры, а въ сущности, не умѣютъ извлекать изъ ея великихъ сокровищъ ничего, кромѣ возможности скаредничать надъ грошами. Съ другой стороны, можно поставить вопросъ: въ какой степени мы имѣемъ право видѣть въ предразсудкахъ и страхахъ этой мелко-буржуазной улицы, умѣло муссируемой пропагандой крупныхъ буржуа и руководящихъ сферъ,—въ какой степени, спрашиваемъ мы, можно видѣть въ этомъ мнѣніе якобы цѣлыхъ двухъ третей всего культурнаго человѣчества?..

Но пора уже обратить вниманіе читателей на слѣдующее внутреннее противорѣчіе во взглядахъ сторонниковъ смертной казни. Всѣ эти господа необыкновенно чувствительно бичуютъ одичаніе

между широкими слоями, чрезвычайно энергично предлагаютъ намъ бороться съ этимъ ростомъ преступности. И, между тѣмъ, не замѣчаютъ того, что сами же они во всѣхъ своихъ взглядахъ и мѣрахъ являются самыми ревностными пропагандистами этого одичанія и подготовителями этой преступности. Вспомните только ихъ насмѣшки надъ гуманностью, ихъ издѣвательства надъ сентиментальностью, ихъ вызовы, бросаемые въ лицо человѣчности, ихъ призывъ къ насилію, къ надругаиію надъ человѣческимъ достоинствомъ, къ палкѣ, къ тюрьмѣ, къ смерти. Они до такой степени не могутъ еще путемъ собрать въ одно свои и искренно, и лицемѣрно проявляющіяся чувства негодованія, что то констатируютъ усиленное раздраженіе общественнаго мнѣнія противъ проявленій преступности, то, наоборотъ, обвиняютъ его въ излишней потачливости и снисхожденіи.

Прислушайтесь, напримѣръ, къ сентенціи современнаго англійскаго придворнаго стихотворца, поэта-лавреата, Альфреда Остина, который смѣнилъ, но не замѣнилъ Теннисона: «Я высказываюсь за сохраненіе смертной казни и смотрю съ недовѣріемъ на господствующую, по крайней мѣрѣ, въ Англіи современную тенденцію выражать по отношенію къ преступникамъ извѣстнаго рода жалкое, лишенное мужества, сострадание». Лордъ Релэ, одинъ изъ крупнѣйшихъ физиковъ Англіи, открывшій вмѣстѣ съ Рамсеемъ аргонъ, превращается, какъ только сходитъ съ почвы своихъ спеціальныхъ знаній, въ самаго вульгарнаго буржуа, и даритъ насъ слѣдующей короткой, но примѣчательной въ самой короткости ея фразой: «Я думаю, что сумасшествіе и духовное помраченіе черезчуръ легко считаются у насъ смягчающими вину обстоятельствами» (стр. 45). Значитъ, какой же выводъ? Рубить голову сумасшедшимъ?

А съ другого берега Атлантическаго океана до насъ доносится голосъ американскаго ученаго и спеціалиста по политическимъ, соціальнымъ и финансовымъ вопросамъ, Вилліама Сэмнера: онъ, видите ли, до сихъ поръ еще никогда не думалъ объ отмѣнѣ или удержаніи смертной казни. Но вообще рѣшительно склоняется въ сторону ея и сѣтуетъ на то, что «въ Америкѣ мы черезчуръ далеко пошли въ нашей предупредительности къ преступникамъ и ихъ правамъ, такъ что честные люди теряютъ теперь и жизнь, и собственность и не могутъ получить удовлетвореніе» (стр. 47).

Съ другой стороны тѣ же самые апостолы плахи и веревки увѣряютъ насъ, что современное человѣчество, то человѣчество, которое только что, по ихъ мнѣнію, страдало все растущимъ снисхожденіемъ къ злодѣямъ, очень строго относится къ преступленію и ни за что не желало бы выпустить изъ своихъ рукъ оружіе смертной казни. Такъ, напр., почему дѣйствительный тайный совѣтникъ и президентъ сената (отдѣленія) Имперскаго германскаго суда, Карлъ фонъ Бюловъ, стоитъ за смертную казнь? Не только

потому, что въ его глазахъ это варварское наказаніе является «совершенно справедливой карой, необходимой для защиты мирныхъ гражданъ противъ убійцъ», но и потому, что «народное сознаніе вообще въ настоящее время еще менѣе, чѣмъ прежде, склонно къ отмѣнѣ смертной казни» (стр. 13). Знаменитый Геккель, повторяя въ соціальной области заѣзженныя фразы юристовъ о необходимости защиты и радикальнаго обезвреженія неисправимыхъ преступниковъ путемъ истребленія полагаетъ, между прочимъ, что «общественное мнѣніе, по большей части, единогласно требуетъ теперь смертной казни». И въ сущности къ этому будто бы единодушному настроенію общественнаго мнѣнія апеллируетъ и не безызвѣстный въ политическомъ мірѣ графъ Посадовскій, отвѣчая на вопросъ анкеты слѣдующими короткими строками: «Если бы у насъ и пришли къ отмѣнѣ смертной казни, то ее скоро ввели бы снова. Сравните явленія народной психологіи, которыя произошли во Франціи послѣ убійства, совершеннаго Солейльяномъ» (стр. 44).

Но довольно сводить на очную ставку не спѣвшихся между собой апологетовъ смертной казни: ихъ внутреннее противорѣчіе бросается въ глаза. То у нихъ выходитъ, что современное общество распадается потому, что въ него проникло черезчуръ много тлетворныхъ идей, излишней гуманности, неразумной сентиментальности, мѣшающей надлежащей расправѣ съ преступленіемъ. А то оказывается, что народное сознаніе и спитъ и видитъ, какъ бы сокрушить ребра преступнымъ элементамъ, и давно отказалось отъ ложнаго гуманничанья прежней эпохи...

Дѣло ясно. Буржуазные руководители общественнаго мнѣнія хватаются за первый попавшійся имъ подъ руку аргументъ, чтобы выдвинуть цѣлесообразность смертной казни и прочихъ страшныхъ каръ, которыя необходимы, по ихъ мнѣнію, для охраненія верховъ общества. А вѣдь въ возможности для привилегированнаго меньшинства жить роскошно и безпечально и заключается, съ ихъ точки зрѣнія, смыслъ основъ «цивилизаціи», предохранить каковую отъ нападенія и напора недовольныхъ они и ставятъ своею задачей. Но если бы даже и допустить, что въ томъ, что они называютъ народнымъ сознаніемъ и общественнымъ мнѣніемъ, произошла реакція въ сторону ожесточенія и заостренія карательныхъ мѣръ, то, поистинѣ, этому нельзя было бы удивляться. Пользуясь своимъ соціальнымъ положеніемъ, своимъ вліяніемъ, держа въ рукахъ печать, располагая важными органами выраженія мнѣній, эти руководящіе слои, дѣйствительно, могутъ всколыхнуть улицу и, дѣйствительно, могутъ развить чувства человѣконенавистничества въ широкихъ массахъ. Могутъ, по крайней мѣрѣ, временно...

III.

Враги смертной казни, во всякомъ случаѣ, показываютъ намъ, что въ современномъ человѣчествѣ все же поддерживается священный огонь гуманныхъ чувствъ, несмотря на обостреніе соціальной вражды имущихъ и неимущихъ и выростающей отсюда репрессивной политики господствующихъ классовъ. Но мы и здѣсь коснемся лишь вскользь тѣхъ мнѣній аболюціонистовъ, которые, требуя уничтоженія смертной казни, становятся на точку зрѣнія чистаго права и абстрактной нравственности. Насъ по прежнему будутъ главнымъ образомъ останавливать на себѣ тѣ взгляды, въ которыхъ выясняется цѣлесообразность или нецѣлесообразность борьбы съ преступленіемъ. Это, конечно, не помѣшаетъ намъ познакомить читателя съ отзывами и тѣхъ противникомъ смертной казни, которые апеллируютъ исключительно къ благороднымъ чувствамъ.

Баронъ д'Эстурнель де-Констанъ, который и въ отношеніяхъ между людьми пропагандируетъ миръ и согласіе, какъ это онъ дѣлаетъ въ области международныхъ отношеній, страстно защищаетъ необходимость изгнать смерть изъ уголовнаго кодекса: «Я сторонникъ отмѣны смертной казни. Нельзя погашать преступленія преступленіемъ же. Казнь не есть предостерегающій примѣръ; она лишь устарѣлая форма мщенія и возмездія. Она прославляетъ грубую силу вмѣсто того, чтобы служить ея истребленію. Выгоды отъ нея никому нѣтъ. Или вы думаете, что испанское правительство поздравляетъ себя съ разстрѣломъ Феррера?» (стр. 71).

Извѣстный берлинскій адвокатъ, Давидъ Хальпертъ, въ своемъ отвѣтѣ вскрываетъ именно безнравственность оффиціальной казни: «Смертная казнь окончательно исчезнетъ изъ нашихъ законовъ тогда, когда общество, слагающееся въ государство, пойметъ, что оно не можетъ брать на себя ни одного поступка, который оно само осуждаетъ. Разъ сознательное и умышленное умерщвленіе человѣка является между всѣми противообщественными поступками наиболѣе заслуживающимъ осужденія, то такимъ же оно остается, если его санкціонируетъ государство. Не выводомъ изъ справедливости, а гораздо болѣе профанаціей ея является актъ государства, которое совершаетъ убійство, облекая его законными формами... Кто освободится изъ-подъ гнета обычныхъ воззрѣній, тотъ съ изумленіемъ увидитъ, что государство идетъ по тому же пути, какъ и убійца, правда, руководясь совершенно различными мотивами, но стремясь къ одной и той же цѣли: оба покушаются на жизнь другого» (стр. 77).

Романистъ Рода-Рода, бывшій артиллерійскій офицеръ, нынѣ сотрудникъ «Simplizissimus'a», становится на точку зрѣнія гуманнаго негодованія и удачно аргументируетъ ad hominem: «Кто защи-

щаетъ, присуждаетъ или конфирмуетъ смертную казнь, того должно было бы вынудить присутствовать при исполненіи. Я видѣлъ четыре казни въ Кроаціи и Босніи. Онѣ были совершены надъ людьми безпомощными, надъ людьми, которые обезумѣли отъ страха. Ни одинъ убійца не возвѣщаетъ своей жертвѣ заранѣе въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ: «ты во власти неизбѣжной смерти». Ни одинъ убійца не отнимаетъ у своей жертвы за 24 часа впередъ послѣдній слѣдъ надежды. А государство дѣлаетъ это. Будущія поколѣнія не поймутъ, какъ нашъ вѣкъ могъ называть себя гуманнымъ и христіанскимъ и, однако, ежегодно вести сотни людей на заранѣе возвѣщенную смерть. Во имя мученій послѣдняго дня жизни должно отмѣнить смертную казнь» (стр. 86).

Двумя строками отвѣчаетъ Левъ Толстой: «Меня очень удивляетъ, что вы обращаетесь ко мнѣ съ вопросомъ, который уже давно не можетъ быть вопросомъ не только для христіанина, но и для каждаго дѣйствительно просвѣщеннаго человѣка» (стр. 95).

Но больше бьютъ въ точку тѣ доводы, которые противники смертной казни выдвигаютъ для того, чтобы показать всю соціальную нелѣпость и нецѣлесообразность страшнаго наказанія.

Старый и славный геттингенскій юристъ, Карлъ Людвигъ фонъ-Баръ (Bahr), ярко подчеркиваетъ эту сторону: «Я не вѣрю въ общее устрашающее дѣйствіе смертной казни. Наоборотъ, частое совершеніе ея, какъ мнѣ кажется, пагубнымъ образомъ дѣйствуетъ на воображеніе многихъ индивидуумовъ, склонныхъ къ жестокости и тяжелымъ преступленіямъ. Развѣ въ настоящее время у насъ не совершаются чрезвычайно многочисленные случаи убійствъ... несмотря на то, что у насъ именно теперь такъ часто занятъ своей работой палачъ?» (стр. 61). И старый пацифистъ, Фредерикъ Пасси, не боится бить въ забрало предразсудкамъ и ожесточенію, которые обнаруживаются въ тенденціяхъ современныхъ криминалистовъ и руководящихъ сферъ, равно какъ возбуждаемой пропагандою реакціонеровъ мелкобуржуазной «улицы»: «Мое мнѣніе о смертной казни давнее и все болѣе и болѣе укрѣпляется путемъ опыта и обдумыванія... Смертная казнь не оказываетъ ни воспитательнаго, ни устрашающаго дѣйствія... Неотразимо доказано, что мысль о потерѣ жизни не останавливаетъ преступника,— тотъ фактъ, что число ужаснѣйшихъ преступленій постоянно у насъ увеличивается съ тѣхъ поръ, какъ необдуманный порывъ общественнаго мнѣнія снова заставилъ работать гильотину, подтверждаетъ это въ настоящее время. Вѣроятность говоритъ скорѣе за то, что зрѣлище убійства, даваемое государствомъ, вызываетъ у большой необразованной толпы и у преступниковъ съ одной стороны кровожадность, съ другой—равнодушіе или хвастовство предъ лицомъ смерти. Если государство хочетъ, чтобы въ немъ цѣнилась человѣческая жизнь, то оно должно сдѣлать своимъ собственнымъ принципомъ неприкосновенность че-

ловѣческой жизни, а не подавать само примѣръ пренебреженія къ ней» (стр. 83).

Но удачнѣе всѣхъ противниковъ смертной казни развилъ эту точку зрѣнія старый Бебель, который на одной-двухъ страничкахъ сконцентрировалъ всѣ нравственно-соціальные доводы противъ смертной казни: «Я—принципіальный противникъ смертной казни, какъ я уже выразилъ это своимъ вотумомъ въ Сѣверо-германскомъ рейхстагѣ, въ 1870 г., когда обсуждалось дѣйствующее еще до сихъ поръ у насъ уголовное законодательство. Само собою разумѣется, что общество имѣетъ право предохранять себя отъ преступниковъ, но я оспариваю у него право... отнимать у преступника жизнь, которой оно ему не дало. Вѣдь это—фактъ, признанный въ настоящее время всѣми психологами и психіатрами, что значительная часть преступниковъ вообще, а не только убійцъ, умственно ненормальна. Дальше, такимъ же общеизвѣстнымъ фактомъ является, что большинство преступленій и проступковъ представляетъ слѣдствіе печальнаго общественнаго состоянія, въ которомъ они возникаютъ, которое преступники не создали, но въ которомъ повинно общество... Кетле, знаменитый бельгійскій естествоиспытатель и статистикъ, говоритъ: «Общество носитъ въ себѣ зародыши всѣхъ совершающихся преступленій. Оно подготовляетъ ихъ тѣмъ или инымъ способомъ, а преступникъ является лишь органомъ ихъ выполненія». Мнѣніе, будто отмѣна смертной казни увеличиваетъ число убійствъ, опровергается опытомъ. До 1870 г. смертная казнь была отмѣнена въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ, между прочимъ, въ Саксоніи, и при этомъ не оказалось никакихъ дурныхъ результатовъ... Смертная казнь уже въ теченіе долгаго ряда лѣтъ отмѣнена въ большомъ числѣ швейцарскихъ кантоновъ, въ Италіи, Голландіи и другихъ странахъ и при этомъ не обнаружилось того увеличенія убійствъ, котораго такъ боялись. А развѣ исключены случаи легальнаго убійства? Нисколько, какъ это уже указываетъ самое названіе. Одинъ невинный, котораго казнили, вредитъ болѣе уваженію къ юстиціи, чѣмъ сотня преступниковъ, которые были «по закону» присуждены къ смерти. Итакъ, побольше человѣчности не только по отношенію къ убійцамъ, но вообще къ преступникамъ» (стр. 66).

IV.

Подведемъ теперь итоги и попробуемъ объяснить совершающуюся реакцію въ области уголовнаго права. Она можетъ быть понята только тогда, когда мы ее вдвинемъ, какъ одно изъ звеньевъ длиннаго историческаго процесса выработки наказанія.

Намъ нечего подробно анализировать двойную бухгалтерію

аргументовъ за и противъ казни. Съ обѣихъ сторонъ въ теченіе долгихъ вѣковъ ея существованія было высказано почти все. Можно считать несомнѣннымъ одно: мысль о пользѣ смертной казни и вообще жестокихъ мѣръ наказанія потерпѣла на практикѣ полнѣйшее банкротство. До сихъ поръ остается непреложной аксіома, вложенная великимъ Ѳукидидомъ въ уста оратора Діодота, который отговаривалъ аѳинянъ казнить митиленцевъ: «Въ государствахъ введена смертная казнь за многія преступленія, не только за равныя этому, но и за меньшія. И, однако, побуждаемые надеждой, люди идутъ на опасность. И никто еще не остановился передъ ней изъ-за мысли, что ему не удастся уйти отъ затрудненія... Всѣ по самой природѣ совершаютъ и общественныя, и частныя преступленія. И никакой законъ не можетъ воспрепятствовать этому, ибо люди уже прошли черезъ всевозможныя наказанія, все надбавляя ихъ и думая, что, можетъ быть, будутъ такимъ образомъ подвергаться меньшей обидѣ отъ злодѣевъ. Вѣроятно, въ древности они наказывали даже величайшія преступленія сравнительно мягкими карами. А такъ какъ эти законы нарушались, то съ теченіемъ времени большинство государствъ пришло къ смертной казни. Но нарушенія происходятъ и теперь, несмотря на эту кару. Значитъ, или должно изобрѣсти что-нибудь еще страшнѣе этого, или же и смерть не удерживаетъ ни отъ чего. Но, съ одной стороны, бѣдность, неизбѣжно вызывающая дерзость, съ другой, сила, влекущая путемъ надменности и гордости къ любостяжанію, наконецъ, и всѣ другія случайности, вліяющія на страсти людей, смотря по тому, когда какая дѣлается преобладающей, бросаютъ ихъ въ опасныя предпріятія... Невозможно,—и большая наивность, если кто это думаетъ,—невозможно, чтобы человѣческая природа, сильно стремящаяся (ὁρμωμένης προθύμως) къ какому-либо дѣйствію, могла быть отвращена отъ этого или силою законовъ, или какимъ-либо другимъ страхомъ» *).

Но эти совершенно вѣрныя соображенія и столь часто обнаруживавшіеся факты несомнѣннаго безсилія каръ направить человѣческія дѣйствія не по тому уклону, куда ихъ влечетъ всесильная тяга психическихъ и соціальныхъ условій,—все это, говоримъ мы, нисколько не помѣшало тому, что жестокія кары, и въ числѣ ихъ наказаніе смертью, порою осложнявшееся невѣроятными истязаніями, продолжало существовать въ человѣческомъ общежитіи. Дѣло въ томъ, что всѣ эти разсужденія о цѣлесообразности и полезности устрашенія на самомъ дѣлѣ плохо закрываютъ лежащее въ основѣ уголовнаго права чувство мести. Мы можемъ даже отмѣтить тотъ любопытный фактъ, что это примитивное чувство, этотъ инстинктъ возмездія, принимаетъ все-таки менѣе утонченно-жестокія формы тамъ, гдѣ общество, несмотря на его

*) Thucyd. de bello Peloponnesiaco, III, 45, passim.

грубость, сравнительно однородно и проникнуто началомъ демократическаго равенства.

Таково было уголовное право первобытныхъ народовъ, правовой складъ которыхъ мы можемъ вскрыть на основаніи историческихъ источниковъ и подтвердить непосредственными наблюденіями надъ низшими современными племенами *). Такъ въ древности царилъ законъ возмездія въ видѣ родовой мести. Одна группа мстила другой за смерть ея члена. Но уже рано эта кровавая месть, которая могла бы такимъ образомъ тянуться безъ конца, стала обрываться такъ называемой платой за кровь, вирой и, вообще, болѣе или менѣе тяжелымъ штрафомъ. Сначала онъ шелъ исключительно или почти цѣликомъ въ пользу семьи. Затѣмъ бо́льшая часть стала отдаваться первобытнымъ судебнымъ органамъ, для которыхъ это составляло особую форму общественнаго кормленія. Но даже когда государственная организація стала въ значительной степени выполнять функціи первобытнаго родового общества, и вождь, король, или какой-либо верховный судья присуждалъ гражданина къ смертной казни за убійство или иное преступленіе противъ другого сочлена общежитія, у преступника всегда оставалось право верховной апелляціи къ народу. Римскимъ юристамъ это учрежденіе хорошо извѣстно подъ именемъ provocatio, благодаря которой осужденный (сначала царемъ, позже консуломъ) гражданинъ могъ переносить свое дѣло въ народныя комиціи, и народъ на этихъ собраніяхъ могъ оправдать обращавшагося къ нему. Недаромъ еще Цицеронъ называлъ провокацію «покровительницей государства и защитницей свободы» **). До какой степени въ эпохи первобытной демократіи не было еще особаго качественнаго различенія преступленія по его объекту (а лишь количественное), видно изъ того, что вира у древнихъ англосаксовъ потушала уголовное наказаніе не только въ случаѣ убійства простого свободнаго человѣка, но и самого короля ***).

---

*) Краснокожіе, напр., жестоки въ столкновеніяхъ съ врагами, но внутри родного племени, какъ выражается Льюисъ Морганъ, «преступленія и проступки столь рѣдки при ихъ соціальномъ строѣ, что объ прокезахъ врядъ-ли можно сказать, что у нихъ есть уголовный кодексъ» (Lewis H. Morgan, League of the Ho-de-no-sau-nee, or Iroquois»; Рочестеръ, 1851, стр. 330. Тотъ же авторъ въ своемъ главномъ сочиненіи «Древнее общество» прямо говоритъ, что «свобода, равенство и братство, хотя никогда не формулированныя, были основными принципами ирокезскаго клана» («Ancient Society»; Лондонъ, 1877, стр. 86 и мн. др.). Ср. для нѣкоторыхъ особенностей первобытнаго строя мою статью: «Жизнь и сочиненія Бахофена» въ «Русской Мысли», 1889, № 6, стр. 194—195 (право) и 200 (общее настроеніе матріархальнаго періода).

**) De oratore, II, 48, § 199: provocationem, patronam illam civitatis ac vindicem libertatis.

***) См., напр., стр. 89 и къ ней прим. 9 въ интересной, хотя теперь уже и устарѣлой нѣсколько, книгѣ Хетцеля о «Смертной казни въ ея культурно-историческомъ развитіи» (H. Hetzel „Die Todesstrafe in ihrer Kulturgeschichtlichen Entwicklung"; Берлинъ, 1870).

Жестокости, мучительства и вообще всѣ утонченно-свирѣпыя уголовныя наказанія входятъ главнымъ образомъ въ исторію лишь съ того момента, когда на азіатскомъ востокѣ выступаютъ деспотическія монархіи съ ихъ глубокими дѣленіями на классы и центральной фигурой владыки, который выдѣляется изъ безправнаго стада рабовъ-подданныхъ, какъ земной богъ; а въ греко-римскомъ мірѣ появляются послѣ того, какъ ожесточенная соціальная борьба имущихъ и неимущихъ создаетъ условія для возникновенія популярныхъ тиранновъ въ Греціи, а въ Римѣ диктаторовъ и цезарей, доведшихъ эти наказанія до невѣроятныхъ размѣровъ. Яркая картина свирѣпой соціальной борьбы была нарисована еще Фюстель де-Куланжемъ въ IV книгѣ его знаменитаго сочиненія объ античномъ городѣ-государствѣ. Такъ, въ Милетѣ бѣдные, взявъ верхъ надъ богатыми, захватили всѣхъ дѣтей послѣднихъ и раздавили ихъ въ ригахъ ногами быковъ. Богатые, въ свою очередь ставъ господами положенія, отомстили тѣмъ, что все молодое поколѣніе бѣдняковъ залили смолой и сожгли живьемъ *). Но именно на этой почвѣ выростала демагогическая политика тиранновъ, которые пользовались гражданскими распрями для того, чтобы выдвигать себя уже изъ всего населенія, какъ особаго рода существъ, и давить, и терзать безъ различія всѣхъ подданныхъ уже не только въ пылу борьбы, а хладнокровно, методически, по строгой буквѣ закона.

При переходѣ къ Риму, это можно утверждать не только о прямыхъ тираннахъ, какъ, напр., Тиверій, который, заставляя преданный ему сенатъ произносить немедленно же смертный приговоръ надъ любымъ не понравившимся цезарю гражданиномъ, тѣмъ не менѣе предоставлялъ себѣ право нарочно держать античныхъ «смертниковъ» цѣлыми годами въ тюрьмѣ и убивать лишь тогда, когда они, какъ казалосъ ему, были достаточно измучены вѣчнымъ ожиданіемъ казни: къ этому времени относится знаменитый стихъ Овидія «смерть—болѣе легкое наказаніе, чѣмъ отсрочка смерти». Но посмотрите уже на хладнокровное, на строго законническое мучительство, введенное императорами. Посмотрите, во что постепенно превращается законъ объ оскорбленіи величества, который со временъ Августа (или еще Цезаря?) грозилъ смертью всѣмъ преступникамъ противъ государства и его главы. Сначала и въ идеѣ этотъ законъ долженъ былъ еще наказывать преступленія «противъ римскаго народа или противъ его безопасности» **) т. е. карать измѣнниковъ отечества. Но, напр., при Аркадіи и Гоноріи смертью наказывается уже не только тотъ, кто «вступаетъ въ преступное сообщество» съ цѣлью политическаго убійства, но и тотъ, кто лишь «заду-

*) Futel de Coulanges, «La Cité antique. Etude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome»; Парижъ, 5-е изд., 1874, стр. 411—412.

**) L. 1. § 1. D. ad leg. Jnl. majest. XLVIII, 4.

маетъ» (cogitarit) посягнуть на кого-нибудь изъ приспѣшниковъ императора. И въ наказаніе за это простое намѣреніе виновный не только подвергается казни, но у него конфискуется имущество, и это наказаніе простирается на его дѣтей. Дальше слѣдуетъ цитировать буквально: «А сыновья его, которымъ мы даруемъ жизнь, по особому нашему монаршему мягкосердечію (lenitate), ибо они должны были бы погибнуть отцовскою смертью»... лишаются всѣхъ правъ наслѣдованія и т. п., «да будутъ постоянно нуждающимися и бѣдными, да слѣдуетъ вѣчно за ними отцовскій позоръ, да не достигнутъ они никакихъ почестей, и да не будетъ отъ нихъ приниматься никакой клятвы (sacramenta), словомъ, да будутъ таковы чтобы имъ, пресмыкающимся и запятнаннымъ вѣчной нищетой (perpetua egestate sordentibus), смерть была утѣшеніемъ, а жизнь—казнью» *).

И то же самое явленіе обнаруживается и въ средніе вѣка. Пока царилъ великій и грубый хаосъ столкновенія первобытныхъ племенъ, ринувшихся на античный міръ изъ лѣсовъ Германіи и Галліи, пока господствовало грубое право силы, не закрѣпленное кодексами, тогда много, конечно, совершалось и злодѣяній, и жестокостей. Но не было того методичнаго истязанія, того свирѣпаго мучительства, того злобнаго отношенія къ виновнымъ (и невиннымъ!), которыя стали характеризовать средневѣковое законодательство, когда на обломкахъ двухъ столкнувшихся міровъ начали выростать двѣ правильныя централизованныя организаціи: власть церкви и власть королей.

Читатель, конечно, знаетъ подвиги Инквизаціи, которая отличалась сугубой свирѣпостью, соединяя жестокость съ лицемѣріемъ. Такъ, Инквизиція, какъ христіанское учрежденіе, не желала проливать крови еретиковъ, и поэтому—сжигала ихъ! Она никогда не хотѣла прибѣгать къ ихъ казни—и поэтому отдавала ихъ свѣтской власти для того, чтобы та обошлась съ ними «возможно кротко и по христіански». Мы знаемъ, къ чему сводилась эта кротость **). Что касается до свѣтской организаціи, то свирѣпость и безграничная, истинно дьявольская изобрѣтательность наказаній шла въ ея законодательствахъ строго параллельно съ выработкой цен-

*) L. 5. pr. § 1. C. ad leg. Jul. majest. IX, 8.

**) См., напр., ужасную для католицизма классическую работу Henry Ch. Lea, „A History of the Inquisition of the Middle Ages“; Нью-Іоркъ, 1888, 3 т. У меня подъ руками французскій переводъ Соломона Рэнака съ экземпляра, исправленнаго самимъ авторомъ: „Histoire de l'Inquisition au Moyen-Age“; Парижъ, 3 т., 1900—1902. Чего стоитъ одна глава „Костеръ“ («Le bûcher», т. I, стр. 601—631), истощающая всѣ ужасы воображенія! Впрочемъ, не менѣе хороши были и иные столпы реформаціи, начиная съ доктора Мартина Лютера, который восклицалъ: „Правительство должно гнать, бить, душить, жечь, обезглавливать и колесовать чернь,—этого господина Весь Свѣтъ (Herrn Omnes),—чтобы его боялись, и чтобы народъ сдерживался этой уздой»...

тральной деспотической власти ея легистами, ея бюрократами, ея палачами, ея защитниками и апологетами. Возьмите, напр., знаменитое криминальное законодательство Карла V (1532 г.), или такъ называемую «Каролину». Вѣдь, за тремя столь знакомыми юристу С. С. С. названія (Constitutio Criminalis Carolina) скрывается на каждомъ шагу колесованіе, четвертованіе, сжиганіе, зарываніе живьемъ въ землю, наконецъ, волоченье по землѣ преступника до мѣста казни и медленное разрываніе его раскаленными щипцами на части! Не забудьте, что милая Каролина проявляла свое благодѣтельное воздѣйствіе на подданныхъ Священной Римской Имперіи да и вообще въ нѣмецкихъ земляхъ до второй половины XVIII вѣка, вѣка «просвѣщеннаго абсолютизма», передъ величіемъ коронованныхъ представителей котораго историки приглашаютъ насъ склонять колѣна. Но и въ другихъ странахъ дѣло шло на тотъ же ладъ. Выработка сильной монархической власти въ Пруссіи, Англіи, Франціи, словомъ, повсюду, была отмѣчена тоже потоками крови и запахомъ горѣлаго человѣческаго мяса.

Въ Пруссіи эдиктъ 1739 г. приказываетъ адвоката, который надоѣдаетъ монарху просьбой о пересмотрѣ дѣла его кліента, вѣшать, а съ нимъ вѣшать рядомъ—собаку! Во Франціи, послѣ покушенія Дамьена на «возлюбленнаго» Людовика XV, преступнику наносятъ страшныя увѣчья, льютъ въ раны расплавленный свинецъ, горящую сѣру, смолу, кипящее масло и въ теченіе 8-ми часовъ разрываютъ его четверкой лошадей на части *). Еще въ 1789 г., т. е. въ годъ начала Великой французской революціи, бѣдныхъ соляныхъ контрабандистовъ четвертовали и вѣшали. Въ Англіи, въ половинѣ XVIII в., государственнымъ преступникамъ вырывались внутренности и сердце, имъ били по лицу казнимаго, приговаривая согласно строгому ритуалу закона: то—измѣнникъ! (напр., казнь сторонниковъ претендента въ Шотландіи, въ 1745 г. *).

*) Несчастный былъ несомнѣнно, ненормальный человѣкъ, который страдалъ аналгезіей въ такой степени, что, послѣ перваго ощущенія боли, «даже во время самаго четвертованія смотрѣлъ на отрываемые члены своего тѣла съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ и полнымъ спокойствіемъ»,—какъ говорятъ авторы интересной психологической работы о Дамьенѣ: M. Allain et J. Rogues de Fursac, „L'attentat de Damiens. Etude de psychologie historique"; въ „Revue Bleue", 1909, №№ отъ 21 и 28 августа и 4 сентября (цитируемое мною мѣсто находится въ № отъ 28 августа на стр. 283). Дамьенъ не былъ тѣмъ классическимъ типомъ „цареубійцы", который пытался установить еще лѣтъ двадцать тому назадъ Режисъ: «Prof. Emmanuel Régis, Les Régicides dans l'histoire et dans le présent»; Парижъ, 1890. Въ немъ, по словамъ авторовъ, не было и тѣни того политическаго фанатизма, который такъ ярко прокидывается хотя бы въ Луккени (№ отъ 4 сентября, стр. 312),—кстати только что покончившаго съ собой въ своей ужасной кельѣ.

**) Продолжатель юмовской «Исторіи Англіи» замѣчаетъ по этому поводу, что то была „старинная и варварская церемонія" (The Student's

Первое вѣское слово противъ смертной казни раздалось,—сначала анонимно,—въ 1764 г., изъ устъ знаменитаго Чесаре Бонесано де Беккаріа, сочиненіе котораго «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» (Dei delitti et delle pene) вытекло, какъ часто забываютъ, не изъ ума отдѣльнаго, хотя и геніальнаго человѣка, а изъ совѣщаній о реформахъ цѣлаго ряда французскихъ и итальянскихъ юристовъ, мнѣнія которыхъ окристаллизовались въ сочиненіи Беккаріа, ничего, кромѣ этой работы, не написавшаго замѣчательнаго. То, что послѣ этого привилось было подъ вліяніемъ этихъ гуманныхъ идей на монархической почвѣ Европы и по иниціативѣ нѣкоторыхъ коронованныхъ реформаторовъ, вскорѣ было вырвано самими же государями, испугавшимися революціоннаго движенія во Франціи. Къ этой эпохѣ относится, напримѣръ, Прусское Земское Уложеніе 1794 г., грозившее преступникамъ противъ отечества, т. е. противъ государей, страшнѣйшими тѣлесными карами и смертью. Въ Австріи, гдѣ смертная казнь была отмѣнена Іосифомъ II, это наказаніе снова было введено въ два пріема, въ 1796 и въ 1803 г, при чемъ правительство цинично заявляло, что «однако» за время отмѣны казни число преступленій не возрасло.

Наиболѣе краснорѣчивые протесты противъ смертной казни раздавались теперь, какъ это ни казалось непонятнымъ консервативнымъ историкамъ, изъ рядовъ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей Великой французской революціи, въ родѣ Робеспьера, которые были носителями высокихъ общечеловѣческихъ идеаловъ. Правда, увлеченные фанатизмомъ политической страсти и борьбой съ европейской монархической коалиціей, они вступили на путь кроваваго подавленія контръ-революціонныхъ попытокъ. Но во всякомъ случаѣ, на почвѣ, взрыхленной огненнымъ плугомъ переворота, впервые наказанія стали обнаруживать тенденцію къ смягченію. Во Франціи смертною казнью въ началѣ вѣка наказывались лишь тяжелыя квалифицированныя убійства, включая сюда и политическія. Между тѣмъ, какъ въ издавна сравнительно свободной политически, но раздираемой соціальными противорѣчіями тогдашней Англіи классовая юстиція крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ отправляла на висѣлицу людей за кражу одного шиллинга, и современный поэтъ патетически восклицалъ: «наши поля едва могутъ наготовиться пеньки для висѣлицъ и флота».

Приблизительно со второй четверти XIX вѣка снова наступаетъ героическій періодъ буржуазіи, когда, послѣ временнаго торжества реакціи, она смѣло возобновляетъ свою неумолимую войну противъ остатковъ стараго режима и болѣе или менѣе удачно во

Hume, „A History of England"; Лондонъ 1869, стр. 607). Однако, насколько наказанія были мягче въ «старинную и варварскую» эпоху, видно изъ того, что, напр., убійца короля въ Мерсіи присуждался просто-на-просто къ вирѣ, превышавшей, правда, въ 6 разъ «кровавую плату" за благороднаго и въ 36—за простого человѣка.

всѣхъ странахъ, а въ особенности во Франціи іюльской революціей, наноситъ ему тяжелые удары и становится госпожею положенія и властительницею національныхъ судебъ. Легко понять, что въ этотъ періодъ классъ, воплощавшій въ себѣ все благородство и весь реформаторскій порывъ новаго порядка вещей, широко развертывалъ знамя общечеловѣческой гуманности и боролся съ проявленіями деспотизма и гнета во всѣхъ областяхъ. Къ этому періоду 20, 30-хъ, 40-хъ годовъ относятся наиболѣе рѣзкія и страстныя заявленія представителей третьяго сословія противъ смертной казни.

Еще во время реставраціи Гизо поднимаетъ вопросъ о необходимости отмѣны смертной казни за политическія преступленія, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему, сдѣлавшись министромъ іюльской монархіи, оставаться защитникомъ дикаго наказанія подъ тѣмъ предлогомъ, что быстрая отмѣна его можетъ вызвать печальныя потрясенія въ странѣ*). Какъ бы то ни было, сѣмена протеста противъ кровавой расправы разростаются на почвѣ Франціи. И скоро изумленный и вмѣстѣ глубоко потрясенный міръ слышитъ мощные звуки негодованія, исходящіе изъ устъ Виктора Гюго. По ту сторону Ламанша, буржуазія, стремясь къ политической реформѣ, и уже чувствуя приближеніе соціальной войны, которая скоро выльется въ чартистское движеніе, принуждена дѣлать нѣкоторыя уступки стремленіямъ массъ. И въ теченіе 30-хъ годовъ здѣсь проводится рядъ криминальныхъ реформъ, смягчающихъ ужасы смертной казни за ничтожныя преступленія.

Но почва Европы уже потрясена раскатами новаго, еще сильнѣйшаго землетрясенія: наступаетъ 48-й годъ, «сумасшедшій годъ», какъ его называютъ нѣмцы, когда во Франціи впервые, хоть на мигъ, было развернуто знамя соціальной и демократической республики, знамя права на трудъ. Это движеніе глубоко затрогиваетъ всѣ страны Европы. Увлеченная великимъ переворотомъ, буржуазія не въ состояніи сопротивляться идейному толчку, данному французскимъ рабочимъ классомъ. И повсюду, по всей Европѣ, въ рядахъ передовой демократіи проходитъ трепетъ реформаціоннаго энтузіазма, цѣлью котораго является низверженіе старыхъ

---

*) Любопытно, что въ эту пору нѣкоторые крайніе демократы возставали противъ смертной казни за уголовныя преступленія еще больше, чѣмъ противъ смертной казни за преступленія политичеслія. А знаменитый въ свое время памфлетистъ де-Корменэнъ писалъ даже въ 1830 г., что если почему просвѣщенные классы такъ ратуютъ за отмѣну высшей кары по отношенію къ политическимъ преступленіямъ, такъ прежде всего потому, что сами же они въ лицѣ «предводителей арміи» или «вождей инсуррекціи» заинтересованы въ томъ, чтобы не всходить на эшафотъ при столь частныхъ революціонныхъ попыткахъ. См. мою христоматію: Н. Е. Кудринъ, «Политическіе памфлеты. Серія I. Французскіе памфлетисты XIX вѣка»; Спб., 1906, стр. 5—9 («Смертная казнь», представляющая первый надѣлавшій шуму памфлетъ Корменэна).

формъ государства во имя общечеловѣческихъ идеаловъ. Правда, скоро послѣдовавшая за тѣмъ реакція, носившая еще болѣе соціальный, чѣмъ политическій характеръ, обламываетъ острія этихъ требованій подъ вліяніемъ страха, вызваннаго пробужденіемъ четвертаго сословія. Тѣмъ не менѣе, европейская буржуазія въ теченіе 48-го года проводитъ рядъ гуманныхъ реформъ, касающихся и уголовнаго права. Во Франціи отмѣняется смертная казнь за политическія преступленія. Нѣмецкое національное собраніе во Франкфуртѣ вотируетъ отмѣну смертной казни вообще. И цѣлый рядъ государствъ, числомъ шестнадцать, вносятъ эту важную реформу въ свое законодательство, пока поднимающаяся волна реакціи снова не смываетъ ея въ большинствѣ этихъ странъ. Прусское національное собраніе уже готово было отмѣнить смертную казнь, когда этой реформѣ положило конецъ его распущеніе въ декабрѣ мѣсяцѣ 1848 г. Карикатура народнаго представительства, созданная октроированной конституціей 31 января 1850 г., вотируетъ, наоборотъ, уголовное законодательство 14 апрѣля 1851 г., которое воспроизвело, да еще съ нѣкоторыми усиленіями каръ, французскій кодексъ 1810 г.

Несмотря на эту реакцію, въ Германіи, гдѣ просвѣщенная буржуазія жадно стремилась одновременно и къ объединенію отечества, и къ выработкѣ свободныхъ конституціонныхъ учрежденій, лучшіе представители третьяго сословія въ наукѣ и литературѣ чрезвычайно энергично защищали въ теченіе 60-хъ годовъ необходимость отмѣны смертной казни. До сихъ поръ еще памятны рѣчи, хотя бы Гольцендорфа, который, не ограничиваясь проповѣдью гуманныхъ взглядовъ въ своихъ сочиненіяхъ, краснорѣчиво требовалъ этой реформы на съѣздахъ юристовъ. И лишь въ объединенной кровью Германіи буржуазія стало быстро забывать подъ эгидой Бисмарка свои вольнолюбивыя и гуманныя стремленія. Впрочемъ, еще ранѣе, а именно, въ Сѣверо-германскомъ рейхстагѣ былъ вотированъ законъ, вводившій смертную казнь съ 1 января 1871 г. на всей территоріи Союза, а годъ спустя получившій силу и во всей свѣжеиспеченной Имперіи и уничтожавшій либеральные параграфы уголовнаго законодательства отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, гдѣ, какъ напр., въ Саксоніи, смертная казнь была отмѣнена закономъ 1 октября 1868 г.

V.

А теперь взгляните на настоящее. То, что дѣлалось 12—15 сентября нов. ст. на 30-мъ съѣздѣ германскихъ юристовъ въ Данцигѣ, показываетъ, какой громадный путь въ сторону реакціи продѣлала германская буржуазная интеллигенція, которая напугана

теперь ростомъ широкихъ рабочихъ массъ и готова видѣть въ каждомъ усиленіи каръ и наказаній наилучшее средство соціальной защиты отъ «современныхъ варваровъ». Ибо, нѣтъ никакого сомнѣнія, на данцигскомъ съѣздѣ большинство, провалившее благородныя резолюціи профессора Липмана, какъ на засѣданіяхъ третьей секціи, такъ и на пленарномъ засѣданіи всего съѣзда, все время борясь якобы противъ общей уголовной преступности, на самомъ дѣлѣ направляла мысленно оружіе своихъ жестокихъ резолюцій въ грудь противо-государственныхъ элементовъ. Кёлеръ изъ Мюнхена, фонъ - Гронау изъ Берлина, впрочемъ, и совсѣмъ откровенно выразили эту точку зрѣнія, сказавъ, что въ наше революціонное время нельзя бороться съ людьми, посягающими на основы Германской имперіи и отдѣльныхъ странъ, входящихъ въ составъ ея, не прибѣгая къ смертной казни. Главы государствъ, которые, молъ, конденсируютъ въ себѣ политическіе принципы Германіи, остались бы тогда безъ защиты подъ ударами разрушительныхъ тенденцій... И даже сквозь текстъ общей апологіи смертной казни, исходящей изъ устъ проф. Каля, который исповѣдывался, что, присутствуя лично при цѣломъ рядѣ казней, онъ «постоянно испытывалъ при этомъ одно лишь чувство справедливости совершаемаго» *), даже и въ этой рѣчи можно ясно разслышать голосъ опасенія человѣка, цѣликомъ защищающаго на половину архаическія учрежденія Германіи.

Крайне ярко это реакціонное настроеніе буржуазіи сказывается во Франціи, гдѣ третьему сословію удалось стать дѣйствительно у руля правленія и гдѣ оно въ послѣднее время, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, обнаруживаетъ олигархическія, почти королевскія замашки. Тѣ, кто присматривался къ политической жизни Третьей республики за послѣдніе годы, не можетъ не видѣть, что въ основѣ всего того ожесточенія, которое замѣчается со стороны имущихъ и правящихъ классовъ по отношенію къ уголовнымъ преступникамъ, лежитъ несомнѣнный страхъ передъ соціальною опасностью, исходящею отъ роста революціоннаго настроенія въ массахъ, и страстное желаніе черезъ шею казнимыхъ спустить тяжелый ножъ гильотины на «революціонную гидру». Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ поступательное движеніе Франціи по пути прогресса, вызванное великимъ столкновеніемъ силъ реакціи и свѣтской цивилизаціи въ дѣлѣ Дрейфуса, обѣщало искреннимъ друзьямъ республики много серьезныхъ реформъ. Предполагалось, что если было бы еще преждевременнымъ надѣяться на проведеніе крупныхъ соціальныхъ преобразованій, то, по крайней мѣрѣ, французская демократія могла бы осуществить чисто политическія и идейныя реформы, которыхъ требуетъ современное гуманное міровоззрѣніе.

---

*) «Право», 1910, № 39, стр. 2303.

Въ началѣ этого вѣка, съ легкой руки депутата Брюнэ и его товарищей, французская палата депутатовъ обнаруживала нѣсколько разъ желаніе вступить на путь отмѣны смертной казни. Увы! эти желанія скоро поблекли передъ страхами, вызванными ростомъ революціоннаго,—антимилитаристскаго и синдикальнаго, —движенія въ странѣ. Этимъ страхамъ отвѣчала реакціонная политика министерствъ Клемансо и Бріана, которые чѣмъ дальше, тѣмъ больше отказывались отъ проведенія криминальныхъ реформъ черезъ французскій парламентъ. Не ошибайтесь, читатель: агитація противъ отмѣны смертной казни, которая дѣятельно велась съ 1907 г. и достигла максимума своей напряженности лѣтомъ текущаго года по дѣлу рабочаго Ліабёфа, убившаго городового,—вся эта агитація имѣетъ своею цѣлью заострить уголовный законъ и повернуть пресловутый мечъ правосудія въ грудь непокорныхъ элементовъ рабочаго класса. На верху сознательная пропаганда свирѣпой криминальной теоріи, внизу нелѣпое ожесточеніе мелкобуржуазной улицы, сливаются въ мутное реакціонное теченіе, которое направлено противъ борьбы со смертной казнью. Добившаяся политической власти въ государствѣ, могущая воистину назвать себя госпожей положенія, французская буржуазія ни за что не хочетъ выпустить изъ своихъ рукъ жезла государственнаго правленія, розогъ и сѣкиры ликтора. И пропагандѣ революціоннаго напора на государство и капиталъ со стороны организующагося и все болѣе революціонизирующагося рабочаго класса, третье сословіе противоставляетъ пропаганду твердой власти и необходимости соціальной защиты coûte que coûte, во чтобы то ни стало...

И вотъ радикальная палата депутатовъ откладываетъ въ долгій ящикъ всякіе проекты объ отмѣнѣ смертной казни. Перерабатывающійся теперь уголовный кодексъ сохраняетъ прежній пунктъ рокового наказанія. Министерство Бріана, которое уже и раньше не думало ставить вопросъ о довѣріи по этому поводу, теперь прямо становится на сторону приверженцевъ старой жестокой кары, цѣликомъ подчиняясь давленію реакціонной демагогіи, а во время только что окончившейся желѣзнодорожной стачки пригрозило, при помощи мобилизаціоннаго указа, смертью даже простымъ забастовщикамъ, нарушающимъ, молъ, военную дисциплину. Самъ президентъ Фальеръ, который одно время старался вывести своими помилованіями гильотину изъ употребленія, умываетъ руки подъ вопли реакціонеровъ и «даетъ совершиться правосудію». Человѣкъ, убившій городового, несетъ свою голову подъ ножъ гильотины. Неугомонный Эрвэ за свои статьи по этому дѣлу получаетъ отъ присяжныхъ засѣдателей четыре года тюрьмы. Все свидѣтельствуетъ о томъ, что во Франціи за періодомъ идейнаго пробужденія снова слѣдуетъ періодъ идейной реакціи, по счастью, охватывающей лишь правящіе и имущіе классы и взбудораженныхъ ихъ пропагандой лавочниковъ.

P. S. Но я считаю необходимымъ сдѣлать къ этой статьѣ своего рода постскриптумъ, предупреждая возраженія «проницательныхъ читателей», тонкости мышленія которыхъ совѣтовалъ намъ опасаться еще Чернышевскій. На сей разъ я имѣю въ виду проницательныхъ читателей изъ нашего реакціоннаго лагеря. Они скажутъ: «Вотъ, видите, что дѣлается въ прославляемой вами Европѣ! И тамъ приходится охранителямъ порядка бороться со все возрастающей арміей преступленія. Какъ же можно намъ обходиться безъ энергично-дѣйствующихъ средствъ?» О, точка зрѣнія этихъ господъ вполнѣ понятна! Они никогда не хотятъ заимствовать у Европы ничего мало-мальски хорошаго, гуманнаго и благороднаго. Но нѣтъ такой экзотической мерзости въ мірѣ, какую бы они не откопали для того, чтобы защитить мерзость отечественную. И, однако, нужно же при обсужденіи вопроса имѣть всегда въ виду извѣстную перспективу. Мы все говорили о томъ ожесточеніи, которое замѣчается въ настоящее время среди имущихъ и правящихъ классовъ Европы въ борьбѣ съ преступностью. Но вѣдь не забывайте: съ одной стороны, всѣ эти преступленія лишь раздуваются буржуазной прессой; а съ другой—и всѣ эти казни, по поводу которыхъ проливаются ведра чернилъ, на самомъ дѣлѣ сводятся въ каждой странѣ къ нѣсколькимъ случаямъ въ годъ. Тамъ онѣ отнюдь не превратились въ чудовищное «бытовое явленіе». Понятно почему до сихъ поръ лучшая часть нашей интеллигенціи отъ всей глубины возмущенной совѣсти протестуетъ противъ возвращенія къ варварству, и къ варварству законному, методическому, напоминающему самые дикіе эксцессы средневѣковыхъ королевскихъ законодательствъ. Не типично ли для насъ, что между нашими людьми науки почти нѣтъ такихъ, которые бы стояли за страшную кару? Составители недавняго аболиціонистскаго сборника имѣли право утверждать, что ихъ задача была «показать, на сколько рѣшительно и единодушно, люди науки, русскіе криминалисты, осуждаютъ смертную казнь» *).

Кровавый туманъ, который вотъ уже четыре года обволакиваетъ насъ, вызываетъ лишь большее отвращеніе къ вакханаліямъ смерти, которая носится надъ русской землей. Онъ въ состояніи былъ исказить научное мнѣніе лишь у немногихъ русскихъ ученыхъ, которые принадлежатъ къ лагерю, отстаивающему, если не старый строй цѣликомъ, то его существенные аттрибуты. Только этою принадлежностью къ сонму «господъ положенія» опредѣляются, напримѣръ, характеристичныя измѣненія, которыя недавно умершій профессоръ Сергѣевскій внесъ въ послѣднія изданія своего учебника. Сравните, что говорится о смертной казни, о ея цѣлесообразности, законности, гуманности и проч. на страницахъ хотя бы 6-го изда-

---

*) „О смертной казни“; «Мнѣнія русскихъ криминалистовъ» Москва, 1909, стр. 1 предисловія.

нія этой книги, вышедшей въ 1905 г., и изданія 8-го, помѣченнаго 1910 г. Реакція до такой степени прошлась кровавымъ самумомъ въ головѣ профессора, что заставила его выбросить прежнія строки его руководства, говорившія объ очень маломъ устрашающемъ вліяніи смертной казни, приводившія примѣры того, какъ «въ 1876 г. въ Мадридѣ, во время самаго исполненія смертной казни за убійство, совершено было другое убійство въ толпѣ, окружавшей эшафотъ. Въ Англіи карманное воровство производилось обыкновенно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ въ толпѣ вокругъ эшафота. Такихъ примѣровъ можно привести множество» *). Исчезла изъ книги и оцѣнка смертной казни, какъ наказанія «несовременнаго» и «безчеловѣчнаго», а вмѣсто этого мы находимъ слѣдующую аргументацію: «Рѣшеніе вопроса о смертной казни зависитъ отъ народной этики. Для того, чтобы признать, что пролитіе крови человѣка, совершаемое по новелѣнію закона и предписанію суда, т. е. смертная казнь, есть варварство, необходимо, чтобы люди сознали, что пролитіе крови ими самими, въ томъ числѣ и политическія убійства, есть варварство. А пока этого сознанія нѣтъ, нельзя требовать, чтобы государство безусловно отказалось отъ смертной казни. Мы можемъ произносить какія угодно красивыя рѣчи противъ смертной казни, но это будутъ однѣ ламентаціи, очень часто служащія лишь для показанія собственной добродѣтели авторовъ, а смертная казнь будетъ оставаться, и если законодатель, не справляясь съ состояніемъ народной этики, ее отмѣнитъ, то она возродится въ формѣ самосуда, суда Линча и т. п., или отмѣна ея принята будетъ за признакъ слабости государственной власти, что будетъ еще хуже» **).

И такъ вотъ: «что будетъ еще хуже». Душите, и чѣмъ больше,

---

*) Н. Д. Сергѣевскій, „Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ Часть общая“. Спб., изд. 6-е, 1905, стр. 112.

**) Изд. 8-е того же сочиненія, Спб., 1910, стр. 115—116.— Кстати сказать, проф. Сергѣевскій всегда питалъ нѣкоторую слабость къ россійскому правосудію; утверждая, напр., что «до такихъ сложныхъ приспособленій, направленныхъ къ увеличенію страданій преступника, какія мы находимъ въ западной Европѣ, наше отечество никогда не доходило» (Ibid., изд. 8-е, стр. 117). Разверните теперь «Исторію философіи права» Н. М. Коркунова, и вы,—довольно, правда, неожиданно для предмета книги,—найдете тамъ, въ біографіи законовѣда Захарія Аникѣевича Горюшкина, такія подробности о работѣ спеціалистовъ сыскного приказа, въ «гуманный» вѣкъ Екатерины Великой, задававшейся даже одно время, въ Наказѣ, ст. 209, вопросомъ, да точно ли смертная казнь «полезна и нужна» (см. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, «Обзоръ исторіи русскаго права», Спб., изд. 4-е, 1905, стр. 381),—что съ гордостью можете противоставить западнымъ мучителямъ нашихъ доморощенныхъ. Трогательны напр., детали о томъ, какъ наши палачи были искусными костоправами, которые умѣли «встряской» нѣсколько разъ вывихивать руки паціентамъ и снова вправлять ихъ, сдирая при этомъ лопавшуюся кожу «лоскутками отъ плеча до хребта», «на ободранную спину тряся зажженный сухой вѣникъ, или посыпая солью» и т. д. („Исторія“, Спб., изд. 4-е, 1908, стр. 266).

тѣмъ лучше, иначе вы покажетесь слабыми... Но исторія могла бы устроить очень любопытный экспериментъ, если бы нашей „народной этикѣ" было позволено путемъ откровеннаго плебисцита сказать свое слово какъ по поводу отношенія къ «сильной власти», такъ и по поводу отношенія къ «смертникамъ», этимъ живымъ динамометрамъ силы нашего благоустроеннаго политическаго режима...

Возвратимся, впрочемъ, à nos moutons, къ нашимъ европейскимъ баранамъ. Русская независимая мысль давно выучилась не преклонять колѣна передъ всѣмъ европейскимъ только потому, что это европейское, но и не открещиваться трусливо отъ чужого, потому только, что это чужое. Намъ нечего закрывать глаза на несомнѣнную идейную реакцію, которая обнаруживается въ настоящее время среди имущихъ и правящихъ классовъ Европы. Но точно также эта реакція не можетъ намъ служить и поводомъ къ отрицанію общаго поступательнаго движенія современнаго культурнаго міра и къ оправданію собственныхъ ужасовъ. Эти отрицательныя стороны развитія цивилизаціи показываютъ лишь, что силамъ прогресса приходится вести еще упорную борьбу съ силами мрака. Но что изъ этого? Если привилегированные классы современной Европы не въ состояніи будутъ рѣшать задачъ гуманности, ими же когда то поставленныхъ и не безъ блеска рѣшавшихся, то роль новыхъ классовъ, роль трудящихся массъ, будетъ заключаться въ томъ, чтобы, создавая новый городъ будущаго, ввести въ него и все то, что сами же мыслители и философы третьяго сословія считали когда-то неотъемлемыми культурными благами.

Н. С. Русановъ.

Хроника внутренней жизни.

1. Критика Думы справа и слѣва. Банкроты ли октябристы? — 2. Откровенное свидѣтельство министерства финансовъ о крестьянскомъ банкѣ. Къ судьбамъ хуторомании. — 3. Итоги соціальной тенденціи въ законодательствѣ. Соціальная тенденція въ системѣ управленія. Въ екатеринославской вотчинѣ. Путешествіе министровъ. Смерть С. А. Муромцева.

«Берегите Думу»... Еще въ прошломъ году печать отмѣтила, что этотъ лозунгъ

стала достояніемъ и „Новаго Времени", и не только той его части, которая является послушнымъ отголоскомъ думскаго большинства, но и самого лидера и основателя національнаго союза г. Меньшикова *).

*) „Кіевская Мысль", 17 сентября, 1909 г.

Сначала Меньшиковъ, за нимъ Пуришкевичъ... Теперь ту же по существу мысль развиваетъ и графъ А. А. Бобринскій:

„неоднократно обнаружившееся патріотическое настроеніе думскаго большинства и такія голосованія, какъ по вопросу объ осужденіи террора, по законопроектамъ о Финляндіи, о введеніи земства въ западной Руси и т. д.,—все это доказываетъ, что Дума—положительный факторъ русской жизни *).

И не только гр. Бобринскій,—самъ г. Марковъ на недавнемъ собраніи курскаго отдѣла союза русскаго народа призналъ дѣятельность Думы въ общемъ полезной и заслуживающей благодарности **)... Словомъ, противъ такого «парламента», какъ третья Дума, и г. Марковъ ничего не имѣетъ. И если нынѣшняя вывѣска на фасадѣ Таврическаго дворца гарантируетъ насъ отъ «освободительныхъ безобразій», вошла въ систему мѣръ предупрежденія и пресѣченія, то почему бы ее и не сохранить? Отсюда не слѣдуетъ, разумѣется, что Дума не нуждается въ дальнѣйшихъ усовершенствованіяхъ. Нѣтъ, усовершенствованія нужны, они уже намѣчены, и за ними дѣло не станетъ. Охранители не очень спорили противъ лозунга: «берегите Думу», даже тогда, когда самое учрежденіе Думы было шагомъ въ неизвѣстность, навстрѣчу гадательному будущему. Теперь мы на опытѣ убѣдились, что она дѣйствительно таки помогаетъ выдавать обязательства—напр., долговыя—отъ имени всей страны, всего народа, помогаетъ предпринимать и проводитъ самыя рискованныя мѣры — напр., относительно Финляндіи,—прикрываясь опять таки авторитетомъ страны, народа. Опытъ доказалъ также, что Дума помогаетъ охранительнымъ группамъ страны находиться въ организованномъ и дѣятельномъ состояніи. Большой вопросъ, чтó находилось бы—не будь таврической вывѣски—на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь октябристы и націоналисты. Вѣроятно вѣдь это было бы просто пустопорожнее мѣсто. А теперь на немъ какія ни на есть, но величины, съ которыми «освободителямъ» приходится считаться, благодаря которымъ общая организація охраны все таки улучшена, усовершенствована. Наконецъ, въ такія тревожныя времена, какъ наше, очень важно и даже необходимо, чтобы государственная власть и единомысленныя съ нею охранительныя группы населенія находились въ постоянномъ дѣловомъ общеніи. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, — если бы третьей Думы не было, ее пришлось бы выдумать. Помимо всего этого, Дума и пріятна, какъ источникъ діэтъ, какъ арена, безъ которой иному г. Маркову негдѣ было бы развернуть таланты, стать замѣтной величиной... Что двери Таврическаго дворца требуется возможно плотнѣе закрыть для кадетовъ, соціалъ-демократовъ и прочихъ освободителей—понятно само собою. Но это, повторяю, вопросъ дальнѣйшаго

*) „Смоленскій Вѣстникъ, 24 августа 1910 г.
**) Саратовскій Вѣстникъ“, 28 августа 1910 г.

усовершенствованія охранной организаціи. Благодаря живому и постоянному общенію, какое установилось между государственной властью и охранительными группами, конечно, будетъ найдено наиболѣе цѣлесообразное рѣшеніе этого вопроса, уже поставленнаго на очередь.

Плотникъ строитъ жилище, онъ же ставитъ и висѣлицу. Представительное учрежденіе можетъ быть опорой правового строя, важнѣйшей гарантіей конституціонныхъ свободъ. Оно же можетъ стать и цитаделью охранной политики, опорой реакціи. Таковъ общій удѣлъ почти всѣхъ изобрѣтеній человѣческаго ума. Топоръ—незамѣнимый другъ культурнаго быта, онъ также и орудіе убійцы. Всё дѣло въ томъ, въ чьихъ рукахъ топоръ находится и для какой цѣли употребляется. Кто полагалъ до сихъ поръ, что представительныя учрежденія этому общему закону не подлежатъ, что они во всякомъ случаѣ, въ чьихъ бы рукахъ ни находились, и съ какими бы цѣлями ни примѣнялись, могутъ служить только интересамъ конституціоннаго, правового, строя,—тому приходится нынѣ оцѣнить ошибку въ своихъ разсчетахъ и взвѣсить, почему она произошла.

«До сихъ поръ Думу упрекали въ безплодіи—говорилъ г. Маклаковъ на недавнемъ докладѣ въ Москвѣ.—Дѣйствительно, Дума мало дѣлала, за то она и не приносила вреда, не ухудшала положенія». Но въ послѣднюю сессію Дума проявила дѣятельность, которая «временами прямо вредна, только ухудшаетъ существующее положеніе, оставляетъ чувство глубокаго и горькаго разочарованія».

Отвѣтственность за это В. А. Маклаковъ всецѣло возлагаетъ на центральную партію—октябристовъ, которая рѣшительно отвернулась отъ когда-то выставленной программы. Октябристы такъ основательно забыли ее, что напоминанія о ней вызываютъ теперь даже у лучшихъ ея представителей,—только ироническое отношеніе *).

«Опускаются руки»,—говорилъ тотъ же г. Маклаковъ нѣсколькими мѣсяцами раньше сотруднику «Русскаго Слова». Въ прошломъ году надежда была»,—

„постепенно, можетъ быть, очень медленно, но упорно идти по пути обновленія страны... толкать впередъ на этомъ длинномъ пути октябристовъ... Третья сессія похоронила всякія надежды **).

Этому заявленію г. Маклакова хронологически предшествовала «всероссійская конференція партіи к.—д.» (въ маѣ н. г.). Конфенціи тоже приходилось считаться съ результатами партійной тактики, выяснившимися во время «третьей сессіи». Докладъ П. Н. Милюкова, между прочимъ, констатировалъ «усиленіе всѣхъ дореволюціонныхъ тенденцій во внутренней политикѣ», а

вслѣдъ за П. Н. Милюковымъ выступилъ одинъ изъ провинціальныхъ делегатовъ, настаивавшій на томъ, что въ настоящее время фракціи народной свободы нечего дѣлать въ Таврическомъ дворцѣ.

*) „Русскія Вѣдомости", 22 сентября.
**) „Оренбургскій Край", 2 іюня.

Разумѣется, большинствомъ конференціи предложеніе уйти изъ Думы было отвергнуто. Но мы теперь въ эти внутрипартійныя тактическія разногласія входить не будемъ. Главное,—Дума разочаровала, надежды на нее исчезли. По свойственной большинству людей слабости, хочется найти виноватаго. Оказывается, виноваты октябристы. Они отказались отъ конституціи, отъ земства, они измѣнили своей программѣ. И такъ говорятъ не одни кадеты. Обвиненіями октябристовъ въ измѣнѣ буквально полно большинство органовъ прогрессивной печати. Обвиненія эти составляютъ своего рода злобу дня вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Встрѣчаются отзывы, чрезвычайно рѣшительные:

Всѣ съѣхавшіеся въ Петербургъ депутаты,—высказывается, напр., харьковское „Утро",—констатируютъ упадокъ интереса и пессимизмъ населенія по отношенію къ дѣятельности Думы. Лейтъ-мотивъ пессимизма: „отъ такой Думы ждать нечего". Случилось то, что мы предсказывали неоднократно... *Октябристы погубили авторитетъ третьей Государственной Думы* *).

«Съѣхавшіеся депутаты констатируютъ упадокъ интереса и пессимизмъ»... Нѣсколько опоздали эти депутаты открыть Америку: сообщенную ими новость они могли бы узнать и изъ газетъ 1908 года. Но это между прочимъ. Суть опять таки въ томъ, что «октябристы погубили авторитетъ Думы», и погубили потому, что отказались отъ конституціи, измѣнили программѣ. Я совершенно не считаю себя призваннымъ защищать октябристовъ. Но обвиненія противъ нихъ—фактъ общественной жизни, голосъ общественнаго мнѣнія. И разобраться, на сколько въ данномъ случаѣ это мнѣніе можетъ быть признано основательнымъ, мнѣ кажется, не лишне, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ увидимъ ниже, и поучительно.

Программа политической партіи есть ея обязательство передъ страной. Отказъ отъ программы равносиленъ отказу отъ платежей по обязательствамъ; это—политическое банкротство. Программа, въ отказѣ отъ которой обвиняютъ октябристовъ, появилась въ ноябрѣ 1905 г. Однимъ изъ первыхъ ее подписалъ покойный гр. П. А. Гейденъ. Въ числѣ подписавшихъ были, между прочимъ, Д. Н. Шиповъ, М. А. Стаховичъ. Не такъ давно, въ одномъ изъ послѣднихъ №№ «Московскаго Еженедѣльника», кн. Е. Н. Трубецкой высказалъ, что программа октябристовъ чисто политическая, безъ соціальной примѣси. Этотъ отзывъ безусловно основанъ на недоразумѣніи. Программа союза 17 октября строго проникнута соціально-охранительными тенденціями. И такъ какъ по обстоятельствамъ времени—въ 1905 г.—подъ особенной опасностью находилось помѣщичье землевладѣніе, то въ эту сторону соціально-охранительная тенденція октябризма и наиболѣе заострена.

Въ моментъ возникновенія союза 17 октября одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ занималъ аграрный вопросъ; можно сказать, онъ былъ

*) „Утро", 17 сентября; курсивъ мой. *А. П.*

внесенъ въ политическіе по преимуществу лозунги банкетовъ, земскихъ съѣздовъ, профессіонально политическихъ союзовъ мощнымъ крестьянскимъ движеніемъ. Съ аграрнымъ вопросомъ въ концѣ 1905 г. приходилось такъ или иначе считаться всѣмъ политическимъ организаціямъ. Считается съ нимъ и октябристская программа. Мнѣ ужъ приходилось говорить въ «Русскомъ Богатствѣ», что аграрный вопросъ, въ той постановкѣ, какую ему дало освободительное движеніе, есть вопросъ не только о крестьянскомъ малоземельѣ, но и о дворянскомъ оскудѣніи. Въ силу сложныхъ историческихъ причинъ, дворянское землевладѣніе потеряло жизнеспособность и существуетъ, лишь благодаря чрезвычайнымъ привилегіямъ сословія и чрезвычайнымъ жертвамъ государства. Вотъ этого-то дворянскаго вопроса, этой государственной необходимости прекратить жертвы всей страны въ пользу одного сословія, октябристская программа не замѣчаетъ или не признаетъ. Она видитъ только крестьянскій вопросъ; считается, правда, и съ малоземельемъ, но это послѣдняя, крестьянская нужда можетъ быть, по мнѣнію авторовъ программы, удовлетворена посредствамъ разселенія, переселенія, за счетъ государственныхъ и удѣльныхъ земель. «Частное землевладѣніе» должно остаться неприкосновеннымъ. Отчужденіе даже «части частновладѣльческихъ земель на справедливыхъ условіяхъ вознагражденія» вообще допустимо только въ случаяхъ государственной важности. Въ обычныхъ же условіяхъ лишь «при разверстаніи черезполосныхъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель обязательно отчуждаются отрѣзки, мѣшающіе хозяйственной цѣльности владѣнія,—т. е. допустимо отчужденіе двухстороннее, когда участки помѣщичьей земли, отчуждаемые въ пользу крестьянъ, компенсируются участками крестьянской земли, отчуждаемыми въ пользу помѣщика.

— Значитъ октябристская программа признаетъ, что необходимы чрезвычайныя привилегіи дворянства и чрезвычайныя жертвы государства, безъ которыхъ помѣщичье хозяйство не могло бы свести концы съ концами?

Нѣтъ, прямо этого программа не говоритъ. И думаю, что не всѣмъ ея авторамъ значеніе дворянскаго вопроса было вполнѣ ясно. Едва ли отчетливо представляли они, какія глубокія извращенія въ государственный бытъ вноситъ охрана и поддержка политическихъ привилегій сословія, утратившаго экономическую жизнеспособность и потерявшаго права на культурную гегемонію. Составители программы, повидимому, исходили изъ факта: помѣщичье землевладѣніе существуетъ и должно существовать, а въ вопросъ, при какихъ государственно-правовыхъ условіяхъ оно можетъ существовать,—они не углублялись. Уже во времена первой Думы имя октябристовъ стало громко: члены этой партіи оказались причастны къ организаціи отрядовъ ингушей, деревенскаго сыска, а иные и къ еврейскимъ погромамъ. Гр. Гейденъ и нѣкоторые

другіе общественные дѣятели поспѣшили уйти. Но, быть можетъ, и уходя они полагали, что близость союза 17 октября къ погромщикамъ обусловлена личными качествами октябристовъ и не вытекаетъ съ логической необходимостью изъ той основной соціально-охранительной тенденціи, какою проникнута програма октябризма. Да такъ оно и теперь выходитъ у многихъ обличителей и обвинителей союза въ уступчивости, въ отказѣ отъ конституціи и т. д.: виноватыми оказываются лично октябристы, а ихъ соціальная тенденція какъ будто не при чемъ.

Я остановился на соціально-охранительной тенденціи октябризма, такъ какъ она, повторяю, лежитъ въ основѣ его программы. И этому основному пункту октябристы не измѣняли, отъ него они не отказывались, а слѣдовательно, банкротство ихъ не можетъ быть признано полнымъ. Рѣчь можетъ идти о частичномъ банкротствѣ,—объ отказѣ отъ политической программы. Послѣдняя была довольно либеральна: октябристы имѣли основаніе принять относимое къ нимъ названіе: «кадеты второго сорта». Ихъ программа требовала «развитія и укрѣпленія началъ конституціонной монархіи съ народнымъ представительствомъ, основаннымъ на общемъ избирательномъ правѣ». Партія, между прочимъ, объявляла своей задачей «противодѣйствіе всякому посягательству, откуда бы оно ни шло, на права... народнаго представительства, какъ эти права опредѣляются на почвѣ манифеста 17 октября». Програма требовала конституціонныхъ свободъ и гарантій, «отмѣны законоположеній, юридически принижающихъ податныя сословія», «упраздненія сословности» въ мѣстномъ самоуправленіи и т. д. Отъ главнѣйшихъ изъ этихъ положеній октябристы, дѣйствительно, отказались; въ этой части они, несомнѣнно, политическіе банкроты. Но опять таки банкротство октябристовъ открыто, напр., г. Маклаковымъ съ нѣкоторымъ опозданіемъ,—еще въ 1907 году онъ могъ бы освѣдомиться, что союзъ 17 октября оказался «партіей потеряннаго документа». И тогда же онъ могъ бы замѣтить нѣчто, еще болѣе значительное. Припомните актъ 3 іюня. Государственная власть оффиціально и торжественно отказалась отъ одного изъ важнѣйшихъ своихъ обязательствъ, признанныхъ манифестомъ 17 октября—ввести общее избирательное право. Другое, не менѣе важное, обязательство—ни одинъ законъ не можетъ воспріять силы безъ согласія народныхъ представителей—было оффиціально и торжественно нарушено. Что дѣлала партія, обязавшаяся передъ страной бороться за общее избирательное право,—партія, объявившая, что она будетъ «противодѣйствовать всякому посягательству, откуда бы оно ни шло, на права народнаго представительства»? Шампанское вѣдь пили нѣкоторые октябристы по случаю 3 іюня. Вообще же они встрѣтили день 3 іюня, какъ праздникъ, и актъ переворота, какъ свою побѣду. Вотъ еще когда отябристы стали банкротами. И тогда же г. Маклаковъ могъ бы замѣтить, что радость октябристовъ по по-

воду собственнаго банкротства не есть явленіе произвольное, не подчиненное закону логической необходимости. Двѣ первыя Думы достаточно выяснили настроеніе трудовыхъ массъ народа, и въ особенности крестьянства, относительно той соціальной тенденціи, которая легла въ основу союза 17 октября и другихъ охранительныхъ организацій. Народъ, очевидно, требовалъ рѣшенія аграрнаго вопроса и съ существованіемъ помѣщичьяго землевладѣнія мириться не желалъ. И врядъ ли нужно доказывать, что на той же точкѣ зрѣнія народныя массы остаются и до сихъ поръ,—вѣдь это признаетъ даже г. Меньшиковъ:

„Я по натурѣ не революціонеръ,—писалъ онъ недавно въ „Новомъ Времени",—но совершенно раздѣляю инстинктъ трудовыхъ классовъ, желающихъ какъ-нибудь отскрестись отъ тѣхъ выморочныхъ сословій *), которыя омертвѣли точно струпья на тѣлѣ народномъ. Они не нужны, чужеядны и, какъ все чужеядное, вредны".

По мнѣнію г. Меньшикова, «ошибка народа только въ томъ, что... онъ судитъ... по оскудѣвшему и трудному потомству дворянъ о принципѣ дворянства вообще». Но это уже другой вопросъ. Теперь государству во всякомъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ «потомствомъ». И отъ этого потомства «революціей или эволюціей»—говоритъ г. Меньшиковъ—народъ вынужденъ освобождаться и освободится. Между прочимъ, къ тому же выводу въ послѣднее время пришелъ и г. Струве:

„Отнюдь не снята съ очереди—пишетъ онъ—ликвидація дворянскаго землевладѣнія, какъ естественный экономическій процессъ. Процессъ этотъ неуклонно совершается, никакая политика не въ силахъ его остановить. И тѣмъ самымъ въ политической жизни страны оставлено въ полной неприкосновенности глубочайшее противорѣчіе между экономической гибелью помѣстнаго дворянства и его политичскимъ господствомъ. Жало этого противорѣчія таитъ въ себѣ не успокоеніе, а, наоборотъ, хроническое раздраженіе народнаго организма **).

Народная мысль требовала и требуетъ рѣшенія аграрнаго вопроса въ его широкомъ двухсословномъ смыслѣ. Она не могла и не можетъ не ставить этого вопроса. Государственная власть, а вмѣстѣ съ нею и охранительныя группы такую постановку признавали невозможной, недопустимой. Въ виду такого противорѣчія между народомъ и властью, правительству пришлось объявить своею спеціальной миссіей охрану интересовъ «130 тысячъ» помѣщиковъ отъ народныхъ притязаній,—цифру 130 тысячъ назвалъ, какъ извѣстно, г. Столыпинъ во второй Думѣ, и я оставляю ее на его отвѣтственности. Отсюда вытекла необходимость добиться, чтобы на сторонѣ народныхъ притязаній въ Государственной Думѣ не

---

*) Г. Меньшиковъ говоритъ о дворянствѣ и духовенствѣ; см. „Новое Время". 12 сентября.

**) „Русская Мысль", сентябрь 1910 г., II отд., стр. 174.

могло быть большинства. Это сдѣлалъ актъ 3 іюня. И октябристамъ ничего другого не оставалось, какъ апплодировать. Съ своей точки зрѣнія, они вполнѣ резонно встрѣтили этотъ актъ, какъ обстоятельство, благопріятное ихъ основной соціально-охранительной тенденціи. Другими словами, обязательство защищать манифестъ 17 октября и въ частности добиваться общаго избирательнаго права было выдано октябристами, въ лучшемъ случаѣ, неосторожно, по недоразумѣнію: эти пункты ихъ политической программы находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ ея соціальной тенденціей. Октябристская программа такъ и осталась памятникомъ теоретической попытки сочетать на заграничный ладъ соціальный и при томъ аграрный консерватизмъ съ конституціонализмомъ. Этотъ русскій списокъ съ англійскаго оригинала и при своемъ появленіи въ 1905 г. не казался удачнымъ. Жизнь скоро доказала, что сочетаніе, возможное въ Англіи, при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, нельзя переносить въ Россію, гдѣ этихъ условій нѣтъ. И уже, повторяю, въ 1907 г. передъ октябристами стала альтернатива: либо аграрный консерватизмъ, либо манифестъ 17 октября. Они отказались отъ манифеста и превратились,—какъ тотчасъ же было отмѣчено печатью—въ партію потеряннаго документа. И надо бы недоумѣвать, какъ могло столь характерное обстоятельство остаться незамѣченнымъ своевременно г-номъ Маклаковымъ.

Надо бы надоумѣвать, если бы со времени 3 Думы не случилось другое обстоятельство, не менѣе характерное и, пожалуй, болѣе печальное. Часть либеральныхъ круговъ повторила ту же ошибку, въ которую впали авторы октябристкой программы. До 3 іюня въ теченіе двухъ лѣтъ вопросъ о дворянскомъ землевладѣніи занималъ одно изъ главныхъ, центральныхъ мѣстъ въ освободительномъ движеніи. И вдругъ вышло такъ, словно этотъ крупный историческій фактъ былъ простой случайностью или даже «ошибкой лѣвыхъ партій». Вопросъ какъ-то сразу словно исчезъ изъ либеральнаго горизонта, хотя онъ все время стоитъ на очереди и все время рѣшается въ строго охранительномъ духѣ, именно такъ, какъ требуетъ соціальная тенденція октябристовъ, умѣренно-правыхъ, просто правыхъ и правительства: дворянское землевладѣніе должно сохраниться и на его поддержаніе нельзя жалѣть ни силъ, ни средствъ. Часть либеральныхъ круговъ стала надѣяться, что попытка сочетать на англійскій ладъ аграрный консерватизмъ съ конституціонализмомъ можетъ быть жизненной въ Россіи. Пусть правительство и правительственное большинство ставитъ во главу угла интересы 130 тысячъ помѣщиковъ, — это не помѣшаетъ осуществить хотя бы и умѣренную, но конституцію, стоитъ лишь «толкать октябристовъ влѣво», понуждать ихъ къ выполненію того, что они сами обѣщали выполнить въ своей программѣ. И надо отдать должное октябристамъ,—они порою ловко пользовались этимъ недоразумѣніемъ. Почти три года ухлопано на то, чтобы толкать

октябристовъ влѣво. И лишь въ послѣдніе мѣсяцы люди начали убѣждаться, что это занятіе довольно безнадежное. Къ сожалѣнію, и теперь убѣжденные въ безнадежности толкательной тактики все-таки винятъ лицъ, октябристовъ, ничтожную и по количеству и по значенію въ странѣ политическую группу, хотя, казалось бы, резоннѣе спросить:

— Почему собственно эта группа, сохраняя вѣрность своей соціальной тенденціи, отказалась отъ своей политической программы? Не находится ли отказъ отъ конституціи въ причинной зависимости отъ соціальной охранительной тенденціи? Возможно ли вообще совмѣстить либеральную для Россіи политическую программу октябризма съ его соціальными заданіями?

II.

Оставимъ въ сторонѣ личныя достоинства или недостатки октябристовъ. Да и Богъ съ ними, съ октябристами. Не въ нихъ сила. Они прежде всего не оригинальны. Ихъ политическая программа въ значительной части — простой пересказъ манифеста 17 октября, обязательства, не ими выданнаго. Не оригинальна даже ихъ соціально-охранительная тенденція, — она вѣдь составляетъ основную цѣль и правительственной политики, и всего правительственнагб большинства въ Думѣ, и охранительныхъ группъ въ странѣ. И то, что называютъ нынѣ «крахомъ октябризма», «гибелью октябризма», правильнѣе, мнѣ кажется, называть крахомъ надеждъ на совмѣщеніе извѣстной соціально-охранительной цѣли, какую ставитъ себѣ внутренняя политика, съ конституціонными реформами. И точно также дѣло не лично въ г. Маклаковѣ и даже не въ кадетахъ вообще. Не одинъ г. Маклаковъ и не только, по крайней мѣрѣ, часть кадетскихъ круговъ надѣялась получить хоть куцую, но конституцію, несмотря на охранительныя цѣли, преслѣдуемыя властью и ея опорой. Въ свое время по разнымъ поводамъ мнѣ приходилось доказывать призрачность этихъ надеждъ. Подымать сызнова вопросъ о совмѣстимости во всемъ его объемѣ не буду,—да это и особая тема, которая не уложилась бы въ рамки хроники. Я лишь отмѣчаю текущій фактъ,—надѣющіеся разочаровались. Пока они главнымъ образомъ занимаются тѣмъ, что ищутъ виноватаго. Но рано или поздно, и скорѣе рано, чѣмъ поздно, имъ понадобится спросить себя: да основательны ли были надежды. Посмотримъ, какіе аргументы предъявляетъ текущая дѣйствительность для рѣшенія этого неизбѣжнаго вопроса.

Кое-какіе изъ этихъ аргументовъ теперь замѣтилъ, какъ мы видѣли, и г. Струве. Онъ усмотрѣлъ жало, раздражающее страну, и, повидимому, полагаетъ, что это жало неустранимо, такъ какъ никакая политика—говоритъ онъ—не въ силахъ остановить про-

цессъ ликвидацiи дворянскаго землевладѣнiя... Остановить, задержать, замедлить.., Разные есть оттѣнки въ понятiи: «остановить». Одно легче, другое труднѣе, третье, быть можетъ, и вовсе неосуществимо Задача, въ всякомъ случаѣ, трудная. И о нѣкоторыхъ средствахъ, какихъ она требуетъ, довольно откровенно говоритъ объяснительная записка министерства финансовъ къ новому законопроекту «о предоставленiи крестьянскому банку права продолжать покупку земель за свой счетъ»:

«Постоянное и повсемѣстное участiе крестьянскихъ банковъ въ оборотѣ перехода земельной собственности облегчало положенiе продавцовъ, избавляя ихъ отъ гнета вынужденной случайной продажи по раззорительнымъ цѣнамъ, *въ особенности полезной оказалась дѣятельность банковъ въ смутное время, и если въ 1905 и 1906 гг. спекуляцiя не развилась до степени опасной для самаго существованiя частнаго землевладѣнiя*, то этому *содѣйствовалъ банкъ, поддерживая нормальныя цѣны*» *).

Ту же мысль развиваетъ, между прочимъ, отчетъ казанскаго отдѣленiя крестьянскаго банка: въ 1905—1906 гг. «подъ дѣйствiемъ аграрныхъ безпорядковъ, общаго шатанiя умовъ и уменьшенiя имущественной и личной безопасности, весьма многiе частные владѣльцы, покинувъ свои имѣнiя, устремились къ немедленной ихъ продажѣ». Въ это тревожное время банкъ дѣйствовалъ, руководясь своею главнѣйшею, по мнѣнiю составителей отчета, задачей: «не *допустить раззоренiя землевладѣльческаго сословiя*, издавна служившаго устоемъ сельско-хозяйственнаго промысла» **). Словомъ, приходилось въ буквальномъ смыслѣ слова спасать землевладѣльческое сословiе, и ради этого «поддерживать нормальныя цѣны». Что это значитъ,—объяснительная записка къ законопроекту поясняетъ цифрами. Съ 1893 г. по 1905 г. средняя покупная цѣна десятины была 71 р. Съ 1905 по 1909 гг. банкъ платитъ въ среднемъ по 105 р. за десятину, т. е. поднялъ цѣны на 48%, почти въ полтора раза. И поднялъ какъ разъ въ то время, когда помѣщики стремились массу земель выбросить на рынокъ, а спросъ на землю, по словамъ опять таки объяснительной записки, ослабѣлъ, и когда, слѣдовательно, земельныя цѣны должны были стремительно упасть. Т. е., по сравненiю съ тѣми цѣнами, какiя могли естественно установиться на рынкѣ въ 1905 и 1906 гг. банкъ платилъ во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ въ полтора раза. Надо бы остановиться на томъ извращенiи правовыхъ понятiй, при которомъ возможенъ столь откровенный тонъ названныхъ мною оффицiальныхъ документовъ: министерство финансовъ не только не скрываетъ, что государственный крестьянскiй банкъ велъ въ сущности биржевую игру на повышенiе, но даже какъ бы подчеркиваетъ, что игра велась азартно, словно хвалится не предусмотрѣн-

*) Цит. по „Рѣчи", 28 августа. Курсивъ мой, — А. П.
**) Цит. по „Волжскимъ Вѣстямъ", 3 сентября. Курсивъ мой,—А. П.

ными уставомъ и рискованными операціями. Но объ извращеніяхъ рѣчь впереди. Остановимся на чисто финансовой сторонѣ дѣла. По цѣнамъ, поднятымъ на 48%, банкъ скупилъ 3409 тысячъ десятинъ на общую сумму 357 милліоновъ рублей. Другими словами, по грубому, приблизительному, основанному на среднихъ цифрахъ разсчету, продавцы получили свидѣтельствъ государственнаго крестьянскаго банка на сумму почти въ 120 милліоновъ рублей больше, чѣмъ они могли бы и должны бы получить, если бы банкъ держался тѣхъ среднепокупныхъ цѣнъ предшествующаго времени, которыя приводитъ объяснительная записка къ законопроекту.

Итакъ, соціально-охранительная цѣль политики за 4 года въ одномъ только крестьянскомъ банкѣ на одно только поддержаніе «нормальныхъ» цѣнъ потребовала жертвы въ 120 милліоновъ рублей. И объ этой суммѣ нельзя сказать, что она просто перешла въ карманы продавцовъ. Игрой на повышеніе банкъ оказываетъ услугу не только продавцамъ; эта политика ведетъ, между прочимъ, къ повышенію арендныхъ цѣнъ на землю, а тѣмъ самымъ и къ повышенію землевладѣльческихъ доходовъ, къ удержанію земли помѣщиками. Для выясненія этой тактики, направленной на повышеніе арендныхъ цѣнъ, характерны нѣкоторыя другія цифры объяснительной записки. 71 р. въ прошломъ и 105 р. теперь за десятину, это—среднія покупныя цѣны, которыя банкъ платитъ продавцу-помѣщику. Есть еще продажныя цѣны, которыя банкъ беретъ съ покупателей крестьянъ. Съ 1893 по 1905 г. средняя продажная цѣна была 74 р. за десятину. Съ 1905 по 1909 г. банкъ продаетъ въ среднемъ по 126 р., т. е. банковая надбавка, прежде составлявшая всего 3 р. (74—71), теперь дошла до 21 рубля, выросла ровно въ 7 разъ, а продажныя цѣны, вообще, подняты на 52 р. (126—74),—почти на 70%. Среднія цифры не за все четырехлѣтіе, а по годамъ даютъ картину болѣе яркую. Въ 1907 г. банкъ продавалъ по 71 р. за десятину, въ 1907 г.—по 111 р., 1908 г. — 121 р., въ 1909 г.—138 р. Стало быть, за 4 года продажныя цѣны подняты банкомъ болѣе чѣмъ на 94%. Повышеніе отчасти, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что банкъ несетъ расходы по разбивкѣ скупленныхъ земель на хутора, по эксплуатаціи непроданныхъ имѣній и т. д. Но, во-первыхъ, стремленіе насаждать именно хутора даже въ оффиціальныхъ документахъ мотивируется ссылкой на ту же соціально-охранительную тенденцію, ради которой признано необходимымъ охранять землевладѣльческое сословіе. Во-вторыхъ, однимъ повышеніемъ продажныхъ цѣнъ дѣло не ограничивается. Большинство скупленныхъ земель остается на рукахъ крестьянскаго банка, и въ провинціальныхъ газетахъ частенько приходится читать жалобы, что банкъ извлекаетъ изъ своихъ имѣній доходы посредствомъ штрафовъ за потравы, а главное, при помощи очень обременительныхъ для крестьянъ условій аренды. Впрочемъ, отчеты самого банка не скрываютъ, что двѣ трети скупленнаго банкомъ пространства сдаются

въ аренду и «чистый доходъ» отъ такой главнымъ образомъ эксплуатаціи неизмѣнно повышается,—съ 1,4% въ 1906 г. до 2,8% въ 1907 г. и до 3,8% въ 1909 г. Говоря иначе, провинціальныя отдѣленія банка ведутъ игру, направленную непосредственно на повышеніе арендныхъ цѣнъ. Жертва въ 120 милліоновъ рублей за 4 года, стало быть, лишь начало новыхъ жертвъ. Къ ней надо прибавить еще ту трудно поддающуюся учету, но, безъ сомнѣнія, крупную сумму, которую переплачиваютъ арендаторы земель ежегодно, благодаря взвинченнымъ, при помощи банка, арендным цѣнамъ. Сверхъ того, необходимо учитывать потери казначейства на всѣхъ этихъ операціяхъ: по свидѣтельствамъ крестьянскаго банка, казначейство платитъ 5 и 6 процентовъ годовыхъ, выручая же отъ эксплуатаціи банковыхъ земель значительно ниже. Надо прибавить къ этому и то, что игра банка на повышеніе отражается на цѣнѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Прибавить бы надо и многое другое. Но для детальнаго выясненія и подсчета жертвъ понадобилось бы цѣлое изслѣдованіе. Я же отмѣчаю лишь аргументы, предъявленные, если не жизнью, то оффиціальными документами министерства финансовъ:

— Вы надѣялись на конституцію, когда вамъ русскимъ языкомъ говорили, что у насъ, слава Богу, нѣтъ парламента, а мы въ это время занимались вотъ чѣмъ.

И надо замѣтить: изложенное министерствомъ придаетъ общее значеніе тому, что разсказывалъ недавно—въ іюльской книжкѣ «Вѣстника Европы»—г. Холщевниковъ, передавая наблюденія одного изъ ликвидаторовъ земель, скупленныхъ банкомъ. По разсказу г. Холщевникова, банкъ руководится, между прочимъ, такими принципами:

...Мы желаемъ вернуть дворянамъ ихъ земли, утраченныя ими въ печальные дни иллюминацій...

...Жизнь не ждетъ. Культурный элементъ быстро убываетъ изъ деревни. Непремѣнное желаніе Семена Семеновича *)—возсоздать аристократію земли.

Это руководящее указаніе преподаютъ, между прочимъ, губернаторамъ и землеустроительнымъ коммиссіямъ командируемые изъ Петербурга чиновники. И не могутъ быть другія указанія. Какъ ни поддерживалъ банкъ, какъ ни взвинтилъ продажныя и арендныя цѣны, а все-таки за 4 года охраняемое землевладѣніе потеряло почти $3^1/_2$ милліона десятинъ,—примѣрно, $2^1/_4$ Саксонскаго королевства. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь «жизнь не ждетъ», «культурный элементъ быстро убываетъ. Приходится выше поднять знамя, во всю ширь развернуть программу. И кое-какія мѣры, необходимыя,

*) «Семеномъ Семеновичемъ» г. Холщевниковъ называетъ крупнаго петербургскаго сановника — «фельдмаршала отъ землеустройства». Очеркъ «Новая Крѣпь», № 7 «Вѣстника Европы» 1910 г.

чтобъ вернуть утраченное, возсоздать аристократію земли, уже опредѣлились въ практикѣ банка. Такъ, напр., мѣстами банкъ началъ выдѣлять изъ своихъ земель полные цензовые участки, примѣнительно къ существующему закону о земскихъ выборахъ. Намѣчается, слѣдовательно, распродажа банковыхъ земель крупными участками въ «культурныя» руки. Но это пока робкія разрозненныя начинанія. Да и вообще для торжества соціально-охранительной тенденціи не достаточенъ одинъ крестьянскій банкъ самъ по себѣ. Къ торжеству насъ можетъ привести лишь вся система землеустроительныхъ мѣръ. Нѣкоторыя частности этой системы въ послѣднее время тоже начинаютъ опредѣляться яснѣе.

Какъ извѣстно, система эта довольно тонка и такъ хорошо рекламирована, что, не шутя, могла запутать легко надѣющихся людей. Что указъ 9 ноября появился, какъ тактическое средство, необходимое для охраны помѣщичьяго землевладѣнія, этого не скрывали даже оффиціальные документы. Однако вѣдь «освобождается личность крестьянина», насаждается частная собственность, да и надо же урегулировать вопросъ о собственникахъ надѣльной земли послѣ отмѣны выкупныхъ платежей. Тотъ же г. Маклаковъ, судя по газетнымъ отчетамъ объ его недавнемъ докладѣ въ Москвѣ, идетъ дальше: напоминая постановку аграрнаго вопроса прогрессивными партіями, онъ находитъ, что путь, избранный правительствомъ, «больше соотвѣтствуетъ законамъ исторической эволюціи: «вѣдь въ экономической борьбѣ сильные всегда побѣждаютъ слабыхъ»; земля все равно должна была перейти изъ слабыхъ рукъ въ сильныя; съ этой точки зрѣнія, правительство можно упрекнуть лишь въ чрезмѣрномъ обостреніи естественнаго хода вещей: оно старается «сконцентировать на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ или мѣсяцевъ процессъ, который при нормальныхъ условіяхъ продолжался бы десятки лѣтъ» (Отчетъ о докладѣ г. Маклакова въ «Кіевской Мысли, № 6 октября). На взглядъ нѣкоторыхъ поклонниковъ частной собственности, выходило даже, что мѣра 9 ноября исходитъ хотя и отъ ложно направленнаго, но въ основѣ своей либеральнаго, прогрессивно настроеннаго ума. Еще болѣе соблазнительна въ этомъ смыслѣ хутороманія. Что она преслѣдуетъ, прежде всего, опять-таки охранительныя цѣли, это не скрывалось, даже подчеркивалось. Однако, вѣдь и, въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ отрѣзовъ и отрубовъ какъ будто можно создать крѣпкаго земледѣльца-собственника, который будетъ, правда, оплотомъ консерватизма, но за то явитъ странѣ примѣръ цвѣтущихъ мелкихъ хозяйствъ, подниметъ сельскохозяйственную культуру. Съ одной стороны, тактическое средство, съ другой—нѣчто самодовлѣющее. Получалась двойственность. Двойственна до сихъ поръ и политика относительно хуторовъ. Хуторяне, осѣвшіе, напр., на земляхъ крестьянскаго банка, обязаны оплатить черезчуръ повышенныя для поддержанія помѣщиковъ цѣны. Отсюда безконечный рядъ жа-

лобъ и претензій: «банкомъ цѣны подняты очень высоко... бѣднымъ крестьянамъ пріобрѣсти никакъ невозможно»; «банкъ, купивши отъ землевладѣльцевъ имѣніе, продаетъ крестьянамъ и мѣщанамъ, можно сказать,—торговымъ промысломъ..., такъ что бѣдный классъ народа не можетъ этимъ банкомъ воспользоваться» *). Но какъ ни основательны, ни безспорны эти жалобы, онѣ страннымъ образомъ противорѣчатъ несомнѣнной заботливости начальства о благѣ и процвѣтаніи хуторянъ. Если хуторянинъ выдѣляется изъ общины, ему помогаютъ захватить лучшіе участки мірской земли. Сверхъ того, хуторянину дается денежное пособіе, выдаются долгосрочныя безпроцентныя ссуды. Къ услугамъ хуторянъ организована коекакая агрономическая помощь, заведены запасы сѣмянъ, устроены склады сельскохозяйственныхъ орудій, отпускаемыхъ хуторянамъ на прокатъ («прокатныя станціи»). Въ случаѣ какой-либо экстренной невзгоды,—хуторянамъ отъ начальства первая помощь:

„Юхновскимъ хуторянамъ рѣшительно не везетъ,—читаемъ, напр., въ „Смоленскомъ Вѣстникѣ".—24 іюля... градобитіемъ разрушено до 30 хуторовъ... За помощью хуторяне кинулись въ уѣздную коммиссію. Тамъ были рады помочь имъ. Непремѣнные члены губернской и уѣздной землеустроительныхъ коммиссій выѣзжали на мѣсто и могли засвидѣтельствовать ихъ нужду и горе. Но, къ сожалѣнію, все, что могли имъ выдать въ качествѣ пособія на землеустройство (по 150 р. безпроцентной ссуды на дворъ), ими уже было получено сполна. На градобитіе и другого рода несчастья въ главномъ управленіи землеустройства кредитовъ нѣтъ. Коммиссія постановила передать дѣло въ уѣздный съѣздъ по части на обсѣмененіе. Уѣздный съѣздъ передалъ дѣло земскому начальнику... Землеустроительная коммиссія прислала хуторянамъ сортировки „Тріумфъ", пружинныя американскія бороны, окучники, плуги и бороны зигзаги"... *).

Хуторяне по случаю градобитія просили продовольственной и сѣмянной помощи. Сортировки и пружинныя американскія бороны— не отвѣтъ на просьбу. Но важно уже и то, что начальство всетаки безпокоится, радо помочь. Обыкновенному земледѣльцу при большомъ неурожаѣ дадутъ въ ссуду 3 рубля на дворъ и подымутъ крикъ на всю Россію,—это, дескать, поощреніе тунеядства, лѣни, пьянства. А тутъ 150 р. на дворъ дали и готовы еще давать и деньгами, и сѣменами, и сельскохозяйственными орудіями.

Сообразно этой двойственности, шаткимъ оказалось и положеніе хуторянъ. Печать, не скрывая серьезныхъ, казалось бы, усилій правительства помочь «хозяйствамъ единоличнаго владѣнія», давно уже отмѣчала, что хуторяне въ большинствѣ бѣдствуютъ и даже прямо таки раззоряются. Относительное благосостояніе тѣхъ рѣдкихъ хуторовъ, которые умѣютъ находить путешествующіе министры, объясняется обыкновенно какими-либо исключительно счастливыми мѣстными условіями. Вообще же дѣла хуторянъ очень неважны. Но

*) Изъ анкеты, произведенной совѣтомъ старообрядческихъ съѣздовъ.
**) „Смоленскій Вѣстникъ", 20 августа.

частныя свѣдѣнія объ этомъ оффиціозная и оффиціальная печать объявляла тенденціозными, продиктованными желаніемъ скрывать успѣхи, достигнутые правительствомъ. Мало-по-малу стали скопляться свѣдѣнія, исходящія отъ оффиціальныхъ учрежденій и подтверждающія то же, о чемъ давно говорятъ частные источники. Вотъ, напримѣръ, какъ характеризуетъ состояніе хуторянъ и отрубниковъ докладъ кіевской губернской управы по дѣламъ земскаго хозяйства:

„Выбитые изъ своей колеи, сорванные отъ привычной обстановки, затративъ иногда послѣднія сбереженія или, еще чаще, залѣзшіе въ неоплатные долги, чтобы уплатить срочные платежи банку, перенести постройки на свой отрубъ, купить то или другое орудіе и машину или недостающую скотину,—отрубники и хуторяне въ большинствѣ случаевъ въ безпомощномъ положеніи, а очень часто и на краю полнаго экономическаго упадка. Съ цѣлью уплатить срочные платежи они очень часто сдаютъ часть своего отруба или даже весь отрубъ въ аренду на долгіе сроки по невыгодной цѣнѣ, а сами идутъ въ батраки. Бывали даже случаи продажи отрубовъ, конечно, безъ правильнаго оформленія сдѣлки"... Въ нѣсколькихъ уѣздахъ „образовалась цѣлая компанія скупщиковъ, которые подѣлили между собою села съ отрубными владѣльцами и, оперируя безъ конкурентовъ, каждый въ своемъ районѣ, улавливаютъ въ свои сѣти постоянно нуждающихся въ деньгахъ хуторянъ и отрубниковъ. Доходило до того, что крестьяне продавали зимою рожь будущаго урожая по 40—45 коп. за пудъ, овесъ—30—35 коп., а если брали деньги, то платили по 100—200 и болѣе процентовъ.

Выводъ кіевской управы таковъ: «хуторскому и отрубному хозяйству въ настоящее время грозитъ полный кризисъ, экономическая смерть»; «если своевременно и энергично не придти на помощь, то значительная часть (хуторянъ и отрубниковъ) окончательно раззорится и земля ихъ пойдетъ съ молотка» *). Одна изъ причинъ этого явленія, по скольку рѣчь идетъ о хуторахъ на банковой землѣ, понятна сама собою; на нее указываетъ кіевская управа; она отмѣчена была и на недавнемъ совѣщаніи г. Столыпина въ Саратовѣ съ представителями мѣстной администраціи и мѣстнаго земства: банкъ стремится продавать свои земли по дорогой цѣнѣ, назначаетъ высокіе первоначальные взносы и т. д. Хуторское хозяйство не можетъ оплатить цѣнъ и условій, созданныхъ и необходимыхъ для поддержанія помѣщичьяго землевладѣнія. Устранить эту причину можно было бы, лишь поднявъ пособія хуторянамъ до той суммы, какую выигрываютъ помѣщики отъ игры банка на повышеніе. Не все, однако, сводится къ повышательной игрѣ. Вѣроятно, не малую роль играютъ бытовыя отношенія между хуторянами и основной массой земледѣльческаго населенія. Хуторянъ и отрубниковъ начальство создаетъ наперекоръ народному желанію и правосознанію. Народная масса платитъ за это хуторянамъ пассивнымъ и активнымъ бойкотомъ, не говоря

*) „Рѣчь", 2 октября.

уже о поджогахъ, потравахъ и всякихъ другихъ проявленіяхъ мести. Какой бы ущербъ ни причиняли поджоги и прямые погромы, они, къ счастью, не имѣютъ массового характера. Пожалуй, важнѣе то, что хуторянинъ лишается въ повседневномъ быту той добрососѣдской помощи и поддержки, которую трудно перевести на деньги, но которая играетъ громадную роль въ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Обыкновеннаго земледѣльца сосѣди охотно избавятъ отъ необходимости отправиться въ городъ, чтобъ купить или продать какіе-либо пустяки. Обыкновенному земледѣльцу сосѣди дадутъ «на время» какой-либо очень нужный въ хозяйствѣ предметъ, если онъ почему-либо затерялся, испортился,—сосѣди въ случаѣ нужды «подѣлятся» иголками, нитками, топоромъ, пилой, долотомъ и т. д. Если въ хозяйствѣ вдругъ вышелъ какой-нибудь продуктъ, за которымъ надо ѣхать въ городъ, въ село, и ѣхать теперь же некогда, нѣтъ разсчета,—сосѣди дадутъ взаймы соли, табаку, масла, крупъ, муки. Если мужу съ женой «до зарѣзу нужно» отлучиться изъ дому, за дѣтьми не откажутъ присмотрѣть сосѣди... Виды этой повседневной взаимоподдержки и взаимопомощи неисчислимы; безъ нея въ деревенскихъ условіяхъ просто жить было бы нельзя. И всего этого хуторянинъ лишенъ,—не только потому, что онъ сидитъ далеко, на отрубѣ,—съ нимъ не желаютъ обмѣниваться добрососѣдскими услугами; сами не предложатъ помочь, попросишь—откажутъ. Это большой минусъ въ хуторскомъ бюджетѣ. Но бытовыя условія и отношенія складываются во многомъ независимо отъ воли начальства и даже вопреки начальству. Есть невзгоды, зависящія отъ воли начальства, и даже отчасти обусловленныя именно тѣмъ, что хуторянину начальство даетъ пособія, ссуды, оказываетъ (можетъ и не оказать) необходимую помощь. Казенное пособіе вообще въ прокъ не идетъ, «сокомъ назадъ выходитъ». За него приходится платить утратой хозяйственной самостоятельности, инициативы, рабски подчиняться предуказаніямъ и распоряженіямъ всевозможныхъ чиновниковъ, отъ воли которыхъ зависитъ полученіе или неполученіе благостыни. Для примѣра беру жанровую картинку изъ практики Сенгилеевскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Приказчикъ банковой экономіи нашелъ, что хуторянинъ Иванъ Павкинъ ведетъ себя дерзко. Дерзость состояла въ томъ, что Павкинъ, во-первыхъ, не согласился съ предложеніемъ приказчика относительно не размежеванныхъ банковскихъ луговъ, а во-вторыхъ, разговаривая съ приказчикомъ объ этомъ, имѣлъ въ рукѣ топоръ. Приказчикъ пожаловался районому завѣдывающему имѣніями крестьянскаго банка въ сенгилеевскомъ уѣздѣ Фадѣеву.

Случилось послѣ этого Фадѣеву проѣзжать черезъ поселокъ. Поравнявшись съ хуторами, онъ встрѣтилъ двухъ крестьянъ, ѣхавшихъ въ поле.

— Вы откуда?

— Съ поселка.

— Чей ты?—обратился онъ къ Павкину.—...Павкинъ?

— Да...

— Какое ты, с... с..., имѣешь право прогонять приказчика? Поганая мордва!.. С...! Паразиты...

Брань сыпалась изъ устъ землеустроителя, какъ изъ рога изобилія, со вставкой словечекъ, отъ которыхъ и бурлака стошнитъ. Павкинъ хотѣлъ что-то возразить,—Фадѣевъ привскочилъ въ экипажѣ и, размахнувшись на него палкой, закричалъ:

— Молчи, мерзавецъ,—я тебѣ всѣ ребра переломаю. Пришлю людей,—они въ тебѣ живого мѣста не оставятъ!..

Павкинъ стоялъ безъ шапки, и слезы текли по его лицу *).

Это вѣдь какъ, въ блаженной памяти, военныхъ поселеніяхъ,—пособіе дадимъ, но и на счетъ субординаціи и дисциплины у насъ строго.

Правовое положеніе русскаго обывателя вообще и полная экономическая зависимость хуторянина отъ начальства создаютъ канву, на которой жизнь расписываетъ прихотливые узоры. Сейчасъ я не могу остановиться на этомъ любопытномъ уголкѣ русской жизни. Приведу для иллюстраціи лишь одну газетную замѣтку, посвященную описанію недавней сельско-хозяйственной выставкѣ въ Симбирскѣ. На выставкѣ землеустроители демонстрируютъ «хуторское хозяйство». Разумѣется, оно уже достигло цвѣтущаго состоянія. Это подтверждается картограммами, діаграммами, фотографіями...

Если же вамъ мало и этого, то воззритесь на присутствующихъ тоже съ показательными цѣлями *живыхъ* хуторянъ, получающихъ за пребываніе на выставкѣ по 1 рублю суточныхъ на человѣка.

Экспонированы «*живые* хуторяне» въ августѣ,—во время обычныхъ озимыхъ сѣвовъ и другихъ предъосеннихъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Велѣло начальство торчать на выставкѣ, и торчи. Хорошо хоть, что рубль въ сутки платятъ, да и то, чай, харчи приказано имѣть свои.

Заслуживаютъ также вниманія и овощи. Здѣсь еще больше начинаешь вѣрить, что мужикъ превратился на хуторѣ въ помѣщика, по крайней мѣрѣ, по вкусамъ. Среди обыкновенныхъ крестьянскихъ огородныхъ овощей вы видите кольраби, цвѣтную капусту, лукъ-порей, фасоль, бобы, помидоры. Но ларчикъ, какъ и все на этой выставкѣ, открывается просто. Землеустроительная коммиссія, желая показать на выставкѣ свой товаръ лицомъ, какъ оказывается, еще съ весны разослала на хутора безплатно соотвѣтствующія сѣмена *съ приказомъ* посѣять ихъ.

Приказываютъ сѣять,—стало быть, сѣй не только цвѣтную капусту или помидоры, но и спаржу, и артишоки... Въ данномъ случаѣ приказано потому, что нужны экспонаты на выставку. Можетъ приказать тотъ или другой чиновникъ и по той причинѣ, что онъ одержимъ культуртрегерскимъ зудомъ. Причины, вообще, могутъ быть до безконечности разнообразны. Но не подчиниться приказу

*) „Волжскія Вѣсти“, 12 сентября.

нельзя, каждый понимаетъ, что хуторянинъ, завязнувшій въ ссудахъ, пособіяхъ и банковыхъ обязательствахъ—въ сущности *казенный* человѣкъ. Какъ и подобаетъ казенному человѣку, онъ на ту же, напримѣръ, симбирскую выставку представилъ экспонаты, соотвѣтствущіе цѣлямъ его чиновныхъ покровителей:

Среди образцовъ хлѣбныхъ злаковъ вызываетъ удивленіе рожь изъ Сенгилеевскаго уѣзда (отъ одного хуторянина). Громадный стебель, крупный колосъ,—прямо, образецъ съ выставки „извѣстнаго Демчинскаго“. Справляемся стороной: не на прокатъ ли взято? Оказывается, нѣтъ. Просто, рожь заглушило лебедой, и она оказалась съ такими промежутками, что колосъ отъ колоса—не слыхать голоса. И такая великолѣпная рожь даетъ 15 пудовъ съ десятины.

Самая, пожалуй, главная достопримѣчательность выставки—два мѣшечка хуторскихъ яблоковъ. Плодовый садъ, который въ первый же годъ даетъ плоды. И это—только на отрубахъ *).

Оспаривать это предсказаніе мудрено. Надѣльная земля не обременена свидѣтельствами и накладными расходами крестьянскаго банка. Продается она по нормально-рыночнымъ, а то и вовсе «дешевымъ» цѣнамъ. И вѣроятнѣе всего, что ее скупятъ кулаки, міроѣды изъ мужицкаго, мѣщанскаго и купеческаго званія. Но часть надѣльныхъ земель, вѣроятно, не минетъ и дворянскихъ рукъ. Съ этой стороны, за счетъ крестьянскихъ надѣловъ, политика г. Столыпина, безъ сомнѣнія, помогаетъ «возсоздавать аристократію земли». Изъ помѣщичьихъ земель банкъ скупилъ $2^1/_4$ Саксоніи. Съ этими землями дѣло выходитъ сложнѣе. Болѣе $2^1/_2$ милліоновъ десятинъ, т. е. почти 74% всей скупленной площади, остается на рукахъ банка. Отдѣльнымъ домохозяевамъ, въ томъ числѣ и хуторянамъ, банкъ за 4 года (1906—1909) сумѣлъ сбыть всего $^1/_2$ милліона десятинъ. Экономическое состояніе хуторовъ и отрубовъ таково, что часть ихъ должна поступить въ продажу, и, вѣроятно, не освободится изъ-подъ обязательствъ крестьянскаго банка. Сверхъ того, скупку земель рѣшено продолжать. Возникаетъ вопросъ, куда и кому сбыть эту землю. Цѣны на нее подняты такъ, что кулаку, человѣку коммерческому, она обыкновенно не съ руки. Разрозненныя начинанія по сбыту банковыхъ земель «культурному элементу» наблюдаются,—одно изъ нихъ, выдѣленіе «цензовыхъ участковъ, отмѣчено и упомянутыми выше очерками г. Холщевникова въ «Вѣстникѣ Европы». Стремительно проводимая мысль о возрожденіи первенствующаго сословія не довольствуется легальными, трактовыми дорогами. Ей нужны и нелегальные глухіе проселки. Однако, крупныхъ дѣлъ на проселкѣ не сдѣлаешь, пока цѣны, установленныя банкомъ, одинаковы для всѣхъ: платить эти цѣны «культурный элементъ» не станетъ и не можетъ. И все сводится къ тому, будетъ ли сочтено возможнымъ изъ намѣчаемаго и пролагаемаго банковой политикой кривого внѣуставнаго проселка сдѣ-

*) „Русское Слово“, 3 сентября.

лать «законную» трактовую дорогу? Говоря по просту,—найдетъ ли возможнымъ правительство объявить законнымъ сбытъ земель, скупленныхъ у помѣщиковъ, самимъ же помѣщикамъ? Возможности нѣкоторыя есть. Земли, оплаченныя первоначальными и при томъ довольно высокими платежами хуторянъ, за раззореніемъ послѣднихъ, должны возвращаться въ распоряженіе банка. Допустить «свободное» обращеніе ихъ на рынкѣ по пониженнымъ цѣнамъ—значило бы впасть въ противорѣчіе съ повышательной игрой банка. Самое бы «святое дѣло»—предоставить эту частично оплаченную земельку «культурному элементу». Формы, въ какія можетъ облечься при такихъ условіяхъ работа по возсозданію аристократіи земли, разумѣется, предугадать нельзя. Но жизнь должна вести къ еще болѣе откровенной постановкѣ цѣлей и къ употребленію еще болѣе откровенныхъ средствъ.

Начальству для успѣховъ по службѣ нужны потемкинскія деревни, и казенный человѣкъ хуторянинъ потрафляетъ... Разумѣется, сейчасъ я не задаюсь цѣлью подробно освѣтить положеніе «хозяйствъ единоличнаго владѣнія» Я лишь напоминаю о томъ, что несмотря на довольно щедрыя, хотя порою и безтолковыя, пособія и ссуды, хуторяне въ большинствѣ раззоряются. И стараюсь показать, что этотъ фактъ вовсе не случайность, что онъ тѣсно связанъ съ общими условіями жизни, вытекаетъ изъ самой постановки дѣла, а до нѣкоторой степени слабость хуторскаго хозяйства, его раззореніе неизбѣжны потому, что оно экономически подчинено бюрократіи. Словомъ, та творческая мысль, которая отчасти лежала или, вѣрнѣе, могла лежать въ основѣ хутороманіи, оказалась несостоятельной, несмотря на необычно щедрыя ассигновки для поддержанія земледѣльцевъ-хуторянъ. Между тѣмъ правительству пришлось убѣдиться, что эти ассигновки грозятъ разростись гораздо больше, чѣмъ позволяютъ «бюджетныя соображенія». Приведу для иллюстраціи небольшую цифровую справку. Въ теченіе 1907—1909 гг. за помощью обратилось 133.029 хуторянъ и отрубниковъ, изъ этого числа признаны подлежащими удовлетворенію 97718 ходатайствъ. Удалось, за счетъ отпущенныхъ кредитовъ, удовлетворить всего 65317 ходатайствъ, къ 1 января 1910 г. «оставались невыданными разрѣшенныя уже ссуды и пособія 32401 двору». Въ 1910 г., по предположительнымъ подсчетамъ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, потребуется разрѣшить ссуды и пособія не менѣе, какъ 81510 дворамъ. Слѣдовательно, всего за годъ должно быть выдано вспомоществованіе 113911 дворамъ. Ассигнованной же по смѣтѣ 1910 г. суммы около 7,2 милліона рублей можетъ хватить только на 55.555 дворовъ. Должно остаться неудовлетворенными 58356 дворовъ. Въ 1911 г. предвидится разрѣшеніе ссудъ и пособій еще на 101310 дворовъ. Получится почти 160 тысячъ разрѣшенныхъ выдачъ, и такъ какъ въ среднемъ ссуды и пособія на дворъ достигли 90 р., то нужна на 1911 г. сумма

около $14\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей („Извѣстія главнаго управленія землеустройства и земледѣлія», № 3 октября). Возростая въ геометрической прогрессіи, расходъ на ссуды и пособія уже въ 1912 г, можетъ потребовать ассигновки около 30 милліоновъ рублей. Очевидно такъ дальше жить нельзя. И правительство, во-первыхъ, сократило требуемую ассигновку на ссуды и пособія единоличнымъ хозяйствамъ по смѣтѣ 1911 г.; а во-вторыхъ, особымъ циркуляромъ предписано губернаторамъ на будущее время дѣйствовать согласно съ «бюджетными соображеніями». Циркуляръ предписываетъ вообще позаботиться о возможномъ сокращеніи кредитовъ. Въ частности же предлагается измѣнить самый характеръ воспособленій хозяйствамъ единоличнаго владѣнія. Такъ, напр., пособія полагается совершенно прекратить, а выдавать только ссуды и при томъ возможно болѣе краткосрочныя. Другими словами, всѣ раззорительныя условія хозяйствъ остаются въ полной силѣ, помощь велѣно сократить,—результаты, какіе должны получиться, понятны. Второстепенный и неизвѣтно какъ связанный съ основной тенденціей взглядъ на хутора, какъ на нѣчто самодовлѣющее, началъ отпадать самъ собою. Основная, главенствующая во внутренней политикѣ соціально-охранительная тенденція освобождается отъ осложняющихъ ее и едва ли согласныхъ съ нею побочныхъ соображеній. Отъ этого основная тенденція лишь выигрываетъ въ смыслѣ ясности и стройности. И остается учесть, какой дальнѣйшій ходъ можетъ принять политика, направленная къ тому, чтобы сохранить и укрѣпить помѣщичье землевладѣніе, вернуть утраченное, возсоздать аристократіи земли.

Итоги землеустройства въ общихъ чертахъ таковы. Изъ надѣльныхъ, крестьянскихъ, земель «выдѣлено» и выброшено на рынокъ Саксоніи полторы, а то и совсѣмъ двѣ. Многіе предвидятъ, что

> продажи крестьянскихъ участковъ, несомнѣнно, сильно умножатся, подъ вліяніемъ новыхъ порядковъ и давленій, особенно же вслѣдствіе объявленія крестьянской собственности личной, а не семейной собственностью нынѣшнихъ дворохозяевъ *).

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно. Въ системѣ столыпинскаго землеустройства ея поклонники и дружественные критики старались находить кое-что, имѣвшее нѣкоторое подобіе государственной мысли, заботъ о подъемѣ всей страны. Но второстепенныя задачи этой системы, искусственно и чисто внѣшне связанныя съ основной соціально-охранительной тенденціей, съ самаго начала были обречены на то, чтобы войти въ подчиненное отношеніе основному стремленію власти и охранительныхъ группъ. Поскольку второстепенныя задачи не согласны съ основнымъ стремленіемъ или противорѣчитъ ему, онѣ должны были отпасть. Поскольку онѣ согласны съ главенствующей тенденціей и не проти-

*) „Русскія Вѣдомости", 27 августа.

ворѣчатъ ей,—онѣ должны ее усилить. По этому логически необходимому пути идетъ жизнь. Закону логической необходимости подчинена система землеустройства. По тому же, конечно, закону развертывается и общая политика.

III.

Теперь часто приходится и читать, и слышать, что возвращается назадъ все старое, испытанное до 1905 г., до манифеста, до Цусимы. Много вѣрнаго въ томъ сравненіи. Режимъ Столыпина по существу преслѣдуетъ тѣ же соціально-политическія цѣли, какимъ задавался и режимъ Плеве. Есть, однако, и отличія. И среди нихъ немаловажную роль играетъ разница пріемовъ и темпа. Каковъ бы ни былъ Плеве, но даже въ его времена власть старалась казаться внѣпартійной и внѣсословной. Это была жалкая фикція, но ее считали нужнымъ охранять и время-отъ-времени подчеркивать. Заслуга или грѣхъ освободительнаго движенія, но оно заставило открыто, оффиціально провозгласить главной цѣлью защиту интересовъ «помѣстнаго землевладѣнія». И разъ эта откровенная нота была во всеуслышаніе взята, она предрѣшила всѣ дальнѣйшія откровенности, все дальнѣйшее поведеніе. Кажись, не секретъ, что всѣ важнѣйшіе акты во времена первой и второй Думы подсказаны объединеннымъ дворянствомъ. На первый взглядъ, въ этомъ безспорномъ фактѣ много несообразностей. Министерство финансовъ въ оффиціальныхъ документахъ говоритъ, что въ смутные годы помѣщичье земледѣліе уцѣлѣло лишь благодаря спеціальнымъ заботамъ правительства. И въ то же самое время то же самое землевладѣніе, оказывается, диктовало правительству, что дѣлать. Явленіе совершенно парадоксальное. Дѣло, однако, въ томъ, что объединенные дворяне были не столько вершителями судебъ, сколько совѣтчиками. Министерство финансовъ вполнѣ основательно указываетъ, что освободительное движеніе грозило упразднить «аристократію земли». Государственной власти, если бы это совершилось, престояло стать лицомъ къ лицу съ народомъ, лишиться той привычной опоры, какую она имѣетъ въ землевладѣльческомъ классѣ. Такое положеніе обязывало бы власть перестроить государственный бытъ на широкихъ демократическихъ основаніяхъ,—т. е. сдѣлать, съ ея точки зрѣнія, головокружительный прыжокъ въ неизвѣстность, чреватую большими неожиданностями. По *своимъ* соображеніямъ, независимо отъ интересовъ Марковыхъ и Пуришкевичей, государственная власть объявила: принудительное отчужденіе недопустимо, помѣщичье землевладѣніе должно быть сохранено. И сила Марковыхъ съ Пуришкевичами въ томъ, что они указали, пусть зоологическій, но единственно возможный при данныхъ условіяхъ путь, ведущій къ поставленной цѣли.

Къ этой цѣли все и направилось,—даже тѣ реформаторскіе замыслы, которые были не чужды кабинету г. Столыпина и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ наиболѣе приличнымъ охранительнымъ группамъ. Октябристы, напр., обязались добиться «мелкой земской единицы». Изъ этой, несомнѣнно, необходимой реформы, вышелъ проектъ поселковаго «самоуправленія», подъ непремѣннымъ руководствомъ помѣщика или его приказчиковъ. Не менѣе необходимы реформы мѣстнаго суда. Но крестьяне основательно не ждутъ ничего хорошаго, если ихъ волостные судьи будутъ именно теперь замѣнены судьей «бариномъ»: при господствѣ нынѣшнихъ тенденцій господа положенія Марковы и Пуришкевичи, конечно, употребятъ всѣ силы, чтобъ новый судъ былъ «барскій», помѣщичій, болѣе или менѣе близкій если не совсѣмъ къ вотчинному, то къ суду земскихъ начальниковъ. Не такъ давно въ Государственную Думу внесенъ новый законопроектъ «объ учрежденіи опекъ надъ сельскими обывателями вслѣдствіе расточительности или привычнаго пьянства, угрожающаго раззореніемъ». По существу, это, казалось бы, серьезная поправка къ упраздненію семейной собственности. И само министерство внутреннихъ дѣлъ, внесшее законопроектъ, этого не скрываетъ. Объяснительная записка считаетъ, что законопроектъ

„особенно важенъ въ настоящее время, когда въ сельскихъ мѣстностяхъ при широкомъ распространеніи дѣйствія указа 9 ноября 1906 г., ..могутъ обнаружиться въ отдѣльныхъ случаяхъ нежелательныя явленія расточительнаго отношенія къ земельной собственности на почвѣ непомѣрнаго пьянства и мотовства".

И не только «могутъ обнаружиться нежелательныя явленія»,— много такихъ «явленій» обнаружилось: отецъ семьи выдѣляется изъ общины, пропиваетъ земельку, мать съ дѣтьми идетъ по міру. Словомъ, законопроектъ, казалось бы, несомнѣнно, отвѣчаетъ на потребность жизни. И подходитъ министерство внутреннихъ дѣлъ къ вопросу объ опекахъ какъ будто теоретически правильно. Нынѣ дѣйствующій порядокъ сложенъ, а главное, учрежденіе опекъ надъ крестьянами расточителями производится въ административномъ порядкѣ. Семья расточителя должна подать прошеніе губернатору. Губернаторъ запрашиваетъ то общество, къ которому приписанъ расточитель. Общественный сходъ даетъ отзывъ о поведеніи. Потомъ дѣло поступаетъ въ губернское правленіе и т. д. Министерство внутреннихъ дѣлъ въ своей объяснительной запискѣ находитъ, что дѣла объ опекахъ должны быть предоставлены

„исключительно суду, въ соотвѣтствіи съ общимъ началомъ, по которому лишеніе столь важныхъ и существенныхъ правъ личности принадлежитъ суду, а не административной власти *).

*) Цит. по „Кіевской Мысли", 17 іюля.

Словомъ, правительство, казалось бы, старается сузить предѣлы административнаго усмотрѣнія, дѣлаетъ шагъ къ уравненію сословій... Чего лучше? Но кто же тѣ судьи, которые будутъ рѣшать вопросъ объ опекахъ? Первая инстанція—волостной судъ, вторая—уѣздный съѣздъ. Т. е. фактически все дѣло окажется въ рукахъ земскихъ начальниковъ; общество, отъ приговора котораго нынѣ все таки зависитъ то или иное рѣшеніе, будетъ устранено. Открыто охранительный указъ 9 ноября усилилъ власть барина-земскаго надъ хозяйственной жизнью мужика. Либеральный по внѣшнимъ, формальнымъ признакамъ законопроектъ о крестьянскихъ опекахъ въ дѣйствительности грозитъ усилить власть того же барина надъ мужицкой семьею. Я не знаю, была ли эта мысль у авторовъ законопроекта. Допустимъ, ея не было у нихъ. Пусть даже она не возникнетъ у правительственнаго большинства при обсужденіи законопроекта въ Думѣ и Совѣтѣ. Пусть новый законъ введутъ въ дѣйствіе, не задаваясь цѣлью создать новый легальный поводъ для вмѣшательства «близкаго къ народу» начальства въ семейныя отношенія крестьянъ. Но если даже все это предположить и допустить, то все таки основная тенденція власти не можетъ не отразиться всюду, куда эта власть проникаетъ. Съ умысломъ или безъ умысла данный законъ возникаетъ, но разъ онъ можетъ въ какомъ-либо отношеніи помочь главенствующимъ цѣлямъ власти и охранительныхъ группъ, власть и охранительныя группы не преминутъ имъ для этихъ цѣлей воспользоваться; и, наоборотъ, если законъ противодѣйствуетъ главенствующимъ цѣлямъ власти, она постарается его измѣнить, «разъяснить» или попросту будетъ игнорировать,—благо, въ Россіи законъ вообще отступаетъ на заднiй планъ при столкновеніи съ видами и предположеніями правительства. Обѣщаютъ новый законъ о печати,—онъ, разумѣется, направленъ къ дальнѣйшему ущемленію ея. Такъ оно и нужно для основной тенденціи. Пусть думская оппозиція исправитъ этотъ законъ, сдѣлаетъ его либеральнымъ, сумѣетъ какимъ-либо чудомъ провести въ Думѣ и Совѣтѣ, достигнуть утвержденія. Какъ бы ни былъ онъ хорошъ, лучше отъ него не станетъ,—положеніе печати останется такимъ же, какого требуетъ основная тенденція внутренней политики. Обѣщаютъ законъ о всеобщемъ обученіи,—съ оговоркою, однако, что для его осуществленія нужно 100 милліоновъ рублей, а такъ какъ государственное казначейство не обладаетъ такими средствами, то законъ будетъ имѣть, такъ сказать, теоретическое значеніе. Прогрессивная печать протестуетъ противъ этой оговорки. Оно и резонно: если нашлось 120 милліоновъ на одно только поднятіе земельныхъ цѣнъ, то 100 милліоновъ на народныя школы должны бы найтись. Но вѣдь г. Пуришкевичъ и объединенные дворяне уже категорически объявили, что они понимаютъ, какой вредъ для нихъ народное образованіе. Всеобщее обученіе—одна изъ тѣхъ второстепенныхъ задачъ, которыя искус-

ственно пристегнуты къ основной политической тенденціи. И по скольку эта задача противорѣчитъ основной тенденціи, она должна отпасть или извратиться, какъ это и случилось, напр., въ школахъ Бахмутскаго у., признанныхъ идеальными потому, что въ нихъ, по указкѣ инспектора народныхъ училищъ г. Луцкевича, общеобразовательные предметы сведены на нѣтъ и замѣнены игрой въ потѣшные. Игра въ потѣшные—средство модное. Есть вѣдь и старыя испытанныя средства, ведущія къ той же цѣли: усиленное углубленіе юныхъ умовъ въ тонкости славянскаго языка, обученіе исключительно по церковнымъ книгамъ и т. д. Самыя благія намѣренія не могутъ не быть подавлены той цѣлью, которая признана во всѣхъ отношеніяхъ первенствующею. Самые хорошіе законы, давно существующіе или вновь написанные, первенствующая цѣль власти и охранительныхъ группъ либо фактически упразднитъ, либо приспособитъ. И въ прогрессивной печати невольно прорывается вопросъ: не всуе ли писать законы?

Къ этому выводу пришелъ, между прочимъ, и г. Маклаковъ. Въ послѣдніе мѣсяцы онъ, бесѣдуя съ сотрудниками газетъ, неизмѣнно почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ повторяетъ одну и ту же мысль:

— Я всегда говорилъ, что скверно у насъ не столько законодательство, сколько управленіе... *)

— Я ужъ давно говорилъ, и мнѣ становится все болѣе очевиднымъ, что зло не въ нашихъ законахъ, а въ нашихъ методахъ управленія... **)

— Меня разъясненіе сената (по дѣлу объ елисаветградскомъ обществѣ обывателей) лишній разъ убѣждаетъ въ справедливости словъ Бисмарка, что тамъ, гдѣ управленіе недобросовѣстно, писать законы совершенно безполезно ***).

Если не говорить объ интендантскихъ и иныхъ злоупотребленіяхъ, противъ которыхъ вѣдь и г. Столыпинъ посылалъ ревизоровъ, то, вообще, никакая власть не задается мыслью управлять скверно. Власть ставитъ себѣ реальную цѣль, избираетъ необходимыя для этой цѣли средства. Средства могутъ быть правильны и неправильны,—это вопросъ цѣлесообразности. И пока этотъ вопросъ не рѣшенъ, слова: «скверный, недобросовѣстный»—плохой резонъ. Быть можетъ, съ точки зрѣнія цѣлесообразности, «скверное», по мнѣнію г. Маклакова, окажется необходимымъ, а «недобросовѣстное»—единственно возможнымъ. Всѣ мы знаемъ, какое управленіе имѣла Россія во времена Николая Павловича,—напр., въ концѣ 40-ыхъ годовъ прошлаго вѣка. Но всѣ понимаемъ также, что инымъ это управленіе едва ли могло быть при той соціально-охранительной тенденціи, какая тогда лежала въ основѣ внутренней политики. Отъ этой тенденціи все исходило

*) „Русское Слово", 18 іюня.

**) „Рѣчь", 27 августа.

***) „Русскія Вѣдомости", 27 августа.

и къ ней возвращалось. И мы совершенно не могли бы понять системы управленія конца 40-хъ годовъ, если бы стали разсматривать ее внѣ связи съ основнымъ стремленіемъ власти—сохранить крѣпостное право. Точно также мы рискуемъ наговорить много праздныхъ словъ о системѣ г. Столыпина, если будемъ оцѣнивать ее внѣ той соціально-охранительной цѣли, какою эта система проникнута.

Позвольте привести нѣсколько общихъ, схематическихъ соображеній. Охрана интересовъ 130 тысячъ,—эта цѣль объявлена и поставлена оффиціально. Предположите, что эта цѣль и необходимыя для нея средства на оцѣнку подавляющаго большинства современнаго намъ образованнаго общества представляются анахронизмомъ, вреднымъ и раззорительнымъ для страны. При такомъ предположеніи, необходимо придти къ выводу, что власть окажется вынужденной искать необходимыя для нея служебныя силы среди людей, малообразованныхъ, культурно и умственно недоразвитыхъ, или даже страдающихъ моральнымъ кретинизмомъ, безграничнымъ отношеніемъ къ добру и злу, способныхъ служить чему угодно и какъ угодно, лишь-бы услуги сколько-нибудь щедро оплачивались. Другими словами, служебныя силы не будутъ блистать культурностью. И чѣмъ глубже разладъ между задачами, поставленными управленію, и мнѣніями, принятыми въ образованномъ обществѣ, тѣмъ ярче должны проявляться признаки того, что называется одичаніемъ власти. Если допущенное нами предположеніе совпадаетъ съ дѣйствительностью, то можете сколько-угодно жаловаться на низкій культурно-моральный уровень, напр., русской администраціи; г. Столыпинъ въ правѣ возразить: «гдѣ взять хорошихъ, образованныхъ, культурныхъ, людей?» Предположите другое,—допустимъ, что изъ каждой сотни нынѣшняго населенія страны 60 человѣкъ относятся къ оффиціально поставленной задачѣ неодобрительно. Если такъ, то самое стремленіе осуществить намѣченную цѣль превратится въ борьбу съ 60 процентами населенія. И чѣмъ большее количество населенія не сочувствуетъ основной задачѣ правительства, тѣмъ ближе методы управленія будутъ подходить къ тому, что называютъ борьбою власти съ народомъ,—борьбою, во время которой было бы прямо-таки наивно требовать хорошаго управленія.

Наконецъ, мало оффиціально поставить извѣстную цѣль. Для нея нужно вѣдь и теоретическое обоснованіе; она, какъ и всякая другая цѣль, требуетъ соотвѣтственной идеологіи; создается необходимость въ формулировкѣ сообразныхъ съ этой идеологіей мнѣній, взглядовъ, догматовъ... Задались цѣлью спасти «культурный элементъ въ деревнѣ». Почему это нужно? Потому разумѣется, что культурный элементъ—основа порядка и т. д. Но культурный элементъ, несмотря на всѣ мѣры, таетъ. Какъ же можно остаться безъ основы? И задача, первоначально консервативная, охрани-

тельная, превращается въ задачу творческую: надо возсоздать «аристократію земли». Почему именно аристократію? чѣмъ она лучше плебеевъ? Споръ относится какъ будто только къ «землеустройству». Но аргументы, естественно необходимые въ этомъ спорѣ, имѣютъ значеніе не только для землеустроителей,—достаточно сказать, что съ ними недавно пришлось считаться, напр., военному суду. Рѣшаюсь остановиться на этомъ конкретномъ примѣрѣ,—онъ довольно характеренъ. Въ Новочеркассѣ военнымъ судомъ разсматривалось дѣло по обвиненію бывшаго начальника 4-ой донской казачьей дивизіи генерала Телешева и двухъ его подначальныхъ въ присвоеніи казенныхъ денегъ, подлогѣ и другихъ преступленіяхъ. На судѣ нѣкоторые изъ офицеровъ подтвердили, въ качествѣ свидѣтелей, обвиненіе. Призналъ въ общемъ показанія свидѣтелей правильными и одинъ изъ обвиняемыхъ. Генералъ Телешевъ оспаривалъ эти показанія, называлъ ихъ ложными и голословными. Оспаривалъ ихъ и защитникъ генерала Телешева, присяжный повѣренный Ливенсонъ. И въ доказательство, почему именно свидѣтельскимъ показаніямъ въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ вѣрить, онъ выдвинулъ, по словамъ «Приазовскаго Края», любопытную аргументацію:

Ссылаясь на *принадлежность Телешева къ аристократическимъ кругамъ Петербурга*, защитникъ сказалъ, что *генералъ внѣ всякихъ подозрѣній* и естественно не могъ отвѣчать на всѣ пересуды казаковъ, офицеровъ, какъ извѣстно, *демократическаго происхожденія*. Между офицерами полка,—говорилъ защитникъ—сплетни, подслушиванье и т. д. Но развѣ Телешевъ могъ реагировать на разнаго рода судачества? *).

Мы спрашивали: почему именно нужно создавать аристократію? Чѣмъ же лучше плебеевъ? А вотъ, видите, почему: генералъ Телешевъ принадлежитъ къ аристократическому кругу, и уже поэтому онъ «внѣ подозрѣній». Другіе офицеры «демократическаго происхожденія», и уже поэтому они склонны заниматься сплетнями и пересудами... Теорія черной и бѣлой кости, казалось, давно сдана въ архивъ. Однако, ее пришлось вытащить оттуда, слегка реставрировать, и она является въ судъ, и требуетъ, чтобы ее признали догматомъ. И не только въ судѣ она этого требуетъ. Г. Меньшиковъ уже повторилъ, напр., почти всѣ доводы покойнаго Леонтьева, идеолога и защитника «историческихъ правъ» россійскаго дворянства, противъ народнаго образованія: поменьше школъ и въ особенности среднихъ:

„Какъ бабочки на огонь—пишетъ онъ въ „Новомъ Времени"—темные слои общества тянутся къ недоступному имъ просвѣщенію, напрасно обжигая трудовыя крылья. Государство не должно потворствовать дурной страсти населенія тянуться въ господа бездѣльнаго типа" **).

---

*) Цит. по „Русскимъ Вѣдомостямъ", 3 октября. Курсивъ мой,—А. П.
**) Цит. по „Одесскимъ Новостямъ", 22 августа.

И государство не потворствуетъ,—систематически, между прочимъ, повышаетъ плату за ученіе; нѣкоторыя вновь открытыя въ нынѣшнемъ году казенныя гимназіи сразу же установили плату до 70 руб. въ годъ съ каждаго ученика, даже второго и перваго классовъ... Да здравствуютъ аристократы и долой кухаркиныхъ дѣтей!.. И, судя по моимъ личнымъ наблюденіямъ, эти мѣропріятія противъ кухаркиныхъ дѣтей въ представленіи нѣкоторыхъ «аристократовъ земли» связываются, напр., съ новыми законами о вольноопредѣляющихся и преобразованіи юнкерскихъ училищъ. Послѣднія, какъ извѣстно, рѣшено обратить въ спеціальныя полувысшія школы и принимать въ нихъ будутъ вольноопредѣляющихся, имѣющихъ аттестатъ зрѣлости. Тѣ «аристократы земли», съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать, выражаютъ такую надежду: благодаря принятымъ по министерству народнаго просвѣщенія мѣрамъ, обыкновеннымъ мѣщанскимъ и мужицкимъ дѣтямъ объ аттестатѣ зрѣлости и мечтать нечего, отъ военныхъ школъ они отрѣзаны; служба въ офицерскихъ рядахъ для нихъ закрыта; разночинецъ, добившійся аттестата зрѣлости, предпочтетъ высшую образовательную школу и либеральную профессію; во всякомъ случаѣ среди разночинцевъ правительство не найдетъ достаточнаго контингента для заполненія юнкерскихъ училищъ.

— Вотъ, значитъ, дѣтямъ изъ благородныхъ семействъ и откроется дорога...

— У нихъ, Богъ дастъ, и аттестатъ зрѣлости не будутъ требовать. Можно такой льготы добиться.

— Помилуйте, до чего дошло! Чуть ли не половина офицерства изъ мѣщанъ, а то и вовсе изъ мужиковъ. Батька лаптемъ щи хлебаетъ, отхожія мѣста чиститъ, а сынъ—офицеръ, «ваше благородіе». Каждому офицеру присвоенъ титулъ: «благородіе», значитъ, и долженъ быть каждый офицеръ, дѣйствительно, изъ благородныхъ, а не изъ мужиковъ...

Помнится, на это «безобразіе» обращалъ вниманіе и г. Меньшиковъ. Надо надѣяться, что онъ возьмется, наконецъ, за эту тему вплотную. Если необходимо, какъ онъ увѣряетъ, аристократизировать весь вообще государственный строй, то еще болѣе неизбѣжно аристократизировать командный составъ арміи, дабы и сухопутныя войска достигли такого же цвѣтущаго состоянія, въ какомъ находился аристократизированный россійскій флотъ.

Конечно, это пока предположенія. Но они вполнѣ согласны съ фактами. Извѣстнымъ указомъ въ 1906 году усилена роль крестьянскаго представительства въ земствѣ. Теперь идетъ напряженная борьба, чтобъ этотъ указъ свести на нѣтъ. Земскіе начальники всемѣрно стараются, чтобы выборы гласныхъ отъ крестьянъ происходили по указкѣ начальства. Отмѣна выборовъ практикуется такъ широко, что мѣстами, напр., въ Воронежской губерніи, на лицо оказывается 5 гласныхъ отъ крестьянъ, вмѣсто 11 (воронеж-

-ское земство), одинъ, вмѣсто девяти (задонское земство)... Да и какъ иначе можетъ быть, если мѣстному провинціальному начальству прямо предлагается «помочь помѣщикамъ вернуть ихъ бывшія мѣста въ земствѣ» («Вѣстникъ Европы», іюль, очеркъ; «Новая крѣпь», стр. 98).

Я бы не скоро кончилъ, если бы захотѣлъ подробно на конкретныхъ примѣрахъ показать, какъ реставрируется теорія черной и бѣлой кости, и какія обширныя права она предъявляетъ къ жизни. Думаю, что сейчасъ намъ и нѣтъ надобности въ подробныхъ иллюстраціяхъ. Теорія эта понадобилась для основной цѣли, какую ставитъ себѣ правительство г. Столыпина и единомысленныхъ съ нимъ охранительныхъ группъ. И всѣ, кому она выгодна, нужна, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, полезна, стараются предъявить ее всюду, гдѣ можно. Я понимаю, что отдѣльные изъ нынѣшнихъ охранителей, пожалуй, смутятся, очутившись передъ мыслью повсемѣстнаго приложенія этой теоріи. Въ частности, быть можетъ, кое-кого способно привести въ замѣшательство предложеніе аристократизировать командный составъ арміи. Но это замѣшательство должно пройти: разъ превосходство бѣлой кости надъ черною признано въ дѣлахъ «землеустройства», разъ эта теорія необходима для идеологическаго обоснованія главной задачи, охранители не могутъ отъ нея отказаться, если бы даже хотѣли. Надѣялись на конституцію. И дождались фактическаго возстановленія началъ вотчинной государственности. И чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе не видѣть, что эти начала реставрируются не только какъ фактъ, но и какъ принципъ.

Выше я напомнилъ, какъ и почему понадобился актъ 3 іюня. И уже хотя бы для одного того, чтобы обосновать только эту логическую спаянную съ охранительной тенденціей мѣру, оффиціозной печати, въ томъ числѣ и «Россіи», пришлось выдвинуть теорію вотчинной государственности: источникомъ законовъ можетъ быть тольно воля власти. И потому всякій законъ, всякое обязательство власти можетъ имѣть силу ровно по стольку, по скольку этого желаетъ власть, и пока она этого желаетъ. Теорія эта, торжественно примѣненная къ имперіи Россійской, нынѣ примѣняется къ великому княжеству Финляндскому. И между прочимъ,—октябристовъ, рукоплескавшихъ примѣненію вотчиннаго права къ Россіи, стали обвинять въ непослѣдовательности, когда они одобрили примѣненіе этого права и къ Финляндіи. Поистинѣ, странное обвиненіе! Наоборотъ, октябристы ужъ слишкомъ послѣдовательны. Принципъ вотчинной государственности, примѣненный въ обширныхъ масштабахъ къ большой политикѣ, по естественному порядку вещей не можетъ не отражаться и въ повседневныхъ явленіяхъ государственнаго быта. Не думаю, чтобы нужно было теоретически доказывать неизбѣжность такого естественнаго порядка вещей. Лучше, мнѣ кажется, просто остановиться на нѣсколькихъ фактахъ.

Россія—вотчина. Права власти безграничны. Въ Екатеринославѣ есть тюремное начальство—скромный, но несомнѣнный представитель власти и ея безграничныхъ правъ. Этому скромному представителю власти понадобилась земля,—для чего именно, увидимъ ниже. Тюремные чины давно уже облюбовали участокъ городской земли, въ центральной части города *). Министръ юстиціи ассигновалъ по телеграфу средства, необходимыя, чтобъ огородить облюбованную землю. Въ началѣ августа или въ самомъ концѣ іюля пригнали на нее арестантовъ и огородили казеннымъ заборомъ. И все это открыто, что называется, среди бѣла дня, безъ всякаго предупрежденія города. Пришли и взяли, что нравилось и сколько хотѣлось. Съ точки зрѣнія вотчиннаго права, это и естественно: такъ вѣдь и въ крѣпостной деревнѣ, идеальномъ прототипѣ вотчинныхъ порядковъ, владѣлецъ бралъ, что хотѣлъ и когда хотѣлъ. Екатеринославскіе тюремные чины, однако, предполагали, что городская управа вотчиннымъ порядкамъ подчиниться не захочетъ. И—характерно—уже одно предположеніе, что управа не подчинится и станетъ протестовать противъ захвата, повидимому, раздражало и сердило тюремную власть. И она заранѣе рѣшила проучить строптивцевъ. Какъ именно проучить,—объ этомъ оффиціально освѣдомили члена екатеринославской городской управы г. Бурмейстера, когда онъ, въ сопровожденіи полицейскаго чиновника, землемѣра и понятыхъ, явился для составленія акта о захватѣ. Подъ конецъ составленія акта

...явился начальникъ исправительнаго отдѣленія и выразилъ члену управы сожалѣніе, что не пришелъ раньше, указавъ, что не допустилъ бы измѣренія, при чемъ на соотвѣтствующій вопросъ отвѣтилъ, что получилъ отъ губернскаго тюремнаго инспектора 24 іюня с. г. за № 638 предписаніе удалять и даже арестовать въ случаѣ надобности представителей городского управленія при появленіи ихъ въ захваченномъ участкѣ".. **)

По свѣдѣніямъ «Южной Зари», губернскій тюремный инспекторъ отдалъ также и словесное распоряженіе:

при появленіи городскихъ агентовъ на спорной землѣ старшіе чины тюремной стражи должны удалиться, а младшіе—„исполнить свой долгъ". Что на тюремномъ языкѣ значитъ „исполнить свой долгъ",—поясняетъ екатеринославская газета—люди знающіе хорошо понимаютъ ***).

А не понимающимъ объяснилъ екатеринославскій городской голова, заявившій въ открытомъ засѣданіи городской думы, что и

---

*) Докладъ городской управы даетъ, между прочимъ, такія свѣдѣнія объ этомъ участкѣ. До 1908 г. на немъ стоялъ циркъ, въ 1910 г.—городская лавка; потомъ городская дума постановила отвести эту землю подъ постройку второй классической гимназіи. Для сдачи подъ эту постройку участокъ и былъ приготовленъ, когда его неожиданно захватило тюремное вѣдомство.

**) Такъ излагается дѣло въ докладѣ екатеринославской городской управы, напечатанномъ мѣстной „Южной Зарей" 12 сентября.

***) „Южная Заря", 18 сентября.

тюремный инспекторъ приказалъ по телефону при появленіи на захваченномъ участкѣ представителя города *стрѣлять* («Рѣчь», 13 октября»).

Какъ видите, избранъ методъ дѣйствій, въ которомъ воскресаютъ характерныя черты даже не просто вотчиннаго, а вотчинно-кулачнаго права. Г. Бурмейстеръ явился для составленія акта, когда его не ждали. Повидимому, только это и спасло его отъ непосредственнаго знакомства съ средневѣковыми способами рѣшенія гражданскихъ споровъ. Сверхъ этого, къ счастью, на сей разъ только теоретическаго освѣдомленія о заранѣе отданныхъ приказахъ, г. Бурмейстеру пришлось познакомиться на мѣстѣ захвата и съ другими любопытными обстоятельствами. На захваченномъ участкѣ въ моментъ составленія акта оказался нѣкто, назвавшій себя Андріевскимъ, коллежскимъ ассесоромъ, «служащимъ въ одномъ изъ отдѣловъ министерства внутреннихъ дѣлъ». По словамъ цитированнаго выше доклада, г. Андріевскій объявилъ члену городской управы, что онъ

„обо всемъ этомъ разскажетъ Петру Аркадьевичу, съ которымъ лично знакомъ, что сынъ Владиміра Васильевича (вновь назначеннаго екатеринославскаго губернатора) служитъ у него, г. Андріевскаго, помощникомъ", и вообще „чтобы городъ не разсчитывалъ на успѣхъ своего дѣла съ тюремнымъ вѣдомствомъ"...

Есть, конечно, суды и законы, но

„министръ внутреннихъ дѣлъ будетъ смотрѣть на процессъ его, коллежскаго ассесора Андріевскаго, глазами", а „министерство юстиціи идетъ рука объ руку съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, т. е. исполняетъ угодное министерству внутреннихъ дѣлъ,—поэтому процессъ городомъ будетъ проигранъ".

Всуе ссылаться на законы,—есть воля начальства, и какъ скажетъ «Петръ Аркадьевичъ», такъ и будетъ. Кто же этотъ г. Андріевскій, объявляющій во всеуслышаніе съ удовольствіемъ и даже съ гордостью столь несомнѣнныя истины? Къ сожалѣнію, докладъ управы на выясненіи его комерческой роли въ этомъ дѣлѣ не останавливается. По газетнымъ же свѣдѣніямъ, г. Андріевскій — подрядчикъ по постройкѣ новыхъ тюремныхъ зданій въ Екатеринославѣ. Ему нужно было мѣсто для склада строительныхъ матеріаловъ. Совершивъ захватъ, тюремное вѣдомство прежде всего разрѣшило г. Андріевскому обратить захваченное мѣсто подъ складъ... Картинка, которая прямо переноситъ насъ въ тѣ времена, когда теоріи вотчиннаго права, черной и бѣлой кости и т. д. были непререкаемымъ закономъ общественной жизни. И если эти теоріи воскресаютъ даже не въ деревенскомъ захолустьѣ, а въ большомъ бойкомъ промышленномъ городѣ, имѣющемъ нѣсколько газетъ, высшую школу, цѣлый рядъ другихъ культурныхъ учрежденій, то кто же рѣшиться сказать, что прин-

ципы большой политики не отражаются и въ повседневномъ быту?

Безъ сомнѣнія, найдется не мало охотниковъ свести екатеринославскій эпизодъ къ мелкимъ и случайнымъ злоупотребленіямъ. «Маленькіе недостатки механизма», какой-то коллежскій ассесоръ, какой-то тюремный инспекторъ... Но вотъ не коллежскій ассесоръ, а самъ г. Столыпинъ въ сопровожденіи г. Кривошеина путешествуетъ по Европейской Россіи и Сибири,—такъ сказать, оторвался отъ заоблачныхъ и плохо видныхъ обывателю высотъ большой политики и перенесъ свои взгляды, привычки, вкусы въ повседневный обиходъ. Путешествіе предсѣдателя Совѣта Министровъ довольно ярко освѣщено въ газетахъ. Картина говоритъ сама за себя, почти не нуждается въ надписяхъ: «се левъ, а не собака». И я могу ограничиться напоминаніемъ о нѣсколькихъ эпизодахъ. Сановнаго путешественника ждутъ въ Сарапульскомъ уѣздѣ. По этому случаю, оказывается, необходимо принять, между прочимъ, такія мѣры. Въ село Галево, напр.,

5 сентября пріѣхалъ приставъ съ 50 стражниками, заняли берегъ рѣки и немедленно приступили къ конфискаціи всѣхъ береговыхъ лодокъ, отбивая замки и стягивая лодки къ одному мѣсту. Населеніе недоумѣвало:

Почему?

— Нельзя, и больше ничего.

— Но у меня тамъ хуторъ... куры, утки, кормъ везу...

По обоимъ берегамъ Камы и на островахъ были разставлены пикеты. Желѣзная дорога на Воткинскъ поступила въ распоряженіе полиціи. Движеніе поѣздовъ съ пассажирами на Галево было прекращено.

Такая охрана длилась до 8 сентября *).

То есть, на все время ожиданія и проѣзда двухъ министровъ желѣзнодорожное пассажирское движеніе прекращено, переправы черезъ рѣку закрыты, обывательскія средства сообщенія конфискованы, подвернувшееся при этомъ подъ руку частное имущество частью испорчено, частью приведено въ негодность («отбивали замки»). Словомъ, населеніе цѣлаго района оказалось обязаннымъ перенести невзгоды, возможныя лишь при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, въ родѣ военныхъ дѣйствій, общей забастовки, урагана, землетрясенія. И это не только въ Сарапульскомъ у. Общее правило: «особый министерскій поѣздъ задерживалъ движеніе по желѣзной дорогѣ». Задерживалъ даже тогда, когда путешественники желали воспользоваться услугами парикмахера:

Въ Томскъ министерскій поѣздъ прибылъ въ 8 ч. 35 мин. утра 1 сентября. Желѣзнодорожное начальство собралось заблаговременно на платформу и выстроилось подъ дождемъ. Подошелъ поѣздъ, но министры не вышли. Со станціи помчалась въ городъ коляска за парикмахеромъ. Пока

---

*) „Кіевскія Вѣсти", 24 сентября.

парикмахеръ пріѣхалъ, пока онъ занимался своимъ дѣломъ,—желѣзнодорожное начальство мокло на платформѣ *).

И станція закрыта, путь занятъ, движеніе на участкѣ прекращено. «Только въ 10 час. 15 мин. министры вышли и поѣхали осматривать городъ» *). Конечно, гг. Столыпинъ и Кривошеинъ могли бы и не задерживать поѣзда у станціонной платформы. Но они желаютъ совершить туалетъ именно въ вагонѣ, а потому все должно остановиться... Это картинки, взятыя мною наудачу, изъ путешествія по желѣзнымъ дорогамъ. А вотъ и путешествіе на лошадяхъ по Сибири, гдѣ особой инструкціей начальника уѣзда предписывалось раздѣлить

уѣздъ на участки, каждый участокъ на дроби, соотвѣтственно количеству перепряжекъ. Такимъ образомъ, напр., на Петропавловскій уѣздъ, длиною въ 250 верстъ, приходилось 4 участка съ 14 перепряжками. Лошадей нужно заготовить на каждой перепряжкѣ по 60, да при нихъ ямщиковъ по 18... Для наблюденія за запряжкой (помимо ямщиковъ) назначено еще по 10 человѣкъ на каждой перепряжкѣ.

Людей и лошадей нужно собрать заранѣе съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы до пріѣзда путешествующихъ особъ каждую запряжку лошадей «прорепетировать». Сверхъ того, «на спускахъ къ мостахъ и переѣздахъ черезъ овраги» должно находиться «достаточное количество людей на случай помощи». Помимо обычнаго исправленія мостовъ, гатей, дорогъ, чистки улицъ, должны быть очищены лежащіе на пути берега рѣкъ, озеръ, водомоевъ **). Печать основательно по этому поводу вспоминаетъ о временахъ Потемкина, когда на странѣ лежала такая же натуральная и такая же, разумѣется, безмездная повинность оказывать проѣзжающимъ сановникамъ безграничное гостепріимство. Въ новизнахъ г. Столыпина, дѣйствительно, старина наша слышится,—старина средневѣковой, вотчиной государственности. Такъ въ доброе старое время благородные господа по своимъ крѣпостнымъ маетностямъ ѣзживали,—все обычное теченіе жизни должно прекратиться, и всѣ должны служить, потому что ѣдетъ самъ баринъ, потому что такъ желаетъ баринъ, такъ барину нравится. Маленькіе люди, колежскіе асессоры, какъ видите, лишь списки съ высокихъ оригиналовъ, они лишь подражатели высокимъ образцамъ. И если г. Маклаковъ находитъ примѣненіе вотчинныхъ принциповъ къ современнымъ намъ условіямъ жизни сквернымъ управленіемъ, пусть онъ докажетъ, что цѣль, поставленная правительствомъ и охранительными группами, требуетъ иныхъ принциповъ. Если же для этой цѣли нужны именно тѣ средства, какія примѣняетъ г. Столыпинъ, и тѣ именно принципы, которые онъ старается проводить въ жизнь, тогда источникъ явленій, удручаю-

*) „Рѣчь“, 5 сентября.
**) Тамъ же.
***) „Рѣчь“, 27 сентября.

щихъ г. Маклакова, надо искать не въ скверномъ или хорошемъ, добросовѣстномъ или недобросовѣстномъ управленіи,—источникомъ, очевидно, служитъ все та же основная соціально-охранительная тенденція. Пока она лежитъ во главѣ угла,—всуе законы писать: ибо если бы ихъ и удалось хорошо написать, она ихъ отброситъ, извратитъ, сведетъ на нѣтъ; всуе и ждать перемѣнъ въ системѣ управленія: Россія нынѣ управляется, смѣю думать, цѣлесообразно. А хороша или дурна цѣль, и куда она толкаетъ страну, къ чему ведетъ,—это уже другой вопросъ.

Въ ночь съ 3 на 4 октября скончался Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Трудно сказать, какъ отозвалась смерть предсѣдателя Первой Государственной Думы въ народныхъ массахъ. Но образованное общество—новая утрата всколыхнула. Охотники осквернить свѣжую могилу, конечно, нашлись. Однимъ изъ первыхъ постаралось это сдѣлать большинство Петербургской городской думы. Какъ и слѣдовало ожидать, не упустилъ случая и г. Меньшиковъ. Не преминули проявить мстительное чувство по отношенію къ покойнику и отдѣльные представители православнаго духовенства,—нѣкоторые изъ провинціальныхъ архіеревъ, напр., запретили служить панихиды по усопшемъ. Нѣтъ недостатка въ такихъ же дѣйствіяхъ и со стороны отдѣльныхъ чиновъ судебнаго, полицейскаго, учебнаго и проч. вѣдомствъ. Но эти злобныя выходки лишь подчеркнули то единодушное чувство скорби, какое вызвала въ широкихъ общественныхъ кругахъ смерть Муромцева. А въ Москвѣ день похоронъ самыми разнообразными слоями городского населенія отмѣченъ, какъ день общаго траура.

Въ нормальныхъ условіяхъ смерть крупнаго человѣка заставляетъ вспомнить, что далъ онъ обществу. Но Россія—страна своеобразныхъ условій. И передъ свѣжею могилой иныя, болѣе скорбныя и болѣе горькія мысли тѣснятся въ головѣ. Невольно вспоминаешь, какими ранами наградила родина-мать одного изъ выдающихся сыновъ своихъ, какими терніями она устлала его жизненый путь. И невольно спрашиваешь себя: за что?

Муромцевъ былъ профессоръ по призванію, профессоръ Божіею милостью. И вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ профессоръ, который значительную часть своей жизни оставался безъ каѳедры. Её у него отняли надолго; отняли, когда Сергѣю Андреевичу было всего 34 года отъ роду,—въ самомъ началѣ расцвѣта его духовныхъ и тѣлесныхъ силъ. Покойный извѣстенъ, какъ талантливый редакторъ «Юридическаго Вѣстника». Но именно потому, что журналъ подъ редакціей Муромцева сталъ вліятельнымъ органомъ, его подчинили предварительной цензурѣ и тѣмъ заставили прекратить существованіе. У Муромцева былъ крупный организаторскій талантъ. Онъ внесъ его въ дѣятельность Московскаго юридическаго общества...

Но лишь только общество окрѣпло, его закрыли... Такъ своеобразно признавала русская жизнь таланты Муромцева, такъ поощряла она жажду работать на пользу общества.

Такова, конечно, судьба многихъ выдающихся людей въ Россіи. Но Муромцевъ чаще всего не давалъ даже внѣшнихъ поводовъ, чтобы русская жизнь самыя дарованія его обратила въ источникъ неисчислимыхъ душевныхъ ранъ. Человѣкъ сдержанный, на рѣдкость уравновѣшенный, онъ лучше, чѣмъ многіе другіе, умѣлъ не осложнять своей культурной общественной дѣятельности рѣзкими словами или рѣзкими поступками. Человѣкъ очень умѣренныхъ политическихъ убѣжденій, онъ не могъ быть обвиненъ въ радикализмѣ, въ увлеченіи идеями, которыя полицейская терминологія называетъ «разрушительными». На своемъ примѣрѣ покойный убѣждался и могъ другихъ убѣдить въ томъ, что наглядно показано нынѣшнимъ походомъ противъ Финляндіи. Царство Польское лишено правовыхъ гарантій потому, что поляки давали поводъ для обвиненій въ «мятежѣ». Финляндцы были все время строго лойяльны, и тѣмъ не менѣе великое княжество Финляндское рѣшено лишить правовыхъ гарантій. Убѣжденный сторонникъ правовой государственности, Муромцевъ жаждалъ порядка, основаннаго на правѣ, на положительныхъ законахъ. Именно это скромное, естественное желаніе, независимо отъ той формы, въ какую оно облечено, оказывалось «безмысленными мечтаніями», равносильными государственному преступленію.

Но вотъ насталъ 1905 г. Блага правовой государственности оффиціально признаны, согласіе на нихъ торжественно обѣщано. Явилось первое въ Россіи народное представительство. Въ ту пору многимъ такъ страстно хотѣлось вѣрить въ возможность закономѣрнаго, законодательнаго разрѣшенія великаго вопроса русской исторіи, что они повѣрили, повѣрили на перекоръ очевидности, повѣрили, какъ бы повторяя знаменитыя слова извѣстнаго отца христіанской церкви: вѣрю, потому что это—абсурдъ. Повѣрилъ и Муромцевъ. «Совершается великое—говорилъ онъ, избранный въ предсѣдатели Думы.—Воля народа получаетъ свое выраженіе въ формѣ правильно, постепенно дѣйствующаго на неотъемлемыхъ законахъ основного законодательнаго учрежденія». *Неотъемлемые законы*... Слишкомъ скоро обнаружилось, что они отъемлемы. И Муромцевъ, убѣжденный, быть можетъ, даже слишкомъ прямолинейный защитникъ юридическихъ формъ, подписалъ выборгское воззваніе. За это Россія оффиціальная объявила Муромцева, какъ и многихъ другихъ депутатовъ первой Думы, государственнымъ преступникомъ и посадила въ тюрьму. Самобытныхъ лавровъ за долголѣтнюю общественную дѣятельность у насъ рѣдко кому суждено избѣжать. Увѣнчали они и чело Муромцева.

Смерть Муромцева совпала съ моментомъ, когда надежды на закономѣрное разрѣшеніе великаго историческаго вопроса въ рус-

скомъ обществѣ почти окончательно исчезли. Напомнивъ былое, она подчеркнула необходимость искать выхода. И если бы память о Муромцевѣ дала толчокъ къ болѣе вдумчивому исканію выхода,—это было бы, пожалуй, лучшимъ памятникомъ почившему.

А. Петрищевъ.

Черты военнаго правосудія.

I.

Дѣло Юсупова.

Мнѣ пришлось однажды близко взглянуть на военное правосудіе по слѣдующему случаю.

Въ ноябрѣ 1899 года, въ Грозненскомъ округѣ тремя чеченцами было произведено нападеніе на хуторъ нѣкоего Денишенка. Самого хозяина дома не было. Разбойники захватили разныя вещи, въ томъ числѣ голову сахару. Шумъ на хуторѣ привлекъ нѣсколькихъ сосѣдей, и разбойники, сдѣлавъ по нимъ четыре выстрѣла, скрылись. Дѣло происходило вечеромъ; разглядѣть лица было трудно, но семейные Денишенка показали, что одинъ изъ разбойниковъ какъ будто похожъ на чеченца Юсупова, года за два передъ тѣмъ жившаго у Денишенка въ работникахъ. Въ данное время Юсуповъ жилъ неподалеку, на своемъ собственномъ хозяйствѣ. Денишенко показалъ, кромѣ того, что вмѣстѣ съ сахаромъ у него была припрятана сторублевая бумажка, которую тоже похитили нападавшіе.

Юсуповъ и предсталъ передъ военными судьями въ Грозномъ, 2 апрѣля 1899 года.

Никто изъ семьи Денишенко на судъ не явился. Оказалось, что они переселились въ Закаспійскую область, и причина неявки была, значитъ, законная. Но съ нею исчезали единственные свидѣтели обвиненія. Всѣ остальные показали въ пользу Юсупова. Среди послѣднихъ были, между прочимъ, свидѣтели русскіе, которые явились на защиту Денишенковъ прямо отъ Юсупова. Они были у него въ гостяхъ и, по ихъ словамъ, *онъ самъ послалъ ихъ на хуторъ Денишенковъ*, откуда слышался шумъ. Они тоже видѣли разбойника, нѣсколько похожаго въ темнотѣ на Юсупова. Семейные Денишенка сначала говорили очень нерѣшительно о кажущемся сходствѣ. Только по возвращеніи главы семьи,—ихъ показанія пріобрѣли полную опредѣленность. Свидѣтели объясняли

это тѣмъ, что Денишенко разсчитывалъ взыскать съ Юсупова свои убытки, а показаніе о ста рубляхъ они считали корыстной выдумкой. Уже послѣ ареста Юсупова, чеченецъ, похожій на него фигурой, произвелъ нѣсколько нападеній на дорогахъ. Свидѣтель Бугленко, одинъ изъ защищавшихъ Денисенковъ, впослѣдствіи самъ былъ ограбленъ этимъ разбойникомъ. Денишенко, по мнѣнію этого свидѣтеля,—ускорилъ свое переселеніе, опасаясь послѣдствій ложнаго показанія.

Въ такомъ видѣ предстало это дѣло передъ господами военными судьями въ гор. Грозномъ. Засѣданіе было гласное, и публика (какъ и самъ подсудимый) совершенно спокойно ждали оправдательнаго приговора. Другого, по обстоятельствамъ дѣла, ждать было невозможно.

Вышелъ судъ. Юсупова приговорили *къ смертной казни.*

Изумительный вердиктъ поразилъ всѣхъ присутствовавшихъ негодованіемъ и ужасомъ. «Устрашающее дѣйствіе приговора очевидно,—говорилось въ одной изъ корреспонденцій по этому поводу,—но есть большія основанія думать, что устрашатся вовсе не тѣ, противъ которыхъ направляются репрессіи. Въ то самое время, какъ свидѣтели русскіе *единогласно* показываютъ на судебномъ слѣдствіи въ пользу Юсупова,—по нѣкоторымъ намекамъ чеченцевъ можно думать, что всѣмъ имъ хорошо извѣстенъ настоящій виновникъ, «немного похожій» на невинно-осужденнаго». Кого же устрашаетъ такой судъ? Онъ до очевидности опасенъ мирнымъ жителямъ, но надъ нимъ, конечно, только смѣется настоящій разбойникъ.

Одинъ изъ мѣстныхъ жителей, г. Ширинкинъ, присутствовавшій на судѣ, написалъ мнѣ письмо. Отъ этого листка почтовой бумаги на меня повѣяло тѣмъ ужасомъ, какой пережили свидѣтели чудовищнаго приговора. Защитникъ Юсупова подалъ кассаціонную жалобу, но самъ считалъ ее безнадежной. Меня, какъ столичнаго жителя и писателя, просили найти какіе-нибудь «ходы», чтобы предупредить очевидное для всѣхъ, всѣмъ ясное, несомнѣнное судебное убійство. Такимъ образомъ я, человѣкъ сторонній, живущій за тысячи верстъ отъ Грознаго, не имѣвшій ни малѣйшаго понятія ни о Юсуповѣ, ни о военно-судныхъ Соломонахъ, его осудившихъ, становился съ этой минуты причастнымъ къ отвѣтственности за жизнь этого человѣка и за ихъ приговоръ. Найду я ходы,—Юсуповъ можетъ спастись. Не найду—его повѣсятъ, такъ какъ «разбойникамъ» на Кавказѣ потачки не даютъ... А у него—жена, старикъ отецъ и ребенокъ... Таковы эти маленькія случайности нашей русской жизни, такова ея круговая отвѣтственность. Я чувствовалъ себя отвратительно, точно здѣсь, въ Петербургѣ на меня свалилась и неожиданно придавила меня одна изъ кавказскихъ скалъ...

Къ счастью, мнѣ помогли добрые люди. Читатель, можетъ быть

удивится, если я скажу, что эти «добрые люди» были... изъ военно-суднаго вѣдомства. Одинъ молодой человѣкъ, начинавшій военно-судную карьеру, первый явился ко мнѣ на помощь, чтобы извлечь меня изъ подъ ужасной кавказской глыбы. Онъ посовѣтовалъ обратиться прямо въ главный военный судъ, увѣряя, что я тамъ найду людей отзывчивыхъ и добрыхъ. И прежде всего—въ лицѣ главнаго военнаго прокурора...

Я такъ и сдѣлалъ. Напечатавъ то, что мнѣ писалъ г-нъ Ширинкинъ въ (тогдашнихъ) «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», я затѣмъ написалъ письмо генералу М. Приложивъ номеръ газеты съ корреспонденціей изъ Грознаго, я закончилъ заявленіемъ, что, зная, какъ мало въ такихъ случаяхъ можетъ сдѣлать печать и считая себя несправедливо отягченнымъ этой отвѣтственностью,—предпочитаю сложить ее съ своей партикулярной совѣсти, на совѣсть его, генерала М., какъ судьи и человѣка...

Вотъ, при какихъ обстоятельствахъ я завязалъ въ 1909 году личное знакомство съ людьми въ военно-судныхъ мундирахъ. И долженъ сказать, что объ этомъ знакомствѣ вспоминаю теперь съ истинной душевной отрадой. Формально въ приговорѣ грозненскаго военнаго трибунала все было какъ нельзя болѣе правильно. Правда,—смертный приговоръ былъ вынесенъ на основаніи показаній отсутствующихъ свидѣтелей, вопреки единогласнымъ показаніямъ всѣхъ присутствующихъ. Чудовищно брать на себя отвѣтственность за смертный приговоръ при такихъ обстоятельствахъ. Но это уже дѣло ума и совѣсти грозненскихъ судей. Главный же военный судъ имѣетъ дѣло только съ формальной законностью приговора. Причины неявки Денишенковъ были законны, — этимъ рѣшалась судьба Юсупова. Все это и объяснилъ мнѣ докладчикъ главнаго суда, къ которому мнѣ посовѣтовали обратиться. Разговоръ нашъ происходилъ, помнится, въ понедѣльникъ. Въ четвергъ предстоялъ докладъ. Заключеніе могло быть только совершенно отрицательнымъ. Въ пятницу телеграмма на Кавказъ, затѣмъ—конфирмація и казнь... Вполнѣ сообразно съ существующими узаконеніями!.. Юсуповъ не могъ жаловаться, что по отношенію къ нему нарушены какіе бы то ни было законы. Кассаціонная инстанція ничего сдѣлать не можетъ.

— Все это такъ,—сказалъ я, съ отчаяніемъ выслушавъ всѣ эти непререкаемыя соображенія.—Но что же мнѣ сказать вамъ, чтобы вы почувствовали *по человѣчеству* то, что вамъ предстоитъ сдѣлать?

Оказалось, что это было не такъ ужъ трудно. Судья, съ которымъ я говорилъ, человѣкъ необыкновенно сдержанный, соглашался, все таки, что по существу, а не по формѣ, приговоръ «внушаетъ сильныя сомнѣнія». Признавали это и другіе въ главномъ военномъ судѣ и тоже готовы были принять участіе въ судьбѣ явно невиннаго человѣка. Въ четвергъ кассація была отвергнута,

но объ этомъ *по телеграфу не извѣстили.* Докладчикъ обратился къ гл. прокурору съ особымъ докладомъ. Главный военный прокуроръ доложилъ военному министру. Военный министръ всѣ эти сомнѣнія препроводилъ кавказскому намѣстнику (тогда былъ кн. Голицынъ). О Юсуповѣ и приговорѣ грозненскаго трибунала пошла экстренная переписка.

— Не знаю, В. Г., благодарить ли васъ и газеты за то, что вы сдѣлали своимъ вмѣшательствомъ,—говорилъ мнѣ не старый еще судья съ серьезнымъ лицомъ и сѣдѣющей бородой. Глаза его мнѣ казались печальными, въ улыбкѣ чувствовалась горечь.—До сихъ поръ,—продолжалъ онъ,—этотъ Юсуповъ былъ для насъ просто бумагой, поступившей за номеромъ такимъ-то. Мы вписали ее во входящій, разсмотрѣли. Все въ ней оказалось правильно. Оставалось внести въ исходящій и успокоиться. Теперь это уже не номеръ, а человѣкъ. И знаете, что это значитъ для насъ—имѣть дѣло съ людьми, вмѣсто бумагъ. Вотъ посмотрите: борода посѣдѣла у меня въ одну недѣлю, когда къ намъ пріѣхали отцы и матери андижанскихъ повстанцевъ *). Меня послѣ этого врачи отправили за границу въ нервномъ разстройствѣ.

Вскорѣ я узналъ, что кн. Голицынъ прислалъ телеграмму съ просьбой пріостановить казнь до конца предпринятаго имъ административнаго разслѣдованія. Съ первыхъ же шаговъ этого разслѣдованія выяснились обстоятельства, не оставлявшія сомнѣнія, что безпечные грозненскіе судьи приговорили къ смерти невиннаго. Прошло еще немного времени, и газеты сообщили, что Юсуповъ получилъ полное помилованіе. Къ нему явились въ тюрьму, сняли кандалы и отпустили къ семьѣ,—женѣ, отцу и ребенку.

Читая эти извѣстія, я лично испытывалъ смѣшанное ощущеніе благодарности и ужаса. Благодарности—къ людямъ, ужаса—передъ учрежденіемъ. Я не знаю подробностей той *внѣ-судебной,* чисто административной работы, которая спасла Юсупова. Во всякомъ случаѣ это были внѣсудебныя вліянія, случайныя и непредвидѣнныя. Но что же это за аппаратъ, съ такой слѣпой жестокостью присудившій къ смерти человѣка, невинность котораго такъ вопіюще очевидна для всѣхъ: для присутствовавшей на судѣ публики, для жителей города, для корреспондентовъ, для докладчика, имѣющаго дѣло съ одной лишь бумагой, за тысячи верстъ отъ мѣста дѣйствія, для администраціи, какъ только она принялась за разслѣдованіе...

Къ сожалѣнію, я не могу кончить съ исторіей Юсупова на этомъ «радостномъ» эпизодѣ, такъ какъ она имѣетъ нерадостное продолженіе.

Пока въ Петербургѣ и въ Тифлисѣ шли эти разговоры о немъ

*) Многіе, вѣроятно, помнятъ исторію неожиданнаго возстанія въ Андижанѣ. Тогда были казнены, если не ошибаюсь, 18 человѣкъ.

и переписка,—Юсуповъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, въ ожиданіи казни, вмѣстѣ съ двумя другими чеченцами, тоже присужденными къ висѣлицѣ. Подошла Пасха. Въ тюремной церкви шла пасхальная заутреня. Арестанты были крѣпко заперты по камерамъ, и ворота тюрьмы открыты для стороннихъ молящихся. Въ ту минуту, когда въ церкви запѣли «Христосъ воскресе», народъ сталъ расходиться и на дворѣ замелькали огни свѣчей,—три «смертника», разбѣжавшись вмѣстѣ отъ противоположной стѣнки, ударили въ дверь крѣпкими упругими тѣлами. Дверь соскочила съ петель и, пока ошеломленные надзиратели успѣли сообразить, въ чемъ дѣло,—три чеченца накинулись на нихъ, связали, забили рты, сняли мундиры и, переодѣвшись, выбѣжали во дворъ и вышли за ворота вмѣстѣ съ народомъ.

На слѣдующій день всѣхъ ихъ поймали. Двоихъ вскорѣ повѣсили. Юсупова оставили ждать своей участи и вздрагивать при каждомъ шорохѣ. Мы уже знаемъ: онъ дождался помилованія и вернулся къ семьѣ.

Но... онъ вѣдь пытался бѣжать изъ тюрьмы. А это, какъ извѣстно,—преступленіе «передъ обществомъ и властью». Правда, онъ былъ невиненъ, а судъ его осудилъ и собирался убить. Это, пожалуй, тоже преступленіе общества и власти передъ нимъ похуже побѣга. Но законъ не предвидитъ такихъ запутанныхъ обстоятельствъ, когда судъ собирается «законно» убить невиннаго, а невинному приходится незаконно спасаться. Арестанта посадили, арестантъ долженъ сидѣть. Его поведутъ на висѣлицу,—онъ долженъ идти. Юсупова, по всѣмъ этимъ разумнымъ основаніямъ, привлекли къ суду (на этотъ разъ гражданскому), судили и осудили въ каторгу. Было это незадолго до китайской войны, и несчастный чеченецъ затерялся гдѣ-то въ далекой Сибири подъ шумъ поднимавшейся уже дальне-восточной грозы. Я узналъ объ этомъ долго спустя...

Вотъ какъ это вышло просто и какъ законно. Невинно-осужденный все-таки попалъ на каторгу, а грозненскіе судьи продолжаютъ судить другихъ Юсуповыхъ, съ такой же проницательностью и съ такой же легкой совѣстью. И теперь, вдобавокъ, они призваны экстренно водворять порядокъ въ нашемъ отечествѣ, потрясенномъ беззаконіями всякаго рода. И они, конечно, водворяютъ. Почему бы нѣтъ? Кто скажетъ, что они хуже другихъ, что они сознательно осудили невиннаго? Конечно, нѣтъ... Просто—средніе военные люди, добросовѣстно убѣжденные, что спасаютъ общество и Россію по мѣрѣ своего разумѣнія. Особой проницательности въ дѣлѣ Юсупова они, очевидно, не обнаружили. Даже напротивъ. Обнаружили изумительную недогадливость. Это—правда. Но вѣдь мѣра обязательной проницательности никакими законами не установлена, а они дѣйствовали въ предѣлахъ законныхъ полномочій. И если они все-таки постановили приговоръ, внутренняя пре-

ступность котораго во много разъ больше, чѣмъ самое нападеніе на хуторъ Денишенковъ... если главному военному суду оставалось только умыть руки при очевидной законности приговора, чтобы невинный человѣкъ былъ повѣшенъ,—то они ли въ этомъ виноваты лично, индивидуально, своею совѣстью? Едва ли... Все тутъ нелѣпо и дико, но—все сообразно съ законами, по которымъ дѣйствуетъ данное учрежденіе. А когда возможны такія вопіющія столкновенія между тѣмъ, что люди хотятъ называть правосудіемъ, и элементарными понятіями о правѣ и правдѣ... И когда никого изъ участниковъ нельзя обвинить въ сознательномъ злоупотребленіи, то не очевидно ли, что смертный грѣхъ гнѣздится въ самомъ учрежденіи. И, значитъ, всѣмъ, кому дорога правда, необходимо внимательно присмотрѣться къ его дѣятельности...

Это мы и попытаемся сдѣлать въ нижеслѣдующихъ очеркахъ.

II.

Подсудимый Маньковскій и судья Канабѣевъ.

Въ городѣ Двинскѣ, кажется, въ 1905 году трое молодыхъ людей среди бѣлаго дня напали на улицѣ на двинскаго полицеймейстера, г-на Булыгина. Выпустивъ нѣсколько зарядовъ, они легко ранили его и затѣмъ скрылись. Толпа разступилась передъ ними, но сомкнулась передъ преслѣдователями, хотя въ ней было немало «благонамѣренныхъ» даже съ полицейской точки зрѣнія обывателей. Въ тѣ времена народная любовь къ установленнымъ властямъ нерѣдко выражалась въ такой формѣ. Понятно, до какой степени полиціи было необходимо найти дерзкихъ преступниковъ. Между тѣмъ, свидѣтели-очевидцы не являлись на помощь. Нападающихъ видѣлъ самъ полицеймейстеръ и нѣкто З., проѣзжавшій мимо на извозчикѣ. Оффиціально этотъ очевидецъ служилъ на желѣзной дорогѣ. Тайно отдавалъ свои досуги охранѣ.

Вскорѣ, однако, полиція напала на слѣды и арестовала трехъ человѣкъ.

Первый былъ семнадцатилѣтній мальчикъ, приказчикъ Штейнманъ. Арестованъ онъ потому, что среди нападавшихъ на Булыгина тоже былъ юноша, почти мальчикъ, и что Штейнманъ показался кому-то похожимъ на этого мальчика «со спины». На другого указалъ какой-то таинственный незнакомецъ: подойдя на улицѣ къ полицейскому, онъ шепнулъ, что въ такомъ-то магазинѣ находится въ данную минуту одинъ изъ стрѣлявшихъ въ полицеймейстера. Примѣты такія-то. Шепнулъ и опять потонулъ въ неизвѣстности, а по примѣтамъ арестовали нѣкоего Перельштейна.

Третьимъ оказался Маньковскій,—молодой рабочій, какъ и двое первыхъ—еврей. Уже ранѣе онъ находился у полиціи «на замѣчаніи». При обыскѣ у него найдены револьверныя пули, совер-

шенно тождественныя съ тѣми, какія были извлечены изъ раны у Булыгина.

Это была улика серьезная. Противъ Штейнмана и Перельштейна никакихъ уликъ не было, и ихъ пришлось бы отпустить, что, конечно, было неудобно: вѣдь стрѣлявшихъ было трое, значитъ, трое и должны сѣсть на скамью подсудимыхъ. Но нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предать суду «за сходство со спины» или по укаланію какого-то скрывшагося незнакомца. Выручилъ изъ этого затрудненія помощникъ полицейскаго пристава, г. Вильконецкій. Оказалось, что г. Вильконецкій въ тотъ же день ѣхалъ съ вокзала и на такой-то улицѣ увидѣлъ извозчика, съ поднятымъ верхомъ, подъ которымъ, тщательно закрывая лица, сидѣли три молодыхъ человѣка, очевидно торопившіеся укрыться. Несмотря на поднятый верхъ, на изрядное разстояніе и на тщательно закрытыя лица— г. Вильконецкій утверждалъ категорически, что въ трехъ незнакомцахъ узнаетъ именно Маньковскаго, Штейнмана и Перельштейна.

Затрудненіе было такимъ образомъ устранено: требовалось три лица. Этотъ комплектъ и доставленъ военному суду.

Вскорѣ, однако, было обнаружено, что показанія пристава—совершенный вздоръ или зрительная галлюцинація. Перельштейна и Штейнмана онъ видѣть на извозчикѣ рѣшительно не могъ, да едва ли и кого бы то ни было могъ разглядѣть при описанныхъ имъ обстоятельствахъ. Это показаніе, отличавшееся большимъ усердіемъ, но малой достовѣрностью, ни мало не безпокоило защиту, и двое подсудимыхъ съ полной увѣренностью ждали оправданія.

Съ Маньковскимъ дѣло было гораздо сложнѣе. Его «опознали» полицеймейстеръ Булыгинъ и г. З. (желѣзнодорожникъ и охранникъ одновременно). Къ сожалѣнію, слушалось это дѣло при закрытыхъ дверяхъ, и я не имѣю возможности возстановить передъ читателемъ потрясающихъ эпизодовъ этой судебной драмы. И это тѣмъ болѣе жаль, что изъ этой картины было бы видно, какъ иной разъ безпомощны военные судьи передъ безобразными порядками предварительнаго слѣдствія по такимъ дѣламъ, и какъ порой мало ихъ личной вины въ роковыхъ ошибочныхъ приговорахъ. Противъ Маньковскаго было, во-первыхъ, «опознаніе», которое въ глазахъ военныхъ судей является часто рѣшающимъ. Правда, въ данномъ случаѣ Булыгинъ, разстрѣливаемый всенародно, метался по улицѣ, больше заботясь о спасеніи, чѣмъ о наблюденіяхъ, и передъ нимъ мелькало много лицъ. Правда, что и г. З. былъ «охранникъ», а людямъ этой почтенной профессіи вообще не принято особенно вѣрить. Но на этотъ разъ его показанія звучали правдоподобно и къ тому же противъ Маньковскаго говорила еще подавляющая улика: пули, тѣ самыя, какими нанесены раны.

Разбирательство длилось шесть дней среди атмосферы страшнаго нервнаго напряженія. Объективные факты складывались для Маньковскаго самымъ убійственнымъ образомъ, а между тѣмъ трудно было отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что этотъ юноша, такъ отчаянно защищающій свою жизнь противъ подавляющихъ уликъ, тоже не лжетъ. Въ немъ не чувствовался убійца. Оставалось смутное сомнѣніе, но... и факты оставались тоже.

Предсѣдательствовалъ военный судья, генералъ Д. И. Канабѣевъ. Онъ, видимо, сильно волновался. Что его отношеніе къ этому дѣлу не было холодно-формальнымъ, что онъ чувствовалъ живо всю отвѣтственную тягость предстоящаго приговора, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго эпизода.

Кончился пятый день засѣданій. Судебное слѣдствіе пришло тоже къ концу. На слѣдующій день предстояли пренія сторонъ и—приговоръ. Поздній вечеръ. Судьи разошлись на отдыхъ, Маньковскаго увели въ его одиночку въ крѣпости, но онъ, конечно, не спалъ. Не спалъ и генералъ Канабѣевъ. Маньковскій переживалъ ужасъ завтрашняго приговора. Канабѣевъ—ужасъ предстоящаго ему рѣшенія. Всѣ эти дни онъ, повидимому, колебался между трудно уловимыми субъективными сомнѣніями и объективной тяжестью уликъ. Теперь ему показалось, что убѣжденіе его сложилось окончательно. Значитъ—казнь. Это генералъ Канабѣевъ считалъ исполненіемъ своего долга передъ правительствомъ, которому присягалъ, и передъ обществомъ, которое, какъ извѣстно, нужно прежде основательно защитить отъ Маньковскихъ при помощи военныхъ судовъ и висѣлицъ, чтобы потомъ осчастливить. Но всетаки... совѣсть генерала не могла, очевидно, успокоиться даже на сознаніи исполненнаго долга. Онъ не находилъ себѣ мѣста, и... его вдругъ потянуло въ крѣпость, въ одиночку, гдѣ въ это время метался въ предсмертной тоскѣ этотъ уже обреченный юноша.

Его, конечно, пропустили. Дверь каземата раскрылась и передъ изумленнымъ Маньковскимъ очутилась внушительная фигура генерала Канабѣева.

Зачѣмъ онъ пришелъ? Сказать трудно. Вѣроятно, онъ не могъ бы объяснить этого и самъ. По крайней мѣрѣ, то объясненіе, которое предсѣдательствующій генералъ далъ изумленному его визитомъ арестанту, отзывается кошмарной безсмыслицей и сумасшедшимъ бредомъ. Онъ вынулъ изъ кармана пять рублей и, подавая ихъ Маньковскому, сказалъ:

— Вотъ, возьми. Пошли телеграмму родителямъ, чтобы пріѣхали съ тобой проститься, а на остальное...

Да, читатель, генералъ Канабѣевъ, предсѣдательствовавшій въ военно-окружномъ судѣ, такъ и сказалъ Маньковскому, котораго рѣшилъ приговорить къ смерти:

— ...На остальное купи себѣ лакомствъ...

Съ этими словами генералъ вышелъ, а въ рукахъ арестанта остался золотой,—доказательство, что эта изумительная сцена происходила въ дѣйствительности, а не въ кошмарномъ снѣ.

На слѣдующій день приговоръ состоялся. Штейнманъ былъ оправданъ (Перельштейнъ выдѣленъ за болѣзнью). Маньковскаго приговорили къ смерти...

То, что происходило въ совѣщательной комнатѣ, разумѣется, осталось никому неизвѣстнымъ. Но впослѣдствіи, когда съ генераломъ Канабѣевымъ случилось то, что случилось, и о чемъ я разскажу дальше, вокругъ него создалась легенда, не считающаяся ни съ какими тайнами и основанная, какъ это бываетъ всегда въ такихъ случаяхъ, не на фактической, а на психологической достовѣрности. Легенда эта гласитъ, будто голоса судей раздѣлились поровну. Часть ихъ склонна была истолковать въ пользу подсудимаго тѣ смутныя, но неотвязныя сомнѣнія, которыя витали надъ объективными фактами. Другая отдавала предпочтеніе осязательнымъ доказательствамъ. Генералъ Канабѣевъ будто бы чувствовалъ уже заранѣе, что все дѣло рѣшитъ перевѣсъ его предсѣдательскаго голоса, и это-то сознаніе видимо его угнетало. Но все таки онъ остался вѣренъ суровому долгу.

Приговоръ былъ прочитанъ среди того же кошмарнаго напряженія. Въ глазахъ всѣхъ это былъ приговоръ надъ *человѣкомъ*, въ глазахъ многихъ,—приговоръ надъ человѣкомъ *невиннымъ*. Выслушавъ его, Маньковскій поднялся и... протянулъ предсѣдателю вчерашній золотой.

— Ваше превосходительсто,—сказалъ онъ.—Вчера вы дали мнѣ золотой на телеграмму родителямъ или на лакомства. Позвольте вернуть вамъ ваши деньги. Отдайте ихъ палачу, который повѣситъ меня по вашему приговору.

Защита потребовала, чтобы это неожиданное заявленіе было занесено въ протоколъ *). . . . .

. . . .

Съ этого пункта дѣло поворачивается рѣшительно въ пользу приговореннаго и противъ судьи, постановившаго приговоръ. Всѣ защитники (ихъ, кажется, было трое) были глубоко убѣждены въ невинности своего кліента, тѣмъ болѣе, что имъ была извѣстна та бытовая сторона дѣла, которая все разъясняла, но не могла прорваться сквозь сѣть судебныхъ формальностей. Разсчитывать на обычную кассаціонную процедуру, это значило предоставить Маньковскаго неизбѣжной участи. Ужасъ передъ этой перспективой искалъ исхода и нашелъ его. Въ «обычномъ», въ правильномъ, въ предусмотрѣнномъ, въ «законномъ»—его не было. Защит-

*) Этотъ эпизодъ послужилъ впослѣдствіи кассаціоннымъ поводомъ и былъ оглашенъ въ газетахъ. Это и даетъ мнѣ возможность возстановить его здѣсь.

ники нашли его въ необычномъ и странномъ. Собравшись тотчасъ же, еще глубоко потрясенные приговоромъ, они составили коллективное письмо на имя предсѣдателя. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подлиннаго текста этого замѣчательнаго документа, на черновикѣ котораго остались слѣды слезъ. Въ немъ не было никакихъ юридическихъ соображеній, статей, сенатскихъ рѣшеній, «новыхъ обстоятельствъ». Онъ начинался съ факта: «Вы сегодня осудили Маньковскаго», а кончался клятвеннымъ заявленіемъ: «Всѣмъ, что есть для насъ святого, клянемся: онъ невиновенъ, онъ невиновенъ, онъ невиновенъ». Какъ видите, это былъ не отзывъ, не жалоба, не то или другое законами предусмотрѣнное защитительное дѣйствіе. Это былъ потрясающій, хотя юридически-нечленораздѣльный вопль, и онъ отдался по всей странѣ: въ газетныхъ телеграммахъ, по разнымъ министерствамъ и департаментамъ, въ обществѣ. Что случилось? Группа защитниковъ выскочила изъ суда и оглашаетъ всю страну крикомъ: осудили человѣка, котораго мы, защитники, считаемъ невиннымъ. Зрѣлище единственное въ своемъ родѣ, способное привести въ изумленіе любого европейскаго юриста. Судъ въ установленномъ порядкѣ выноситъ приговоръ... Суровый, но законный. О чемъ же кричатъ защитники, нарушая общественную тишину и спокойствіе? Они убѣждены въ невиновности своего кліента! Но развѣ они свидѣтели, или, тѣмъ болѣе, присяжные? Предполагается, что каждый защитникъ болѣе или менѣе убѣжденъ въ невинности защищаемаго имъ субъекта. Однако,—во что обратятся суды, если признать, что такое убѣжденіе—скрѣпленное клятвеннымъ завѣреніемъ, должно имѣть силу юридическаго доказательства.

Это, конечно, справедливо, какъ, впрочемъ, справедливо и то, что нигдѣ уже въ Европѣ нѣтъ учрежденія столь удивительнаго, какъ наша военно-судная юстиція... Своеобразный ходъ защиты возымѣлъ дѣйствіе: военно-судный аппаратъ дрогнулъ. Первымъ успѣхомъ явилось то, что былъ данъ ходъ кассаціонной жалобѣ, вторымъ,—что жалоба гл. военнымъ судомъ уважена. Этому, кажется, содѣйствовалъ тотъ самый золотой, который предсѣдатель подарилъ подсудимому на лакомства. Назначается новое разбирательство. Маньковскій изъ новаго суда выходитъ оправданнымъ.

Читатель подумаетъ, быть можетъ, что это такъ подѣйствовалъ на новыхъ судей вопль защитниковъ. Мы, русскіе — народъ недисциплинированный, мягкосердечный и рыхлый. Судьи — тоже русскіе люди. Приговорили человѣка къ смерти, а потомъ разсолодѣли, прослезились и отпустили съ миромъ. Нѣтъ, читатель, не таковы наши времена. Что то немного видимъ мы примѣровъ такой судейской распущенности, а если бы случайно они гдѣнибудь проявились,—то судей скоро вернули бы къ трезвой дѣйствительности тѣми мѣрами, какими добились, напримѣръ, смертныхъ приговоровъ въ Новороссійскѣ. На этотъ разъ оправданіе

осталось непререкаемымъ, невинность Маньковскаго выступила такъ же ясно, какъ прежде выступала виновность.

Какъ же это могло случиться?

Дѣло опять разбиралось при закрытыхъ дверяхъ, и мы не можемъ привести здѣсь въ подробностяхъ, какъ расплеталась на второмъ судѣ сѣть, оплетенная вокругъ Маньковскаго предварительнымъ слѣдствіемъ, показаніями гг. Вильконецкихъ, наконецъ, просто несчастными обстоятельствами. Когда-нибудь (не скоро) объ этомъ, быть можетъ, разскажутъ защитники. И это будетъ правда, своей фантастичностью превосходящая самыя невѣроятныя выдумки Конанъ-Дойля и уголовныхъ романистовъ. Но, чтобы показать, какъ это «бываетъ»,—я приведу бытовую подкладку одной только главной улики (кстати, она, кажется, такъ и не выступила на судѣ). Это—эпизодъ съ пулями.

Вы помните: у Маньковскаго при обыскѣ найдено нѣсколько пуль, совершенно тождественныхъ съ тѣми, какими раненъ помощникъ полицеймейстера. И даже съ такими же точно нарѣзками. Его объясненіе: нашелъ на улицѣ! Ну, кто повѣритъ такой аляповатой выдумкѣ? Всѣ «они», въ такихъ случаяхъ, даютъ такое объясненіе, если не смогутъ придумать лучшаго.

Однако, представьте себѣ тотъ же эпизодъ въ нѣсколько иной бытовой обстановкѣ. Маньковскій — рабочій. Въ день покушенія онъ приходитъ на заводъ, и самъ, по собственной инициативѣ, показываетъ пули, которыя только что поднялъ на улицѣ. Это слышитъ рабочій-сыщикъ. Онъ бѣжитъ въ охрану и дѣлится своимъ открытіемъ. У Маньковскаго дѣлаютъ обыскъ и находятъ «тѣ самыя» пули. Конечно, если бы въ обвинительномъ актѣ было разсказано, какъ нехитро полицейскіе Шерлоки узнали объ этихъ пуляхъ *отъ самого Маньковскаго*, то онѣ потеряли бы всякое уличающее значеніе: не станетъ же убійца тотчасъ послѣ выстрѣла показывать стороннимъ лицамъ пули, которыми онъ стрѣлялъ. Но—зачѣмъ же и охранникамъ раскрывать свои «профессіональныя тайны». Пули отправляются въ судъ, просто, въ качествѣ найденныхъ при обыскѣ. Совершенно правдивое объясненіе Маньковскаго является для самаго добросовѣстнаго судьи совершенно невѣроятнымъ. Маньковскому грозитъ смерть. Судъ превращается въ игрушку «охраны»...

Бѣдный генералъ Канабѣевъ сталъ тоже ея жертвой. Въ томъ самомъ постановленіи главнаго военнаго суда, которымъ отмѣнялся первый приговоръ надъ Маньковскимъ,—былъ также пунктъ, которымъ предсѣдательствовавшій генералъ Канабѣевъ привлекался къ дисциплинарному производству. За что? Онъ нарушилъ какіе-нибудь законы и именно поэтому судъ чуть не казнилъ невиннаго? Ахъ, совсѣмъ нѣтъ! Судъ дѣйствительно чуть не казнилъ невиннаго, но нарушеніе законовъ генераломъ Канабѣевымъ тутъ совсѣмъ не при чемъ... Высшая военно-судная инстанція нашла обиднымъ

для достоинства судьи, что ген. Канабѣевъ приходилъ къ Маньковскому съ предложеніемъ конфетъ.

Да, это, пожалуй правда. Есть въ этомъ эпизодѣ что-то «обидное для достоинства», потому что безгранично нелѣпое... Чувствуется какая-то прямо мефистофелевская гримаса, что-то въ родѣ сантиментальной свирѣпости,—вообще кошмаръ, бредъ, безуміе. Но — вина ли это даннаго лица? У генерала Канабѣева просто доброе, мягкое сердце, а судьба сдѣлала его военнымъ судьей. Какъ членъ этого учрежденія, онъ приговариваетъ (и даже невиннаго!) къ смерти, а какъ добрый человѣкъ — подноситъ приговоренному конфету. Злой, кровавый фарсъ? Насмѣшка надъ убиваемымъ? Сознательная карикатура на собственное вѣдомство? Ничего подобнаго, — просто символъ, неожиданно загорѣвшійся надъ оргіей казней, какъ библейское «Мане-текель-фаресъ»! И не надо быть Даніиломъ, чтобы понять его смыслъ. У насъ теперь много говорятъ о «людяхъ и учрежденіяхъ». Вотъ вамъ *человѣкъ* съ добрымъ сердцемъ и *злое учрежденіе.* Что же можетъ тутъ сдѣлать доброе сердце. Злое учрежденіе казнитъ невинныхъ, доброе сердце—подноситъ имъ конфеты...

Постановленіе главнаго суда пока генералу Канабѣеву еще не объявлено. Дѣло въ томъ, что, получивъ письмо защитниковъ, насквозь прокипѣвшее негодованіемъ и слезами, онъ былъ пораженъ до такой степени, что... сталъ проявлять явные признаки сумасшествія. Одинъ изъ защитниковъ, принимавшій близкое участіе во всемъ этомъ трагическомъ дѣлѣ, увѣрялъ меня еще недавно, что злополучный предсѣдатель не оправился до сихъ поръ, и что вообще его считаютъ безнадежнымъ.

Да, вотъ что иногда значитъ военно-судная процедура для самого судьи. Однимъ концомъ она бьетъ по подсудимому и иной разъ убиваетъ невиннаго. Другимъ—по судьѣ, если совѣсть у него не забронирована окончательно. Маньковскій пережилъ ужасъ смертнаго приговора, но онъ все же оправданъ и молодъ: можетъ быть, оправится. А генералъ съ мягкимъ сердцемъ осужденъ и раздавленъ окончательно.

Есть, впрочемъ, и еще одна версія, едва ли, однако, измѣняющая значеніе факта: говорятъ, будто генералъ Канабѣевъ уже и раньше былъ извѣстенъ, какъ судья, у котораго «не все въ порядкѣ», и будто именно поэтому главный военный судъ легко пошелъ на кассацію. Дѣло Маньковскаго дало только послѣдній толчокъ...

Трудно сказать, что лучше, и что кошмарнѣе. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ приговоръ надъ невиннымъ и нравственное потрясеніе судьи, приводящее его съ предсѣдательскаго кресла прямо въ домъ сумасшедшихъ. Только въ послѣднемъ случаѣ—завѣдомый душевно-больной давно предсѣдательствуетъ въ судахъ, казнящихъ смертью. Развѣ это тоже не зловѣщій символъ?.. Предоставляемъ выборъ тѣмъ, кто дорожитъ «достоинствомъ» военныхъ судовъ.

III.

Логика военнаго правосудія.

Давно уже, почти полстолѣтія назадъ у насъ введены гуманные судебные уставы Императора Александра II. Лучшіе умы того времени работали надъ ними. Въ нихъ отразилось послѣднее (тоже для того времени) слово юридической науки. Если вы воръ, мошенникъ, фальшиво-монетчикъ... Если вы незаконно торговали виномъ, сводничали, брали ростовщическій процентъ, поддѣлали вексель, злоупотребили довѣріемъ, взломали сундукъ, украли деньги... Вообще, если вамъ грозитъ штрафъ, арестъ, тюремное заключеніе до нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ссылка на поселеніе,—къ вамъ примѣнятъ эти «гуманные уставы». Вамъ дадутъ гарантіи защиты, и самый приговоръ будутъ взвѣшивать на аптекарски точныхъ юридическихъ вѣсахъ, чтобы не отягчить вашу участь одной - двумя «степенями», мѣсяцемъ-другимъ заключенія. И послѣ приговора вы еще получите возможность апелляціи въ одну инстанцію, кассаціи въ другую, гдѣ вашу судьбу станутъ опять перевѣшивать, кидая на чашки вѣсовъ лоты параграфовъ, золотники примѣчаній...

Но вотъ вы обвиняетесь по статьѣ, которая грозитъ самымъ страшнымъ изъ наказаній, безповоротнымъ, непоправимымъ: смертною казнью... Не тутъ-ли именно необходимо дать всѣ гарантіи защиты—для васъ отъ напрасной смерти, для суда—отъ риска судебнаго убійства. Нѣтъ! Здѣсь васъ какъ разъ арестуютъ по первому указанію перваго охранника, часто—завѣдомаго преступника и негодяя, или даже по указанію лица, «оставшагося неизвѣстнымъ». Потомъ васъ предъявятъ помощнику пристава Вильконецкому, и ему непремѣнно покажется, что онъ видѣлъ васъ тамъ, гдѣ васъ не было. Въ подкрѣпленіе этихъ уликъ станутъ, пока вы сидите за семью замками, собирать новыя свѣдѣнія такого-же рода, и накопятъ все, что нужно, чтобы сдѣлать вашу вину правдоподобной. Тогда составятъ обвинительный актъ, привезутъ въ тюрьму, вызовутъ васъ и скажутъ:

— Вотъ здѣсь все, что мы недѣлями или мѣсяцами собирали для того, чтобы васъ можно было повѣсить. Въ теченіе *сутокъ* вы должны назвать намъ свидѣтелей, которые могли-бы все это опровергнуть... По истеченіи сутокъ, хотя-бы отъ свидѣтельскаго показанія зависѣла ваша жизнь,—мы уже вашего свидѣтеля не примемъ.

Подсудимый, часто полуграмотный или совсѣмъ неграмотный, растерявшійся, придавленный обрушившейся на него грозой,—что можетъ сдѣлать съ этимъ своимъ «правомъ»? Человѣкъ, взявшійся

его защищать,—уѣхалъ на сутки изъ города, самъ онъ не можетъ разобраться въ обвинительномъ актѣ. Можетъ быть, въ сутки онъ его не успѣетъ прочесть. Большей частью—онъ пропускаетъ срокъ. Все равно—его ведутъ безъ свидѣтелей и поставятъ беззащитнымъ противъ обвиненія.

Однако,—и этого мало. Повѣрите-ли вы, что и эти жалкія сутки, которыя практика часто (далеко не всегда) предоставляетъ военно-суднымъ обвиняемымъ,—даются не закономъ. Это только внѣзаконная уступка здравому смыслу и человѣческому чувству со стороны исполнителей. Новѣйшій, усовершенствованный уже въ періодъ обновленія, законъ (примѣненный впервые въ дѣлѣ Ѳедосьева) требуетъ, чтобы вы назвали вашихъ свидѣтей немедленно, *въ самый моментъ врученія обвинительнаго акта.* И тутъ человѣческое сердце «смягчаетъ» свирѣпую суровость закона, но... что оно можетъ сдѣлать въ виду его категоричности? Поднести Канабѣевскую конфетку: вамъ позволятъ тутъ-же пробѣжать обвинительный актъ глазами. Посмотрите: вотъ вамъ пять минутъ. Мало? Ну, четверть часа, полчаса, ну, наконецъ, часъ... «Добрый человѣкъ» уже рискуетъ изъ-за васъ навлечь на себя непріятности... Вы подавлены, взволнованы, буквы прыгаютъ у васъ передъ глазами... Вы ничего не поняли и не можете указать людей, которые помогли-бы вамъ опровергнуть неизвѣстныя вамъ улики? Тѣмъ хуже для васъ: вы явитесь на судъ безъ свидѣтелей.

Да! Но и тѣмъ хуже для судей: они легко могутъ стать убійцами. Правда,—не простыми убійцами... судебными. Но кто рѣшитъ, какое изъ этихъ убійствъ безнравственнѣе, законопреступнѣе и хуже. Мнѣ кажется, что хуже судебное.

И вотъ, человѣкъ, захваченный шестернями этого ужаснаго аппарата,—сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ. Вопросъ въ этомъ залѣ идетъ объ его жизни. По большей части (есть и тутъ отвратительныя исключенія) военные судьи будутъ и съ нимъ, и съ его защитникомъ обращаться корректно.—Что вы можете сказать въ опроверженіе изложеннаго въ обвинительномъ актѣ? Пожалуйста, что угодно! Васъ не стѣсняютъ... А вотъ, свидѣтелей?.. Это, къ сожалѣнію, нельзя. Вы пропустили сроки. Вы можете идти только по дорогѣ фактовъ, которую проложило для васъ обвиненіе. А она прокладывалась прямо къ висѣлицѣ. И судьи тоже не имѣютъ права глядѣть по сторонамъ... Ихъ совѣсти тоже проложена дорожка...

Вы думаете и это все, что можно сказать о человѣко-убійственной логикѣ военно-судной процедуры? Нѣтъ, не все.

Вотъ недавно кіевскіе судьи умертвили невиннаго Глускера. Что-же, хоть тутъ-то кто-нибудь виноватъ? Нарушены какія-нибудь правила, посредствомъ которыхъ судьи обязаны искать свою (убивающую) «истину»? Нѣтъ, ничего и тутъ нарушено не было. Все какъ нельзя болѣе правильно, даже если хотите гуманно. Прежде,

чѣмъ повѣсить Глускера, кіевскій судъ сдѣлалъ въ его пользу больше, чѣмъ ему слѣдовало по закону. Напримѣръ: по его указаніямъ были вызваны свидѣтели, работавшіе съ нимъ вмѣстѣ въ день убійства. Имъ не повѣрили, но ихъ вызывали. Это большая любезность: въ вызовѣ могли просто на просто отказать. Да! Потому что, *для удобства военнаго суда*, ему предоставлено право отказывать въ вызовѣ свидѣтелей, если они живутъ *за чертой того города*, гдѣ онъ изволитъ засѣдать! Вдумайтесь въ это: убійство произошло въ Почепѣ, Глускеръ былъ за сто верстъ въ имѣніи г-жи Гусевой. Но свидѣтелей по закону онъ долженъ искать не въ Почепѣ, гдѣ совершено преступленіе, и не въ имѣніи, гдѣ они только и могли его видѣть, а—въ Черниговѣ, потому что тамъ засѣдаютъ гг. судьи... И еще потому, что это не простые судьи, а судьи военные, и что наказать они могутъ не просто тюрьмой или ссылкой, а—казнить смертью. Нужно-же предоставить имъ для этого всѣ удобства!.. Въ числѣ этихъ удобствъ есть и огромная вѣроятность «добросовѣстныхъ» судебныхъ ошибокъ.

Если эти строки попадутъ на глаза иностраннаго читателя, особенно юриста, мало знакомаго съ экстраординарными законами нашей родины,—онъ подумаетъ, пожалуй, что это плохая выдумка озлобленнаго русскаго журналиста. И что этотъ журналистъ рискуетъ подвергнуться обвиненію въ «распространеніи завѣдомоложныхъ свѣдѣній», которыя позорятъ законодателей, придумавшихъ такіе законы; вѣдомство, которое на ихъ основаніи разслѣдуетъ», судитъ и казнитъ; государство, которое допускаетъ это поруганіе здраваго смысла и элементарной правды; всю націю съ людьми и учрежденіями, которая выноситъ это безъ широкаго, захватывающаго, пламеннаго протеста!..

Нѣтъ... Объ этомъ можно не безпокоиться. Конечно, русскаго журналиста всегда можно привлечь къ суду по тысячѣ поводовъ, а если это неудобно для кого-нибудь, то можно распорядиться и безъ суда. Но въ данномъ случаѣ я только констатирую фактъ, который легко провѣрить. Спросите любого военнаго судью, слѣдователя, прокурора.—Есть такіе законы?—И они вамъ отвѣтятъ:

— Да, есть!

— И вы на ихъ основаніи привлекаете и судите?

— Да, судимъ.

— И казните?

— Да, и казнимъ.

— И ошибаетесь?..

— Да... Вотъ «несчастная случайность» съ Глускеромъ. Впрочемъ, существуетъ кассаціонная инстанція, которая должна исправлять ошибки, есть конфирмація, съ правомъ смягченія...

Кассаціонная инстанція! Мы подошли къ послѣднему звену этой удивительной логики! Что и лучшіе судьи могутъ впадать въ ошибки, это—аксіома, поэтому приговоры даже правильно-устроен-

ныхъ судовъ во всѣхъ культурныхъ странахъ подвергаются пересмотру хотя-бы только со стороны процессуальной.

Но у насъ, въ обновленной Россіи, послѣ торжественныхъ обѣщаній манифеста 17 октября,— и это по иному. Апелляціонныя инстанціи существуютъ. Но доступъ къ нимъ обезпеченъ лишь въ томъ случаѣ, когда вамъ грозитъ штрафъ, арестъ, тюремное заключеніе. Если-же неправильность процедуры грозитъ вамъ напрасной смертью,—тогда, по логикѣ военной юрисдикціи, между вами и высшей инстанціей можетъ стать генералъ Скалонъ, генералъ Каульбарсъ, генералъ Сандецкій, которымъ вручено законное (о, законѣйшее) право преградить вашей жалобѣ ходъ.

— Что тамъ еще за кассаціи? Не желаю. Онъ еще жалуется? Повѣсить безъ дальнихъ разговоровъ.

И иной разъ въ оправданіе этой непреклонности приведутъ то соображеніе, что ваша жалоба юридически правильна и ее главному военному суду нельзя будетъ не уважить.

Если не ошибаемся, первый сталъ пользоваться этимъ не особенно завиднымъ преимуществомъ своего высокаго званія варшавскій генералъ-губернаторъ Скалонъ (напр., въ дѣлѣ Каспржака, приговореннаго за убійство полицейскаго въ 1905 году *). За нимъ, по протоптанной дорожкѣ, безпечно послѣдовали другіе генералы, и, наконецъ, дѣло упростилось до того, что въ нѣкоторыхъ округахъ право кассаціи на приговоры военно-окружныхъ судовъ *упразднено огульно*. Вотъ что, напримѣръ, написалъ въ своемъ приказѣ въ 1908 году временный ген.-губернаторъ Терской области:

«Въ цѣляхъ охраненія въ предѣлахъ ген.-губернаторства порядка и общественной безопасности и *на основаніи 1403 статьи* военно-судебнаго устава, при конфирмаціи приговоровъ по дѣламъ, разсмотрѣннымъ кавказскимъ военно-окружнымъ судомъ въ порядкѣ упомянутой статьи, *мною не будетъ даваться дальнѣйшаго направленія этимъ дѣламъ въ кассаціонномъ порядкѣ* по жалобамъ на приговоры военно-окружныхъ судовъ въ предѣлахъ Терской области».

Генералу этому показалось, очевидно, слишкомъ затруднительнымъ присматриваться къ каждому отдѣльному случаю, гдѣ дѣло идетъ о человѣческихъ жизняхъ, и онъ предпочелъ свое страшное право передать автоматическому аппарату, слѣпо, безъ разсужденія, безъ колебанія, безъ мысли отстукивающему одно слово: «отказать, отказать, отказать».

Мы знаемъ примѣры, гдѣ такому-же механизму передавалось другое право, еще болѣе важное, отвѣтственное, ужасное и, пожалуй, святое: право конфирмаціи, то есть утвержденія казни, или помилованія, отмѣны, смягченія. И тутъ мольбы приговоренныхъ, ихъ отцовъ, матерей и женъ, обращенныя къ человѣческой душѣ,

*) «Русск. Вѣд.» 26 авг. 1908 г. № 231.

сердцу, иной разъ просто къ здравому смыслу и справедливости, попадали въ несложную и мертвую машину, такъ-же автоматически ставившую штемпель: «казнить, казнить, казнить».

Фамилія Терскаго временнаго генералъ-губернатора Ясенскій. Фамиліи другихъ въ свое время засіяютъ въ исторіи нашего по истинѣ смутнаго времени. Какъ человѣкъ, я, конечно, имѣю совершенно опредѣленное мнѣніе о приказѣ этого генерала. Какъ журналистъ и авторъ этихъ печальныхъ очерковъ, я могу быть только благодаренъ его автору за то, что онъ предалъ его гласности, напечатавъ въ оффиціальномъ органѣ. Теперь никто, по крайней мѣрѣ, не обвинитъ меня въ распространеніи «завѣдомо ложныхъ слуховъ» о генералахъ, безпечно замѣнявшихъ въ тяжелые дни русской жизни работу своей личной совѣсти и ума—простымъ механизмомъ, чѣмъ-то въ родѣ штемпеля, отмѣчающаго смертные приговоры, какъ желѣзно-дорожные кассиры штемпелюютъ билеты въ кассахъ... *)

Еще одна черточка. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» уже въ нынѣшнемъ году было напечатано слѣдующее коротенькое извѣстіе:

«Депутатъ Булатъ получилъ сообщеніе, что въ Кокандѣ приговорены къ смертной казни нѣсколько туземцевъ, *не понимавшихъ русскаго языка*. Подсудимые, поэтому, *не отдавали себѣ отчета въ серьезности грозившаго имъ наказанія* и не приняли никакихъ мѣръ къ подачѣ кассаціонной жалобы... Смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе» **).

Что это значитъ? Неужели имъ не дали даже переводчика, который на родномъ языкѣ могъ-бы сказать имъ два слова: смертная казнь! Въ газетѣ сказано ясно: «не понимали русскаго языка» и «не отдавали себѣ отчета». Если это такъ... то для этихъ кокандцевъ, среди которыхъ тоже легко могли быть Юсуповы, вся судебная процедура упрощена до одной жестикуляціи.—«Судъ идетъ. Встаньте!»—Ихъ подымаютъ—«Зовутъ такъ то? Обвинительные акты получены? Садитесь». Ихъ усаживаютъ. — «Теперь опять встаньте. Что можете сказать въ свое оправданіе?.. Ничего? Садитесь...» Опять «судъ идетъ. Встаньте»... «По указу. Его Императорскаго Величества вы имѣете быть повѣшены. Обжаловать можно въ такой-то срокъ»... Уведите ихъ».

Ихъ уводятъ... А затѣмъ—послѣдній жестъ принадлежитъ уже палачу и висѣлицѣ.

Неужели даже и это—правда? Впрочемъ... развѣ это не былобы только послѣднимъ звеномъ въ той цѣпи, которую составляетъ ужасная «логика военнаго правосудія»...

*) Приказъ вр. ген.-губ. Ясенскаго напечаталъ въ «Терекѣ» Цитирую по газетѣ «Слово» отъ 7 ноября 1908 г.

**) «Р. Вѣдом.» 16 февр. 1910

IV.

«Отрадные факты». Дѣла Кузнецова и Никольскихъ крестьянъ.

Теперь еще нѣсколько примѣровъ. Впрочемъ, на этотъ разъ мы опять возвращаемся къ «отраднымъ фактамъ», когда жертвы военныхъ судовъ въ концѣ концовъ выходятъ изъ нихъ оправданными, и тогда «радость ихъ не поддается описанію».

Два такихъ дѣла (Юсупова и Маньковскаго) мы уже изложили. Теперь—*отрадный фактъ номеръ третій.* Многіе, быть можетъ, помнятъ еще дѣло Кузнецова. Въ 1906 году на казенную винную лавку въ районѣ извѣстной Прохоровской мануфактуры было произведено нападеніе среди бѣлаго дня. Во время преслѣдованія однимъ изъ злоумышленниковъ убитъ городовой. Нападавшіе скрылись.

Вскорѣ, однако, по доносу нѣкоей Рыжовой и ея друга Запольскаго, былъ арестованъ и преданъ суду рабочій Кузнецовъ. У него, какъ и у Глускера, были свидѣтели, доказывавшіе его alibi, которые (какъ оказалось впослѣдствіи) говорили сущую правду. Но проницательный судъ имъ не повѣрилъ, а повѣрилъ Рыжовой и Запольскому, которые лгали: они показали подъ присягой, что видѣли на близкомъ разстояніи, какъ Кузнецовъ выстрѣлилъ въ городового. Кузнецова приговорили къ смертной казни...

Выслушавъ этотъ приговоръ, онъ перекрестился на икону и сказалъ:

— «Христомъ клянусь, я приговоренъ невинно!»

Много было такихъ случаевъ, и много русскихъ людей крестились такимъ образомъ на иконы. Но ихъ все таки казнили. То-же, конечно, ждало и Кузнецова. Онъ подалъ кассаціонную жалобу. Главный военный судъ ее не уважилъ.

Между тѣмъ, защитникъ Кузнецова г. Николаевъ былъ глубоко убѣжденъ, что онъ защищалъ и не смогъ защитить невиннаго! Каково уходить изъ суда съ такимъ убѣжденіемъ человѣку, совѣсть котораго не такъ-то легко мирится съ успокоительными соображеніями о «несчастныхъ случайностяхъ». Г-нъ Николаевъ и его товарищи рѣшили во что-бы то ни стало спасти этого человѣка, погибающаго «отъ неправеднаго суда».

Это было въ Москвѣ, въ «правленіе» ген. Гершельмана. Не легко было, прежде всего, добиться отсрочки казни. Но они ея добились и возбудили дѣло о лжесвидѣтельствѣ со стороны Рыжовой и Запольскаго. Въ декабрѣ 1908 года московскій окружный судъ разсмотрѣлъ это обвиненіе и призналъ, что Рыжова и Запольскій оклеветали Кузнецова изъ мести. Рыжову сослали въ каторгу, Запольскаго посадили въ тюрьму. Кузнецова вернули съ каторжныхъ

работъ, куда, по конфирмаціи ген.-губернатора, онъ былъ сосланъ въ ожиданіи исхода дѣла въ гражданскомъ судѣ *).

«Дѣло это,—писали въ «Рѣчи»,—составляетъ торжество московской адвокатуры». Не военно-окружнаго суда, конечно, такъ какъ лишь сторонніе люди и гражданскій судъ остановили эту казнь.

Отрадный фактъ номеръ четвертый имѣлъ мѣсто въ томъ же Московскомъ округѣ. Въ селѣ Никольскомъ (Звенигородскаго уѣзда) была ограблена церковь и произведено вооруженное нападеніе на сторожей. Одинъ изъ нихъ, Горинъ, имѣвшій личные счеты съ нѣсколькими крестьянами, указалъ на четверыхъ односельцевъ, какъ на грабителей. Онъ, якобы, спрятался подъ койку и хорошо разглядѣлъ оттуда лица нападавшихъ. Это была ложь. Въ опроверженіе ея обвиняемые тоже выставили свидѣтелей, но судъ опять не повѣрилъ свидѣтелямъ защиты, отдавъ предпочтеніе обвинительной лжи.

Четыре крестьянина приговорены къ смертной казни.

То, что для Кузнецова сдѣлали г. Николаевъ съ товарищами,—теперь сдѣлалъ защитникъ Ордынскій для никольскихъ крестьянъ. Опять хлопоты передъ генералъ-губернаторомъ, чтобы не торопились съ казнью, а затѣмъ опять дѣло о лжесвидѣтельствѣ.— «Когда,—говоритъ корреспондентъ «Соврем. Слова» **),—я слушалъ разсказъ о томъ, что г-ну Ордынскому пришлось продѣлать и какую развить энергію, чтобы вырвать сначала у висѣлицы, потомъ у каторги эти уже обреченныя жертвы военнаго правосудія (и на этотъ разъ «правосудія?»),—я проникался глубокимъ уваженіемъ къ нашей адвокатурѣ». Г. Ордынскій обивалъ пороги канцелярій, просилъ, умолялъ, ручался, доказывалъ. Онъ успѣлъ заинтересовать въ участи невинно-осужденныхъ многихъ частныхъ лицъ, въ томъ числѣ звенигородскихъ фабрикантовъ Поляковыхъ, у которыхъ работали приговоренные. Потомъ онъ появился съ товарищами въ селѣ Никольскомъ и произвелъ свое слѣдствіе на мѣстѣ нападенія. Здѣсь благородныя усилія защитниковъ вызвали общее сочувствіе населенія. Что дѣлаютъ эти господа въ черныхъ сюртукахъ? Они стараются предупредить страшное дѣло, убійство невинныхъ, которое уже изготовили «по всѣмъ правиламъ» господа судьи въ военныхъ мундирахъ. Помогай имъ, Господи! Мозолистыя руки поднимаются для креста и молитвы... И всѣ глаза направляются на доносчика. Его заставляютъ лечь подъ койку, откуда онъ, якобы, видѣлъ нападающихъ. Онъ ложится. Вся картина оказывается извращенной: съ этого мѣста онъ видѣть ничего не могъ. Подавленный общимъ негодованіемъ, лжесвидѣтель черезъ нѣсколько дней умираетъ отъ разрыва сердца, но легенда иначе объясняетъ

*) «Новая Русь», 6 дек. 1908 г.—«Кіевскія Вѣсти», 25 марта, 1909 г.

**) Цитирую по «Вятской Рѣчи», 30 января 1910 г. № 24.

эту смерть: на мѣстѣ говорятъ, что Горинъ умеръ тутъ же подъ койкой, пораженный гнѣвомъ божіимъ за ложный оговоръ...

Такъ, пока господа военные судьи вершили другія дѣла, усиліями частныхъ лицъ разъяснялась ихъ ошибка. Конечно, если бы никольскихъ крестьянъ судилъ судъ присяжныхъ,—судьи, навѣрное, сами выѣхали бы на мѣсто и убѣдились бы, что Горинъ лжетъ. Но—г.г. военные судьи!.. Нельзя и подумать, чтобы они стали такъ безпокоить себя изъ-за четырехъ жизней... Они—военные! Они и свидѣтелей могутъ не вызвать изъ-за черты города! Они, если бы и пожелали, не могутъ провѣрить лживыхъ показаній, такъ какъ должны судить безостановочно и стремительно...

Лжесвидѣтельство опять было признано судомъ присяжныхъ, и «маленькая ошибочка» московскаго военно-окружного суда опять исправлена. Никольскіе крестьяне изъ-подъ висѣлицы вернулись къ семьямъ, отвѣдавъ, какъ и Кузнецовъ, каторжныхъ работъ...

V.

Еще отрадные факты.—Дѣло Токарева и Боборыкина.

Мѣсто дѣйствія въ Екатеринославѣ. 11 іюня 1908 года въ квартиру рабочаго Токарева пришелъ въ его отсутствіе рабочій Хорольскій. Какъ это впослѣдствіи признано оффиціально, Хорольскій былъ агентъ охраны и провокаторъ. Онъ принесъ въ квартиру товарища двѣ бомбы и станокъ для выдѣлки фальшивой монеты. Токарева въ это время не было. Вскорѣ послѣ Хорольскаго, какъ водится, нагрянула полиція и «обнаружила» бомбы. Обѣ онѣ были завернуты въ бумагу и на оберткѣ одной была предусмотрительно написана фамилія третьяго рабочаго, Боборыкина. Какъ извѣстно,—такъ оно обыкновенно и бываетъ: собственники бомбъ непремѣнно помѣчаютъ ихъ своими фамиліями, какъ школьники помѣчаютъ свои тетради: такая-то бомба принадлежитъ Иванову, а такая-то Семенову. Казалось бы,—кого можетъ ввести въ заблужденіе такая аляповатая провокаторская стряпня? Отвѣтъ на лицо: она ввела въ заблужденіе одесскихъ военныхъ судей, которые, разобравшись въ этомъ тонкомъ дѣлѣ, вынесли слѣдующую замѣчательную резолюцію. Такъ какъ Токаревъ заболѣлъ, то передъ ними были двое: невинный Боборыкинъ и истинный хранитель бомбъ (хотя бы и въ чужихъ квартирахъ) провокаторъ Хорольскій. Одного они оправдали. Кого?—Провокатора. Другого обвинили... Кого? Разумѣется, Боборыкина, который послѣ соотвѣтствующей «конфирмаціи» и очутился въ каторжныхъ работахъ.

Теперь наступила очередь выздоровѣвшаго Токарева, и... тутъ начинается область «чудеснаго». Къ великому счастью обоихъ

рабочихъ, провокаторъ, кромѣ бомбы, подкинулъ Токареву еще станокъ для выдѣлки фальшивой монеты. Полицейскій агентъ или тѣ, кто имъ распоряжался въ данномъ случаѣ,—не разсчитали: за выдѣлку фальшивой монеты судятъ не военные суды, а судъ присяжныхъ. Ну, а тутъ уже нужна, во всякомъ случаѣ, провокаторская работа болѣе тонкаго свойства... Судъ присяжныхъ (за монету) состоялся раньше военнаго суда (за храненіе бомбъ), и дѣйствительная картина всего этого происшествія предстала въ такомъ видѣ, что присяжные, не колеблясь, оправдали Токарева. Они имѣли дѣло съ тѣми же людьми, съ тѣми же свидѣтелями, съ тѣми же обстоятельствами. Только вмѣсто бомбъ, на столѣ вещественныхъ доказательствъ передъ ними лежалъ станокъ для выдѣлки монеты, и, однако, присяжные не только сами разглядѣли грязную и аляповатую провокаторскую работу, но еще ходатайствовали передъ коронными судьями: почтительно довести до свѣдѣнія военнаго суда о роли въ этомъ дѣлѣ охранника Хорольскаго, для предупрежденія возможной (и уже второй) судебной ошибки...

Съ такимъ многозначительнымъ предупрежденіемъ одесскому военно-окружному суду пришлось вновь разсматривать дѣло, по которому онъ уже присудилъ одного невиннаго къ каторгѣ. Другого онъ оправдалъ. Въ мотивахъ этого своего парадоксальнаго постановленія судъ призналъ категорически, что найденныя въ квартирѣ Токарева бомбы «были туда доставлены въ день обыска агентомъ охраны Хорольскимъ, *чего Токаревъ и не зналъ*»...

Судъ, повидимому, задавался и вопросомъ, «съ какою цѣлью» Хорольскій могъ разносить по квартирамъ товарищей бомбы (а потомъ вдобавокъ приводить туда полицію?). Отвѣтъ на этотъ тонкій вопросъ остороженъ и глубокомысленъ: «*цѣль эту выяснить не удалось*». Да, есть порой юмористическіе обороты рѣчи даже въ стилѣ военно-судныхъ постановленій. Можетъ быть, разгадка необыкновенно трудной шарады нашлась бы легче, если бы вмѣсто вопроса о цѣли, кто-нибудь задался вопросомъ: по чьему приказу и съ чьего вѣдома дѣйствовалъ «агентъ охраны» и въ какомъ учрежденіи фабриковались разносимыя имъ бомбы? Но русскіе суды,—даже и не военные,—не желаютъ тратить время на разрѣшеніе такихъ деликатныхъ вопросовъ...

Возвращаемся къ нашему «отрадному факту». Боборыкинъ, отбывавшій каторгу, узнавъ о новомъ оборотѣ дѣла, пожелалъ, конечно, тоже выйти на волю: вѣдь и его бомбу доставилъ тотъ же агентъ Хорольскій. На этомъ основаніи Боборыкинъ подалъ въ главный военный судъ просьбу о пересмотрѣ его дѣла. И...

Я знаю: читатель, подготовленный всѣми предъидущими чудесами, ждетъ съ моей стороны новаго эффекта: главный военный судъ въ пересмотрѣ откажетъ?..

Нѣтъ, читатель, нѣтъ: дѣло пересмотрѣли и Боборыкина уже

въ нынѣшнемъ году вернули изъ каторги *). «Отрадный фактъ» остался отраднымъ до конца (всего только два года тюрьмы и каторги за ошибку военнаго суда!). Но и логика военнаго правосудія все-таки сказала свое вѣское слово прежде, чѣмъ освободить завѣдомо невиннаго.

Представителемъ ея выступилъ помощникъ главн. военнаго прокурора, ген.-маіоръ Макаренко, дававшій свое заключеніе на просьбу Боборыкина. Это заключеніе такъ краснорѣчиво, что мы позволимъ себѣ рекомендовать его особому вниманію будущаго историка русскаго военнаго правосудія. Въ газетахъ оно изложено такъ:

«Помощникъ гл. военнаго прокурора ген.-м. Макаренко, указывая на отсутствіе въ дѣлѣ новыхъ обстоятельствъ (?!), высказался за оставленіе ходатайства (Боборыкина) *безъ уваженія*, настаивая на необходимости исправленія главнымъ военнымъ судомъ въ порядкѣ надзора приговора одесскаго военно-окр. суда въ смыслѣ исключенія изъ приговора всего того, что касается въ дѣлѣ агента Хорольскаго».

Это было напечатано и перепечатано во многихъ газетахъ **), и никѣмъ до сихъ поръ не опровергалось. Значитъ,—этотъ замѣчательный силлогизмъ дѣйствительно оглашалъ залу засѣданія военно-окружного суда въ «конституціонной» Россіи XX вѣка. Если перевести его съ протокольно-юридическаго языка на простой разговорно-обывательскій, то это будетъ звучать такъ:

Главный военный судъ имѣетъ дѣло не съ людьми: Хорольскимъ, Токаревымъ, Боборыкинымъ, а съ бумагами: кассаціоннымъ производствомъ номеръ такой-то. Въ одной изъ этихъ бумагъ, а именно, въ оправдательномъ приговорѣ по дѣлу Токарева, есть нѣкоторое излишнее многословіе: упоминается зачѣмъ-то о роли «агента охраны» Хорольскаго. Это многословіе и подлежитъ исправленію въ порядкѣ надзора. Когда такимъ образомъ фигура Хорольскаго, разносящаго съ «неизвѣстною цѣлью» бомбы по квартирамъ рабочихъ, исчезнетъ изъ поля зрѣнія, тогда главному военному суду не о чемъ безпокоиться, и все дѣло ликвидируется безъ хлопотъ въ данной его стадіи: Токаревъ оправданъ,—его счастье! Боборыкинъ можетъ оставаться на каторгѣ.

Генералъ-маіоръ Макаренко, повидимому, реалистъ и не любитъ разныхъ чудесныхъ воздѣйствій на естественную логику реальнаго военно-суднаго міра. Главный военный судъ, однако, съ этимъ замѣчательнымъ силлогизмомъ не согласился. Дѣло пересмотрѣли. Боборыкина освободили, а о «дѣйствіяхъ военно-прокурорскаго надзора одесскаго округа постановлено довести до свѣдѣнія главнаго военнаго прокурора»...

---

*) «Рѣчь», 22 марта 1910 г., № 79.
**) Цитирую изъ «Кіевскихъ Вѣстей», 15 февр. 1910 г., № 46.

Какія это дѣйствія,—я, къ величайшему сожалѣнію, не знаю. А должно быть дѣйствія замѣчательныя...

VI.

О томъ же. Въ Тюмени. Въ Варшавѣ. Въ Балтѣ. Въ Кіевѣ.

13 сентября 1908 года въ Тюмени былъ ограбленъ артельщикъ Маругинъ. Полиція обнаружила необыкновенную энергію и доставила суду цѣлую группу въ девять человѣкъ, которые, какъ оказалось впослѣдствіи, всѣ были къ этому дѣлу нимало не причастны. Можетъ ли быть, чтобы «несчастныя случайности» коснулись сразу девяти человѣкъ и чтобы предварительное слѣдствіе впало въ такое массивное «добросовѣстное заблужденіе». Мало вѣроятно, что касается добросовѣстности, но фактически вѣрно. Судъ въ первой же сессіи по этому дѣлу *оправдываетъ* пять человѣкъ. Какъ бы въ видѣ удовлетворенія слѣдствію,—четырехъ рѣшаетъ все-таки казнить смертью. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, оправдать всѣхъ привлеченныхъ. Зачѣмъ нибудь трудились гг. полицейскіе, жандармы, охранники, свидѣтели (и лжесвидѣтели?), наконецъ, гг. прокуроры. Однако, послѣ того, какъ на мѣстѣ поднялось общественное мнѣніе, а въ Петербургѣ стали хлопотать депутаты Дзюбинскій и Скалозубовъ,—военное правосудіе призадумалось и—выпустило съ миромъ остальныхъ четырехъ. Итакъ, *всѣ девять* привлечены по недоразумѣнію, и четверо невинныхъ обывателей имѣли случай испытать сильное ощущеніе смертнаго приговора. И все-таки живы. Случилось это счастливое обстоятельство уже 27 іюля 1909 года*). Сильныя ощущенія продолжались, значитъ, въ теченіе года!

Въ Варшавѣ нѣкоего Павла Ибковскаго невинно приговорили къ казни по ложному доносу Идзиковскаго и Мартынкевича. Кто тутъ успѣлъ проявить «нечеловѣческую энергію», чтобы сначала удержать суровую руку ген.-губ. Скалона, потомъ возбудить дѣло о лжесвидѣтельствѣ,—мы такъ и не знаемъ. Въ концѣ концовъ лжесвидѣтельство доказано, и, надо думать, Ибковскій изъ подъ висѣлицы возвращенъ уже въ лоно семьи**).

Слѣдующее дѣло переноситъ насъ въ Балту. Здѣсь въ 1905 году во время октябрьскихъ волненій убитъ городовой. Мѣстныя власти привлекли нѣкоего Акимова, только потому, что онъ имѣлъ «красную» репутацію. Никакихъ данныхъ противъ него не было, и его пришлось бы отпустить. Но тутъ, какъ сдержанно сообщаетъ корреспондентъ «Подольскаго Еженед.», «*кто то* (?) подговорилъ поцейскаго писца Шишеля для карьеры (sic!) дать ложное показаніе, будто Акимовъ убилъ городоваго въ присутствіи его, Шишеля» ***).

---

*) «Кіевскія Вѣсти», 3 авг., 1909, № 231.
**) «Р. Слово». Цит. изъ «Полт. Голоса», 7 мая, 1910.
***) Цит. изъ Волыни 20 дек., 1908 г., № 20.

Акимова приговорили къ смертной казни, которую замѣнили 15 годами каторги. Лжесвидѣтельство полицейскаго писца раскрылось нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ отправки Акимова на каторгу, и Шишель, въ свою очередь, приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, замѣненнымъ тюрьмою (по слабости здоровья *).

Еще одно,—совсѣмъ уже свѣжее извѣстіе изъ Кіева. 25 октября 1908 г. въ кіевскомъ военно-окружномъ судѣ разбиралось дѣло о казакѣ Коваленкѣ и крестьянинѣ Иванѣ Безѣ, обвиняемыхъ въ разбойномъ нападеніи на домъ Дурицкаго. Оба приговорены къ *смертной казни* черезъ повѣшеніе. Родные осужденныхъ обратились къ прокурору нѣжинскаго окружнаго суда съ заявленіемъ, что въ данномъ дѣлѣ произошла судебная ошибка, такъ какъ они могутъ доказать, что показанія, данныя на судѣ свидѣтелями обвиненія, Меланіей Климковой и Григоріемъ Каращукомъ, ложны. Они находились въ услуженіи у потерпѣвшаго Дурицкаго и лжесвидѣтельствовали по подговору хозяина. Начатымъ по этому поводу слѣдствіемъ фактъ лжесвидѣтельства скоро обнаружился съ полною ясностью. Оказалось, во 1-хъ, что показанія противорѣчили обстоятельствамъ дѣла, чего военный судъ не замѣтилъ, а во 2-хъ, свидѣтели сами признавались стороннимъ лицамъ, что оговорили подсудимыхъ по требованію хозяина («за подарокъ къ празднику»). Совсѣмъ уже на дняхъ, 11 сентября, окружный судъ въ Нѣжинѣ разбиралъ это дѣло. Это была очень характерная и чрезвычайно выразительная картина; въ засѣданіи были двѣ интересныя группы: на скамьѣ подсудимыхъ сидѣли Дурицкій, Каращукъ и Климкова. Въ качествѣ свидѣтелей были приведены, въ кандалахъ, Безъ и Коваленко, *присужденные къ смерти* и ожидавшіе отмѣны приговора или приведенія его въ исполненіе съ 25 октября 1908 года **). Кромѣ того, тутъ шла тяжба между двумя судами: военный судъ требуетъ смерти невинныхъ. Отъ приговора суда присяжныхъ, еще уцѣлѣвшаго остатка «доконстуціонныхъ» учрежденій—они ждутъ освобожденія.

Присяжные признали наличность лжесвидѣтельства. Климкова и Каращукъ осуждены (Дурицкій оправданъ). Безъ и Коваленко спасены.

---

*) Интересна дальнѣйшая судьба этого лжесвидѣтеля: въ тюрьмѣ онъ тотчасъ же занялъ привилегированное положеніе доносчика, но 20 ноября 1908 года вбѣжалъ, обливаясь кровью, со двора въ тюремную больницу. Оказалось, что на него напали и сильно его порѣзали четыре арестанта изъ мастерской. Отъ ранъ онъ и умеръ. «Похороны его были обставлены особой торжественностью,—писалъ корреспондентъ «Подольскаго Еженедѣльника»:—для проводовъ гроба на кладбище была отряжена вся мастерская, гдѣ Шишель немного работалъ. Также провожалъ гробъ начальникъ тюрьмы». Ложнаго доносчика, хотя и арестанта, хоронили, какъ лицо до извѣстной степени оффиціальное, пострадавшее при исполненіи обязанности...

**) Огни («Кіевская Копѣйка), 14 сент., 1910 г., № 194.

VII.

Что спасало невинныхъ отъ казни?

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, я чувствую потребность остановиться на внутреннемъ значеніи этихъ «отрадныхъ фактовъ», отъ которыхъ на меня лично вѣетъ ужасомъ даже большимъ, чѣмъ отъ самихъ казней... Это лишь исключенія, подтверждающія правило. Оправданія, которыя говорятъ о возможности десятковъ, можетъ быть, сотенъ судебныхъ убійствъ...

Что, въ самомъ дѣлѣ, спасало людей во всѣхъ перечисленныхъ эпизодахъ отъ невинной смерти?

Только чудо, т. е. вмѣшательство вліяній, выходящихъ за предѣлы нормальнаго военно-суднаго порядка.

Для Юсупова, это—случайное присутствіе въ залѣ засѣданій партикулярнаго человѣка, г-на Ширинкина, который, въ отчаяніи, бѣжитъ изъ суда домой и торопливо набрасываетъ письмо къ другому партикулярному человѣку, живущему въ Петербургѣ. Затѣмъ корреспонденціи, разговоры, забѣганія съ заднягo хода...

Маньковскаго вырываетъ у смерти такой же вопль нѣсколькихъ адвокатовъ и еще—конфета генерала Канабѣева. Черновикъ письма защитниковъ сохранилъ на себѣ слѣды слезъ... Слезъ людей со значками, во фракахъ, явившихся, чтобы защищать невиннаго юридическими аргументами, и почувствовавшихъ свое полное безсиліе. Они прибѣгли къ аргументамъ не юридическимъ. Въ связи съ этимъ дѣломъ одинъ изъ адвокатовъ временно лишенъ практики. Палата осудила этого защитника, товарищи выразили ему сочувствіе, а общество въ недоумѣніи стоитъ передъ этой путаницей. За правильныя закономѣрныя дѣйствія практики не лишаютъ. Позоръ извращающимъ правосудіе? Да, это правда. Но правильные закономѣрные суды съ такой легкостью не приговариваютъ невинныхъ къ смерти! Слава спасающимъ невинно-осужденныхъ! Мы не юристы. Исторія скоро разберетъ, что тутъ и кому принадлежитъ по праву!

Далѣе,—только экстраординарная энергія защитниковъ и частныхъ лицъ спасаютъ Кузнецова, Краснова, четырехъ Никольскихъ крестьянъ, Безя, Коваленко, Акимова и многихъ другихъ, для которыхъ потребовалось, подъ накинутой уже петлей, собирать новыя обстоятельства, возбуждать дѣла о лжесвидѣтеляхъ, игрушкой которыхъ такъ легко становятся военные суды.

Въ тюменскомъ дѣлѣ мы встрѣчаемъ хлопоты членовъ Государственной Думы. Государственная Дума! Народное представительство въ странѣ, гдѣ *такіе* суды годами постановляютъ такіе приговоры! Развѣ это не самое фантастическое изъ чудесъ? Достаточно сопоста-

вить эти «учрежденія», чтобы видѣть, что или одно изъ нихъ только тяжелый кошмаръ, или другое—фикція, маловѣроятное сонное видѣніе...

Для Токарева и Боборыкина возможность спасенія чудеснымъ образомъ притаилась въ станкѣ для выдѣлки фальшивой монеты... И такъ далѣе, и такъ далѣе...

Теперь подумайте только, что было бы, если бы случайно:

Партикулярный человѣкъ, г. Ширинкинъ, 2-го апрѣля 1899 г. уѣхалъ по своимъ дѣламъ изъ города Грознаго?

Генералъ Канабѣевъ не подарилъ бы Маньковскому конфету, а его защитники не пришли бы въ спасительное для кліента отчаяніе?

Если бы г. Николаевъ отнесся къ «случайностямъ» въ дѣлѣ Кузнецова такъ же филоосфски спокойно, какъ г. Успенскій въ дѣлѣ несчастнаго Глускера?

Если бы такъ же отнеслись г. Ордынскій къ дѣлу Никольскихъ крестьянъ, и защитники Акимова, и защитники Безя и Коваленко, и еще многіе, многіе другіе?..

Если бы охранникъ Хорольскій ограничился только бомбами и не вздумалъ, въ излишнемъ усердіи, подкинуть еще станокъ?

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы, несомнѣнно, имѣли бы, вмѣсто «отрадныхъ фактовъ», судебныя убійства, темныя, безвѣстныя, точно въ глухомъ лѣсу... Кто-то ихъ бы оплакивалъ, кто-то проклиналъ бы и таилъ планы мести... Газеты отмѣчали бы нѣсколько лишнихъ цифръ, совершенно такихъ же, какія теперь проходятъ передъ нашими глазами, не вызывая особаго вниманія къ именамъ людей, для которыхъ не нашлось счастливыхъ случайностей и чудесъ...

И каковы только порой бываютъ эти неожиданности!

Военный судъ въ Саратовѣ. На скамьѣ подсудимыхъ восемь солдатъ Апшеронскаго полка; обвиняются въ томъ, что участвовали въ военной демонстраціи въ Тростянцѣ. Главный свидѣтель обвиненія—полицейскій урядникъ. Показываетъ обстоятельно, увѣренно, точно. Есть свидѣтели и въ пользу подсудимыхъ, но—одна изъ психологическихъ особенностей военныхъ судей—предпочтеніе свидѣтелямъ обвиненія. А тутъ еще урядникъ! Судьи слушаютъ и испытываютъ удовлетвореніе прочно, солидно складывающагося убѣжденія. Со всей торжественностью, подобающей обстоятельствамъ, они удаляются для совѣщанія. Съ такой же торжественностью возвращаются и «по указу Его Императорскаго Величества» приговариваютъ къ продолжительной каторгѣ восемь человѣкъ, изъ которыхъ ни одинъ не виновенъ въ томъ, въ чемъ ихъ такъ торжественно обвиняютъ. Приговоръ мрачно звучитъ въ пустомъ залѣ. Сами подсудимые, конечно, знаютъ, что ихъ осудили напрасно. Знаютъ это и товарищи ихъ, которые, съ заряженными ружьями, стоятъ за ними и слушаютъ всю судебную процедуру. Знаетъ, ко-

нечно, и оболгавшій ихъ урядникъ. Но—судьи довольны своимъ приговоромъ, публики нѣтъ, солдаты молчатъ... вытянувшись въ позѣ автоматовъ.

И вдругъ—происходитъ неожиданность. Протестуетъ противъ приговора.—Кто же? Лжесвидѣтель урядникъ. Повидимому, онъ смотрѣлъ на свое ложное показаніе, какъ на исполненіе служебнаго долга. Прокуроръ обвиняетъ, защитникъ защищаетъ. Полиція помогаетъ прокурору, это уже такой «порядокъ вещей». Можетъ быть, передъ судомъ онъ, вдобавокъ, откуда нибудь получилъ инструкціи «не осрамиться». Онъ не осрамился и сдалъ свой урокъ «словесности» при торжественной обстановкѣ. А уже дѣло суда разобраться во всемъ этомъ по совѣсти и по правдѣ. Судьи должны понять, что онъ «по должности» налгалъ все отъ слова до слова и не вѣрить ему, а повѣрить другимъ, которые говорили правду. А они повѣрили ему, лжецу. И такъ торжественно вышли. И такъ торжественно вернулись, и всѣ въ залѣ поднялись, когда они «по указу Его Императорскаго Величества» приговорили къ каторжнымъ работамъ восемь невинныхъ.

О себѣ этотъ урядникъ былъ должно быть невысокаго мнѣнія: должность его маленькая и не почетная. Какой ужъ почетъ лгать на невинныхъ.. Теперь онъ проникся презрѣніемъ къ торжественной процедурѣ суда. Что-то въ душѣ урядника, повидимому, упало, и онъ почувствовалъ потребность подѣлиться съ кѣмъ-нибудь этой своей душевной драмой. Гдѣ здѣсь люди, съ которыми онъ можетъ говорить по душѣ? Судьи? Они такіе важные и они собираются расходиться въ пріятномъ сознаніи исполненнаго долга. Взглядъ переживающаго душевную драму урядника падаетъ на скамью подсудимыхъ... Тамъ восемь осужденныхъ и, должно быть, столько же караульныхъ. Это простые люди. Они поймутъ его положеніе. Они служатъ и исполняютъ приказанія. Прикажутъ стрѣлять въ родного отца,—будутъ стрѣлять. Онъ тоже служитъ по своему разумѣнію. Прикажутъ налгать на родного отца,—налжетъ. Если бы онъ теперь былъ на мѣстѣ этихъ солдатъ, то стоялъ бы за подсудимыми съ ружьемъ къ ногѣ и, зная, что они невинны, зорко смотрѣлъ бы, чтобы они не убѣжали. А сами бы часовые были на его урядницкомъ мѣстѣ, то лгали бы по должности, какъ лгалъ онъ... Такъ онъ думаетъ и подходитъ къ этой группѣ «своихъ людей» и говоритъ довѣрчиво, простодушно, отъ глубины огорченнаго сердца.

— Какой это судъ! Судятъ невинныхъ. Я ихъ оклеветалъ напрасно *).

Но конвойные—товарищи подсудимымъ, а урядику не товарищи и потому о признаніи урядника докладываютъ старшому, старшой докладываетъ по начальству. И вотъ гг. военные судьи

*) «Кіевскія Вѣсти», 5 іюня, 1910, № 151.

узнаютъ, что ихъ приговоръ, ихъ судейскую совѣсть, достоинство столь торжественно отправляемаго судебнаго обряда,—и судьбу восьми человѣкъ,—все это держалъ въ рукахъ этотъ мелкій полицейскій лжесвидѣтель. Если бы онъ такъ же безмятежно ушелъ, исполнивъ свою роль, какъ собрались это сдѣлать они, исполнивъ свою,—для бѣдныхъ апшеронцевъ все было бы кончено, и опять дѣло потонуло бы въ тысячахъ другихъ. Но—движенія человѣческой совѣсти, даже полицейской, таинственны и неожиданны. Уряднику заблагоразсудилось, выдавъ себя, помиловать апшеронцевъ и судъ... И помиловалъ...

VIII.

«Обрадованные» русскіе люди.

Широкая практика военныхъ судовъ со всѣми ихъ неожиданностями расширила діапазонъ ощущеній современной русской души.

До сихъ поръ мы знали обычныя, присущія всѣмъ народамъ мирныя радости повседневной жизни. Теперь въ насъ зазвучала новая струна, рѣзкая, сильная, незнакомая прозаическому европейцу. По Руси разлился новый видъ радости. Это радость людей, глядѣвшихъ въ глаза позорнѣйшей смерти, разъ уже невинно-осужденныхъ и... сорвавшихся съ висѣлицы. Острое ощущеніе возвращенной жизни... Восторгъ отцовъ, матерей, сестеръ, братьевъ, жениховъ и невѣстъ, которымъ возвращаютъ любимыхъ и близкихъ людей прямо изъ петли.

Ихъ много, очень много теперь такихъ обрадованныхъ русскихъ гражданъ. Ихъ можно порой встрѣтить въ обычномъ, будничномъ повседневномъ быту. Они, какъ и прочіе обыкновеннѣйшіе люди, заняты своими дѣлами, работаютъ, обѣдаютъ, гуляютъ, даже и веселятся. Вообще—люди, какъ всѣ. Но надъ ихъ головами какъ будто носится какая-то неуловимая тѣнь, родъ нимба. И когда они отворачиваются, о нихъ говорятъ шепотомъ:

— Это NN. Слыхали? Былъ приговоренъ къ смертной казни. Спасла счастливая случайность...

Мнѣ пришлось три раза встрѣтиться съ такими людьми.

Разъ,—это было въ вагонѣ желѣзной дороги около Бѣлгорода. Обращали на себя общее вниманіе два пассажира третьяго класса, въ одеждѣ мѣщанъ или сельскихъ разночинцевъ. У одного было обыкновенное, но какое-то тускло-сѣрое лицо и изъ-подъ тупо сдвинутыхъ бровей глаза смотрѣли тяжело, неподвижно, безъ смысла. Другой былъ похожъ на него, только постарше. У этого лицо было выразительное, страдающее и озабоченное. На первый взглядъ больнымъ изъ этихъ двухъ людей можно было признать второго.

Мнѣ съ ними пришлось ѣхать недолго, и я сначала не обратилъ на нихъ особаго вниманія. И, только когда они ушли на узловой станціи, я замѣтилъ, что въ вагонѣ что-то осталось отъ нихъ, какая-то робкая, осторожная тѣнь. Никто не садился на оставленное ими мѣсто, сосѣди обмѣнивались полу-вздохами, короткими, оборванными фразами, изъ которыхъ я узналъ, что это два брата и что одинъ изъ нихъ былъ приговоренъ къ смертной казни, а потомъ оправданъ и отпущенъ на свободу.

Ни подробностей, ни фамилій я такъ и не узналъ. Можетъ быть, это былъ одинъ изъ тѣхъ, чью исторію я разсказалъ вамъ на предыдущихъ страницахъ, а можетъ, и совсѣмъ другой, безвѣстный, о которомъ никто ничего не писалъ. Можно ли написать о всѣхъ, такъ или иначе задѣтыхъ широкимъ жизненнымъ явленіемъ. На мои дальнѣйшіе разспросы пассажиры, ѣхавшіе съ ними раньше, отвѣчали неохотно и скупо. Скажетъ, и какъ-то почти враждебно отвернется.., Подвели лихіе люди, по злобѣ.. Мало ли ихъ теперь. Тронулся, сердечный, шутка ли!.. Не буйствуетъ, а только часами смотритъ въ одну точку, и потомъ внезапно разражается рыданіями. Семья не бѣдная. Возили къ докторамъ,—говорятъ, можетъ еще и поправиться.

Вотъ все, что мнѣ удалось узнать. Вагонные разговоры мгновенно угасали, какъ искра въ золѣ. Есть вещи, которыя стоитъ только назвать, и уже это значитъ осудить кого-то и что-то. А по нынѣшнимъ временамъ осуждать вообще опасно. Успокоеніе! Однако, у меня все время стояла мысль:—Ужъ лучше бы говорили! Пожалуй, было бы даже спокойнѣе.

Въ другой разъ это былъ молодой человѣкъ, только что окончившій высшее учебное заведеніе, и его молоденькая жена, курсистка. Увидѣлъ я ихъ въ самой жизнерадостной обстановкѣ, на дачѣ, даже за игрой въ лаунъ-тенисъ. И все-таки надъ обоими висѣла та же неуловимая тѣнь, и тотъ же шепотъ несся навстрѣчу каждому новому лицу, знакомившемуся съ этой четой.—Это Я—ій... Помните: былъ приговоренъ къ смертной казни.

Въ свое время объ этомъ дѣлѣ много писали. Высшія учебныя заведенія волновались, директора и профессора хлопотали у министровъ. Послѣ второго разбирательства Я—го оправдали. И когда приговоръ былъ объявленъ,—однимъ изъ первыхъ кинулся пожимать руки ему и присутствовавшей тутъ же женѣ—молодой жандармскій офицеръ, все время очень внимательно слѣдившій за исходомъ процесса. Что же такъ обрадовало жандармскаго офицера? Очевидно, онъ считалъ этого студента невиннымъ, но не считалъ, что невинность гарантируетъ его отъ казни...

И кто же можетъ быть увѣренъ въ оправданіи невиннаго при такихъ условіяхъ? Военный судъ! Это значитъ, что жизнь человѣка кинута на чашку вѣсовъ неуклюжихъ, архаичныхъ, неточныхъ. На нихъ толстымъ слоемъ налегла пыль вѣковъ, разъѣдаю-

щая ржа касты. Нигдѣ уже въ культурномъ мірѣ не найдется такой удивительной судебной махины,—развѣ въ музеяхъ, наряду съ памятниками инквизиціи. А у насъ ея зловѣщій скрипъ раздается надъ страной, претерпѣвшей «обновленіе»! Неровно, судорожно, толчками мечутся кверху и книзу ея рычаги, швыряя судьбы людей между жизнью и смертью... Оправданіе... казнь... оправданіе... Гдѣ она остановится? На чемъ? И почему именно на этомъ?.. Оправдаетъ ли виновнаго? Или скорѣе казнитъ невиннаго?..

Даже жизнь нашихъ дѣтей такъ часто качается на этихъ вѣсахъ, и они не избавлены отъ этой новой русской радости. Въ 1909 году были приговорены *къ смертной казни: гимназистъ VI-го класса,* Александръ Петровъ и рабочій Крутоверцевъ по обвиненію въ нанесеніи огнестрѣльной раны священнику Яструбинскому. При вторичномъ разбирательствѣ харьковскій военно-окружный судъ оправдалъ обоихъ.

Итакъ, вотъ шестнадцатилѣтній русскій мальчикъ, уже извѣдавшій и ужасъ смертнаго приговора, и потрясающую радость оправданія. Впрочемъ, свирѣпая Ѳемида не сразу отпустила этого юношу, полуребенка: г. прокуроръ счелъ возможнымъ подать протестъ. Къ счастью, главный военный судъ на этотъ разъ протеста не уважилъ *).

Въ другихъ случаяхъ такіе протесты уважаются легко. Людей судягъ, оправдываютъ, присуждаютъ къ смерти, опять оправдываютъ и опять судятъ. Эта настоящая игра съ человѣческой жизнью, какъ котъ играетъ съ мышью. Въ городѣ Луцкѣ, напримѣръ, мирно проживалъ старый еврей, мясникъ, съ нѣсколько смѣшной фамиліей Козелъ. Въ одинъ несчастный для него день въ его лавку зашелъ полицейскій надзиратель и взялъ кусокъ мяса. Вскорѣ послѣ этого съ г. надзирателемъ случилось острое желудочное заболѣваніе, и объ этомъ несчастіи тотчасъ же ударила въ набатъ вся монархическая печать. Истинно-русскимъ людямъ доподлинно извѣстно, что у евреевъ существуетъ обычай отравлять мясо, продаваемое вѣрнымъ царскимъ слугамъ. Существуетъ въ дѣйствительности такой обычай или не существуетъ? Кто же можетъ лучше и безпристрастнѣе разобраться въ этомъ тонкомъ этнографическомъ вопросѣ, какъ не стремительный военный судъ?

И вотъ, старый еврей, подъ зловѣще-шутовской грохотъ монархической прессы, садится на скамью подсудимыхъ...

Военно-судная качель начинаетъ свою пляску смерти.

Въ первый разъ кіевскій военно-окружный судъ бѣднаго Козла оправдываетъ. Радость семьи, ликованіе луцкаго еврейства: зна-

---

*) «Р. Вѣд.», 24 апр. 1910 г., № 93.

читъ, судъ опровергъ существованіе гибельнаго для русской монархіи еврейскаго обычая.

Прокуроръ не можетъ, однако, согласиться съ такимъ исходомъ и подаетъ протестъ. Главный военный судъ соглашается съ прокурорскими доводами и назначаетъ новое разбирательство. Козла опять сажаютъ на качель. На этотъ разъ ему не везетъ: чашка вѣсовъ судорожно опускается внизъ. Старика приговариваютъ къ висѣлицѣ.

Теперь ликуютъ «монархисты». Въ семьѣ Козла и въ городѣ ужасъ и уныніе.

Протестъ защиты. Новый судъ. Засѣданіе тянется два дня... Козелъ опять обрадованъ: приговоръ оправдательный...

Это случилось въ ноябрѣ 1909 года *). Былъ-ли новый протестъ прокурора,—мы не знаемъ. Будемъ думать, что не было или онъ, къ счастью для злополучнаго стараго еврея, не уваженъ. Иначе, кто знаетъ, что могло-бы случиться? Оправдать... Казнить... Оправдать... Нечетъ... четъ... нечетъ. На четныхъ номерахъ бѣдному Козлу не везло, и четвертый приговоръ могъ оказаться для него роковымъ...

Такимъ онъ оказался, напримѣръ, для двухъ мальчиковъ, учениковъ тифлисскаго ремесленнаго училища, обвинявшихся въ убійствѣ директора Побѣдимова. Въ первый разъ ихъ оправдали, во второй приговорили къ казни **). Былъ-ли протестъ защиты, уваженъ ли? Что сказалъ новый судъ, если онъ былъ? Или, можетъ быть, оба ученика уже казнены,—мы не знаемъ.

IX.

Фантастическая исторія поручика Пирогова.

То, что я разскажу сейчасъ, можетъ показаться невѣроятнымъ, но это—фактъ, и только изумительная притупленность нашихъ нервовъ и привычка къ окружающему ужасу причиной того, что фамилія человѣка, съ которымъ это случилось, никому у насъ неизвѣстна. Фамилія эта Пироговъ, званіе поручикъ. Судился по такъ называемому Уссурійскому дѣлу и пережилъ слѣдующее:

Первый военный судъ приговорилъ его къ казни. Кассаціонная жалоба не была пропущена. Командующій войсками былъ увѣренъ въ виновности поручика Пирогова до такой степени, что не далъ хода жалобѣ и безъ колебаній *утвердилъ смертный приговоръ*.

Итакъ—кругъ завершенъ. Военное правосудіе сказало по отно-

*) «Русскія Вѣд.», 26 ноября 1909, № 271.

**) «Русск. Сл.», цит. изъ Нижегор. Листка, 10 ноября 1907 года.

шенію къ поручику Пирогову свое самое послѣднее слово. Поручику Пирогову осталось только умереть.

Но у поручика Пирогова оказались энергичные защитники въ Петербургѣ. Они находятъ какіе-то, совершенно экстренные, ходы, и утвержденный уже приговоръ пріостанавливается по высочайшему повелѣнію. Для поручика Пирогова возстанавливается срокъ подачи кассаціонной жалобы. Главный военный судъ отмѣняетъ конфирмованный приговоръ. Назначается новое разбирательство.

Изъ-за жизни поручика Пирогова начинается своеобразная борьба. Петербургъ, повидимому, не имѣетъ ничего противъ существованія Пирогова на бѣломъ свѣтѣ; Уссурійскій край требуетъ его смерти. Вторичное разбирательство въ мѣстномъ военно-окружномъ судѣ кончается новымъ приговоромъ къ смертной казни.

Къ счастью, на этотъ разъ командующій войсками не рѣшается преградить ходъ кассаціонной жалобѣ защиты. Главный военный судъ опять признаетъ ее основательной и назначаетъ третье разбирательство.

Мѣстный судъ и *въ третій разъ выноситъ смертный приговоръ.*

Поступаетъ третья кассаціонная жалоба. Можетъ показаться, что дѣло поручика Пирогова затягивается въ безконечность, но на этотъ разъ вопросъ ставится совершенно особымъ образомъ: по мнѣнію жалобщика, самое преданіе суду состоялось неправильно, такъ какъ въ дѣяніи поручика Пирогова, за которое онъ трижды приговоренъ и разъ «конфирмованъ», нѣтъ, якобы, даже состава преступленія. Защита проситъ теперь уже не новаго суда, а просто уничтоженія всего дѣлопроизводства, начиная съ постановленія о преданіи поручика Пирогова суду...

Если-бы эту жалобу писалъ самъ поручикъ Пироговъ, то, не правда ли, можно было-бы подумать, что это простой бредъ человѣка, не вынесшаго слишкомъ сильныхъ ощущеній... Послѣ третьяго приговора поручикъ Пироговъ помѣшался, сидитъ въ своей камерѣ и грезитъ. И кажется ему, что все это—и тройной приговоръ, и конфирмація, и близкая казнь—только сплошное недоразумѣніе, дурной сонъ. А вотъ сейчасъ къ нему придутъ въ камеру и скажутъ: все это, поручикъ Пироговъ, была простая шутка. Не только казнить (что вы, Богъ съ вами!), а даже и судить то васъ было не за что. Мы хотѣли, просто, доставить вамъ сильное ощущеніе современной россійской радости, которую испытали уже столько вашихъ соотечественниковъ. Ну, идите съ Богомъ, благодарите остроумное начальство и радуйтесь вмѣстѣ съ вашими семейными...

Бѣдный поручикъ Пироговъ! Ну, можно-ли даже передъ лицомъ смерти предаваться такимъ иллюзіямъ. Можно-ли думать, что въ вашемъ отечествѣ есть учрежденіе, все таки именуемое судомъ, которое могло-бы придумать такую варварскую шутку съ

человѣческой жизнью, съ чувствами живыхъ людей, цѣлой семьи... И не только придумать, но и провести ее по всѣмъ инстанціямъ и потомъ повторить съ полной серьезностью три раза!.. Неужели вы дерзнете написать это въ прошеніи, не опасаясь, что къ смертной казни вамъ прибавятъ еще наказаніе за тяжкое оскорбленіе цѣлаго вѣдомства?

Оказывается, однако, что это пишетъ не подсудимый, у котораго закружилась голова отъ жестокой игры на смертной качели,— а его защитникъ, присяжный повѣренный О. О. Грузенбергъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ юристовъ. Неужели и на знаменитыхъ русскихъ адвокатовъ эти судебныя драмы могутъ подѣйствовать такъ сильно?

Да, очевидно, могутъ. Но что еще изумительнѣе, это—то, что бредовыя идеи О. О. Грузенберга заражаютъ главный военный судъ, который съ ними соглашается и...

Постановляетъ: признать, что въ дѣяніяхъ, за которыхъ поручика Пирогова судили, трижды присудили къ казни и одинъ разъ этотъ приговоръ конфирмовали,—дѣйствительно, не заключается состава преступленія... Поручикъ Пироговъ свободенъ. Поручику Пирогову предоставляется вмѣнить все, что съ нимъ случилось, яко не бывшее!

Но если это такъ... Если поручикъ Пироговъ не сумасшедшій, если О. О. Грузенбергъ тоже писалъ свою послѣднюю кассаціонную жалобу не въ припадкѣ лунатизма, если составъ главнаго военнаго суда, констатировавшій наличность такого невѣроятнаго эпизода, состоялъ не изъ генераловъ Канабѣевыхъ, нервная система которыхъ, наконецъ, не выдержала продолжительнаго отправленія такого «правосудія»,—то не слѣдуетъ ли признать, что спятила съ ума вся наша «реальнаая дѣйствительность», вся русская гражданская жизнь, претерпѣвшая столь жестокое «обновленіе». И, значитъ, придетъ кто-то или что-то, раскроетъ двери, впуститъ струю воздуха и свѣта въ нашу душную камеру и скажетъ всѣмъ намъ: да что вы, Богъ съ вами. Все это только сонное видѣніе. Радуйтесь, исторія предоставляетъ вамъ отнынѣ вмѣстить все это яко не бывшее...

Предоставляетъ... Однако, спросите у поручика Пирогова, въ силахъ ли онъ воспользоваться этимъ милостивымъ разрѣшеніемъ? Осталась-ли у него въ душѣ самая способность радоваться или вся уже выгорѣла, замѣнившись совсѣмъ другими чувствами.

Пожелаемъ, чтобы осталась. Пожелаемъ того-же и Кузнецовымъ, и Красновымъ, и Токаревымъ, и Акимовымъ, и старому еврею Козлу, если онъ еще не умеръ отъ счастья, и шестнадцатилѣтнему гимназисту Петрову, когда онъ выростетъ, и ихъ отцамъ, матерямъ, женамъ, сыновьямъ и братьямъ... И, наконецъ, пожелаемъ всей русской гражданской жизни, когда и для нея, наконецъ, послѣдуетъ освобождающій вердиктъ высшей исторической

инстанціи,—сохранить еще силу для радостнаго устроенія новой свободы, а не для одной мести страшному прошлому. И чтобы среди пьянящей, но впередъ уже отравленной радости этого будущаго освобожденія, не встали изъ крови и слезъ старые кошмарные признаки, только обращенные въ другую сторону...

X.

Не обрадованные.

Боюсь, что и я начинаю грезить среди проходящихъ передъ моими глазами картинъ нашей настоящей минуты. Вернемся къ печальной дѣйствительности.

Вотъ письмо, имѣющее, какъ увидите, прямое отношеніе къ радостному финалу исторіи поручика Пирогова.

«Дорогой отецъ!

«Вѣроятно, вамъ уже извѣстно о моей судьбѣ, но очень важно, за что я приговоренъ. Я познакомился съ двумя сотрудниками газеты «Уссурійскій край» и часто посѣщалъ эту редакцію. Разъ я самъ написалъ статейку, которая была потомъ отпечатана. Спустя немного времени въ редакціи былъ произведенъ обыскъ, и нѣкоторые были арестованы. Арестовали насъ семьдесятъ человѣкъ, арестованъ также и одинъ офицеръ, *поручикъ Пироговъ*. Обвиняли насъ въ принадлежности къ военно-революціонной организаціи. Никакихъ фактовъ, доказательствъ, а устроили прямо... *). Масса пострадала невинныхъ, такъ какъ все обвиненіе основывалось на предположеніяхъ. Такъ, меня обвиняютъ на томъ основаніи, что я дружилъ съ журналистомъ Телятниковымъ и имѣлъ сношеніе съ поручикомъ Пироговымъ, а посему я, вѣроятно, состоялъ членомъ с. р. в. комитета. Какъ видите—только по одному предположенію. И на этомъ основаніи я приговоренъ къ.... (многоточіе въ подлинникѣ. Сынъ не рѣшается написать въ письмѣ къ отцу настоящее слово). Я прошеніе о смягченіи подалъ на имя командующаго войсками о замѣнѣ какимъ-либо другимъ наказаніемъ, но надежды никакой у меня нѣтъ. Не я первый, не я послѣдній. Жертвъ принесено... (пропускаемъ—кому. В. К.) довольно много, и я тоже палъ жертвою этихъ жестокихъ расправъ. Пощады отъ генерала Шинкаренка никто не ждетъ. Прощайте, мой дорогой отецъ, прощайте! Любящій Васъ Вашъ сынъ Исаакъ Итунинъ.

Окт. 12 дня 1907 года. Гарнизонная Гауптвахта, Г. Никольскъ. Уссурійскій».

Вотъ какимъ языкомъ говоритъ сама дѣйствительность. Правда-ли это? Вы видите: авторъ письма ни передъ кѣмъ не заискиваетъ.

---

*) Пропускаю рѣзкое слово.

Онъ пишетъ слова, которыя мы замѣнили многоточіемъ, и въ сторону генерала Шинкаренка кидаетъ простую и мужественно холодную фразу: «отъ него пощады никто не ждетъ». Да, это голосъ смерти, то-есть, самой правды. И онъ выводитъ насъ изъ области «отрадныхъ явленій» въ другую, которая стоитъ за ней мрачнымъ, темнымъ и безличнымъ фономъ. Это уже не обрадованные русскіе люди. Это тѣ, для которыхъ не нашлось ни счастливыхъ случайностей, ни энергичнаго и вліятельнаго заступничества, ни чуда.

И вотъ за однимъ поручикомъ Пироговымъ, для котораго дѣло кончилось такъ «счастливо», стоитъ Исаакъ Итунинъ, осужденный, по его словамъ, за знакомство съ этимъ поручикомъ; знакомство вызвало подозрѣніе о принадлежности къ партіи. Но въ дѣяніяхъ поручика Пирогова не оказалось состава преступленія.

Какое же «предположеніе» слѣдуетъ отсюда относительно Итунина? Одно: что онъ казненъ невинно!

А уже онъ указываетъ намъ на цѣлую толпу пострадавшихъ въ Никольскѣ Уссурійскомъ отъ такого-же суда и по такимъ же основаніямъ. И всѣмъ имъ былъ прегражденъ доступъ въ кассаціонную инстанцію. Поручикъ Пироговъ все-таки до этой инстанціи пробился, и оказалось, что его не за что даже судить.

Что оказалось бы, если-бы до главнаго военнаго суда достигли жалобы этихъ рядовыхъ?

Одинъ изъ адвокатовъ говорилъ мнѣ, что еще и теперь томится въ каторгѣ группа уссурійцевъ, осужденныхъ тогда-же и тѣмъ-же судомъ. Пока поручикъ Пироговъ боролся за свою жизнь,—другихъ казнили и посылали въ каторгу. При этомъ ихъ обвиняли въ однихъ дѣяніяхъ, а приговаривали за другія, въ которыхъ совсѣмъ не обвиняли. Но для этой рядовой массы не нашлось освобождающаго чуда. Стоило только указать на этотъ изумительный судебный пріемъ, и главный военный судъ, *несомнѣнно*, призналъ-бы этотъ приговоръ, какъ и относительно Пирогова, незаконнымъ. А теперь они *законно* томятся въ каторгѣ. Это уже логика не одного военнаго правосудія, и всего защищаемаго имъ порядка. Ген. Шинкаренку дано *законное* право не пропускать кассаціонныхъ жалобъ. Онъ не пропускаетъ жалобъ на *явно незаконный* приговоръ. Такимъ образомъ каторга и даже казнь по незаконному приговору становится вполнѣ законнымъ явленіемъ.

Такъ творится эта неслыханная, парадоксальная закономѣрность, къ которой усиленно стараются насъ пріучить въ послѣдніе годы...

Въ газетахъ то и дѣло мелькаютъ мимолетныя, бѣглыя, неполныя указанія, отъ которыхъ сердце сжимается сомнѣніемъ и ужасомъ. Мелькнутъ и тонутъ среди «текущихъ явленій» и черезъ нѣсколько дней забываются, какъ будто ихъ не было...

Въ Харьковѣ недавно былъ присужденъ къ смертной казни

17-ти лѣтній юноша Яровой. Незнакомый ему, по его объясненію, человѣкъ попросилъ его на подъѣздѣ Харьковскаго вокзала подержать свертокъ, пока онъ сходитъ за билетомъ. Черезъ нѣсколько минутъ Яровой увидѣлъ этого незнакомца окруженнымъ жандармами и былъ тоже арестованъ. Въ сверткѣ оказались паспортные бланки, взятые при нападеніи на основянское вол. правленіе. Ярового присудили къ казни, какъ участника, и приговоръ замѣненъ двадцатилѣтней каторгой. Черезъ нѣсколько дней послѣ приговора въ военно-окр. судъ явилось двое лицъ, заявившихъ, что въ день ограбленія основянскаго волостнаго правленія они видѣли Яроваго въ Кіевѣ и могутъ доказать это. Они просили подвергнуть ихъ допросу. Военно-судное управленіе отказало. Отказало даже и тогда, когда единственный свидѣтель, утверждавшій на судѣ причастность Яроваго къ грабежу, послалъ заявленіе, что всѣ показанія его были ложны... *).

А если-бы эти свидѣтели были допрошены?

Въ 1909 году виленскій военно-окружный судъ приговорилъ четырехъ подсудимыхъ (Селявко, Паутова, Ротенберга и Ренкацишека) къ смертной казни черезъ повѣшеніе за побѣгъ изъ тюрьмы, сопровождавшійся убійствомъ двухъ надзирателей. Защитникъ Ротенберга и Ренкацишека, ген. І. М. Дроздовскій, имѣлъ основаніе считать, что эти двое осуждены невинно. Онъ по телеграфу исходатайствовалъ въ Петербургѣ пріостановку казни, на предметъ пересмотра дѣла или просьбы о помилованіи на высочайшее имя. Отвѣтъ послѣдовалъ благопріятный, но ген. Гершельманъ казнилъ обоихъ быстрѣе телеграфа: распоряженіе о пріостановкѣ казни запоздало. Оба уже были повѣшены **).

А если бы ген. Гершельманъ подолжалъ хоть немного и пересмотръ могъ состояться?

26 января 1909 года временный военный судъ во Владимірѣ приговорилъ М. В. Фрунзе къ смертной казни за покушеніе на убійство урядника. Свидѣтель, оговорившій первоначально Фрунзе, затѣмъ дважды у слѣдователя отказался отъ этого оговора, прямо заявивъ, что дѣйствовалъ подъ вліяніемъ испуга (урядникъ доставилъ его изъ Шуи во Владиміръ на свой счетъ и лично привелъ его къ прокурору владимірскаго окр. суда). Цѣлый рядъ очевидцевъ удостовѣрилъ, что Фрунзе въ теченіе трехъ дней (во время покушенія) былъ въ Москвѣ. Защитникъ приговореннаго увѣренъ въ судебной ошибкѣ и обратился къ депутатамъ съ просьбой ходатайствовать о пересмотрѣ дѣла ***).

Что случилось потомъ съ Фрунзе?

Въ московскомъ военно-окружномъ судѣ, въ 1908 году, при

---

*) «Кіевскія Вѣсти», 14 февраля 1910 г. № 45.
**) «Р. Вѣдом.» 10 сент. 1909 г., № 207.
***) «Слово», 2 февр. 1909 г. № 697.

объявленіи подсудимымъ приговора въ окончательной формѣ, по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи на станціи Апрѣловка, подсудимый Кутовъ сдѣлалъ заявленіе предсѣдателю, что обвиненные Лебедевъ и Рявкинъ (послѣдній присужденъ къ смертной казни) совершенно непричастны къ данному дѣлу, а настоящій виновникъ находится въ Таганской тюрьмѣ, по другому обвиненію. Предсѣдатель указалъ, что это заявленіе должно быть направлено къ командующему войсками московскаго округа, генералу Гершельману *).

Что было дальше, произведено ли разслѣдованіе, или заявленіе «осужденнаго» оставлено, безъ вниманія, и судьба Лебедева и Рявкина свершилась?

Военный судъ въ Новочеркасскѣ приговорилъ Шилина къ 12-ти годамъ каторжныхъ работъ по обвиненію въ покушеніи на убійство владѣльца большого магазина обуви въ станицѣ Лабинской, Маркова. Спустя два года, въ той же Лабинской станицѣ совершено было убійство городоваго Кислова. Убійца Гдовскій передъ смертью сознался въ рядѣ совершенныхъ имъ преступленій и въ томъ числѣ въ покушеніи на убійство Маркова. Мать Шилина возбудила ходатайство о пересмотрѣ дѣла невинно-осужденнаго сына, но... «по неизвѣстнымъ причинамъ ей въ этомъ отказано» **).

Дѣйствительно-ли этотъ Шилинъ виновенъ?

16 іюня 1907 года въ Варшавѣ неизвѣстнымъ былъ произведенъ выстрѣлъ въ агента охраны Гревцова. По подозрѣнію былъ арестованъ Брониславъ Марчукъ, котораго по предъявленію Гревцовъ призналъ тѣмъ самымъ лицомъ, которое произвело въ него выстрѣлъ.—Это опознаніе онъ подтвердилъ потомъ вторично подъ присягой, прибавивъ, какъ занесено въ протоколъ, „что онъ не сомнѣвается, что подсудимый Марчукъ есть то самое лицо, которое» и т. д.

Оказалось, однако, что невиновность Бронислава Марчука была доказана, и военно-окружный судъ его, оправдалъ.

Тогда, уже въ 1909 году, арестовали другого человѣка, сходнаго съ первымъ... по фамиліи. Его звали Станиславъ Марчукъ. Онъ не былъ даже родственникомъ перваго. Тѣмъ не менѣе охранники Гревцовъ и Товстолужскій опять съ такой-же положительностью опознали и этого Марчука, какъ несомнѣнно то самое лицо, «которое» и т. д. Защита, чтобы дать судьямъ понятіе о правдивости этихъ опознавателей, ходатайствовала о вызовѣ въ качествѣ свидѣтеля прежняго Марчука и о прочтеніи предыдущихъ протоколовъ лживаго опознанія. Судъ постановилъ: показаніе Бронислава Марчука признать существеннымъ, и его вызвать, но протоколовъ

*) «Кіевскія Вѣсти», 17 августа 1908 года.

**) «Биржев. Вѣд.» (утр.). 13 дек. вып. 1909 г. № 11405.

не читать. Свидѣтель не явился по болѣзни, значитъ «существенное показаніе» выпадало, а протоколы все-таки прочитаны не были. Защита ходатайствовала о вызовѣ секретаря суда, составлявшаго эти протоколы. Судъ отказалъ. Марчука приговорили къ казни и... казнили, такъ какъ Скалонъ не далъ движенія кассаціонной жалобѣ. «Никто не сомнѣвается,—прибавляетъ г. П. П й, подробно описавшій этотъ случай въ «Рѣчи», *что повѣшенъ человѣкъ совершенно невинный»* *). Во всякомъ случаѣ позволительно при такихъ условіяхъ сомнѣваться, что казнь постигла дѣйствительно виновнаго.

Въ 1908 году, по дѣлу объ убійствѣ инженера Финанскаго, защитники приговоренныхъ къ смертной казни Кенцирскаго и Пецика, убѣжденные въ полной невиновности ихъ, телеграфировали на высочайшее имя просьбу о задержаніи казни и о помилованіи осужденныхъ. Къ просьбѣ присоединилась и вдова убитаго Финанскаго **).

Результата мы не знаемъ, но... въ Варшавѣ командуетъ войсками генералъ Скалонъ, который, какъ извѣстно, казнитъ, не дожидаясь не только рѣшенія кассаціонныхъ инстанцій, но даже ранѣе всякаго суда!

Въ Елисаветградѣ, Херсонской губерніи,—писала «Рѣчь» въ 1909 году,—по дополнительному обвиненію въ убійствѣ помѣщика Келеповскаго присуждены къ смертной казни Добровольскій и Бодрышевъ. Есть много данныхъ къ тому, *что первый осужденъ невинно*. Защита подала кассаціонную жалобу. Дать или не дать движеніе этой жалобѣ, зависитъ отъ командующаго войсками одесскаго округа. Депутатъ отъ Одессы, г. Никольскій по телеграфу обратился къ... генералу Каульбарсу съ просьбой о пріостановкѣ казни, а къ военному министру—о пересмотрѣ дѣла ***).

Всему міру извѣстно, что генералъ Каульбарсъ непреклоненъ. Добровольскаго казнили. А теперь, уже совсѣмъ недавно, «Утру Россіи» телеграфируютъ изъ Парижа: Въ номерѣ «Общаго дѣла», Бурцевъ приводитъ имена жертвъ ошибокъ военныхъ судовъ. По словамъ журнала, осуждены невинно: въ Кіевѣ еврей Комисаровъ и крестьянинъ Масловъ, въ Полтавѣ—Павелъ Добровольскій ****).

XI.

Сколько?

Я далеко не исчерпалъ даже случайно собраннаго матеріала. Приходитъ номеръ газеты, и съ нимъ приходитъ новое извѣстіе. Всѣ-ли они попадутъ на глаза? Да и все-ли отмѣчается газетами?

---

*) «Рѣчь», 27 ноября 1909 г., № 326.

**) Русск. Вѣд. 4 января 1908, № 3.

***) Рѣчь, 5 ноября 1909 г. № 340.

****) «Кіевск. Вѣсти», № 213,—9-го августа 1910 г.

Конечно, нѣтъ. Извѣстными становятся особенно драматическіе случаи. Человѣку удалось отвоевать уже обреченную жизнь. Счастливецъ выходитъ изъ-подъ висѣлицы и становится предметомъ вниманія, всѣмъ интересно услышать объ его «страшномъ приключеніи съ военнымъ судомъ», захватывающую исторію, въ родѣ приключенія «въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки» или «въ плѣну у индѣйцевъ»... Ну, а исторіи тѣхъ, кто въ дѣвственныхъ лѣсахъ сложилъ головы... Кто же ихъ можетъ знать, кто ихъ просто даже сосчитывалъ?

О количествѣ тѣхъ «необрадованныхъ», хотя и невинныхъ русскихъ людей, которыхъ настигла плохо разбирающаяся военная Немезида, можно судить лишь гадательно, по грубому глазомѣру. И прежде всего по исключеніямъ, подтверждающимъ правило. Приведенные выше эпизоды съ благополучной развязкой громко кричатъ о томъ, какъ поразительно легко она могла стать неблагополучной. Они говорятъ о страшной легкости приговора надъ невинными, о необыкновенной безпечности и неряшливости предварительнаго слѣдствія, о странной довѣрчивости военныхъ судей къ показаніямъ полицейскихъ, всегда заинтересованныхъ въ поддержаніи своей сыскной репутаціи, даже къ показаніямъ охранниковъ, провокаторовъ, сыщиковъ всякаго рода, отбросовъ общества, нерѣдко съ отвратительнымъ уголовнымъ прошлымъ. Въ іюнѣ настоящаго года въ Тифлисѣ судили 16 лѣтняго Кутуладзе и 19-лѣтняго Степана Гидрава, обвинявшихся въ убійствѣ сыщика. Грозила смертная казнь. Дознаніе производилъ начальникъ сыскного отдѣленія Рокогонъ, являвшійся и главнымъ свидѣтелемъ. Къ счастью, ко времени суда этотъ господинъ, отъ котораго, можетъ быть, зависѣла жизнь мальчиковъ, самъ уже былъ подъ стражей за «преступленія по должности» и въ судъ для свидѣтельскихъ показаній былъ приведенъ изъ тюрьмы подъ конвоемъ. Мальчиковъ оправдали *). Въ Кіевѣ недавно группа обывателей обратилась къ прокурору съ жалобой на полицейскаго агента Эльгарта, одолѣвшаго ихъ шантажомъ, угрозами и вымогательствами въ пользу пристава. Телеграмма заканчивается краснорѣчивой фразой: «Эльгартъ извѣстенъ, какъ «постоянный свидѣтель» по полицейскимъ дѣламъ» **). Въ іюнѣ текущаго года въ Петербургской судебной палатѣ разбиралось дѣло сѣверо-зап. отряда партіи с. р., возникшее по оговору нѣкоего Падсюка, тоже «состоящаго при охранномъ отдѣленіи въ качествѣ постояннаго свидѣтеля» ***). На судѣ одинъ изъ свидѣтелей привелъ секретное отношеніе охраннаго отдѣленія, которое ему удалось добыть изъ производства военнаго суда. Въ немъ само охранное отдѣленіе признаетъ, что большинство оговоровъ Падсюка является

---

*) «Р. Слово». 12 іюня 1910 г. № 133.

**) «Совр. Слово», 11 сент. 1910 г. № 965.

***) «Южный Край», 12 іюня 1910 г., № 10012.

фантастическими измышленіями *съ цѣлью избавиться отъ каторги.* Судебная палата *послѣ десятиминутнаго совѣщанія* оправдала всѣхъ подсудимыхъ. Но этихъ радостныхъ десяти минутъ подсудимые ждали... три года!

По такимъ даннымъ людей арестуютъ съ преступной легкостью, затѣмъ съ безпечнымъ формализмомъ составляютъ обвинительные акты и предаютъ военному суду... А сѣсть въ военномъ судѣ на скамью подсудимыхъ — это значитъ почти вѣрное осужденіе.

Мнѣ уже приходилось ссылаться на замѣчательныя очерки г-на С. («Смертники») въ «Вѣстникѣ Европы». Прекрасный наблюдатель, юристъ, поставленный превратными россійскими судьбами въ «отличныя условія» для наблюденія, авторъ этотъ съ спокойною печалью и трезвою сдержанностью присматривался къ «бытовому явленію». Между прочимъ, онъ задавался также вопросомъ: сколько невинныхъ отправляется по зорямъ тюремными коридорами на задніе дворы, гдѣ ихъ ждетъ висѣлица?

Отвѣтъ его ужасенъ. Тюремное населеніе,—арестанты, надзиратели, начальники и, наконецъ, конвойные—отлично знаютъ, кто именно изъ судящихся привлеченъ напрасно. Но.. имъ приходится молчать.—Не ихъ дѣло! Ихъ дѣло сторожить и водить на казнь. По словамъ г-на С., кромѣ обычныхъ подраздѣленій (политики, уголовные, политико-уголовные, террористы, вымогатели), тюрьма знаетъ еще широкое подраздѣленіе смертниковъ на двѣ группы: дѣйствительно *виновные* въ томъ, за что ихъ судятъ, и совершенно *неповинные* въ дѣяніяхъ, за которыя придется умирать.

По наблюденіямъ автора, процентъ невинно осуждаемыхъ и невинно казнимыхъ среди политико-уголовныхъ достигаетъ чудовищной высоты. Конвойные, сопровождающіе осужденныхъ въ судъ, нѣсколько разъ говорили ему, что среди осужденныхъ на смерть *лишь половину составляютъ виновные*, а другую половину невинные.—«Конечно,—осторожно оговаривается авторъ, — здѣсь есть преувеличеніе: я думаю, что число невинныхъ, приговариваемыхъ къ казни, рѣдко поднимается выше трети (!), а по большей части составляетъ не болѣе четверти или одной пятой».

Примемъ наименьшую изъ допускаемыхъ авторомъ цифръ. Пусть это будетъ одна пятая. Двѣсти человѣхъ на тысячу.

Съ начала нашего обновленія число казненыхъ достигло уже (если не перевысило) трехъ тысячъ. Значитъ, по этому минимальному разчету за истекшіе пятилѣтіе около шестисотъ человѣкъ въ нашемъ отечествѣ казнены невинно (если не считать, конечно, работы военно-полевыхъ судовъ). Прибавьте еще сюда переживших ужасъ смертнаго приговора и потомъ помилованныхъ на вѣчную или долгосрочную каторгу... Голова кружится при мысли объ этихъ страшныхъ цифрахъ, изъ которыхъ каждая единица

есть человѣческая жизнь, а за ней—невыразимыя страданія отцовъ матерей, цѣлыхъ семей.

. . . .

То, что у насъ теперь творится, отвратительно и ужасно. Озвѣрѣвшіе люди врываются въ квартиры, насилуютъ, убиваютъ... Останавливаютъ на дорогахъ, шлютъ угрозы, среди бѣлаго дня входятъ въ дома и ведутъ переговоры о цѣнѣ вашей жизни. Сердце сжимается отъ ужаса при одномъ описаніи свирѣпаго убійства семьи Быховскихъ...

Ну, а картина судебнаго убійства Глускера? Что ужаснѣе? Страшное пробужденіе, нѣсколько минутъ кошмарной борьбы и смерть, или недѣли ожиданія, когда видишь, что кругомъ тебя смыкается сѣть лжесвидѣтельства, недоразумѣній и непониманія. Потомъ приговоръ и вамъ указываютъ впереди: вотъ въ такой-то день и часъ мы придемъ къ тебѣ, сведемъ на задній дворъ и задушимъ... И придутъ, и сведутъ. И задушатъ...

И вы знаете, что стоитъ вамъ добиться, чтобы пересмотрѣли дѣло, чтобы вызвали помѣщицу Гусеву, чтобъ провѣрили показаніе лжесвидѣтелей Эльгартовъ и Падсюковъ—и вы будете свободны. Но у дверей вашего склепа, кромѣ логики военнаго правосудія, которая и сама по себѣ ужасна, стоитъ еще генералъ Каульбарсъ, или генералъ Ясенскій, или генералъ Скалонъ, и говорятъ: — Заприте дверь покрѣпче, чтобы его жалобъ не услышалъ... Кто-же? Главный военный судъ!

Припомните самые страшные разсказы, оставшіеся въ народной памяти, отъ древнихъ временъ, когда надъ безконечными пространствами Россіи еще шумѣли дремучіе брынскіе лѣса, и потомъ сравните ихъ съ слѣдующей бытовой картиной, которую г. С. выхватилъ прямо изъ современной дѣйствительности.

Ихъ четверо. Одинъ анархистъ и четыре деревенскихъ мужика, осужденныхъ невинно по обвиненію въ поджогѣ. Одного уже увели, и дѣло съ нимъ кончено.

— Слѣдующій!

Щелкнулъ замокъ секретки.

— Твое имя?

И опять безпомощный, наивный деревенскій вопль.

— Не я, ваше благородіе, видитъ Богъ не я! Родненькіе мои, да какъ же такъ?

— Помолчи. Тебя какъ звать? А. Ну, хорошо... По указу Его Величества... черезъ повѣшеніе. Священника примешь?

— Батюшка, передъ Богомъ, невиненъ я... Семья дома.

И чей-то благочестивый густой голосъ успокаиваетъ:

— Ну, хорошо, хорошо... Встань на колѣни. Вотъ такъ... Молись... И азъ, недостойный іерей, властію Его, мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю... Ну, встань... Вотъ крестъ... Поцѣлуй Ну, такъ.

— Готово?

И благочестивый голосъ отвѣтилъ:

— Готово! . . . .

Теперь скажите: не кажется ли вамъ, что нѣтъ страшнаго разсказа, который былъ бы страшнѣе этого. И смягчается ли ужасъ этой смерти оттого, что эти люди встрѣтили ее не спросонокъ, не неожиданно въ полусознательномъ кошмарѣ и среди борьбы, а послѣ цѣлыхъ недѣль ожиданія?.. И что надъ ними звучитъ не притупленное рычаніе озвѣрѣвшихъ бандитовъ, а холодное размѣренное чтеніе «законнаго акта» и «сочный, благочестивый голосъ» пастыря церкви.

Вл. Короленко.

P. S. Въ послѣднее время отмѣчается уменьшеніе общаго количества смертныхъ казней. Оно все еще чудовищно велико, но значительно меньше, чѣмъ въ предыдущіе годы (напр., 1908). Однако, висѣлица не дремлетъ и по временамъ проявляетъ внезапное оживленіе: въ сентябрѣ нынѣшняго года кривая казней рѣзко поднялась... Военное правосудіе вспоминаетъ среди «успокоенія» о 1905 и 1906 годахъ. Ликвидируются давно забытыя волненія...

Другое извѣстіе: на страницахъ газетъ замелькалъ заголовокъ: «ограниченіе компетенціи военныхъ судовъ...» Итакъ, военные суды будутъ сокращены и въ «успокоенной» странѣ вступитъ въ свое право гражданское правосудіе?..

Нѣтъ, военные суды по прежнему будутъ казнить. Ограничено только право судовъ ходатайствовать о смягченіи приговоровъ и о замѣнѣ казней. Если бы это «ограниченіе» было введено раньше,— нѣкоторые изъ нашихъ знакомыхъ (по предыдущимъ очеркамъ) не дождались бы обнаруженія своей невинности и не значились бы въ нашемъ перечнѣ «обрадованныхъ русскихъ людей».

Хасинто Беавенте.

Испанскій театръ переживаетъ теперь такой же періодъ подъема, какъ и романъ. Въ современныхъ комедіяхъ и драмахъ мы находимъ то же настроеніе, которое выяснялъ я уже, когда говорилъ о Гальдосѣ и Бласко Ибаньесѣ. Пересъ Гальдосъ, Анхель Гимера, Хоакинъ Дисента и отчасти Линаресъ Ривасъ подвинули испанскую драму впередъ отъ того мѣста, гдѣ оставилъ ее Хосе

Эчегараи. Имя автора драмы El gran Galeoto (т. е. Эчегараи) является для однихъ—почетнымъ знаменемъ, а для другихъ синонимомъ нездоровой литературы, причинившей много вреда,—говоритъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ современныхъ испанскихъ критиковъ. Старая, консервативная Испанія, а также часть молодежи, воспитывающаяся въ центрахъ оффиціальной культуры, стоитъ за Эчегараи. Группа независимыхъ писателей относится къ нему совершенно отрицательно *). Какой отличительный признакъ драматическихъ произведеній Эчегараи? Они, прежде всего, отличаются крайне своеобразнымъ романтизмомъ, кажущимся современному молодому поколѣнію порой напыщеннымъ, порой безумнымъ. Для драматурга не существуютъ философія и соціальные вопросы, занимающіе такъ писателей молодой Испаніи. Онъ самъ создалъ себѣ маленькій мірокъ и въ немъ вращается постоянно со своими химерами. «До Эчегараи не достигаютъ ни вопли голодной толпы, ни угрозы агитаторовъ, ни выводы соціологовъ. Его занимаетъ только психологическій вопросъ: что выйдетъ изъ столкновенія двухъ женщинъ съ мужчиною или двухъ мужчинъ съ женщиною. Присоедините еще нѣсколько абстрактныхъ типовъ и вы получите представленіе о всѣхъ пьесахъ Эчегараи" *). Эчегараи беретъ своихъ героевъ только изъ богатаго класса. Повидимому, испанскій драматургъ убѣжденъ, что только представители этого класса могутъ любить красиво и интенсивно.

Теперь мы имѣемъ цѣлый рядъ талантливыхъ драматурговъ, создавшихъ въ Испаніи, такъ называемый, «театръ униженныхъ», et teatro de los humildes. Въ этотъ театръ широкой волной ворвались жгучіе вопросы, волнующіе теперь Испанію. О томъ, какъ реагируетъ публика на вопросы, поднятые на сценѣ, я писалъ уже въ прошломъ году. Драматурги новаго теченія не одинаковы по таланту, но въ произведеніяхъ всѣхъ ихъ мы находимъ двѣ черты, крайне характерныя для національной испанской литературы: реализмъ соединенный съ символизмомъ. Типичнымъ представителемъ «соціальнаго театра» въ Испаніи является теперь Хоакинъ Дисента, о которомъ я надѣюсь поговорить въ особой статьѣ. Онъ менѣе талантливъ, чѣмъ Линаресъ Ривасъ или чѣмъ Гимера, но, тѣмъ не менѣе, каждая драма его является въ Испаніи событіемъ. Произведенія Дисенты *El Señor feudal*, *El crimen de ayer* и *Aurora* имѣли колоссальный успѣхъ; но чтобы понять его, надо знать условія современной дѣйствительности. Герои и героини Дисенты, большею частью крестьяне (El señor feudal), рабочіе (Aurora), бродяги и люди, поставленные соціальнымъ строемъ на границѣ между законностью и преступленіемъ. Всѣ драматурги указаннаго типа любятъ сильныхъ людей, умѣю-

---

*) Manuel Bueno, „Teatro Español Contemporaneo", Madrid 1910. P. 11.

щихъ бороться и ненавидѣть. Всѣ эти драматурги—большіе оптимисты. Однимъ и тѣмъ же настроеніемъ проникнуты какъ талантливыя произведенія, такъ грубыя, топорныя мелодрамы, ставящіяся въ народныхъ театрахъ. Этимъ лѣтомъ мнѣ пришлось въ Кадиксѣ видѣть въ народномъ театрѣ совершенно примитивную въ литературномъ отношеніи драму *La Bruja* (колдунья); но въ ней я нашелъ отраженіе тѣхъ же вопросовъ (раскрѣпощеніе умовъ отъ власти *чернаго человѣка*), которые волнуютъ теперь въ Испаніи всѣхъ.

Итакъ, молодые испанскіе драматурги, какъ и романисты, являются большими оптимистами. Они вѣрятъ въ людей вообще и въ близость возрожденія Испаніи въ частности. Рѣзкимъ диссонансомъ звучитъ въ этомъ хорѣ голосъ талантливаго и оригинальнаго драматурга Хасинто Бенавенте, который, кажется, не извѣстенъ у насъ даже по имени, хотя издаетъ уже восемнадцатый томъ своихъ произведеній.

Пессимизмъ—отличительная черта Бенавенте съ перваго момента его выступленія на литературное поприще. Вотъ первый сборникъ, изданный Бенавенте. Называется онъ *Figulinas*, т. е. «Глиняные болванчики».

«Передъ вами болванчики, вылѣпленные изъ глины,—читаемъ мы въ предисловіи. Ни другого матеріала, ни иного ваятеля не заслуживаютъ модели. Тѣло ихъ—модный рисунокъ. Душа ихъ—тоже по модному рисунку. Не для нихъ существуютъ мраморъ и бронза. Было бы жестокостью увѣковѣчить ихъ» *). По мнѣнію автора, человѣчество вообще не заслуживаетъ при изображеніи его другого матеріала, кромѣ глины, а въ лучшемъ случаѣ,—фарфора (Этотъ матеріалъ—для женщинъ). Люди представляются испанскому драматургу маленькими, жалкими, глупыми и ничтожными. Мефистофель тоже находилъ людей несчастными и даже жалѣлъ ихъ порой:

Die Menschen dauern mich in ihren Jammertagen,
Ich mag sogar die armen selbst nicht plagen.

У Бенавенте люди вызываютъ только презрительную улыбку. Если есть энтузіасты, они обманываютъ себя и другихъ. Основныя ноты творчества Бенавенте выяснились уже въ раннемъ сборникѣ его стихотвореній въ прозѣ *Vilanos* и впослѣдствіи опредѣлились въ комедіяхъ. Вотъ, напр., стихотвореніе въ прозѣ «Пѣвецъ Нищеты» (El cantor de la Miseria). Поэтъ народнаго горя въ традиціонномъ костюмѣ уличнаго фигляра бродитъ по самымъ глухимъ и бѣднымъ кварталамъ. «Отъ ранняго утра онъ бродилъ по городу; не останавливаясь, проходилъ онъ по главнымъ улицамъ,

---

*) J. Benavente, Figulinas. Segunda Edición.

гдѣ жили богатые и сильные. И здѣсь поэтъ никогда не пѣлъ своихъ пѣсенъ. Онъ только накоплялъ въ сердцѣ здѣсь негодованіе».

Въ глухихъ улицахъ, обстроенныхъ жалкими, темными, вонючими мурьями, пѣлъ фигляръ, окруженный бѣдными, невѣжественными, оборванными, голодными людьми. Иногда въ пѣсняхъ звучалъ священный гнѣвъ поэта. Иногда же эти пѣсни были мрачны и полны отчаянія. Въ нихъ говорилось тогда про крестныя страданія, но безъ надежды на искупленіе. Иногда пѣсни уличнаго поэта принимали характеръ строфъ безъ смысла, но полныхъ гармоніи. То были литаніи высшей любви, проникавшія въ сердце и воспринимаемыя, какъ ароматъ. И грубыя лица слушателей тогда освѣщались какъ бы внутренней зарей. Божественная поэзія внушала этимъ людямъ надежду на то, что царство справедливости придетъ.

«Иную любовь никогда не пѣлъ Пѣвецъ Нищеты, какъ звали его всѣ. Его дамой сердца было человѣческое страданіе. И никогда ни одна дама сердца не имѣла столь вѣрнаго возлюбленнаго.

«Дочь короля очень любила поэзію. И хотя сто придворныхъ поэтовъ льстили постоянно ея тщеславію красавицы и принцессы,— она пожелала услышать свободнаго уличнаго пѣвца, глумившагося надъ придворными обычаями, грозившаго сильнымъ міра народной местью, не преклонявшагося ни передъ красотой, ни передъ властью, ни передъ богатствомъ. Принцесса пожелала услышать Пѣвца Нищеты.

«Принцесса услыхала его, наконецъ, и плакала, слушая. И она была такъ прекрасна, когда проливала слезы надъ страданіями, которыхъ никогда не испытывала, что Пѣвецъ Нищеты впервые сложилъ стихи въ честь женской красоты. Принцесса утверждала, что поэтъ такъ глубоко взволновалъ ее, какъ никто, а пѣвецъ заявилъ, что никто не понялъ такъ его пѣсни, какъ прекрасная принцесса.

— Какъ неправильно поступала я, слушая придворныхъ поэтовъ! Что могутъ они мнѣ сказать, кромѣ льстивой лжи? Отнынѣ ты будешь моимъ любимымъ поэтомъ.

— Какъ неправильно поступалъ я, когда пѣлъ мои пѣсни бѣднякамъ. Не цѣлесообразнѣе ли смягчать сердца сильныхъ міра, чѣмъ пробуждать угрозы у обиженныхъ? Отнынѣ буду пѣть только для васъ, принцесса.

«И поэтъ остался на службѣ у дочери короля. Въ платьѣ ея цвѣтовъ, съ ея вышитымъ гербомъ на сердцѣ онъ сопровождалъ верхомъ принцессу. Несчастные навсегда потеряли своего поэта. И съ тѣхъ поръ, когда какой-нибудь новый фигляръ являлся къ нимъ и говорилъ: «Послушайте меня, — я другой Пѣвецъ Нищеты», несчастные не желали даже остановиться.

— Ба! Ты—«Нищеты Пѣвецъ», покуда принцесса тебя не пожалѣетъ, услышитъ,—грустно и недовѣрчиво говорили они» *).

Если есть немногіе, которые въ состояніи полюбить прекрасный идеалъ, то ихъ неминуемой участью является смерть. Эта мысль выражена въ стихотвореніи въ прозѣ «El caballero de la Muerte» («Рыцарь Смерти»).

«Городъ весь былъ залитъ солнечнымъ свѣтомъ. Цвѣты, гирлянды и ковры украшали всѣ дома. Толпа веселилась и радостно отбивала тактъ подъ звуки безчисленныхъ оркестровъ. Казалось, весь городъ превратился въ пирующій военный лагерь. «Прибыли молодые, но уже славные подвигами странствующіе рыцари, привлеченные любовью и красотою. Всѣхъ ихъ двѣнадцать. Двѣнадцать рыцарей домогаются любви прекрасной принцессы. Не заслуги, а счастье должно отмѣтить одного изъ нихъ, который явится избранникомъ. Всѣ двѣнадцать одинаково молоды и доблестны. И принцесса съ террасы замка видѣла, какъ они проѣзжали. И она воскликнула съ ужасомъ:

— Ихъ тринадцать!

— Ихъ двѣнадцать, радость моя!—сказала старая кормилица.— Сегодня ни одинъ изъ нихъ не можетъ завидовать другому. Завтра всѣ будутъ завидовать одному.

— Ихъ тринадцать! тринадцать! Ты не видишь! Никто не видитъ того, кто ѣдетъ за всѣми! То рыцарь въ вороненыхъ доспѣхахъ, съ черными перьями на шлемѣ, на черномъ конѣ, покрытомъ чернымъ чепракомъ. Ихъ тринадцать! Тринадцать!

«И принцесса съ ужасомъ глядѣла на того, кого никто не видѣлъ. Она смотрѣла на рыцаря въ вороненыхъ доспѣхахъ, на своего вѣрнаго обрученнаго. Она видѣла его спокойное чело, на которомъ извѣчно лежитъ одна и та же мысль. Она слышала твердые, ровные удары копыта. Каждый импульсъ любви у принцессы является смертельнымъ ударомъ для того, кого она любитъ, или что любитъ. Если принцесса скажетъ: «прекрасные цвѣты»!— они немедленно засыхаютъ. Если она слушаетъ съ наслажденіемъ пѣніе птицъ, онѣ падаютъ, убитые невѣдомымъ стрѣльцомъ. Молодой, прекрасный принцъ, въ которомъ жизнь кипѣла ключемъ, умеръ въ тотъ самый моментъ, когда принцесса въ его объятіяхъ воскликнула «да». И съ того дня принцесса слушала голосъ, котораго никто не слышалъ и видѣла того, кого никто не видѣлъ.

— Умретъ всякій, который тебя полюбитъ!—поклялся рыцарь въ вороненыхъ доспѣхахъ; но ты, моя ненаглядная, моя возлюбленая, ты будешь жить вѣчно!

«И глубокая печаль заволокла душу принцессы. Она желала бы жить среди преступниковъ, въ пустынѣ, среди уродовъ, внушающихъ ужасъ и отвращеніе. Но увы! ту, которая обручена на-

*) Vilanos, P. p. 227–229.

всегда съ невидимымъ рыцаремъ смерти, любятъ только самыя лучшія и самыя чистыя сердца» *)!

II.

Но такихъ влюбленныхъ въ невѣсту «Рыцаря въ вороненыхъ доспѣхахъ» очень мало. Подавляющее большинство людей, по мнѣнію Бенавенте, живетъ безъ «дамы сердца» или похоже на дѣтей. Точно такъ, какъ дѣти изъ тряпки дѣлаютъ себѣ куклу, на которую изливаютъ материнскую нѣжность, взрослые люди изъ такого же матеріала создаютъ себѣ идеалъ **). Жизнь, по мнѣнію испанскаго драматурга, это—«Encanto de una hora», т. е. очарованіе на часъ (такъ называется фантастическая пьеса Бенавенте). Люди, въ лучшемъ случаѣ,—фарфоровыя куколки, оживающія на моментъ, чтобы убѣдиться, что ожить не стоило. Герои фантастической пьесы: мужская куколка «Incroyable» и женская, «Merveilleuse». Обѣ онѣ стоятъ на каминѣ въ изящномъ кабинетѣ. Когда бьетъ полночь, куколки оживаютъ и спускаются съ своихъ колоннокъ. Послѣ перваго же момента радости по поводу сознанія жизни, Merveilleuse испытываетъ скуку.

«Ахъ, какъ мнѣ надоѣло все! Что мнѣ теперь дѣлать? Сказать правду, мнѣ скучно. Что за странный свѣтъ! Надоѣдаетъ плясать; надоѣдаетъ читать; надоѣдаетъ смотрѣтся въ зеркало. Надоѣдаетъ нюхать цвѣты... Взгляну на небо (*Открываетъ окно*). Небо очень красиво. Всѣ эти звѣзды, право, очень милы. Онѣ кажутся брилліантами. Колье изъ такихъ алмазовъ было бы великолѣпно... (*Взглянула на мужскую куколку*). Ахъ, онъ тоже зѣваетъ. Повидимому, чтеніе не доставляетъ ему такого удовольствія, какъ онъ увѣрялъ... Оставилъ книгу и взялся за цвѣты... Вотъ какъ! Онъ тоже глядится въ зеркало. И ему все надоѣло. Не признается! Прибѣгаетъ теперь къ послѣднему средству: глядитъ на небо... Дружокъ, а дружокъ! Вамъ надоѣло все? Не такъ ли?

Incroyable.—Жизнь прекрасна, но мы вращаемся въ тѣсной и прозаической средѣ. За предѣлами ея должно существовать такъ много чудеснаго, дающаго великій смыслъ бытію.

Merveilleuse.—Ахъ, дружокъ! Вездѣ то же самое. Взгляните сюда. Отсюда далеко видно. Что передъ вами? Улицы, какъ наша, а по обѣимъ сторонамъ ихъ такіе же дома, какъ тотъ, въ которомъ мы теперь. Въ каждомъ домѣ, безъ сомнѣнія, такія же комнаты, какъ эти. А въ нихъ—существа, какъ мы, которымъ все надоѣло, и которыя всегда желаютъ чего то большаго. То, чего

*) J. Benavente, „Obras escogidas". P. p. 231—232.

**) „Figulinas", Pagina 77.

желаютъ эти существа, навѣрное, нельзя найти ни на этихъ улицахъ, ни въ городѣ, ни во всемъ мірѣ» *).

Въ сердцѣ живетъ стремленіе къ лучшему, къ неизвѣстному, но это «лучшее» находится «на параллельной линіи съ невозможнымъ».

А любовь?

— Любовь!—говоритъ куколка Incroyable.—Отсюда, съ моей колонны я видѣлъ много людей! Эти существа глубоко несчастны, всегда жалуются на судьбу, проклинаютъ весь укладъ жизни, вѣчно недовольны и враждуютъ другъ съ другомъ, постоянно придумываютъ низости и подлости. Люди страшны, какъ духи тьмы, въ своихъ преступленіяхъ, смѣшны въ своемъ тщеславіи и грубы, какъ животныя, въ своихъ инстинктахъ. И у этихъ существъ бываетъ одинъ моментъ въ жизни, мимолетное очарованіе на часъ, когда онѣ кажутся лучезарными, какъ добрые духи. Люди тогда прекрасны даже въ преступленіи. Они велики тогда даже въ своемъ тщеславіи и разумны даже въ своихъ инстинктахъ.

Merveilleuse—Часъ очарованія?

Incroyalle.—Да, часъ любви. Единственное, ради чего стоитъ жить.

И когда этотъ моментъ проходитъ, остается еще горшее сознаніе пустоты, еще болѣе интенсивное чувство отвращенія. Въ моментъ экстаза намъ кажется, что жизнь сверкаетъ красками Какой самообманъ! Бенавенте увѣряетъ, что жизнь имѣетъ только одну краску: „Color de la vida es simpre gris“ **) (Цвѣтъ жизни всегда сѣрый). Этимъ взглядомъ проникнуты всѣ комедіи Бенавенте. „Человѣческое общество демократично по природѣ, — говоритъ откровенный циникъ Томильяресъ, выведенный въ комедіи „La Comida de las fieras“.—Оно всегда стремится къ равенству, и только съ величайшимъ трудомъ переноситъ все то, что выдается надъ общимъ уровнемъ посредственности. Чтобы подняться, необходима какая-нибудь сила: власть, талантъ, красота, богатство. Около этой силы кружатся, какъ плохо укрощенные звѣри, люди, преисполненные скорѣе страхомъ, чѣмъ уваженіемъ. Въ концѣ концовъ, „укротитель“ кормитъ хорошо своихъ «звѣрей»: власть раздаетъ награды, богатство устраиваетъ банкеты, талантъ даетъ свои произведенія. И звѣри кажутся укрощенными. Но вотъ наступаетъ день, когда сила ослабѣваетъ, когда талантъ истощается, красота старѣетъ, а деньги исчезаютъ. Что это за день! Всѣмъ извѣстно, что самой лакомый пищей для звѣрей является ихъ укротитель» ***). И Бенавенте во многихъ комедіяхъ

---

*) J. Benavente, Obras escogidas. „El Encanto una hora“. Paginas 7—9.

**) „La Comida de las fieras“, pagina 213.

***) Ib. Pagina 136.

своихъ показываетъ, какъ «дикіе звѣри» въ концѣ концовъ съѣдаютъ своего «укротителя». Произведенія испанскаго драматурга мрачны; но, вчитываясь въ нихъ, мы все больше и больше приходимъ къ заключенію, что разница въ настроеніяхъ Бенавенте и остальныхъ товарищей его, выдвинутыхъ эпохой общественнаго подъема, только *кажущаяся*. Внимательное знакомство съ произведеніями Бенавенте приведетъ насъ къ источнику пессимизма. Новая испанская литература принимаетъ за исходный пунктъ, что есть умирающая часть общества. Чѣмъ скорѣе *эта* Испанія умретъ,—говоритъ новая литература,—тѣмъ лучше для *новой* Испаніи. Представители старой Испаніи довели великую, благородную, страшно талантливую страну до полной гибели. Хуанъ Валера, Пересъ Гальдосъ, Бласко Ибаньесъ, Хоакинъ Дисента, Анхель Гимера и др. въ своихъ произведеніяхъ показывали и показываютъ борьбу новой Испаніи со старой.

Бенавенте знаетъ *только одинъ классъ*, а именно, старую Испанію. Онъ видитъ тамъ только процессъ полнаго разложенія, Бенавенте вѣрно констатируетъ полное банкротство тѣхъ кодексовъ морали и чести, которые выставляются старой Испаніей. «Вы говорите о религіи, о церкви, о святости семейнаго очага, о неприкосновенности собственности, о законности? Полноте, все это пустые звуки. Вы сами никогда не дѣлаете, что проповѣдуете. Ваша жизнь—сплошная ложь».—Вотъ, что говоритъ постоянно Бенавенте тому «хорошему» обществу, страсти котораго онъ препарируетъ.

Бенавенте отлично изучилъ только дворянскій классъ, да отчасти денежную буржуазію, народившуюся въ Испаніи въ послѣднее время. Гальдосъ и Бласко Ибаньесъ знаютъ энергичныхъ, талантливыхъ, трудоспособныхъ представителей среднихъ классовъ, какъ братья Гольфино (Marianela), инженеръ Пепе (Донья Перфекта) или какъ донъ Луисъ (Intruso). Все это инженеры, врачи, крупные фабриканты, заводчики, арматоры и пр. Бенавенте знаетъ только буржуазію, разбогатѣвшую сперва ростовщичествомъ, а потомъ—спекуляціями на биржѣ. Таковъ донъ Херминъ Антонъ, фигурирующій въ нѣсколькихъ комедіяхъ. Старое дворянство имѣло еще кое-какія правила чести. Молодое поколѣніе представляетъ собою совершенно выродившихся, бездарныхъ, невѣжественныхъ людей, у которыхъ есть только аппетитъ къ наслажденіямъ. Такъ какъ они не «добытчики», то родители этихъ «Карлитосъ» и «Манолитосъ» женятъ сыновей на дочеряхъ денежной буржуазіи, которой лестно породниться съ герцогами и маркизами. Предварительно ведутся длинные переговоры о приданомъ.

Маркизъ де Кастрохерисъ.—Ужъ эти Кальявералесъ! Нѣтъ у нихъ ни капли порядочности.

Карлосъ.—Что случилось?

Маркизъ.—Теперь они заявляютъ, что не хотятъ капитали-

зировать приданое, а намѣрены выдѣлить опредѣленный доходъ.

Карлосъ.—Ну, нѣтъ! Пусть оставятъ глупости. Ты скажи, что такъ не водится. Если они перемѣнили намѣреніе, то и мы можемъ измѣнить его.

Маркизъ.—Такъ, такъ. Мы сейчасъ зададимъ баталію.

Карлосъ *).—Я не довѣряю рентѣ.

Маркизъ.—Надо провѣрить также, въ какихъ бумагахъ помѣщенъ капиталъ **).

Общество, которое знаетъ Бенавенте,—жалко и ничтожно. Мужчины безъ приданаго и безъ правительственной службы пропали бы съ голода. Женщины этого круга достойны жалости: «Бѣдныя искуственныя Евы, родившіяся не изъ ребра, а изъ китовой кости корсета»! ***) Имъ завидна даже та жалкая жизнь, которую ведутъ мужчины ихъ круга: «Они живутъ, а мы только мечтаемъ»,—говоритъ принцесса въ «Bodas Reales». Женщинъ учатъ, что онѣ должны снисходительно относиться къ грѣшкамъ мужей.

— «Я хотѣла разстаться съ мужемъ навсегда, когда узнала про его измѣну, но всѣ въ нашемъ кругу подняли меня на смѣхъ. «Какъ, оставить мужа изъ за пустяка?—говорили мнѣ.—Все это такъ естественно! Всѣ мужья, безъ исключенія, совершаютъ маленькіе грѣшки. Умныя жены должны понять это и мириться». Мои родные были скандализированы, когда услыхали, что я хочу разъѣхаться съ мужемъ. Моя мать—тоже. Нашъ старый, домашній врачъ удовольствовался тѣмъ, что назвалъ меня глупышкой. «Надо примириться,—сказалъ онъ,—съ естественнымъ явленіемъ». Я пошла къ духовнику. «Чего ты хочешь, дочь моя?—сказалъ онъ.—Если мужъ твой явится ко мнѣ на исповѣдь, я ему намылю голову. Тебѣ же могу только посовѣтовать простить». Насъ всѣ обманываютъ. До брака они должны были бы намъ сказать о томъ «естественномъ явленіи», про которое упомянулъ нашъ докторъ. Надобно было бы открыто сказать при вѣнчаніи, что женихъ и невѣста даютъ разные обѣты» ****).

Въ комедіяхъ Бенавенте мы находимъ любопытныя сцены, рисующія жизнь породнившихся классовъ. Вотъ старый герцогъ Серинола, представитель одного изъ наиболѣе древнихъ, но совершенно раззорившихся родовъ въ Испаніи. Онъ женилъ своего сына на дочери богатаго биржевика дона Фермина Антона, пріобрѣвшаго помѣстья не одного уже маркиза. Теперь у молодой пары есть двѣнадцатилѣтній сынъ Манолито. Такъ какъ ни отцу, ни матери нѣтъ ни времени, ни охоты слѣдить за воспитаніемъ маль-

*) Женихъ.

**) El Hombrecito. Acto primero, Escena VI.

***) Fugitinas, pagina 174.

****) Maternidad, pagina 38.

чика, то этимъ занялся дѣдушка. Донъ Фермино читаетъ проспектъ какого-то англійскаго моднаго колледжа и приходитъ въ восторгъ.

Восхищается онъ и преобладаніемъ практическихъ знаній, и тѣмъ, что проспектъ отпечатанъ на пяти языкахъ.

— Какое ваше мнѣніе о школѣ?—спрашиваетъ донъSerminъ у герцога.

Герцогъ.—У меня нѣтъ своего мнѣнія на этотъ счетъ. Я думаю, что всѣ системы воспитанія плохи, именно потому, что онѣ *системы*. Мой докторъ, который знаетъ массу вещей, совершенно правъ, когда говоритъ, что нѣтъ болѣзней, а есть больные. Научиться жить можно, только живя; но каждый живетъ по своему. Система же воспитанія хочетъ, чтобы мы жили чужимъ опытомъ. Весь методъ воспитанія состоитъ въ безпрерывномъ отрицаціи нашей индивидуальности. Намъ постоянно твердятъ: «не дѣлай того то и того то»! Это — скверная система. Результатомъ ея является уничтоженіе воли или, во всякомъ случаѣ, искалѣченіе ея. И когда давленіе извнѣ на волю исчезаетъ, человѣкъ уже не можетъ поступать самостоятельно.

Ферминъ.—Да, я думаю такъ же, какъ и вы, что природа рано или поздно.. э-э-э! но не станете же вы отрицать, что если мальчиками не руководить, если ихъ не воспитывать... э-э-э! или предоставить имъ слѣдовать собственнымъ наклонностямъ... э-э-э! Вотъ я, напримѣръ. Если бы отецъ не подчинилъ меня своей волѣ, то никогда я бы не сталъ тѣмъ, что я теперь. Меня привлекала военная служба, но отецъ запротестовалъ и опредѣлилъ меня въ контору къ дядѣ.

Герцогъ.—Въ контору?

Ферминъ.—Да, сеньоръ, въ контору. Всѣмъ извѣстно, что я началъ тѣмъ, что подметалъ контору. Что же, такъ начинали всѣ великіе капиталисты! Ну, не подчини меня тогда отецъ своей волѣ, я былъ бы теперь...

Герцогъ.—Вы были бы теперь генераломъ. Вы выдвинулись бы на любомъ поприщѣ. Вы воспользовались бы тѣмъ временемъ, когда государственные перевороты устраивались военными, какъ воспользовались эпохой лихорадочной игры на биржѣ.

Ферминъ.—Будь у меня сыновья, я поступилъ бы съ ними такъ же, какъ отецъ со мною.

Герцогъ.—Я сдѣлалъ съ моимъ сыномъ то же, что сдѣлали со мною. И вотъ почему я не хочу повторить того же опыта съ моимъ внукомъ.

Ферминъ.—А какъ поступили бы вы съ нимъ? Пожалуйста, скажите.

Герцогъ.—Такъ же, какъ вашъ отецъ съ вами: отдалъ бы въ контору, въ лавку или пристроилъ бы къ какому-нибудь дѣлу.

Ферминъ.—Другъ мой! Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ нѣчто другое. Манолито—потомокъ Серинолъ. Онъ Серинола. И вотъ вы, представитель знаменитаго, древняго рода желаете воспитать своего внука, какъ плебея, и я, мѣщанинъ, parvenu, какъ вы говорите, хочу сдѣлать изъ него такого же аристократа, какъ вы. Полноте шутить.

Герцогъ.—Нѣтъ, сеньоръ. Я говорю совершенно серьезно. Вы, вѣроятно, знаете, что когда Юпитеръ не былъ расположенъ метать громы, онъ хохоталъ. Я хотѣлъ бы метать громы, но не могу, потому что у меня ихъ нѣтъ. Вотъ почему я смѣюсь.

Ферминъ.—Что же? Если хотите, то завтра же пошлемъ Манолито подметать лавку. Не надо англійскаго колледжа. Ха-ха-ха! Вотъ потѣха!

Герцогъ (серьезно). Вотъ что, милый. Если бы меня не воспитали такъ, какъ я воспиталъ моего сына и какъ вы хотите воспитать Манолито, мой сынъ не былъ бы вашимъ зятемъ, а я не былъ бы принужденъ выслушивать ваши нелѣпости. (*Всталъ*).

Ферминъ (съ достоинствомъ). Что вы хотѣли сказать?

Герцогъ. Только то, что этотъ вѣкъ—вашъ, а такъ какъ XX вѣкъ, быть можетъ, будетъ принадлежать людямъ, стоящимъ еще ниже, поэтому благоразумнѣе всего опуститься, такъ какъ нечего разсчитывать на то, что вамъ подобные поднимутся» *).

Бенавенте знаетъ *только* одинъ классъ: испанское родовитое дворянство. Онъ изучилъ его въ тонкости и пришелъ къ самымъ мрачнымъ выводамъ. Бенавенте совершилъ ошибку, которую дѣлаютъ очень многіе великіе и маленькіе писатели: онъ страшно *обобщилъ* свои наблюденія и коллекціи своихъ типовъ призналъ за *все* человѣчество. Сперва Бенавенте давалъ своимъ «глинянымъ болванчикамъ» (figulinas) испанскую обстановку. Потомъ, когда онъ обобщилъ свои выводы, пьесы Бенавенте были перенесены, такъ сказать, въ пространство. Испанскіе романисты и драматурги крайніе реалисты, хотя всѣ они символисты въ то же время. Появлялось ли произведеніе болѣе символическое, чѣмъ Донъ-Кихотъ? А между тѣмъ всѣ детали въ романѣ выписаны такъ тщательно, что ихъ можно узнать еще и теперь. Изъ окна *фонды* въ Альказарѣ (маленькій степной городъ въ Испаніи) вы можете до сихъ поръ видѣть ту громадную Ламанчскую равнину, съ вѣтряными мельницами на горизонтѣ, которая была первой ареной дѣятельности Рыцаря Печальнаго Образа. Бенавенте отступилъ отъ освященной вѣками традиціи испанскихъ писателей. Драма «La Noche del Sabado», которая имѣла колоссальный успѣхъ при появленіи (кажется, въ 1903 году), происходитъ неизвѣстно когда и неизвѣстно гдѣ. Только по именамъ дѣйствую-

*) Escenas intimas. Figulinas. Paginas 139—151.

щихъ лицъ можно иногда догадаться объ ихъ національности: графиня Ринальдини, лэди Сеймуръ, Гарри Люсенти, Маеста, Донина, Имперія и т. д. Какая основная мысль драмы? Мы всѣ вытканы изъ той же ткани, изъ которой сотканы наши силы. Наше существованіе—ничтожно. Все—только сонъ. Зачѣмъ то вращаются въ этой жизни куколки и носятся со своими радостями и горестями. Однѣ куколки злѣе, другія—подобрѣе, но всѣ онѣ ничтожны со своими страстями и своими порывами. Вмѣстѣ съ Гейне, Бенавенте могъ бы сказать:

„Fratzenbilder nur und sieche Schatten
Seh'ich auf dieser Erde, und ich weiss nicht,
Ist sie ein Tollhaus oder Krankenhaus".

(т. е. «Только рожи да хворыя тѣни вижу я на землѣ и не знаю, что она такое: домъ ли умалишенныхъ или госпиталь»).

Бенавенте знаетъ массы только издалека. Для него онѣ представляются только грязнымъ, забитымъ, трусливымъ стадомъ.

«Неужели это тѣ, которымъ суждено разрушить старое общество!—восклицаетъ Бенавенте, глядя на оборванную, печальную толпу.—И это—тѣ новые варвары, которые грозятъ современной культурѣ!.. Они знаютъ только голодъ! Они умѣютъ дѣлать только бунты, а не революціи. Приближается къ намъ конь Аттилы, но всадника еще нѣтъ. Эта масса, которой чужды, какъ идеалы, такъ и артистическое чувство возвышеннаго, можетъ служить только конемъ. Всадникъ, который укротитъ этого коня и направитъ по своему желанію, выйдетъ не изъ массъ» *).

III.

Въ томъ самомъ кругу, изученіе котораго привело Бенавенте къ такимъ мрачнымъ выводамъ, испанскій драматургъ, въ видѣ рѣдкаго исключенія, знаетъ положительные типы. Такова Нене́, героиня комедіи *El hombrecito*, пользующейся громаднымъ успѣхомъ въ Испаніи. Нене́—ибсеновскій типъ въ испанской обстановкѣ. «Я хочу знать правду! Я ищу правду!» **)—говоритъ она.

Это—«женщина, неспособная продать ни своего сердца, ни своей совѣсти». Чтобы понять успѣхъ *Hombrecito*, надо знать подчиненное положеніе женщины въ Испаніи. Много вѣковъ тому назадъ у насъ появилось произведеніе, въ которомъ давалось такое опредѣленіе женщины: «гостница неусыпаемая, купница бѣсовская, мірскы мятежъ, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобѣ» (Изъ посланія Даніила заточника къ князю Юрію Долгорукому). Такое же опредѣленіе женщины дѣлаетъ до сихъ поръ

*) En pública subasta. „Figulinas". Pagina 90.
**) Acto tercero, Escena VI.

католическое духовенство въ Испаніи. Женщина въ Испаніи, большею частью, существо глубоко невѣжественное, темное, заскорузлое въ предразсудкахъ, безвольное. Ея судьбою располагаютъ родители, потомъ мужъ *). И вотъ Бенавенте выводитъ совершенно новый для Испаніи (для высшихъ классовъ) женскій типъ. Нене понимаетъ любовь не такъ, какъ женщины ея круга. Она рѣшается порвать съ традиціями и переступить черезъ ту мораль, которую всѣ защищаютъ, но никто не соблюдаетъ. Нене не находитъ достаточно презрительныхъ словъ для опредѣленія, такъ называемаго, приличнаго брака въ высшемъ кругу.

«Соединяются вмѣстѣ двѣ ничтожности, два существа, порознь не знающія, куда имъ дѣться отъ скуки. И они устраиваютъ семейный очагъ! У нихъ будутъ дѣти, которыхъ выкормятъ кормилицы. Дѣти получатъ чужую кровь и чужой умъ. Создастся другая семья, подобная нашей, соединенная именемъ и воспоминаніями. Люди будутъ прозябать, какъ прозябали ихъ предки раньше. Насъ хотятъ приковать во имя условности и приличія» **).

— А ты, Нене, не имѣешь еще жениха?—спрашиваетъ ея дѣдъ.—Нѣтъ здѣсь никого, котораго...

Нене.—Изъ этой компаніи не стоитъ труда выбирать. Всѣ одинаковы. Одинаково они смотрятъ на вещи, думаютъ и говорятъ.

Пепита.—Тебѣ надобно необыкновенное существо.

Нене.—Да, существо, которому имя *человѣкъ*.

Хуанъ Мануэль. — Такая же, какъ въ дѣтствѣ! Всегда она любила разсуждать. Мы ее прозвали поэтому «маленькимъ мужчиной» (hombrecito).

Нене.—Нѣтъ, я маленькая женщина (mujercita), потому что не хотѣла бы быть ни однимъ изъ тѣхъ мужчинъ, которыхъ знаю. Я не могла бы, будь я мужчиной, жениться съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ это дѣлаютъ всѣ».

Нене полюбила оригинальнаго, сильнаго, смѣлаго человѣка Энрике. Повидимому, онъ тоже любитъ ее. Тѣмъ болѣе Нене удивлена, когда Энрике вдругъ прекратилъ свои посѣщенія. Она узнаетъ потомъ, что Энрике удаляется, потому что онъ не свободный человѣкъ. Онъ—женатъ. Нене призываетъ Энрике и говоритъ ему, что условности ее не страшатъ. Это пугаетъ ея возлюбленнаго.

Энрике.—Я готовъ отдать всю жизнь за одинъ моментъ. Ты хочешь мнѣ дать величайшее счастье; но это меня страшитъ, Нене. Мои руки, обнимающія тебя, дрожатъ. Я знаю, что въ моихъ

*) У Гальдоса есть пьеса Электра, въ которой выведена смѣлая дѣвушка; но это, по преимуществу, пьеса символическая. Электра изображаетъ Испанію, которую держитъ въ плѣну «Черный человѣкъ», Hombre negro.

**) El Hombrecito, Acto III, Escena V.

объятіяхъ блаженство. И я боюсь разрушить его... Я долженъ тебѣ сказать, что жизнь продолжается не одинъ моментъ, что будетъ еще завтрашній день и цѣлый рядъ долгихъ дней. Я не имѣю права принимать жертву, когда не могу отвѣчать за завтрашній день. Я тебя буду любить всегда, но знаешь ли, какія страданія ждутъ тебя? Вспомни, Нене, о своей семьѣ, о твоемъ положеніи въ свѣтѣ. Ты всѣмъ жертвуешь. И если я окажусь недостойнымъ, для тебя возврата не будетъ.

Нене.—Я тебя всегда буду любить.

Удивительно граціозны у Бенавенте небольшіе драматическіе этюды. Человѣчество, борясь съ яростью волнъ, настроило волнорѣзы и молы; но оно не придумало ничего для борьбы со страстями. Правда, религія выдвинула свои «волнорѣзы», т. е. создало опредѣленные кодексы морали; но ихъ никогда не соблюдали и не соблюдаютъ, прежде всего горячіе защитники этихъ кодексовъ. Увлеченіе захватываетъ насъ внезапно, и тогда всякія теоріи и разсужденія излишни. Бенавенте, какъ тысячи другихъ романистовъ и поэтовъ, пытается отвѣтить на вопросъ: «Porqué se ama?» (Почему любятъ?)

— «Почему любятъ?—говоритъ донъ Антоніо въ комедіи *Porqué se ama.*—Любятъ не за доброту, не за умъ и даже не за красоту.—Я съ ужасомъ думаю о томъ, что дочь моя можетъ полюбить перваго безпутника, который явится сюда».

Отвѣтъ на вопросъ мы находимъ въ концѣ комедіи.

Хокоба.—Сердце—не царство справедливости, а тѣмъ болѣе—женское сердце. Мы, женщины, предпочитаемъ всегда давать милостыню и дѣлать подарки. Не такъ ли, Эмилія?

Эмилія.—Что?

Хакоба.—Не правда ли, любятъ не тѣхъ, которые дѣлаютъ насъ счастливыми, а тѣхъ, которыхъ мы можемъ осчастливить.

Исидоро.—То есть?

Эмилія.—Ты слышалъ. Будь счастливъ. Ты поймешь, почему любятъ!»*)

Познакомившись съ произведеніями Бенавенте, читатель не сможетъ повторить красивыхъ словъ Бальзака: «Здѣсь человѣческій родъ появляется во всей пышности своей нищеты и во всей славѣ своей гигантской мелочности» (La Peau de Chagrin).

Бенавенте знаетъ не «человѣческій родъ», а только одинъ классъ, но за то въ своихъ произведеніяхъ испанскій драматургъ удивительно анатомируетъ душу этого класса.

Діонео.

---

*) Jacinto Benavente, „Teatro". Tomo VIII, p. p. 310—311.

Съ «Перевала» въ «Шиповникъ».

(„Собраніе сочиненій Ѳедора Сологуба", т. VIII. Драматическія произведенія. Изд-во „Шиповникъ". Спб. 1910).

О драмахъ Ѳ. Сологуба, какъ о *драмахъ*, можно было бы не говорить. Но одна изъ нихъ, вошедшая въ составъ VIII тома, должна остановить вниманіе, какъ любопытный документъ о самыхъ послѣднихъ настроеніяхъ.—Повидимому, съ моральнымъ «дерзновеніемъ» дѣло пошло *рѣзко* на убыль.

Мы давно уже, разыскивая, куда дѣвалась въ русской литературѣ Варенька Олесова, высказывали увѣренность, что русскія дѣвушки въ современныхъ повѣстяхъ и романахъ являются жертвой простого злословія. И теперь подтвержденіе этому мы находимъ... гдѣ же! у самого Ѳедора Сологуба!

Читатель, вѣроятно, не забылъ, какъ въ свое время авторъ «Мелкаго бѣса» передѣлалъ старый свой романъ «Тяжелые сны». Это было въ пору, какъ разъ обратнаго явленія. Молодые литераторы—въ возрастѣ до 60 лѣтъ—весело, бодро и радостно «освобождались» и *дерзали*. Въ ту пору въ каждомъ современномъ романѣ должна была имѣться сцена женскаго купанья. А въ «Тяжелыхъ снахъ» *этого* не было. Романъ былъ написанъ десятокъ лѣтъ назадъ и потому сцены женскаго купанья въ немъ не оказалось. Что же: Ѳедоръ Сологубъ, чтобы пойти въ ногу съ вѣкомъ, вставилъ въ романъ этотъ знакъ современности!

Объ этой модернизаціи въ «Тяжелыхъ снахъ» приходится вспомнить и сейчасъ, по аналогичному обстоятельству, замѣченному нами въ VIII томѣ. Теперь движеніе дерзающихъ пошло на убыль: это несомнѣнно. Какъ же отозвался на это Ѳедоръ Сологубъ, который не только дерзалъ, но и клялся самому дьяволу въ безпредѣльной вѣрности девизу: «соблазняя—соблазнять».

Три года тому назадъ рекордъ дерзновенія былъ, несомнѣнно, на сторонѣ Ѳедора Сологуба, автора драмы «Любви» (множ. число), напечатанной въ № 8—9 журнала «Перевалъ», нынѣ не существующаго.

Въ этой драмѣ авторъ столкнулъ двухъ претендентовъ на женщину-дѣвушку: обыкновеннаго жениха и необыкновеннаго, атлетически сильнаго (какъ увидите, это весьма существенная подробность) отца невѣсты.

Умерла мать дѣвушки и по этой причинѣ вернулся домой, послѣ шестилѣтняго путешествія гдѣ-то, онъ—мужъ покойной и отецъ дѣвушки. Контрастъ: шесть лѣтъ назадъ оставилъ дочь-дѣвочку; нашелъ дочь-красавицу, у которой на лицо—женихъ; въ ближай-

шемъ будущемъ свадьба! Отецъ почувствовалъ зависть и любовь. Къ счастью, женихъ оказался пошловатъ.

Достаточно было жениха попугать, сказать, что невѣста—пріемышъ, не имѣющій правъ на наслѣдство, какъ онъ, женихъ, пытается бѣжать отъ невѣсты черезъ... окно. Поле борьбы очистилось, и отецъ изъяснился въ своихъ чувствахъ и въ своихъ правахъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

...Кто любитъ, тотъ геніаленъ, какъ Шекспиръ, и дѣло любви—творческое дѣло. Кто любитъ, тотъ безумецъ, маньякъ и бѣшеный въ одно и то же время: одна мысль сжигаетъ его мозгъ, одинъ образъ царитъ надъ его думой и все сокрушаетъ непреодолимый ураганъ его неистовыхъ желаній. Онъ беретъ возлюбленную, какъ законную добычу, въ свои могучія руки...

За словами слѣдуетъ пропаганда par le fait: отецъ на самомъ дѣлѣ беретъ на руки дочь-красавицу, а затѣмъ еще и рветъ на ней платье (траурное), но рветъ честно и открыто, въ силу верховныхъ правъ любви:

...Когда стремится онъ (влюбленный) къ обладанію красотой, каменныя стѣны падаютъ передъ нимъ, и нѣтъ преграды, которая не разорвалась бы подъ напоромъ его изступленной воли, какъ разрывается хрупкая ткань твоего траурнаго платья.

Александра. Отецъ! Что ты дѣлаешь! Безумный, ты разорвалъ мое платье! Ну, къ чему это?

Въ результатѣ «черезъ нѣсколько дней» героинѣ приходится рѣшать проблему: передъ ней прошли пошленькій слабосильный женихъ и демоническая натура—родной отецъ. Оба желаютъ обладать ею. Кого ей предпочесть: пошляка или героическаго человѣка? Конечно, героя, хотя бы онъ назывался отцомъ, хотя бы противъ него вопіяли «ветхія слова».

Чтобы для читателя не было никакого сомнѣнія, драма кончалась такимъ резюме:

Александра. Скажи, я дочь твоя или нѣтъ?
Реатовъ. Я люблю тебя.
Александра. Я не дочь тебѣ? Да? Не дочь?
Реатовъ. Дочь.
Александра. Дочь!.. Что же, сожжемъ ветхія слова, которыя насъ раздѣлили. Я хочу...

Какъ видите, въ 1907 году дѣло отца окончилось счастливо. Дочери по слабости душевной хотѣлось бы изъ за ветхихъ словъ услышать утвержденіе, что она *не* дочь. Она предпочла бы услышать, что она—пріемышъ. Но сомнѣній нѣтъ: она—дочь. И все таки голосъ природы, какъ ее разумѣли въ 1907 году, побѣдилъ. Романическая драма кончилась сожженіемъ ветхихъ словъ и словами: «Я хочу» съ многоточіемъ.

Но это было давно: въ 1907 году, во времена «Перевала», во времена дерзаній.

Съ перевала пришлось спуститься.

Но драма написана. Какъ быть съ этой драмой торжествующихъ дерзаній теперь, когда настроеніе упало, и ясно, что слова о «ветхихъ словахъ» въ данномъ случаѣ совсѣмъ не нужныя слова?

Авторъ исходъ нашелъ, и надо отдать справедливость: исходъ блестящій.

Драма идетъ по-прежнему. Дѣйствіе развивается въ томъ же порядкѣ; говорятся тѣ же слова о правахъ любви; героиня по-прежнему готовится соединиться съ героемъ-ураганомъ. Нѣтъ только одного: нѣтъ прежнихъ побѣдныхъ словъ о «сожженіи ветхихъ словъ». И есть еще одно новое маленькое словечко, которое разомъ мѣняетъ и ситуацію, и общій обликъ героевъ Сологуба, и самого Сологуба, идущаго «впереди». Это слово—союзъ «не».

Въ старомъ изданіи отецъ, на вопросъ дочери: дочь ли она ему, отвѣчалъ: «дочь». Въ новомъ изданіи онъ отвѣчаетъ: «*не* дочь».

Александра. Скажи, я дочь твоя или нѣтъ?

Реатовъ. Я люблю тебя.

Александра. Я не дочь тебѣ? Да? Не дочь?

Реатовъ. Нѣтъ, не дочь. Я сказалъ ему (жениху) правду, которой еще никто не знаетъ. А узнаютъ,—не повѣрятъ.

Александра. Мой милый! Что мнѣ до нихъ, злыхъ, лживыхъ, не вѣрящихъ правдѣ людей. Мы знаемъ,—мы счастливы.

Какъ видите, три года большой срокъ. Три года назадъ героиня «Любвей» торжественно передъ нами сжигала «ветхія слова», мѣшающія отцамъ жениться на дочеряхъ. И послѣднія слова ея были: «сожжемъ ветхія слова, которыя насъ раздѣлили. Я хочу» (съ многоточіемъ). Теперь она заявляетъ, что она можетъ чувствовать себя спокойной и счастливой, ибо она знаетъ, что она не дочь. Они оба съ героемъ знаютъ эту «правду» и *потому* могутъ быть счастливы. «Мы знаемъ,—мы счастливы».

И это заставляетъ говорить ее не кто иной, какъ Соблазнитель, поклявшійся самому дьяволу: «соблазняя—соблазнять»!

Впечатлѣніе на столько неожиданное, что мы попытались было найти примиреніе между варіантами: «Перевальнымъ» и «Шиповнымъ»: нѣтъ ли здѣсь эзоповыхъ иносказаній для избѣжанія цензурнаго вмѣшательства. Но оказалось, все совершенно опредѣленно. Въ 1907 году была дочь; въ 1910—не дочь, и вся трагедія героевъ въ томъ, что никто изъ знакомыхъ этому не повѣритъ. Это утверждаетъ герой, а героиня утѣшаетъ его, приглашая не обращать вниманія на людей, «не вѣрящихъ правдѣ» героевъ Ѳедора Сологуба.

Однако, если все кончается такъ благополучно, то въ чемъ же

драма въ новой редакціи «Любвей?» О, она всетаки на лицо! — Герои, какъ мы видѣли сейчасъ, все таки будутъ бороться со... сплетниками, которые не захотятъ повѣрить, что героиня пріемышъ, а не дочь!

Вотъ какая трагедія!

Итакъ, всего три года разницы во времени, а какая разница въ настроеніи «Любвей»! И герои 1910 года совсѣмъ не герои 1907 года. И не родной отецъ женится на родной дочери, а только пріемный отецъ на пріемной дочери!

Правда, и при этихъ условіяхъ «Любви» нуждаются въ одной крупицѣ правды: психологія отношеній даже между пріемнымъ отцомъ и пріемной дочерью все таки очень сложная вещь. И превратиться въ водевильно влюбленныхъ на протяженіи двухъ-трехъ страницъ не такъ-то легко, какъ это «сдѣлано» въ «Шиповнической» редакціи.

Но это замѣчаніе только мимоходомъ. Закончимъ тѣмъ, что существенно: прошло всего 3 года и вождь, такъ увѣренно стоявшій на перевалѣ со стягомъ «естественной» проблемной любви между отцомъ и дочерью, свернулъ свое гордое знамя и скромно вписалъ передъ словомъ: «дочь» маленькое слово: «не»—«*Не* дочь!»

Кто не читалъ «Любвей» въ «Перевалѣ», тотъ, конечно, не замѣтитъ, какую большую эволюцію совершилъ авторъ, спустившись съ «Перевала» въ «Шиповникъ».

А. Е. Рѣдько.

Новыя книги.

Николай Морозовъ. Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости. Изд. М. А. Аверьянова. Спб. 1910. Стр. 267. Ц. 1 р. 20 к.

Трудно дать себѣ точный отчетъ, въ чемъ собственно заключается особая прелесть, какъ бы благоуханіе книги Н. А. Морозова. Иногда кажется, что самое замѣчательное и въ то же время самое привлекательное въ ней, это—нѣкоторое противорѣчіе: вся она вызвана, подсказана, отъ перваго до послѣдняго слова обусловлена тюрьмой, а между тѣмъ тюрьма въ ней совсѣмъ не чувствуется. О тюрьмѣ говорится не разъ, не разъ ясно, что авторъ о многомъ умалчиваетъ, но не въ томъ, что онъ умалчиваетъ, а въ томъ, что онъ просто и прямо говоритъ, выражено со всей силой, на сколько онъ выше своей судьбы. Какъ силенъ бываетъ человѣкъ въ своемъ пораженіи. Эта книга написана изъ заточенія, объ ужасахъ котораго не будетъ легендъ, ибо правда о немъ страшнѣе всякаго преувеличенія легенды. Жизнь, полная могучихъ

впечатлѣній, борьбы и мысли, должна была здѣсь вдругъ перейти въ медленное, многолѣтнее умираніе; сюда бросили молодыхъ, полныхъ силы и энергіи людей, чтобы здѣсь въ безпредѣльныхъ страданіяхъ, униженіяхъ и лишеніяхъ они медленно заканчивали свои печальные дни въ чудовищномъ одиночествѣ и полной безнадежности. Письма относятся ко второй половинѣ шлиссельбургскаго заключенія, къ 1897—1905 годамъ. Прошла героическая борьба узниковъ за свое человѣческое достоинство, за мелкія права, за элементарныя вольности; болѣе слабые лишились разсудка, не выдержавъ испытаній, другіе погибли отъ болѣзней, менѣе удачливые отдали свою жизнь въ борьбѣ. Выжившіе добились кой-чего—немногаго,—и жизнь ихъ по прежнему была полна страданій, едва выносимыхъ для человѣческаго сердца. Достаточно напомнить, что въ Шлиссельбургѣ вѣшали, и это не было тайной для узниковъ. И вотъ—предъ нами письма изъ этого ада за двѣнадцать долгихъ лѣтъ: какое спокойствіе, какая простота, и какая сила въ этой простотѣ. Конечно, нельзя сказать роднымъ всей правды—надо скрывать отъ престарѣлой матери условія, въ которыхъ томится узникъ; да и цензура департамента полиціи виситъ надъ каждой неосторожной откровенностью. Но, конечно, не этими внѣшними соображеніями подсказана эта возвышенная резиньяція, проникающая письма. Они какъ будто написаны изъ санаторіи—не больше: то же заточеніе, та же грустная отрѣшенность отъ близкихъ, отъ міра. И только еле замѣтныя мелочи изрѣдка вдругъ напоминаютъ намъ, какой изысканной пыткой сопровождалось это тихое заключеніе, какое геройское самообладаніе нужно, чтобы не кричать изступленно отъ боли подобно раненому звѣрю. Мало общенія у заключенныхъ съ живыми существами, они ищутъ этого общенія хоть съ животными, воспитываютъ кроликовъ, приручаютъ ласточекъ, выпавшихъ изъ гнѣзда. «Вотъ и теперь воспитывается маленькая ласточка-сиротка... Она каждый день взлетаетъ по нѣсколько разъ, кружится высоко въ небѣ вмѣстѣ съ другими ласточками, иногда цѣлые часы, но потомъ снова возвращается и садится на подставленную руку, а если руки не подставишь, то прямо на лицо, цѣпляясь лапками за усы и бороду. Она очень любитъ спать на груди за пазухой, въ рукавѣ, а то и просто въ кулакѣ. Любитъ, чтобы ее гладили и говорили съ ней, и знаетъ свое имя. Еще никогда не было такой милой и ласковой птички». Цѣлыя страницы заняты разсказомъ о воспитаніи птичекъ: идиллія!—и вотъ, въ 1903 г.: «выпавшихъ изъ гнѣздъ ласточекъ въ этомъ году намъ уже нельзя было воспитывать», а позднѣйшій курсивъ объясняетъ: *жандармы хватали и убивали.* Мало словъ, и поводъ мелкій,—а какая должна быть боль за ними. Но узникъ пишетъ роднымъ: «Весной я перенесъ свою этажерку въ уголъ крошечнаго садика, подъ маленькій навѣсъ, и все лѣто занимаюсь на воздухѣ. Вотъ и теперь я пишу

вамъ эти строки въ своемъ уютномъ уголкѣ. Выглядывая изъ-подъ навѣса, я вижу голубое небо, по которому плывутъ кое-гдѣ бѣлыя кучевыя облака. Вечеръ сегодня тихій и довольно теплый, и часть садика освѣщена солнцемъ. Кругомъ меня зеленые кусты и деревца, и хмель вьется кругомъ моей этажерки. Недалеко чирикаютъ воробьи. Въ воздухѣ летаютъ и щебечутъ цѣлыя стаи ласточекъ, а еще выше, чѣмъ ласточки, направленіемъ, носятся черные стрижи, иногда совсѣмъ теряясь въ глубинѣ неба».

Громадная жизнеспособность, неистребимый стихійный оптимизмъ подымаетъ страдальцевъ выше ихъ испытаній—и жизнь имъ мила, и радости имъ доступны, и даже безнадежность, столь очевидная, столь несомнѣнная, все таки озаряется откуда-то изъ глубины теплящимся огонькомъ надежды. Вотъ эта захватывающая атмосфера жизненности, царящая въ письмахъ, дѣлаетъ такими глубокими и поучительными всѣ эти мелочи, эти воспоминанія, эти дѣловыя сообщенія. «Мертвая тишина есть мое преобладающее настроеніе»,—говоритъ узникъ. Но какая интенсивная работа ума и сердца животворитъ эту тишину: пріобрѣтеніе знаній, созданіе новыхъ теорій, физическая работа, душевное общеніе съ прошлымъ, мысли о близкихъ, клочки природы; все это переживается съ могучей интенсивностью, со всепоглощающей жадностью къ жизни: вотъ, что оживляло узниковъ и сохраняло ихъ свѣжими до освобожденія, а не мертвенная изоляція тюрьмы, ограняввшая ихъ отъ впечатлѣній. «У меня была маленькая дочка, казавшаяся мнѣ лучше всѣхъ остальныхъ; она умерла отъ скарлатины, не проживъ и года, и похоронена на югѣ Франціи у Средиземнаго моря, такъ далеко-далеко отъ насъ, что ни мнѣ и никому изъ моихъ близкихъ никогда не придется побывать на ея крошечной могилкѣ. Я знаю и всегда чувствую, что *если бъ она была жива, то я не сознавалъ бы себя до такой степени оторваннымъ отъ всего остального міра.* Но не будемъ тревожить тѣней прошлаго, а то, пожалуй, еще расплачешься». Вотъ что связываетъ съ міромъ—тяготѣніе и любовь къ тѣмъ, кто за стѣнами тюрьмы; чѣмъ тягостнѣе тюрьма, тѣмъ напряженнѣе это тяготѣніе: какая же тюрьма можетъ разорвать эту связь! И не только любовь къ своимъ, такъ трогательно, такъ горячо выраженная въ этой книгѣ, одухотворяетъ автора; простыя мимолетныя жизненныя впечатлѣнія всплываютъ въ его воспоминаніяхъ въ угрюмомъ однообразіи тюрьмы—и роднятъ его съ той жизнью, которая идетъ на свободѣ, и вдыхаютъ вѣру. Прелестно запечатлѣлось одно такое воспоминаніе въ письмахъ:

«Сюда, въ Россію я вернулся почти прямо изъ Англіи, и послѣднимъ моимъ впечатлѣніемъ, унесеннымъ съ этого острова, когда я уже стоялъ на палубѣ парохода, былъ высокій утесистый берегъ близъ Дувра, гдѣ пароходъ прицѣпляется въ открытомъ морѣ прямо къ скаламъ. Въ одной изъ такихъ скалъ была высѣчена

узкая дорожка для спуска пассажировъ, а наверху скалы, прямо надъ обрывомъ въ море, стояла одиноко англійская дѣвушка. Она стояла на высотѣ, такая стройная, и смотрѣла такъ гордо вокругъ, какъ будто и это сѣрое тяжело волнующееся море, и весь этотъ дикій берегъ, и пароходъ внизу, были ея неотъемлемой собственностью». Путникъ кивнулъ ей головой, она какъ бы поняла, что это прощальный привѣтъ ея странѣ, и отвѣтила тѣмъ же. «Такъ мы и разстались навсегда, дружески улыбаясь другъ другу, пока совсѣмъ не скрылись изъ вида. А затѣмъ я почти прямымъ путемъ, черезъ Парижъ, Женеву, Цюрихъ и Берлинъ, пріѣхалъ въ свое современное жилище»...

Но это слишкомъ индивидуально, и потому какъ бы исключеніе: въ книгѣ Н. А. Морозова хорошо именно то, что не носитъ слишкомъ отчетливаго отпечатка отдѣльной личности: какъ будто не онъ писалъ эти письма, а диктовало ихъ что-то большое, за нимъ стоящее, что выше и глубже отдѣльнаго человѣка: его исключительное историческое положеніе, его неповторяющаяся судьба. Съ этой точки зрѣнія даже нѣсколько жаль, что письма Н. А. Морозова появились уже теперь, что они недостаточно отдѣлились временемъ, чтобы пріобрѣсти вполнѣ этотъ внѣличный характеръ чьихъ-то писемъ изъ Шлиссельбурга. Такъ—это только лирика; а она вѣдь достойна быть эпопеей.

Такъ или иначе—книгой стало то, что въ замыслѣ было безконечно далеко отъ книги; вошло въ литературу то, что написалось для немногихъ, для близкихъ. И оно, конечно, надолго останется въ литературѣ. Тѣмъ лучше для тѣхъ, кого въ минуты скорби успокоитъ, подбодритъ, утѣшитъ эта милая, животворящая книга.

Вильгельмъ Оствальдъ. Великіе люди. Пер. съ нѣм. Г. Кваша. Вятское книгоиздательское товарищество. Спб. 1910. Стр. XII+398+IV. Ц. 2 р. 50 коп.

Новая книга извѣстнаго нѣмецкаго натуралиста-философа поражаетъ прежде всего богатствомъ духовнаго матеріала, связующимъ ее съ многообразнѣйшими проявленіями человѣческой мысли и дѣятельности. Исторія науки и ея теоретическіе запросы, общія разсужденія и практическіе выводы, индивидуальныя біографіи и широкія схемы: все найдешь въ этой книгѣ, небольшой сравнительно съ ея обширнымъ содержаніемъ. Въ основу своихъ разсужденій о творчествѣ геніальныхъ людей авторъ положилъ шесть жизнеописаній великихъ естествоиспытателей, близкихъ автору по спеціальности, то-есть, физиковъ и химиковъ: Гэмфри Дэви, Роберта Майера, Фарадея, Либиха, Шарля Жерара и Гельмгольца. Съ удивительнымъ искусствомъ сумѣлъ онъ поднять на высоту обобщенія тѣ свѣдѣнія, которыя почерпнулъ даже не изъ первоисточниковъ, дать ясную картину жизненныхъ испытаній и науч-

ной дѣятельности каждаго, изобразить его въ потокѣ творчества и извлечь изъ этихъ данныхъ общій психическій обликъ научнаго генія-мыслителя. Извѣстна схема Оствальда, по которой творцы науки распадаются на два основныхъ типа: классиковъ и романтиковъ; это дѣленіе проведено имъ здѣсь съ чрезвычайнымъ блескомъ. Не всегда, правда, убѣдительное, оно, однако, даетъ нѣкоторую точку опоры для необходимаго различенія. До сихъ поръ наука не дала намъ точныхъ основъ для психологической систематизаціи человѣческихъ индивидуальностей; искусство больше сдѣлало въ этомъ отношеніи. Мы свободно говоримъ: это—Отелло, это—Чичиковъ, и намъ необходимы эти категоріи; а наука—по законной осторожности - ничего не дала намъ въ этой области, но за то отвергла, напримѣръ, старое дѣленіе на четыре темперамента, которое, однако, вошло въ обиходную рѣчь и тѣмъ отстояло свое право гражданства. Пользуется имъ и защищаетъ его и Оствальдъ, ибо оно полезно для практическаго руководства, а книга Оствальда имѣетъ и практическія цѣли.

Она даже какъ будто подсказана ими. Въ вступленіи авторъ разсказываетъ, что, когда онъ былъ профессоромъ, къ нему обратилось японское вѣдомство просвѣщенія съ вопросомъ, какъ заблаговременно распознавать будущихъ выдающихся людей. Японцы — народъ практичный и, тратя деньги на подростающихъ гражданъ, они, естественно, хотятъ съ наибольшимъ вниманіемъ отнестись къ тѣмъ изъ нихъ, въ комъ можно предвидѣть не только чернорабочаго, но и творческую силу. Оствальдъ и отвѣчаетъ—не ироническимъ сознаніемъ въ невѣдѣніи, а теоретическими соображеніями и практическими указаніями. Онъ убѣжденъ, что генія можно распознать и должно беречь. Особенно жизнь Гельмгольца убѣждаетъ его въ громадномъ значеніи благопріятной обстановки для развитія человѣка. «Что вышло бы изъ маленькаго болѣзненнаго ребенка, если бы онъ родился въ хижинѣ какого-нибудь поденщика? Вѣроятно, маленькое существо угасло бы черезъ нѣсколько дней. И какъ сильно внѣшнее сопротивленіе могло бы повредить его воспріимчивый характеръ»! Автора возмущаетъ «глупое общее мѣсто», что вообще «нечего жалѣть о томъ геніи, который можетъ быть погубленъ сопротивленіями». «Это можетъ имѣть значеніе для будущаго лакея въ пивной; но крупныя интеллектуальныя дарованія, какъ всякое гипертрофическое явленіе, дѣлаютъ организмъ хрупкимъ. У насъ нѣтъ никакого средства подсчитать число погибающихъ геніевъ, но мы ужаснулись бы, если бы узнали, какъ человѣчество въ данномъ случаѣ свирѣпствуетъ по отношенію къ себѣ».

Мы не остановимся на практическихъ совѣтахъ нѣмецкаго ученаго. Онъ рѣшительный противникъ классическаго образованія, съ сторонниками котораго расправляется побѣдоноснѣе, чѣмъ съ поборниками женскаго равенства. Здѣсь онъ считаетъ рѣшающими

такіе, напримѣръ, доводы: «Несомнѣнно, что только раздѣленіе функцій сдѣлало возможнымъ высокое интеллектуальное развитіе *мужчины* и тѣмъ самымъ во всякомъ случаѣ подвинуло впередъ человѣческую *расу* (курсивъ нашъ)... Скорѣе можно считать всеобщимъ біологическимъ закономъ, что ростъ работоспособности достигается только все далѣе и далѣе идущимъ раздѣленіемъ функцій, и борьба съ этимъ закономъ представляется безнадежной». Цѣлый рядъ такихъ неглубокихъ соображеній по разнымъ поводамъ былъ бы удивителенъ, если бы не свидѣтельствовалъ о томъ, что милое автору «раздѣленіе функцій» имѣетъ и дурныя стороны. Проф. Оствальду кажется замѣчательной та «безобидная наивность», съ которой нѣкогда философъ Зигвартъ поучалъ знаменитаго Либиха «въ его собственной области». Споръ шелъ о гносеологіи и методѣ Бэкона, и возможно, что Зигвартъ въ полемикѣ зашелъ въ область, ему менѣе извѣстную. Но не менѣе наивной и несомнѣнно менѣе безобидной представляется рѣшительность, съ которой Оствальдъ судитъ о нѣкоторыхъ вопросахъ гуманитарныхъ знаній. Онъ не включилъ въ свою книгу представителей «наукъ о духѣ» частью потому, что онъ «не компетентенъ судить объ ихъ особенныхъ заслугахъ», частью же потому, что не можетъ «признать, чтобы они имѣли серьезное положительное вліяніе на человѣческій прогрессъ». Не взирая на свою недостаточную компетентность, проф. Оствальдъ полагаетъ, что «къ большей части современныхъ филологическихъ и историческихъ наукъ наши внуки будутъ относиться такъ же, какъ мы относимся къ средневѣковой схоластикѣ». Важна, однако, не нелѣпость этого преувеличенія, важны доводы, которые удовлетворяютъ Оствальда. Онъ, правда, откладываетъ ихъ на будущее время, но пока ограничивается указаніемъ,—которое показываетъ, съ какими доказательствами намъ предстоитъ имѣть дѣло. Итакъ: «*Задача науки— научить насъ предсказывать будущее.* И всякое изученіе прошлаго не имѣетъ никакого смысла, если оно безполезно для сужденія о будущемъ. Такъ, напримѣръ, изученіе языковъ (отвлекаясь отъ чисто техническаго вопроса о переводахъ) не имѣетъ смысла, если оно не содѣйствуетъ будущему улучшенію существующаго языка, неутѣшительные недостатки котораго языковѣды въ большинствѣ случаевъ какъ разъ оставляютъ въ тѣни, обманывая насъ». Оствальдъ хотѣлъ бы «раціональнаго шага впередъ» въ развитіи языковъ, а филологи являются ревностными стражами ихъ неизмѣнности. «Кто же не признаетъ въ этой чертѣ существеннаго признака схоластицизма». Въ этой бездпѣ наивности не знаешь, съ чего начать. Если бы Оствальдъ только коснулся основъ современнаго языкознанія, онъ понялъ бы, что улучшеніе языка— дѣло не филологовъ, а говорящихъ людей, что всякое непосредственное раціонально-научное его улучшеніе есть дѣло безнадежное, безсмысленное. Если бы Оствальдъ зналъ, что такое языкъ и ка-

кова его роль въ духовномъ обиходѣ, онъ не договорился бы до такихъ утвержденій: «*Языкъ самъ по себѣ не представляетъ никакой культурной цѣнности*, онъ становится ею лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно является носителемъ какой-нибудь объективно-цѣнной литературы. Поэтому отстаиваніе неразвитымъ народомъ своего національнаго языка.. является своего рода національнымъ самоубійствомъ». Поэтому въ борьбѣ австрійскихъ народовъ — славянъ и венгровъ—за національный языкъ, борьбѣ, согласимся, отвлекающей ихъ силы отъ культурнаго творчества, виноватыми противъ человѣческаго прогресса оказываются, по убѣжденію Оствальда, по преимуществу они, а не тѣ, кто заставляетъ ихъ понапрасну вести эту борьбу.

Но значеніе книги Оствальда не въ ея идеяхъ, а въ ея методѣ. Пусть онъ ошибается въ томъ, чего не знаетъ и—такова вѣдь трагедія всякаго незнанія—даже не подозрѣваетъ, что не знаетъ. Но въ своей области, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ, онъ знаетъ такъ много, его міровоззрѣніе такъ многообъемлюще и стройно, что у него можно многому научиться. Несмотря на его пренебреженіе къ «наукамъ духа», его книга относится именно къ этимъ «историческимъ» наукамъ и съ честью становится въ рядъ ихъ завоеваній.

Добросовѣстный переводчикъ, очевидно, приложилъ всѣ старанія, и переводъ, хотя тяжеловатъ и не безъ мелкихъ промаховъ, въ общемъ удовлетворителенъ.

Бенно Эрдманнъ. Научныя гипотезы о душѣ и тѣлѣ. Переводъ съ разрѣшенія автора подъ редакціей и съ предисловіемъ dr. phil. В. Н. Половцевой, ассистента философіи семинара Берлинскаго университета. М. 1910. XII+347 стр., ц. 1 р.

Альфредъ Бинэ. Душа и тѣло. Перев. С. А. Лопашева. М. 1910 г. 202 стр., ц. 1 р. 25 к.

Вопросъ о взаимоотношеніи между «душой» и «тѣломъ» есть одинъ изъ тѣхъ великихъ вопросовъ философіи, которые волнуютъ даже людей, въ общемъ, совершенно чуждыхъ всякой философіи. Всѣми ясно сознается противоположность между нашимъ умомъ, нашимъ чувствомъ и нашей волей, т. е. нашимъ «сознаніемъ», съ одной стороны, и внѣшнимъ міромъ, «матеріей», — съ другой; но въ то же время всѣ столь же ясно видятъ, что «матерія» вліяетъ на наше «сознаніе», а наши умъ, воля и чувство вліяютъ на внѣшній міръ. Такимъ образомъ, самъ собой ставится вопросъ какъ о томъ, что такое душа и тѣло, такъ и о томъ, какъ возможно это взаимодѣйствіе между двумя совершенно разнородными факторами.

Обѣ разбираемыя нами книги и заняты разсмотрѣніемъ этихъ многотрудныхъ вопросовъ. Обѣ книги принадлежатъ людямъ,

стоящимъ въ первомъ ряду среди современныхъ мыслителей, объ книги написаны съ мастерствомъ и при полномъ обладаніи предметомъ.

Бенно Эрдманъ является сторонникомъ психо-физіологическаго (и даже психо-физическаго) параллелизла. Матеріалисты пытаются объяснить сознаніе механическими процессами, совершающимися въ мозгу; но имъ никакъ не удается показать, какимъ образомъ «движеніе» можетъ превратиться въ «сознаніе». Спиритуалисты, наоборотъ, сводятъ явленія внѣшняго, «матеріальнаго» міра къ явленіямъ сознанія; но всѣ попытки спиритуалистовъ, до сихъ поръ, были не болѣе удачными, чѣмъ попытки матеріалистовъ.

Въ виду этого получило особенное распространеніе ученіе о психо-физіологическомъ параллелизмѣ, ученіе, которое въ настоящее время слѣдуетъ считать господствующимъ среди философовъ и психологовъ. Согласно этому ученію матеріальные процессы и процессы сознанія суть двѣ стороны однихъ и тѣхъ же процессовъ. «То самое, что съ точки зрѣнія чувственнаго воспріятія, съ помощью умозаключеній устанавливается нами, какъ совокупность движеній въ опредѣленныхъ частяхъ нашей нервной системы, то самое въ самовоспріятіи дано намъ непосредственно, какъ совокупность явленій сознанія... Механическія явленія суть воспринятыя извнѣ душевныя явленія, душевныя же явленія—воспринятыя извнутри, имѣющія мѣсто въ нашемъ тѣлѣ механическія явленія» (Эрдманъ, стр. 242—3).

Книга Эрдмана есть воспроизведеніе его публичныхъ лекцій. Поэтому при всемъ мастерствѣ изложенія она является, не болѣе какъ популярнымъ изложеніемъ уже извѣстныхъ ученій. Эрдманъ не пытается углубить вопросъ, не пытается создать собственное ученіе. Его книга есть мастерское изображеніе того, какимъ образомъ параллелизмъ «духовнаго» и «матеріальнаго» можетъ быть распространенъ на весь міръ. Указавши на явленія параллелизма среди людей, онъ переходитъ сначала къ животнымъ, а потомъ и къ растеніямъ. Фехнеръ, возобновитель ученія о параллелизмѣ въ его современной формѣ, еще въ 1848 году написалъ книгу о «душевной жизни растеній». Изслѣдованія новѣйшихъ ботаниковъ даютъ достаточный матеріалъ, чтобы распространить ученіе о психо-физіологическомъ параллелизмѣ и на растенія.

Но сверхъ животныхъ и растеній имѣется еще и такъ называемый неодушевленный міръ, который, въ концѣ-концовъ, создаетъ и этихъ животныхъ, и эти растенія. Очевидно, что отрицаніе душевныхъ элементовъ у неорганической природы поведетъ къ торжеству матеріализма, ибо тогда значитъ, что нѣчто душевное создалось въ моментъ образованія перваго организма изъ неорганическаго. Правда, можно сдѣлать попытку избѣжать этой трудности заявленіемъ, что органическая жизнь существуетъ отъ вѣчности, что органическое и не органическое одинако вѣчно суще-

ствовали въ прошломъ. А такъ какъ извѣстно, что наша земля въ прошломъ находилась въ расплавленномъ состояніи, т. е. въ такомъ состояніи, при которомъ органическая жизнь невозможна, то защитники этого факта принуждены искать начала жизни на землѣ внѣ нашей земли. Таково, напримѣръ, ученіе Аррениуса, который полагаетъ, что безконечно мелкій представитель жизни прилетѣлъ на землю на свѣтовомъ лучѣ. Эта чарующая по своей остроумной смѣлости гипотеза имѣетъ, однако, тотъ существенный недостатокъ, что предполагаетъ, будто гдѣ-то, какое-то небесное тѣло отъ вѣка существуетъ въ томъ охлажденномъ состояніи, при которомъ возможна органическая жизнь.

Поэтому ученіе, надѣляющее и неорганическій міръ душевными элементами, является болѣе удобопріемлемымъ ученіемъ. Съ признаніемъ существованія душевныхъ элементовъ въ неорганическомъ мірѣ психо-физіологическій параллелизмъ превращается въ параллелизмъ психо-физическій.

Мы упоминали, что книга Эрдмана есть только популярное изложеніе уже извѣстныхъ ученій, поэтому говорить объ этой книгѣ по существу мы не будемъ, скажемъ только, что она написана съ знаніемъ дѣла и съ мастерствомъ, вполнѣ достойными крупнаго имени ея автора. Но въ ней есть одинъ пунктъ, на которомъ мы остановимся. Это—ученіе о безсознательномъ. Хотя и въ этомъ пунктѣ Эрдманъ не оригиналенъ, но мы остановимся на немъ потому, что здѣсь можно стать на такую точку зрѣнія, при которой все его ученіе о безсознательномъ получаетъ новый смыслъ. Ученіе о безсознательномъ необходимо сторонникамъ психо-физіологическаго параллелизма для объясненія весьма многихъ явленій душевной жизни. Возьмемъ хотя-бы память. Изъ огромнаго склада, хранящагося въ нашей памяти, мы сознаемъ въ каждый данный моментъ лишь самую ничтожную часть; все остальное нами не сознается, хотя и можетъ быть каждую минуту введено въ связь сознанія. Теперь спросимъ себя: какъ слѣдуетъ понимать этотъ несознаваемый въ данный моментъ запасъ памяти? Въ какомъ видѣ онъ существуетъ? Предположеніе, что онъ существуетъ, какъ нѣчто не душевное было бы явнымъ матеріализмомъ. Поэтому сторонники психо-физіологическаго параллелизма (и Эрдманъ въ томъ числѣ) и говорятъ о «безсознательныхъ» душевныхъ явленіяхъ и о «безсознательныхъ душевныхъ условіяхъ возможнаго сознанія» (Эрдманъ стр. 107).

Слабость этого ученія бросается въ глаза. Мы утверждаемъ, что говорить о «безсознательныхъ» душевныхъ явленіяхъ все равно, что, напримѣръ, говорить о безметаллическомъ металлѣ. Ибо, что останется отъ «*душевнаго*» явленія, если отнять у него признакъ сознательности, *чѣмъ оно тогда будетъ отличаться отъ явленія матеріальнаго*? Выраженіе-же «безсознательныя условія возможнаго сознанія» есть или замаскированный матеріализмъ, или выраженіе, лишенное реальнаго смысла.

Ясное сознаніе этого затрудненія уже довольно давно побудило пишущаго эти строки предложить замѣну термина «безсознательное» терминомъ «внѣсознательное». Безсознательное душевное явленіе есть contrarctio in adjecto, а тотъ фактъ, что существуетъ извѣстное душевное явленіе, которое лежитъ внѣ моего сознанія,— этотъ фактъ мы наблюдаемъ на каждомъ шагу: душевная жизнь всѣхъ людей лежитъ внѣ моего сознанія, такъ же какъ моя душевная жизнь лежитъ внѣ сознанія всѣхъ остальныхъ людей. Поэтому намъ остается сдѣлать только одинъ шагъ и признать, что въ насъ самихъ могутъ быть *сознательныя* душевныя явленія, *лежащія внѣ сознанія даннаго мгновенія*. Сдѣлать этотъ шагъ тѣмъ легче, что психіатріи хорошо извѣстны случаи раздвоенія и даже раздробленія сознанія. Психіатрамъ хорошо извѣстны случаи, когда въ одномъ и томъ же мозгу борятся два различныя сознанія, и то сознаніе, которое въ данный моментъ завладѣваетъ центромъ рѣчи и заявляетъ о своемъ существованіи, а иногда даже оно заявляетъ о томъ, что чувствуетъ присутствіе и чуждыхъ ему душевныхъ явленій.

Бинэ является противникомъ психо физіологическаго параллелизма. Онъ пытается создать собственное ученіе. Книга Бинэ является не только психологическимъ трактатомъ, но и экскурсіей въ область метафизики. Онъ начинаетъ свою книгу «опредѣленіемъ матеріи» и, конечно, легко приходитъ къ выводу, что «отъ внѣшняго предмета мы познаемъ лишь ощущенія». Затѣмъ онъ переходитъ къ «опредѣленію духа». Установивши разграниченіе между актомъ познанія и объектомъ познанія, при чемъ актъ познанія онъ называетъ сознаніемъ,—Бинэ переходитъ затѣмъ къ изученію объектовъ познанія. Первымъ и важнѣйшимъ объектомъ познанія является ощущеніе. Такъ какъ актъ познанія, т. е. сознаніе «временно оставлено въ сторонѣ, то вполнѣ естественно, что нашъ авторъ находитъ, что ощущеніе есть нѣчто матеріальное. А разъ ощущеніе есть нѣчто матеріальное, то этимъ предрѣшается и тотъ выводъ, что всѣ наши душевныя явленія (которыя въ концѣ-концовъ оперируютъ ощущеніями) тоже матеріальны. Такимъ образомъ различіе между явленіями духовными и матеріальными сглаживается. Но это отнюдь не слѣдуетъ истолковывать въ томъ смыслѣ, будто Бинэ проповѣдуетъ матеріализмъ. Напротивъ, Бинэ является столь рѣшительнымъ противникомъ матеріализма, что даже ученіе о психофизіологическомъ параллелизмѣ упрекаетъ въ матеріализмѣ.

Какъ самъ Бинэ заявляетъ, его ученіе о духѣ весьма близко къ ученію Аристотеля: матерія даетъ содержаніе, духъ даетъ форму— вотъ краткое резюме, какъ ученія Аристотеля, такъ и ученія Бинэ.

«Отсюда,—говоритъ Бинэ на стр. 194,—вытекаетъ любопытное слѣдствіе, что духъ надѣленъ неполнымъ существованіемъ. Его можно уподобить формѣ, которая осуществляется лишь посредствомъ своего соединенія съ какой-нибудь матеріей».

Если матерія есть содержаніе, а духъ—форма, то этимъ самымъ устанавливается и взаимоотношеніе между «душой» и «тѣломъ». Въ данномъ случаѣ нашего автора озабочиваетъ лишь одинъ пунктъ. Ощущеніе, представленіе и т. п. суть матеріальные процессы, форма которыхъ есть духовный процессъ, данный въ нашемъ сознаніи. Хорошо. Но, въ такомъ случаѣ, почему мы, сознавая все, лежащее внѣ насъ, не сознаемъ именно этихъ процессовъ въ нашемъ мозгу, которые и образуютъ ощущенія, представленія и т. п. Почему,—задаетъ себѣ вопросъ Бинэ,—почему мы воспринимаемъ стадо барановъ, движущееся внѣ насъ и не воспринимаемъ движеній въ нашемъ мозгу, движеній, соотвѣтствующихъ движенію этого стада барановъ? Отвѣтъ Бинэ таковъ: химико-физическіе процессы въ мозгу всегда одинаковы, а внѣшнія раздраженія различны. А это основной законъ сознанія, что вполнѣ однородныя, монотонныя раздраженія не воспринимаются нашимъ сознаніемъ.

Здѣсь не мѣсто давать полную оцѣнку ученія Бинэ. Для этого пришлось бы написать большую статью; разобраться въ ученіи Бинэ тѣмъ труднѣе, что его ученіе несвязно и противорѣчиво. Замѣчательный психологъ, Бинэ, вступивши въ область метафизики, нѣсколько запутался, и его попытку соединить Аристотеля съ Бергсономъ нельзя считать удачной. Матерію мы познаемъ въ формѣ ощущеній. Хорошо. Но изъ того обстоятельства, что матерія намъ *дана*, какъ ощущеніе, еще не слѣдуетъ, что матерія *есть* ощущеніе. Надъ этимъ пунктомъ Бинэ слѣдовало бы остановиться подольше. Затѣмъ, отдѣливши въ ощущеніи *актъ* познанія отъ *матеріи* познанія, Бинэ, конечно, легко пришелъ къ выводу о *матеріальности матеріи* ощущенія; но тогда чѣмъ отличается его ученіе отъ психо-физіологическаго параллелизма, который также признаетъ въ ощущеніи и матеріальную сторону, и сторону психическую? Правда, психо-физическій параллелизмъ не пытается углубить этого вопроса: поставивши рядомъ два процесса, представители параллелизма и успокаиваются на этой метафорѣ. Поэтому психо-физіологическій параллелизмъ, будучи прекрасной «рабочей гипотезой» въ области психологіи, ничего не даетъ философіи и метафизикѣ. Бинэ-же пытается дать нѣчто метафизикѣ заявленіемъ, что духъ есть форма матеріи. Но онъ не сдѣлалъ ничего, чтобы придать жизненность этому старому аристотелизму...

Переводъ книги Бенно Эрдмана (снабженный предисловіемъ автора къ русскому изданію) безукоризненъ. Что касается перевода книги Бинэ, то его рѣшительно нельзя считать даже просто удовлетворительнымъ: переводчикъ обнаруживаетъ какъ плохое знаніе французскаго языка, такъ и плохое пониманіе предмета и небрежность.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Авторъ говоритъ: «*Ce ne peut être* qu'un *artifice*, un symbolisme». Переводчикъ говоритъ

(стр. 26): «Это *можетъ стать* лишь *мастерскимъ искусствомъ*, символизмомъ». Мы подчеркнули (и ниже будемъ подчеркивать) мѣста, невѣрно переведенныя. Слово artifice слѣдовало перевести: «искусственный пріемъ» или «уловка». На стр. 37 мы читаемъ, что Бергсонъ не хочетъ признать нервную систему «за *сущность* познанія», въ подлинникѣ сказано: «*substrat* (т. е. носитель) de connaissance». Слова автора: la sensation *implique* la consience» переведены на стр. 48: «ощущеніе *присовокупляетъ* сознаніе». (Слѣдовало сказать: «предполагаетъ» или «заключаетъ въ себѣ»). На стр. 49 читаемъ: «огромное большинство философовъ высказалось о психологической природѣ впечатлѣнія», слѣдовало сказать: «въ пользу» или «за» (въ подлинникѣ стоитъ «pour»). На стр. 50 читаемъ по поводу одного мнѣнія, что оно поддерживалось «*развѣ* лишь Томасомъ Ридомъ и Вильямомъ Гамильтономъ», въ подлинникѣ сказано: «Thomas Reid *peut-être* et William Hamilton *à coup sûr*» (т. е. «быть можетъ Т. Р. и несомнѣнно В. Т.). Авторъ говоритъ: «Cette réalité est donc perçue dans un cas *conçue* dans l'autre. Въ переводѣ мы читаемъ на стр. 64: «Эта реальность, воспринятая въ одномъ случаѣ, *сознается* въ другомъ» («Conçue» значитъ: «мыслимое» или «данное въ понятіи»; переводчикъ и далѣе во многихъ мѣстахъ термины: «concevoir», «concevabilité» передаетъ терминами: «сознаваніе» «сознаніе»). Развивая ученіе о различіи между достовѣрностью факта ощущенія и истиной, авторъ говоритъ: «La Verité, c'est ce qui, étant jugé concevable, étant perçu réellement, a de plus cette qualitè de trouver sa place etc» Въ переводѣ читаемъ: «Истина это то, что, будучи признано за *сознаваемое*, будучи реально воспринято, *тѣмъ болѣе* способно найти свое мѣсто, отношеніе, утвержденіе во всей массѣ ранѣе пріобрѣтенныхъ знаній» (стр. 65). (Здѣсь сверхъ прежней ошибки: переводъ слова «concevable» словомъ «сознаваемое», смыслъ фразы извращенъ еще словами: «тѣмъ болѣе», слѣдовало сказать: «сверхъ того»).

Мы могли-бы привести еще очень много примѣровъ извращенія текста, но думаемъ, что достаточно и вышеуказаннаго.

Общая Исторія Философіи. В. Вундта, Г. Ольдербурга, И. Гольдціера, В. Грубе, Тетуджиро Инуйе, Г. фонъ Арнима, К. Бэймкера, В. Виндельбанда. Томъ первый. Перев І. В. Постмана и І. В. Яшунскаго, подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго и Э. Л. Радлова. Спб. 1910. 272 стр. ц 1 р. 50 к.

Древняя Греція и новая Европа, начиная со временъ Декарта и Бекона, монополизовали философію. Поэтому «Исторіи философіи» обыкновенно и занимаются лишь изложеніемъ ученій древ-

нихъ грековъ и европейскихъ мыслителей, начиная съ Декарта. Но если вполнѣ вѣрно, что всякій человѣкъ философствуетъ, хотя бы онъ и не подозрѣвалъ этого, то еще вѣрнѣе, что ни одинъ народъ не можетъ жить безъ какой нибудь философіи. И если для дальнѣйшаго прогресса философіи философствованія всѣхъ народовъ, кромѣ древнихъ грековъ и новыхъ европейцевъ (и американцевъ) не имѣютъ никакой или почти никакой цѣнности съ точки зрѣнія тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришли эти народы, то, съ другой стороны, съ точки зрѣнія тѣхъ вопросовъ, которые волновали ихъ умы и съ точки зрѣнія образцовъ ихъ мышленія всѣ эти философскія системы имѣютъ безспорное значеніе.

Поэтому слѣдуетъ считать весьма счастливой мыслью издать «Общую исторію философіи». Въ лежащемъ передъ нами первомъ томѣ помѣщены статьи: В. Вундта «Зачатки философіи и философія первобытныхъ народовъ; Германа Ольденбурга «Индійская философія». Индія, какъ извѣстно, единственная внѣевропейская страна, которая сдѣлала великія попытки созданія философіи; и представляетъ большой интересъ прослѣдить, какъ два высоко одаренныхъ народа, индусы и древніе греки, будучи такъ несходны другъ съ другомъ, принялись за выполненіе одной и той же задачи: за созданіе первыхъ образцовъ вполнѣ самобытной философіи. Затѣмъ слѣдуютъ статьи: Вильгельма Грубе «Китайская философія, Тетуджиро Инуйе «Японская философія», Игнатія Гольдціэра «Исламская и еврейская философія» и, наконецъ, Ганса фонъ Арнима «Европейская философія древняго міра».

Особенный интересъ представляетъ статья Вундта. Знаменитый ветеранъ нѣмецкой философіи, какъ извѣстно, послѣдніе годы посвятилъ изученію «психологіи народовъ» (Völkerpsychologie) и выпускаетъ томъ за томомъ изслѣдованія о языкѣ, религіи и мифологіи народовъ. Такъ что Вундта слѣдуетъ считать среди всѣхъ современныхъ философовъ лучшимъ знатокомъ философіи первобытныхъ народовъ. Въ своей статьѣ онъ изслѣдуетъ: «примитивную логику», «примитивную психологію», «примитивную натуръ-философію» и «примитивную этику».

Первичнымъ проявленіемъ духовной жизни первобытнаго человѣка было созданіе мифа. «Въ мифологіи первобытнаго народа объединено въ одно цѣлое все то, что впослѣдствіи расчленяется на религію, философію и рядъ отдѣльныхъ наукъ; болѣе того: въ нее входитъ и поэзія, которая первоначально развиваетъ только мифологическіе мотивы, равно какъ и музыка, и мимическія и изобрѣтательныя искусства» (стр. 2). Вундтъ задается задачей расчленить содержаніе этой первобытной мифологіи и выдѣлить изъ нея то, что относится къ первобытной философіи. Здѣсь онъ высказываетъ остроумную и совершенно вѣрную мысль, что «чѣмъ меньше примитивная философія сознаетъ наличность проблемы, тѣмъ щедрѣе она на рѣшеніе» (стр. 2). Далѣе онъ говоритъ: «мы

привыкли всюду, гдѣ въ воззрѣніяхъ народа, или отдѣльнаго человѣка мы находимъ рѣшеніе какой-либо проблемы, предполагать и постановку этой проблемы. Между тѣмъ ничего не можетъ быть ошибочнѣе такого взгляда примѣнительно къ дикарю... Онъ не ставитъ себѣ никакихъ проблемъ, то же, что является у него какъ бы рѣшеніемъ ихъ, въ дѣйствительности есть для него непосредственно данный фактъ или само собою понятное сочетаніе фактовъ» (стр. 3). Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь наивныя рѣшенія основныхъ вопросовъ современной философіи. Первобытная логика можетъ быть формулирована такъ: «все, что дано въ объективномъ воспріятіи, непосредственно достовѣрно такъ, какъ оно дано» (стр. 8). На этомъ фундаментѣ развивается и первобытная психологія, имѣющая два корня: идею души, какъ дыханія, и идею души, какъ тѣни. Воззрѣнія о дѣятельности душъ лежатъ въ основѣ первобытной натуръ-философіи.

Чтобы правильно понять эту первобытную философію, слѣдуетъ твердо помнить, что для первобытнаго человѣка не существуетъ никакихъ теоретическихъ интересовъ: онъ практикъ и только практикъ. Но какимъ образомъ этотъ узкій практикъ, непоколебимо вѣрующій въ то, что дано ему въ объективномъ воспріятіи, какимъ образомъ этотъ человѣкъ пришелъ къ сомнѣнію и къ теоретическимъ проблемамъ? Черезъ натуръ-философію. «Великій переворотъ, знаменующій превращеніе мифической космологіи въ философскую, состоитъ главнымъ образомъ не въ томъ, что вмѣсто чувственныхъ образовъ выдвигаются общія понятія—у древнихъ философовъ общія понятія встрѣчаются очень рѣдко,—а въ томъ, что исчезаетъ со свѣта чародѣйство и чудеса, такъ какъ великой проблемой философіи становятся не иррегулярное и неожиданное, а равномѣрное, длительное, и законы измѣненія явленій» (стр. 22).

Таково, въ общемъ, содержаніе интересной статьи Вундта.

Школьныя экскурсіи, ихъ значеніе и организація. Сборникъ статей подъ редакціей Б. Е. Райкова. Спб., 1910.

Вопросу о школьныхъ экскурсіяхъ посвященъ второй томъ «Педагогическаго Ежегодника», издаваемаго при С.-Петербургскомъ Лѣсномъ коммерческомъ училищѣ.

Это большой (около 600 стр.) томъ, включающій въ себѣ, кромѣ отчета названнаго училища, сборникъ статей, трактующихъ какъ объ общемъ значеніи экскурсіоннаго дѣла въ педагогической практикѣ, такъ и о деталяхъ его, очень цѣнныхъ въ качествѣ руководства для учрежденій и лицъ, которыя пожелали бы обратиться къ этому новому и плодотворному методу въ дѣлѣ обученія и воспитанія. Школьныя экскурсіи—явленіе новое и у насъ, на русской

почвѣ, принявшее самыя разнообразныя формы. Года два назадъ всѣ газеты обошло сообщеніе объ экскурсіи гимназистовъ къ доктору Дубровину, устроенной директоромъ Орловской первой гимназіи. Патріотическій ли пламень, или другіе, менѣе возвышенные мотивы руководили смышленымъ педагогомъ,—опредѣленно не выяснено, но экскурсія была сдѣлана въ учебное время и отнесена къ разряду образовательныхъ. Въ послѣднее время входятъ въ учебный обиходъ экскурсіи иного сорта,—такъ называемыя «военныя прогулки». Не лишенъ назидательности, напримѣръ, отчетъ о трехдневномъ походѣ учениковъ одной изъ тифлисскихъ гимназій въ г. Кутаисъ, гдѣ гимназисты парадировали въ присутствіи высшихъ военныхъ и полицейскихъ властей, ходили церемоніальнымъ маршемъ, демонстрировали свои познанія въ поворотахъ, полуоборотахъ, осаживаніи, примыканіи, стойкѣ, отданіи чести и пр. Эта экскурсія, тоже происходившая въ учебное время, отнесена къ разряду воспитательныхъ... Разбираемый сборникъ, редактированный Б. Е. Райковымъ, трактуетъ не о такихъ экскурсіяхъ. Это—дѣйствительно образовательныя экскурсіи, изъ которыхъ могли бы почерпнуть много назидательнаго не только счастливые питомцы такой прекрасной школы, какъ Лѣсное коммерческое училище, но и люди зрѣлаго возраста,—мы къ таковымъ причислили бы, по крайней мѣрѣ, 99% преподавательскаго состава правительственныхъ среднихъ школъ. Такія статьи, какъ «Экскурсія въ дюны» (Дубянскаго), «Экскурсіи въ лѣсъ и школьный музей лѣса» (Морозова, Юницкаго), «На чемъ стоитъ Петербургъ?» (Райкова) даютъ много любопытныхъ свѣдѣній, совершенно невѣдомыхъ среднему образованному человѣку. Выясненію значенія школьныхъ экскурсій, какъ новаго метода обученія и воспитанія, посвящены двѣ первыхъ статьи сборника (А. Закса «Веденіе экскурсій» и вступительная—«Образовательныя экскурсіи»). Здѣсь, пожалуй, съ чрезмѣрно щедрой обстоятельностью доказывается плодотворное значеніе экскурсіоннаго дѣла. Огромная важность этого новаго теченія въ педагогической области сама по себѣ очевидна. Наглядность преподаванія, опытъ, въ особенности такой, какъ введеніе учащихся въ жизнь, при содѣйствіи школы,—«рекогносцировка въ жизнь»,—цѣнны не только какъ коррективъ къ школьной дидактикѣ, но и сами по себѣ, какъ могучее образовательное и воспитательное средство. Совершенно правильно указаніе одного изъ авторовъ сборника (А. Закса), что экскурсирующій отрядъ превращается какъ бы въ небольшую школу, работа которой протекаетъ почти въ идеальной обстановкѣ ученія и воспитанія. Въ дѣлѣ пріобрѣтенія навыковъ, умѣній, развитія наблюдательности, правильности и точности воспріятія, сообразительности, осязанія окружающихъ явленій,—экскурсіи съ ихъ поучительнымъ опытомъ несравненное средство.

И не для одних питомцевъ школы, но и для педагоговъ-руко-

водителей это средство драгоцѣнно въ воспитательномъ и образовательномъ смыслѣ. Возможность ближе стать къ учащимся, присмотрѣться болѣе пристально къ индивидуальностямъ, открыть такія стороны психики, которыя при классномъ знакомствѣ ускользаютъ изъ вниманія,—доступна лишь при условіи внѣкласснаго совмѣстнаго пребыванія и работы вмѣстѣ съ дѣтьми. Работа же эта требуетъ не малой предварительной подготовки, продуманности и огромнаго терпѣнія и такта: все-таки дѣти—не ангелы, а при нашей россійской некультурности возможны сюрпризы не только отъ недостаточной самодисциплины учащихся, но и съ другой стороны. Вполнѣ правильна, между прочимъ, мысль одного изъ авторовъ сборника, что экскурсіи помимо прочаго значенія ихъ, являются и экзаменомъ всей учебно-воспитательной дѣятельности. Не всякая наша школа выдержитъ этотъ экзаменъ.

Сборникъ Лѣсного коммерческаго училища можно смѣло рекомендовать всѣмъ, кто интересуется образовательными экскурсіями. Въ русской литературѣ это самая обстоятельная работа по данному вопросу. Въ дальнѣйшихъ изданіяхъ книги,—они, несомнѣнно, потребуются,—желательно бы видѣть хотя не большія извлеченія изъ отчетовъ объ экскурсіяхъ, изъ дневниковъ и т. п.,—матеріалъ сырой, но очень поучительный и цѣнный въ смыслѣ живого, непосредственнаго показанія относительно степени и широты интереса экскурсантовъ къ тѣмъ сторонамъ жизни, съ которыми имъ пришлось войти въ соприкосновеніе во время образовательнаго путешествія.

Н. Макаровъ. Крестьянское кооперативное движеніе въ Западной Сибири. Съ предисловіемъ проф. Н. А. Каблукова. М. 1910. Ц. 1 р. 30 к.

Заглавіе книги г. Макарова нѣсколько шире ея содержанія. Авторъ занимается исключительно маслодѣльной коопераціей—единственнымъ до сихъ поръ замѣтнымъ проявленіемъ производственной крестьянской коопераціи въ Сибири. Въ книгѣ использованъ обширный фактическій матеріалъ, характеризующій какъ размѣры завоеваній, сдѣланныхъ коопераціей, такъ и условія ея возникновенія и роста. Въ первыхъ главахъ авторъ довольно подробно останавливается на изслѣдованіи докооперативнаго маслодѣлія въ Сибири, а также на общихъ условіяхъ хозяйства западносибирскихъ крестьянъ; этимъ выясняется та матеріальная, экономическая почва, на которой возникла кооперація. Затѣмъ авторъ изслѣдуетъ вліяніе прочихъ, общественныхъ и субъективныхъ, условій и, въ частности, пытается учесть роль общины въ развитіи маслодѣльныхъ артелей. Изложивъ самый процессъ зарожденія и роста коопераціи, авторъ выясняетъ ея положеніе по отношенію къ техникѣ, кредиту, капиталу и рынку и, наконецъ, обрисовываетъ самый составъ сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей. Уже одна чисто

информаціонная сторона способна придать книгѣ г. Макарова большую цѣнность и интересъ.

Но этой стороною не ограничиваются ни содержаніе книги, ни цѣли автора. Г. Макаровъ поставилъ себѣ не только «индивидуально-историческую», но и «общетеоретическую» задачу. Съ точки зрѣнія автора, его изслѣдованіе крестьянской маслодѣльной коопераціи въ Сибири «является одновременно и общимъ разсмотрѣніемъ явленій современной экономической жизни, воплощающихся въ индивидуальныхъ фактахъ». Столь широкая постановка вопроса способна еще болѣе усилить интересъ къ работѣ г. Макарова,—тѣмъ болѣе, что такая общетеоретическая точка зрѣнія обыкновенно не свойственна подобнаго рода монографіямъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы автору удалось удержаться на такой точкѣ зрѣнія на всемъ протяженіи его работы. Изученію сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей предшествуютъ широкія теоретическія предпосылки. Но разсмотрѣнный матеріалъ не послужилъ автору основаніемъ для общихъ выводовъ по теоріи коопераціи.

Можно было бы указать и нѣкоторые недочеты въ самомъ изслѣдованіи сибирскихъ артелей. *Вполнѣ* цѣльной и законченной картины тѣхъ отношеній, на почвѣ которыхъ возникла и развивается данная кооперація, автору все таки создать не удалось: такъ, онъ недостаточно выяснилъ размѣры крестьянскаго хозяйства въ данномъ районѣ, характеръ его соціальнаго строенія, степень его дифференціаціи,—а особенно докооперативное состояніе скотоводства. Впрочемъ, виною этому является въ значительной степени и недостатокъ матеріаловъ. Говоря о вліяніи общины на развитіе коопераціи, г. Макаровъ недостаточно отчетливо подчеркиваетъ особый характеръ публично-принудительныхъ общинныхъ организацій, въ отличіе отъ собственно кооперативныхъ, частно-правовыхъ свободныхъ союзовъ; это отразилось и на его выводахъ по данному пункту. Надо отмѣтить также встрѣчающееся иногда отсутствіе ссылокъ и точныхъ указаній, къ какому именно мѣсту и времени относятся приводимыя данныя. Все сказанное, однако, ни ни сколько не мѣшаетъ работѣ г. Макарова быть въ высокой степени цѣнной, какъ по собранному имъ матеріалу, такъ и по интересной его разработкѣ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. „Мусагетъ". М. 1910.—***Эллисъ***. Русскіе символисты. К. Бальмонтъ, В. Брюсовъ, Андр. Бѣлый. Ц. 2 р.—***Рейсбрунъ Удивительный***. Одѣяніе духовнаго брака. Ц. 2 р.—***Андр. Бѣлый***. Лугъ зеленый. Ц. 1 р. — ***Юрій Сидоровъ***. Стихотворенія. Ц. 1 р.—***Ш. Бодлеръ***. Стихотворенія въ прозѣ. Ц. 1 р.

Изд. О. Богдановой. Спб. 1910.— ***В. А. Волковичъ***. Другъ человѣчества Н. И. Пироговъ. Ц. 40 к.—***Габр. Компейре***. Отрочество, его психологія и педагогика. Ц. 50 к.—***Эд. Клапаредъ***. Психологія ребенка и экспериментальная педагогика. Пер. подъ ред. Д. Кацарова. Ц. 1 р.—***Руд. Пенцигъ***. Серьезные отвѣты на дѣтскіе вопросы. Пер. Л. А. Гурладій-Васильевой. Ц. 1 р. 25 к.—***А. Мессеръ***. Введеніе въ теорію познанія. Пер. А. Франковскаго подъ ред. С. Грузенберга. **Ц. 1 р.**

Изд. „Польза" В. Антикъ и К°. М. 1910.—Педагогическая кадемія подъ ред. проф. А. П. Нечаева. Очеркъ исторіи народнаго образованія въ Россіи до эпохи реформъ Александра II. Сост. С. Князьковъ и Н. Сербовъ подъ ред. пр. С. Рождественскаго.

Изд. Акц. О-ва Типогр. Дѣла. Спб. 1910.—***В. Бѣлинскій***. Избранныя сочиненія: Н. В. Гоголь. Ц. 10 к. А. С. Пушкинъ. Ц. 20 к. М. Ю. Лермонтовъ. Ц. 20 к. О поэзіи. Ц. 10 к. Русская литература отъ Ломоносова до Пушкина. Ц. 10 к. Новая русская литература. Ц. 10 к.—***Ник. Ленау***. Избр. стихотв. Ц. 10 к.—Проф. ***П. Кудрявцевъ***. Римскія женщины. Ц. 10 к.—Основные государственные законы. Ц. 20 к.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1910.— ***Полина Кергомаръ***. Дошкольное воспитаніе и дѣтскіе сады во Франціи. Пер. подъ ред. Н. Чехова. Ц. 50 к.— ***Ал. Заборскій***. Наши писатели для учительскихъ семинарій. Ц. 40 к.— ***А. Н. Любимовъ***. Этимологія русскаго языка для не русскихъ. Ц. 40 к.— ***Н. И. Фальевъ***. Учебникъ законовѣдѣнія. Ц. 1 р. 60 к. —***С. И. Бондаревъ***. Какъ строятся и рѣшаются задачи. Ц. 25 к.—Народная энциклопедія. Т. IV. Сельское хозяйство. 1-й полутомъ животноводство и 2-й полут. земледѣліе.—***Б. Шоу***. Полн. собр. соч. Т. VI. Волокита. Ц. 1 р.—Т. VII. Соціалистъ-мыслитель. Ц. 1 р.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1910. — Альманахъ. Книга XIII. Ц. 1 р. 25 к — ***Г. Д'Аннунціо***. Собр. соч. Т. VI. Факелъ подъ спудомъ. Трагедія. Пер. В. Воровскаго. Больше чѣмъ любовь. Соврем. трагедія. Пер. З. Журавской. Ц. 1 р. 25 к.—***Гербертъ Дж. Уэллсъ***. Собр. соч. Т. 10. Невидимка. Пер. Д. Вайса. Богъ динамо. Афера со страусами. Пер. В. Засуличъ. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. „Атенеумъ". М. 1910.—***Матильда Серао***. Собр. соч. Т. I. Волосы Самсона. Романъ. Пер. I. Маевскаго Ц. 1 р.—***Джекъ Лондонъ***. Собр. соч. Т. I. Бѣлое безмолвіе. Пер. I. Маевскаго. Ц. 80 к.

Изд. „Общественной Пользы". Спб. 1910.—Здоровый столъ. Руководство къ приготовленію кушаній и діэтетикѣ при здоровомъ и болѣзненномъ состояніи. Подъ ред. П. Кащенко. Ц. 3 р. ***И. Шипперъ***. Возникновенія капитализма у евреевъ З. Европы. Пер. М. Вишницеръ. Ц. 50 к.—***К. Бестужевъ-Рюминъ***. О крещеніи Руси, о Владимірѣ св. и монастырѣ Печерскомъ. 11-е изд. Ц. 10 к.

Изд. „Современныя проблемы". М. 1910.—***Вл. Реймонтъ***. Собр. соч. Т. I. Мужики. Ч. I и II. Пер. М. Троповской. Ц. 1 р. 50 к.—***Ген. Маннъ***. Полн. собр. соч. т. V. Въ погонѣ за любовью. Пер. В. Фриче. Ц. 1 р. 50 к.—***Густавъ афъ Гейерстамъ*** Полное собр. соч. Т. VI. Трагедія одной жизни. Пер. Е. Торнеусъ. Ц. 1 р. — ***Шоломъ Алейхемъ***. Собр. соч. Т. III. Маленькіе люди. Пер. Ю. Пинуса. Ц. 1 р.

Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1910.—***Н. Н. Фирсовъ***. Имп. Александръ I и его душевная драма. Ц. 35 к.—***В. Граціановъ***. Какъ освобождаются животныя изъ подъ власти среды. Ц. 35 к.—***Вл. Вагнеръ***. Біологическія основанія сравнительной психологіи. Т. I. Ц. 3 р.—***Вл. Семеновъ***. Бой при Цусимѣ. Изд. 3-е. Ц. 60 к.

Изд. М. М. Стасюлевичъ. Спб. 1910.— ***Н. Грабовскій.*** „Долой матеріализмъ". Критика эмпиріокритичной критики. Ц. 1 р. 40 к.—Полное собраніе басенъ И. А. Крылова. Ц. 40 к.— ***Вальтеръ Безантъ.*** Два пути. Передѣл. съ англ. А. Н. Антонов й. 2-е изд. Ц. 40 к.

Изд. „Сфинксъ". М. 1910.—***Бласко Ибаньесъ.*** Полн. собр. соч. Т. III. Новеллы. Пер. А. Вольтера. Ц. 1 р.— ***Рашильдъ.*** За предѣлами природы. Пер. Л. Грекъ. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. „Звено". М. 1910. — ***К. Лемонье.*** Собр. соч. Т. IV. Конецъ буржуа. Ц. 1 р. 60 к.

Изд. „Освобожденіе". Спб. 1910.— ***А. Свирскій.*** Разсказы. Т. II. Ц. 1 р. 25 к.

Изд. «Скорпіонъ». М. 1910.—***Валерій Брюсовъ.*** Земная ось. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

П. А. Травинъ. Крестный путь. Разсказы. М. 1910. Ц. 1 р.

А. Луговой. Дѣвичье поле. Ц. 1 р.—***Его же.*** Сказка жизни. Спб. 1910. Ц. 30 к.

Ив. Рукавишниковъ. Сны. Книга VII. Спб. 1910. Ц. 80 к.

И. Эренбургъ. Стихи. Парижъ. 1910. Ц. 50 к.

Н. Главуновъ. Комедіи, шутки. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Вас. Горемыка Стихотворенія. Спб. 1910. Ц. 75 к.

В. Буснахъ. Своими силами. Повѣсть. Спб. 1910. Ц. 35 к.

Бар. М. Ливенъ. Цезарь Борджіо. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Б. Грінченко. Серед темноі ночі. Повість. Ц. 75 к.—***Его же.*** Під тихими вербами. Повість. Київ. Ц. 85 к.

Сер. Аляккринскій. Цѣпи огней. М. 1911. Ц. 50 к.

Евг. Мазепинъ. Повѣсти и разсказы. Кадниковъ. 1910. Ц. 1 р.

Вл. Кульчицкій. Разбитая арфа. Книга стиховъ. Ярославль. 1910. Ц. 50 к.

Вяч. Артемьевъ. Стѣны и другіе разсказы. Кн-во „Гонгъ". Ц. 1 р.

Е. Кировъ. Картины жизни. Посвящается свѣтлой памяти В. Ф. Коммисаржевской. Ц. 30 к.

Земля. Сборникъ четвертый. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Словарь литературныхъ типовъ. В. VI. Грибоѣдовъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

М. Я. Алавердянцъ. Тесть А. С. Грибоѣдова—кн. Ал. Чавчавадзе. Спб. 1910.

З. Венгерова. Литературныя характеристики. Кн. III. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Общая исторія философіи В. Вунда, Г. Ольденберга, И. Гольдціэра, В. Грубе, Тетуджиро Инуйе, Г. фонъ-Арнима, К. Бэймкера, В. Виндельбанда. Т. I. Пер. И. Постмана и I. Яшунскаго подъ ред. проф. А. Введенскаго и Э. Радлова. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Платонъ. Пиръ. Бесѣды о любви. Пер. И. Городецкаго. Изд. 2-е. М. Ц. 65 к.

Ѳ. Е. Мельниковъ. Испытанія о побѣдѣ церкви Христовой. М. 1910. Ц. 30 к.—***Его же.*** Талантливый изслѣдователь раскола (членъ Гос. Сов.), проф. протоіерей Т. Буткевичъ. М. 1910. Ц. 75 к.

А. С. Панкратовъ. Ищущіе Бога. Очерки соврем. религіозн. исканій и настроеній. М. 1911. Ц. 1 р.

И. Галантъ. Черты еврейской осѣдлости. Кіевъ. 1910.

П. Чижевскій. Всеобщее обученіе и земство. Изд. Лиги Образованія. Спб. 1910. Ц. 1 р.

С. Н. Игумновъ. Земская медицина и народничество. Рѣчь на XI Пироговск. съѣздѣ.

В. П. Кравновъ. д-ръ мед. Заразные факторы людского злополучія. 1910. Ц. 2 р. 75 к.

А. Розановъ Армія и толпа. Варш. 1910. Ц. 75 к.

Б. И. Пятницкій. Половыя извращенія и уголовное право. Съ пред. пр.-доц. М. Н. Гернета. Могил. 1910. Ц. 80 к.

А. В. Красинъ. Крестьянскій банкъ и его дѣятельность съ 1883 по 1905 г. Юрьевъ. Ц. 1 р.

Е. П. Радинъ. д-ръ. Проблема пола и больные нервы. Спб. 1910. Ц. 40 к.

М. Горбатовъ. Къ вопросу объ инородцахъ. Спб. Ц. 60 к.

П. Сергѣичъ. Искусство рѣчи на судѣ. Спб. 1910. Ц. 3 р.

П. П. Инфантьевъ. Путешествіе въ страну вогуловъ. Спб. 1910. Ц. 60 к.

И. П. Сысоевъ народн. учитель. Путешествіе въ Америку. М. 1910. Ц. 30 к.

Атрпетъ. Бабизмъ и бехаизмъ. Опытъ научно-религ. изслѣдованія. Тифлисъ. 1910. Ц. 60 к.

А. Ѳ. Быковъ. Разсказы изъ исторіи Италіи XIX в. М. 1910. Ц. 50 к.

Н. Н. Козьминъ. Очерки прошлаго и настоящаго Сибири. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Алексѣй Рафаловичъ. Желателенъ-ли подоходный налогъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Гартъ. Почему зашаталась Россія.

Бывшая русская правда и будущая. Спб. 1910. Ц. 1 р 25 к.

В. П. Дроздовъ. Крестьянскіе законы. В. I. Права крестьянъ на землю. Ц. 10 к.

Библіотека журнала „Хуторянинъ". Полтава. 1910—*С. Третьяковъ и К. Вербицкій*. Главн. выводы Полтавск. опытнаго поля 1884—1909 г. Вып. I. Ц. 10 к.—Крестьянскій банкъ. Ц. 15 к.—Второй сборникъ сельскохоз. статей. Ц. 25 к.

Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1910.—*Г. Григорьевъ*. Курсъ физики. Ч. I. Ц. 1 р. 60 к.

Фр. Содди. Радій. 11 обществ. лекцій. Пер. Н. Шилова. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Географическій словарь Россіи. Сост. I. Лурье подъ ред. Д. И. Рихтера. В. V. Спб. 1910.

Отчетъ по геологическому изслѣдованію фосфористыхъ залежей. Подъ ред. проф. Я. Самойлова. В. 2. М. 1910.

Н. Кабановъ. Очерки по физіологіи здоров. и больного человѣч. организма. М. Ц. 2 р. 40 к.

Э. Кневенагель. Руководство къ практич. занятіямъ по качественному анализу и неорган. химіи. Пер. Н. Глинка подъ ред. проф. Н. Д. Зелинскаго. М. 1910. Ц. 2 р. 25 к.

П. А. Горскій. Къ характеристикѣ физическаго развитія населенія Бобруйскаго уѣзда Минской губ. Спб. 1910.

Г. Панюринъ. Для дѣтей. Разсказы и сказки. Харьковъ. 1910. Ц. 50 к.

Н. Тулуповъ и *П. Шестаковъ*. Чему учатъ въ народной школѣ на Западѣ. М. 1910. Ц. 75 к.

Д. Е. Любченко. Геометрическое черченіе. Альбомъ чертежей въ 2-хъ частяхъ. М. 1911. Ц. 1 р.

Е. А. Соловьевъ. Берегите здоровье дѣтей. Нѣсколько полезныхъ совѣтовъ для каждой семьи. Подъ ред. врача П. Поморцева. М. 1910.

Труды перваго всероссійскаго съѣзда учителей. Подъ ред. П. А. Самсонова и Г. Тулима. Т. II. Ч. 1-ая Спб. 1910 Ц. 2 р.

А. М. Лаурсонъ. Справочная книга для учебныхъ заведеній и учрежденій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1911. Ц. 6 р. 50 к.

Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губ. за 1909 г. Изд. Уфимской Губ. Зем. Упр. 1910.

Ежегодникъ Тобольскаго Губ. Музея. Годъ XVI. В. XVIII. Тобольскъ. 1910.

Bibliotheca Russica. Сочиненія о Россіи на иностранныхъ языкахъ. Антикварный каталогъ № 68. Н. Киммель. Книжн. магазинъ и антикварная торговля въ Ригѣ. 1910. Рига.

Aylmer Maude. The Life of Tolstoy laters years. London. 1910.

Памяти С. А. Муромцева.

Въ лицѣ С. А. Муромцева русское общество схоронило крупнаго человѣка и крупнаго дѣятеля. Много можно говорить о немъ. Но сейчасъ, въ виду его свѣжей могилы, мнѣ хотѣлось бы, не претендуя на полную характеристику покойнаго, напомнить лишь нѣкоторыя черты его духовной личности.

Въ теченіе ряда лѣтъ мнѣ не разъ приходилось встрѣчаться съ С. А. Муромцевымъ. Не особенно часты и не особенно продолжительны были эти встрѣчи, и тѣмъ не менѣе онѣ оставили во мнѣ совершенно опредѣленное впечатлѣніе. И, пожалуй, наиболѣе глубокое впечатлѣніе осталось у меня отъ самыхъ первыхъ встрѣчъ.

Впервые мнѣ довелось познакомиться съ С. А. Муромцевымъ

болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Я незадолго передъ тѣмъ окончилъ курсъ въ университетѣ, ѣхалъ на югъ для надуманной мною большой архивной работы и, остановившись на нѣсколько дней въ Москвѣ, зашелъ съ рекомендательнымъ письмомъ одного изъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ къ Муромцеву, который уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ уволенъ изъ числа профессоровъ московскаго университета. Наша бесѣда была не особенно продолжительна, и все же я ясно увидѣлъ въ своемъ собесѣдникѣ крупнаго ученаго, легко и свободно разбирающагося въ научныхъ проблемахъ, даже сравнительно далеко отстоящихъ отъ сферы его спеціальныхъ занятій. А вмѣстѣ съ тѣмъ эта бесѣда дала мнѣ и другое впечатлѣніе. Я былъ тогда молодъ и имѣлъ очень мало опыта въ искусствѣ распознавать людей и угадывать ихъ душевныя движенія. И тѣмъ не менѣе въ немногихъ замѣчаніяхъ, какими мы обмѣнялись по поводу петербургскаго университета, его аудиторій и профессоровъ, я за спокойнымъ тономъ Муромцева, за его неторопливой, увѣренной и властной рѣчью ясно почувствовалъ скрытую печаль о профессорской каѳедрѣ. И я помню,—когда я вышелъ отъ Муромцева, къ чувству свѣтлой радости, такъ ярко вспыхивающей въ молодости при встрѣчѣ съ крупнымъ человѣкомъ, у меня примѣшивалась грусть, порожденная сознаніемъ, что силы этого человѣка остаются неиспользованными.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и я могъ провѣрить свое наблюденіе. Я былъ тогда преподавателемъ въ старшихъ классахъ Александровскаго лицея. Въ немъ освободилась каѳедра гражданскаго права и ее предложили С. А. Муромцеву: лицейская администрація была независима отъ министерства народнаго просвѣщенія и держала себя съ большею смѣлостью. И Муромцевъ, бывшій тогда крупнымъ адвокатомъ, виднымъ литераторомъ, человѣкомъ, занятымъ разнообразной общественной дѣятельностью, охотно принялъ обращенное къ нему предложеніе. Съ тѣхъ поръ онъ въ теченіе ряда лѣтъ аккуратно ѣздилъ разъ въ недѣлю изъ Москвы, гдѣ онъ постоянно жилъ, въ Петербургъ, проводя во время учебнаго сезона двѣ ночи въ недѣлю въ вагонѣ, чтобы читать лекціи передъ небольшой аудиторіей въ 30-40 человѣкъ, при томъ аудиторіей закрытаго учебнаго заведенія. Такъ сильно было стремленіе Муромцева къ профессорской каѳедрѣ, такъ велика была его жажда дѣлиться плодами своей научной работы, входить въ живое общеніе съ учащейся молодежью и пріобщать ее къ процессу научнаго мышленія.

По складу своего ума, по основнымъ своимъ стремленіямъ С. А. Муромцевъ былъ, дѣйствительно, прежде всего ученымъ и профессоромъ. Въ своей общественной дѣятельности онъ являлся прежде всего культурнымъ работникомъ. Но на этомъ онъ не остановился и жизнь его сложилась такъ, что не эти его заслуги

являются сейчасъ наиболѣе памятными, У насъ, да и не только у насъ, часто видятъ рѣзкую грань, чуть ли не пропасть, между такъ называемой культурной работой, въ частности научной, и политической дѣятельностью. Въ дѣйствительности такая пропасть едва-ли существуетъ. Во всякомъ случаѣ, когда культурная работа направляется глубокимъ умомъ и согрѣвается горячимъ сердцемъ, она почти неизбѣжно переходитъ въ политическую дѣятельность. У Муромцева были на лицо эти условія и къ своей культурной работѣ онъ рано присоединилъ политическую проповѣдь, политическую пропаганду. Эта пропаганда по всѣмъ условіямъ его жизни велась въ не особенно широкихъ предѣлахъ, не была она, благодаря характеру Муромцева, и особенно страстной, но она была неустанной и въ этомъ была ея сила. Благодаря ей за Муромцевымъ въ разнообразныхъ кругахъ, среди которыхъ онъ велъ свою работу, твердо упрочилась репутація стойкаго и убѣжденнаго прогрессиста, и не случайнымъ явился его выборъ сперва въ члены первой Государственной Думы, а затѣмъ на мѣсто предсѣдателя этой первой Думы,—то мѣсто, которое теперь осталось навсегда неразрывно связаннымъ съ его памятью.

Для того, чтобы говорить о роли Муромцева, какъ предсѣдателя первой Думы, надо припомнить ту обстановку, въ которой совершалась тогда его работа, вспомнить тотъ фонъ, на которомъ выдѣлялась его фигура. Созывъ первой Думы состоялся въ такой моментъ, когда въ странѣ еще продолжалась великая борьба, когда волны разбушевавшагося народнаго движенія еще не улеглись, но и аттакуемая этимъ движеніемъ историческая власть не собиралась отступать съ главныхъ своихъ позицій. Однако значительная часть русскаго общества приняла созывъ Думы, какъ полную побѣду, какъ окончательное провозглашеніе конституціи, за которымъ должно послѣдовать лишь внѣдреніе и упроченіе ея. Съ такимъ настроеніемъ совершались выборы, съ такимъ настроеніемъ вошла и въ Думу наиболѣе значительная группа ея членовъ. С. А. Муромцевъ принадлежалъ къ этой группѣ и раздѣлялъ ея настроеніе, и теперь его политическіе товарищи вспоминаютъ, что, будучи глубоко убѣжденъ въ роли первой русской Думы, какъ перваго русскаго парламента, онъ послѣдніе дни передъ открытіемъ думскихъ засѣданій посвятилъ энергичной работѣ надъ подготовкою думскаго наказа.

Скоро, однако, выяснилось, что Дума вовсе не является парламентомъ, что за нею не признано никакихъ правъ и не имѣется никакой силы. И это выяснялось тѣмъ съ большею наглядностью, чѣмъ увѣреннѣе сама Дума становилась на чисто парламентскую почву. Дума въ своемъ адресѣ намѣтила рядъ необходимыхъ по ея мнѣнію для страны коренныхъ реформъ,—правительство отвѣтило, что часть этихъ реформъ не входитъ въ компетенцію Думы,

часть несвоевременна, а часть «безусловно недопустима». Съ своей стороны, оно предложило Думѣ заняться вопросомъ объ оранжереяхъ и прачешныхъ въ Юрьевскомъ университетѣ. Дума торжественно выразила министерству свое недовѣріе, — министерство выслушало и спокойно осталось на своихъ мѣстахъ. Дума предъявляла министрамъ рядъ запросовъ по поводу незаконныхъ дѣйствій органовъ власти, по поводу практикуемой ими провокаціи, по поводу избіеній, заточеній въ тюрьмы и казней, — министры невозмутимо отвѣчали, что не видятъ въ инкриминируемыхъ дѣйствіяхъ ничего незакономѣрнаго. Дума приступила къ выработкѣ законопроектовъ, но уже скоро стало ясно, что эти законопроекты не имѣютъ никакихъ шансовъ на осуществленіе. А по мѣрѣ того, какъ шло впередъ въ Думѣ обсужденіе аграрнаго вопроса, стало выясняться и другое, что существованіе самой Думы непрочно, что ей грозитъ тяжелый и окончательный ударъ. Вскорѣ этотъ ударъ и разразился—когда Дума попыталась заявить населенію, что земельный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ помимо нея, и указать принципы, принятые ею для рѣшенія этого вопроса, она была распущена. Недолго такимъ образомъ длилось существованіе первой Думы, но за это недолгое время многое пришлось пережить и, въ частности, многое, несомнѣнно, пришлось пережить ея предсѣдателю.

Жизнь часто шутитъ съ людьми жестокія шутки. Жестокую шутку сшутила она и съ Муромцевымъ. Послѣ его смерти въ газетахъ съ его словъ разсказывали, что еще тогда, когда онъ былъ студентомъ, одинъ изъ его товарищей по университету, Муравьевъ, впослѣдствіи ставшій министромъ юстиціи, въ юношеской шуткѣ намѣчалъ въ будущемъ для себя постъ министра юстиціи, для Муромцева — мѣсто предсѣдателя русскаго парламента. Судя по этому эпизоду, близкіе товарищи уже въ ранней юности догадывались о томъ, какія гордыя и благородныя мечты таятся въ замкнутой душѣ Муромцева. Завѣтныя мечты юности сбылись: на склонѣ лѣтъ С. А. Муромцевъ сталъ предсѣдателемъ русскаго парламента. Но парламентъ то этотъ оказался «парламентомъ въ участкѣ», и участокъ съѣлъ парламентъ. Напрасно та группа членовъ первой Думы, къ которой принадлежалъ Муромцевъ, и прежде всего онъ самъ старались внѣшнимъ образомъ придать думской работѣ строго парламентскій характеръ и тѣмъ самымъ обратить ее въ работу парламента. Со стороны, для лицъ, не отдавшихъ себя во власть иллюзій, безплодность этихъ усилій была ясна и тогда, тѣмъ яснѣе она теперь. Внѣшность не могла дать содержанія, первая Дума не стала парламентомъ и, когда мы теперь вспоминаемъ объ оставленномъ ею наслѣдіи, для насъ на первомъ планѣ стоятъ, конечно, не привитіе парламентскихъ нравовъ и не выработка думскаго наказа.

Первая Дума не сдѣлалась парламентомъ, не стала центромъ силы и власти въ государствѣ. Ей досталась въ связи съ условіями ея возникновенія другая роль, она стала мѣстомъ, въ которое стекались народныя жалобы и народныя требованія—жалобы народа на его настоящую жизнь, требованія, которыя онъ предъявлялъ къ жизни въ будущемъ. Стекаясь въ Думу, эти жалобы и требованія находили себѣ здѣсь болѣе или менѣе точную формулировку въ горячихъ рѣчахъ думскихъ ораторовъ, рѣчахъ, расходившихся по странѣ и въ свою очередь вызывавшихъ дальнѣйшіе отклики, дальнѣйшій ростъ народнаго самосознанія. Эта дѣятельность первой Думы нерѣдко вызывала осужденіе, нерѣдко получала пренебрежительное названіе «митинговой», но въ сложившихся условіяхъ именно она пріобрѣла въ сущности наиболѣе серьезное значеніе, явилась наиболѣе плодотворной, такъ какъ и вся работа Думы свелась въ концѣ концовъ къ пропагандѣ на почвѣ выдвинутыхъ жизнью политическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Не имѣя никакихъ реальныхъ правъ, не будучи въ состояніи воздѣйствовать на правительство, провести новые законы и осуществить сколько-нибудь серьезныя измѣненія въ государственномъ механизмѣ и въ порядкахъ народной жизни, Дума, по крайней мѣрѣ, формулировала указанія на наиболѣе крупные недочеты существующаго порядка и на средства къ ихъ устраненію. И эта сторона дѣятельности первой Думы была въ свою очередь тѣсно связана съ личностью предсѣдателя Думы.

За время своего предсѣдательствованія С. А. Муромцевъ нерѣдко останавливалъ думскихъ ораторовъ и дѣлалъ имъ замѣчанія, указывая на недопустимость той или иной рѣзкой фразы. Но къ этимъ замѣчаніямъ онъ неизмѣнно добавлялъ, что недопустимы въ стѣнахъ Думы только рѣзкія фразы, а «рѣзкая мысль всегда допустима». Для него, убѣжденнаго и послѣдовательнаго конституціоналиста, являлось непререкаемой истиной, что ни одно чувство, ни одно мнѣніе, принесенное изъ глубинъ народной жизни въ представительное учрежденіе, не должно затеряться въ послѣднемъ, что всякому мнѣнію должна быть предоставлена свобода выраженія. И, оставаясь самъ человѣкомъ сравнительно умѣренныхъ либеральныхъ взглядовъ, онъ дѣятельно поддерживалъ и охранялъ свободу мнѣній въ стѣнахъ первой Думы, тѣмъ самымъ облегчая и налаживая работу послѣдней. Благодаря ему думская работа получала большую стройность и большую опредѣленность, а тѣ желанія и требованія, которыя заявлялись въ Думѣ и черезъ ея посредство, звучали съ полной ясностью. Но, направляя свои усилія въ эту сторону, онъ не ограничивался лишь своею оффиціальною ролью въ думскихъ засѣданіяхъ. Судя по отзывамъ лицъ, принадлежавшихъ къ различнымъ группамъ депутатовъ первой Думы, Муромцевъ принималъ видное участіе и въ той внутренней, организатор-

ской работѣ Думы, которая предшествовала думскимъ выступленіямъ, имѣвшимъ своею цѣлью организацію народнаго мнѣнія.

И къ этому надо присоединить еще одну симпатичную и привлекательную черту въ обликѣ Муромцева, какъ предсѣдателя Думы. Для того, чтобы точнѣе охарактеризовать эту черту, я позволю себѣ напомнить слова самого Муромцева, сказанныя имъ въ рѣчи, произнесенной во время выборгскаго процесса. «Намъ говорятъ,— сказалъ онъ, между прочимъ, въ этой рѣчи, отвѣчая прокурору, рѣшившемуся упрекнуть лицъ, подписавшихъ выборгское воззваніе, въ отсутствіи патріотизма,—что въ минуту опасности всѣ партіи должны соединиться противъ общаго врага, что въ минуту опасности нужно пойти рука объ руку съ правительствомъ... Намъ повторяютъ, что при наступленіи врага—всѣ партіи соединяются, что на Западѣ даже соціалъ-демократы слѣдуютъ этому примѣру противъ врага. Но кто же въ данномъ случаѣ считается врагомъ? Вѣдь партіи соединяются, когда наступаетъ внѣшній врагъ, когда чужестранецъ наступаетъ на страну, когда нужно спасать страну отъ нашествія. Но развѣ свой народъ можетъ быть врагомъ? Народъ можетъ быть врагомъ правительства? Народъ можетъ быть врагомъ партій? Можетъ быть врагомъ кого бы то ни было? Развѣ возможно такое отношеніе къ народу? Такія воззрѣнія возвращаютъ насъ въ средніе вѣка, когда населеніе государства дѣлилось на завоевателей и завоеванныхъ и когда, дѣйствительно, правительство, состоявшее изъ завоевателей, смотрѣло на населеніе, какъ на врага. Но развѣ теперь кто-нибудь—будь онъ той или другой партіи, того или другого сословія—крестьянинъ или дворянинъ, развѣ можетъ такъ смотрѣть на свой народъ? Господа судьи, вамъ называютъ рекомендуемое воззрѣніе патріотическимъ! Нѣтъ, это не патріотическая точка зрѣнія, и нѣтъ словъ для того, чтобы протестовать всей душой противъ такого антигосударственнаго взгляда»...

Стенографическій отчетъ о выборгскомъ процессѣ отмѣчаетъ, что эти слова вызвали въ залѣ суда «общее движеніе». И это движеніе легко понять. Бываютъ въ жизни явленія, бываютъ дѣйствія, полныя такого глубокаго противорѣчія, что достаточно вскрыть ихъ внутреннюю сущность и совершенно опредѣленно назвать ихъ по имени, чтобы сами авторы и участники этихъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ на время, почувствовали себя неловко. Муромцевъ съ его яснымъ умомъ и строго послѣдовательной логикой сумѣлъ въ данномъ случаѣ какъ нельзя ярче вскрыть сущность одного изъ центральныхъ явленій современной русской жизни и выразить эту сущность въ спокойныхъ, но, пожалуй, тѣмъ болѣе убѣдительныхъ и тѣмъ больнѣе бьющихъ словахъ. И неудивительно, что даже среди судившихъ его судей поднялось движеніе, когда онъ заговорилъ о той враждѣ правительства съ собственнымъ народомъ, однимъ изъ проявленій—и сравнительно слабыхъ еще проявленій—которой былъ самый выборгскій процессъ.

Вражда, больше того—борьба правительства съ народомъ стала основнымъ фактомъ внутренней жизни Россіи. Муромцевъ учелъ этотъ фактъ и въ соотвѣтствіи съ нимъ точно опредѣлилъ свою собственную позицію. Свои силы онъ отдалъ на защиту народнаго дѣла, на защиту правъ народа на свободную жизнь. И въ этой защитѣ для него врагами являлись тѣ, которые стояли противъ правъ народа, союзниками—тѣ, кто отстаивалъ эти права. Самъ человѣкъ спокойнаго характера и сравнительно умѣренныхъ воззрѣній, онъ, не раздѣляя того, что представлялось ему «крайностями программъ лѣвыхъ партій», хорошо понималъ, однако, что народныя массы чувствуютъ себя ближе къ этимъ лѣвымъ партіямъ, рѣшительнѣе порывающимъ съ ненавистнымъ прошлымъ и энергичнѣе борющимся за желанное будущее, и это пониманіе не вызывало въ немъ припадковъ горечи. Далекій отъ радикализма, но строго послѣдовательный въ проведеніи своихъ взглядовъ либералъ-конституціоналистъ, онъ принадлежалъ къ той эпохѣ русскаго либерализма, когда послѣдній не зналъ для себя враговъ налѣво, когда онъ видѣлъ своихъ враговъ только направо отъ себя, въ станѣ попирающихъ народныя права. Эта особенность Муромцева нашла себѣ яркое отраженіе въ его дѣятельности въ качествѣ предсѣдателя первой Думы и во многомъ опредѣлила собою сыгранную имъ роль.

Значеніе этой роли ясно уже и теперь. Ясно и значеніе отдѣльныхъ ея сторонъ. Быть можетъ, и не такъ далекъ моментъ, когда намъ серьезно пригодится тотъ думскій наказъ, которымъ былъ такъ озабоченъ Муромцевъ передъ засѣданіями первой Думы, въ составленіи котораго онъ принималъ такое дѣятельное участіе. Но сейчасъ, въ виду недавно только засыпанной могилы почившаго дѣятеля, намъ незачѣмъ говорить о тѣхъ плодахъ его работы, которые могутъ еще сказаться современемъ, — мы можемъ говорить о тѣхъ серьезныхъ ея результатахъ, которые уже сказались въ настоящее время.

Жизнь шутитъ подчасъ жестокія шутки, но ничто, сдѣланное въ ней, не пропадаетъ безслѣдно. Тяжела и мрачна сейчасъ наша общественная жизнь. И, однако, не надо долго искать, чтобы найти прочный залогъ свѣтлаго будущаго. Стоитъ только оглянуться вокругъ, на необозримыя равнины Россіи, и спросить себя, сохранились ли на этихъ равнинахъ въ прежней незыблемости старыя, извѣчныя представленія о правахъ народа, старыя понятія объ исторической власти. Отвѣтъ на этотъ вопросъ есть только одинъ: старыя представленія и понятія потеряли свою незыблемость, они расшатаны и въ значительной мѣрѣ уступили свое мѣсто новымъ, болѣе согласованнымъ съ интересами народа. Но вѣдь тѣмъ самымъ въ великой борьбѣ сдѣланъ шагъ впередъ, шагъ навстрѣчу къ побѣдѣ. И пусть первая Дума не сдѣлала того, что она сама меч

тала сдѣлать,—для подготовки этого шага она во всякомъ случаѣ съ своей стороны поработала не мало, и дѣятельное участіе С. А. Муромцева въ этой работѣ навсегда вписало его имя въ лѣтописи освободительной борьбы русскаго народа.

В. Мякотинъ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ № 9 «Р. Б.» въ Разсказѣ Вл. Ѳаворскаго «Красный Уголекъ».

	Напечатано:	*Слѣдуетъ:*
Стр. 167, стр. 4 сверху	ручкой	рукой
Стр. 185, стр. 7 снизу	Обѣщалась?	Обидѣлась?

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

На покрытіе штрафа въ 1000 р., наложеннаго за № 4 „Русскаго Богатства": въ 1909 г.: отъ Е. Г. Киріако, изъ г. Задонска—1 р. 50 к.; отъ администр. ссыльнаго В. С.—1 р.; отъ Ан—ва—8 р.; отъ В. Бутурова—1 р.; отъ Горюшкинскихъ учительницъ—1 р. 50 к.; отъ подписчика К. Л.—1 р. 20 к.; отъ группы ссыльныхъ г. Кадникова—5 р.; отъ политич. ссыльныхъ г. Кеми—5 р.

Итого . . . 24 р. 20 к.

А всего съ прежде поступившими 401 р. 89 к.

Въ пользу вдовы Некрасова: отъ неизвѣстнаго—5 р.; отъ Р. И. Конфштейна—5 р.: отъ Неворотова Е. Ф.—3 р,; отъ Овчинникова А. И.—3 р.; отъ Кондратьева І. М.—2 р.; отъ Н. П.—2 р.; отъ Бѣлослѣдова Н. Н.—1 р.; отъ Крапивина В. П.—1 р.; отъ Мухлынина А. А.—1 р.; отъ Непоэта—1 р.; отъ NN.—1 р.; отъ Сонина И. В.—1 р„ отъ Анисомова—50 к.; отъ Шугаева—50 к.; отъ Маштакова Н. К.—50 к.; отъ Разумова С. Г.—50 к.

Итого . . . . . . 28 р.

Съ благотворительной цѣлью: отъ Закопанца—25 р.; отъ О. Виленской—10 р.; отъ Натана В. и Розы М. 17-го октября—3 р.

Итого . . . 38 р.

Письмо въ редакцію.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ въ 18 день прошлаго іюня, Высочайше соизволилъ разрѣшить Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи открыть всероссійскій сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе въ г. Симбирскѣ памятника писателю И. А. Гончарову. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ уже сдѣлано сношеніе съ министерствомъ финансовъ относительно пріема казначействами жертвуемыхъ суммъ для перевода таковыхъ въ распоряженіе Симбирской Архивной Коммиссіи.

Обращаясь къ Вамъ съ просьбою о напечатаніи настоящаго письма въ Вашемъ изданіи, я увѣренъ, что, сочувствуя задачѣ Архивной Коммиссіи увѣковѣчить память знаменитаго писателя сооруженіемъ ему памятника, Вы не откажитесь открыть сборъ пожертвованій при Вашей редакціи.

Предсѣдатель Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи гофмейстеръ Высочайшаго Двора

В. Поливановъ.

Редакторъ-издатель ***Вл. Г. Короленко.***

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

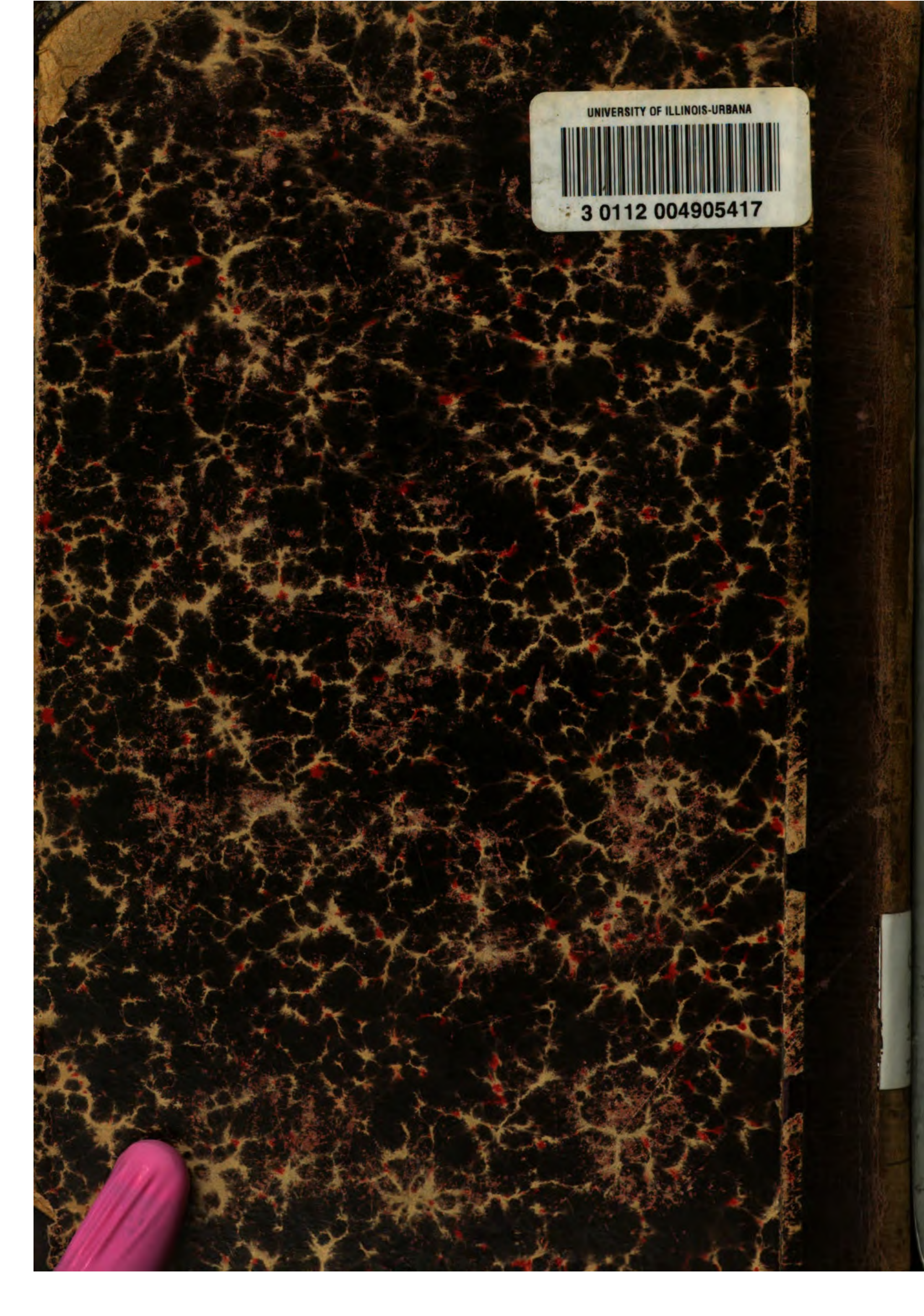
2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

(*Прод. см. на слѣд. стран.*)

(*Продолж. см. на слѣд. стр.*).

(*Продолж. см. на слѣд. стр.*).


UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 004905417